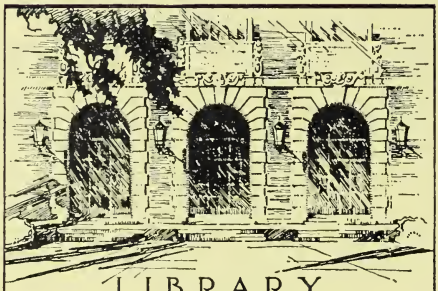
164



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

330
M611pR
v.1

ОСНОВАНІЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

съ

НѢКОТОРЫМИ ИЗЪ ИХЪ ПРИМѢНЕНІЙ КЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФІИ.

Джона Стюарта Милля.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Изданіе А. Н. Пыпина.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
и
БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ
Е. РАСПОПОВА
ВЪ ОДЕССѢ

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1865.

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ, 8 февраля 1865 года.

г. Одесса. 1883 г.

330
M611pR
v. 1

ОСНОВАНІЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Digitized by the Internet Archive
in 2017 with funding from
University of Illinois Urbana-Champaign Alternates

https://archive.org/details/osnovaniiapoliti01macl

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ настоящемъ изданіи «Основанія Политической Экономіи» Милля въ первый разъ являются вполнѣ на русскомъ языкѣ. Переводъ этого сочиненія начатъ былъ въ «Современникѣ» въ 1861 году, но только первая книга, т. е. одна изъ пяти, передана была вполнѣ; остальныя изложены были въ короткомъ извлеченіи. Изданіе книги Милля на русскомъ языкѣ, въ ея полномъ составѣ, уже тогда окончательно приготовленное, переводчикъ предоставлялъ себѣ сдѣлать впослѣдствіи. Въ настоящее время мы исполняемъ его желаніе, печатая его полный переводъ сочиненія Милля.

Цѣль перевода Милля была—дать русскому читателю книгу, «признанную за лучшее, самое вѣрное и глубокомысленное изложеніе теоріи, основанной Адамомъ Смитомъ», и, для расширенія здравыхъ понятій въ томъ слоѣ общества, который занимаютъ у насъ серьезно вопросы политической экономіи, — дать читателю доказательство, что большая часть ходячихъ экономическихъ предразсудковъ «вовсе не принадлежитъ къ строгой наукѣ, а должна считаться только искаженіемъ ея, сочиненнымъ нынѣшними французскими такъ называемыми экономистами по внушенію трусости». Милль въ особенности заслуживаетъ здѣсь внимательнаго изученія: онъ «пишетъ, какъ мыслитель, ищущій только истины, и читатель увидитъ, до какой степени различенъ духъ науки, имъ излагаемый, отъ направленія тѣхъ издѣлій, которыя выдаются у насъ за науку».

Въ справедливости этихъ словъ убѣдится всякій, кто изучитъ предлагаемое сочиненіе Милля; а его необходимо долженъ изучить каждый, кто хочетъ пріобрѣсти серьезныя политико-экономическія убѣжденія.

Переводчикъ, въ прежнемъ изданіи 1-й книги сочиненія Милля и въ краткомъ изложеніи остальныхъ книгъ, прибавилъ къ тексту Милля дополненія, выражавшія его собственные дальнѣйшіе выводы изъ тѣхъ основаній, какія пріобрѣтены наукой въ настоящее время *). Эти дополненія не вошли въ настоящее изданіе (кромѣ немногихъ примѣчаній въ 1-й книгѣ, нужныхъ для объясненія текста русскому читателю), и быть можетъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, будутъ собраны и изданы въ видѣ дополнительнаго тома.

Въ настоящемъ изданіи переводъ сличенъ и дополненъ по послѣднему, *пятому* изданію книги Милля, вышедшему въ 1864 г. въ Нью Іоркѣ, и представляющему нѣсколько новыхъ любопытныхъ фактовъ и объясненій напр. по вопросу о земледѣльческой промышленности, объ ассоціаціяхъ и по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ.

---

*) Нѣсколько экземпляровъ этого прежняго изданія 1-й книги съ дополненіями переводчика еще остается въ продажѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

страницы.

Предисловіе автора 1
Предварительныя замѣчанія 5

Книга I.

ПРОИЗВОДСТВО.

Глава I. Элементы производства.

1. Изъ какихъ элементовъ состоитъ производство 33
2. Значеніе труда въ производствѣ. 35
3. Во всѣхъ ли отрасляхъ промышленности природа въ одинаковой степени помогаетъ труду, или въ однихъ больше, чѣмъ въ другихъ? 37
4. Количество однихъ силъ природы ограниченно, а другихъ практически неограниченно 38

Глава II. Трудъ, какъ дѣятель производства.

1. Трудъ бываетъ обращенъ или прямо на производство производимой вещи, или на приготовительные процессы. . . 40
2. Трудъ употребляемый на производство пищи, нужной для содержанія работниковъ. 42
3. Трудъ употребляемый на производство матеріаловъ . . . 44
4. Трудъ употребляемый на выдѣлку инструментовъ, нужныхъ для производства 46

стр.
5. Трудъ употребляемый на охраненіе производства 48
6. Трудъ употребляемый на перевозку и на доставленіе продукта потребителямъ 49
7. Трудъ употребляемый на воспитаніе и ученіе работниковъ. 52
8. Умственный и физическій трудъ открывателей и изобрѣтателей 53
9. Трудъ земледѣльческій и мануфактурный 55

Глава III. Непроизводительный трудъ.

1. Трудъ производитъ не предметы, а только полезности . . 56
2. Эти полезности бываютъ трехъ родовъ 59
3. Производительнымъ трудомъ называется такой трудъ, который производитъ полезности, воплощенныя въ матеріальныхъ предметахъ и могущія сохраняться 61
4. Всякій другой трудъ, какъ бы онъ ни былъ полезенъ, считается не производительнымъ 62
5. Производительное и непроизводительное потребленіе. . . 65
6. Трудъ для производительнаго потребленія и трудъ для непроизводительнаго потребленія. . . , ... 67

Глава IV. Капиталъ.

1. Капиталъ есть богатство, обращаемое на веденіе и поддержаніе производства 68
2. На производство обращается больше капитала, чѣмъ сколько нужно на самомъ дѣлѣ 72
3. Нѣсколько примѣровъ для разъясненія понятія о капиталѣ. 78

Глава V. Основныя теоремы относительно капитала.

1. Размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала. 82
2. Но промышленность не достигаетъ и этой границы . . . 85
3. Увеличеніе капитала даетъ увеличеніе занятій для труда, не имѣющее границъ 86
4. Капиталъ есть результатъ сбереженія 90
5. Всякій капиталъ потребляется. 92
6. Капиталъ постоянно поддерживается не тѣмъ, что онъ хранится безъ употребленія, а тѣмъ, что постоянно воспроизводится. 97
7. Почему страны быстро поправляются послѣ опустошеній . 99
8. Дѣйствія государственныхъ займовъ, идущихъ на правительственные непроизводительные расходы 101
9. Запросъ на товары не есть запросъ на трудъ 110
10. Предразсудокъ относительно налога на доходы. 121

Глава VI. Оборотный и основный капиталъ.

1. Различіе между оборотнымъ и основнымъ капиталомъ . . 123

стр.

2. Увеличеніе основнаго капитала на счетъ оборотнаго бываетъ вредно для работниковъ 127
3. Но это бываетъ рѣдко, если только бываетъ когда нибудь. 132

Глава VII. Условія производительности элементовъ производства.

1. Земля, трудъ и капиталъ имѣютъ различную производительность въ разное время и въ разныхъ странахъ . . . 136
2. Причины высшей производительности: естественныя преимущества, ... 137
3. » большая энергія труда. 139
4. » высшее искусство и знаніе 144
5. » высшее умственное и нравственное развитіе и честность во всемъ обществѣ 145
6. » большая безопасность 152

Глава VIII. Сотрудничество или сочетаніе труда.

1. Сочетаніе труда есть главная причина высшей производительности 154
2. Вліяніе раздѣленія занятій на производство. 157
3. Сочетаніе труда земледѣльческаго населенія съ трудомъ населенія городскаго 159
4. Высшія степени раздѣленія труда 161
5. Разъясненіе выгодъ, проистекающихъ отъ большаго раздѣленія занятій 163
6. Ограниченія раздѣленія труда 170

Глава IX. Производство въ большомъ и производство въ маломъ размѣрѣ.

1. Выгоды большихъ размѣровъ производства въ мануфактурной промышленности. 172
2. Выгоды и невыгоды акціонерныхъ компаній 177
3. Условія необходимыя для веденія производства въ большихъ размѣрахъ 182
4. Сравненіе большихъ и малыхъ земледѣльческихъ фермъ. . 185

Глава X. Законъ возрастанія труда.

1. Законъ возрастанія производства зависитъ отъ законовъ возрастанія трехъ элементовъ: труда, капитала и производительности земли 198
2. Законъ возрастанія населенія. 199
3. Какими задержками практически ограничивается возрастаніе населенія 202

стр.

Глава XI. Законъ возрастанія капитала.

1. Средства и побужденія къ сбереженію 206
2. Причины, производящія различіе въ дѣятельной силѣ стремленія къ сбереженію 208
3. Примѣры недостатка силы въ этомъ стремленіи 211
4. Примѣры излишка этой силы 217

Глава XII. Законъ возрастанія продукта отъ земли.

1. Ограниченность пространства земли и ограниченность ея производительности полагаютъ крайній предѣлъ возрастанію производства 220
2. Законъ производительности земли; увеличеніе труда и капитала, прилагаемыхъ къ землѣ, сопровождается не пропорціональнымъ, а меньшимъ увеличеніемъ продуктовъ получаемыхъ съ этой земли 221
3. Принципъ противодѣйствующій указанному закону уменьшенія выручки отъ земли; прогрессъ улучшеній въ производствѣ 225

Глава XIII. Послѣдствіе предъидущихъ законовъ.

1. Средства помогающія въ тѣхъ случаяхъ, когда расширеніе производства останавливается отъ недостаточнаго стремленія къ накопленію 233
2. Необходимость сдерживать возрастаніе населенія существуетъ всегда, а не есть слѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія собственности 234
3. Эта необходимость не устраняется ни свободнымъ привозомъ пищи изъ за границы, ... 238
4. » » » » » ни колонизаціей 241

Книга II.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

Глава I. Собственность.

1. Предварительныя замѣчанія 245
2. Положеніе вопроса о собственности 247
3. Критика коммунизма 250
4. Критика сенъ-симонизма и фурьеризма 258

Глава II. Продолженіе.

1. Принципъ собственности заключаетъ въ себѣ право пріобрѣтенія по договору, ... 264

стр.

2. » право пріобрѣтенія собственности по давности владѣнія 266
3. » право завѣщанія; но право наслѣдства не заключается въ принципѣ собственности. Разсмотрѣніе вопроса о наслѣдствѣ 267
4. Можетъ ли быть ограничиваемо право завѣщанія и какъ? . 272
5. Основанія правъ собственности на землю отличны отъ правъ собственности на движимое имущество 276
6. Эти основанія дѣйствительны только при извѣстныхъ условіяхъ, которыя не всегда соблюдаются; ограниченія права собственности на землю 278
7. Право собственности на злоупотребленія 283

Глава III. Классы, между которыми распредѣляется продуктъ.

1. Продуктъ иногда раздѣляется между тремя классами. . . 285
2. Иногда онъ достается безраздѣльно одному классу . . . 285
3. Иногда же раздѣляется между двумя классами 287

Глава IV. Соперничество и обычай.

1. Соперничество не есть единственный регуляторъ раздѣленія продукта 289
2. Вліяніе обычая на ренту и на наемъ земли 290
3. Вліяніе обычая на цѣны 293

Глава V. Рабство.

1. Рабство и его вліяніе на рабовъ 296
2. Вліяніе его на производство 297
3. Дѣйствіе эманципаціи на интересы рабовладѣльцевъ . . 300

Глава VI. Поселяне-собственники.

1. Разница между англійскими и континентальными мнѣніями о поселянахъ собственникахъ. 301
2. Процвѣтаніе земледѣлія и благосостояніе у поселянъ собственниковъ въ Швейцаріи, ... 304
3. » въ Норвегіи. 309
4. » въ Германіи. 313
5. » въ Бельгіи 318
6. » на островахъ Британскаго канала 323
7. » во Франціи 325

Глава VII. Продолженіе.

1. Вліяніе принадлежности земли поселянамъ на энергію промышленности, ... 330
2. » на народное воспитаніе 332
3. » на развитіе предусмотрительности и самообладанія 334

стр.
4. Значеніе ея въ дѣлѣ размноженія населенія. 335
5. » и въ дѣлѣ раздробленія полевыхъ участковъ . . 345

Глава VIII. Половники.

1. Сущность и различные виды системы половничества. . . 350
2. Выгоды и невыгоды ея 353
3. Разъясненіе дѣйствій ея въ различныхъ странахъ . . . 356
4. Желательно ли ея уничтоженіе? 366

Глава IX. Коттеры.

1. Сущность и операціи коттерства 368
2. Въ странахъ съ чрезмѣрно-размножающимся населеніемъ необходимымъ послѣдствіемъ коттерства бываютъ только номинальныя ренты съ земли, ... 372
3. » » » » которыя не допускаютъ развиться ни трудолюбію и бережливости, ни задержкѣ размноженію населенія . . 374
4. Способъ пользованія землею райотами въ Индіи 376

Глава X. Средства къ уничтоженію коттерства.

1. Ирландскихъ коттеровъ слѣдовало бы обратить въ земледѣльцевъ собственниковъ 380
2. Непримѣнимость этой мѣры при настоящихъ обстоятельствахъ. 388

Глава XI. Рабочая плата.

1. Рабочая плата зависитъ отъ отношенія между запросомъ и предложеніемъ труда, или другими словами, между населеніемъ и капиталомъ 389
2. Критика нѣкоторыхъ популярныхъ мнѣній о рабочей платѣ. 390
3. За исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, высокая рабочая плата бываетъ только тамъ, гдѣ есть задержки размноженію населенія 397
4. Въ нѣкоторыхъ странахъ эти задержки установлены положительнымъ закономъ 401
5. Въ другихъ же такой задержкой бываютъ обычаи 403
6. Должная задержка размноженію населенія есть единственное средство для благосостоянія рабочихъ классовъ . . . 405

Глава XII. Популярныя средства противъ пониженія рабочей платы.

1. Опредѣленный закономъ или обычаемъ minimum рабочей платы съ гарантіей работы 409

стр.

2. Необходимымъ условіемъ этой мѣры должны бы были быть опредѣленныя закономъ задержки размноженію 411
3. Благотворительная прибавка къ рабочей платѣ 415
4. Участковая система 417

Глава XIII. Продолженіе.

1. Вредное направленіе общественнаго мнѣнія относительно принципа населенія 422
2. Есть основанія надѣяться, что рабочіе классы исправятъ свои понятія о размноженіи и поймутъ зависимость рабочей платы отъ количества населенія 425
3. Есть два средства для улучшенія привычекъ рабочаго населенія: воспитаніе 430
4. и обширныя мѣры для непосредственнаго возвышенія благосостоянія рабочихъ, состоящія въ колонизаціи заграничной и внутренней 431

Глава XIV. Различіе рабочей платы въ разныхъ занятіяхъ.

1. Различія въ рабочей платѣ происходящія отъ различныхъ степеней пріятности или привлекательности труда въ разныхъ занятіяхъ. 433
2. Различія въ рабочей платѣ происходящія отъ такъ называемыхъ естественныхъ монополій 439
3. Вліяніе на рабочую плату класса людей получившихъ даровое воспитаніе 443
4. Вліяніе на рабочую плату соперничества лицъ, имѣющихъ независимое состояніе 446
5. Причины, почему рабочая плата женщинамъ бываетъ обыкновенно ниже платы мужчинамъ 450
6. Различія въ рабочей платѣ происходящія отъ ограничивающихъ законовъ и союзовъ между работниками. 451
7. Отрасли труда, въ которыхъ плата опредѣляется обычаемъ. 453

Глава XV. Прибыль.

1. Прибыль раздѣляется на три части: проценты, страховая премія и плата за управленіе. 454
2. Minimum прибыли и возможныя въ немъ колебанія. . . . 456
3. Разница прибыли на капиталъ происходящая отъ различнаго свойства предпріятій, на которыя онъ обращается . . 457
4. Величина прибыли стремится къ равенству во всѣхъ занятіяхъ 460
5. Прибыль не зависитъ отъ цѣнъ, не есть результатъ покупки или продажи. 466
6. Затраты капиталиста состоятъ единственно въ рабочей платѣ за трудъ 468
7. Величина прибыли зависитъ отъ стоимости труда. . . . 469

стр.

Глава XVI. Рента.

1. Рента есть слѣдствіе естественной монополіи 472
2. Даетъ ренту только такая земля, которая по плодородію или положенію принадлежитъ къ высшимъ сортамъ, существующимъ въ количествѣ, меньшемъ запроса на нихъ . 473
3. Рента съ какой нибудь земли есть тотъ излишекъ, которымъ доходъ съ нея превышаетъ доходъ, получаемый съ самой худшей обработываемой земли, ... 475
4. » » » » или получаемый съ капитала, употребленнаго въ самыхъ худшихъ обстоятельствахъ . . . 477
5. Плата за капиталъ употребленный на землю есть ли рента, или прибыль? 480
6. Рента не входитъ въ стоимость производства земледѣльческаго продукта 486

Книга III.

ОБМѢНЪ.

Глава I. Цѣнность.

1. Предварительныя замѣчанія 491
2. Опредѣленіе внутренней цѣнности, мѣновой цѣнности и цѣны 493
3. Что разумѣется подъ общею покупательною силой? . . . 494
4. Цѣнность есть понятіе относительное. Общее повышеніе или паденіе цѣнности есть логическая несообразность 495
5. Законы цѣнности сильно видоизмѣняются въ приложеніи ихъ къ розничной торговлѣ 497

Глава II. Отношеніе запроса и предложенія къ цѣнности.

1. Чтобы вещь имѣла цѣнность, необходимы два условія: полезность вещи и трудность ея полученія 498
2. Трудность полученія вещи бываетъ трехъ родовъ 501
3. Вещи, количество которыхъ безусловно ограничено . . . 502
4. Законъ цѣнности этихъ вещей, равенство запроса съ предложеніемъ. 503
5. Различные случаи, подходящіе подъ этотъ законъ. . . . 505

Глава III. Стоимость производства и ея отношеніе къ цѣнности.

1. Товары, количество которыхъ можетъ увеличиваться безгранично безъ возрастанія ихъ стоимости. Законъ цѣнности такихъ товаровъ есть стоимость ихъ производства . . . 508

стр.

2. Ихъ цѣнность опредѣляется не дѣйствительнымъ, но только возможнымъ измѣненіемъ размѣра снабженія. 510

Глава IV. Окончательный анализъ стоимости производства.

1. Главный элементъ въ стоимости производства есть количество труда употребленное на производство 514
2. Стоимость производства не можетъ опредѣлиться величиною рабочей платы, ... 516
3. » » » исключая тѣ случаи, когда въ однихъ занятіяхъ рабочая плата бываетъ выше или ниже, чѣмъ въ другихъ 517
4. Стоимость производства опредѣляется величиною прибыли только въ тѣхъ случаямъ, когда разныя занятія даютъ различную прибыль, ... 519
5. » » или когда прибыль въ разныхъ занятіяхъ требуется за неодинаковые сроки времени. 520
6. Случайные элементы въ стоимости производства: налоги и цѣнность недостачи матеріаловъ 524

Глава V. Отношеніе ренты къ цѣнности.

1. Товары, количество которыхъ можетъ увеличиваться безгранично, но съ возрастаніемъ ихъ стоимости. Законъ ихъ цѣнности есть стоимость ихъ производства при самыхъ худшихъ обстоятельствахъ. 527
2. Такіе товары, если они производятся въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, даютъ ренту равную разницѣ стоимости ихъ производства 529
3. Рента съ рудниковъ, рыбныхъ ловель и земель, находящихся подъ строеніями. 532
4. Разные случаи, когда получается излишекъ прибыли, подобный рентѣ 535

Глава VI. Краткій обзоръ теоріи цѣнности.

1. Найденные принципы цѣнности, перечисленные въ видѣ ряда краткихъ предложеній 537
2. Какъ измѣняется теорія цѣнности въ тѣхъ случаяхъ, когда работники занимаются производствомъ для собственнаго содержанія, ... 539
3. » или когда производство ведется невольническимъ трудомъ. 541

Приложеніе.

Извлеченіе изъ трехъ статей Morning Chronicle (1847), служившихъ возраженіемъ Мунье и Рюбишону, а также и Quarterly Review, по вопросу о раздробленности поземельной собственности во Франціи 543

ОШИБКА.

На стр. 171, 8 строка сверху, напечатано: „потому вялость, искусство и“..... Но должно читать такъ: „потому вялость, недостатокъ искусства и“.....

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Изданіе общаго трактата о предметѣ, по которому уже существуетъ столько хорошихъ сочиненій, вѣроятно, требуетъ нѣкоторыхъ объясненій.

Быть можетъ, довольно было бы сказать, что ни одинъ изъ существующихъ трактатовъ о политической экономіи не заключаетъ въ себѣ новѣйшихъ усовершенствованій, сдѣланныхъ въ теоріи этой науки. Учеными спорами послѣднихъ лѣтъ развито много новыхъ идей, даны новыя примѣненія многимъ другимъ идеямъ, въ особенности по вопросамъ о денежныхъ знакахъ, о внѣшней торговлѣ, о важныхъ предметахъ, болѣе или менѣе связанныхъ съ колонизаціею; не безполезно будетъ произвести новое обозрѣніе поля политической экономіи во всемъ его объемѣ уже и для того одного, чтобы собрать въ одну книгу результаты этихъ изысканій и привести ихъ въ согласіе съ тѣми принципами, которые разъяснены лучшими мыслителями нашей науки.

Но пополненіе пробѣловъ, находящихся въ прежнихъ общихъ трактатахъ о политической экономіи, было не единственною и не главною цѣлью автора. Книга эта различается своимъ планомъ отъ всѣхъ подобныхъ трактатовъ, являвшихся въ Англіи послѣ творенія Адама Смита.

Отъ другихъ книгъ, въ которыхъ общіе принципы науки изложены также хорошо или даже лучше, нежели въ твореніи Адама Смита, оно отличается тѣмъ, что вмѣстѣ съ каждымъ принципомъ объясняетъ и его примѣненія,—это самая характеристическая черта въ трактатѣ Смита. Такимъ планомъ конечно обнимается кругъ идей и предметовъ гораздо обширнѣйшій того, который заклю-

чается въ политической экономіи, какъ одной изъ отраслей отвлеченнаго мышленія. Въ практическихъ своихъ примѣненіяхъ, политическая экономія неразрывно переплетается съ разными другими отраслями общественной науки. Едва ли найдется такой практическій вопросъ, хотя бы самый близкій къ характеру чисто экономическаго вопроса, который могъ бы быть рѣшаемъ по однимъ экономическимъ принципамъ, — такое рѣшеніе допускаютъ развѣ только вещи не важныя. Адамъ Смитъ никогда не забываетъ этой истины; излагая примѣненія политической экономіи, онъ постоянно опирается и на другихъ соображеніяхъ, кромѣ тѣхъ, какіе даются одною политическою экономіею; и эти соображенія, даваемыя другими отраслями науки, часто бываютъ гораздо важнѣе экономическихъ. Этимъ онъ даетъ читателю основательный методъ пользоваться принципами политической экономіи въ практическихъ дѣлахъ и вотъ причина, по которой изъ всѣхъ трактатовъ о политической экономіи одинъ «Опытъ о богатствѣ народовъ» пріобрѣлъ популярность въ публикѣ и сильно отпечатлѣлся въ мысляхъ практическихъ людей и законодателей.

Автору кажется, что политической экономіи нужна нынѣ книга, по своему предмету и по общему плану подобная книгѣ Адама Смита, но соотвѣтствующая большему развитію знанія и болѣе вѣрнымъ идеямъ нашего вѣка. «Опытъ о богатствѣ народовъ» во многихъ своихъ частяхъ устарѣлъ, а во всѣхъ частяхъ неудовлетворителенъ. Политическая экономія, какъ отдѣльная наука, была при Адамѣ Смитѣ во младенчествѣ и съ тѣхъ поръ возмужала; а общественная философія, отъ которой этотъ великій мыслитель никогда не отдѣлялъ свой частный предметъ въ практическомъ отношеніи, сдѣлала много шаговъ впередъ съ того положенія, въ какомъ онъ оставилъ ее, хотя и до сихъ поръ она остается въ очень молодой порѣ своего развитія. Несмотря на эти перемѣны, до сихъ поръ еще не было сдѣлано попытокъ соединить практическій методъ Адама Смита съ развитіемъ знанія, полученнымъ теоріею политической экономіи, представить экономическіе феномены общества по ихъ отношенію къ лучшимъ общественнымъ идеямъ нынѣшняго времени, какъ онъ съ удивительнымъ успѣхомъ излагалъ эти феномены въ духѣ философіи своего вѣка.

Такова мысль, которою руководился авторъ этой книги. Осуществить ее, хотя отчасти, было бы дѣломъ столь полезнымъ, что онъ охотно подвергается всѣмъ шансамъ неуспѣха. Надобно, впрочемъ, прибавить, что хотя авторъ желалъ написать книгу прак-

тическую и, на сколько допускается сущностью предмета, популярную, но онъ не старался покупать этихъ преимуществъ принесеніемъ въ жертву имъ строгой научности мыслей. Онъ желаетъ, чтобы трактатъ его заключалъ въ себѣ нѣчто лучшее, нежели простое изложеніе абстрактныхъ теоремъ политической экономіи; но онъ хочетъ также, чтобы въ его книгѣ находилось и это изложеніе.

Это (пятое) изданіе пересмотрѣно авторомъ отъ начала до конца сочиненія: и факты, относительно нѣкоторыхъ предметовъ, доведены до болѣе новаго времени, чѣмъ въ прежнихъ изданіяхъ; авторъ прибавилъ въ немъ и нѣкоторыя объясненія тамъ, гдѣ они казались ему необходимы, но вообще довольно короткія.

ОСНОВАНІЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Предварительныя замѣчанія.

Во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни, наука является гораздо позднѣе практики, систематическое изслѣдованіе способовъ, по которымъ дѣйствуютъ силы природы, бываетъ позднимъ продуктомъ долгаго ряда усилій обращать эти силы на служеніе практическимъ цѣлямъ. Политическая экономія, какъ отрасль науки, возникла очень недавно. Но предметъ ея изслѣдованій необходимо былъ во всѣ вѣка однимъ изъ главныхъ практическихъ интересовъ человѣчества, иногда чрезмѣрно заслонявшимъ собою всѣ другіе интересы.

Этотъ предметъ — богатство. Экономисты поставляютъ цѣлью своей науки изслѣдованія о сущности богатства, законахъ его производства и распредѣленія. Прямо или косвенно, въ этотъ кругъ входитъ изложеніе всѣхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ хорошее или дурное состояніе человѣчества вообще или извѣстнаго человѣческаго общества по отношенію къ предмету всеобщаго желанія людей, богатству. Трактатъ о политической экономіи не можетъ ни разобрать подробно, ни даже перечислить всѣхъ этихъ причинъ; но онъ долженъ изложить наши свѣдѣнія о законахъ и принципахъ, по которымъ онѣ дѣйствуютъ.

Что такое богатство, объ этомъ каждый имѣетъ понятіе достаточно правильное для обыкновенной рѣчи, и никто не смѣшаетъ изслѣдованій о богатствѣ съ изслѣдованіями о какомъ нибудь другомъ изъ великихъ человѣческихъ интересовъ. Всѣ знаютъ, что быть богатымъ — дѣло одного рода, быть просвѣщеннымъ, мужествен-

нымъ или гуманнымъ—дѣла иного рода; что вопросы о томъ, отчего нація становится богата, совершенно различны отъ изысканій о томъ, отчего она становится свободна, или нравственно хороша, или славна литературою, изящными искусствами, оружіемъ, политическими учрежденіями. Правда, всѣ эти вещи косвенно связаны между собою взаимнымъ вліяніемъ. Народъ становится иногда свободенъ оттого, что сталъ богатъ, иногда богатъ оттого, что сталъ свободенъ. Вѣра и законы народа имѣютъ могущественное вліяніе на его экономическое состояніе; оно въ свою очередь чрезъ вліяніе на умственное развитіе и общественныя отношенія народа, дѣйствуетъ на его вѣру и законы. Но при всей связи между собою, эти предметы совершенно различны, и никто въ томъ никогда не сомнѣвался.

Здѣсь не нужно хлопотать о тонкой метафизической строгости опредѣленій, когда понятія, возбуждаемыя терминами, имѣютъ и безъ того точность, удовлетворительную для дѣла. Но какъ ни трудно было бы ожидать вредной смутности понятій по предмету столь простому, какъ вопросъ о томъ, что̀ должно считаться богатствомъ, исторія говоритъ, что эта смутность понятій существовала; мыслители и государственные люди одинаково страдали ею, и было время, когда они всѣ страдали ею; и въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній она давала совершенно ложное направленіе европейской государственной жизни. Я говорю о теоріи, которую со времени Адама Смита стали называть меркантильною системою.

Во время господства этой системы, надъ всей государственной жизнью явно или тайно владычествовало предположеніе, что богатство составляютъ единственно деньги, или драгоцѣнные металлы, которые можно прямо превратить въ деньги. По тогдашнимъ понятіямъ, все, что ведетъ къ накопленію въ странѣ денегъ или вообще золота и серебра, обогащаетъ ее, а отъ всякаго вывоза драгоцѣнныхъ металловъ страна бѣднѣетъ. Если въ ней нѣтъ золотыхъ или серебряныхъ рудниковъ, она можетъ обогащаться только одною отраслью промышленности, внѣшнею торговлею, которая одна можетъ вносить въ нее деньги. Если предполагалось, что извѣстная отрасль промышленности уноситъ изъ страны больше денегъ, нежели вноситъ въ нее, она считалась убыточною, какъ бы велико и цѣнно ни было ея производство. Вывозъ товаровъ покровительствовался и поощрялся (даже средствами, очень обременительными для истинныхъ источниковъ богатства страны), потому что уплата за вывозимые товары считается на деньги, и тог-

да воображали, что она дѣйствительно будетъ произведена золотомъ и серебромъ. Думали, что при ввозѣ чего бы то ни было, кромѣ драгоцѣнныхъ металловъ, нація теряетъ всю цѣну ввезенныхъ вещей; исключеніе составляли только вещи ввозимыя для того, чтобы быть вывезенными обратно съ прибылью, и матеріалы или инструменты для промышленности, производящейся въ самой странѣ, потому что они даютъ возможность увеличивать вывозъ, дешевле производя вывозные товары. Всемірная торговля считалась борьбою націй изъ-за того, которой между ними удастся забрать къ себѣ наибольшее количество золота и серебра; думали, что въ этомъ состязаніи нація выигрываетъ только нанося убытокъ другимъ или отнимая у нихъ выгоду.

Всеобщее убѣжденіе одного вѣка, — убѣжденіе, отъ котораго никто не *былъ* тогда и безъ чрезвычайныхъ усилій генія и мужества не *могъ* стать свободенъ,—часто становится для послѣдующаго вѣка такою осязательною нелѣпостью, что трудно дѣлается вообразить, какъ могли когда нибудь вѣрить подобной вещи. Такъ случилось съ ученіемъ, что деньги и богатство—синонимы. Теперь кажется, что нельзя смотрѣть какъ на серьёзное мнѣніе, на такую вздорную несообразность. Она кажется похожею на нескладныя фантазіи дѣтства, мгновеннно разрушаемыя однимъ словомъ взрослаго человѣка. Но пусть никто не говоритъ, что избѣжалъ бы этого заблужденія, если бы жилъ во времена его владычества. Всѣ мысли, возбуждаемыя обыкновенными житейскими дѣлами каждаго, были въ пользу такого мнѣнія, и пока эти мысли служили единственными основаніями соображеній, казалось аксіомою то, что является теперь грубѣйшею нелѣпостью. Правда, какъ только подвергли критикѣ эту иллюзію, она исчезла; но никому не могло прійти въ голову подвергнуть ее критикѣ, пока умъ его не свыкся съ особенными пріемами изслѣдованія экономическихъ феноменовъ, вошедшими въ обыкновенный образъ мыслей только благодаря вліянію Адама Смита и его комментаторовъ.

Въ обыкновенной рѣчи, богатство всегда оцѣнивается на деньги. Если вы спросите, какъ богатъ такой-то, вамъ отвѣчаютъ, что у него столько-то тысячъ фунтовъ. Всѣ доходы и расходы, барыши и убытки, всѣ перемѣны въ богатствѣ человѣка считаются за полученіе или трату извѣстнаго количества денегъ. Правда, что въ счетъ имущества человѣка вносятъ не только деньги, которыя онъ имѣетъ на лицо или долженъ получить, но и всѣ другія вещи, имѣющія цѣнность; но эти вещи считаются не сами по себѣ, а по

суммамъ денегъ, за какія можно продать ихъ, и если бы онѣ стали продаваться дешевле, ихъ владѣлецъ считался бы менѣе богатъ, хотя сами по себѣ эти вещи остались бы прежнія. Правда также, люди богатѣютъ не тѣмъ, что держатъ деньги безъ употребленія, а надобно расходовать ихъ для полученія прибыли. Человѣкъ, обогащающійся торговлею, богатѣетъ тѣмъ, что отдавая товары за деньги, отдаетъ и деньги за товары; вторая часть въ этомъ оборотѣ также необходима, какъ и первая. Но покупая товары для барыша, онъ покупаетъ ихъ для того, чтобы опять продать за деньги, покупаетъ въ ожиданіи получить за нихъ больше денегъ, нежели заплатилъ. Потому полученіе денегъ даже ему самому кажется окончательною цѣлью всѣхъ оборотовъ. Часто онъ получаетъ уплату не деньгами, а тѣмъ, что беретъ другіе товары на цѣнность, равную цѣнности проданныхъ имъ. Но онъ принимаетъ ихъ въ уплату по денежной оцѣнкѣ и только въ предположеніи выручить за нихъ больше денегъ, чѣмъ за сколько передаются они ему. У торговца, имѣющаго обширные и быстрые обороты, въ наличныхъ деньгахъ всегда находится только небольшая часть капитала. Но онъ цѣнитъ свой капиталъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой можетъ обратить его въ деньги; онъ считаетъ каждый оборотъ законченнымъ лишь тогда, когда чистый результатъ оборота уплаченъ ему въ деньгахъ, или высчитанъ въ долгу на комъ нибудь также въ деньгахъ. Когда онъ выходитъ изъ дѣлъ, онъ обращаетъ весь капиталъ въ деньги,и только тогда считаетъ себѣ реализировавшимъ пріобрѣтенное торговлею состояніе. При всѣхъ этихъ дѣлахъ деньги считаются будто бы единственнымъ богатствомъ, а а другіе вещи, стоющія денегъ, только средствами къ ихъ полученію. Можно сказать: деньгами дорожатъ только потому, что онѣ служатъ на удовлетвореніе потребностей и на доставленіе удовольствій себѣ или другимъ. Но поборникъ меркантильной системы ни мало не затруднится этимъ возраженіемъ. Правда, скажетъ онъ, таково назначеніе богатства; это назначеніе очень похвальное, если ограничивается отечественными товарами, потому что, покупая ихъ, вы обогащаете другихъ вашихъ соотечественниковъ тою самою суммою, какую расходуете. Тратьте ваше богатство на удовлетвореніе какимъ угодно вашимъ желаніямъ; но богатство не въ желаніяхъ, оно въ той суммѣ денегъ, за которую вы покупаете удовлетвореніе имъ, или въ деньгахъ составляющихъ вашъ доходъ.

Мы видимъ, что есть множество поводовъ, располагающихъ принимать мнѣніе, которое служитъ источникомъ меркантильной

системы. Есть даже дѣйствительное основаніе дѣлать между деньгами и всѣми другими цѣнными вещами то различіе, которому даетъ она такую громадную важность; основаніе это не очень сильно и совершенно недостаточно, но оно есть. Мы цѣнимъ выгоды, доставляемыя человѣку богатствомъ, не по количеству полезныхъ и пріятныхъ вещей, которыми онъ фактически пользуется, а по размѣру его власти надъ всею массою полезныхъ и пріятныхъ вещей,—мы дѣйствительно имѣемъ такой взглядъ и онъ справедливъ; богатство человѣка измѣряется объемомъ находящейся у него силы удовлетворять свякой своей надобности, всякому желанію, а эта сила въ деньгахъ, и всѣ другія вещи въ цивилизованномъ обществѣ даютъ ее повидимому только своею годностью къ промѣну на деньги. Владѣть какою нибудь другою цѣнною вещью значитъ владѣть именно только этою вещью; если вамъ нужна вмѣсто нея иная вещь, вы должны сначала продать вашу вещь, или подвергаться неудобству и промедленію отыскивая человѣка, который владѣлъ бы вещью вамъ нужною и хотѣлъ бы промѣнять ее на вашу вещь; а быть можетъ, такого человѣка и вовсе не найдется. Но съ деньгами, вы можете прямо купить какую угодно изъ всѣхъ продажныхъ вещей, и человѣкъ, состояніе котораго находится въ деньгахъ или въ вещахъ, быстро обращаемыхъ въ деньги, владѣетъ, по своему и по общему мнѣнію, не одною какою нибудь вещью, а всѣми вещами, выборъ между которыми предоставляютъ ему деньги. На удовлетвореніе надобностей владѣльца идетъ лишь незначительная часть его богатства; главная выгода отъ всего остальнаго богатства та, что въ немъ хранится владѣльцу сила исполнять всякія вообще желанія; эта сила дается деньгами гораздо прямѣе и вѣрнѣе, чѣмъ другими родами богатства. Деньги—единственная форма его, годная не для одной какой нибудь надобности, а прямо пригодная на всякую надобность. Эта разница была тѣмъ замѣтнѣе правительствамъ, что имѣетъ большую важность для нихъ. Цивилизованному правительству удобно пользоваться только тѣми налогами, которые собираются въ деньгахъ, и едва ли можно какими нибудь другими вещами, кромѣ денегъ, производить большія и быстрыя уплаты, особенно когда онѣ должны идти за границу, на военные расходы или на субсидіи, для завоеваній или для отвращенія отъ себя порабощенія (а эти двѣ вещи до недавнаго времени были главными заботами національной политики). Таковы причины располагающія и частныхъ людей, и правительства при оцѣнкѣ своихъ средствъ придавать почти ис-

ключительную важность деньгамъ и драгоцѣннымъ металламъ, а всѣ другія вещи, съ точки зрѣнія этого разсчета, цѣнить только какъ отдаленныя средства къ полученію единственной вещи, дающей всеобщую и прямую возможность пріобрѣтать все что угодно, и потому ближе всего соотвѣтствующей понятію богатства.

Но нелѣпость остается нелѣпостью, хотя бы мы и объяснили поводы, давшіе ей видъ истины. Ложность меркантильной теоріи была замѣчена тотчасъ же, какъ люди начали изслѣдовать сущность дѣлъ и выводить понятіе о нихъ изъ основныхъ фактовъ, а не изъ формъ и выраженій обыкновенной рѣчи. Какъ только люди спросили себя, что такое деньги на самомъ дѣлѣ, въ чемъ ихъ существенный характеръ, къ чему именно онѣ служатъ, тотчасъ же открылось, что деньги, подобно другимъ вещамъ, нужны намъ только потому, что имѣютъ у насъ свое назначеніе, что деньги пригодны вовсе не ко всякому назначенію, а напротивъ, имѣютъ свое частное назначеніе, очень опредѣленное и ограниченное: оно въ томъ, чтобы облегчить распредѣленіе продуктовъ промышленности по пропорціи, принятой лицами, между которыми они дѣлятся. Всмотрѣвшись въ дѣло ближе, увидѣли, что польза приносимая деньгами вовсе не увеличивается отъ увеличенія количества денегъ, существующаго и обращающагося въ странѣ: велико или мало это общее количество денегъ, оно одинаково исполняетъ свою службу. Два милліона квартеровъ хлѣба не прокормятъ столько людей, какъ четыре милліона; но при двухъ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ будетъ произведено столько же торговыхъ оборотовъ, куплено и продано столько же товаровъ, какъ при четырехъ милліонахъ, только номинальныя цѣны товаровъ будутъ ниже. Деньги сами по себѣ не удовлетворяютъ никакой потребности человѣка; онъ дорожитъ ими потому, что онѣ удобная форма для полученія всевозможныхъ его доходовъ, и потомъ, когда ему нужно, обращаетъ эти доходы въ тѣ формы, которыя нужны ему. Страна имѣющая монету отличается отъ страны вовсе не имѣющей ея только тѣмъ, что дѣлать обороты въ ней удобнѣе, что выигрывается время и уменьшаются хлопоты, все равно какъ легче молоть хлѣбъ на водяныхъ, чѣмъ на ручныхъ мельницахъ; или, по сравненію сдѣланному Адамомъ Смитомъ, деньги полезны въ томъ же родѣ, какъ пути сообщенія: считать деньги за богатство такая же ошибка, какъ считать шоссе, по которому вамъ удобнѣе всего доѣхать до вашего дома или помѣстья, за самый вашъ домъ или помѣстье.

Удовлетворяя надобности, важной для государства и частныхъ лицъ, деньги справедливо считаются богатствомъ; но богатство также и всѣ другія вещи, служащія для человѣческихъ надобностей и не доставлаемыя природою за-даромъ. Быть богатымъ значитъ имѣть большое количество полезныхъ вещей или имѣть средства купить ихъ. Потому къ богатству принадлежитъ всякая вещь, за которую можно покупать другія вещи, въ обмѣнъ за которую дадутъ что нибудь полезное или пріятное. Вещи, за которыя ничего не дадутъ въ обмѣнъ, при всей своей полезности или необходимости, не составляютъ богатства въ томъ смыслѣ, какой имѣетъ это слово въ политической экономіи. Воздухъ, напримѣръ, абсолютнѣйшимъ образомъ необходимъ для насъ, но не имѣетъ никакой цѣны на рынкѣ, потому что получается даромъ; собирать запасъ его было бы напрасно и невыгодно; законы его производства и распредѣленія составляютъ предметъ не политической экономіи, а совершенно иной науки. Но хотя воздухъ не богатство, богатство людей чрезвычайно увеличивается тѣмъ, что они получаютъ воздухъ даромъ, потому что время и трудъ, которыя иначе потребовались бы на удовлетвореніе настоятельнѣйшей изъ нашихъ надобностей, надобности въ воздухѣ, теперь могутъ быть употребляемы на другія надобности. Можно вообразить обстоятельства, при которыхъ воздухъ сдѣлался бы богатствомъ. Если бы явился обычай жить въ такихъ мѣстахъ, куда воздухъ не проникаетъ натуральнымъ образомъ, напримѣръ въ подводныхъ колоколахъ, опускаемыхъ въ море, доставленіе туда воздуха искуственнымъ путемъ, подобно доставленію воды въ дома, имѣло бы цѣну. И если бы отъ какого нибудь переворота въ природѣ, воздуха стало недостаточно для потребленія, или если бы воздухъ могъ быть монополизированъ, онъ получилъ бы очень высокую рыночную цѣну. Въ такомъ случаѣ, если бы у кого нибудь находился большой запасъ воздуха, онъ за исключеніемъ части, нужной самому владѣльцу, составлялъ бы для него богатство; и на первый взглядъ могло бы казаться, что богатство человѣчества возразло отъ этой перемѣны, которая была бы столь великимъ бѣдствіемъ для людей. Ошибка произошла бы отъ того, что не было принято въ соображеніе одно обстоятельство: какъ богатъ ни сталъ бы владѣлецъ воздуха на счетъ остальнаго общества, всѣ другіе люди стали бы бѣднѣе на всю ту сумму, которую были бы принуждены платить за вещь, получавшуюся ими прежде безплатно.

Это ведетъ насъ къ важному подразличенію двухъ значеній въ словѣ богатство: оно имѣетъ одинъ смыслъ, примѣняясь къ имуществу отдѣльнаго человѣка, другой смыслъ, примѣняясь къ имуществу націи или человѣческаго рода. Богатство человѣчества составляютъ только вещи, сами по себѣ служащія на какую нибудь пользу или пріятность. Для отдѣльнаго человѣка богатствомъ бываетъ всякая вещь, которая даетъ ему возможность требовать отъ другихъ какую нибудь часть изъ ихъ запаса полезныхъ или пріятныхъ вещей, хотя бы сама по себѣ была безполезна. Приведемъ въ примѣръ долговую запись въ 1,000 фунтовъ, данныхъ подъ залогъ помѣстья. Запись эта составляетъ богатство для человѣка, которому даетъ она проценты и который можетъ продать ее иногда за полную сумму долга. Но она не богатство для націи, и если бы она уничтожилась, страна не стала бы отъ того ни богаче, ни бѣднѣе. Кредиторъ потерялъ бы 1,000 фунтовъ, владѣлецъ помѣстья выигралъ бы ихъ. Для націи долговая запись не была богатствомъ; она только давала А право на часть богатства В. Она была богатствомъ для А; онъ могъ передать ее третьему лицу, — но онъ собственно передавалъ бы въ ней фактическое право на собственость въ 1,000 фунтовъ изъ помѣстья, номинальнымъ владѣльцемъ котораго былъ одинъ В. Таково же положеніе лицъ, имѣющихъ облигаціи государственнаго долга: они кредиторы на счетъ общаго богатства націи. Уничтоженіе государственнаго долга было бы не уничтоженіемъ богатства, а только передвиженіемъ его, незаконнымъ отнятіемъ богатства у однихъ членовъ общества въ пользу правительства или лицъ, платящихъ налоги. Потому собственность, состоящая въ облигаціяхъ государственнаго долга, не можетъ считаться частью національнаго богатства. Это не всегда помнятъ составители статистическихъ вычисленій. Напримѣръ, при вычисленіяхъ валоваго дохода, основанныхъ на суммѣ, доставляемой налогомъ на доходъ, иногда не вычитаются изъ счета доходы, составляемые процентами съ фондовъ; а между тѣмъ налогу этому подлежитъ весь номинальный доходъ лицъ, платящихъ подати, безъ вычета той части дохода, которая берется съ нихъ разными налогами для образованія дохода владѣльцевъ фондовъ. Такимъ образомъ, въ этомъ вычисленіи часть общаго дохода страны считается два раза, и вся сумма дохода націи выходитъ почти на 30 милліоновъ фунтовъ больше истинной [1]). Но нація можетъ

[1]) Напримѣръ, въ 1843 году количество доходовъ, подлежавшихъ подати,

причислять къ своему богатству всѣ капиталы, которые имѣютъ ея граждане въ фондахъ иностранныхъ государствъ и другіе долги, которые имѣютъ они на иностранцахъ. Впрочемъ, и это богатство только потому составляетъ богатство для націи, что даетъ ей часть богатства принадлежащаго другимъ націямъ [2]). Оно не составляетъ части въ общемъ богатствѣ человѣческаго рода; это элементъ, от-

---

было около 185 милл. ф. стерл. Въ этомъ числѣ были доходы, получаемые владѣльцами государственныхъ фондовъ; проценты по этимъ фондамъ составляли около 30 милл. фунтовъ. Итакъ, вся сумма доходовъ дѣлилась по своимъ источникамъ на двѣ части: А) 30 милл. даваемыхъ процентами фондовъ; В) другіе 155 милл., получаемые отъ земель, фабрикъ, домовъ и т. д. Откуда же брались казною деньги на уплату 30 милл. процентовъ? Изъ податей, то есть съ земли, съ фабрикъ, домовъ и т. д. Стало быть, кромѣ прямаго налога съ части В бралось другими налогами еще 30 милл.; они передавались отъ владѣльцевъ В (земель, фабрикъ и пр.) владѣльцамъ А (фондовъ). Если же владѣльцы В, имѣя 155 милл. дохода, платили эти 30 милл. на выдачу процентовъ по фондамъ, у нихъ оставалось изъ 155 милл. только 125 милл. такихъ доходовъ, которыми дѣйствительно они располагали. Ясно, что цифра 185 милл. чисто номинальная цифра. Собственно всѣхъ доходовъ въ странѣ было не 185 милл., а только 155 милл., изъ которыхъ 30 милл. попадали въ счетъ два раза: во-первыхъ, они считались, находясь еще у людей, извлекавшихъ эти милліоны изъ земли или фабрикъ; во-вторыхъ, тоже считались по переходѣ изъ рукъ этихъ людей къ владѣльцамъ фондовъ.

Помѣстье, дающее 1,000 р. дохода, заложено въ 4,000 р. по 10%, то есть кредиторъ получаетъ отъ должника-владѣльца 400 р. въ годъ. Подъ прямую подать эти 400 р. могутъ попасть два раза: владѣлецъ получаетъ съ помѣстья 1,000 рублей и, по 1 копѣйкѣ съ рубля, заплатитъ 10 р. подати; кредиторъ, получающій съ него 400 р., заплатитъ еще 4 р. Послѣ этого, пожалуй, можно высчитать, что сумма доходовъ обоихъ этихъ людей будетъ 1,400 р., — вѣдь они платятъ, по 1 коп. съ рубля, 14 руб. Но дѣло въ томъ, что съ 400 р. по 1 коп. тутъ заплачено два раза, по-первыхъ должникомъ, во-вторыхъ кредиторомъ. У должника дохода остается, собственно ему принадлежащаго, не 1,000 р., а только 600 р.; 400 р. только проходятъ черезъ его руки, какъ черезъ руки кассира или управителя, для передачи настоящему хозяину, кредитору.

[2]) Напримѣръ, у англійскаго капиталиста, живущаго въ Лондонѣ, есть на 200,000 фунтовъ 5%-ныхъ австрійскихъ облигацій; онъ получаетъ по нимъ 10,000 фунтовъ процентовъ отъ австрійскаго правительства. Эти 10,000 собраны не съ англичанъ, а съ австрійцевъ, потому ихъ полученіе англійскимъ капиталистомъ не уменьшаетъ доходовъ никакого другаго англичанина; итакъ эти 10,000 фунтовъ составляютъ чистую прибавку къ общей суммѣ доходовъ, существующей въ Англіи. Эти 10,000 часть богатства Англіи. Но онѣ взяты изъ доходовъ жителей Австрійской имперіи, потому должны быть вычитаемы изъ богатства Австрійской имперіи.

носящійся къ распредѣленію, но не вводящій никакой новой составной части въ общую массу богатства.

Нѣкоторые писатели предлагали такое опредѣленіе: «понятіе богатство соотвѣтствуетъ понятію совокупность орудій», разумѣя подъ орудіями не одни инструменты и машины, а весь запасъ средствъ къ достиженію цѣлей, принадлежащій отдѣльнымъ лицамъ или обществамъ [3]). Напримѣръ, поле — орудіе, потому что оно средство для полученія пшеницы. Пшеница — орудіе, потому что она средство для полученія муки. Мука — орудіе, потому что она средство для полученія булки. Булка—орудіе, потому что она средство для удовлетворенія голода и поддержанія жизни. Тутъ мы доходимъ наконецъ до вещей, которыя уже не должны называться орудіями, потому что служатъ предметами желанія сами по себѣ, а не какъ простыя средства для чего нибудь инаго или высшаго. Это понятіе логически правильно; или лучше сказать, это выраженіе съ пользою можетъ употребляться на ряду съ другими, не потому, чтобы давало о предметѣ понятіе различное отъ обыкновеннаго, а потому, что даетъ болѣе ясности и реальности обыкновенному понятію.

Итакъ, можно сказать, что богатство составляютъ всѣ полезныя или пріятныя вещи, имѣющія мѣновую цѣнность; другими словами, всѣ полезныя или пріятныя вещи, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть въ какомъ угодно количествѣ получены безъ труда или пожертвованія [4]). Единственное возраженіе противъ этого оп-

---

[3]) По англійски это выраженіе, instruments, въ примѣненіи къ богатству также странно для обыкновенной рѣчи, какъ выраженіе «орудія», которымъ оно переведено у насъ. Вмѣсто этого довольно страннаго выраженія «орудія», instruments, можно было бы употребить слово «средство», means, которое менѣе шокировало бы непривычный слухъ. Богатство есть то, что служитъ средствомъ.

[4]) Слова «въ какомъ угодно количествѣ», in the quantity desired, важны потому, что есть вещи, которыя въ извѣстномъ количествѣ получаются безъ труда, и не имѣли бы мѣновой цѣнности, если бы не требовалось ихъ больше этого количества; но когда требуется ихъ больше того количества, какое дается отъ природы даромъ, добавочное количество должно уже быть производимо трудомъ, и тогда вещь получаетъ мѣновую цѣнность. Напримѣръ, въ степяхъ, гдѣ на одну лошадь кочевого племени приходятся десятки десятинъ и лошади умѣютъ зимою выбивать траву копытомъ изъ-подъ снѣга, довольно корму производится природою даромъ; но когда населеніе становится гуще съ переходомъ къ земледѣлію и на каждую лошадь приходится уже гораздо меньше земли, человѣку становится нуженъ трудъ, чтобы увеличивать количество корма для лошадей или по крайней мѣрѣ собирать запасы его; тогда сѣно получаетъ мѣновую цѣнность.

редѣленія, кажется, то, что оно не заключаетъ въ себѣ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ, о которомъ очень много спорили: должны ли считаться богатствомъ такъ называемые невещественные продукты? Надобно ли, напримѣръ, называть богатствомъ ремесленную ловкость работника и вообще всѣ природныя и пріобрѣтенныя силы тѣла или ума? Но это вопросъ не очень важный, и удобнѣе будетъ отложить до другаго мѣста (книга I, глава III) разборъ его, на сколько онъ заслуживаетъ разбора.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія о богатствѣ, мы должны теперь обратить свое вниманіе на чрезвычайное различіе по богатству между разными націями и между разными эпохами; это различіе простирается и на количество богатства, и на его характеръ, и на его распредѣленіе между членами общества.

Едва ли найдется теперь такой народъ или такое общество, которое существовало бы исключительно тѣми продуктами растительности, которые выростаютъ сами собою. Но еще много есть такихъ племенъ, которыя живутъ исключительно или почти исключительно на счетъ дикихъ животныхъ, продуктами охоты и рыболовства. Ихъ одежда — звѣриныя шкуры; ихъ жилища — грубые шалаши, покидаемые ими въ одну минуту; пища у нихъ такая, которую нельзя заготовлять на долго, у нихъ нѣтъ запасовъ ея, и часто подвергаются они большимъ лишеніямъ. Богатство такого общества состоитъ лишь изъ шкуръ, служащихъ одеждою, нѣсколькихъ украшеній, любимыхъ дикарями, небольшаго количества грубой посуды; оружія для охоты и для дракъ съ соперниками по средствамъ существованія; челноковъ для переѣзда черезъ рѣки и озера, или для рыбной ловли на морѣ; быть можетъ также, изъ нѣсколькихъ мѣховъ или другихъ продуктовъ дикой страны, собранныхъ для промѣна цивилизованнымъ людямъ за разныя бездѣлушки, за водку, за табакъ; быть можетъ, нѣкоторая часть этихъ иностранныхъ продуктовъ остается еще не израсходованною. Къ этому скудному списку матеріальнаго богатства дикаго племени надобно прибавить его землю, орудіе производства, которою оно пользуется мало по сравненію съ болѣе устроившимися обществами, но которая все таки служитъ источникомъ его существованія, и которая имѣетъ продажную цѣну, если есть по сосѣдству земледѣльческое общество, которому нужно пріобрѣтать землю. Это состояніе—самое бѣднѣйшее изъ всѣхъ, въ какихъ существовали или существуютъ извѣстныя намъ цѣлыя общества людей; но должно прибавить, что есть общества гораздо болѣе

богатыя, въ которыхъ часть населенія находится по отношенію къ средствамъ продовольствія и житейскимъ удобствамъ въ положеніи столь же незавидномъ, какъ дикари.

Первый великій шагъ впередъ изъ этого состоянія то, когда дѣлаются домашними полезныя животныя; изъ этого возникаетъ пастушеское или кочевое состояніе, въ которомъ люди живутъ не продуктами охоты, а молокомъ, вещами приготовляемыми изъ молока и годичнымъ приращеніемъ своихъ стадъ. Это положеніе лучше прежняго само по себѣ; мало того, оно ведетъ къ дальнѣйшему прогрессу, и при немъ накопляется гораздо значительнѣйшая масса богатства. Пока обширныя натуральныя пастбища земли еще не вполнѣ заняты, пока продукты ихъ не потребляются быстрѣе, нежели воспроизводятся натуральнымъ образомъ, можно собирать, сохранять и постоянно увеличивать большой запасъ продовольствія, почти безъ всякаго труда, кромѣ того чтобы стеречь стада отъ дикихъ звѣрей и отъ хищниковъ. Такимъ образомъ въ этомъ періодѣ, племя владѣетъ большими стадами; частные люди пріобрѣтаютъ ихъ своею дѣятельностью и бережливостью, а родоначальники колѣнъ дѣятельностью людей, связанныхъ съ ними зависимостью. Итакъ, въ пастушескомъ состояніи возникаетъ неравенство имуществъ, фактъ почти не существующій въ дикомъ состояніи, гдѣ никто не имѣетъ много избыточнаго сверхъ безусловно-необходимаго, и въ случаѣ недостатка долженъ даже необходимымъ дѣлиться съ своимъ племенемъ. Въ кочующемъ состояніи у нѣкоторыхъ такъ много скота, что они могутъ прокормить множество людей, а другіе не успѣли присвоить и удержать за собою лишняго, или и вовсе не имѣютъ скота. Но средства продовольствія перестали быть невѣрными, потому что людямъ, ведущимъ дѣла успѣшно, нечего дѣлать съ своимъ излишкомъ, кромѣ того какъ кормить имъ не столь счастливыхъ, а каждое приращеніе въ числѣ лицъ, связанныхъ съ ними, служитъ для нихъ приращеніемъ и безопасности, и могущества. Такимъ образомъ, они получаютъ возможность сложить съ себя всякій трудъ, кромѣ управленія и надзора, и пріобрѣтать подвластныхъ, сражающихся за нихъ на войнѣ и служащихъ имъ въ мирѣ. Одно изъ качествъ этого состоянія то, что часть общества и въ нѣкоторой степени даже все общество пользуется досугомъ. Только часть времени нужна на пріобрѣтеніе пищи, и остальное время не поглощается тревожными мыслями о завтрашнемъ днѣ или необходимостью отдыха отъ утомленія мускуловъ. Такая жизнь очень благопріятна возраста-

нію новыхъ потребностей и открываетъ возможность къ ихъ удовлетворенію. Возникаетъ желаніе имѣть одежду, посуду, орудія лучше прежнихъ; избытокъ пищи дѣлаетъ возможнымъ посвятить на эти занятія часть племени. Во всѣхъ, или почти во всѣхъ кочующихъ обществахъ мы находимъ домашнюю выдѣлку фабрикатовъ грубаго, а въ нѣкоторыхъ и высокаго сорта. Есть свидѣтельства тому, что когда страны, бывшія колыбелью новой цивилизаціи, находились вообще еще въ номадномъ положеніи, народы ихъ достигли значительной степени искусства въ пряденіи, тканьѣ и крашеніи шерстянаго платья, въ выдѣлкѣ кожъ и даже въ изобрѣтеніи, по всей вѣроятности гораздо труднѣйшемъ, — въ обработываніи металловъ. Даже отвлеченной наукѣ первое начало было дано досугомъ, составляющимъ отличительную черту этого состоянія общественнаго прогресса. Первыя астрономическія наблюденія, по преданію, имѣющему большіе признаки истины, приписываются халдейскимъ пастухамъ.

Переходъ изъ этого состоянія общества къ земледѣльческому состоянію не легокъ (всякая великая перемѣна въ привычкахъ человѣчества трудна и вообще бываетъ или тяжела или очень медленна); но этотъ переходъ дается, такъ сказать, натуральнымъ развитіемъ дѣлъ. Возрастающее число людей и скота стало съ теченіемъ времени превосходить размѣръ, въ какомъ земля способна доставлять продукты своими натуральными пастбищами. Эта причина безъ всякаго сомнѣнія заставила обратиться къ первому воздѣлыванію земли, точно также какъ въ позднѣйшій періодъона заставляла избытокъ населенія въ племенахъ, оставшихся кочевыми, бросаться на племена уже ставшія земледѣльческими и грабить ихъ до той поры, пока они стали достаточно сильны для отраженія вторгающихся ордъ, и такимъ образомъ лишивъ вторгающіяся націи этого выхода, принудили ихъ также обратиться въ земледѣльческія общества.

Но когда былъ совершенъ этотъ великій шагъ, дальнѣйшій прогрессъ человѣчества (за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ совпаденія чрезвычайно благопріятныхъ обстоятельствъ) сталъ идти не такъ быстро, какъ можно было бы предполагать. Количество человѣческой пищи, производимое землею, даже при самой плохой системѣ земледѣлія, чрезвычайно превосходитъ массу пищи, получаемой въ чисто земледѣльческомъ состояніи, такъ что непремѣннымъ результатомъ перехода бываетъ огромное увеличеніе населенія [5]).

---

[5]) Трудно сказать, хотя приблизительнымъ образомъ, какое пространство

Но это прибавочное количество пищи получается очень значительнымъ увеличеніемъ суммы труда; земледѣльческое населеніе имѣетъ гораздо менѣе досуга, нежели пастушеское, и при несовѣршенствѣ инструментовъ, при неискусной обработкѣ (а такая обработка, такіе инструменты остаются въ употребленіи долгое время и на большей части земли до сихъ поръ еще не замѣнены лучшими) земледѣльцы не производятъ сверхъ своего личнаго потребленія такого большаго излишка пищи, чтобы могло поддерживаться большое количество работниковъ, занятыхъ другими отраслями промышленности. Развѣ только при необычайно-выгодныхъ условіяхъ климата и почвы это бываетъ иначе. Но каковъ бы ни былъ этотъ излишекъ, великъ или малъ, онъ обыкновенно берется у производителей или правительствомъ, которому они подвластны, или частными лицами, которыя посредствомъ силы, или пользуясь религіозными вѣрованіями и наслѣдственными чувствами, внушающими земледѣльцу подчиненіе имъ, присвоили себѣ господство надъ землею.

Первый изъ этихъ способовъ присвоенія, присвоеніе правительствомъ, составляетъ характеристическую черту обширныхъ монар-

---

земли на каждаго человѣка нужно для добыванія пищи племенамъ, живущимъ исключительно охотою. Гаспаренъ (Cours d' Agriculture, томъ V, стр. 231), говоритъ: «Дичь обильна на равнинахъ Сѣверной Америки, а между тѣмъ онѣ имѣли не болѣе одного жителя на 99 квадратныхъ километровъ» (около 87 квадр. верстъ, или 9,000 десятинъ). Это явное преувеличеніе, но оно можетъ служить все-таки указаніемъ на чрезвычайную разницу между пространствами, нужными для племени дикарей и для племени перешедшаго въ кочевое состояніе. По Гаспарену (тамъ же, стр. 231 и слѣд.) номадное племя нуждается въ $1^2/_3$ гектара ($1^1/_2$ десятины) земли на душу; при такомъ состояніи Франція могла бы имѣть 19,200,000 жителей. При трехпольномъ хозяйствѣ достаточно 78 десятинъ на продовольствіе 100 человѣкъ населенія. Считая во Франціи только 28 милліоновъ гектаровъ хлѣбныхъ полей, Гаспаренъ находитъ, что исключительно трехпольное хозяйство могло бы кормить во Франціи 32,700,000 жителей. Но при всякомъ улучшеніи въ системѣ воздѣлывая земли, количество пищи, доставляемой извѣстнымъ пространствомъ, колосально возрастаетъ. Даже при нынѣшнемъ развитіи земледѣльческаго искусства есть такіе сѣвообороты, которые даютъ продуктовъ въ 10 и больше разъ противъ трехпольнаго хозяйства. Гаспаренъ вычисляетъ сборъ получаемый отъ слѣдующаго четырехлѣтняго сѣвооборота: 1) картофель, 2) пшеница, 3) клеверъ или вика, 4) пшеница. Онъ находитъ, что 100 гектаровъ нивы при такой системѣ хозяйства даютъ пищу для 931 человѣка (то есть 100 десятинъ для 116 человѣкъ); полагая, что только 28 милліоновъ гектаровъ, то есть только половина земли во Франціи, была бы удобна для такого сѣвооборота, Франція, по вычисленію Гаспарена, могла бы кормить съ такимъ хозяйствомъ 260 милліоновъ человѣкъ.

хій, съ незапамятнаго для исторіи времени занимавшихъ азіатскія равнины. Свойства правительства въ этихъ земляхъ измѣняются по случайнымъ особенностямъ личнаго характера, но оно рѣдко оставляетъ земледѣльцамъ больше того, сколько нужно просто для поддержанія жизни, а часто отнимаетъ у нихъ и это необходимое количество, такъ что, взявъ у нихъ все, что они имѣютъ, оно бываетъ принуждено выдавать имъ взаймы часть взятаго, на посѣвъ и на ихъ прокормленіе до слѣдующей жатвы. При такомъ порядкѣ дѣлъ масса населенія живетъ въ лишеніяхъ; но правительство, собирая съ большаго числа людей, по немногу отъ каждаго, получаетъ при малѣйшей разсчетливости возможность блистать богатствами, совершенно несоразмѣрными съ общимъ положеніемъ страны. Вотъ источникъ закоренѣлаго мнѣнія о великомъ изобиліи восточныхъ странъ, — ошибка, которую европейцы поняли только въ послѣднее время. Значительная часть этого богатства прилипаетъ къ рукамъ, занимающимся собираніемъ его; то, что доходитъ до правительства, раздѣляется, конечно, между многими людьми, не говоря уже о придворомъ штатѣ государя. Значительная часть распредѣляется между сановниками правительства, любимцами и фаворитками государя. Нѣкоторая часть по временамъ употребляется на общеполезныя сооруженія. Резервуары, колодези, каналы для орошенія, безъ которыхъ во многихъ тропическихъ земляхъ едва ли возможно было бы земледѣліе; плотины, ограждающія отъ разливовъ рѣкъ, базары для купцовъ, караванъ-сераи для путешественниковъ, — всѣ эти вещи, которыхъ не могли бы сдѣлать своими скудными средствами пользующіеся ими люди, обязаны своимъ существованіемъ щедрости и просвѣщенному своекорыстію лучшихъ изъ числа восточныхъ государей, а иногда добродушію или тщеславію богатыхъ людей, богатства которыхъ, по внимательному изслѣдованію, всегда оказываются произшедшими прямо или косвенно изъ государственнаго дохода, и чаще всего получаются черезъ прямой подарокъ части дохода отъ государя.

Правитель такого общества, богато снабдивъ самаго себя и всѣхъ, къ кому расположенъ, и набравъ на свое покормленіе столько солдатъ, сколько кажется ему нужнымъ для его безопасности или блеска, имѣетъ остатокъ, которымъ можетъ располагать и который онъ съ удовольствіемъ обмѣниваетъ на предметы роскоши, соотвѣтствующіе его наклонностямъ; такой же остатокъ имѣютъ люди, обогащенные его благосклонностью или собираніемъ государственныхъ доходовъ. Такимъ образомъ, является запросъ на

изысканные и дорогіе товары, сообразные съ небольшимъ, но богатымъ рынкомъ. Этотъ запросъ часто удовлетворяется почти исключительно купцами болѣе развитыхъ обществъ; но часто пораждаетъ и въ самой странѣ сословіе мастеровыхъ, доводящихъ нѣкоторыя издѣлія до полной степени совершенства, какое можетъ производиться терпѣніемъ, сообразительностью, наблюдательностью и искусствомъ рукъ безъ значительныхъ знаній о качествахъ предметовъ; таковы, напримѣръ, нѣкоторыя индійскія хлопчато-бумажныя издѣлія. Эти мастеровые содержатся тою излишнею пищею, которая взята правительствомъ и его агентами, какъ принадлежащая ему часть продуктовъ. Форма дѣла такъ буквально соотвѣтствуетъ его сущности, что въ нѣкоторыхъ странахъ мастеровой не беретъ, какъ у насъ, свою работу домой и не получаетъ за нее плату по ея окончаніи, а напротивъ, идетъ съ своими инструментами въ домъ человѣка, дѣлающаго заказъ, и получаетъ отъ него пищу во время работы. Но небезопастность всякаго имущества при подобномъ положеніи общества располагаетъ даже богатѣйшихъ покупщиковъ отдавать предпочтеніе такимъ товарамъ, которые не могутъ портиться и имѣютъ большую цѣнность при маломъ объемѣ, которые по этому легко прятать или уносить съ собою. Потому золото и драгоцѣнные камни составляютъ значительную часть богатства этихъ націй и у богатаго азіатца почти все его состояніе часто бываетъ надѣто на немъ и на женщинахъ его гарема. Никто кромѣ государя не думаетъ обращать свое богатство въ собственность, которую нельзя унести. Но государь, чувствующій себя прочнымъ на престолѣ и надѣющійся передать престолъ своимъ потомкамъ, предается иногда вкусу къ долговѣчнымъ зданіямъ и сооружаетъ пирамиды или Секундрскій мавзолей и Таджъ-Мегалъ. Грубыя издѣлія, назначаемыя для земледѣльцевъ, производятся сельскими мастеровыми, которые вознаграждаются землею, безпошлинно отдаваемою въ ихъ пользованіе, или получаемою въ натурѣ частью изъ той доли жатвы, которая оставлена поселянину правительствомъ. Есть при этомъ состояніи общества и торговый классъ; его составляютъ два разряда купцовъ: одни торгуютъ хлѣбомъ, другіе деньгами. Хлѣбные торговцы покупаютъ хлѣбъ обыкновенно не отъ производителей, а отъ чиновниковъ, которые, собирая доходъ натурою, охотно уступаютъ другимъ заботу доставлять его въ тѣ мѣста, гдѣ подлѣ государя собраны главные его гражданскіе и военные сановники, главныя массы его войскъ и мастеровые, удовлетворяющіе надобностямъ этихъ разныхъ лицъ. Торговцы

деньгами даютъ взаймы несчастнымъ земледельцамъ, разореннымъ неурожаями или казенными поборами, деньги на поддержаніе жизни и на продолженіе земледѣлія, а на слѣдующую жатву получаютъ уплату съ ужасными процентами; или, въ болѣе широкомъ размѣрѣ, они даютъ взаймы правительству и лицамъ, которымъ оно уступило часть своего дохода: вознаграждаются они полученіемъ уплаты отъ чиновниковъ собирающихъ доходы, или полученіемъ въ свое владѣніе извѣстныхъ округовъ, доходами съ которыхъ уплачивался бы долгъ; для этого имъ обыкновенно передается значительная часть правительственной власти, которою они пользуются пока округи будутъ выкуплены, или доходами съ нихъ ликвидируется долгъ. Такимъ образомъ, коммерческія операціи того и другаго класса торговцевъ имѣютъ своимъ главнымъ матеріаломъ ту часть продуктовъ, которая составляетъ доходъ правительства. Изъ этого дохода періодически уплачивается ихъ капиталъ съ прибылью, и тотъ же самый доходъ былъ почти единственнымъ источникомъ, изъ котораго произошелъ ихъ первоначальный капиталъ. Таково въ общихъ чертахъ экономическое положеніе почти всѣхъ азіатскихъ земель, существовавшее въ нихъ со временемъ предшествовавшихъ началу достовѣрной исторіи и продолжающее существовать до нынѣ въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ не измѣнилось оно отъ иностранныхъ вліяній.

Не таковъ былъ ходъ дѣлъ въ тѣхъ земледѣльческихъ обществахъ древней Европы, раннее состояніе которыхъ хорошо намъ извѣстно. Почти всѣ они при своемъ началѣ были маленькими городскими обществами; при основаніи ихъ въ странѣ не занятой или въ странѣ, изъ которой были изгнаны прежніе жители, земля, бравшаяся въ собственность поселенцевъ, была правильно раздѣляема равными, или почти равными участками между семействами, составлявшими общество. Иногда былъ не одинъ городъ, а союзъ нѣсколькихъ городовъ, занятыхъ людьми, которые считали себя происходящими отъ одного племени и поселившимися въ странѣ около одного и того же времени. Каждая семья производила сама свою пищу и матеріалы для своей одежды, изъ которыхъ ткались, обыкновенно женщинами, грубыя издѣлія, удовлетворявшія тому вѣку. Налоговъ не было никакихъ, потому что или не было чиновниковъ, получавшихъ плату, или плата этимъ чиновникамъ производилась продуктами назначенной для того части земли, которую обработывали рабы въ пользу государства; а войско состояло изъ общества гражданъ. Такимъ образомъ всѣ продукты земли принад-

лежали безъ всякаго вычета семейству, ее воздѣлывающему. Пока прогрессъ событій дозволялъ сохраняться такому положенію собственности, состояніе общества по всей вѣроятности было не дурно для большинства свободныхъ земледѣльцевъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ прогрессъ человѣчества въ умственномъ развитіи былъ необыкновенно быстръ и блистателенъ при такомъ состояніи. Въ особенности происходило это тамъ, гдѣ съ выгодными условіями племени и климата и при разныхъ благопріятныхъ случайностяхъ, всякій слѣдъ которыхъ потерянъ, была соединена выгода прибрежнаго положенія у большаго внутренняго моря, другіе берега котораго были уже заняты довольно развитыми обществами. При знакомствѣ съ иностранными продуктами, пріобрѣтавшемся въ такой мѣстности, при легкомъ доступѣ къ иностраннымъ идеямъ и изобрѣтеніямъ, ослаблялась на этихъ обществахъ цѣпь рутины, столь крѣпко связывающая необразованные народы. Обращая вниманіе только на ихъ промышленное развитіе, надобно сказать, что они рано пріобрѣли разнообразныя и многочисленныя потребности и желанія, возбуждавшія ихъ извлекать изъ своей земли всю возможную массу продуктовъ, какую только умѣли они извлечь; а когда ихъ земля была безплодна или когда они уже извлекли изъ нея все, что можно, они часто становились торговцами и покупали продукты чужихъ земель, чтобы съ прибылью продавать ихъ въ другихъ земляхъ.

Но существованіе такого состоянія было съ самаго начала не прочно. Эти маленькія общества жили въ состояніи почти непрерывной войны. Къ войнѣ было много причинъ. Въ болѣе грубыхъ и чисто земледѣльческихъ обществахъ причиною ея часто бывала просто стѣсненность возросшаго населенія въ ихъ маленькой землѣ; эта стѣсненность часто увеличивалась неурожаями, при грубомъ состояніи ихъ земледѣлія и при зависимости ихъ въ своемъ продовольствіи отъ одной и притомъ очень небольшой мѣстности. Когда являлись такіе случаи, общество часто эмигрировало всею массою, или высылало толпу своей молодежи съ оружіемъ въ рукахъ искать менѣе воинственнаго народа, чтобы выгнать его изъ его земли или удержать на ней въ невольничествѣ для обработки ея въ пользу пришельцевъ, завладѣвшихъ ею. Болѣе счастливыя племена дѣлали по честолюбію и воинственности тоже самое, что менѣе развитыя дѣлали отъ нужды, и черезъ нѣсколько времени всѣ эти городскія общества стали завоевателями или завоеванными. Иногда завоевавшее государство довольствовалось наложеніемъ

дани на побѣжденныхъ, которые, неся это бремя, освобождались отъ хлопотъ о защищеніи себя сухопутными и морскими силами и, благодаря такому облегченію, могли подъ своимъ игомъ пользоваться значительною долею экономическаго благосостоянія; а побѣдившее общество получало излишекъ богатства, который могло употреблять на дѣла общественной роскоши и великолѣпія. Изъ такого излишка были построены Парѳенонъ и Пропилеи, дана плата за статуи Фидія, праздновались торжества, для которыхъ писали свои драмы Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ и Аристофанъ. Но это состояніе политическихъ отношеній, бывшее, пока длилось, очень полезнымъ прогрессу и высшему интересу человѣчества, не имѣло въ себѣ элементовъ долговѣчности. Небольшое завоевательное общество, которое не сливаетъ съ собою въ одно цѣлое свои завоеванія, всегда кончаетъ тѣмъ, что само подвергается завоеванію. Такимъ образомъ всеобщее владычество осталось наконецъ за народомъ, знавшимъ искусство сливать съ собою побѣжденныхъ, за римлянами, которые, какія бы дѣла ни вели, всегда или начинали или кончали тѣмъ, что брали у другихъ народовъ большую часть земли для обогащенія своихъ главныхъ гражданъ и принимали въ правительствующее сословіе главныхъ земледѣльцевъ остальной части. Нѣтъ надобности останавливаться на темной сторонѣ экономической исторіи Римской имперіи. Неравенство богатства, разъ начавшись, гигантски развивается въ обществѣ, которое не занято постоянно тѣмъ, чтобы посредствомъ промышленности поправлять несправедливости счастія: меньшія массы богатства поглощаются бо̀льшими массами. Римская имперія оказалась напослѣдокъ покрыта громадными поземельными владѣніями небольшаго числа семей, для роскошныхъ удовольствій, а еще больше для тщеславнаго блеска которыхъ производились самые дорогіе продукты, между тѣмъ какъ воздѣлыватели земли были рабами или мелкими фермерами, находившимися въ состояніи близкомъ къ рабскому. Съ той поры богатство имперіи стало все больше и больше падать; общественныхъ доходовъ и частныхъ богатствъ доставало сначала хотя на то, чтобы покрыть Италію великолѣпными общественными и частными зданіями; но постепенно эти средства до того изсякли подъ изнуряющимъ вліяніемъ дурнаго управленія, что остатки ихъ оказывались недостаточными даже для поддержанія построенныхъ зданій. Силы и богатства цивилизованнаго міра сдѣлались недостаточны на удержаніе напора кочующихъ племенъ, опоясывавшихъ сѣверную границу имперіи; эти пле-

мена наводнили имперію и на ея мѣстѣ возникъ иной порядокъ дѣлъ.

Европейское общество переформировалось теперь въ новый видъ. Населеніе каждой страны можно считать при этой формѣ состоявшимъ изъ двухъ неравныхъ по числу націй или племенъ—изъ завоевателей и завоеванныхъ. Завоеватели были собственники земли, завоеванные—воздѣлыватели ея. Этимъ воздѣлывателямъ дозволялось пользоваться землею на условіяхъ, созданныхъ насиліемъ и потому всегда обременительныхъ, но рѣдко доходившихъ до размѣра полнаго рабства. Еще въ послѣднія времена Римской имперіи значительная часть сельскихъ рабовъ перешла въ положеніе, подобное крѣпостному состоянію: римскіе «колоны» были скорѣе крѣпостные люди, чѣмъ рабы въ полномъ смыслѣ; а варвары, завоевавшіе имперію, по своей неспособности и неохотѣ къ личному управленію промышленными занятіями, неизбѣжно принуждены были дать земледѣльцамъ, въ поощреніе къ труду, нѣкоторую долю фактическаго интереса въ воздѣлываніи земли. Если требовалось, чтобы они поставляли въ замокъ разные продукты, нужные на обыкновенное потребленіе его жителей, если эти реквизиціи часто бывали чрезмѣрны, то все-таки, по исполненіи требуемыхъ поставокъ, имъ дозволялось свободно располагать всѣми остававшимися продуктами, какіе они могли собрать. При такой системѣ, крѣпостнымъ людямъ въ средніе вѣка было возможно, какъ возможно теперь въ Россіи (гдѣ господствуетъ система, въ сущности сходная съ этою), пріобрѣтать собственность; и дѣйствительно, накопленныя ими сбереженія составляютъ первоначальный источникъ богатства новой Европы.

Въ тѣ вѣка насилій и безпорядка, первое употребленіе, какое дѣлалъ крѣпостной земледѣлецъ изъ маленькаго запаса, накопленнаго имъ, состояло въ томъ, чтобы купить себѣ свободу и удалиться въ какой нибудь городъ или укрѣпленную деревню, уцѣлѣвшую со времени римскаго владычества, или и не выкупивъ своей свободы, скрыться туда. Въ этомъ убѣжищѣ, окруженный другими людьми своего класса, онъ пытался жить, нѣсколько ограждаясь отъ притѣсненій и обидъ военной касты мужествомъ своимъ и своихъ товарищей. Эти освободившіеся крѣпостные почти всѣ становились мастеровыми и жили промѣномъ продуктовъ своей промышленности на излишекъ матеріаловъ и пищи, доставляемыхъ землею феодальнымъ ея собственникамъ. Такимъ образомъ возникло въ Европѣ нѣчто подобное экономическому положенію азіат-

скихъ странъ; но разница была въ томъ, что вмѣсто одного азіатскаго монарха съ толпою фаворитовъ и чиновниковъ, безпрестанно мѣняемыхъ, въ Европѣ находился многочисленный классъ большихъ землевладѣльцевъ, имѣвшій довольно прочную наслѣдственность: они выказывали гораздо менѣе блеска, потому что каждый изъ нихъ располагалъ гораздо меньшимъ излишкомъ продуктовъ, и долгое время часть этого излишка расходовалась на содержаніе свиты тѣлохранителей, бывшихъ необходимыми для безопасности господина по воинственнымъ обычаямъ общества и по недостаточности охраненія, доставляемаго правительствомъ. Въ такомъ порядкѣ дѣлъ было больше постоянства, прочности для личнаго положенія отдѣльныхъ людей, нежели въ азіатской системѣ, которой оно въ экономическомъ отношеніи соотвѣтствовало, и это было одною изъ главныхъ причинъ того, что оно оказалось болѣе благопріятнымъ развитію [6]. Съ той поры экономическій прогрессъ

---

[6]) Въ числѣ предубѣжденій, о которыхъ быть можетъ и надобно сказать, что въ нихъ есть нѣкоторая, небольшая, часть истины, но которыя безъ всякаго сомнѣнія теоретически несправедливы и практически вредны, когда принимаются за полную и очень важную для практики истину, очень замѣтное мѣсто занимаетъ предразсудокъ, будто особенныя племенныя свойства, происходящія отъ особенностей самого организма, играютъ очень сильную роль въ судьбѣ народовъ: будто одинъ народъ по самой своей прирожденной натурѣ, по своей расѣ, неспособенъ къ тому, къ чему способенъ другой народъ также по своей расѣ. Главною опорою этого ошибочнаго мнѣнія представляется неподвижность азіатскихъ народовъ по сравненію съ прогрессивностью исторіи европейскихъ народовъ. Но тутъ оказывается, что придаютъ важность гипотезѣ только по невниманію къ фактамъ, которые или совершенно уничтожаютъ надобность въ ней, или оставляютъ ей очень мало мѣста. Одну изъ дѣйствительныхъ причинъ разницы въ судьбѣ европейскихъ и азіатскихъ народовъ указываетъ Милль, и конечно, не отъ массы населенія, не отъ побѣжденныхъ туземцевъ зависѣло то различіе, что у германскихъ завоевателей было множество предводителей, а у дикарей, нападавшихъ на азіатскія земледѣльческія страны, только по одному предводителю. Милль справедливо находитъ, что эта многочисленность владѣльцевъ-завоевателей была одною изъ главныхъ причинъ, давшихъ Европѣ возможность прогресса, которой лишена была Азія сосредоточенностью господства въ одномъ предводителѣ. Но еще важнѣе географическое положеніе. Западная Европа такъ далека отъ степей средней Азіи, главнаго центра, изъ котораго выходятъ вторгающіеся кочевые народы, что въ послѣднія 2000 лѣтъ они только одинъ разъ успѣли проникнуть въ нее. Орды Чингизъ-хана, Тамерлана и Османовъ или вовсе не доходили до Западной Европы, или едва касались ея предѣловъ, просто по отдаленности. Западно-европейское земледѣльческое населеніе вотъ уже 1400 лѣтъ избавлено отъ новыхъ наводненій варварства, и въ этотъ долгій періодъ имѣло

общества былъ непрерывенъ. Безопасность личности и собственности постоянно, хотя медленно возрастала; житейскія искусства постоянно развивались; грабежъ пересталъ быть главнымъ источни-

---

время окрѣпнуть, устроить свои дѣла. Такого досуга не имѣли азіатскіе земледѣльческіе народы. Возьмемъ въ примѣръ Индію и Малую Азію. Съ X вѣка Индія подвергалась три раза нашествіямъ, подобнымъ тому, что называется въ западной исторіи переселеніемъ народовъ или завоеваніемъ римскихъ провинцій варварами: ее поочередно наводняли газневиды, орды Бабера и наконецъ кочевыя орды Шаха Надира изъ Персіи. Тоже было въ Малой Азіи: послѣ бедуиновъ явились сельджукскіе турки, потомъ османы, потомъ Тамерланъ, потомъ опять османы. Едва успѣвали разслабѣть и нѣсколько цивилизоваться, нѣсколько слиться съ завоеванными земледѣльцами одни дикіе завоеватели, едва начинало устроиваться нѣчто подобное тому положенію, къ какому пришла Европа въ IX и X вѣкахъ, какъ являлись новыя орды дикихъ завоевателей и повторялась исторія, которая была съ Европою въ IV и V вѣкахъ. Представивъ себѣ, что западная Европа въ X вѣкѣ подверглась тому же, что было съ нею въ V вѣкѣ, и что въ XV столѣтіи повторилась та же гибель. Великъ ли былъ экономическій и законодательный прогрессъ съ V до X вѣка? Все это время прошло почти только въ томъ, что дикіе пришельцы V вѣка сливались по національности съ туземцами. Вообразимъ же себѣ, что надобно было не одинъ разъ, а три раза совершиться этому процессу уподобленія въ послѣднія 1400 лѣтъ и что каждый разъ, едва онъ приходилъ къ концу, являлись дикари, при которыхъ дѣло должно было повторяться съ прежняго начала. Какой видъ должно имѣть экономическое, юридическое и умственное положеніе туземцевъ? Нѣсколько разъ они выбиваются изъ рабства и владычества дикости и каждый разъ снова низвергаются посторонней силою въ гибель насильственнаго дикаго господства. Какое тутъ вліяніе ихъ расы? Это просто вліяніе сосѣдства степей Средней Азіи, періодически извергающихъ на всѣ окружныя земледѣльческія страны потоки варварской лавы. Особенности туземной расы тутъ ничего не значатъ, какъ ничего не значатъ особенности почвы, слишкомъ близко лежащей къ подножію Везувія: она со всѣми своими геологическими свойствами постоянно заливается массою совершенно грубою, истребляющую всякую растительность; проходятъ вѣка, лава начинаетъ вывѣтриваться, живая сила природы начинаетъ покрывать ее слоемъ удобнымъ для человѣческой жизни,—но уже стремится новый потокъ прежней огненной лавы, сожигающій все, успѣвшее вырости, одѣвающій все каменнымъ саваномъ. А на двадцать верстъ дальше, второму и слѣдующимъ потокамъ не удалось добраться, и люди въ этихъ мѣстахъ, воспользовавшись болѣе долгимъ срокомъ, уже успѣли построить стѣны, прокопать рвы, черезъ которые уже не перельется до нихъ лава, еслибъ и устремилась когда нибудь въ ихъ далекія отъ кратера мѣста. Послѣ этого вы можете толковать о различіи западно-европейскихъ расъ отъ какой нибудь, напримѣръ, персидской расы: мы, романскіе, германскіе, славянскіе народы способны къ цивилизаціи по своей расѣ, а вотъ персіяне до сихъ поръ не умѣли выбиться изъ положенія, какое у насъ было въ VII или IX вѣкахъ; стало быть, ихъ

комъ накопленія богатствъ, и феодальная Европа обратилась въ коммерческую и мануфактурную Европу. Въ послѣднюю половину среднихъ вѣковъ, города Италіи и Фландріи, вольные города Гер-

---

раса не способна или менѣе способна. Но вѣдь это просто смѣшно. Персіяне, напримѣръ, вѣтвь одной расы съ западными европейцами, и филологи доказали, что разница между персидскою вѣтвью и нѣмецкою вѣтвью менѣе велика, нежели между нѣмецкою и романскою. Вспомнимъ, что Лейбницъ, никогда не имѣвъ понятія о персидскомъ языкѣ, былъ въ состояніи понимать по цѣлымъ стихамъ и даже цѣлымъ двустишіямъ въ персидскихъ стихотвореніяхъ просто оттого, что былъ нѣмецъ. По французски или по испански нѣмецъ не пойметъ и двухъ словъ къ ряду, если не знакомъ съ этими языками. Напримѣръ, слово дочь только въ персидскомъ и въ нѣмецкомъ сохранило коренное сочетаніе звуковъ ХТ передъ окончаніемъ Р, также исчезнувшимъ, напримѣръ, у насъ и также одинако сохранившимся въ нѣмецкомъ и персидскомъ въ словахъ, относящихся къ ближайшему родству.

нѣм.	англ.	перс.
дочь tochter	dauchter	дохтеръ
братъ bruder	brother	бродеръ

Въ одномъ персидскомъ окончаніе неопредѣленнаго наклоненія одинаково съ нѣмецкимъ и греческимъ Н, — латинская и славянская расы отдали преимущество другимъ окончаніямъ: персидское — рашиденъ (ѣхать, пріѣзжать) нѣмецкое—reisen. Этимологическая и синтаксическая структура нынѣшняго персидскаго языка совершенно такая же, какъ въ англійскомъ языкѣ: нѣтъ во всемъ индо-европейскомъ семействѣ двухъ языковъ болѣе сходныхъ въ этомъ отношеніи. Если разсматривать коренныя филологическія черты, персидскій языкъ до того близокъ къ языку нѣмецкаго племени, что представляется какъ будто однимъ изъ германскихъ нарѣчій, какъ будто чѣмъ то среднимъ между верхне-германскимъ (собственно такъ называемымъ нѣмецкимъ) и англо-саксонскимъ (англійскимъ) нарѣчіями нѣмецкой вѣтви индо-европейскаго семейства языковъ. (Конечно, мы говоримъ о самыхъ основныхъ, древнѣйшихъ, оригинальнѣйшихъ особенностяхъ, свидѣтельствующихъ о коренномъ особенно-близкомъ родствѣ персидской и нѣмецкой расы. Тысячелѣтняя разлука, поставившая эти двѣ отрасли въ разныхъ сосѣдствахъ, дала разное направленіе дальнѣйшему развитію ихъ языковъ, и теперь, по общей совокупности филологическихъ признаковъ, нѣмецкія нарѣчія приняли характеръ европейской, а персидскій языкъ азіатской вѣтви индо-европейскаго семейства языковъ. Тотъ и другой заняли въ филологическомъ порядкѣ такое же положеніе, какое издавна стало принадлежать говорящимъ ими народамъ въ географическомъ отношеніи по распредѣленію мѣстностей, населенныхъ индо-европейцами: персидскій языкъ занимаетъ средину между индійскими нарѣчіями санскритскаго корня съ одной стороны и славянскимъ языкомъ съ другой стороны: нѣмецкій языкъ занимаетъ средину между славянскимъ и романскимъ. Славяне, вошедши въ середину между персіянами и нѣмцами по географіи, стали среднимъ между ними народомъ по языку).

Мы говоримъ все это къ тому, чтобы ослабить слишкомъ сильное распо-

маніи, нѣкоторые города Франціи и Англіи имѣли большое населеніе энергическихъ ремесленниковъ и много богатыхъ гражданъ, имущество которыхъ было пріобрѣтено черезъ мануфактурную про-

---

ложеніе къ приписыванію кореннаго значенія расѣ народа въ его судьбѣ. Самъ Милль подаетъ поводъ сдѣлать такое замѣчаніе, довольно часто употребляя слово племя, какъ будто придавая важность физіологическимъ, природнымъ особенностямъ организма разныхъ народовъ въ ихъ экономической судьбѣ. Подражая ему въ осторожности, мы не скажемъ чтобы раса не имѣла ровно никакого значенія: развитіе естественныхъ и историческихъ наукъ не достигло еще такой точности анализа, чтобы можно было въ большей части случаевъ безусловно говорить: тутъ этого элемента абсолютно нѣтъ. Почему знать, быть можетъ въ этомъ стальномъ перѣ есть частицы платины; абсолютно отвергать этого нельзя; можно знать одно: по химическому анализу, въ составѣ этого пера оказывается такое количество частицъ, несомнѣнно не платиновыхъ, что совершенно ничтожна часть, которая можетъ принадлежать платинѣ въ его составѣ; и если бы эта часть существовала, на нее нельзя обращать никакого вниманія съ практической точки зрѣнія. А кто судитъ по наружности, тотъ пожалуй приметъ перо за платиновое. Выбросьте изъ головы это предположеніе, если дѣло идетъ о практическомъ дѣйствованіи; поступайте съ этимъ перомъ, какъ надобно вообще поступать съ стальными перьями.

Точно также, не обращайте въ практическихъ дѣлахъ вниманія на расу людей, поступайте съ ними просто какъ съ людьми; дѣлайте то, что надобно дѣлать для удовлетворенія потребностямъ просто человѣческой природы, и вы получите результаты, какихъ надобно ожидать отъ природы человѣка. Быть можетъ, раса народа имѣла нѣкоторое вліяніе на то, что извѣстный народъ находится нынѣ въ такомъ, а не въ иномъ состояніи; абсолютно нельзя отвергать этого, историческій анализъ еще не достигъ математической безусловной точности; послѣ него, какъ и послѣ нынѣшняго химическаго анализа, еще остается небольшой, очень небольшой residuum, остатокъ для котораго нужны болѣе тонкіе способы изслѣдованія, еще недоступные нынѣшнему состоянію науки; но этотъ остатокъ очень малъ. Въ образованіи нынѣшняго положенія каждаго народа такая громадная часть принадлежитъ дѣйствію обстоятельствъ, не зависящихъ отъ природныхъ племенныхъ качествъ, что если эти особенныя, различныя отъ общей человѣческой натуры качества и существуютъ, то для ихъ дѣйствія оставалось очень мало мѣста, неизмѣримо, микроскопически мало мѣста. Человѣкъ двое сутокъ не ѣвшій, съ жадностью бросается на пищу, —быть можетъ, онъ отъ природы обжора, но я объ этомъ не могу судить по факту, мною замѣчаемому: этотъ фактъ произведенъ двудневнымъ голодомъ, а не личными особенностями; я рѣшительно еще не знаю, отличается ли онъ по своей натурѣ отъ людей самыхъ воздержныхъ, и если вы, такъ же какъ и я, знающіе о немъ только одинъ этотъ фактъ, хотя зацепитесь объ обжорливой природѣ этого человѣка, я имѣю полное право остановить васъ словами: не клевещите.

мышленность или черезъ торговлю продуктами ея. Общины Англіи, третье сословіе Франціи и вообще буржуазія континента составились изъ потомковъ этого сословія. Они были сословіе сберегающее, а потомки феодальной аристократіи — сословіе расточающее, потому буржуазія постепенно замѣстила аристократовъ во владѣніи значительною частью земли. Этотъ натуральный ходъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ замедлялся законами, составленными съ цѣлью удержать землю за фамиліями владѣльцевъ ея, въ другихъ случаяхъ ускорялся политическими переворотами. Постепенно, хотя медленнѣе, сами земледѣльцы во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ вышли изъ рабскаго или полу-рабскаго состоянія; впрочемъ, при одинаковости этой главной черты, положеніе ихъ и въ юридическомъ и въ экономическомъ отношеніяхъ чрезвычайно различно у разныхъ націй Европы и въ великихъ обществахъ, основанныхъ потомками европейцевъ за Атлантическимъ океаномъ.

Въ мірѣ нынѣ есть много обширныхъ странъ, имѣющихъ разнообразные элементы богатства въ такой степени изобилія, которой даже не могли себѣ вообразить люди прежнихъ вѣковъ. Безъ обязательнаго труда, ежегодно извлекается изъ земли громадное количество пищи, которымъ содержится, кромѣ людей производящихъ его, такое же, а иногда и большее число работниковъ, занятыхъ производствомъ безчисленно разнообразныхъ предметовъ надобности и роскоши или перевозкою ихъ съ одного мѣста на другое, также множество лицъ, занятыхъ управленіемъ и надзоромъ по разнымъ дѣламъ; а кромѣ всѣхъ и выше всѣхъ этихъ людей находится еще классъ, болѣе многочисленный чѣмъ въ самыхъ роскошныхъ древнихъ обществахъ, состоящій изъ людей, занятія которыхъ не прямо производительны, и изъ людей безъ всякаго занятія. Пища, собираемая теперь, кормитъ на данномъ пространствѣ населеніе гораздо болѣе значительное, чѣмъ когда либо прежде (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ) и кормитъ его безъ періодически повторяющихся случаевъ голода, столь частыхъ въ прежней исторіи Европы и до сихъ поръ не рѣдкихъ въ восточныхъ странахъ, такъ что оно имѣетъ пищу всегда вѣрную. Много увеличившись количествомъ, пища много улучшилась качествомъ и разнообразіемъ; предметы удобства и роскоши уже не ограничиваются небольшимъ богатымъ классомъ, а проникаютъ въ большомъ изобиліи во многіе общественные слои, изъ которыхъ каждый слѣдующій шире предыдущаго. Совокупныя средства каждаго изъ этихъ обществъ обнаруживаютъ размѣръ невиданный прежде

міромъ, когда выказываются для достиженія какой нибудь цѣли; каждое общество въ небывалыхъ прежде размѣрахъ можетъ содержать флоты и арміи, производить общественныя работы для украшенія или пользы, совершать національные акты благотворительности въ родѣ выкупа Вестъ-Индскихъ невольниковъ, основывать колоніи, давать образованіе своему населенію, словомъ сказать дѣлать все, требующее издержекъ, и притомъ дѣлать все это не отнимая предметовъ необходимости или существенаго удобства у своего населенія.

По всѣмъ такимъ чертамъ, вообще характеризующимъ новыя промышленныя общества, эти общества очень различны между собою. Всѣ они изобилуютъ богатствомъ сравнительно съ прежними вѣками, но степень изобилія въ нихъ очень различна. Даже изъ тѣхъ странъ, которыя справедливо считаются богатѣйшими, однѣ больше другихъ воспользовались своими производительными средствами и получили пропорціонально своей территоріальной обширности большее количество продуктовъ. Кромѣ этого различія по количеству богатства, есть разница и по быстротѣ его возрастанія. Различіе въ распредѣленіи богатства еще больше, нежели въ его производствѣ. Положеніе бѣднѣйшаго класса въ разныхъ странахъ очень различно; также различны пропорціи числа и богатства классовъ, находящихся выше этого бѣднѣйшаго. Много разницы встрѣчаемъ даже въ характерѣ классовъ, между которыми первоначально дѣлятся продукты земли въ разныхъ мѣстахъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ землевладѣльцы составляютъ особый классъ, почти совершенно отдѣльный отъ классовъ занимающихся промышленностью; въ другихъ мѣстахъ собственникъ земли почти всегда ея воздѣлыватель, владѣющій плугомъ, если не самъ ходящій за нимъ. Гдѣ собственникъ не самъ воздѣлываетъ землю, тамъ иногда есть между нимъ и работникомъ посредникъ, фермеръ, дѣлающій затраты на прокормленіе работниковъ, владѣющій орудіями производства и берущій себѣ, за уплатою ренты землевладѣльцу и жалованья работникамъ, весь продуктъ; въ другихъ мѣстахъ продуктъ дѣлится между землевладѣльцемъ, его наемными повѣренными и работниками. Мануфактурныя издѣлія также производятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ людьми работающими поодиночкѣ: они сами владѣютъ инструментами и машинами для нихъ нужными, или берутъ ихъ въ наймы, и употребляютъ на работу почти только тотъ трудъ, какимъ располагаетъ ихъ собственная семья. Въ другихъ случаяхъ производство ведется большимъ

количествомъ людей, работающихъ вмѣстѣ, въ одномъ зданіи, при помощи дорогихъ и многосложныхъ машинъ, принадлежащихъ богатымъ мануфактуристамъ. Тоже самое различіе находится въ торговлѣ. Оптовыя операціи вездѣ ведутся большими капиталами, гдѣ существуютъ большіе капиталы: но розничная торговля, занимающая очень большую массу капитала, иногда ведется въ маленькихъ лавкахъ, почти только личными хлопотами самихъ торговцевъ съ ихъ семействами и развѣ еще какого нибудь одного ученика; иногда, напротивъ ведется она въ обширныхъ заведеніяхъ, капиталъ которыхъ доставляется отдѣльнымъ богачемъ или цѣлой компаніей, и дѣло въ которыхъ производится многочисленными наемными прикащиками и прикащицами. Кромѣ этихъ различій въ экономическихъ феноменахъ по разнымъ частямъ такъ называемаго цивилизованнаго міра, разнообразіе увеличивается тѣмъ, что въ разныхъ частяхъ міра продолжаютъ до нашего времени существовать всѣ тѣ разныя экономическія состоянія, о которыхъ мы говорили прежде. Охотническія общества еще существуютъ въ Америкѣ, кочевыя въ Аравіи и въ степяхъ сѣверной Азіи; восточное общество въ существенныхъ чертахъ остается такимъ, какимъ всегда было; обширная Русская имперія до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ остается едва измѣненнымъ подобіемъ феодальной Европы. Всѣ великіе типы человѣческаго общества продолжаютъ существовать, понижаясь до эскимоскаго или патагонскаго общества.

Эти замѣчательныя различія въ состояніи различныхъ частей человѣческаго племени по отношеніямъ къ производству и распредѣленію богатства, должны, подобно всѣмъ другимъ феноменамъ, зависѣть отъ причинъ. Приписывать ихъ исключительно различію въ степеняхъ знанія о законахъ природы и физическихъ житейскихъ искусствахъ было бы объясненіемъ недостаточнымъ. Тутъ есть также дѣйствіе многихъ другихъ причинъ; самый прогрессъ естественныхъ знаній и неровное ихъ распредѣленіе, будучи отчасти причинами, служатъ отчасти слѣдствіями состоянія, въ какомъ находится производство и распредѣленіе богатствъ.

На сколько экономическое состояніе націй зависитъ отъ положенія естественныхъ знаній, оно составляетъ предметъ естественныхъ наукъ и основанныхъ на нихъ искусствъ. Но на сколько оно зависитъ отъ причинъ нравственныхъ или психологическихъ, производимыхъ учрежденіями и общественными отношеніями или качествами человѣческой природы, изслѣдованіе о немъ принадлежитъ не

естественной, а нравственной и общественной наукѣ и составляетъ предметъ того, что называется политическою экономіею.

Производство богатства, полученіе средствъ къ человѣческому существованію и удовольствію изъ матеріаловъ, представляемыхъ земнымъ шаромъ,—это дѣло очевидно не зависящее отъ произвола. Оно имѣетъ свои необходимыя условія. Изъ этихъ условій нѣкоторыя принадлежатъ матеріальному міру, зависятъ отъ качествъ матеріи или, лучше сказать, отъ объема знанія объ этихъ качествахъ, принадлежащаго данному мѣсту и времени. Этихъ условій политическая экономія не изслѣдуетъ, а беретъ ихъ какъ готовый фактъ, объясненій котораго велитъ искать въ естественной наукѣ или ежедневномъ опытѣ. Соединяя съ этими фактами внѣшней природы другія истины, относящіяся къ человѣческой природѣ, она старается найти вторичные или производные законы, которыми опредѣляется производство богатства и въ которыхъ должно содержаться объясненіе различій богатства и бѣдности въ настоящемъ и прошедшемъ и должно лежать основаніе всему тому приращенію богатства, которое произойдетъ въ будущемъ.

Законы распредѣленія не безусловно изъяты отъ произвола: они отчасти создаются самими людьми, потому что способъ распредѣленія богатства въ данномъ обществѣ зависитъ отъ господствующихъ въ немъ постановленій и обычаевъ. Но если правительства или націи имѣютъ власть опредѣлять, какія должны существовать учрежденія, то они не могутъ произвольно опредѣлять, въ какомъ направленіи будутъ дѣйствовать эти учрежденія. Условія, отъ которыхъ зависитъ власть правительствъ или націй надъ распредѣленіемъ богатства, и вліяніе, оказываемое на его распредѣленіе разными системами дѣйствія, принимаемыми обществомъ, составляютъ точно такой же предметъ точнаго научнаго изслѣдованія, какъ физическіе законы природы.

Законы производства и распредѣленія и нѣкоторые изъ ихъ практическихъ послѣдствій составляютъ предметъ нашего трактата.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРОИЗВОДСТВО.

КНИГА I.

ПРОИЗВОДСТВО.

ГЛАВА I.

ЭЛЕМЕНТЫ ПРОИЗВОДСТВА.

1. Производство имѣетъ два элемента: трудъ и пригодные для него предметы, даваемые природою.

Трудъ бываетъ физическій и умственный, или, выражая эту разницу точнѣе, мускульный и нервный, и понятіе труда необходимо должно обнимать не только самую дѣятельность, но и всякое физическое или умственное обремененіе или стѣсненіе, вообще всѣ непріятныя ощущенія, соединенныя съ употребленіемъ мысли или мускуловъ на извѣстное занятіе. О другомъ элементѣ — пригодныхъ предметахъ, даваемыхъ природою, надобно замѣтить, что сама природа имѣетъ или производитъ нѣкоторые предметы, пригодные для удовлетворенія человѣческихъ нуждъ. Въ природѣ есть пещеры и дупла, могущія служить кровомъ; плоды, коренья, дикій медъ и другія естественныя произведенія, могущія питать человѣка. Но и тутъ вообще нужно значительное количество труда, чтобы найти и присвоить эти предметы, которые создаются сами собою. Только въ немногихъ и неважныхъ случаяхъ, имѣющихъ нѣкоторое значеніе развѣ при самомъ началѣ человѣческихъ обществъ, предметы, доставляемые самою природою, не нуждаются въ переработкѣ; но вообще они, чтобы служить для удовлетворенія человѣческихъ нуждъ, должны подвергаться нѣкоторому преобразованію дѣятельностью человѣка. Трудъ, предметами котораго

служатъ дикія животныя и рыбы, доставляющія пропитаніе охотничьимъ и рыболовнымъ племенамъ, главнымъ образомъ состоитъ только въ томъ, чтобы овладѣть ими; но кромѣ того нужно, чтобы обратить ихъ въ пищу, убить ихъ, разрѣзать на куски, и почти всегда сварить или изжарить; это дѣйствія требующія нѣкотораго труда. Отъ такой или еще меньшей степени передѣлки въ качествахъ и видѣ предмета, преобразованіе, которому подвергаются естественные предметы для пригодности къ удовлетворенію человѣческихъ нуждъ, доходитъ по разнымъ степенямъ до такой полной переформировки, что не остается замѣтно никакого слѣда отъ первоначальнаго вида и организаціи предмета. Кусокъ руды, находимой въ землѣ, нимало не походитъ на плугъ, топоръ, пилу. Фарфоръ не похожъ на вывѣтрившійся гранитъ, изъ котораго дѣлается, стекло не походитъ на смѣсь песка съ поташемъ. Еще больше разница между овечьимъ руномъ или горстью хлопчато-бумажнаго зерна и каленкоромъ или сукномъ. Да и сама овца, само хлопчато-бумажное зерно производятся не одною природою, а составляютъ результаты человѣческаго ухода за ними. Во всѣхъ этихъ случаяхъ окончательный продуктъ до такой степени различенъ отъ вещества, доставляемаго природою, что въ обычной рѣчи природа считается только доставительницею матеріала для труда.

Но природа доставляетъ труду не одинъ матеріалъ,—она доставляетъ ему и силы. Матерія, находящаяся на земномъ шарѣ, не бездѣятельно принимаетъ формы и качества, придаваемыя ей человѣческими руками. Она имѣетъ сама дѣятельныя силы, которыя соучаствуютъ въ трудѣ и могутъ даже быть употребляемы на замѣну его. Сначала люди обращали хлѣбъ въ муку, разбивая зерно между двухъ камней; потомъ они придумали способъ вертѣть одинъ камень на другомъ посредствомъ рукоятки; этотъ способъ, въ нѣсколько усовершенствованномъ видѣ, до сихъ поръ господствуетъ на Востокѣ. Но мускульная дѣятельность, требуемая имъ, очень тяжела, изнурительна до такой степени, что эта работа часто служила наказаніемъ невольникамъ, разгнѣвавшимъ своихъ господъ. Пришло время, когда поняли, что разсчетъ требуетъ сократить трудъ и страданія невольниковъ; тогда нашли возможность сложить съ нихъ бо́льшую часть этой физической работы, придумавъ способъ, чтобъ верхній камень вертѣлся на нижнемъ не усиліями человѣка, а силою вѣтра или ниспадающей воды. Такимъ образомъ, человѣкъ заставилъ силы природы, вѣтеръ или тяжесть воды, исполнять часть дѣла, прежде совершавшагося трудомъ.

2. Подобные случаи, въ которыхъ человѣкъ избавился отъ извѣстной доли труда, сложивъ дѣло на какую нибудь силу природы, могутъ возбуждать ошибочное мнѣніе о сравнительномъ участіи труда и силъ природы въ производствѣ: можно думать, будто бы соучастіе силъ природы въ человѣческой промышленности ограничивается тѣми случаями, въ которыхъ онѣ заставлены исполнять то, что безъ нихъ дѣлалось бы трудомъ, будто въ такъ называемыхъ ручныхъ издѣліяхъ природою доставленъ только пассивный матеріалъ. Это иллюзія. Силы природы и тутъ участвуютъ дѣятельнымъ, а не пассивнымъ образомъ. Работникъ беретъ стебель льна или пеньки, раздѣляетъ его на волокна, свиваетъ пальцами нѣсколько такихъ волоконъ при помощи простаго орудія называемаго веретеномъ. Надѣлавъ такимъ образомъ нитокъ, онъ кладетъ рядомъ множество ихъ и всовываетъ поперекъ ихъ другія такія же нитки, такъ чтобы каждая поперечная шла поочередно сверху одной и снизу другой продольной; эта часть дѣла облегчается орудіемъ, которое называется челнокомъ. Вотъ работникъ произвелъ ткань, льняную или пеньковую, смотря по матеріалу. Говорятъ, что онъ выдѣлалъ ее руками и предполагается, что никакая сила природы не содѣйствовала ему. Но какая же сила дѣлала возможнымъ каждый процессъ этой выдѣлки и сдерживаетъ выдѣланную ткань въ цѣлости? Это дѣлается крѣпостью волоконъ, то есть силою сцѣпленія ихъ частицъ; а это одна изъ силъ природы и мы можемъ въ точности измѣрять ея энергію сравнительно съ другими механическими силами, чтобы узнать, какое количество каждой изъ нихъ нужно для нейтрализированія или уравновѣшенія этой силы сцѣпленія.

Разсматривая какой угодно другой случай такъ называемаго дѣйствія человѣка на природу, мы также найдемъ, что силы природы или, иначе сказать, качества матеріи исполняютъ все дѣло, лишь только предметы приведены въ нужное положеніе. Только эта операція, — помѣщеніе вещей въ такое положеніе, чтобы онѣ измѣнялись по нашей надобности своими внутренними силами и силами, лежащими въ другихъ предметахъ природы, — производится надъ матеріею человѣкомъ, и больше этого онъ не можетъ ничего дѣлать. Онъ только придвигаетъ одну вещь къ другой. Онъ вдвигаетъ зерно въ землю и естественныя растительныя силы постепенно производятъ корень, стебель, листья, цвѣты и плодъ. Онъ продвигаетъ топоръ черезъ дерево и оно падаетъ естественною силою тяжести; онъ особеннымъ маперомъ продвигаетъ черезъ не-

го пилу и оно раздѣляется на доски по физическимъ силамъ, заставляющимъ болѣе мягкую вещь вытѣсняться отъ напора болѣе твердой; онъ располагаетъ эти доски въ извѣстномъ порядкѣ, продвигаетъ сквозь нихъ гвозди или кладетъ между ними склеивающую матерію и производитъ столъ или стѣну. Онъ придвигаетъ частичку огня къ топливу и оно загорается, силою горѣнія варитъ пищу, спаиваетъ или размягчаетъ желѣзо, обращаетъ въ пиво и сахаръ солодъ и тростниковой сокъ, когда онъ придвигаетъ къ огню эти вещи. Онъ имѣетъ только одно средство дѣйствовать на матерію, это средство — двигать ее. Движеніе и сопротивленіе движенію — вотъ единственныя вещи, для которыхъ годятся его мускулы. Сжатіемъ мускуловъ онъ можетъ производить давленіе на внѣшній предметъ; если оно довольно сильно, оно приводитъ предметъ въ движеніе, а если онъ уже двигался, то замедляетъ, или измѣняетъ, или вовсе останавливаетъ движеніе: кромѣ этого человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать. Но этого довольно для доставленія людямъ всей той власти, которую они пріобрѣли надъ силами природы, неизмѣримо сильнѣйшими самихъ людей, — той власти, которая велика уже и теперь, но безъ сомнѣнія должна съ теченіемъ времени увеличиваться до размѣровъ, которымъ нельзя опредѣлить границъ. Человѣкъ обнаруживаетъ эту власть, или пользуясь уже существующими естественными силами, или приводя предметы въ такія смѣшенія и соединенія, которыми пораждаются естественныя силы; напримѣръ, прикладывая зажженую спичку къ топливу и вливая воду въ находящійся надъ топливомъ котелъ, онъ пораждаетъ силу расширенія пара, которою въ такомъ обширномъ размѣрѣ воспользовался для достиженія своихъ цѣлей (*).

Итакъ въ матеріальномъ мірѣ трудъ всегда исключительно употребляется на то, чтобы приводить предметы въ движеніе; остальное дѣлается качествами матеріи, законами природы. Искусство и изобрѣтательность людей направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобы находить такія удобоисполнимыя человѣческими силами движенія, которыя производили бы желаемые людьми результаты. Но если движеніе единственный результатъ, который можетъ непосредственно и прямо производиться человѣческими мускулами, то нѣтъ

*) Этотъ существенный и основный законъ власти человѣка надъ природой, былъ кажется въ первый разъ объясненъ и поставлевъ главнымъ основаніемъ политической экономіи въ первой главѣ «началъ» Милля.

Прим. авт.

человѣку необходимости прямо производить своими мускулами всѣ движенія, какія ему нужны. Первою и самою простою замѣною дѣйствія человѣческихъ мускуловъ служитъ дѣйствіе мускуловъ животныхъ. Постепенно человѣкъ заставляетъ помогать ему неодушевленную природу, напримѣръ, заставляетъ вѣтеръ или воду, вещи уже находящіяся въ движеніи, сообщать часть этого движенія колесамъ, которыя прежде такого изобрѣтенія были ворочаемы силою мускуловъ. Эта услуга вынуждается у силъ вѣтра и воды рядомъ дѣйствій, состоящихъ также въ томъ, что человѣкъ вдвигаетъ извѣстные предметы въ извѣстныя положенія, въ которыхъ они составляютъ то, что называется машиною. Но дѣйствіе мускуловъ, нужное для этого, не продолжается непрерывно, а совершается разъ навсегда, и такимъ образомъ въ суммѣ получается большое сбереженіе труда.

3. Нѣкоторые писатели поднимали вопросъ о томъ, въ какой степени помагаетъ труду природа въ разныхъ отрасляхъ промышленности и говорили, что въ нѣкоторыхъ производствахъ наибольшая часть дѣла совершается трудомъ, въ другихъ природою. Надобно думать, что это мнѣніе просто слѣдствіе неясности понятій. Участіе природы въ каждой человѣческой работѣ неизмѣримо и несоизмѣримо. Невозможно сказать, что въ одномъ дѣлѣ природа участвуетъ больше, нежели въ другомъ; нельзя даже сказать этого и о трудѣ. Можетъ быть, что одно дѣло требуетъ меньшаго количества труда чѣмъ другое; но если требуемое количество безусловно необходимо, то результатъ — на столько же произведеніе труда, на сколько и природы. Если два элемента равно необходимы для произведенія результата, нельзя говорить, что такая-то часть его произведена однимъ элементомъ, а такая-то другимъ; это все равно, что попытаться рѣшить, которая изъ двухъ половинъ ножницъ болѣе участвуетъ въ разрѣзываніи, или какой изъ двухъ факторовъ, 5 и 6, болѣе участвуетъ въ произведеніи цифры 30. Эта странная фантазія обыкновенно является въ формѣ предположенія, что природа даетъ болѣе помощи человѣку въ земледѣліи, нежели въ фабричномъ дѣлѣ; такое заблужденіе существовало у французскихъ экономистовъ (физіократовъ), и отъ него не былъ свободенъ Адамъ Смитъ; оно возникало изъ ошибочнаго понятія о характерѣ ренты. Рента — цѣна платимая за пользованіе содѣйствіемъ природы, и въ фабричной промышленности нѣтъ такой платы; потому экономисты (физіократы) говорятъ, будто плата за силы природы въ земледѣліи существуетъ потому, что количество службы, отправ-

ляемой природою, въ земледѣліи больше, нежели въ фабричномъ производствѣ; но точнѣйшее изслѣдованіе предмета показало, что причина платы за пользованіе землею заключается просто въ ограниченности количества земли: если бы воздухъ, теплота, электричество, химическіе агенты и другія силы природы, употребляемыя фабрикантами, существовали только въ ограниченномъ количествѣ и подобно землѣ могли быть обращаемы въ собственность, то можно было бы брать ренту и за нихъ.

4. Это ведетъ насъ къ подраздѣленію, имѣющему, какъ мы увидимъ, первостепенную важность. Количество однихъ силъ природы ограниченно, другихъ неограниченно. Подъ неограниченностью количества понимается, конечно, не безусловная, а практическая неограниченность, понимается то, что существующее количество больше того, какое мы можемъ обратить въ дѣло когда нибудь или по крайней мѣрѣ, при настоящихъ обстоятельствахъ. Количество земли, въ нѣкоторыхъ новозаселяемыхъ земляхъ, практически неограниченно: оно больше того, сколько можетъ понадобиться существующему населенію и нѣсколькимъ слѣдующимъ поколѣніямъ, какъ бы ни возрастали они въ числѣ. Но даже и въ этихъ странахъ вообще ограниченно количество земли, имѣющей благопріятное положеніе относительно рынковъ или путей сообщенія; этой земли не столько, сколько хотѣли бы занять и воздѣлывать или обратить на какое нибудь другое употребленіе люди. Во всѣхъ старыхъ странахъ земля, удобная для воздѣлыванія, или, по крайней мѣрѣ, земля нѣсколько плодородная принадлежитъ къ естественнымъ предметамъ, ограниченнымъ въ своемъ количествѣ. На берегахъ рѣкъ и озеръ вода для обыкновенныхъ надобностей существуетъ въ неограниченномъ изобиліи. Но если она требуется для орошенія, количество ея даже въ этихъ мѣстахъ можетъ оказываться недостаточнымъ для удовлетворенія всей надобности, а въ тѣхъ мѣстахъ, на потребленіе которыхъ вода доставляется цистернами или небольшими колодезями, особенно такими, которые подвергаются убыли, она входитъ въ число вещей, количество которыхъ ограниченно тѣснѣйшимъ образомъ. Тамъ, гдѣ сама вода въ изобиліи, можетъ быть ограниченна сила воды, т. е. ея паденіе, примѣнимое къ механическому употребленію въ промышленности; этой силы можетъ быть гораздо меньше количества, какимъ воспользовались бы люди, еслибъ она была изобильнѣе. Каменный уголь, руды и другія полезныя вещества, находимыя въ землѣ, существуетъ въ количествѣ еще болѣе ограниченномъ, чѣмъ земля.

Они встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и запасы ихъ могутъ быть истощены, хотя въ данномъ мѣстѣ и въ данное время они могутъ находиться въ такомъ изобиліи, что мѣстное населеніе не могло бы нынѣ употребить въ дѣло всего запаса ихъ, хотя бы они могли получаться даромъ. Морскія рыбныя ловли почти всегда составляютъ даръ природы, практически неограниченный въ своемъ количествѣ. Но китовая ловля въ сѣверныхъ моряхъ давно стала недостаточна для удовлетворенія запроса, существующаго даже при значительной цѣнѣ ея продукта, необходимой для покрытія издержекъ ловли; и громадное развитіе китовой ловли въ южныхъ моряхъ, бывшее слѣдствіемъ ея истощенія на сѣверѣ, должно также истощить ихъ и на югѣ. Рѣчная рыба — продуктъ даваемый природою въ очень ограниченномъ объемѣ; онъ былъ бы истощенъ быстро, если бы каждому безъ всякаго ограниченія позволено было пользоваться имъ. Воздухъ, даже въ томъ состояніи, которое называется вѣтромъ, получается почти на всѣхъ мѣстностяхъ въ количествѣ достаточномъ для всевозможныхъ цѣлей; также неограниченна возможность водяной перевозки на морскомъ берегу и на большихъ рѣкахъ; но пространство гаваней или пристаней, нужныхъ для этого способа перевозки, во многихъ мѣстностяхъ гораздо меньше того, какимъ можно было воспользоваться, еслибъ оно легко пріобрѣталось.

Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ сильна зависимость общественной экономіи отъ того факта, что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ орудій производства, даваемыхъ природою, и въ особенности земля, существуютъ только въ ограниченномъ количествѣ. Теперь я замѣчу лишь то, что пока количество естественнаго продукта или орудія производства практически неограниченно, этотъ предметъ, если не можетъ подвергаться искусственной монополіи, не можетъ имѣть никакой рыночной цѣнности, потому что никто ничего не дастъ за вещь, которую можно получить даромъ. Но какъ скоро ограниченіе становится практически возможнымъ или замѣтнымъ, когда нѣтъ извѣстной вещи въ такомъ количествѣ, въ какомъ захотѣли бы пользоваться ею за даромъ, право собственности или пользованія этимъ естественнымъ продуктомъ или орудіемъ производства пріобрѣтаетъ мѣновую цѣнность. Когда въ извѣстномъ округѣ нужно больше водяной силы, чѣмъ сколько доставляютъ ея потоки или водопады, люди станутъ платить извѣстную цѣну за пользованіе этою силою. Если требуется обработка такого количества земли, какого нѣтъ въ данномъ мѣстѣ, или, точнѣе

говоря, если нѣтъ въ немъ нужнаго количества земли извѣстнаго качества, пользующейся извѣстными выгодами положенія, земля этого качества, находящаяся въ этомъ положеніи, будетъ продаваться за извѣстную цѣну или отдаваться въ наймы за извѣстную ренту. Этотъ предметъ будетъ въ послѣдствіи изложенъ нами подробнѣе; но часто бываетъ нужно впередъ сдѣлать краткое замѣчаніе о принципахъ и выводахъ, которые вполнѣ можно изложить только въ дальнѣйшей части труда.

ГЛАВА II.

ТРУДЪ, КАКЪ ДѢЯТЕЛЬ ПРОИЗВОДСТВА.

1. Трудъ, кончающійся производствомъ предмета, годнаго на что нибудь человѣку, употребляется или прямо на эту вещь, или на приготовительные процессы. Напримѣръ, при изготовленіи хлѣба, служащаго для пищи, трудомъ прямо обращеннымъ на это дѣло надобно назвать трудъ человѣка, пекущаго хлѣбъ; но трудъ мельника также составляетъ часть общей суммы труда, производящаго печеный хлѣбъ, хотя прямо обращенъ на производство не этого хлѣба, а только еще муки; тоже надобно сказать о трудѣ человѣка сѣявшаго хлѣбъ и трудѣ жнеца. Могутъ замѣтить, что всѣ эти люди должны считаться употребляющими свой трудъ прямо на изготовленіе хлѣба, который мы ѣдимъ, потому что хлѣбъ въ зернѣ, мука и печеный хлѣбъ—одно и тоже вещество въ трехъ разныхъ состояніяхъ. Не споря объ этомъ вопросѣ, относящемся только къ формѣ выраженія, мы замѣтимъ, что кромѣ этихъ людей есть еще кузнецъ, дѣлавшій плугъ: онъ участвовалъ въ результатѣ еще отдаленнѣйшимъ способомъ. Всѣ эти люди вознагражденіе за свой трудъ получаютъ окончательнымъ образомъ изъ выпеченнаго хлѣба или цѣны его; кузнецъ, дѣлавшій плугъ также, получаетъ свое вознагражденіе изъ него, потому что плуги не годятся ни къ чему, кромѣ пахапія земли и никто не сталъ бы дѣлать или употреблять ихъ, если бы увеличеніе въ количествѣ продукта, доставляемаго землею при помощи плуга, не давало источника для должнаго вознагражденія за трудъ кузнеца, дѣлавшаго плугъ. Если продуктъ потребляется въ формѣ выпеченнаго хлѣба, вознагражденіе кузнецу должно получаться изъ этого хлѣба, который долженъ вообще вознаградить всѣхъ людей, нами перечисленныхъ, и кромѣ того множество другихъ людей; напримѣръ вознаградить плотниковъ и

каменщиковъ, строившихъ ферму; людей дѣлавшихъ изгороди и копавшихъ канавы для огражденія нивы; рудокоповъ и заводскихъ работниковъ, вынимавшихъ изъ земли руду и приготовлявшихъ изъ нея желѣзо, которое пошло на плугъ и другіе земледѣльческіе инструменты. Но эти люди и кузнецъ, ковавшій плугъ, получаютъ свое вознагражденіе не изъ того количества хлѣба, какое дается одною жатвою, а изъ того, какое дается всѣми жатвами, которыя будутъ собираться, пока испортится плугъ, обветшаютъ зданія и засыплятся канавы. Мы должны прибавить еще иной родъ труда, трудъ на перевозку продукта съ мѣста его производства до мѣста его потребленія: трудъ перевозки хлѣба въ зернѣ на рынокъ, съ рынка на мельницу, потомъ трудъ перевозки муки съ мельницы въ пекарню, и печенаго хлѣба съ пекарни на мѣсто его окончательнаго потребленія. Количество этого труда иногда очень велико: мука привозится въ Англію изъ-за Атлантическаго океана, хлѣбъ въ зернѣ изъ глубины Россіи. Непосредственно трудятся надъ этимъ дѣломъ матросы и люди занимающіеся извозомъ; кромѣ того тутъ надобно считать дорогія орудія, напримѣръ корабли, на построеніе которыхъ было потрачено много труда; но этотъ трудъ не все свое вознагражденіе, а только часть его долженъ получать изъ хлѣба, потому что корабль, существующій много лѣтъ, употребляется обыкновенно на перевозку не одного хлѣба, а множества различныхъ товаровъ.

Такимъ образомъ вычислить трудъ, результатомъ котораго является извѣстный продуктъ, дѣло далеко не простое. Цифры, входящія въ разсчетъ, очень многочисленны, могутъ даже казаться безконечно многочисленными: если частью труда, употребленнаго на производство хлѣба, мы должны считать трудъ кузнеца, сдѣлавшаго плугъ, то почему же не считать и трудъ употребленный на изготовленіе инструментовъ, которыми работаетъ кузнецъ, и инструментовъ употребленныхъ на выдѣлку этихъ инструментовъ, и такъ далѣе до возникновенія исторіи? Но, поднявшись на двѣ или на три ступени этой восходящей лѣстницы, мы входимъ въ область дробей, слишкомъ мелкихъ для вычисленія. Предположимъ, что одинъ плугъ можетъ служить до своей порчи двѣнадцать лѣтъ; только двѣнадцатая часть труда употребленнаго на выдѣлку плуга должна входить въ счетъ по жатвѣ каждаго года. Двѣнадцатая часть труда выдѣлки плуга количество еще замѣтное. Но одинъ приборъ инструментовъ годится кузнецу на то, чтобы выковать сто или больше плуговъ, которые двѣнадцать лѣтъ будутъ служить на воздѣлываніе земли

въ ста разныхъ фермахъ. Итакъ одна тысяча-двухсотая часть труда, употребленнаго на выдѣлку инструментовъ, — вотъ вся часть его, пошедшая на одну жатву одной фермы; а когда эту дробь прійдется распредѣлять по мѣшкамъ пшеницы и по фунтамъ хлѣба, то каждый убѣдится, что такихъ количествъ не стоитъ брать въ разсчетъ: они такъ мелки, что практически незамѣтны въ оцѣнкѣ товара. Правда, что если бы не работалъ мастеръ, дѣлавшій инструменты для кузнеца, то не было бы вовсе произведено хлѣба; но мѣшокъ пшеницы не повысится въ цѣнѣ и на одну десятую часть фартинга для вознагражденія его труда.

2. Второй способъ косвеннаго или непрямаго приложенія труда къ производству вещи требуетъ особеннаго вниманія; это трудъ, употребляемый на производство пищи для содержанія работниковъ въ теченіе времени, употребляемаго ими на производство. Это предварительное примѣненіе труда служитъ необходимымъ условіемъ всякой производительной операціи, кромѣ развѣ дѣлъ очень малаго размѣра. Кромѣ труда охотника и рыболова едва ли найдется какой нибудь родъ труда, немедленно дающій свои результаты. Производство должно длиться извѣстное время и только по истеченіи этого срока получаются плоды производства. Работнику до начала дѣла необходимо имѣть запасъ пищи или пользоваться отъ кого нибудь другаго запасомъ пищи, достаточнымъ на его пропитаніе до окончанія производства, иначе онъ можетъ приниматься развѣ за такой трудъ, который удобно ведется съ перерывами, посвящаемыми на добываніе пищи инымъ путемъ; онъ не можетъ получить даже пищу сколько нибудь изобильную, потому что всякій способъ получить ее требуетъ, чтобы уже существовалъ запасъ пищи. Земледѣліе производитъ пищу только по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и труды земледѣльца должны занимать значительную часть этого времени, хотя и нѣтъ надобности непрерывно продолжать ихъ рѣшительно все это время. Мало того, что земледѣліе невозможно безъ заготовленной напередъ пищи; нужно очень большое количество такого запаса, чтобы общество, сколько нибудь значительное, могло все содержать себя земледѣліемъ. Страна, подобная Англіи или Франціи, имѣетъ возможность заниматься земледѣліемъ въ нынѣшнемъ году только потому, что земледѣліе прошлыхъ годовъ произвело въ этихъ или другихъ странахъ запасъ пищи, достаточный на содержаніе ихъ земледѣльческаго населенія до слѣдующей жатвы. Производя кромѣ пищи множество другихъ вещей, эти страны могутъ производить ихъ

только потому, что пища, запасенная въ прошлую жатву, достаточна на содержаніе многочисленнаго промышленнаго населенія, кромѣ земледѣльческихъ работниковъ.

Трудъ, употребленный на производство этого запаса продовольствія, составляетъ огромную и важную часть того прошедшаго труда, который былъ необходимъ для доставленія возможности къ занятію настоящимъ трудомъ. Но есть очень важная разница между этою и другими частями предварительнаго или приготовительнаго труда. Мельникъ, жнецъ, пахарь, кузнецъ, кующій плугъ, извощикъ и телѣжный мастеръ, даже матросъ и корабельный плотникъ (если корабль занятъ перевозкою хлѣба) получаютъ свое вознагражденіе изъ окончательнаго продукта, изъ хлѣба, который въ разныхъ видахъ требовалъ ихъ труда или произведенъ при помощи орудій сдѣланныхъ ими. Трудъ, произведшій пищу, которою продовольствовались всѣ эти работники, столь же необходимъ для окончательнаго результата, для полученія хлѣба нынѣшней жатвы, какъ и всѣ другія части труда, употребленнаго на нее. Но другія части этого труда вознаграждаются изъ нынѣшней жатвы, а эта часть, т. е. предварительный трудъ, получилъ свое вознагражденіе изъ пищи предварительно заготовленой. Чтобы получить продуктъ, нужны: трудъ, инструменты, матеріалы и кромѣ того пища для прокормленія работниковъ. Но инструменты и матеріалы не имѣютъ никакой цѣли или по крайней мѣрѣ не предназначаются ни для какой другой цѣли кромѣ полученія продукта, и трудъ ихъ изготовленія можетъ быть вознагражденъ только изъ продукта, который будетъ произведенъ ими. Пища, напротивъ того, имѣетъ свою внутреннюю полезность и употребляется на дѣло имѣющее цѣль въ себѣ самомъ, на прокормленіе людей. Трудъ, употребленный на производство пищи и вознаграждаемый ею, не нуждается во вторичномъ вознагражденіи изъ продукта слѣдующаго труда, который былъ имъ прокормленъ. Если мы предположимъ, что одни и тѣ же работники занимались мануфактурнымъ производствомъ и вмѣстѣ занимались земледѣліемъ, прокармливая себя имъ во время мануфактурнаго труда, то они за свой трудъ имѣютъ во первыхъ пищу, во вторыхъ мануфактурное издѣліе; но если они также занимались изготовленіемъ матеріаловъ и инструментовъ для своего мануфактурнаго дѣла, то за этотъ трудъ единственнымъ ихъ вознагражденіемъ будетъ мануфактурное издѣліе.

Требованіе вознагражденія, основанное на владѣніи пищею, годною для продовольствія работниковъ, имѣетъ иной характеръ:

тутъ вознаграждается не трудъ, а отсрочка личнаго потребленія. Если человѣкъ имѣетъ запасъ пищи, онъ можетъ потребить ее въ праздности самъ или на прокормленіе людей, прислуживающихъ ему, сражающихся за него, поющихъ или танцующихъ для него. Если вмѣсто того онъ отдаетъ пищу производительнымъ работникамъ на содержаніе ихъ во время ихъ дѣла, онъ можетъ, и конечно будетъ, требовать вознагражденія изъ продукта. Онъ не будетъ доволенъ простымъ возвращеніемъ взятаго количества: получая назадъ только это количество, онъ только видитъ себя въ первоначальномъ положеніи, онъ не получилъ никакой выгоды отъ того, что отсрочилъ употребленіе сбереженныхъ имъ вещей на свое собственное удобство или удовольствіе. Онъ захочетъ получить что нибудь за эту отсрочку; онъ захочетъ ожидать, чтобы затраченная имъ пища возвратилась къ нему съ увеличеніемъ, которое на коммерческомъ языкѣ называется прибылью; надежда на эту прибыль вообще бываетъ однимъ изъ побужденій, склоняющихъ человѣка накоплять запасъ, экономничая въ своемъ личномъ потребленіи, и заставляющихъ его по накопленіи запаса удерживаться отъ употребленія его на личное удобство или удовольствіе. Пища, содержавшая другихъ работниковъ во время производства инструментовъ или матеріаловъ для труда, также должна была быть запасена для нихъ впередъ кѣмъ нибудь и онъ также долженъ имѣть свою прибыль изъ окончательнаго продукта. Но разница здѣсь та, что окончательный продуктъ долженъ не только дать прибыль, но и вознагражденіе за трудъ по производству инструментовъ и матеріаловъ труда. Правда, мастеръ, дѣлавшій инструменты (напримѣръ кузнецъ, дѣлавшій плугъ), обыкновенно не ждетъ своей платы до окончанія жатвы: фермеръ даетъ ему уплату впередъ и заступаетъ его мѣсто, дѣлаясь владѣльцемъ плуга. Но тѣмъ не менѣе плата должна быть получена изъ жатвы; потому что фермеръ не сдѣлалъ бы издержки на покупку плуга, еслибъ не ожидалъ, что жатва уплатитъ ему и уплатитъ съ прибылью за эту новую затрату, т. е., если бы жатва, кромѣ вознагражденія земледѣльческимъ работникамъ (и прибыли фермеру за уплату имъ этого вознагражденія впередъ), не дала остатка, достаточнаго для вознагражденія работниковъ кузнеца, дѣлавшаго плугъ, для полученія прибыли этимъ кузнецомъ и полученія прибыли фермеромъ за выдачу впередъ этой прибыли кузнецу и вознагражденія работникамъ кузнеца.

3. Изъ этихъ соображеній видимъ, что, вычисляя и классифи-

цируя отрасли промышленности, получающія косвенное или окончательное свое вознагражденіе изъ другаго производительнаго труда, мы не должны включать въ этотъ счетъ трудъ, производящій продовольствіе и другіе предметы первыхъ потребностей на потребленіе производительныхъ работниковъ; потому что главная цѣль этого труда находится въ самомъ продовольствіи и хотя запасъ продовольствія даетъ средства заниматься другою работою, но это должно считаться только постороннимъ послѣдствіемъ, а не сущностью этого запаса. Остальные способы косвеннаго участія труда въ производствѣ распредѣляются на пять разрядовъ.

Во первыхъ, трудъ, употребляемый на производство матеріаловъ, которые должны быть передѣланы другимъ послѣдующимъ трудомъ. Во многихъ случаяхъ дѣло это состоитъ въ простомъ завладѣніи предметами или въ такъ называемой добывающей промышленности. Напримѣръ, трудъ рудокопа состоитъ въ томъ, что онъ выкапываетъ изъ земли вещества, которыя могутъ быть обращены промышленностью въ разные предметы, годные для человѣческаго употребленія. Но добывающая промышленность доставляетъ не одни только матеріалы. Каменный уголь, напримѣръ, употребляется не только на промышленные процессы, но и прямо на согрѣваніе людей, и при такомъ употребленіи онъ уже не служитъ простымъ матеріаломъ, а самъ по себѣ дѣлается окончательнымъ продуктомъ. Тоже самое надобно сказать о добываніи драгоцѣнныхъ камней. Они въ небольшомъ количествѣ употребляются при производствѣ; напримѣръ алмазъ для рѣзанія стекла, корундъ для полировки; но главное назначеніе драгоцѣнныхъ камней — служить украшеніемъ; это прямое употребленіе на удовлетвореніе потребности. Чтобы служить этому назначенію, они, впрочемъ нуждаются почти всегда въ обдѣлкѣ, и, это, быть можетъ, даетъ намъ право считать ихъ не окончательнымъ продуктомъ, а матеріалами. Металлическія руды—просто матеріалы.

Къ производству матеріаловъ надобно причислить рубку лѣса, если лѣсъ рубится и приготовляется для построекъ, для столярнаго и другихъ ремеслъ. Въ лѣсахъ Америки, Норвегіи, Германіи, Пиринейскихъ и Альпійскихъ горъ этотъ родъ труда въ обширномъ размѣрѣ прилагается къ деревьямъ, произрастаемымъ самою природою. Въ другихъ случаяхъ мы должны прибавлять къ труду человѣка, рубившаго лѣсъ, трудъ человѣка, разводившаго и воспитывавшаго лѣсъ.

Къ этому разряду принадлежатъ также труды земледѣльца,

производящаго ленъ, пеньку, хлопчатую бумагу, воспитывающаго шелковичныхъ червей, производящаго кормъ для скота, красильныя вещества, растенія для выдѣлки масла и множество другихъ предметовъ, пригодныхъ только для употребленія въ другихъ отрасляхъ промышленности. Сюда принадлежитъ также трудъ охотника, когда его цѣль въ добываніи мѣховъ и перьевъ; трудъ пастуха и земледѣльца, воспитывающаго скотъ, въ томъ отношеніи, что этимъ трудомъ доставляется шерсть, шкуры, щетина, рога, конскій волосъ и т. д. Вещи, служащія матеріалами для разныхъ издѣлій, имѣютъ самый разнородный характеръ и получаются почти изъ всѣхъ областей животнаго, растительнаго и минеральнаго царствъ. Кромѣ того, готовые продукты многихъ отраслей промышленности служатъ матеріалами для другихъ отраслей. Пряжа, производимая одною промышленностью, употребляется почти исключительно какъ матеріалъ для другой промышленности, для тканья. Самый продуктъ тканья служитъ главнымъ образомъ какъ матеріалъ для людей, изготовляющихъ одежду, или мебель, или новыя орудія для производительной промышленности, напримѣръ паруса. Все занятіе кожевника и дубильщика состоитъ въ превращеніи сыраго матеріала въ матеріалъ, такъ сказать, обработанный. Строго говоря, всѣ съѣстные продукты, выходящіе изъ рукъ земледѣльца, только матеріалы для людей, занимающихся приготовленіемъ пищи.

4. Второй разрядъ косвеннаго труда — трудъ выдѣлки инструментовъ или орудій для помощи труду. Я употребляю эти термины въ самомъ обширномъ смыслѣ, понимая подъ ними всѣ постоянныя орудія или пособія для производства, начиная съ кремня и огнива для высѣканія огня, до пароваго корабля или самой сложной фабричной машины. Трудно опредѣлить черту разграниченія между орудіями и матеріалами, и нѣкоторыя вещи, служащія для производства (напримѣръ, топливо), едва ли захочетъ называть тѣмъ или другимъ именемъ разговорная рѣчь, приспособившаяся къ требованіямъ житейскихъ соображеній, а не научнаго изложенія. Чтобы избѣжать размноженія разрядовъ и названій, основанныхъ на подраздѣленіи не имѣющемъ научной важности, экономисты включаютъ въ разряды орудій и матеріаловъ всѣ вещи, служащія непосредственно для производства (о вещахъ, служащихъ для него не непосредственно, мы будемъ говорить на слѣдующихъ страницахъ). Можно думать, что проще и лучше всего линія разграниченія между орудіями и матеріалами опредѣлится тѣмъ, если

мы станемъ считать матеріаломъ всякое средство производства, которое служитъ на него только одинъ разъ, этимъ однимъ разомъ разрушаясь или становясь непригоднымъ для такого же вторичнаго дѣла. Такъ топливо, разъ сгорѣвъ, уже не можетъ снова служить топливомъ, — на топливо годится опять только та часть его, которая осталась несгорѣвшею въ первый разъ. Мало того, что оно за одинъ разъ истребляется употребленіемъ, оно и полезно только только своимъ уничтоженіемъ, потому что если бы ни одна часть топлива не истребилась, то не произошло бы теплоты. Руно также уничтожается пряденіемъ нитокъ: когда онѣ выпрядены, руна уже не остается; да и самая пряжа уже перестаетъ быть пряжею, когда соткано изъ нея сукно. Но топоръ не уничтожается тѣмъ, что срубается дерево; онъ останется тѣмъ же топоромъ и можетъ потомъ служить на срубку еще сотни или тысячи деревьевъ. Правда, что каждымъ разомъ онъ нѣсколько портится, но онъ дѣлаетъ свое дѣло не тѣмъ что портится, между тѣмъ какъ каменный уголь и руно дѣлаютъ свое дѣло тѣмъ, что разрушаются; напротивъ, топоръ тѣмъ лучшее орудіе, чѣмъ лучше держится противъ порчи. Къ разряду матеріаловъ справедливо причисляются разныя вещи, которыя могутъ идти въ дѣло по два и по три раза, но только тогда, когда продуктъ, составлявшійся изъ нихъ прежде, перестаетъ существовать. Желѣзо, составлявшее котелъ или рядъ трубъ, можетъ быть перековано въ плугъ или въ паровую машину; кирпичи, составлявшіе домъ, могутъ по его сломкѣ служить на постройку другаго дома. Но это возможно только по уничтоженіи прежняго продукта: эти вещи теряютъ свою годность быть матеріалами, пока не прекратится существованіе прежняго продукта. Не таковъ характеръ вещей, называемыхъ орудіями: онѣ могутъ постоянно употребляться все на новыя дѣла до той, иногда очень отдаленной, поры, пока изотрутся, а дѣло ими сдѣланное продолжаетъ существовать, и если разрушается, то уже по своимъ собственнымъ законамъ или по случайностямъ, относящимся собственно уже къ нему, а не къ нимъ *).

---

*) Критикъ, разбиравшій эту книгу въ Edinburgh Review (за октябрь 1848 года), иначе опредѣляетъ различіе между матеріалами и орудіями. Онъ предлагаетъ называть матеріялами «всѣ тѣ вещи, которыя, потерпѣвъ перемѣну, требуемую производствомъ, составляютъ предметъ обмѣна», а орудіями или инструментами «вещи, которые употребляются для произведенія этой перемѣны, но сами не становятся частью результата, поступающаго въ об-

Изъ подраздѣленія вещей на матеріалы и на орудія слѣдуетъ только одна разница, очень важная въ практическомъ отношеніи и уже замѣченная нами на одной изъ предыдущихъ страницъ. Матеріалы, какъ матеріалы, разрушаются употребленіемъ за одинъ разъ; потому изъ одного этого продукта, производимаго однимъ разомъ, долженъ быть вознагражденъ весь трудъ, израсходованный на производство матеріаловъ, и человѣкъ, давшій средства заниматься этимъ трудомъ, также долженъ быть вознагражденъ за отсрочку своего личнаго потребленія. Напротивъ того, орудія могутъ служить на повтореніе производства много разъ, потому вся сумма продуктовъ, произведенію которыхъ содѣйствовали эти орудія, служитъ фондомъ, изъ котораго берется вознагражденіе за трудъ ихъ выдѣлки и вознагражденіе за отсрочку личнаго потребленія со стороны людей, сбереженіями которыхъ содержался этотъ трудъ. Достаточно будетъ, если каждый изъ множества этихъ продуктовъ дастъ часть, и обыкновенно незначительную часть, вознагражденія за трудъ и отсрочку потребленія при выдѣлкѣ орудій или часть вознагражденія ближайшему производителю за-то, что онъ далъ впередъ это вознагражденіе человѣку, который произвелъ орудія.

5. Третій родъ косвеннаго труда. Кромѣ матеріаловъ, надъ которыми трудится производство, и орудій помогающихъ ему, нужны особенныя мѣры, принимаемыя для того, чтобы ходъ производства не прерывался помѣхами и продукты не портились отъ разрушительныхъ силъ природы или отъ человѣческаго насилія и хищничества. Изъ этого возникаетъ новый способъ, по которому трудъ, не употребленный прямо на самый продуктъ, содѣйствуетъ его производству: это трудъ, употребленный на охраненіе производства. Такова цѣль всѣхъ построекъ для промышленности: мануфактуръ, магазиновъ, доковъ, хлѣбныхъ анбаровъ, овиновъ, и земледѣльческихъ строеній для скота или для разныхъ операцій земледѣльческаго труда. Я не включаю сюда тѣ постройки, въ которыхъ живутъ работники, и которыя назначены для ихъ разныхъ личныхъ надобностей: эти постройки, подобно пищѣ работниковъ, удовлетворяютъ потребностямъ самаго человѣка и должны

мѣнъ». По такимъ опредѣленіямъ топливо, сожигаемое на фабрикѣ, надобно было бы считать не матеріаломъ, а орудіемъ. Это употребленіе терминовъ болѣе предлагаемаго мною согласовалось бы съ первоначальнымъ физическимъ значеніемъ слова матеріалъ: но подраздѣленіе, на которомъ оно основано, не важно для политической экономіи. Пр. авт.

причисляться къ вознагражденію за его трудъ. Есть разныя формы, въ которыхъ трудъ еще прямѣе употребляется на охраненіе производительныхъ процессовъ.

Пастухъ занятъ почти только тѣмъ, чтобы охранять скотъ отъ вреда: положительныя силы, производящія охраняемый имъ продуктъ, дѣйствуютъ почти сами собою. Я уже говорилъ о трудѣ человѣка, копающаго канавы, дѣлающаго заборы (плетни) и изгороди. Сюда же надобно причислять трудъ солдата, полицейскаго стража и судьи. Эти агенты общества занимаются не исключительно охраненіемъ производства и жалованье имъ не составляетъ части издержекъ производства для отдѣльнаго производителя; но жалованье имъ уплачивается изъ налоговъ, собираемыхъ съ продуктовъ производства, и въ странѣ, имѣющей сколько нибудь порядочное управленіе, эти люди оказываютъ операціямъ производства услугу гораздо значительнѣйшую издержки на содержаніе охранителей. Такимъ образомъ для всего общества ихъ трудъ составляетъ часть издержекъ производства и если бы количества продуктовъ не было достаточно на содержаніе этого труда, сверхъ всѣхъ другихъ требуемыхъ производствомъ родовъ труда, то производство не было бы возможно, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ какъ теперь. Надобно прибавить, что если бы правительство не давало охраненія дѣлу производства, то производители были бы принуждены или отнимать на свою защиту значительную часть своего времени и труда отъ производства, или нанимать на свою защиту вооруженныхъ людей; въ томъ и другомъ случаѣ трудъ охраненія прямо вознаграждался бы изъ продукта и нельзя было бы производить вещей, не дающихъ средства платить за этотъ прибавочный трудъ. При нынѣшнемъ устройствѣ, продуктъ платитъ свою долю на такое же охраненіе и получаетъ его въ болѣе удовлетворительномъ качествѣ съ гораздо меньшими издержками, не смотря на растраты и расточительность, которымъ подвержены правительственные расходы.

6. Четвертый разрядъ. Очень большое количество труда употребляется не на производство продукта, а на то, чтобы сдѣлать произведенный продуктъ доступнымъ для тѣхъ, для чьего употребленія онъ назначенъ. Есть много важныхъ разрядовъ работниковъ, занимающихся исключительно дѣлами этого рода. Во первыхъ, сюда принадлежатъ всѣ классы работниковъ, занятыхъ водяною или сухопутною перевозкою, погонщики муловъ, возчики, работники на рѣчныхъ судахъ, матросы, носильщики, прислуга желѣзныхъ

дорогъ и т. д. Во вторыхъ, строители всѣхъ орудій перевозки: кораблей, барокъ, телѣгъ, локомотивовъ и т. д., также каналовъ, простыхъ и желѣзныхъ дорогъ. Дороги дѣлаются иногда правительствомъ, и за провозъ по нимъ ничего не берется; но тѣмъ не менѣе, трудъ постройки ихъ уплачивается изъ продуктовъ. Уплачивая свою долю той части налоговъ, которая идетъ вообще на постройку дорогъ, каждый производитель платитъ за тѣ дороги, которыми пользуется; и если дороги строятся сколько нибудь разсудительно, онѣ увеличиваютъ производительность его дѣла количествомъ гораздо бо̀льшимъ этой уплаты.

Другой многочисленный классъ работниковъ, занятыхъ тѣмъ, чтобы дѣлать продукты доступными для потребителей—классъ оптовыхъ и мелочныхъ торговцевъ, которыхъ можно назвать распредѣлителями. Тратилось бы очень много времени и хлопотъ, неудобство часто доходило бы до невозможности, еслибы потребители могли получать нужныя имъ вещи только черезъ прямыя сдѣлки съ производителями. И производители и потребители разбросаны; разстояніе между производителемъ и потребителемъ часто очень велико; чтобы уменьшить потерю времени и труда, давно придумали устроивать ярмарки и базары, на которыхъ производители и потребители могли бы періодически сходиться безъ всякаго посредничества. Эта система довольно удобна для многихъ товаровъ, въ особенности для земледѣльческихъ продуктовъ, потому что земледѣльцы въ извѣстныя времена года имѣютъ нѣкоторое количество свободнаго времени. Но даже и тутъ отправляться въ данное мѣсто часто бываетъ очень хлопотливо и неудобно покупателямъ, имѣющимъ другія занятія и не живущимъ въ близкомъ сосѣдствѣ; а по товарамъ, производство которыхъ требуетъ постояннаго вниманія производителей, эти періодическіе торги должны производиться черезъ такіе длинные промежутки и потребители должны запасать себѣ такія большія количества этихъ товаровъ, или такъ долго оставаться безъ нихъ, что еще въ тѣ времена, когда средствами общества не допускалось учрежденіе лавокъ, доставленіе такихъ товаровъ потребителямъ вообще стало занятіемъ странствующихъ торговцевъ: разносчикъ, могшій являться разъ въ мѣсяцъ, представлялъ гораздо больше удобства нежели ярмарка, которая бывала только разъ или два раза въ годъ. Въ деревенскихъ округахъ, далекихъ отъ городовъ и большихъ селъ, ремесло разносчиковъ еще не совершенно устранилось лавками. Но торговецъ, всегда имѣющій товары въ извѣстномъ мѣстѣ и имѣющій постоянныхъ

покупателей, снабжаетъ потребителей гораздо вѣрнѣе разносчика и потребители предпочитаютъ обращаться къ нему, если только дойти до него не трудно; потому торговцы находятъ выгоду основывать постоянныя лавки въ каждой мѣстности, гдѣ есть число покупателей, достаточное для ихъ вознагражденія.

Часто производитель и торговецъ одно и тоже лицо, или производителю принадлежитъ по крайней мѣрѣ товаръ, продаваемый торговцемъ, и надзоръ за продажею. Портной, сапожникъ, булочникъ и многіе другіе торговцы сами производятъ товары, которыми торгуютъ, сами обращаютъ свои матеріалы въ продуктъ, которымъ торгуютъ. Но соединеніе производителя съ лавочникомъ въ одномъ лицѣ выгодно только тогда, когда товаръ удобно производить въ томъ самомъ мѣстѣ или близко къ тому мѣсту, гдѣ выгодно производить мелочную распродажу его, и когда притомъ товаръ производится и продается небольшими единицами. Когда товаръ надобно привозить издалека, одному лицу неудобно наблюдать и за производствомъ и за продажею; когда товаръ лучше и дешевле можно производить въ большомъ размѣрѣ, то одна фабрика требуетъ для сбыта своего продукта продажи его въ столькихъ разныхъ мѣстностяхъ, что удобнѣе всего передавать мелочную продажу другимъ лицамъ; даже сапоги и платье обыкновенно получаются не прямо отъ производителей, когда вдругъ требуются въ большомъ количествѣ, какъ напримѣръ, на цѣлый полкъ или на рабочій домъ: они поставляются въ такихъ случаяхъ торговыми посредниками, имѣющими своимъ занятіемъ разузнавать, отъ какихъ производителей дешевле можно достать лучшій товаръ. Даже въ тѣхъ товарахъ, окончательная продажа которыхъ происходитъ по мелочи, удобство скоро создаетъ классъ оптовыхъ торговцовъ. Когда продукты и торговыя сдѣлки размножились до извѣстной степени, когда одна мануфактура снабжаетъ много лавокъ, а одна лавка должна покупать товары изъ многихъ мануфактуръ разнаго рода, то для избѣжанія хлопотъ и траты времени мануфактуристамъ и мелочнымъ торговцамъ становится удобнѣе имѣть дѣло не прямо другъ съ другомъ, а съ небольшимъ числомъ оптовыхъ торговцевъ; они, собирая товаръ отъ разныхъ производителей, распредѣляютъ его по мелочнымъ торговцамъ, которые, въ свою очередь, распредѣляютъ его по потребителямъ. Изъ этихъ разныхъ разрядовъ составляется распредѣляющій классъ, дѣятельность котораго служитъ дополненіемъ къ дѣятельности производящаго класса, и распредѣленный такимъ образомъ продуктъ

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

или его цѣна служитъ источникомъ, изъ котораго распредѣлители вознаграждаются за свою дѣятельность и за отсрочку личнаго потребленія, давшую имъ средство производить впередъ уплаты, требуемыя дѣломъ распредѣленія.

7. Мы кончили перечисленіе способовъ, которыми служитъ производству трудъ, обращенный на внѣшнюю природу. Но есть еще способъ употребленія труда, также ведущій къ этой цѣли, хотя еще отдаленнѣйшимъ путемъ, — это трудъ, предметомъ котораго бываетъ человѣкъ. Каждый изъ людей воспитывается съ младенчества; на это воспитаніе или прокормленіе расходуется много труда однимъ или нѣсколькими другими людьми, и еслибъ не былъ употребленъ на человѣка весь этотъ трудъ или часть его, ребенокъ никакъ не достигъ бы возраста и силы, чтобы стать въ свою очередь работникомъ. Для общества во всей цѣлости, трудъ и издержки на воспитаніе (прокормленіе) малолѣтней части населенія составляютъ часть расхода, служащаго условіемъ производства; эта часть должна съ избыткомъ покрываться будущимъ продуктомъ труда воспитываемыхъ. Напротивъ, отдѣльные люди подвергаются этому труду и расходу обыкновенно вовсе не по тому побужденію, чтобы получить въ будущемъ выгоду, и политическая экономія въ большей части своихъ соображеній не должна причислять этого труда и расхода къ издержкамъ производства. Но техническое или промышленное воспитаніе общества, трудъ, употребляемый на то, что люди учатъ и учатся производительнымъ искусствамъ, на пріобрѣтеніе и сообщеніе мастерства въ этихъ искусствахъ, — этотъ трудъ совершается именно для того, и обыкновенно единственно для того, чтобы черезъ него достичь большаго или болѣе цѣннаго производства, чтобы учащимся было современемъ собрано вознагражденіе за него или даже вознагражденіе съ излишкомъ, и кромѣ того доставлено пропорціональное вознагражденіе учителю, если у него былъ учитель.

Умственный трудъ, дающій производительную силу, подобно физическому долженъ считаться частью труда, которымъ общество исполняетъ свои производительныя операціи, иначе сказать, долженъ считаться частью стоимости продукта для общества. Точно тоже надобно сказать и о трудѣ, употребляемомъ на поддержаніе производительныхъ силъ, на охраненіе ихъ отъ погибели или ослабленія вреднымъ случаемъ или болѣзнью. Трудъ доктора или хирурга, когда имъ пользуются производители, долженъ считаться въ общественной экономіи пожертвованіемъ, дѣлаемымъ для того,

чтобы предохранить отъ погибели, смерти или болѣзни ту часть производительныхъ средствъ общества, которую составляютъ жизнь и тѣлесныя или умственныя силы членовъ общества, занимающихся производствомъ. Но для отдѣльныхъ людей разсчетъ служитъ только частью, иногда незамѣтною частью побужденій, по которымъ они обращаются къ медицинскому пособію. Когда человѣкъ даетъ хирургу произвести надъ нимъ ампутацію или старается вылечиться отъ лихорадки, главнымъ побужденіемъ тутъ бываетъ не экономическій разсчетъ, хотя и этотъ разсчетъ самъ по себѣ уже составляетъ достаточное основаніе лечиться. Такимъ образомъ, здѣсь мы видимъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда трудъ и расходъ, ведущій къ производству, совершается не для этой цѣли, не для выгоды, и потому выходитъ изъ сферы почти всѣхъ тѣхъ общихъ теоремъ, которыя выводятся политическою экономіею относительно производительнаго труда; но если брать въ разсчетъ дѣла общества, а не дѣла отдѣльныхъ лицъ, то надобно этотъ трудъ и расходъ считать частью затраты, которая нужна обществу для производительныхъ операцій, и вознагражденіемъ за которую долженъ быть продуктъ.

8. Есть еще родъ труда, который, причисляясь обыкновенно къ умственному, содѣйствуетъ полученію продукта также прямо, хотя не такъ непосредственно, какъ и самъ физическій трудъ; это трудъ изобрѣтателей промышленныхъ процессовъ. Я говорю «онъ обыкновенно причисляется къ умственному», потому что въ сущности онъ не исключительно умственный. Всякая человѣческая дѣятельность состоитъ изъ соединенія умственнаго и тѣлеснаго элемента. Самый тупой носильщикъ, изо дня въ день таскающій кирпичи по подмосткамъ, исполняетъ дѣло отчасти умственное: самая понятливая собака, самый умный слонъ, вѣроятно, не могутъ выучиться этому. Самый тупоумный человѣкъ, будучи пріученъ, можетъ вертѣть рукоятку машины, а лошадь не можетъ вертѣть этого колеса, если кто нибудь не погоняетъ ее и не смотритъ за ней. Наоборотъ, есть физическій элементъ въ трудѣ повидимому чисто умственномъ, если онъ производитъ какой нибудь внѣшній результатъ. Ньютонъ не могъ бы произвести своихъ Principia безъ физическаго труда, ему нужно было писать или диктовать свою книгу; ему надобно также было начертить много фигуръ, написать много вычисленій и доказательствъ, пока онъ готовилъ ихъ въ умѣ. Изобрѣтатели, кромѣ головной работы, вообще дѣлаютъ много труда руками, устроивая модели и производя

опыты, прежде чѣмъ ихъ мысль успѣетъ осуществиться на фактѣ. Но все равно, будетъ ли ихъ трудъ умственнымъ или физическимъ, онъ составляетъ часть труда, совершающаго производство. Трудъ Уатта, изобрѣтшаго паровую машину, былъ такою же существенною частью производства, какъ трудъ работниковъ, дѣлающихъ такія машины или управляющихъ ими, и подобно ихъ труду онъ производился съ разсчетомъ на вознагражденіе изъ продукта. Часто трудъ изобрѣтенія цѣнится и уплачивается тѣмъ же способомъ, какъ трудъ исполненія. У многихъ фабрикантовъ, производящихъ модныя вещи, находятся на службѣ изобрѣтатели, получающіе за составленіе рисунковъ жалованье или рабочую плату, точно такъ же какъ другіе получаютъ ее за копированіе рисунковъ. Все это составляетъ въ строгомъ смыслѣ часть труда производства, какъ трудъ автора книги составляетъ часть этого продукта наравнѣ съ трудомъ типографщика и переплетчика.

Съ національной или всеобщей точки зрѣнія трудъ ученаго или мыслителя, занимающагося отвлеченными изслѣдованіями, составляетъ часть производства въ такомъ же тѣснѣйшемъ смыслѣ, какъ трудъ человѣка, дѣлающаго практическое изобрѣтеніе, потому что многія практическія изобрѣтенія были прямыми послѣдствіями теоретическихъ открытій, и каждое расширеніе знаній о силахъ природы было плодотворно по отношенію къ житейскимъ дѣламъ. Электро-магнитный телеграфъ былъ изумительнымъ и неожиданнымъ слѣдствіемъ опытовъ Эрстеда и математическихъ изслѣдованій Ампера; нынѣшнее искусство мореплаванія было непредвидѣннымъ выводомъ изъ изслѣдованій Александрійскихъ математиковъ о свойствахъ трехъ кривыхъ, производимыхъ сѣченіемъ плоскости и конуса,—изслѣдованій чисто отвлеченныхъ и производившихся повидимому просто изъ любознательности. Даже съ чисто матеріальной точки зрѣнія нельзя опредѣлить никакихъ границъ для важности мышленія, хотя бы мы говорили только о производствѣ. Но эти матеріальныя послѣдствія, хотя и бывающія результатомъ ученыхъ изслѣдованій, рѣдко составляютъ прямую цѣль ихъ; потому и вознагражденіе за нихъ вообще берется не изъ увеличенія продуктовъ, производимаго учеными открытіями случайно и почти всегда долго спустя послѣ того, какъ они сдѣланы; въ большей части вопросовъ политической экономіи не нужно принимать въ разсчетъ этого дѣла, и мыслители, занимающіеся отвлеченными изысканіями, обыкновенно считаются только производителями книгъ и другихъ полезныхъ предметовъ, имѣющихъ

продажную цѣну, прямо производимыхъ ими. Но если мы станемъ на другую точку зрѣнія, переходить на которую мы всегда должны быть готовы въ политической экономіи, и возмемъ въ соображеніе не дѣла частныхъ лицъ и не ихъ побужденія, а національные и общечеловѣческіе результаты, то мы должны приписать теоретическому мышленію могущественнѣйшее участіе въ производительномъ трудѣ общества, а ту часть средствъ общества, которая употребляется на веденіе и вознагражденіе этого труда, высоко производительною частью расходовъ общества.

9. Обозрѣвая способы употребленія труда на производство, я не держался обыкновеннаго раздѣленія промышленности на земледѣльческую, мануфактурную и торговую, потому что оно плохо соотвѣтствуетъ условіямъ классификаціи. Подъ него вовсе не подходятъ или подходятъ лишь съ большою натяжкою многія важныя отрасли производительной промышленности, напримѣръ, не говоря уже объ охотѣ и рыболовствѣ, рудокопствѣ, дѣланіе дорогъ и мореходство. Притомъ, нельзя провести точной границы между земледѣльческою и мануфактурною промышленностью. Напримѣръ, къ какой изъ нихъ надобно отнести ремесло мельника и булочника? По своему характеру, это занятія мануфактурныя; пища уже окончательно разсталась съ землею, переходя въ ихъ руки. Но тоже можно сказать о трудѣ молотьбы и вѣянія хлѣба, о дѣланіи масла и сыра, занятіяхъ, всегда причисляемыхъ къ земледѣльческой промышленности, вѣроятно потому, что обыкновенно они исполняются людьми, живущими на фермѣ, подъ тѣмъ же самымъ управленіемъ, какъ хлѣбопашество. По многимъ отношеніямъ, всѣ эти люди, въ томъ числѣ мельникъ и булочникъ, должны причисляться къ одному разряду съ пахарями и жнецами. Всѣ они занимаются производствомъ пищи и получаютъ свое вознагражденіе изъ произведенной пищи; когда одни изъ нихъ имѣютъ изобиліе, его имѣютъ и другіе. Всѣ они вмѣстѣ составляютъ собою «земледѣльческую партію». Трудами всѣхъ ихъ вмѣстѣ оказывается націи одна общая услуга и всѣ они получаютъ уплату изъ одного источника. Наоборотъ, даже землепашество, когда имъ производится не пища, а матеріалъ для такъ называемой мануфактурной промышленности, по многимъ отношеніямъ принадлежитъ въ общественной экономіи къ этой промышленности. Каролинскій воздѣлыватель хлопчатой бумаги и австралійскій производитель шерсти имѣютъ больше общихъ интересовъ съ прядильщикомъ и ткачемъ, нежели съ хлѣбопашцемъ. Но съ другой стороны

промышленность, непосредственно связанная съ землею, имѣетъ, какъ мы увидимъ, особенныя свойства, изъ которыхъ проистекаютъ очень важные факты и которыми она отличается отъ послѣдующихъ фазисовъ производства, хотя бы велась и тѣми же людьми, какъ эти дальнѣйшія операціи; отличается отъ молотьбы и вѣянія столько же, сколько отъ тканья каленкора. Когда я буду говорить о земледѣльческомъ трудѣ, я буду вообще разумѣть такую промышленность, и ее надобно подразумѣвать въ моихъ словахъ исключительно, если прямо или косвенно не сказано, что смыслъ моего выраженія относится не къ ней. Слово «мануфактурный» такъ неопредѣленно, что неудобно употреблять его, когда нужна точность выраженій, и когда я буду употреблять его, читатель долженъ знать, что я хочу говорить популярнымъ, а не научнымъ языкомъ.

ГЛАВА III.

НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУДЪ.

1. Трудъ необходимъ для производства, но производство не всегда бываетъ его результатомъ. Есть много труда, и труда очень полезнаго, предметъ котораго вовсе не производство. Сообразно этому, трудъ раздѣляется на производительный и непроизводительный. Политико-экономы много спорили о томъ, какіе роды труда должны считаться непроизводительными, не всегда замѣчая, что въ сущности не было никакого фактическаго основанія для того, чтобы спорить имъ.

Были писатели, хотѣвшіе называть производительнымъ только такой трудъ, результатомъ котораго бываетъ осязательный предметъ, удобно передаваемый отъ одного человѣка другому. Есть другіе (въ томъ числѣ Мекъ-Кёлокъ и Сэ), считающіе слово непроизводительный унизительнымъ и возстающіе противъ примѣненія его къ какому бы то ни было полезному труду, какому бы то ни было труду, приносящему пользу или удовольствіе, равное расходу на него. Трудъ чиновниковъ, морскихъ и сухопутныхъ войскъ, медиковъ, адвокатовъ, преподавателей, музыкантовъ, танцовщиковъ и танцовщицъ, актеровъ и актрисъ, домашней прислуги и т. д. не долженъ, по словамъ этихъ писателей, «клеймиться» именемъ непроизводительнаго, когда эти люди дѣйствительно не-

полняютъ дѣло, за которое получаютъ плату, и когда количество ихъ не превышаетъ числа, нужнаго для исполненія дѣла, — они кажется считаютъ выраженіе «непроизводительный» синонимомъ словъ излишній, безполезный, пустой. Мнѣ кажется, что споръ этотъ происходитъ отъ непониманія дѣла. Производство не единственная цѣль человѣческаго существованія; названію «непроизводительный» нѣтъ необходимости быть клеймомъ, да и писатели, примѣнявшіе его къ извѣстнымъ родамъ труда, вовсе не думали клеймить ихъ этимъ словомъ. Тутъ дѣло идетъ чисто о формѣ выраженія и о классификаціи. Но разница формъ выраженія не лишена своей важности, хотя бы и не основывалась на различіи мнѣній: изъ двухъ разныхъ выраженій, одинаково согласныхъ съ полною истиною, одно обыкновенно привлекаетъ наше вниманіе къ одной сторонѣ предмета, другое къ другой. Потому мы должны нѣсколько заняться разными значеніями, заключающимися въ терминахъ «производительный» и «непроизводительный» по примѣненію къ труду.

Во первыхъ, не надобно забывать, что даже въ такъ называемомъ производствѣ матеріальныхъ предметовъ производится не матерія, составляющая ихъ. Весь трудъ всего человѣчества не можетъ произвести ни одного атома матеріи. Соткать сукно значитъ только расположить особеннымъ образомъ частицы шерсти; произвести хлѣбъ значитъ только помѣстить частицу матеріи, называемую зерномъ, въ такое положеніе, чтобы она могла стягивать разныя частицы матеріи изъ земли и воздуха для составленія новой комбинаціи, называемой растеніемъ. Создавать матерію мы не можемъ, а можемъ только заставлять ее принимать качества, по которымъ она, бывши прежде безполезною для насъ, становится полезною. Мы производимъ и хотимъ произвести всегда только полезность по вѣрному выраженію Сэ: трудъ создаетъ не предметы, а только полезности. Точно также потребляются и разрушаются нами не самые предметы (8). Матерія, изъ которой они состояли,

---

(.)Милль нарушаетъ строгую точность терминологіи,—надобно было сказать не «предметы», а «матерія, составляющая предметы». Предметы мы создаемъ. Предметомъ называется часть матеріи, принявшая извѣстную форму и качества. Трудъ, давая желѣзу пропитаться углеродомъ, превращаетъ желѣзо въ сталь. Сталь особенный предметъ. Этотъ предметъ самою природою не создается: онъ создается только трудомъ. Но матерія, составляющая сталь, не создается трудомъ: онъ не можетъ произвести ни одного атома желѣза или углерода. Но и тутъ опять: матерія, составляющая желѣзо, атомы

остается, больше или меньше измѣнившись въ формѣ; потребляются собственно качества, по которымъ они были пригодны для назначавшейся имъ цѣли [9]). Потому Сэ и нѣкоторые другіе писатели основательно спрашиваютъ: если подъ фразою «мы производимъ предметы» надобно понимать только: производимъ полезности [10]),

---

этого предмета не производятся трудомъ: онѣ только извлекаются изъ желѣзной руды, а желѣзо все таки особенный предметъ, различный отъ желѣзной руды (напримѣръ, отъ магнита). Желѣзо какъ желѣзо, какъ особенный предметъ, не существуетъ въ природѣ: оно создается трудомъ. Мы не можемъ создавать атомы матеріи или элементы ея (простыя химическія тѣла): но мы создаемъ ихъ комбинаціи; каждая изъ этихъ комбинацій есть особенный предметъ; каждое опредѣленное количество каждой комбинаціи или каждаго элемента, получившее особенную фигуру, прочно сохраняющуюся и оказывающую такія дѣйствія, какихъ тоже вещество не имѣетъ въ другихъ фигурахъ, также есть особенный предметъ, напримѣръ, плугъ, заступъ, вилы, вилка—разные предметы, производимые трудомъ изъ желѣза. Конечно, и тутъ дѣло только въ формѣ выраженія. Точно также мы и разрушаемъ предметы, а не разрушаемъ только матерію ихъ.

(9) Опять та же неточность. Сами предметы могутъ быть потребляемы, самыя частицы матеріи потребляются (хотя не истребляются, между тѣмъ какъ предметы даже истребляются). Пища потребляется организмомъ, всасывается въ его составъ, такъ что вмѣсто двухъ предметовъ, куска хлѣба и организма, получается одинъ предметъ, организмъ, съ нѣсколько увеличившимся количествомъ сначала одной изъ своихъ частей, крови, потомъ другихъ частей, мускуловъ, костей и т. д. Скажутъ: это увеличеніе уравновѣшивается потерею частицъ черезъ ихъ выдѣленіе; но вѣдь выдѣляется вовсе не то, что принимается, не хлѣбъ, а уже испарина и т. д. Притомъ, потребленіе пищи составомъ организма превышаетъ ея выдѣленіе во все время, пока организмъ ростетъ. Это и предыдущее замѣчаніе показываютъ, какъ опасно пользоваться трудами французскихъ экономистовъ школы Смита: даже такой сильный въ логикѣ, такой точный умъ, какъ умъ Милля, тотчасъ же впалъ въ неточность, лишь только вздумалъ воспользоваться мыслью лучшаго изъ этихъ экономистовъ, Сэ.

(10) Нѣтъ, эти выраженія неправильны: мы производимъ и потребляемъ не только полезности, а самые предметы, и надобно сказать, что производить полезность мы можемъ не иначе, какъ производя предметъ, потреблять ее не иначе, какъ только потребляя предметъ. Весь эпизодъ, на который мы дѣлали эти замѣчанія, возникъ изъ фальшиваго понятія о качествахъ матеріи, какъ о чемъ-то различномъ отъ матеріи, о чемъ-то самобытномъ, какъ будто о какихъ-то эѳирныхъ предметахъ (невѣсомыхъ жидкостяхъ), сидящихъ въ томъ грубо матеріальномъ предметѣ, который можно класть на вѣсы. Разныя качества матеріи — это таже самая матерія, разсматриваемая съ разныхъ точекъ зрѣнія, по соприкосновенію съ другими частями матеріи. Точныя выраженія таковы: мы производимъ предметъ для того, чтобы воспользоваться извѣстными качествами его, составляющими его полезность для насъ: потребляя предметъ, мы пользуемся этими качествами или полезностью его.

то какъ же не считать производительнымъ всякій трудъ, производящій полезность? Какъ отказывать въ производительности труду хирурга, вправляющаго руку, судьи или законодателя, вносящаго безопасность въ общество, и давать это имя ювелиру, гранящему и шлифующему алмазъ? Какъ отказывать въ этомъ имени труду наставника, научающаго меня мастерству, которое меня будетъ пропитывать, и давать его кандитеру, дѣлающему конфекты на минутное наслажденіе чувству вкуса?

Совершенная правда, что всѣ эти роды труда производятъ полезности, и вопросъ, занимающій насъ теперь, вовсе не существовалъ бы, если бы производство полезности само по себѣ уже удовлетворяло понятію, господствующему между людьми о производительномъ трудѣ. Въ выраженіяхъ «производство и производительный», есть эллипсисъ, въ нихъ подразумѣвается понятіе, что произведено *нѣчто*; а это *нѣчто* по общему понятію не полезность, а богатство. Производительный трудъ значитъ «трудъ, производящій богатство». Такимъ образомъ мы должны возвратится къ вопросу, котораго касались въ первой главѣ: что такое богатство? должны ли быть считаемы богатствомъ вообще всѣ полезные продукты или только матеріальные продукты?

2. Полезности, производимыя трудомъ, бываютъ трехъ родовъ:

Во первыхъ, полезности, вложенныя и осуществленныя во внѣшнихъ предметахъ, производимыя трудомъ, употребляемымъ на придачу внѣшнимъ матеріальнымъ вещамъ качествъ, дѣлающихъ ихъ годными для людей. Это обыкновенный случай; онъ не требуетъ объясненія.

Во вторыхъ, полезности, вложенныя и осуществленныя въ людяхъ; трудъ въ этомъ случаѣ употребляется на придачу людямъ качествъ, которыя дѣлаютъ ихъ годными для самихъ себя и для другихъ. Къ этому разряду принадлежитъ трудъ всѣхъ людей, занимающихся воспитаніемъ: не только учителей, гувернеровъ и профессоровъ, но и правительствъ, на сколько правительства заботятся объ улучшеніи народа и успѣваютъ въ томъ; трудъ моралистовъ и духовенства, насколько онъ приноситъ пользу; трудъ докторовъ, насколько онъ служитъ средствомъ къ сохраненію жизни и физическихъ или умственныхъ силъ; трудъ людей, обучающихъ физическимъ занятіямъ, разнымъ промысламъ, практическимъ наукамъ и искусствамъ, вмѣстѣ съ трудомъ учениковъ на пріобрѣтеніе этихъ знаній и искусствъ; наконецъ, вообще всякій трудъ, обращаемый въ жизни человѣкомъ на улучшеніе своего или

чужаго знанія и на развитіе своихъ или чужихъ физическихъ или умственныхъ способностей.

Въ третьихъ, полезности, не вложенныя и не осуществленныя ни въ какомъ предметѣ, а состоящія только въ томъ, что оказывается услуга, дается удовольствіе, отвращается неудобство или страданіе на извѣстное время, но не оставляется никакого постояннаго пріобрѣтенія въ улучшеніи качествъ какого нибудь лица или какой нибудь вещи; трудъ здѣсь употребляется прямо на производство полезности, а не на приспособленіе какого нибудь другаго предмета къ произведенію полезности, какъ бываетъ въ первыхъ двухъ случаяхъ. Таковъ напримѣръ трудъ музыканта, актера, человѣка декламирующаго что нибудь передъ публикой или дающаго передъ нею какое нибудь представленіе. Безъ сомнѣнія этимъ можетъ производиться нѣкоторая и иногда очень большая польза чувствамъ и расположенію ума или общему состоянію пріятнаго чувства въ зрителяхъ, остающаяся и по окончаніи дѣла; или наоборотъ вмѣсто пользы можетъ производиться также долговременный вредъ. Но цѣлью дѣла служитъ не это долговременное измѣненіе, не за него платитъ зритель: цѣль публики и актера только непосредственное наслажденіе. Таковъ же трудъ арміи и флота: лучшее, что могутъ они сдѣлать, это предохранить страну отъ покоренія иностранцами, отъ обидъ матеріальныхъ или нравственныхъ; это услуга, но она оставляетъ страну безъ всякой перемѣны къ лучшему или худшему. Точно таковъ же трудъ законодателя, судьи и всѣхъ другихъ агентовъ правительства при отправленіи ихъ обыкновенныхъ обязанностей, если не принимать въ соображеніе того вліянія, какое они могутъ имѣть на улучшеніе національнаго характера; услуга ими оказываемая состоитъ въ охраненіи тишины и безопасности; эти предметы составляютъ производимую ими полезность. Кому нибудь можетъ показаться, что люди занимающіеся перевозкою и торговцы должны быть отнесены къ тому же классу, потому что ихъ трудъ не придаетъ предметамъ никакихъ новыхъ качествъ. Нѣтъ, онъ придаетъ предметамъ новое качество, качество находиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ они нужны, тогда какъ прежде они находились въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ; а это качество очень полезное, и полезность имъ производимая воплощена въ самыхъ предметахъ, которые теперь дѣйствительно находятся въ томъ мѣстѣ, гдѣ они нужны, и по такому увеличенію своей полезности могутъ быть продаваемы за цѣну возвысившуюся пропорціонально труду, употребленному на вложе-

ніе въ предметы этого качества. Итакъ, трудъ перевозки и торговли принадлежитъ не къ третьему, а къ первому классу.

3. Теперь мы должны разсмотрѣть, о какомъ изъ этихъ разрядовъ труда надобно сказать, что онъ производитъ богатство (вспомнимъ что подъ терминомъ «производительный» разумѣется «производящій богатство»). Полезностей третьяго разряда, состоящихъ въ удовольствіяхъ, которыя существуютъ только во время наслажденія, и въ услугахъ, которыя существуютъ только въ то время, пока совершаются, нельзя назвать богатствомъ, иначе какъ съ намѣреніемъ выразиться метафорически. Существенная черта идеи богатства та, что оно можетъ быть накопляемо; вещи, которыя, будучи произведены, не могутъ быть хранимы хотя сколько нибудь времени, никакъ не считаются богатствомъ; потому что, сколько бы ни было ихъ произведено, сколько бы ни было получено отъ нихъ наслажденія, человѣкъ, пользовавшійся ими, не сталъ отъ нихъ богаче и обстоятельства его нисколько ими не улучшены. Но обычное понятіе не нарушается такъ явно и положительно, если богатствомъ назовется всякій предметъ, который, будучи полезнымъ, можетъ быть накопляемъ. Ловкость, энергія работниковъ извѣстной страны, ихъ постоянство въ работѣ причисляются къ богатству ея, подобно ихъ инструментамъ и машинамъ. По этому опредѣленію, мы должны считать производительнымъ всякій трудъ, употребляемый на созданіе сохраняющихся полезностей, въ чемъ бы не воплощались онѣ, въ людяхъ или въ другихъ одушевленныхъ или неодушевленныхъ предметахъ. Это основаніе номенклатуры я уже предлагалъ въ одномъ изъ прежнихъ своихъ произведеній (*) и думаю, что оно лучше всѣхъ другихъ соотвѣтствуетъ цѣли классификаціи, хотя не строго соотвѣтствуетъ разговорному языку.

Но когда терминъ богатство примѣняется къ промышленнымъ способностямъ людей, въ разговорной рѣчи всегда подразумѣвается тутъ отношеніе къ матеріальнымъ продуктамъ. Искусство мастероваго считается богатствомъ только потому, что оно средство къ пріобрѣтенію богатства въ матеріальномъ смыслѣ, и качества не ведущія явнымъ образомъ къ этой цѣли едва-ли могутъ называться богатствомъ. Какой бы драгоцѣнностью ни были для страны геній, добродѣтели и другія достоинства ея жителей, они не на-

---

*) Essays on some unsettled questions of political economy. Этюдъ III «о словахъ производительный и непроизводительный». Прим. авт.

зываются богатствомъ страны иначе какъ въ метафорическомъ смыслѣ или тогда, когда смотрятъ на эти качества, какъ на продажные товары, которыми страна можетъ пріобрѣтать матеріальное богатство изъ другихъ странъ, какъ напримѣръ, дѣлали древніе греки и разныя націи новаго времени. Если бы я создавалъ новый техническій языкъ, я избралъ бы основаніемъ подраздѣленія способность продуктовъ сохраняться, а не ихъ матеріальность. Но при употребленіи терминовъ, вошедшихъ въ общее употребленіе, надобно употреблять ихъ такъ, чтобы дѣлать какъ можно меньше насилія привычному языку. Улучшеніе терминологіи, покупаемое насилованіемъ принятаго смысла разговорныхъ фразъ, вообще покупается слишкомъ дорого, потому что изъ смѣшенія старыхъ понятій съ новыми возникаетъ темнота.

Потому, когда я буду говорить о богатствѣ въ этомъ трактатѣ, я буду понимать подъ этимъ словомъ только такъ называемое матеріальное богатство, а подъ производительнымъ трудомъ только тѣ роды дѣятельности, которыми производятся полезности, воплощенныя въ матеріальныхъ предметахъ. Но ограничивая смыслъ термина этимъ значеніемъ, я хочу пользоваться имъ въ полномъ размѣрѣ этого тѣснаго значенія и не откажу въ названіи производительнаго такому труду, который не даетъ матеріальнаго продукта прямымъ своимъ результатомъ, если окончательнымъ послѣдствіемъ этого труда бываетъ увеличеніе матеріальныхъ продуктовъ. Такъ я называю производительнымъ трудъ, употребленный на пріобрѣтеніе мануфактурной ловкости, давая ему это названіе не за самую ловкость, а за производимые ею матеріальные продукты, созданію которыхъ существенно полезенъ трудъ обученія ремеслу. Трудъ правительственныхъ агентовъ, доставляющихъ охраненіе, которое тѣмъ или другимъ способомъ необходимо доставлять промышленности для ея успѣшности, долженъ считаться производящимъ даже матеріальное богатство, потому что безъ него оно не могло бы существовать въ изобиліи подобномъ нынѣшнему. Такой трудъ можетъ называться не прямо или косвенно производительнымъ, въ противоположность труду землепашца или ткача, служащихъ производству непосредственно. Сходство между ними то, что они одинаково оставляютъ страну съ большимъ богатствомъ матеріальныхъ продуктовъ, нежели какое она имѣла до нихъ; они увеличиваютъ матеріальное богатство или ведутъ къ его увеличенію.

4. Непроизводительнымъ трудомъ напротивъ того будетъ называться у меня трудъ, не имѣющій своимъ окончательнымъ резуль-

татомъ созданіе матеріальнаго богатства; трудъ, который, въ какомъ бы обширномъ размѣрѣ и съ какимъ бы успѣхомъ ни производился, оставляетъ общество и въ окончательномъ выводѣ весь міръ не богаче прежняго матеріальными продутками, а напротивъ бѣднѣе ими на все то количество, какое было потреблено работниками во время занятія этимъ трудомъ.

Итакъ на языкѣ политической экономіи непроизводительнымъ называется всякій трудъ, который кончается непосредственнымъ наслажденіемъ, не увеличивая накопленнаго запаса постоянныхъ средствъ къ наслажденію. По опредѣленію нами принятому долженъ также считаться непроизводительнымъ и трудъ, кончающійся произведеніемъ не мимолетной пользы, какъ бы ни была она важна, если только увеличеніе матеріальныхъ продуктовъ не составляетъ части этой пользы. Спасеніе жизни друга будетъ производительнымъ трудомъ только въ томъ случаѣ, если имъ спасенъ производительный работникъ, производящій больше нежели потребляетъ. Дѣйствія миссіонера или проповѣдника могутъ назваться совершенно производительными, если кромѣ религіознаго ученія они преподаютъ искусства цивилизованныхъ странъ, какъ дѣлали въ нѣкоторыхъ случаяхъ миссіонеры острововъ Тихаго Океана. Напротивъ того очевидно, что чѣмъ больше количество миссіонеровъ или проповѣдниковъ, содержимыхъ націею, тѣмъ меньше продуктовъ остается у ней для расходованія на другіе предметы, между тѣмъ какъ, чѣмъ больше благоразумныхъ расходовъ дѣлаетъ она на содержаніе земледѣльцевъ и мануфактурныхъ работниковъ, занятыхъ производствомъ, тѣмъ больше будетъ имѣть она продуктовъ для употребленія на другіе предметы. При равныхъ обстоятельствахъ, въ первомъ случаѣ уменьшается, а во второмъ увеличивается запасъ матеріальныхъ продуктовъ у націи.

Непроизводительный трудъ можетъ быть столь же полезнымъ, какъ и производительный, даже со стороны прочной выгоды; но въ другихъ случаяхъ онъ можетъ давать только пріятное ощущеніе, исчезающее безъ всякихъ слѣдовъ; наконецъ онъ можетъ не давать даже и этого, а составлять безусловную растрату труда. Какъ бы то ни было, но общество и человѣчество не богатѣютъ, а бѣднѣютъ отъ него. Всѣ матеріальные продукты, потребляемые человѣкомъ ничего не производящимъ, исключаются этимъ потребленіемъ изъ того количества матеріальныхъ продуктовъ, которыми владѣла бы нація безъ этого потребленія. Но если нація не можетъ богатѣть отъ непроизводительнаго труда, то отдѣльный человѣкъ мо

жетъ, напротивъ, богатѣть отъ него. За непроизводительный трудъ работникъ можетъ получать отъ людей, пользующихся или наслаждающихся его трудомъ, такое вознагражденіе, которое можетъ служить ему значительнымъ источникомъ богатства. Но его выигрышъ уравновѣшивается потерею людей, платящихъ ему; быть можетъ, они получили удовольствіе, равное сдѣланному ими расходу, но они стали бѣднѣе на всю израсходованную сумму. Когда портной дѣлаетъ пальто и продаетъ его, мы имѣемъ во первыхъ передачу платы за пальто отъ покупщика портному, и кромѣ того пальто, котораго прежде не было. Но когда пріобрѣтаетъ вознагражденіе актеръ, мы имѣемъ просто передачу платы въ его кошелекъ изъ кошелька зрителя, и въ вознагражденіе зрителю не остается никакого богатства. Потому общество въ цѣломъ своемъ составѣ ничего не пріобрѣтаетъ отъ труда актера, а теряетъ, въ формѣ доходовъ актера, всю ту часть богатства, которую онъ потребляетъ, сохраняя только то, что онъ сберегаетъ. Но на счетъ другихъ націй, нація можетъ увеличивать свое богатство и непроизводительнымъ трудомъ, какъ можетъ этимъ путемъ увеличивать его на счетъ другихъ людей отдѣльный человѣкъ. Доходы итальянскихъ пѣвицъ, нѣмецкихъ гувернантокъ, французскихъ танцовщицъ служатъ источникомъ богатства для ихъ отечествъ, когда онѣ возвращаются домой, сохранивъ часть полученнаго. Маленькія греческія государства, особенно тѣ изъ нихъ, которыя были грубы и отстали отъ другихъ, были разсадниками солдатъ, нанимаемыхъ восточными государями и сатрапами для веденія безполезныхъ и разрушительныхъ войнъ: они возвращались подъ старость въ отечество съ накопленными деньгами. Они занимались непроизводительнымъ трудомъ и жалованье, ими полученное, вмѣстѣ съ добычею, ими награбленною, было безвозвратною тратою для странъ, дававшихъ его; но не будучи увеличеніемъ богатства для человѣческаго рода, оно было увеличеніемъ богатства Греціи. Позднѣе, та же сама страна и ея колоніи стали снабжать римскую имперію авантюристами другаго рода, подъ именемъ философовъ или риторовъ, учившими молодежь высшихъ сословій тѣмъ занятіямъ, которыми тогда дорожили; почти всѣ эти люди занимались трудомъ непроизводительнымъ, но ихъ большіе доходы служили источникомъ богатства для ихъ отечества. Ни однимъ изъ этихъ занятій общее богатство человѣчества не увеличивалось. Услуги, оказываемыя этими людьми, если были полезны, то получались чрезъ пожертвованіе части матеріальнаго богатства, принадлежавшаго

человѣческому роду; а если онѣ были безполезны, то все богатство, потребленное этими людьми, тратилось совершенно напрасно.

Но не одинъ непроизводительный трудъ составляетъ растрату богатства. Производительный трудъ также бываетъ растратою богатства, если расходуется въ количествѣ большемъ, нежели какимъ дѣйствительно пораждается производство. Если по неискусству работниковъ или по неразсудительности людей, управляющихъ работою, производительная дѣятельность ведется дурнымъ образомъ; если фермеръ продолжаетъ пахать плугомъ въ три лошади съ двумя людьми, когда опытъ показалъ, что довольно для плуга двухъ лошадей съ однимъ человѣкомъ, лишній трудъ составляетъ растрату, хотя и употребленъ на производство. Если принятъ новый процессъ производства и окажется не лучше или хуже прежнихъ способовъ, трудъ употребленный на изобрѣтеніе и на осуществленіе его также растраченъ, хотя употребленъ на производство. Нація можетъ бѣднѣть отъ производительнаго труда, если производимое имъ богатство, то есть увеличеніе запаса полезныхъ или пріятныхъ вещей, не таково, чтобы страна нуждалась въ немъ тогда, когда оно произведено; напримѣръ, когда товаръ не продается, потому что произведенъ въ количествѣ, превышающемъ настоящую надобность, или когда спекулянты строятъ доки и магазины тамъ, гдѣ нѣтъ еще торговли. Обанкротившіеся штаты Сѣверной Америки сдѣлали эту ошибку, преждевременно построивъ желѣзныя дороги и каналы; не рѣшено еще, не сдѣлала ли Англія того же самаго непропорціональнымъ развитіемъ спекуляцій на желѣзныя дороги. Трудъ, затраченный въ ожиданіи отдаленной выгоды, когда огромность нуждъ или ограниченность средствъ страны требуетъ быстраго возврата затратъ, дѣлая страну бѣднѣе во время его всею суммою потребленія трудящихся надъ нимъ, можетъ и въ результатѣ оставить ее бѣднѣе того, чѣмъ она была бы, если бы искала быстраго возвращенія затратъ, отлагая до будущаго времени тѣ предпріятія, которыя не даютъ скорой выгоды.

5. Термины «производительный» и «непроизводительный» прилагаются не къ одному труду, но и къ потребленію. Не всѣ члены общества производители, но всѣ они потребители и потребляютъ или производительно или непроизводительно. Кто ничѣмъ, ни прямо, ни косвенно не содѣйствуетъ производству, тотъ потребитель непроизводительный. Производительными потребителями бываютъ одни только производительные работники (считая конечно

и трудъ надзора за производительный, подобно труду исполненія). Но даже потребленіе производительныхъ работниковъ бываетъ непроизводительнымъ потребленіемъ: производительные потребители могутъ имѣть непроизводительное потребленіе. То, что они потребляютъ на поддержаніе или улучшеніе своего здоровья, силы и своей способности къ труду, или на воспитаніе другихъ производительныхъ работниковъ, которые замѣстятъ ихъ, то служитъ потребленіемъ производительнымъ. Но потребленіе на удовольствія или на предметы роскоши должно считаться непроизводительнымъ, все равно, будетъ ли оно производиться праздными или трудящимися людьми, потому что производство не цѣль его и никакимъ образомъ не можетъ увеличиться отъ него. Но изъ этого надобно, вѣроятно [11]), исключить извѣстное количество удовольствій, которое можетъ быть причислено къ предметамъ необходимости, потому что безъ него трудъ не получалъ бы всей своей успѣшности. Производительнымъ потребленіемъ надобно считать только то, которое обращено на поддержаніе и увеличеніе общественныхъ производительныхъ силъ, находящихся въ землѣ, въ матеріалахъ, въ количествѣ и качествѣ орудій производства и въ людяхъ, составляющихъ это общество.

Есть предметы, которые не способны, можно сказать, къ производительному потребленію. Все годичное потребленіе золотаго шитья, апельсиновъ, шампанскаго должно считаться непроизводительнымъ, потому что эти вещи не даютъ никакой помощи производству и не даютъ жизни или силѣ такой поддержки, которую не могли бы съ такимъ же успѣхомъ дать вещи менѣе дорогія. Изъ этого можно было бы заключить, что трудъ, употребленный на ихъ производство, не долженъ считаться производительнымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово понимается экономистами. Я согласенъ, что трудъ, употребляемый на производство вещей для непроизводительныхъ потребностей, ни мало не можетъ содѣйствовать обогащенію общества. Портной, дѣлающій платье человѣку, непроизводящему ничего, самъ остается производитель-

---

[11]) Конечно, не «вѣроятно», а «навѣрное» надобно исключить. Если работникъ подаритъ женѣ или дочери серебряныя серьги, купленныя за полтинникъ или за день труда, это удовольствіе навѣрное столько оживитъ и ободритъ его, что онъ на довольно долгое время становится энергичнѣе и усерднѣе въ работѣ, и производительность его труда навѣрное увеличится многими рублями отъ этого потраченнаго на удовольствіе полтинника.

нымъ работникомъ; но черезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ платье изношено, а износившій его не произвелъ ничего на его замѣну и общество тогда оказывается точно также не ставшимъ богаче отъ труда портнаго, какъ если бы такая же сумма была заплачена за ложу въ оперѣ. Но тѣмъ не менѣе общество было богаче отъ этого труда, пока платье носилось, т. е. пока общество черезъ одного изъ своихъ непроизводительныхъ членовъ не потребило непроизводительнымъ образомъ продуктъ труда. Золотое шитье или апельсинъ отличаются отъ этого платья только тѣмъ, что они еще болѣе далеки отъ качества вещей необходимыхъ. Итакъ эти вещи составляютъ богатство, пока не будутъ потреблены.

6. Но изъ этого мы видимъ, что есть между разными родами труда различіе еще болѣе важное для общества, нежели различіе между производительнымъ и непроизводительнымъ трудомъ; это разница между трудомъ на производительное и трудомъ на непроизводительное потребленіе, разница между трудомъ, употребляемымъ на поддержаніе или увеличеніе производительныхъ средствъ страны и трудомъ не имѣющимъ такого результата. Только часть продуктовъ страны назначается на производительное потребленіе; остальная часть служитъ на непроизводительное потребленіе производителей и на все потребленіе непроизводительныхъ классовъ. Предположимъ, что пропорція годичнаго производства, обращаемаго на первую изъ этихъ двухъ цѣлей, составляетъ половину всей суммы; тогда только половина производительныхъ работниковъ страны занята дѣлами, отъ которыхъ зависитъ постоянное богатство страны. Другая половина изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣнія занята производствомъ вещей, которыя потребляются и исчезаютъ безъ всякаго результата, и все потребленіе этой половины работниковъ составляетъ для постоянныхъ національныхъ средствъ такую же полную потерю, какъ бы оно было потребленіемъ непроизводительнымъ: все потребленное этими работниками исчезаетъ безвозвратно. Предположимъ, что эта вторая половина работающаго населенія перестала работать и что центральное правительство или мѣстные округи содержали ее въ праздности цѣлый годъ; трудъ первой половины работниковъ былъ бы достаточенъ, чтобы произвести, какъ производилъ прежде, предметы необходимаго потребленія для нея самой и кромѣ того для второй половины, а также и поддержать безъ уменьшенія запасъ матеріаловъ и орудій; правда, непроизводительные классы умерли

бы тогда съ голода или были бы принуждены сами производить свое продовольствіе, а все общество въ теченіе цѣлаго года имѣло бы только вещи первой необходимости. Но источники производства остались бы всѣ въ цѣлости и на слѣдующій годъ не было бы причины не произвести такой же суммы продуктовъ, какъ если бы и не существовалъ годичный интервалъ бездѣйствія. А если мы предположимъ на оборотъ, что первая половина работниковъ прекратила на годъ свои обычныя занятія, и вторая половина продолжала свои занятія, то въ концѣ года страна оказалась бы совершенно обѣднѣвшею.

Большою ошибкою было бы жалѣть о томъ, что значительная часть годичнаго продукта идетъ въ богатой странѣ на непроизводительное потребленіе. Это значило бы жалѣть о томъ, что общество имѣетъ много излишка за удовлетвореніемъ первыхъ потребностей, для употребленія на свои удовольствія и на высшія цѣли. Эта часть продукта служитъ фондомъ, изъ котораго покрываются всѣ надобности общества по потребностямъ высшимъ, нежели простое поддержаніе жизни; эта часть служитъ мѣриломъ средствъ общества къ наслажденію и силы его совершать всѣ тѣ дѣла, цѣль которыхъ состоитъ не въ производствѣ. Надобно радоваться тому, что общество располагаетъ такимъ большимъ излишкомъ для подобныхъ дѣлъ и что онъ можетъ быть употребленъ на нихъ. Предметомъ сожалѣнія, предметомъ заботы объ исправленіи должно быть то, что этотъ излишекъ распредѣляется съ изумительною неравномѣрностью, что бо̀льшая часть его употребляется на вещи пустыя и что изобильная часть достается на долю людямъ, которые не возвращаютъ за нее равномѣрныхъ услугъ обществу.

ГЛАВА IV.

КАПИТАЛЪ.

1. Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, что кромѣ двухъ первоначальныхъ и необходимыхъ элементовъ производства, есть еще третій элементъ, безъ котораго невозможны никакіе производительные процессы, кромѣ развѣ грубыхъ и скудныхъ начатковъ первобытной промышленности: мы видѣли, что сверхъ труда, сверхъ матеріаловъ и силъ, доставляемыхъ природою, нуженъ для произ-

водства предварительно накопленный запасъ продуктовъ прежняго труда. Этотъ накопленный запасъ продуктовъ труда называется капиталомъ.) Ясное пониманіе роли капитала въ производствѣ чрезвычайно важно, потому что очень многія изъ ошибочныхъ мнѣній, портящихъ нашу науку, возникаютъ изъ неполноты и сбивчивости понятія объ участіи капитала въ производствѣ [12]).

---

[12]) Для ясности пониманія капитала чрезвычайно важно имѣть въ виду различіе между понятіемъ о капиталѣ, какъ только той части накопленныхъ продуктовъ труда, которая имѣетъ своимъ назначеніемъ производительное употребленіе, и понятіемъ о капиталѣ, какъ о всей суммѣ накопленныхъ продуктовъ безъ всякаго разбора въ назначеніи, какое имѣютъ эти продукты. Только первое понятіе, принимаемое Миллемъ, соотвѣтствуетъ надобностямъ научной классификаціи, а второе, по небрежности допущенное большею частью континентальныхъ экономистовъ, ведетъ къ безчисленнымъ запутанностямъ и несообразностямъ. Эта раздвоенность понятій, спутывающая большинство и спеціалистовъ и публики, происходитъ, какъ и съ терминомъ «богатство», отъ того, что наука, сообразно своимъ надобностямъ, придала слову капиталъ значеніе не то, какое принадлежитъ ему въ разговорной рѣчи. Многіе ученые, забывая о важности болѣе тѣснаго опредѣленія, даннаго наукой, вовлекались въ ошибку, придавая по временамъ тому же самому термину въ своихъ изслѣдованіяхъ широкое разговорное значеніе, несоотвѣтствующее научной надобности. Отъ этой забывчивости не всегда бываютъ свободны и англійскіе экономисты. Но у континентальныхъ экономистовъ сбивчивость увеличивается тѣмъ, что англійскій языкъ, литература котораго служитъ кореннымъ источникомъ для изученія Смитовской теоріи, имѣетъ кромѣ слова «капиталъ», the capital, еще нѣсколько словъ, которыя иностранецъ легко смѣшиваетъ съ нимъ; изъ нихъ особенно сильнымъ поводомъ къ сбивчивости было слово the stock, которое въ разговорной рѣчи переводится на французскій, нѣмецкій или русскій языкъ чаще всего также словомъ «капиталъ». Можно вообразить себѣ, какая путаница должна произойти, когда, во первыхъ, смѣшиваются два разныя значенія англійскаго слова the capital, научное и разговорное, и въ прибавокъ само это слово въ обоихъ своихъ значеніяхъ спутывается въ умѣ французскаго, нѣмецкаго или русскаго ученика англичанъ съ словомъ the stock, которое употребляется англійскими экономистами безъ всякаго точнаго опредѣленія, потому что не служитъ у нихъ научнымъ терминомъ, и сохраняетъ всѣ разнообразные оттѣнки разговорнаго своего значенія. Чтобы избѣжать этой путаницы, мы употребляемъ слово «капиталъ» исключительно только тамъ, гдѣ оно стоитъ и въ англійскомъ подлинникѣ, а слово the stock переводимъ словомъ «запасъ» или выраженіями «масса продуктовъ», «масса цѣнностей» и т. п.; но никогда не замѣняемъ его словомъ «капиталъ». У Милля, надобно отдать ему справедливость, слово the capital постоянно принимается исключительно въ своемъ научномъ смыслѣ: онъ никогда не забываетъ, что если наука разъ дала извѣстному слову точный смыслъ научнаго термина, то уже постоянно должна сохранять за нимъ этотъ смыслъ. Несоблюденіемъ этого требованія научной терминологіи боль-

По мнѣнію людей, совершенно непривычныхъ къ размышленію о нашемъ предметѣ, капиталъ представляется понятіемъ совершенно равнозначительнымъ съ деньгами. Разоблачать эту ошибку значило бы повторять то, что мы говорили во введеніи. Деньги точно такъ же не капиталъ, какъ и не богатство. Сами по себѣ, деньги не могутъ совершать ни малѣйшей части дѣйствій капитала, потому что не могутъ давать никакого содѣйствія производству. Чтобы содѣйствовать ему, деньги должны быть обмѣнены на другія вещи, и все, что можетъ быть обмѣнено на другія вещи, можетъ содѣйствовать производству точно въ такой же степени какъ деньги. Капиталъ помогаетъ производству тѣмъ, что даетъ удобное помѣщеніе, охраненіе, инструменты и матеріалы, нужные для работы, даетъ пищу и другое содержаніе работникамъ въ продолженіе работы. Это услуги, требуемыя настоящимъ трудомъ отъ прошедшаго труда и его продуктовъ. Капиталомъ называются всѣ тѣ вещи, которыя назначены къ этому употребленію, то есть къ снабженію производительнаго труда различными предварительными условіями, которыхъ онъ требуетъ.

Чтобы ближе усвоить себѣ понятіе капитала, посмотримъ, какой видъ принимаетъ капиталъ, употребленный на какую нибудь отрасль производительной промышленности. Мануфактуристъ имѣетъ часть своего капитала въ формѣ строеній, приспособленныхъ и назначенныхъ къ веденію извѣстной отрасли мануфактурнаго дѣла. Другую часть капитала онъ имѣетъ въ формѣ машинъ. Третья часть состоитъ у него въ хлопчатой бумагѣ, льнѣ или шерсти, если онъ занимается пряденіемъ; въ льняной, шерстяной, шолковой или бумажной пряжѣ, если онъ занимается тканьемъ; состоитъ вообще въ матеріалахъ, требуемыхъ его родомъ фабрикаціи. Въ нынѣшнее время нѣтъ обычая, чтобы мануфактуристъ прямо запасалъ пищу и одежду для своихъ работниковъ, и кромѣ людей, занимающихся производствомъ пищи или одежды, мало найдется такихъ капиталистовъ, у которыхъ значительная часть капитала находилась бы въ этомъ видѣ. Но за то у каждаго капиталиста есть деньги, которыми онъ даетъ плату своимъ работникамъ, то есть даетъ имъ возможность снабжать себя пищею и одеждою. Кромѣ того онъ имѣетъ въ своихъ кладовыхъ изготовленные товары, продажею которыхъ также выручаетъ деньги на выдачу

шинство нынѣшнихъ французскихъ экономистовъ сильно повредило развитію науки въ своей странѣ.

платы работникамъ, на пополненіе запаса матеріаловъ, на поправку строеній и машинъ и на пріобрѣтеніе новыхъ, послѣ совершенной порчи старыхъ. Но не всѣ его деньги, не всѣ его изготовленные товары входятъ въ составъ его капитала, потому что не всѣ они обращаются имъ на эти цѣли: часть наличныхъ денегъ и часть выручки за товары онъ обращаетъ на свое личное потребленіе и на потребленіе своего семейства, на наемъ домашней своей прислуги, на содержаніе охотничьихъ лошадей и собакъ для себя, на воспитаніе своихъ дѣтей, на уплату налоговъ или на дѣла благотворительности. Въ чемъ же состоитъ его капиталъ? Въ той части его имущества, которую назначаетъ онъ на веденіе новаго производства, какова бы ни была форма этого имущества. Если часть его или все оно имѣетъ форму, въ которой не можетъ прямо удовлетворять надобностямъ работниковъ, это все равно.

Положимъ, напримѣръ, что капиталистъ занимается выдѣлкою желѣзныхъ вещей и что за исключеніемъ его инструментовъ весь его капиталъ состоитъ въ данное время изъ желѣзныхъ издѣлій. Желѣзныя издѣлія не могутъ служить пищею работникамъ. Но простою перемѣною въ назначеніи этихъ желѣзныхъ издѣлій, онъ можетъ доставить пищу работникамъ. Положимъ, что частью своей выручки онъ хотѣлъ содержать охоту или домашнюю свою прислугу и что перемѣнивъ намѣреніе, онъ начинаетъ употреблять часть этой выручки на свою фабрикацію, выдавая ее въ плату большему числу работниковъ, чѣмъ прежде. Вновь нанятые работники получаютъ теперь возможность покупать и потреблять пищу, которая прежде была бы съѣдена охотничьими собаками или домашними служителями; такимъ образомъ, хотя хозяинъ не видѣлъ глазами и не касался рукою ни одной крохи пищи, его рѣшеніе опредѣлило, что изъ пищи существующей въ странѣ, извѣстное количество, потреблявшееся прежде совершенно непроизводительнымъ образомъ, обратилось на употребленіе производительныхъ работниковъ. Измѣнимъ теперь гипотезу и предположимъ, что деньги, обращенныя хозяиномъ на рабочую плату, расходовались прежде не на содержаніе прислуги или охоты, а на покупку серебряныхъ и золотыхъ вещей; чтобы дѣйствіе этой перемѣны было замѣтно, предположимъ, что перемѣна совершается въ значительномъ размѣрѣ, что отъ покупки золотыхъ и серебряныхъ вещей большая сумма обращается на плату производительнымъ работникамъ, о которыхъ мы предположимъ, что прежде они

подобно ирландскимъ поселянамъ, были только на половину заняты и сыты. При увеличеніи своей платы работники израсходуютъ прибавку въ ней не на золотыя и серебрянныя вещи, а на пищу. Но количество пищи въ странѣ не увеличилось и нѣтъ въ ней непроизводительныхъ работниковъ или животныхъ, отъ которыхъ пища перенеслась бы на производительныя цѣли. Пища будетъ, если можно, ввезена въ страну, а если ввозъ невозможенъ, то работники до слѣдующаго лѣта останутся на своемъ скудномъ продовольствіи. Но отъ перемѣны непроизводительнаго расхода капиталистовъ въ производительный произошла перемѣна въ запросѣ на товары, и эта перемѣна въ запросѣ будетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ то, что на слѣдующій годъ будетъ произведено больше пищи и меньше серебряныхъ и золотыхъ вещей. Такимъ образомъ, когда люди, не имѣющіе прямаго соприкосновенія съ пищею работниковъ, обратили часть какой бы то ни было своей собственности отъ непроизводительнаго назначенія къ производительному, слѣдствіемъ этой перемѣны было то, что стало производиться большее количество пищи на потребленіе производительныхъ работниковъ. Итакъ различіе между капиталомъ и не капиталомъ состоитъ не въ характерѣ имущества, а въ намѣреніи капиталиста, въ его рѣшеніи употреблять это имущество на ту или на другую цѣль; и всякое имущество, хотя бы само по себѣ и было совершенно непригодно къ употребленію работниковъ, составляетъ капиталъ, когда оно, или цѣнность, какую можно получить за него, опредѣляется для производительнаго употребленія. Сумма всѣхъ цѣнностей, назначенныхъ на такое употребленіе своими владѣльцами, составляетъ капиталъ страны. Всѣ ли эти цѣнности имѣютъ форму, прямо приложимую къ производительному употребленію, или нѣкоторыя изъ нихъ не имѣютъ формы прямо пригодной для него, это все равно. Если онѣ предназначены на эту цѣль, то онѣ найдутъ путь преобразоваться въ вещи, пригодныя для нея.

2. Всѣ продукты страны, назначенные на производство, составляютъ капиталъ; и, говоря на оборотъ, весь капиталъ страны назначенъ на производство. Но эта вторая теорема подлежитъ нѣкоторымъ ограниченіямъ и объясненіямъ. Извѣстное имущество можетъ искать производительнаго употребленія и не находить такого употребленія, которое соотвѣтствовало бы желаніямъ владѣтеля; въ такомъ случаѣ эта сумма все-таки капиталъ, но капиталъ, остающійся безъ употребленія. Другой случай: запасъ иму-

щества можетъ состоять изъ нераспроданныхъ товаровъ, не пригодныхъ для прямаго приложенія къ производительному употребленію и не находящихъ себѣ сбыта въ извѣстное время; эти товары, пока лежатъ непроданы, находятся въ состояніи капитала, остающагося безъ употребленія. Третій случай: искуственныя или случайныя обстоятельства могутъ приводить къ необходимости затрачивать впередъ передъ началомъ производства, такую массу запасовъ, то есть капитала, которая больше размѣра, требуемаго сущностью дѣлъ. Предположимъ, что правительство налагаетъ пошлину на производство въ одномъ изъ его первыхъ періодовъ, напримѣръ, облагаетъ пошлиною матеріалъ. Фабрикантъ долженъ платить пошлину впередъ, до начала производства и потому принужденъ имѣть бо̀льшую массу средствъ, чѣмъ сколько нужно для производства и сколько дѣйствительно идетъ на него; въ этомъ случаѣ фабриканту для содержанія производительнаго труда нужно имѣть больше капитала, нежели требуется самымъ дѣломъ, или, что тоже, при данномъ капиталѣ онъ не можетъ содержать того количества труда, сколько могъ бы по сущности дѣла. Такимъ образомъ этотъ способъ взиманія налоговъ подвергаетъ излишнему ограниченію промышленность страны: часть имущества, начначеннаго своими владѣльцами на производство, отвлекается отъ этой цѣли и находится въ постоянномъ положеніи уплаты впередъ, производимой правительству.

Возьмемъ другой примѣръ. Фермеръ можетъ снять ферму въ такое время года, что ему прійдется платить за одну, двѣ или даже три четверти года ренту, безъ полученія выручки продуктами. Эта часть ренты должна быть уплачена имъ изъ капитала. А рента, платимая за самую землю, а не за улучшенія, произведенныя въ ней трудомъ, составляетъ расходъ непроизводительный, не принадлежитъ къ издержкамъ на содержаніе труда, или на заготовку инструментовъ и матеріаловъ для производства; она въ такомъ случаѣ просто цѣна, платимая за пользованіе силами природы, обращенными въ частную собственность. Эти силы природы столь же необходимы, какъ и инструменты, или даже еще необходимѣе; но вовсе нѣтъ необходимости платить за нихъ. Инструменты—вещи производимыя трудомъ, и потому цѣна составляетъ необходимое условіе ихъ существованія; но земля существуетъ сама собою. Потому плата за землю не принадлежитъ къ издержкамъ производства и необходимость производить эту плату изъ капитала заставляетъ имѣть такое количество капиталовъ, такую массу

сбереженія изъ продуктовъ прежняго труда, которая больше размѣра, требуемаго естественной необходимостью или достаточнаго при иной системѣ поземельнаго владѣнія. Этотъ излишекъ капитала, хотя и назначенъ своими владѣтелями на производство, употребляется въ сущности непроизводительнымъ образомъ и ежегодно воспроизводится не изъ своихъ собственныхъ продуктовъ, а изъ продуктовъ труда, содержимаго остальною частью капитала фермера [13]).

---

[13]) Объяснимъ это примѣрами. Во первыхъ, посмотримъ, каково дѣйствіе пошлины, взимаемой не съ готоваго продукта, поступающаго уже на потребленіе, а съ матеріала, который служитъ на производство продукта. Положимъ, что фабрикантъ, начинающій производство, имѣетъ капиталъ въ 1,000 рублей. Положимъ, что онъ, по существующей нормѣ прибыли, долженъ получать съ него 20%. Итакъ онъ долженъ продать свои продукты за 1,200 рублей.

Положимъ, что правительству нужно взимать съ этого производства 10%. Если пошлиною облагается самый продуктъ, поступившій въ мелочную продажу, правительство возьметъ съ цѣнности продуктовъ 120 рублей. Продукты будутъ куплены потребителями за 1,320 рублей.

Если мы предположимъ, что капиталомъ въ 1,000 рублей производится 1,000 аршинъ сукна, аршинъ сукна поступитъ въ розничную торговлю по цѣнѣ 1 рубль 32 копѣйки.

Предположимъ теперь, что пошлина берется не съ готоваго продукта, а съ матеріала. Положимъ, что этого матеріала, напримѣръ шерсти, привозимой изъ-за границы, покупается фабрикантомъ на такую же сумму, какая идетъ на остальные расходы. Положимъ, что правительство хочетъ ограничиться тѣмъ же размѣромъ пошлины 10%. Тогда, имѣя 1,000 рублей капитала, фабрикантъ покупаетъ шерсти на 500 рублей. Но съ этой шерсти уже взята пошлина въ 10%, то есть за 500 рублей фабрикантъ получаетъ теперь только то количество шерсти, какое прежде получалъ за 450 рублей. Если изъ прежняго количества можно было выдѣлать 1,000 аршинъ, то изъ этого количества будетъ получено только 900 аршинъ. Какую сумму долженъ взять фабрикантъ за эти 900 аршинъ? Ту же самую, какъ и прежде, то есть 1,200 рублей. Но пошлина уже взята, потому новой надбавки въ цѣнѣ не будетъ. Итакъ въ розничную торговлю поступаютъ 900 аршинъ сукна за 1,200 руб., то есть аршинъ по 1 руб. 33 коп.

Цѣна сукна повысилась очень мало, но общество имѣетъ вмѣсто 1,000 аршинъ только 900, а правительство вмѣсто 120 рублей пошлины только 50. Это значитъ, что общество будетъ нуждаться въ одеждѣ, а правительство въ деньгахъ.

Какимъ образомъ станетъ переносить нужду въ одеждѣ общество, это уже его собственное дѣло. Но правительство увидитъ необходимость увеличить свои доходы по крайней мѣрѣ вдвое: вмѣсто 120 руб. можно еще удовольствоваться 100 рублями, но 50 рублями никакъ нельзя покрыть необходимые государственные доходы.

Итакъ, надобно будетъ увеличить пошлину на шерсть до 20%. Тогда съ

Наконецъ значительная часть того производительнаго капитала страны, который употребляется на рабочую плату работникамъ, не составляетъ въ строжайшемъ и необходимомъ смыслѣ необходимости для производства, или даже вовсе не составляетъ необходимости для него. Тотъ излишекъ ея, который превышаетъ дѣйствительную необходимость для жизни и здоровья, расходуется не на

количества, покупаемаго фабрикантомъ за 500 рублей, будетъ взято пошлины 100 рублей и фабрикантъ получаетъ за свои деньги только такое количество шерсти, какое безъ пошлины получалъ за 400 рублей, то есть такое количество, изъ котораго можно сдѣлать только 800 аршинъ сукна. Эти 800 аршинъ поступаютъ въ продажу по прежнему за 1,200 рублей, то есть каждый аршинъ сукна стоитъ уже 1 руб. 50 коп.

Съ повышеніемъ пошлины доходъ правительства увеличился, но цѣна сукна сильно поднялась, а количество его стало еще меньше прежняго. Имѣя только 800 аршинъ, общество будетъ уже очень сильно нуждаться въ сукнѣ, а правительство все-таки имѣетъ только 100 рублей, а не 120, которые имѣло бы при взиманіи пошлины съ готоваго продукта вмѣсто пошлины съ съ матеріала.

Изъ этого мы видимъ, почему благосостояніе общества и доходы казны увеличиваются съ принятіемъ свободной торговли, вмѣсто протекціоннаго тарифа.

Теперь обратимся къ уплатѣ ренты до полученія выручки изъ продуктовъ фермы.

Положимъ, что фермеръ вступаетъ во владѣніе рентою съ новаго года. Положимъ, что уплата ренты производится впередъ по четвертямъ года. Положимъ, что выручка за сборъ хлѣба бываетъ въ сентябрѣ. Положимъ, что величина ренты составляетъ 400 рублей и фермеръ имѣетъ капиталъ въ 1000 рублей. Положимъ, что каждые 2 рубля, употребленные фермеромъ на земледѣльческія работы, даютъ въ продуктѣ 1 четверть хлѣба. Положимъ, что обществу нужно 500 четвертей.

Фермеръ, получивъ ферму 1 января, долженъ до 1 сентября заплатить три четверти ренты, то есть 300 рублей. Эта уплата произведена еще до полученія выручки, то есть у него изъ 1000 руб. остается на производство только 700. Онъ производитъ только 350 четвертей. Изъ этого сбора уплачена остальная часть ренты за первый годъ. Къ 1 января положеніе дѣлъ опять прежнее: три четверти ренты за второй годъ должны уплачиваться не изъ выручки втораго года, за которую собственно берется рента, а опять изъ капитала; то есть, капитала на производство опять остается 300 рублями менѣе, чѣмъ нужно на производство 500 четвертей. Тоже будетъ и во всѣ слѣдующіе годы. Потому, если обществу нужны 500 четвертей и если на производство каждой четверти нуженъ капиталъ въ 2 рубля, фермеръ долженъ имѣть не 1,000 рублей, а 1,300 рублей капитала; т. е. величина капитала, требуемаго земледѣліемъ, поднимается выше своей натуральной величины на всю ту сумму, какую составляетъ уплата ренты до полученія выручки изъ жатвы.

содержаніе труда, а на его вознагражденіе, а въ платѣ мастеровымъ этотъ излишекъ обыкновенно бываетъ значителенъ [14]). Работники могли бы ждать полученія этой части своего вознагражденія до окончанія производства; нѣтъ необходимости ей существовать до начала производства въ видѣ капитала; а если бы по несчастію они совершенно лишились этой лишней части, производство могло бы совершаться въ томъ же размѣрѣ. Чтобы все вознагражденіе работниковъ въ полномъ своемъ размѣрѣ могло быть выдаваемо имъ впередъ поденными или понедѣльными уплатами, нужно предварительно существовать запасу, обращаемому на производительное употребленіе, т. е. существовать капиталу въ размѣрѣ большемъ того, какой былъ бы достаточенъ для веденія производства въ существующемъ размѣрѣ. Этотъ излишекъ равняется всей суммѣ, какою превышаетъ получаемое работниками вознагражденіе ту норму выдачи, которую разсчетливый рабовладѣлецъ сталъ бы для своей собственной выгоды давать рабамъ [15]). Обычай платить

---

[14]) Словомъ «мастеровые», мы переводимъ здѣсь и постоянно будемъ переводить англійское выраженіе skilled labourers въ противоположность другому разряду рабочихъ, unskilled labourers, которыхъ мы будемъ называть въ нашемъ переводѣ «чернорабочими». Различіе между этими двумя разрядами по экономическимъ отношеніямъ очень важно во всѣхъ странахъ, но только у англичанъ вошла въ обычай терминологія, неизмѣнно соотвѣтствующая ему. Тотъ и другой разрядъ существуютъ почти въ каждой отрасли производства. Напримѣръ, въ строительномъ производствѣ каменьщики, плотники, кровельщики и т. п. — skilled labourers, мастеровые, а землекопы, носильщики и т. п..—unskilled labourers—чернорабочіе. Въ типографскомъ дѣлѣ мастеровые по англійской терминологіи — наборщики и машинисты, а чернорабочіе вертятъ машины, носятъ шрифтъ и т. д. Во всѣхъ странахъ и во всѣхъ производствахъ чернорабочіе получаютъ меньше платы, чѣмъ мастеровые; но чернорабочіе все-таки остаются живы, стало быть весь излишекъ платы мастеровыхъ надъ платою чернорабочихъ идетъ уже не собственно на поддержаніе жизни, а въ вознагражденіе за искусство ихъ въ своемъ мастерствѣ.

[15]) Положимъ, что на содержаніе раба въ здоровомъ видѣ нужно было бы его владѣльцу расходовать 1 руб. въ недѣлю. Положимъ, что процессъ производства продолжается цѣлый годъ (какъ, напримѣръ, въ земледѣліи). Положимъ, что хозяину предпріятія нужны 10 мастеровыхъ и что онъ платитъ имъ по 3 рубля въ недѣлю. Если бы эти мастеровые довольствовались до окончанія производства полученіемъ платы необходимой для поддержанія жизни, хозяину на плату имъ нужно было бы имѣть въ запасѣ только по 52 рубля на человѣка, всего 520 рублей. Но онъ выдастъ по 3 рубля, стало быть годичная затрата его на плату каждому работнику составляетъ 156 руб., а на всѣхъ работниковъ 1,560 рублей. Излишекъ второй суммы надъ первою, т. е. 1,040 рублей, составляетъ затрату капитала, превышающую размѣръ необходимости.

впередъ вознагражденіе за трудъ, превышающее мѣру совершенной необходимости для жизни, могъ возникнуть уже только по накопленіи изобильнаго капитала, потому что излишекъ платы надъ мѣрою жизненной необходимости употребляется въ сущности не на производство, а на непроизводительное потребленіе производительныхъ работниковъ; а это показываетъ, что запасъ сбереженій, обращаемыхъ на производство, достигъ уже значительности, допускающей постоянное употребленіе части его не на жизненную необходимостъ, а на простое удобство.

Я предполагаю, какъ замѣтитъ читатель, что работники во всѣ времена содержались капиталомъ; очевидно, что всегда и было такъ въ дѣйствительности, хотя нѣтъ необходимости, чтобы капиталъ доставлялся особеннымъ человѣкомъ, который называется капиталистомъ. Когда работникъ содержитъ себя собственными запасами, напримѣръ, когда землепашецъ, арендующій обработываемую имъ землю или самъ владѣющій ею, живетъ продуктами этого участка, или когда ремесленникъ работаетъ самъ отъ себя, онъ все-таки живетъ капиталомъ, т. е. заранѣе приготовленнымъ запасомъ. Этотъ землепашецъ живетъ въ нынѣшнемъ году продуктами жатвы не нынѣшняго, а прошедшаго года, этотъ ремесленникъ живетъ выручкою не той работы, которая теперь у него въ рукахъ, а той работы, которую онъ уже кончилъ и продалъ. Оба они содержатся своимъ собственнымъ маленькимъ капиталомъ, который они періодически возстановляютъ изъ продуктовъ своего труда. Большой капиталистъ также содержится средствами, заготовленными впередъ. Если самъ онъ лично управляетъ своими дѣлами, та часть его личнаго или семейнаго расхода, которая не превышаетъ надлежащаго вознагражденія за его трудъ по рыночной цѣнѣ, должна считаться частью его капитала, расходуемою подобно всѣмъ другимъ частямъ капитала на производство; та часть его личнаго потребленія, которая состоитъ изъ вещей необходимыхъ для жизни, составляетъ производительное потребленіе [16]).

---

[16]) Напримѣръ, фабрикантъ, проживающій съ своимъ семействомъ 10,000 рублей, самъ управляетъ своей фабрикою; но существующимъ цѣнамъ нельзя было бы нанять хорошаго управляющаго такою фабрикою дешевле, какъ за 3,000 рублей. Эти 3,000 рублей изъ суммы, проживаемой лично фабрикантомъ, составляютъ его производительное потребленіе, а остальные 7,000 составляютъ потребленіе непроизводительное. Воспользуемся этимъ примѣромъ также для того, чтобы снова выставить разницу между разговорнымъ значеніемъ слова «капиталъ», значеніемъ въ какомъ оно не годится для науки (и

3. Рискуя наскучить читателю, я долженъ прибавить еще нѣсколько разъясненій, чтобы сильнѣе и точнѣе выставить понятіе капитала. По справедливому замѣчанію Сэ, больше всего надобно стараться о разъясненіи самыхъ основныхъ элементовъ предмета, потому что самыя большія ошибки возникаютъ именно изъ неполнаго знакомства съ основными понятіями. Это не удивительно: вѣтвь можетъ быть больна и остальное дерево сохраняться здоровымъ; но болѣзнь въ корнѣ разливаетъ испорченность по всему дереву.

Посмотримъ же, можетъ ли считаться капиталомъ собственность людей, которые живутъ процентами съ своего имущества, не занимаясь лично производствомъ, и если можетъ, то въ какихъ случаяхъ. Въ разговорномъ языкѣ эта собственность называется капиталомъ, и по отношенію къ дѣламъ частныхъ лицъ такое названіе справедливо. Для частнаго лица равнозначительно капиталу все то состояніе, съ котораго онъ получаетъ доходъ, расходуемый имъ безъ уменьшенія и растраты его состоянія. Но поспѣшное и необдуманное перенесеніе на общую точку зрѣнія такихъ мнѣній, которыя справедливы относительно частныхъ лицъ, было источникомъ безчисленныхъ ошибокъ въ политической экономіи. По вопросу, занимающему насъ теперь, надобно сказать, что имущество, служащее капиталомъ для частнаго лица, иногда бываетъ, а иногда не бываетъ капиталомъ для націи, смотря по тому, расточается или не расточается кѣмъ нибудь другимъ то имущество, которое не расточается, по нашему предположенію, самимъ владѣльцемъ.

Напримѣръ, предположимъ, что 10,000 фунтовъ, принадлежа-

не употребляется ни въ подлинникѣ у Милля, ни въ нашемъ переводѣ), и между научнымъ его значеніемъ, въ какомъ оно исключительно употребляется у Милля, въ подлинникѣ и въ нашемъ переводѣ. Фабрикантъ приступаетъ къ веденію своей фабрики, имѣя 30,000 рублей; изъ этихъ денегъ онъ употребляетъ на покупку матеріаловъ и плату рабочимъ 20,000, а 10,000 проживаетъ самъ, управляя фабрикою, за что постороннему человѣку онъ долженъ былъ бы платить 3,000. Въ разговорномъ языкѣ всѣ 30,000, составляющіе его имущество, называются его капиталомъ. Но по терминологіи, принятой въ наукѣ, капиталъ его будетъ состоять только изъ 23,000 (20,000 на плату рабочимъ и покупку матеріаловъ и 3,000 за управленіе фабрикою); остальные 7.000, по понятію науки, идутъ на непроизводительное потребленіе и не составляютъ части капитала. Можно себѣ представить, какая путаница должна выходить, если мы смѣшаемъ эти разныя вещи и будемъ примѣнять ко всѣмъ 30,000, часть которыхъ не составляетъ капитала, тѣ выводы, какіе дѣлаются наукою только о 23,000, составляющихъ капиталъ.

щіе А, даны въ займы В, фермеру или фабриканту, который съ выгодою употребляетъ ихъ на свои промышленныя дѣла. Если такъ, эти 10,000 фунтовъ точно такой же капиталъ, какъ если бы принадлежали самому В. Въ этомъ случаѣ, А въ сущности фермеръ или мануфактуристъ, не лично, но по своему имуществу. Капиталъ въ 10,000 фунтовъ употребляется на производство, на содержаніе работниковъ, на пріобрѣтеніе орудій и матеріаловъ. Этотъ капиталъ принадлежитъ А, а В беретъ на себя заботу употребить его въ дѣло и получаетъ въ вознагражденіе разницу между прибылью, имъ доставляемою, и процентами, которые онъ платитъ А. Это самый простой случай.

Но предположимъ, что 10,000 фунтовъ, принадлежащіе А, даны въ займы не В, а поземельному владѣльцу С, который употребляетъ ихъ на улучшеніе производительныхъ силъ своего помѣстья, на огражденіе его изгородями, на дренированіе, проложеніе дороги или на другія прочныя улучшенія. Это производительное употребленіе, 10,000 фунтовъ вышли изъ обращенія, но не промотаны. Они даютъ постоянный доходъ. Земля теперь даетъ лишнее количество продуктовъ, и если деньги были израсходованы разсчетливо, то въ нѣсколько лѣтъ этимъ излишкомъ продуктовъ возвратится вся сумма, а потомъ увеличится во много разъ. Цѣнность 10,000 фунтовъ употреблена въ этомъ случаѣ на увеличеніе продуктовъ страны. Это составляетъ капиталъ; С получаетъ подъ формою увеличенія своей ренты доходъ съ него, отдавая землю въ наймы; по закладной записи А ежегодно получаетъ изъ этого дохода, въ видѣ процентовъ, такую сумму, какую условился давать ему С. Перемѣнимъ теперь обстоятельства и предположимъ, что С употребляетъ занятыя имъ деньги не на улучшеніе своей земли, а на уплату прежняго своего долга, или на то, чтобы обезпечить своихъ дѣтей. Будутъ ли 10,000 фунтовъ въ этомъ случаѣ капиталомъ, зависитъ отъ того, что сдѣлаетъ съ ними человѣкъ, которому они окончательно достаются. Если дѣти обратятъ свое состояніе на производительное употребленіе, или кредиторъ, получивъ уплату, отдаетъ полученныя деньги другому землевладѣльцу на улучшеніе земли, или фабриканту на расширеніе фабрикаціи, эти деньги будутъ капиталомъ, потому что употребляются производительнымъ образомъ.

Но предположимъ, что С, землевладѣлецъ, берущій деньги въ займы, человѣкъ расточительный и обременяетъ свою землю долгомъ не для увеличенія своего состоянія, а для растраты его, рас-

ходованіемъ полученной суммы на экипажи и пиры. Въ годъ или въ два эти деньги будутъ промотаны безъ всякой выручки. А сохранилъ свое богатство: у него нѣтъ 10,000 фунтовъ, но за то есть закладная крѣпость на землю, которую онъ можетъ продать за эти деньги. С сталъ бѣднѣе прежняго на 10,000 фунтовъ; богаче прежняго не сталъ никто. Могутъ сказать, что стали богаты люди, воспользовавшіеся промотанными деньгами. Правда, если С проигралъ эти деньги, или онѣ были у него раскрадены прислугою, богатство только перешло изъ рукъ въ руки, а не разрушилось, и люди, которые пріобрѣли его, могутъ употребить его производительнымъ образомъ. Но если С получалъ за свои деньги настоящую цѣнность ихъ въ видѣ продовольствія или предметовъ роскоши, которые онъ потребилъ самъ или посредствомъ своихъ слугъ и гостей, то эти предметы перестали существовать, а не произведено ничего въ замѣну ихъ. Между тѣмъ, если бы эта сумма была употреблена на земледѣліе или на фабричное дѣло, то потребленіе въ концѣ года съ излишкомъ уравновѣсилось бы новыми продуктами, произведенными трудомъ людей, потреблявшихъ эту сумму. По расточительности С потреблено безъ возврата то, что иначе было бы потреблено съ возвратомъ. Торговцы, у которыхъ покупалъ С, могли получать прибыль, пока продолжалась растрата; но если бы капиталъ былъ израсходованъ производительно, точно такая же прибыль была бы получена людьми, строящими зданія, изгороди, дѣлающими орудія, и торговцами, поставляющими продовольствіе для работниковъ; по окончаніи этого времени С имѣлъ бы 10,000 фунтовъ возвратившимися къ нему, имѣлъ бы даже больше 10,000, а теперь не имѣетъ ихъ. Такимъ образомъ общество имѣетъ убытокъ по крайней мѣрѣ на 10,000 фунтовъ, составляющихъ сумму непроизводительной растраты С. Для А этотъ убытокъ не чувствителенъ, потому что его доходъ обезпеченъ залогомъ; и если залогъ хорошъ, а рыночная величина процентовъ не измѣнилась, то онъ всегда можетъ продать закладную запись за ея первоначальную цѣнность. Итакъ для А долгъ въ 10,000 фунтовъ, лежащій на помѣстьи С, дѣйствительно составляетъ капиталъ; но составляетъ ли онъ капиталъ для общества? Нѣтъ. А имѣлъ капиталъ въ 10,000 фунтовъ; онъ исчезъ, будучи промотанъ и уничтоженъ расточительностью С. Свой доходы А получаетъ теперь не изъ продукта своего капитала, а изъ какого нибудь другаго источника дохода, принадлежащаго С, вѣроятно изъ ренты за землю С, т. е. изъ уплатъ, дѣлаемыхъ ему фермерами и составляющихъ продуктъ капи-

тала уже этихъ фермеровъ, а не капитала А. Національный капиталъ уменьшился 10,000 фунтовъ, а національный доходъ уменьшился всею тою суммою продуктовъ, которая производилась бы этими 10,000 фунтовъ, если бы они были употреблены какъ капиталъ. Потеря не падаетъ на владѣльца уничтоженнаго капитала, потому что человѣкъ, уничтожившій его капиталъ, обязался вознаградить его. Но потеря этого человѣка составляетъ только небольшую часть потери, которой подверглось черезъ него общество, потому что на потребленіе собственника шли только проценты, а самый капиталъ употреблялся или долженъ былъ употребляться на нескончаемое содержаніе извѣстнаго числа работниковъ, постоянно воспроизводящихъ то, что потребили; этого средства къ жизни они теперь лишены безвозвратно.

Измѣнимъ еще нашу гипотезу и предположимъ, что капиталъ занятъ не землевладѣльцемъ, а государствомъ. А ссужаетъ свой капиталъ правительству на веденіе войны; онъ покупаетъ у государства такъ называемые государственные фонды, т. е. обязательства, по которымъ правительство должно платить извѣстный ежегодный доходъ. Если бы правительство употребило деньги на построеніе желѣзной дороги, это было бы производительнымъ употребленіемъ, и имущество А послужило бы капиталомъ. Но деньги эти употреблены на войну, т. е. на жалованье офицерамъ и солдатамъ, ничего не производящимъ, и на безвозвратное уничтоженіе извѣстнаго количества ядеръ и пуль; потому правительство находится въ положеніи С, расточительнаго землевладѣльца, и 10,000 фунтовъ А составляютъ уничтоженный національный капиталъ: съ точки зрѣнія производства или богатства эти деньги все равно, что брошены въ море, хотя и можетъ быть, что ихъ употребленіе оправдывается другими соображеніями. Доходъ, который будетъ получать теперь А, получается не изъ продуктовъ его капитала, а изъ налоговъ, берущихся съ продуктовъ остальнаго капитала общества. Капиталъ, принадлежавшій А, не даетъ обществу никакихъ продуктовъ въ вознагражденіе за эти уплаты: онъ потерянъ и погибъ, и теперь А имѣетъ уже только право на продукты, производимые капиталомъ и промышленностію другихъ людей. Правда, онъ можетъ продать это право, получить за него сумму цѣнностей, равную его бывшему капиталу, и можетъ потомъ употреблять его производительнымъ образомъ. Но онъ этою продажею возвратитъ себѣ не прежній свой капиталъ и не продукты, имъ произведенные: капиталъ этотъ уничтожился вмѣстѣ съ продуктами, которые могъ бы произвести. Те-

перь А пріобрѣтаетъ уже капиталъ какого нибудь другаго лица, соглашающагося промѣнять свой капиталъ на его право брать доходъ изъ налоговъ. На мѣсто А становится кредиторомъ общества другой капиталистъ, владѣвшій имуществомъ, которое употреблялось или могло употребляться на производство. Отъ этого обмѣна производительныя силы общества не увеличились и не уменьшились. Убыль нанесена капиталу страны тогда, когда правительство взяло деньги А: этимъ была взята изъ производительнаго употребленія или отвращена отъ него цѣнность въ 10,000 фунтовъ, замѣнена правомъ на непроизводительное потребленіе и безвозвратно растрачена.

ГЛАВА V.

ОСНОВНЫЯ ТЕОРЕМЫ ОТНОСИТЕЛЬНО КАПИТАЛА.

1. Если предыдущія объясненія были удовлетворительны, то они съ достаточною полнотою представили читателямъ понятіе о капиталѣ, достаточно ознакомили ихъ съ ролью капитала въ конкретныхъ случаяхъ, среди темноты, которою окружаютъ это понятіе обстоятельства отдѣльныхъ фактовъ, и теперь даже тотъ, кто не былъ приготовленъ къ этимъ соображеніямъ, можетъ уже понять основныя теоремы относительно капитала. Полное пониманіе этихъ теоремъ составитъ уже значительный шагъ изъ темноты къ свѣту.

Вотъ первая изъ этихъ теоремъ: размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала. Эта истина такъ очевидна, что часто принимается за безспорную въ разговорной рѣчи. Но замѣчать иногда истину еще совершенно не то, что признавать ее всегда и не допускать мнѣній несогласныхъ съ нею. До послѣдняго времени законодатели и публицисты почти постоянно пренебрегали аксіомою, которую мы представили; до сихъ поръ чрезвычайно часто излагаются мнѣнія несовмѣстныя съ нею.

Вотъ выраженія разговорной рѣчи, основанныя на принятіи этой истины. Обращеніе промышленныхъ силъ на какое нибудь опредѣленное дѣло выражается фразою «приложеніе капитала» къ этому дѣлу. Обращать промышленныя силы на обработку земли, значитъ прилагать капиталъ къ землѣ. Употреблять трудъ на фабричное производство, значитъ прилагать капиталъ къ этому производству.

Такими выраженіями предполагается, что промышленность не можетъ получить размѣра превосходящаго капиталъ, который можно затратить на нее. Въ самомъ дѣлѣ, кто ясно понимаетъ эту мысль, не можетъ не согласиться съ ней. Разумѣется, фраза «приложеніе капитала» есть выраженіе метафорическое: въ сущности прилагается къ дѣлу трудъ, а капиталъ служитъ только необходимымъ условіемъ для того. Мы часто говоримъ о «производительныхъ силахъ капитала»; это выраженіе не совершенно правильно. Производительныя силы только трудъ и природа, и если, расширяя смыслъ выраженія, можно сказать о какой нибудь части капитала, что она имѣетъ производительную силу, то сказать это можно только объ инструменахъ и машинахъ; они подобно вѣтру или водѣ принимаютъ участіе въ трудѣ. Пища работниковъ и матеріалы производства не имѣютъ производительной силы; но трудъ можетъ проявлять свою производительную силу только тогда, когда снабженъ ими. Размѣръ промышленности не можетъ быть больше того, на сколько снабжена она матеріалами для обработки и пищею для прокормленія. Это дѣло очевидное; но при всей его очевидности часто забываютъ, что народъ извѣстной страны содержится и удовлетворяетъ своимъ потребностямъ не изъ продуктовъ настоящаго своего труда, а изъ продуктовъ прошедшаго труда. Люди потребляютъ то, что уже произведено, а не то, надъ производствомъ чего еще трудятся. А изъ того, что произведено, только часть отдается на содержаніе производительнаго труда; размѣръ этого труда не бываетъ и не можетъ быть больше того, сколько его можетъ быть прокормлено и снабжено матеріалами и орудіями производства на ту часть продуктовъ, которая идетъ на него, и составляетъ капиталъ страны.

Несмотря на очевидность этого факта, долго думали, что законы и правительства могутъ создавать промышленность, не создавая капитала. Правительство косвеннымъ образомъ можетъ въ извѣстной степени содѣйствовать тому, чтобы народъ дѣлался болѣе трудолюбивъ, или успѣшность его труда увеличивалась; но думали, что правительство можетъ развивать промышленность не этимъ путемъ. Полагали, что хотя бы искусство и энергія работниковъ не увеличились, хотя бы не были заставляемы работать люди, которые прежде содержались въ праздности, правительство все-таки можетъ создать большее количество промышленныхъ дѣлъ, не увеличивая запаса, на который производится промышленность. Запретительными законами правительство прекращало ввозъ како-

го нибудь товара; заставивъ тѣмъ производить этотъ товаръ дома, оно хвалилось, что обогатило страну новой отраслью промышленности, выставляло на похвальбу въ статистическихъ таблицахъ, количество полученнаго продукта и труда употребленнаго на производство и объявляло всю эту сумму выигрышемъ для страны, доставленнымъ ей чрезъ запретительный законъ. Въ Англіи политическая ариѳметика этого рода нѣсколько потеряла свой кредитъ, но у націй континентальной Европы она еще процвѣтаетъ. Если бы законодатели понимали, что размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала, они понимали бы, что когда масса капитала страны не увеличилась, то часть капитала, обращенная ихъ законами на новопріобрѣтенную отрасль промышленности, отнята у какой нибудь другой отрасли, въ которой она давала занятіе, вѣроятно, почти такому же количеству труда, какому даетъ занятіе въ новомъ дѣлѣ *).

---

*) Надобно сказать, что исключеніемъ изъ этого бываетъ, когда промышленность, создаваемая или поддерживаемая запретительнымъ закономъ, принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ домашнихъ издѣлій. Эти издѣлія производятся людьми, которые уже имѣютъ продовольствіе отъ другаго дѣла, производятся работающими семействами въ промежутки отъ другихъ занятій; потому для веденія этой промышленности не нужно переносить на нее отъ другихъ промышленностей никакого капитала, кромѣ того, сколько стоятъ матеріалы и орудія, цѣнность которыхъ часто бываетъ незначительна. Итакъ, если покровительственная пошлина бываетъ причиною занятія домашнимъ промысломъ, которымъ безъ нея не занимались бы, то она дѣйствительно увеличиваетъ производство страны.

Мы должны были сдѣлать это исключеніе, чтобы придать полную неопровержимость нашему теоретическому выводу; но этотъ особенный случай не касается ученія о свободной торговлѣ практическимъ образомъ. По самой сущности дѣла, домашнія издѣлія не нуждаются въ покровительственныхъ пошлинахъ: продовольствіе работниковъ доставляется изъ другихъ источниковъ, и потому какъ бы ни понижалась цѣна домашняго издѣлія, она почти вся составляетъ чистый барышъ для работниковъ. Если домашнія издѣлія прекращаются отъ соперничества привозныхъ, это бываетъ не отъ необходимости, а оттого, что продуктъ не стоитъ употребляемаго на него труда по мнѣнію лучшихъ судей этого вопроса, тѣхъ людей, которые производятъ продуктъ и употребляютъ на него трудъ. Издержка на покупку платья кажется имъ менѣе обременительною, нежели трудъ на домашнее приготовленіе платья, и они не хотятъ продолжать этого труда, потому что общество не даетъ имъ за него больше, чѣмъ стоитъ ихъ продуктъ по собственному ихъ мнѣнію. Прим. авт.

Намъ кажется, что Милль въ этомъ случаѣ слишкомъ легко говоритъ о дѣлѣ, которое можно рѣшить только посредствомъ очень внимательнаго раз-

2. Если размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала; изъ этого еще не должно заключать, чтобы онъ всегда достигалъ такого предѣла. Быть можетъ, что нельзя получить такого числа работниковъ, какое могъ бы содержать и употреблять на дѣло капиталъ. Это, какъ извѣстно, случалось въ новыхъ колоніяхъ, гдѣ капиталъ пропадалъ иногда безполезно, по недостатку рабочихъ силъ; примѣромъ тому служила колонія Лебединой Рѣки (Swan River) въ первые годы по своемъ основаніи. На существующій капиталъ живутъ многіе люди, которые не производятъ ничего или могли бы производить больше, нежели производятъ. Если работники будутъ сведены на болѣе низкую плату или склонены къ тому, чтобы за прежнюю плату работать больше часовъ, или если ихъ семейства, которыя уже содержатся изъ капитала, будутъ въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ содѣйствовать увеличенію производства, то данный капиталъ доставитъ занятіе большему количеству производства. Непроизводительное потребленіе производительныхъ работниковъ, которое все получается теперь изъ капитала, могло бы прекратиться или быть отсрочено до полученія продукта, и на эту сумму было бы можно содержать еще извѣстное число работниковъ, кромѣ нынѣшняго. Этими способами об-

---

счета. Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ спеціальныя изслѣдованія, которыя заняли бы слишкомъ много мѣста, а замѣтимъ только одно обстоятельство. Домашними издѣліями работники и ихъ семейства занимались въ промежуткахъ отъ другихъ дѣлъ. Когда занятіе домашнимъ издѣліемъ прекращается, эти промежутки времени остаются безъ производительнаго дѣла. Ясно, что производство страны отъ этой перемѣны уменьшилось. Будетъ ли вознаграждена эта потеря употребленіемъ незанятыхъ промежутковъ на умственное образованіе, или на здоровый отдыхъ или на что нибудь другое полезное, это еще вопросъ: а то, что потеря есть, это уже безспорно. Итакъ всякое уменьшеніе занятій домашними издѣліями представляетъ для общества и для самихъ работниковъ рискъ безвозвратной потери. Конечно, мы замѣчаемъ это вовсе не въ защиту протекціонныхъ пошлинъ, которыя не затѣмъ и существуютъ, чтобы поддерживать какія нибудь мужицкія издѣлія для собственнаго же мужицкаго употребленія. Мы хотимъ только сказать, что всякая перемѣна, уменьшающая трудолюбіе въ народѣ, отнимающая у него охоту дорожить каждою минутою, не выгодна для страны. Если домашнія издѣлія выходятъ изъ употребленія по несоотвѣтственности съ моднымъ вкусомъ, то едва ли не всегда ихъ прекращеніе оказывается убыточнымъ для страны и для работниковъ. Но тутъ надобно заботиться не о сохраненіи протекціоннаго тарифа, а объ томъ, чтобы въ нашемъ обществѣ развилась простота вкусовъ, привычка дорожить временемъ и возможность обращать на пользу каждую минуту его. Прим. переводч.

щество могло бы получить отъ своихъ существующихъ средствъ большее количество продуктовъ; и оно бывало принуждаемо прибѣгать къ такимъ способамъ, когда, при внезапномъ уничтоженіи значительной части его капитала, становилось дѣломъ главнѣйшей важности то, чтобы употребить остальной капиталъ съ наибольшимъ размѣромъ дѣйствій.

Гдѣ промышленность не достигаетъ предѣла, назначаемаго ей капиталомъ, правительства могутъ приближать ее къ этому предѣлу различными способами, напримѣръ тѣмъ, чтобы привозить новыхъ работниковъ; такъ привозятся Кули и свободные негры въ Вестъ-Индію. Правительства могутъ увеличивать размѣръ промышленности и другимъ способомъ: они могутъ создавать капиталъ. Они могутъ налагать подати и обращать ихъ на производительное употребленіе, Они могутъ дѣлать еще другую вещь, имѣющую почти такое же значеніе: налагать подати на доходъ или предметъ расхода и употреблять получаемыя суммы на уплату государственныхъ долговъ. Рентьеръ, у котораго выкуплены облигаціи государственнаго долга, захочетъ по прежнему получать доходъ отъ своей собственности и большая часть ея обратится на производительное употребленіе, а между тѣмъ значительная часть этой суммы взята изъ доходовъ, обращавшихся на непроизводительное употребленіе, потому что человѣкъ платитъ не весь налогъ изъ той части имущества, которую сберегаетъ, а нѣкоторую, если не главную долю налога платитъ изъ той части, которую иначе израсходовалъ бы. Надобно прибавить, что всякое увеличеніе производительной силы капитала (или, точнѣе говоря, труда), порождаемое техническими усовершенствованіями или другими причинами, ведетъ къ увеличенію количества труда, содержимаго капиталомъ: при увеличеніи массы продуктовъ нѣкоторая часть прибавочнаго количества, конечно, всегда будетъ сбережена и обращена въ капиталъ. Тѣмъ болѣе надобно ждать этого, когда увеличеніе выгодности производства служитъ усиленіемъ побужденія обращать запасы отъ непроизводительнаго назначенія къ производительному.

3. Размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала и потому каждое увеличеніе капитала даетъ или можетъ давать большее количество занятій для промышленности; этому возрастанію нельзя назначить предѣловъ. Я вовсе не отрицаю того, что капиталъ или часть капитала можетъ получить употребленіе непригодное для содержанія работниковъ, можетъ быть изъята изъ оборота обращеніемъ въ машины, постройки, земледѣльческія улучше-

нія и т. д. При каждомъ большомъ возрастаніи капитала значительная часть его всегда получитъ такое употребленіе и будетъ только содѣйствовать труду работниковъ, а не содержать ихъ. Но я хочу сказать то, что часть капитала, назначенная на содержаніе работниковъ, можетъ (при предположеніи неизмѣнности другихъ условій) быть увеличиваема выше всякаго даннаго размѣра и всетаки будетъ можно найти занятіе для работниковъ; выражаясь иначе, если есть люди, способные работать, и есть пища для ихъ прокормленія, то они всегда могутъ быть употреблены на производство чего нибудь. На этой теоремѣ надобно нѣсколько остановиться, потому что она принадлежитъ къ числу тѣхъ, съ которыми люди легко соглашаются въ видѣ общихъ формулъ, но отъ которыхъ они расположены отступаться въ хаосѣ дѣйствительныхъ фактовъ общественной жизни; притомъ же теорема эта сильно противорѣчитъ обыкновеннымъ мнѣніямъ. Къ числу мнѣній, наиболѣе распространенныхъ между людьми, принадлежитъ то, что непроизводительные расходы богатыхъ необходимы, чтобы дать занятіе бѣднымъ. До Адама Смита почти никто не сомнѣвался въ справедливости такого мнѣнія; да и послѣ Адама Смита писатели очень знаменитые и дѣйствительно заслуживающіе уваженія (напримѣръ, Мальтусъ, Чомерсъ, Сисмонди) утверждали, что еслибы потребители стали сберегать и обращать въ капиталъ слишкомъ большую часть своего дохода и если бы они не обращали на непроизводительное потребленіе сумму средствъ, находящуюся въ извѣстной пропорціи къ капиталу страны, то эта прибавка къ сбереженію была бы просто потерею для общества, потому что не было бы рынка для сбыта товаровъ, которые произвелъ бы капиталъ, созданный такимъ образомъ. Я считаю это за одну изъ тѣхъ многочисленныхъ ошибокъ, которыя происходятъ въ политической экономіи, когда мы не начинаемъ изслѣдованіе съ простѣйшихъ вопросовъ, а прямо бросаемся въ запутанные конкретные феномены.

Каждый можетъ видѣть, что если бы доброжелательное правительство владѣло всею пищею, всѣми инструментами и матеріалами общества, то оно могло бы требовать производительнаго труда отъ всѣхъ, кого допускаетъ къ участію въ пищѣ, и никогда не имѣло бы затрудненія въ томъ, чтобы найти поле для занятія этому производительному труду; потому что пока оставалась бы неудовлетворенной чья нибудь и какая нибудь потребность, требующая удовлетворенія матеріальными предметами, трудъ обще-

ства могъ бы быть обращенъ на производство чего нибудь, способнаго удовлетворить этой потребности. Частные люди, владѣющіе капиталомъ, увеличивая его новыми накопленіями, дѣлаютъ точно тоже самое, что въ нашемъ предположеніи дѣлалось бы доброжелательнымъ правительствомъ. Можно предполагать гипотетическимъ образомъ какіе угодно случаи, потому вообразимъ самый крайній случай, какой только можно представить. Предположимъ, что каждый капиталистъ дошелъ до такого мнѣнія, что не имѣя заслугъ болѣе, чѣмъ хорошій рабстникъ, онъ не долженъ жить лучше работника и что сообразно такому внушенію совѣсти всѣ капиталисты сберегаютъ весь излишекъ своей прибыли; или предположимъ, что эта воздержность производится не собственнымъ ихъ желаніемъ, а налагается закономъ или общественнымъ мнѣніемъ на всѣхъ капиталистовъ и на всѣхъ землевладѣльцевъ. Итакъ, непроизводительные расходы приведены къ наименьшему размѣру; спрашивается теперь, какое употребленіе себѣ найдетъ увеличившійся капиталъ? Кто станетъ покупать товары, имъ производимые? Нѣтъ покупщиковъ и на тѣ товары, которые уже были произведены въ прежнее время. Итакъ, товары останутся непроданными, говорятъ намъ; они будутъ тлѣть въ кладовыхъ; пока капиталъ уменьшится до свой прежней величины или, точнѣе сказать, до величины меньшей прежняго на ту пропорцію, на какую уменьшился запросъ со стороны потребителей. Но говорить это значить видѣть только одну половину дѣла. Въ предполагаемомъ нами случаѣ не было бы со стороны капиталистовъ и землевладѣльцевъ запроса на предметы роскоши. Но когда эти сословія обращаютъ свой доходъ въ капиталъ, они не уничтожаютъ этимъ свою силу потребленія, они только переносятъ ее отъ себя на работниковъ, которымъ даютъ занятіе. Относительно работниковъ можно сдѣлать два предположенія: въ числѣ ихъ происходитъ увеличеніе, пропорціональное увеличенію капитала, или не происходитъ такого увеличенія. Если оно происходитъ, вопросъ не представляетъ затрудненія: производство предметовъ необходимости для новаго населенія займетъ мѣсто производства предметовъ роскоши для части прежняго населенія и доставитъ ровно такое же количество занятія, какое было утрачено. Но предположимъ, что населеніе не возрасло. Все, что прежде расходовалось на предметы роскоши капиталистами и землевладѣльцами, распредѣляется между существующимъ числомъ работниковъ подъ формою увеличенной рабочей платы. Предположимъ, что эти работники уже и прежде

были достаточно снабжены предметами необходимости. Что же теперь будетъ? Будетъ то, что работники станутъ потребителями предметовъ роскоши, и капиталъ, прежде употреблявшійся на производство предметовъ роскоши, по прежнему можетъ употребляться тѣмъ же путемъ; разница только въ томъ, что предметы роскоши распредѣляются по всему обществу, между тѣмъ какъ прежде распредѣлялись только между немногими людьми. Строго говоря, увеличеніе сбереженій и увеличеніе производства могло бы продолжаться до того, пока каждый работникъ сталъ бы имѣть всѣ удобства богатства, совмѣстныя съ продолженіемъ труда, предполагая, что сила труда работниковъ физически достаточна для произведенія всей массы этихъ удобствъ для всего числа работниковъ. Такимъ образомъ, границею богатства никакъ не можетъ служить недостатокъ потребителей, а служитъ ею только недостаточное количество производителей и производительныхъ силъ. Каждое увеличеніе капитала даетъ труду или увеличеніе занятія или увеличеніе вознагражденія, обогащаетъ или страну, или рабочій классъ. Если новый капиталъ находитъ новыя руки для занятія дѣломъ, онъ увеличиваетъ общую массу продуктовъ; если онъ не находитъ новыхъ рукъ, онъ даетъ прежнимъ рукамъ бо́льшую пропорцію продуктовъ и даже въ этомъ случаѣ можетъ увеличить общую массу продуктовъ, возбуждая работниковъ къ болѣе усердному труду ([17]).

([17]) Вопросъ такъ ясенъ, и мысль, доказываемая Миллемъ, такъ безспорна, что изумительно казалось бы, какъ могли держаться противнаго мнѣнія столь замѣчательные писатели, какъ Сисмонди и Мальтусъ. Но дѣло въ томъ, что ихъ мысль о пользѣ, будто бы получаемой бѣдняками отъ роскоши богатыхъ, мысль совершенно нелѣпая, была только неловкимъ способомъ объяснить фактъ, состоящій въ частыхъ остановкахъ фабричнаго производства отъ недостатка заказовъ и въ коммерческихъ кризисахъ. Они дѣлали фальшивое заключеніе, когда полагали, что прекращеніе роскоши могло бы усилить обременительность такихъ явленій, которыя собственно и производятся непропорціональнымъ со средствами общества распредѣленіемъ рабочихъ силъ между производствомъ предметовъ первой необходимости и предметовъ роскоши, слишкомъ большою тратою труда на предметы роскоши и на занятія совершенно непроизводительныя. Этотъ предметъ вполнѣ можно понять, только познакомившись съ теоріею цѣнности, стоимости и цѣны. Замѣтимъ здѣсь еще одно обстоятельство: теорема, что каждое увеличеніе капитала выгодно или для производства или для благосостоянія работниковъ, справедлива относительно капитала въ научномъ смыслѣ слова, то есть относительно части продуктовъ, употребляемыхъ на производство. Но выйдетъ самая вздорная путаница, если эту теорему отнести къ всякому вообще богатству, какъ дѣлаютъ французскіе экономисты, называющіе капиталомъ вся-

4. Вторая основная теорема о капиталѣ относится къ источнику, изъ котораго онъ происходитъ. Капиталъ есть результатъ сбереженія. Полное доказательство тому находится въ объясненіяхъ уже изложенныхъ нами; но самая теорема требуетъ еще новыхъ объясненій.

Если бы каждый расходовалъ на личныя надобности и удовольствія все, что производитъ, и весь доходъ получаемый имъ изъ продуктовъ другихъ людей, то капиталъ не могъ бы возрастать. Весь капиталъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, былъ первоначально результатомъ сбереженія. Я говорю однако же о нѣкоторомъ исключеніи; оно ничтожно, но оно существуетъ. Человѣкъ, трудящійся на свой собственный счетъ, можетъ расходовать на себя все, что производитъ, и не будетъ становиться бѣднѣе; запасъ продуктовъ, которымъ онъ продовольствуется пока соберетъ свою жатву или продастъ свое издѣліе, служитъ капиталомъ; но нельзя сказать, чтобы этотъ запасъ сберегался, потому что весь онъ употребляется на надобности этого человѣка и расходуется, быть можетъ, столь же быстро, какъ расходовался бы въ праздности. Мы можемъ вообразить, что извѣстное число лицъ или семействъ живутъ каждое на своемъ участкѣ земли, каждое продуктами своего собственнаго труда, и что каждое изъ нихъ потреб-

---

кую массу цѣнностей, изъ какихъ бы предметовъ ни состояла она и на что бы ни употреблялась; между тѣмъ, какъ есть обширные разряды цѣнностей, непригодные по своей натурѣ къ обращенію на производство, и чѣмъ больше силъ употребляетъ общество на производство такихъ предметовъ, чѣмъ большую массу ихъ получаетъ, тѣмъ больше оскудѣваютъ его производительныя силы. Напримѣръ, положимъ, что въ обществѣ, имѣющемъ 100 человѣкъ работниковъ, 90 были заняты производствомъ хлѣба, а 10 производствомъ бронзы. Положимъ, что открытъ новый, лучшій способъ производить бронзу, что она стала стоить вдвое меньшаго труда, потому цѣна ея понизилась вдвое, и оттого сбытъ ея увеличился втрое. Теперь, чтобы сдѣлать втрое больше бронзы, при способѣ производства вдвое легчайшемъ, на это дѣло потребуется 15 работниковъ вмѣсто прежнихъ 10, а на производство хлѣба останется только 85 работниковъ, — ясно, что въ обществѣ будетъ производиться хлѣба меньше, чѣмъ прежде, и оно обѣднѣетъ. Можно сказать: «число населенія можетъ возрасти, такъ что возстановится прежняя пропорція земледѣльцевъ къ бронзовщикамъ». Но политическая экономія говоритъ, что положеніе общества не улучшается, а становится хуже, когда увеличеніе населенія вызывается чѣмъ бы то ни было, кромѣ чрезмѣрнаго пространства невоздѣланной земли очень хорошаго качества или улучшеній въ земледѣліи. Здѣсь нѣтъ ни того, ни другаго обстоятельства, потому положеніе общества станетъ еще хуже, если его населеніе увеличится.

ляетъ весь продуктъ. Но даже и они должны сберечь (то есть не обратить на свое личное потребленіе) ту часть продукта, какая необходима на посѣвъ. Итакъ даже въ этомъ простѣйшемъ состояніи экономическихъ отношеній нужно было сдѣлать нѣкоторое сбереженіе: люди эти должны были произвесть больше, чѣмъ потребили, или потребить меньше, чѣмъ произвели. Еще больше нужно имъ сдѣлать сбереженія, чтобы нанять другихъ работниковъ или увеличить свое производство до такого размѣра, какой не можетъ совершаться собственнымъ трудомъ ихъ рукъ. Всѣ продукты, употребляемые человѣкомъ на содержаніе и веденіе чьего нибудь труда, кромѣ своего собственнаго труда, должны были первоначально быть собраны сбереженіемъ; кто нибудь долженъ былъ произвести ихъ и отказаться отъ ихъ потребленія. Итакъ, не дѣлая практической неточности, можно сказать, что весь капиталъ и въ особенности всякое увеличеніе капитала—результатъ сбереженія.

Въ грубомъ и не безопасномъ положеніи общества постоянно бываетъ, что капиталъ принадлежитъ не тому лицу, которое сберегло его, а какому нибудь другому, болѣе сильному или принадлежащему къ болѣе сильному обществу, и перешелъ къ владѣльцу посредствомъ грабежа. Даже при такомъ порядкѣ дѣлъ, въ которомъ собственность была ограждена, возрастаніе капитала долго происходило почти повсюду главнымъ образомъ отъ лишеній, которыя хотя въ сущности одинаковы съ сбереженіемъ, но не называются этимъ именемъ потому, что нѣтъ въ нихъ добровольности. Дѣйствительными производителями были рабы, принужденные производить столько, сколько можно было вынудить у нихъ силою, а въ потребленіи своемъ ограничиваться только тѣмъ, что давалъ имъ разсчетъ ихъ владѣльцевъ или сострадательность этихъ владѣльцевъ, вообще очень незначительная. Но это насильственное сбереженіе не породило бы никакого увеличенія капитала, если бы часть продуктовъ, остающихся отъ него, не была снова сбережена, и уже добровольно сбережена, владѣльцемъ. Если бы онъ потреблялъ на личныя свои надобности все, что по его принужденію произвели и оставили непотребленнымъ рабы, онъ не увеличилъ бы своего капитала и не получилъ бы средства содержать большее число рабовъ. Да и вообще, чтобы содержать какое бы то ни было число рабовъ, надобно было предварительно сдѣлать сбереженіе, заготовить впередъ какой нибудь запасъ, по крайней мѣрѣ пищи. Но это сбереженіе могло быть сдѣлано не отказомъ отъ личныхъ расходовъ, которому добровольно подвергалъ се-

бя хозяинъ: вѣроятнѣе, что оно было сдѣлано самими рабами, когда они еще были свободны, а потомъ насиліе или война, лишившая ихъ личной свободы, перенесла въ руки побѣдителя и продукты, ими сбереженные.

Есть еще другіе случаи, въ которыхъ терминъ сбереженіе, съ мыслями къ нему обыкновенно принадлежащими, не примѣняется въ точности къ процессу, какимъ увеличивается капиталъ. Если, напримѣръ, мы скажемъ, что единственный путь ускорить возрастаніе капитала есть усиленіе сбереженія, то въ читателѣ, вѣроятно, пробудится этимъ мысль о большемъ ограниченіи потребленія и объ увеличеніи лишеній. Но, очевидно, что все, увеличивающее производительную силу труда, создаетъ большій запасъ для дѣланія сбереженій и даетъ средства увеличивать капиталъ безъ всякаго увеличенія лишеній, а напротивъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ личнаго потребленія. По научному смыслу термина, происходитъ сбереженіе и въ этомъ случаѣ. Правда, что потребляется больше, но и остается послѣ потребленія больше прежняго; излишекъ производства надъ потребленіемъ тутъ значительнѣе прежняго, и потому такой процессъ правильно называется большимъ сбереженіемъ. Надобно сказать, что терминъ «сбереженіе» не совсѣмъ удобенъ; но всякій другой терминъ былъ бы еще менѣе удобенъ. Сбереженіе состоитъ въ томъ, когда потребляется меньше, нежели производится; капиталъ увеличивается собственно этимъ процессомъ, а не всегда непремѣнно уменьшеніемъ въ размѣрѣ потребленія. Не надобно намъ до такой степени порабощать себя разговорному языку, чтобы, употребляя слово сбереженіе въ научномъ смыслѣ, забывать о томъ, что увеличеніе капитала совершается не однимъ путемъ уменьшенія въ размѣрѣ потребленія, а также и другимъ путемъ, увеличеніемъ производства.

5. Третья основная теорема о капиталѣ тѣсно связана со второю, теперь изложенною нами. Вотъ она: хотя капиталъ сберегается и составляетъ результатъ сбереженія, но тѣмъ не менѣе онъ потребляется. Слово «сбереженіе» вовсе не говоритъ, чтобы сберегаемое не потреблялось, не говоритъ даже и того, чтобы потребленіе сберегаемаго непремѣнно отстрочивалось; оно говоритъ только, что если сберегаемое немедленно потребляется, то потребляется не лицомъ сберегающимъ, а другимъ лицомъ. Если продуктъ просто отложенъ для будущаго употребленія, то надобно сказать, что онъ спрятанъ; и пока онъ спрятанъ, вовсе онъ не потребляется. Но если онъ употребляется какъ капиталъ, то онъ

весь потребляется, только потребляется не капиталистомъ [18]). Часть его обмѣнивается на орудія или машины, изнашивающіяся отъ употребленія; часть на сѣмена или матеріалы, которые уничтожаются въ прежнемъ своемъ видѣ посѣвомъ или обработкою и совершенно уничтожаются потребленіемъ окончательнаго продукта. Остальная часть уплачивается производительнымъ работникамъ, потребляющимъ эту плату на свои ежедневныя нужды; а если работники и сберегутъ часть платы, то она, говоря вообще, не прячется, а посредствомъ сберегательныхъ кассъ и другихъ подобныхъ учрежденій снова обращается въ капиталъ и потребляется.

---

[18]) Въ этихъ словахъ уже отразилось вліяніе того случайнаго воззрѣнія, которое съ очевидностью раскрывается послѣдующими словами. Вмѣсто того, чтобы удерживать мысль на высотѣ общаго анализа неизмѣнной сущности дѣла, Милль уже подстанавливаетъ, по забывчивости, анализъ извѣстной частной формы экономическаго устройства. Онъ говоритъ уже не вообще о человѣкѣ сберегающемъ, а только о такомъ человѣкѣ, у котораго запасъ сбереженій такъ великъ, что онъ заставляетъ работать другихъ вмѣсто себя. Чтобы видѣть ошибку, вошедшую отъ этой небрежности въ опредѣленіе процесса, которымъ потребляется капиталъ, мы представимъ слѣдующій случай. Положимъ, что крестьянское семейство начинаетъ ткать свое грубое сукно въ тотъ самый день, когда снято руно съ овцы, и потомъ начинаетъ шить платье изъ сукна въ тотъ же день, какъ выткано сукно, и наконецъ начинаетъ носить платье въ тотъ же самый день, какъ сшито оно. Отсрочки потребленія нѣтъ, какъ мы видимъ, ни въ одномъ изъ фазисовъ, проходимыхъ продуктомъ, и продуктъ потребляется тѣми самыми людьми, которые сберегли его; но это руно, это сукно, это платье все-таки служитъ капиталомъ, то есть орудіемъ производства, потому что оно даетъ средства заниматься внѣ избы земледѣльческими работами, которыя по времени года невозможны безъ суконныхъ онучъ и другихъ частей одежды, не замѣняемыхъ короткимъ полушубкомъ мужика. Итакъ, надобно сказать, что по способу потребленія продуктъ, служащій капиталомъ, отъ продукта, потребляемаго не въ характерѣ капитала, отличается собственно только тѣмъ, что потребляется для усиленія производства, а не тѣмъ, чтобы сберегался однимъ лицомъ, а потреблялся другимъ. Разница между лицомъ сберегающимъ и между лицомъ потребляющимъ не принадлежитъ сущности дѣла, а относится только къ такой формѣ экономическаго устройства, при которой трудъ составляетъ принадлежность однихъ лицъ, а капиталъ собственность другихъ, уже не работающихъ руками. Итакъ, по сущности дѣла, капиталъ есть та часть сбереженныхъ продуктовъ, потребленіе которой нужно для успѣшности самого процесса труда. Напримѣръ, если работнику въ сырую погоду нужно выпить чарку водки, эта выпитая имъ чарка капиталъ (безъ нея, онъ работалъ бы менѣе энергично, и продукта получилось бы меньше). Мы дѣлаемъ это и многія другія подобныя замѣчанія не потому, чтобы сами по себѣ они имѣли большую важность; но необходимо намъ показывать, хотя въ нѣкоторыхъ

Принципъ, нами изложенный, служитъ сильнымъ примѣромъ необходимости внимательно вникать въ самыя элементарныя истины нашей науки: это одна изъ самыхъ элементарнѣйшихъ истинъ ея, а между тѣмъ почти никто не понимаетъ этой теоремы, если не вникалъ въ науку, и почти никто не соглашается даже принять эту истину, когда слышитъ ее въ первый разъ. Для профана непонятно, какъ сберегается то, что потребляется. Для него сберегающій человѣкъ представляется человѣкомъ прячущимъ деньги; онъ думаетъ, что сбереженіе не дурно, или даже похвально, когда имѣетъ цѣлью обезпеченіе семейства и тому подобныя заботы; но профанъ совершенно не думаетъ, что сберегать значитъ приносить пользу другимъ: сберегать, по его мнѣнію, тоже, что хранить вещь для самаго себя, а растрачивать тоже, что раздавать вещь по рукамъ другихъ. Человѣкъ, расходующій свое состояніе на непроизводительное потребленіе, считается разливающимъ благодѣянія на всѣхъ окружающихъ его; онъ предметъ такого сочувствія въ обществѣ, что часть этой популярности переходитъ даже на человѣка, расточающаго состояніе не принадлежащее ему, на человѣка, который не только уничтожаетъ свой капиталъ, если когда имѣлъ его, но, подъ видомъ займа и съ обѣщаніемъ уплаты, овладѣваетъ даже капиталомъ, принадлежащимъ другому, и также уничтожаетъ его.

Эта ошибочность обыкновеннаго взгляда происходитъ оттого, что обращается вниманіе только на одну и притомъ небольшую часть слѣдствій, проистекающихъ отъ сбереженія и отъ растраты: люди не думаютъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя не попадаются сами на глаза. Глазъ слѣдуетъ за сберегаемымъ имуществомъ въ воображаемую шкатулку и тутъ теряетъ его изъ виду. Онъ слѣ-

---

случаяхъ, какъ уклоняются писатели школы Смита отъ принциповъ и пріемовъ собственной своей теоріи, смѣшивая по забывчивости сущность дѣла съ его случайною формою. Мы пропускаемъ множество подобныхъ уклоненій безъ замѣтокъ, чтобы не слишкомъ утомлять читателя; а если бы не боялись этого, то должны были бы дѣлать такихъ поправокъ на текстъ Милля въ десять разъ больше, нежели дѣлаемъ. Что же касается до другихъ экономистовъ, то у каждаго изъ нихъ неточностей еще въ десять разъ больше, чѣмъ у Милля. Милля мы собственно и выбрали для перевода потому, что какъ ни много у него ошибокъ, но все-таки несравненно меньше, чѣмъ у всякаго другаго писателя школы Смита.

дитъ за растрачиваемымъ имуществомъ, какъ оно идетъ въ руки торговцевъ и людей, окружающихъ расточителя; но въ обоихъ этихъ случаяхъ глазъ одинаково не проникаетъ до окончательнаго назначенія имущества. Сбереженіе (на производительное потребленіе) и растрата очень сходны въ первомъ періодѣ своего процесса. То и другое начинается потребленіемъ, разрушеніемъ извѣстной части богатства. Разница только въ томъ, какія вещи потребляются и какіе люди потребляютъ ихъ. Въ первомъ случаѣ изнашиваются инструменты, уничтожается матеріалъ, также пища и одежда, которую потребляютъ работники; во второмъ случаѣ потребляются, т. е. уничтожаются дорогія вина, экипажи и меблировка. До сихъ поръ послѣдствіе обоихъ дѣлъ для національнаго богатства было почти одинаково: одинаковое количество богатства уничтожилось тѣмъ и другимъ дѣломъ. Но при мотовствѣ, этотъ первый фазисъ служитъ и окончательнымъ фазисомъ: извѣстное количество продуктовъ труда исчезло и ничего отъ нихъ не осталось; а сберегающій человѣкъ во все время, пока продолжалось разрушеніе, держалъ на работѣ людей, возстановлявшихъ уничтожаемые продукты, и въ результатѣ оказывается, что работники съ излишкомъ воспроизвели то количество продуктовъ, которое было потреблено. Эта операція, можетъ быть безконечное число разъ повторяема безъ новаго сбереженія, потому разъ сдѣланное сбереженіе становится фондомъ, могущимъ содержать вѣчное время извѣстное число работниковъ, которые ежегодно воспроизводятъ свое продовольствіе съ прибылью.

Для непривычнаго соображенія истинный характеръ этихъ феноменовъ затемняется тѣмъ, что въ нихъ участвуютъ деньги. Почти всѣ расходы производятся посредствомъ денегъ и потому деньги пріобрѣтаютъ видъ главнаго элемента въ этомъ дѣлѣ; а деньги не истребляются, онѣ только переходятъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, и отъ вниманія ускользаетъ уничтоженіе, происходящее при непроизводительномъ расходѣ. Деньги только перешли изъ рукъ въ руки, и люди думаютъ, что богатство также перешло изъ рукъ мота въ другія руки. Но это просто значитъ смѣшивать деньги съ богатствомъ. Уничтоженное богатство было не деньги, а тѣ дорогія вина, экипажи и меблировка, которыя были куплены на деньги; эти вещи уничтожены теперь безвозвратно и общество стало бѣднѣе на всю сумму ихъ. Могутъ сказать, что дорогія вина, экипажи и меблировка не пища, не инструменты, не матеріалы и ни въ какомъ случаѣ не могли бы годиться на содержа-

ніе труда; что они годятся только на непроизводительное потребленіе и что ущербъ богатству общества наносился, когда они производились, а не тогда, когда они потреблялись. Я согласенъ допустить такое замѣчаніе, насколько нужно для разъясненія предмета, и замѣчаніе это было бы совершенно справедливо, если бы эти убыточные предметы роскоши брались изъ существующаго запаса, которому не было бы уже суждено пополняться. Но вѣдь они будутъ производиться вновь, пока будутъ для нихъ потребители, и будутъ производиться въ большемъ количествѣ для удовлетворенія увеличившагося запроса; потому, когда потребитель расположился тратить 5,000 фунтовъ изъ своего дохода на предметы роскоши, онъ изъ года въ годъ держитъ соотвѣтственное число работниковъ занятыми производствомъ вещей, которыя никакъ не могутъ пригодиться для производства. Трудъ этихъ работниковъ теряется по отношенію къ возрастанію національнаго богатства; пища, инструменты и матеріалы, ежегодно потребляемые ими, отнимаются изъ общаго запаса націи, пригоднаго на производительное употребленіе. По мѣрѣ расточительности или роскоши извѣстнаго класса, промышленность страны обращается къ производству предметовъ роскоши для него, и не только уменьшается количество занятія для производительныхъ работниковъ, но продовольствіе и инструменты, нужные для производительнаго занятія, производятся въ меньшемъ количествѣ.

Словомъ сказать, сбереженіе обогащаетъ, а расточительность приводитъ къ бѣдности общество, подобно отдѣльному человѣку; иначе говоря, это значитъ, что общество въ цѣломъ своемъ составѣ обогащается тою суммою, какую расходуетъ на содержаніе производительнаго труда и на содѣйствіе ему и, наоборотъ, бѣднѣетъ на ту сумму, какую потребляетъ для своихъ удовольствій *).

---

*) Вѣроятно, не безполезно будетъ обратить вниманіе на разныя обстоятельства, до извѣстной степени уменьшающія убытокъ, наносимый общественному богатству расточительностью частныхъ людей, или дающія болѣе или менѣе значительное уравновѣшеніе ему въ видѣ послѣдствій самаго убытка. Одно изъ этихъ обстоятельствъ то, что мотъ въ сущности не успѣваетъ потреблять все, что расточаетъ. Его обыкновенная безпечность въ расходѣ бываетъ причиною, что его обманываютъ и обкрадываютъ со всѣхъ сторонъ; а изъ этихъ обкрадывающихъ людей многія имѣютъ экономныя привычки. Большія суммы постоянно накопляются повѣренными, управителями и даже домашними служителями богатыхъ расточительныхъ людей. Кромѣ того расточительные люди дороже бережливыхъ платятъ за всѣ свои покупки

6. Возвратимся къ нашей основной теоремѣ. Все, что производится — потребляется; потребляется и то, что называется растрачиваемымъ, и то, что называется сберегаемымъ; притомъ сбе-

---

(отъ этого и происходитъ расположеніе купцовъ къ нимъ). Такимъ образомъ они въ дѣйствительности не могутъ получить въ свои руки и уничтожить такое количество богатства, которое бы равнялось расточаемому ими состоянію: они потребляютъ въ сущности гораздо меньше, чѣмъ расходуютъ, и значительная часть ихъ состоянія не потребляется, а просто переходитъ къ другимъ, которые можетъ быть сберегутъ часть перешедшаго къ нимъ. Во вторыхъ, надобно замѣтить, что расточительность однихъ можетъ приводить другихъ къ вынужденной экономности. Предположимъ, что капризомъ мота, капризомъ, котораго нельзя было предвидѣть впередъ, произведенъ внезапный запросъ на какой нибудь предметъ роскоши. По непредвидѣнности этого запроса не заготовлено лишняго запаса противъ прежняго. Цѣна поднимется; она можетъ подняться на столько, что превзойдетъ средства или желаніе нѣкоторыхъ прежнихъ потребителей; они, можетъ быть, откажутся отъ своего прежняго наслажденія и такимъ образомъ сберегутъ сумму, которую тратили на него. Если они не откажутся отъ него, а будутъ продолжать тратить на этотъ товаръ столько же, какъ прежде, тогда торговцы этимъ предметомъ получаютъ за прежнее количество товара сумму, увеличившуюся всѣмъ тѣмъ количествомъ, которое заплатилъ мотъ; такимъ образомъ сумма, теряемая мотомъ, фактически переходитъ къ нимъ и, можетъ быть, они присоединятъ ее къ своему капиталу, а его излишнее личное потребленіе составляется изъ уменьшеній въ потребленіи другихъ покупателей, которые за прежнюю сумму получили меньшее прежняго количество товаровъ. Кромѣ того гдѣ нибудь процессъ мотовства долженъ отражаться въ обратномъ характерѣ, потому что мотъ долженъ въ чемъ нибудь уменьшить свои покупки для уравновѣшенія увеличенныхъ своихъ расходовъ на извѣстный предметъ. Быть можетъ, онъ вынулъ изъ обращенія суммы, употреблявшіяся на содержаніе производительнаго труда; въ такомъ случаѣ торговцы продовольствіемъ и орудіями производства имѣютъ оставшимися на своихъ рукахъ непроданные товары, или получили за прежнее ихъ количество сумму меньшую прежней; а такія свои утраты въ доходахъ или въ капиталѣ промышленные люди вообще (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда утраты чрезмѣрны) вознаграждаютъ увеличеніемъ расчетливости и отказами себѣ въ удовольствіяхъ. Такимъ образомъ капиталъ общества въ результатѣ можетъ быть остался не уменьшеннымъ и мотъ велъ свою расточительность не на счетъ постоянныхъ средствъ другихъ людей, а на счетъ ихъ мимолетныхъ удовольствій и удобствъ. Но все-таки его расточительность производилась на счетъ другихъ, потому что во всякомъ случаѣ общество бѣднѣетъ на сумму расточаемую однимъ, если другіе не приводятся этимъ къ сокращенію своихъ растратъ Есть еще другіе, не столь очевидные пути, которыми расточительность однихъ можетъ порождать свое вознагражденіе увеличеніемъ сбереженія у другихъ; но эти случаи можно будетъ разсмотрѣть намъ только въ томъ отдѣлѣ четвертой книги, который будетъ говорить о принципѣ предѣла въ накопленіи капитала. — Прим. авт.

регаемое потребляется также быстро, какъ растрачиваемое. Всѣ выраженія разговорнаго языка ведутъ къ тому, чтобы мы этого не замѣчали. Когда говорится о старинномъ богатствѣ страны, о богатствахъ наслѣдованныхъ отъ предковъ, эти и всѣ подобныя выраженія ведутъ насъ къ мнѣнію, будто богатства, переданныя отъ предковъ, были произведены очень давно, въ то время, когда они первоначально были пріобрѣтены, и будто въ нынѣшнемъ году произведена только та часть капитала страны, на какую увеличилась въ нынѣшнемъ году вся сумма его. На самомъ дѣлѣ вовсе не то. Большая часть тѣхъ составляющихъ богатство цѣнностей, которыя нынѣ существуютъ въ Англіи, произведена человѣческими руками въ теченіи послѣднихъ двѣнадцати мѣсяцевъ. Очень мала та часть этого огромнаго богатства, которая существовала лѣтъ десять тому назадъ: изъ нынѣшняго производительнаго капитала страны едва ли существовало тогда что нибудь, кромѣ домовъ на фермахъ и фабричныхъ зданій, да немногихъ изъ нынѣшнихъ кораблей и машинъ; да и изъ этихъ домовъ, кораблей и машинъ развѣ очень немногія просуществовали бы десять лѣтъ, если бы не употреблялся въ это время новый трудъ на ихъ поправку. Земля осталась отъ прежняго времени, и она почти единственная вещь, оставшаяся отъ прежняго времени. Зато она и не произведена; а все, что произведено, исчезаетъ, и почти все исчезаетъ очень быстро. Почти всѣ роды капитала по своей натурѣ неспособны долго сохраняться. Есть только нѣсколько, и притомъ очень мало, произведеній, способныхъ имѣть очень долгое существованіе. Уэстминстерское аббатство съ небольшими починками продержалось нѣсколько столѣтій; нѣкоторыя греческія статуи существуютъ больше 2,000 лѣтъ; пирамиды, быть можетъ, вдвое или втрое больше. Но это предметы, назначенные на непроизводительное употребленіе. За исключеніемъ мостовъ и водопродовъ (къ которымъ можно прибавить нѣкоторые резервуары и плотины), почти нѣтъ сооруженій для промышленности, которыя существовали бы долго. Промышленныя зданія вообще скоро изнашиваются употребленіемъ, да и нѣтъ разсчета строить ихъ съ вѣковѣчною прочностью. Капиталъ поддерживается изъ поколѣнія въ поколѣніе не тѣмъ, что сохраняется, а тѣмъ, что постоянно воспроизводится: всѣ составныя части его разрушаются употребленіемъ, и вообще разрушаются вскорѣ послѣ того, какъ произведены; но люди, потребляющіе ихъ, занимаются между тѣмъ производствомъ другаго капитала, имѣющаго большій размѣръ. Возрастаніе капитала

подобно возрастанію населенія. Каждый, кто рожденъ, умираетъ; но каждый годъ число рождающихся больше числа умирающихъ: потому населеніе постоянно возрастаетъ, хотя ни одного изъ лицъ, составляющихъ его, не существовало вовсе на свѣтѣ до времени вовсе недалекой старины.

7. Это постоянное потребленіе и воспроизведеніе капитала служитъ объясненіемъ факту, столь часто возбуждавшему удивленіе, факту чрезвычайной быстроты, съ которою страны поправляются отъ опустошеній,—тому, что скоро исчезаютъ всѣ слѣды бѣдствій, нанесенныхъ землетрясеніями, наводненіями, ураганами и военнымъ разореніемъ. Непріятель опустошаетъ страну огнемъ и мечомъ, разрушаетъ или увозитъ почти все существующее въ ней движимое богатство; всѣ жители разорены; но чрезъ нѣсколько лѣтъ все почти въ такомъ же видѣ, какъ было до войны. Эта vis medicatrix naturae, «цѣлебная сила природы», часто бывала предметомъ безплоднаго изумленія или приводилась въ примѣръ чудеснаго могущества сбереженія, вознаграждающаго такія громадныя потери въ такое короткое время. Но тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. То, что уничтожено непріятелемъ, въ недолгое время было бы уничтожено и самими жителями; богатство, столь быстро воспроизводимое ими, они должны были бы воспроизводить и воспроизвели бы во всякомъ случаѣ, и, вѣроятно, въ столь же недолгое время. Разницы тутъ никакой нѣтъ, кромѣ той, что во время воспроизведенія они не имѣли наслажденія потреблять сами то, что было произведено ими прежде. Возможность быстраго возвращенія погубленныхъ бѣдствіемъ богатствъ зависитъ главнымъ образомъ отъ того, сохранилось ли населеніе страны. Если ея трудящееся населеніе не истреблено во время бѣдствія и не вымерло потомъ отъ голода, то, сохранивъ прежнее искусство и знаніе, оно имѣетъ оставшеюся безъ поврежденій свою землю съ ея прочными улучшеніями; вѣроятно имѣетъ прочныя зданія также сохранившимися безъ поврежденій, или почти безъ поврежденій, или съ не очень важными и многочисленными поврежденіями; и такимъ образомъ у него остались почти всѣ элементы, нужные для веденія производства въ прежнемъ размѣрѣ. Если у жителей осталось столько пищи, или столько цѣнностей, чтобы купить пищи на то, чтобы съ какими бы то ни было лишеніями просуществовать и быть въ состояніи работать, они скоро произведутъ такое же количество продуктовъ, въ общей своей сложности пріобрѣтутъ прежнее количество богатства и капитала и достигнутъ этого простымъ продол-

женіемъ труда, какой прежде употребляли на свои занятія. Это фактъ, порождаемый вовсе не силою сбереженія въ разговорномъ смыслѣ слова, потому что мы видимъ тутъ не добровольную воздержность, а лишенія, налагаемыя внѣшнею необходимостью. Тутъ дѣйствуетъ воспроизведеніе [19]).

А между тѣмъ такъ сильна привычка мыслить о предметѣ не прямо по его признакамъ, а только чрезъ посредство техническихъ фразъ, и ученые изслѣдователи такъ мало свободны отъ тѣхъ умственныхъ немощей, которыми страдаютъ профаны, что простаго объясненія, приведеннаго нами здѣсь, не умѣлъ, сколько я помню, дать ни одинъ политико-экономомъ до д—ра Чомерса,—писателя, у котораго много мыслей по моему мнѣнію ошибочныхъ, но у ко-

---

[19]) Такимъ образомъ, главное условіе для продолженія и возрастанія изобильности страны продуктами состоитъ въ томъ, чтобы трудящаяся часть ея населенія сохранила энергію въ трудѣ. Мимолетныя бѣдствія, каковы бываютъ обыкновенно бѣдствія, наносимыя природою (наводненія, землетрясенія, даже болѣе сильныя потери отъ засухи или излишнихъ дождей, вредящихъ одной жатвѣ) не имѣютъ силы повредить энергіи труда. Изъ бѣдствій, наносимыхъ людямъ людьми, то, которое наносится чужими людьми, война, при нынѣшнемъ состояніи цивилизованныхъ странъ также рѣдко имѣетъ продолжительность, нужную для измѣненія привычекъ и нравовъ населенія, страна котораго опустошается ею; потому обыкновенно страна эта, сохранивъ прежнюю энергію труда, скоро оправляется отъ военнаго опустошенія. Но и недолгая война выносится страною безъ замѣтнаго ослабленія энергіи труда только тогда, если внутреннія благопріятныя труду условія уже прочно основали въ населеніи высокую степень этой энергичности; когда же трудъ до войны былъ вялъ, не настойчивъ, не энергиченъ, кратковременное военное бѣдствіе можетъ надолго понизить его силу и страна долго не оправится отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ войны. Такъ напримѣръ, Смоленская губернія, по точному изслѣдованію г. Я. Соловьева, до сихъ поръ не вполнѣ оправилась отъ разоренія 1812 года,—болѣе 40 лѣтъ прошло съ той поры до эпохи, къ которой относится изслѣдованіе г. Соловьева, а страна все еще оставалась бѣднѣе, чѣмъ была въ 1811 году. Если же военное опустошеніе имѣетъ характеръ долгаго постояннаго грабежа, оно дѣйствуетъ очень сильно. Такъ Тридцатилѣтняя война слишкомъ на столѣтіе разрушила прежнее благосостояніе Германіи: народъ отвычалъ отъ постояннаго грабежа, которому подвергался, отвыкъ отъ нравовъ, дававшихъ успѣшность его труду, и только во второй половинѣ XVIII столѣтія слѣды этого гибельнаго вліянія стали исчезать. Но характеръ постоянства въ особенности принадлежитъ невыгоднымъ обстоятельствамъ внутренней жизни самого населенія, тѣмъ бѣдствіямъ, которыя наносятся ему не чужими, а своими людьми. Отъ своей внутренней обстановки сотни, иногда тысячи лѣтъ трудъ лишается энергіи. Изслѣдованіе этого предмета относится къ той части политической экономіи, которая говоритъ о вліяніи общественныхъ учрежденій на производство.

тораго всегда есть то достоинство, что онъ изучаетъ феномены въ самомъ ихъ источникѣ, и выражаетъ ихъ самостоятельнымъ языкомъ, часто раскрывающимъ такія стороны истины, которыя закрываются принятою фразеологіею.

8. Изъ того воззрѣнія, которымъ докторъ Чомерсъ объясняетъ изложенный нами вопросъ, онъ выводитъ важныя заключенія о другомъ, близкомъ къ объясненному факту предметѣ, о государственныхъ займахъ на войну и на другіе непроизводительные расходы. Займы эти, замѣняя собою налоги, берутся изъ капитала, между тѣмъ какъ налоги платились бы изъ дохода и отчасти или вполнѣ покрывались бы увеличеніемъ экономіи въ расходахъ; и такъ, по принципамъ, нами изложеннымъ, займы ведутъ страну къ обѣднѣнію. Но годы, когда расходы, дѣлаемые на занятыя суммы, совершались въ громаднѣйшемъ размѣрѣ, часто бывали годами большаго наружнаго благосостоянія: средства страны и богатство ея, вмѣсто того, чтобы являться уменьшенными, показывали всѣ признаки быстраго возрастанія, пока длился расходъ и оказывались сильно расширившимися по его окончаніи. Всѣ согласны въ томъ, что такъ было съ Великобританіей во время послѣдней долгой континентальной войны (при Наполеонѣ I), и много мѣста понадобилось бы на исчисленіе всѣхъ неосновательныхъ политико-экономическихъ теорій, порожденныхъ этимъ фактомъ, вошедшихъ на нѣкоторое время въ довѣріе у публики, благодаря ему, и превозносившихъ непроизводительное потребленіе, какъ болѣе выгодное, чѣмъ производительное. Не входя въ изложеніе всѣхъ причинъ, не дававшихъ тутъ и обыкновенно не дающихъ странѣ чувствовать послѣдствія этихъ чрезвычайныхъ растратъ ея производительныхъ силъ въ полномъ размѣрѣ, какой обозначается теоріею, мы предположимъ самый неблагопріятный изъ всѣхъ возможныхъ случаевъ: предположимъ, что вся занятая и уничтоженная правительствомъ сумма богатствъ была вынута заимодавцемъ изъ производительнаго употребленія, которымъ была вся она фактически занята. Въ такомъ случаѣ капиталъ страны уменьшенъ на всю величину этой суммы. Но если сумма эта не была страшно чрезмѣрною, то по самой сущности дѣла нѣтъ причинъ національному капиталу невозвратить на слѣдующій годъ свою прежнюю величину. Заемъ не могъ быть взятъ изъ той части капитала, которая состоитъ въ инструментахъ, машинахъ и зданіяхъ. Онъ весь долженъ быть взятъ изъ той части капитала, которая служитъ платою работникамъ, и работники пострадали отъ займа пропорціонально взятой суммѣ. Но если никто изъ нихъ не

умеръ съ голоду, если рабочая плата могла вынести такое уменьшеніе, или если благотворительность отвращала отъ работниковъ совершенное отсутствіе продовольствія, то нѣтъ причины, почему бы трудъ ихъ въ слѣдующемъ году произвелъ меньше, нежели въ предъидущемъ [20]). Если они, за плату, уменьшившуюся извѣстнымъ числомъ милліоновъ, произведутъ столько же, какъ прежде, эти милліоны будутъ выиграны хозяевами ихъ [22]). Такимъ обра-

---

[20]) То есть, опять предполагая то условіе, важность котораго заставила насъ сдѣлать предыдущее замѣчаніе, — предполагая, что нравы и привычки трудящейся части населенія не успѣли повредиться отъ лишеній. Размѣръ этого поврежденія можетъ быть великъ или малъ, смотря по состоянію, какого прежде успѣла достичь прочная привычка къ энергіи труда; если она сильна, поврежденіе можетъ быть не столь громаднымъ, чтобы рѣзать глазъ поверхностнаго наблюдателя; но оно въ большей или меньшей степени непремѣнно слѣдуетъ за лишеніемъ. Это фактъ математическій, не подлежащій сомнѣнію въ теоріи; а на практикѣ нужно только внимательно изслѣдовать положеніе дѣлъ, чтобы открыть его существованіе. Война и всякій другой большой государственный непроизводительный расходъ портитъ энергію производительнаго труда, нанося порчу привычкамъ трудящихся. Это было замѣчено и въ Англіи во время войнъ съ французскою республикою и первою имперіею. Работники оказались менѣе прежняго успѣшны въ работѣ, потому что развилось въ нихъ апатическое буйство, перемежающееся съ лѣностью. Не говоримъ уже о томъ, что во время ослабленія производительнаго труда земля остается нѣсколько запущенною, то есть нѣсколько портится, выдѣлка инструментовъ и машинъ для промышленныхъ производствъ ослабѣваетъ, а прежніе инструменты и машины сильнѣе обыкновеннаго портятся, оставаясь безъ поправки, да и матеріаловъ для промышленности изготовляется меньше, чѣмъ обыкновенно. Такимъ образомъ на слѣдующій годъ общество имѣетъ рабочія силы хуже прежнихъ, орудія производства (землю, инструменты, машины, промышленныя постройки) въ количествѣ меньшемъ и въ качествѣ худшемъ прежняго, матеріалы тоже: потому производство на слѣдующій годъ никакъ не можетъ имѣть того размѣра, какой имѣло бы безъ непроизводительнаго чрезвычайнаго расхода. Теорема о неизбѣжности этого результата имѣетъ математическую достовѣрность.

[22]) Но именно столько же они не произведутъ, потому что за меньшую плату трудъ получается худшаго качества, и потому не всѣ милліоны будутъ выиграны хозяевами,—часть этой суммы потеряется отъ ухудшенія въ качествѣ труда. Чтобы сдѣлать яснѣе это соображеніе, мы приведемъ гипотетическій балансъ общества.

Положимъ, что Англія занимаетъ на войну 50 милліоновъ фунтовъ. Эти 50 милліоновъ берутся изъ платы работникамъ. Положимъ, что она имѣла прежде величину 200 милліоновъ; она уменьшилась отъ займа на четвертую часть; качество труда ухудшилось отъ этого хотя на одну двадцатую часть. Если при помощи данныхъ орудій и даннаго количества матеріаловъ трудъ производилъ прежде продуктовъ на 500 милліоновъ, теперь онъ произведетъ

зомъ немедленно возстановляется уронъ, нанесенный капиталу; впрочемъ, возстановляется онъ лишеніями и часто сильною нищетою рабочаго класса. Вотъ дѣйствительная причина, почему такіе

ихъ одною двадцатою частью меньше, то есть только на 475 милліоновъ. Итакъ, что произвелъ заемъ только одною этою стороною своего дѣйствія? Онъ взялъ у работниковъ черезъ руки хозяевъ 50 милліоновъ: но, взявъ у работниковъ для передачи правительству 50 милліоновъ, хозяева сами потеряли отъ ухудшенія въ качествѣ труда 25 милліоновъ. Итого, 75 милліоновъ чистой потери. Но это только одна часть потери. Всей громадности потери нельзя и сообразить, но попробуемъ сообразить хотя еще нѣкоторыя части ея.

50 милліоновъ, взятые на войну, израсходованы на потребленіе непроизводительное, пропадающее безъ всякаго слѣда (Милль, книга I, глава 3, § 6, стр. 78). Производство было въ 500 милліоновъ; положимъ, что изъ него прежде шло на непроизводительное потребленіе 100 м., оставалось на производительное 400 м.; теперь пошло на непроизводительное потребленіе 150 м., осталось на производительное 350 м.; если прежде изъ 400 милліоновъ возникало 500, теперь изъ 350 м. возникало бы только уже 437½ мил., если бы успѣшность труда осталась прежняя; но она уменьшилась на одну двадцатую часть, то есть на 21,87 мил., итакъ производятся на слѣдующій годъ только 415,63 милліоновъ. Недочетъ составляетъ на первый слѣдующій за займомъ годъ 84,37 милліона.

Этотъ недочетъ перваго года отзовется нѣкоторымъ недочетомъ и на слѣдующемъ (второмъ), а отъ него на третьемъ году и т. д., потому что не вся сумма 84,37 мил. отнеслась на непроизводительное потребленіе, а часть ея легла и на производительномъ потребленіи. Но мы не станемъ уже высчитывать этихъ слѣдующихъ недочетовъ. Ограничимся однимъ первымъ годомъ.

Весь ли его недочетъ мы сочли? Нѣтъ, онъ имѣетъ множество формъ, мы взяли еще только одну, — легко было бы набрать ихъ десятка два очень крупныхъ; мы возьмемъ хотя только еще двѣ — вліяніе недочета на землю, инструменты, машины и вліяніе на рабочія силы

Производительное потребленіе уменьшилось въ годъ военнаго расхода на одну восьмую часть (350 м. вмѣсто прежнихъ 400 м.). Это значитъ, что между прочимъ и на уходъ за землею приложено труда на ⅛ часть меньше прежняго. Отъ этого она дала продуктовъ на ⅛ часть, на 12½% меньше. Положимъ, что ея продукты составляли 50% всѣхъ продуктовъ, — мы считали всего 415,63 м., стало быть въ нихъ земледѣльческихъ продуктовъ считалось 207,81 мил., теперь оказывается, что ихъ надобно считать уменьшенными на одну восьмую часть, то есть вычесть 25,98; потому земледѣльческихъ продуктовъ надобно считать не 207,81 м., а только 181,83 м. Другихъ продуктовъ считаемъ то количество, какъ прежде (207,81 м.); обѣ сумма мы составляютъ уже только 389,64 м.

Но составляютъ ли онѣ и это количество? Вѣдь мы полагали, что трудъ производится тѣмъ же количествомъ такихъ же инструментовъ и машинъ, какъ прежде, а этотъ факторъ уменьшился тоже на ⅛ часть, и отъ этого трудъ снова сталъ на ⅛ часть менѣе успѣшенъ; итакъ надобно изъ 389,64.

періоды, даже при самыхъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, очень могутъ быть временами большихъ выигрышей для тѣхъ, благосо-

---

м. вычесть одну восьмую часть, то есть 48,70 м. Остается всего только 340,94 м.

Но остается ли хотя это? Вѣдь мы только полагали, что трудъ сталъ хуже качествомъ, сталъ производиться меньшимъ количествомъ и притомъ худшихъ инструментовъ и надъ землею худшаго качества, но все еще полагали, что количество труда осталось прежнее; осталось ли оно? Нѣтъ; было въ Англіи, положимъ, 5,000,000 взрослыхъ работниковъ, изъ нихъ 200,000 завербованы въ солдаты и военные матросы, а съ войны годными къ работѣ воротились развѣ 100,000—другіе 100,000 убиты, умерли отъ ранъ и тифа, или остались изувѣченными. Итакъ изъ 5,000,000 работниковъ исключено войною безвозвратно 100,000 работниковъ; количество труда уменьшилось на одну пятидесятую часть, на 2%; опять надобно вычесть 2% изъ количества продуктовъ, которое мы полагали прежде,—изъ 340,94 м. надобно вычесть 6,82 м., остается всего только 334,12 милліона, стало быть весь недочетъ — 165,88 милліоновъ.

Да полно, весь ли это недочетъ? Куда, какъ можно! Вѣдь мы не считали, сколько работниковъ, оставшихся дома, умерло отъ лишеній, сколько другихъ сколько времени пролежали въ болѣзняхъ отъ лишеній, сколько времени потрачено ими на уходъ за родными, болѣвшими или умиравшими все отъ тѣхъ же лишеній, сколько продуктовъ пошло на леченье, на похороны; сколько съ горя пропито; сколько времени люди одурѣлые отъ горя шатались неспособными къ труду, сколько отъ этого пропало и попортилось орудій производства, сколько преступленій надѣлано отъ одуренія, отчаянія и нищеты, сколько потрачено на обузданіе развивавшейся въ массѣ готовности къ преступленіямъ, на преслѣдованіе преступленій, на содержаніе обвиненныхъ въ тюрьмахъ, на наказаніе преступниковъ. Этотъ дефицитъ составилъ бы тоже кругловатую цифру въ нѣсколько десятковъ милліоновъ.

А главное, мы считали убыль производства только отъ убыли въ рабочихъ силахъ и въ орудіяхъ, а не считали убыли отъ уменьшенія въ матеріалахъ, между тѣмъ какъ въ нихъ-то и произошло главное уменьшеніе. Что, напримѣръ, если оказалось, что на посѣвъ осталась только половина того количества зерна, какое употреблялось прежде? Тогда вѣдь и всю жатву придется считать въ половину меньше.

Но этого всего мы не считаемъ. Итакъ уже довольно набралось недочетовъ.

Подведемъ же итоги хотя къ тому, что сосчитали.

Отъ займа на войну въ 50 мил. нація въ тотъ годъ, когда расходовался этотъ заемъ, потеряла 75 мил. Въ слѣдующій годъ убыль по производству, далеко не вполнѣ сосчитанная, простиралась на 165,88, проще говоря, на 166 мил., —итого, эти 50 милліоновъ стоили націи убытка по крайней мѣрѣ въ 241 милліонъ за годъ военнаго расхода и одинъ слѣдующій годъ.

А мы сказали еще, что недочетъ перваго года послѣ войны отзовется недочетомъ и на второмъ, и на третьемъ годѣ, да и дальше. А проценты по займу? Вѣдь и ихъ надобно будетъ откуда нибудь брать каждый годъ? Да,

стояніе которыхъ обыкновенно считается во мнѣніи общества за національное благосостояніе *).

едва ли англичане отдѣлались убыткомъ хотя бы въ 250, хотя бы въ 300, или даже въ 400 милліоновъ фунтовъ за этотъ израсходованный на войну съ Франціею заемъ въ 50 милліоновъ.

Лучше было бы имъ, чѣмъ дѣлать этотъ заемъ, взять да сожечь весь свой Лондонъ. Меньше было бы имъ убытка отъ этого, нежели отъ одного года успѣшной войны. Лондонскимъ монументомъ великаго пожара 1666 года ознаменована память бѣдствія несравненно меньшаго для англичанъ, нежели монументомъ ихъ трафальгарской побѣды.

Какимъ же образомъ эти громадныя потери до того не чувствительны, что нужно еще доказывать ихъ? Какими путями производится то странное явленіе, что разница между годомъ войны и годомъ мира въ экономическомъ отношеніи не такъ ярка для невнимательнаго зрителя, какъ должна быть по сущности дѣла? Объясненіемъ этого служитъ нынѣшній порядокъ распредѣленія цѣнностей.

Въ самомъ дѣлѣ, должно быть что-то фальшивое, дикое, въ томъ экономическомъ бытѣ, при которомъ для массы націи все равно, теряетъ ли нація 20%, 30%, или даже 50% своего дохода, а для многихъ эта потеря даже выгодна, — при которомъ нація восхищается своими побѣдами и рада вести войну, лишь бы шла она удачно. Это напоминаетъо состояніи ощущеній человѣка одержимаго тифознымъ жаромъ, который самъ не можетъ опредѣлить, холодно ли или тепло въ комнатѣ, и который готовъ выпить хотя цѣлое ведро ледяной воды, отъ которой усиливается его болѣзнь.

*) Но съ другой стороны не должно забывать, что война отвлекаетъ отъ производительнаго занятія не только капиталъ, но и работниковъ; что суммы, взятыя изъ вознагражденія производительныхъ работниковъ, отчасти употребляются на уплату имъ же или другимъ за непроизводительный трудъ и что этою частью своихъ слѣдствій военныя издержки дѣйствуютъ въ направленіи прямо противоположномъ тому, которое указываетъ докторъ Чомерсъ; на сколько простирается вліяніе этой стороны войны, оно вознаграждаетъ результаты, изложенные въ текстѣ. Часть дѣла, состоящая въ томъ, что работники берутся отъ производства въ армію и флотъ, не вредитъ рабочимъ классамъ, не даетъ выгоды капиталистамъ, а общая масса продуктовъ страны уменьшается военными издержками. Такимъ образомъ мнѣніе доктора Чомерса, справедливое относительно Англіи, совершенно не примѣняется къ странамъ, находящимся въ другихъ обстоятельствахъ; напримѣръ, къ Франціи во время наполеоновскихъ войнъ. Въ этотъ періодъ много лѣтъ сряду продолжался въ огромномъ размѣрѣ выводъ рабочаго населенія изъ Франціи; а суммы, на которыя велась война, доставлялись преимущественно контрибуціею съ земель, завоеванныхъ французскимъ оружіемъ, и только очень малая часть ихъ состояла изъ французскаго капитала. Поэтому во Франціи рабочая плата не падала, а возвышалась; хозяева, нанимавшіе рабочихъ, имѣли не выигрышъ, а убытокъ; богатство страны между тѣмъ уменьшалось остановкою или совершенною потерею огромнаго количества производительна-

Это ведетъ къ спорному вопросу, на который и было обращено особенное вниманіе д-ра Чомерса: какимъ путемъ правительству лучше получать суммы, требуемыя экстреннымъ непроизводи-

---

го труда. Въ Англіи всѣ эти результаты имѣли противоположный характеръ. Англія, сравнительно говоря, прибавила на время войны мало своихъ собственныхъ солдатъ и матросовъ, но отвратила сотни милліоновъ фунтовъ капитала отъ производительнаго занятія на доставленіе военныхъ запасовъ своимъ континентальнымъ союзникамъ и на содержаніе ихъ армій. Поэтому, какъ мы говорили въ текстѣ, работники ея страдали, капиталисты ея благоденствовали, а постоянныя производительныя силы ея не уменьшались.

Примѣч. автора.

Факты изложены тутъ справедливо, но въ изложеніи перемѣшаны двѣ разныя точки зрѣнія: выгодность распредѣленія для разныхъ сословій и производство. Мы уже нѣсколько разъ замѣчали, что даже у Милля, самаго серьёзнаго и проницательнаго мыслителя изъ всѣхъ нынѣшнихъ политико-экономовъ, результаты, проистекающіе изъ сущности вещей, слишкомъ часто смѣшиваются съ явленіями второстепенными, временными, происходящими отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и затемняются такимъ смѣшеніемъ. Здѣсь эта запутанность доходитъ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ трактата Милля, до такой степени, что можетъ оставлять въ читателѣ ложное впечатлѣніе объ излагаемомъ предметѣ. Мы знаемъ, что когда изъ массы населенія уводятся отборные работники, положеніе всей націи, и въ томъ числѣ рабочихъ классовъ, должно становиться хуже, потому что на продовольствіи у каждаго работника остается большее число людей, чѣмъ прежде. Между тѣмъ Милль страннымъ образомъ не дѣлаетъ оговорки, что излагаетъ частный случай, производимый фальшивымъ положеніемъ вещей въ противность сущности дѣла, когда замѣчаетъ, что взятіе работниковъ на войну не вредитъ рабочимъ классамъ. Нѣтъ, само по себѣ оно очень вредитъ имъ, только вредъ можетъ уравновѣшиваться какою нибудь другою перемѣною въ фальшивомъ положеніи дѣлъ, и притомъ также фальшивою перемѣною, происходящею отъ этого факта. Работниковъ стало меньше по сравненію съ числомъ содержимыхъ ими людей; потому нація стала бѣднѣе; стали бѣднѣе и работники и ихъ семейства. Но если число работниковъ сдѣлалось слишкомъ недостаточно, то есть нація терпитъ слишкомъ большую нужду въ продуктахъ, то запросъ на работниковъ можетъ очень усилиться и величина рабочей платы можетъ очень подняться, по крайней мѣрѣ въ денежномъ своемъ счетѣ. Французскій работникъ, получавшій до войны 1 франкъ, можетъ получать во время войны 3 франка. Это считается на золото или серебро, и онъ очень доволенъ, думая, что получаетъ втрое больше прежняго, пользуется втрое большимъ благосостояніемъ. Но продукты тоже вздорожали, и за 3 франка онъ получаетъ теперь гораздо меньше продуктовъ, нежели получалось за 3 франка до войны. Сосчитать это не такъ просто, какъ сосчитать на своей рукѣ вмѣсто одной монеты три монеты. Впрочемъ, можетъ случиться, что продукты вздорожали не въ такой пропорціи, какъ трудъ, и что за 3 франка получается ихъ теперь больше, чѣмъ прежде за 1 франкъ, хотя

тельнымъ расходомъ: путемъ ли займовъ, по которымъ только проценты доставляются налогами, или путемъ налоговъ на время расхода въ размѣрѣ всего количества расхода?—На финансовомъ языкѣ послѣдній способъ называется «взиманіемъ въ одинъ годъ всей суммы расхода.» Докторъ Чомерсъ сильно защищаетъ этотъ послѣдній способъ. Вообще думаютъ, говоритъ онъ, что взять налогами въ одинъ годъ всю требуемую сумму дѣло или невозможное, или очень неудобное; что нація не можетъ безъ большаго обремененія, вдругъ уплатить всю эту сумму изъ своего годоваго дохода, и что гораздо лучше требовать у нея ежегоднаго небольшаго платежа въ видѣ процентовъ, чѣмъ за одинъ разъ потребовать та-

---

никакъ не можетъ быть, чтобы получалось ихъ столько, сколько получалось ихъ прежде за 3 франка. Можетъ случиться и на оборотъ: продукты могутъ вздорожать еще сильнѣе труда и тогда за 3 франка получается продуктовъ меньше, нежели прежде за 1 франкъ. Въ такомъ случаѣ даже работникъ, оставшійся при производительномъ трудѣ, проигралъ. Но когда цѣна труда поднялась сильнѣе цѣны продуктовъ, онъ дѣйствительно выигралъ, если онъ человѣкъ одинокій, или имѣющій всего только двухъ или трехъ человѣкъ на своемъ содержаніи. Тогда посторонніе люди могутъ находить и сами рабочіе воображать, что положеніе рабочихъ классовъ вообще улучшилось. Но это только оптическій обманъ; производимый сосредоточеніемъ вниманія на одной части простолюдиновъ. Вообще и между простолюдинами пропорція работниковъ къ общему числу сословія уменьшилась, то есть работнику вообще стало тяжеле; если нѣкоторые избѣжали участія въ общемъ бѣдствіи, тѣмъ большая часть его пришлась на долю остальной массы, состоящей изъ семействъ, лишившихся взрослыхъ мужчинъ или сохранившихъ слишкомъ малое число ихъ. Тому же оптическому обману помогаетъ еще другое обстоятельство, упоминаемое самимъ Миллемъ. При повышеніи рабочей платы выгоды капиталистовъ уменьшаются. Работники, сознавая противоположность своихъ интересовъ съ интересами капиталистовъ, слишкомъ часто радуются всякому ихъ затрудненію, какъ будто своему освобожденію, бѣду противника принимаютъ за свое счастье. Во многихъ случаяхъ это чувство ошибочно. Впрочемъ, уменьшеніе части продуктовъ, достающейся капиталистамъ, можетъ иногда быть такъ значительно, что смотря на уменьшеніе общей массы продуктовъ, работникамъ все-таки можетъ оставаться болѣе значительная часть, чѣмъ прежде. Но эта фальшивая поправка фальшиваго положенія, эта фальшивость въ квадратѣ такъ натянута, что непремѣнно въ скоромъ времени лопается, и рабочіе видятъ себя въ положеніи, худшемъ всего того, что когда нибудь испытывали.—Читатель видитъ, что эти разъясненія относятся уже чисто къ теоріи распредѣленія, а не къ теоріи производства; но они вынуждены у насъ спутанностью точекъ зрѣнія въ разъясненіи явленій у переводимаго нами автора. Повторяемъ еще разъ, что у каждаго другаго изъ нынѣшнихъ экономистовъ такихъ запутанностей несравненно больше, нежели у Милля.

Примѣч. переводч.

кого огромнаго пожертвованія. Онъ отвѣчаетъ на это, что пожертвованіе въ обоихъ случаяхъ одинаково дѣлается. Что растрачивается въ годъ говоритъ онъ, то неизбѣжно берется изъ дохода за одинъ годъ. Все богатство, производимое въ странѣ, образуетъ ея годовой доходъ; каждая часть этого богатства составляетъ часть чьего нибудь годоваго дохода. Та сумма лишеній, говоритъ онъ, которая произошла бы отъ взятія всей суммы расхода способомъ налоговъ, не отстранится, если возмется способомъ займа. Потеря не отвращается, а только слагается на рабочіе классы, которые менѣе всѣхъ другихъ могутъ и должны выносить ее; а съ тѣмъ вмѣстѣ новымъ чистымъ убыткомъ остаются всѣ матеріальныя, нравственныя и политическія неудобства, производимыя установленіемъ и сохраненіемъ налоговъ на вѣчную плату процентовъ. Изъ продуктовъ или изъ суммъ, назначенныхъ на производство продуктовъ, взятъ капиталъ на то, чтобы поступить въ казну и израсходоваться непроизводительнымъ образомъ, — въ томъ и другомъ случаѣ вся эта сумма одинаково берется у рабочихъ классовъ: потому заемъ въ дѣйствительности уплачивается въ одинъ годъ; все пожертвованіе, нужное для уплаты его, одинаково производится на самомъ дѣлѣ въ этотъ годъ; только уплачено оно не въ тѣ руки, куда должно идти [23]), потому не погашаетъ собою требованія казны, и уплачивается посредствомъ наихудшаго изъ налоговъ, налога исключительно падающаго на рабочій классъ. Совершивъ этимъ самымъ труднымъ и несправедливымъ изъ всѣхъ путей весь подвигъ нужный на погашеніе долга, страна всетаки остается обременена этимъ долгомъ и вѣчною уплатою процентовъ.

Это воззрѣніе кажется мнѣ совершенно вѣрнымъ относительно той части поглощаемыхъ займомъ цѣнностей, которая безъ займа была бы употреблена на производительную промышленность въ самой странѣ. Но практическое положеніе дѣла рѣдко вполнѣ соотвѣтствуетъ такому предположенію. Займы въ менѣе богатыхъ

---

[23]) То есть, сущность дѣла состоитъ въ переходѣ извѣстной суммы отъ извѣстныхъ классовъ въ казну; если сумма берется посредствомъ займа, она въ сущности берется съ рабочаго класса, но составляется тѣмъ, что фабриканты, хозяева земледѣльческихъ заведеній и т. д. не выплачиваютъ своимъ рабочимъ того, что платили прежде; итакъ эта сумма идетъ отъ рабочихъ не въ казну, куда ей слѣдуетъ идти, а въ руки капиталистовъ. У капиталистовъ казна беретъ ее уже подъ формою займа, стало быть проценты идутъ просто посредникамъ, которымъ собственно и не принадлежала взятая взаймы сумма.

странахъ дѣлаются преимущественно изъ иностраннаго капитала, который, быть можетъ, не пошелъ бы на употребленіе въ эту страну ни подъ какою иною гарантіею, кромѣ обязательства со стороны ея правительства; а займы богатыхъ и благосостоятельныхъ странъ дѣлаются обыкновенно не изъ тѣхъ суммъ, которыя вынимались бы изъ производительнаго употребленія: они обыкновенно дѣлаются изъ новыхъ накопленій, непрерывно составляющихся изъ дохода, и часто дѣлаются изъ той части этихъ накопленій, которая, если бы не пошла въ заемъ, то перешла бы въ колоніи, или стала бы искать другаго употребленія себѣ за границей. Въ этихъ случаяхъ (которые мы подробнѣе разсмотримъ впослѣдствіи, въ книгѣ IV, въ главахъ 4 и 5) нужная сумма можетъ быть получена займомъ безъ ущерба работникамъ, безъ разстройства національной промышленности и, быть можетъ, даже съ большею выгодою для работниковъ и промышленности, чѣмъ при взиманіи ея налогами, потому что налоги, особенно когда бываютъ тяжелы, почти всегда уплачиваются отчасти на счетъ того, что безъ нихъ было было бы сбережено и прибавлено къ капиталу. Этого мало; если страна дѣлаетъ ежегодно такія большія прибавленія къ своему богатству, что часть этихъ прибавленій можно брать и тратить непроизводительно, не уменьшая капитала и даже не мѣшая ему значительно увеличиваться, то очевидно, что хотя бы даже вся сумма займа бралась изъ той части новыхъ накопленій, которая обратилась бы въ капиталъ и нашла бы себѣ занятіе въ самой странѣ, заемъ подѣйствуетъ на рабочій классъ далеко не съ тою силою вреда, какъ предполагалось въ первоначально изложенномъ нами случаѣ, и возраженіе противъ предпочтенія займовъ налогамъ очень значительно ослабѣваетъ. Это предварительно краткое изложеніе дѣла, подробное разсмотрѣніе котораго относится къ одной изъ слѣдующихъ частей нашего трактата, казалось намъ необходимо для предотвращенія ошибочныхъ выводовъ изъ мыслей, нами уже изложенныхъ [24]).

9. Переходимъ теперь къ четвертой основной теоремѣ относительно капитала; о ней забываютъ или фальшиво понимаютъ ее

---

[24]) Ограниченія примѣнимости принципа Чомерса, приводимыя здѣсь Миллемъ, основаны на взглядѣ или одностороннемъ, или вовсе недоходящемъ до сущности дѣла. Не вдаваясь въ подробности, мы выскажемъ самымъ краткимъ образомъ основанія, почему нельзя принять возраженій, будто бы ослабляющихъ силу соображеній Чомерса. Бѣдныя страны, говоритъ Милль, берутъ заемъ изъ

едва ли не чаще, нежели даже три первыя теоремы, какъ ни часто онѣ забываются или искажаются. Производительный трудъ содержится и прилагается къ дѣлу капиталомъ, расходуемымъ на

иностраннаго капитала, который не пошелъ бы въ нихъ иначе, какъ на гарантію ихъ правительства, т. е. въ формѣ государственнаго займа. Говорить это значитъ останавливаться на половинѣ изслѣдованія. Фактъ бѣдности не есть основой фактъ; онъ слѣдствіе другихъ фактовъ, изъ которыхъ главный— чрезмѣрность непроизводительнаго расхода и главнымъ образомъ непроизводительнаго правительственнаго расхода. Заемъ на непроизводительное потребленіе только увеличиваетъ этотъ расходъ, т. е. только увеличиваетъ бѣдность страны, хотя бы брался и изъ иностраннаго капитала. Хотя бы онъ пришелъ изъ-за границы, онъ все-таки гибеленъ для домашняго капитала. Заемъ въ богатыхъ странахъ, продолжаетъ Милль, дѣлается не изъ капитала, а изъ новыхъ сбереженій, которыя пошли бы искать занятія за границей. Но еслибы за границей они нашли себѣ производительное занятіе въ какой нибудь заграничной странѣ, они увеличили бы богатство этой страны, увеличили бы силу ея обмѣниваться своими продуктами съ націею, изъ которой вышелъ капиталъ, и обогатили бы эту націю развитіемъ ея заграничной торговли. Если вмѣсто выгоднаго заграничнаго употребленія нація дала своимъ накопленіямъ убыточное внутреннее употребленіе, она все-таки проиграла. Итакъ все равно, дома или заграницей дѣлается заемъ для непроизводительнаго потребленія, все равно, дома ли остались бы, или пошли бы за границу суммы, взятыя этимъ займомъ, и все равно, на какое бы назначеніе ни пошли онѣ безъ этого займа, онъ ослабляетъ капиталъ страны на всю свою величину, составляетъ для страны столь же быстрое и столь же большое пожертвованіе, какое составилось бы взятіемъ этой суммы посредствомъ налога, и все равно ко всѣмъ этимъ случаямъ всѣ соображенія Чомерса прилагаются съ такою же силою, какъ прилагаются къ основному случаю, ко взятію займа изъ капитала, обращеннаго на производство въ самой странѣ. Но есть еще другое соображеніе, которое не выставлено у Милля и которое безусловнымъ образомъ дѣлаетъ путь займа несравненно разорительнѣйшимъ для націи, чѣмъ путь прямаго требованія нужной суммы посредствомъ налога. Эта причина заключается въ томъ, что налогъ прямо и очевидно показываетъ странѣ величину пожертвованія, дѣлаемаго ею на непроизводительный расходъ, а заемъ прячетъ истину, обольщаетъ страну видимою легкостью пожертвованія, хотя въ сущности дѣлаетъ его еще тяжеле, и такимъ образомъ заводитъ обольщающуюся страну по пути разорительныхъ растратъ гораздо дальше, нежели рѣшилась бы она идти съ налогомъ. Крымская война стоила французскому правительству 1,721 милліонъ франковъ. Эта сумма была растрачена менѣе чѣмъ въ два года. Это сумма всѣхъ богатствъ, находящихся въ цѣлыхъ двухъ департаментахъ средней величины. Если бы передъ войною французское правительсто и французская нація ясно понимали, что каждый годъ войны равносиленъ для нихъ потерѣ цѣлаго департамента, вѣроятно они не такъ легко рѣшились бы на войну. Но подъ формою займа они, сами для себя незамѣтно, истребили эти 1,721 милліонъ, уничтожили два департамента.

содержаніе его за работою, а не запросомъ покупателей на изготовленный продуктъ труда. Запросъ на товары не есть запросъ на трудъ. Запросомъ на товары опредѣляется то, на какую частную отрасль производства должны обращаться трудъ и капиталъ, опредѣляется *направленіе* труда; но не опредѣляется самое количество труда, не опредѣляется размѣръ продовольствія или платы за трудъ. Количество труда и размѣръ платы за него зависятъ отъ количества капитала или другихъ суммъ, прямо назначенныхъ на продовольствованіе и вознагражденіе труда.

Предположимъ, напримѣръ, что существуетъ запросъ на бархатъ, существуетъ сумма, готовая къ израсходованію на покупку бархата, но не существуетъ капитала для основанія бархатной фабрики. Какъ бы великъ ни былъ этотъ запросъ, но все равно, пока не обратится капиталъ на эту фабрикацію, не будетъ выдѣлано ни одного дюйма бархата, стало быть не будетъ и куплено ни одного дюйма его. Иначе будетъ развѣ въ томъ случаѣ, когда человѣкъ, желающій быть покупщикомъ бархата, желаетъ этого такъ сильно, что часть цѣны, которую заплатилъ бы за него, употребитъ на затрату для работниковъ, чтобы они могли заняться дѣланіемъ бархата, то есть когда онъ обратитъ часть своего дохода въ капиталъ и затратитъ этотъ капиталъ на выдѣлку бархата. Перевернемъ теперь гипотезу и предположимъ, что находится много капитала, готоваго выдѣлывать бархатъ, но нѣтъ запроса на бархатъ. Бархатъ тоже не будетъ выдѣлываться. Но со стороны капитала нѣтъ особеннаго предпочтенія къ выдѣлкѣ бархата передъ выдѣлкою чего нибудь другаго. Фабриканты и ихъ работники производятъ не для удовольствія своихъ покупщиковъ, а для удовлетворенія собственныхъ надобностей; имѣя теперь капиталъ и трудъ, остающійся безъ занятія, то есть имѣя существенные элементы производства, они могутъ производить какой нибудь иной товаръ, на который есть запросъ; а если нѣтъ посторонняго запроса ни на какой другой товаръ, они сами имѣютъ запросъ на извѣстные товары и могутъ производить вещи, нужныя имъ на собственное потребленіе. Такимъ образомъ занятіе, даваемое труду, зависитъ не отъ покупщиковъ, а отъ капитала. Разумѣется, я теперь не беру въ соображеніе слѣдствій внезапной перемѣны. Если запросъ неожиданно прекращается, а товаръ на его удовлетвореніе уже произведенъ, этимъ вводится новый элементъ въ положеніе дѣла: капиталъ фактически потребленъ на производство товара, котораго никому не нужно; такимъ образомъ капиталъ погибъ и

занятіе, которое онъ давалъ труду кончилось,—не потому, что прекратился запросъ, а потому, что исчезъ капиталъ. Такимъ образомъ этотъ случай не служитъ повѣркою принципа, что запросомъ опредѣляется направленіе капитала. Настоящая повѣрка этого принципа дается гипотезою, что перемѣна происходитъ постепенно и предусматривается, что она не сопровождается потерею капитала, такъ что фабрикація прекращается просто тѣмъ, что машины не возобновляются, когда испортятся отъ употребленія, и деньги не затрачиваются вновь на фабрикацію, по мѣрѣ того какъ выручаются продажею продукта. Въ этомъ случаѣ капиталъ готовъ на новое занятіе и будетъ содержать въ немъ столько же труда, какъ прежде. Фабрикантъ и его рабочіе теряютъ выгоду искусства и знанія, пріобрѣтеннаго ими въ прежнемъ дѣлѣ и могущаго только отчасти пригодиться имъ въ новомъ дѣлѣ. Въ этомъ состоитъ потеря, наносимая обществу перемѣною. Но работники все-таки могутъ работать, и капиталъ, дававшій имъ занятіе, будетъ, оставаясь въ тѣхъ же рукахъ или перешедши займомъ въ другія руки, давать въ какомъ нибудь другомъ дѣлѣ занятіе или тѣмъ же самымъ работникамъ, или такому же числу другихъ работниковъ.

Покупать продуктъ не значитъ давать занятіе труду; запросъ на трудъ состоитъ въ рабочей платѣ, предшествующей производству, а не въ какомъ бы то ни было запросѣ на товары, служащіе результатомъ производства,—эта теорема чрезвычайно нуждается въ наивозможно точнѣйшемъ разъясненіи. Неприготовленному взгляду она кажется парадоксомъ; даже изъ знаменитыхъ политико-экономовъ я не могу указать никого, кромѣ Рикардо и Сэ, кто постоянно и твердо помнилъ бы ее. Почти всѣ другіе по временамъ выражаются такъ, какъ будто бы человѣкъ, покупающій товары, продукты труда, даетъ занятіе труду и въ самомъ дѣлѣ создаетъ запросъ на трудъ точно такъ же, какъ если бы онъ прямо покупалъ самый трудъ выдачею ему рабочей платы. Не удивительно, что политическая экономія развивается медленно, если такой вопросъ, встрѣчающійся на самомъ порогѣ ея, остается еще сомнительнымъ. Я полагаю, что если запросомъ на трудъ называть тотъ запросъ, которымъ возвышается рабочая плата или увеличивается число занятыхъ работниковъ, то запросъ на товары не составляетъ запроса на трудъ. Я думаю, что человѣкъ покупающій товары и потребляющій ихъ самъ, не приноситъ никакой пользы рабочему классу, а приноситъ пользу рабочему классу или увеличиваетъ

сумму занятій для него человѣкъ только тѣмъ, что сберегаетъ отъ своего личнаго потребленія и расходуетъ на прямую плату работникамъ за ихъ трудъ.

Для лучшаго разъясненія этого принципа, предположимъ слѣдующій случай. Потребитель можетъ расходовать свой доходъ на покупку личныхъ услугъ себѣ или товаровъ; употребить часть его на наемъ каменьщиковъ для постройки дома, землекоповъ для устройства искусственныхъ прудовъ, работниковъ для устройства садовъ и парковъ; но вмѣсто того онъ можетъ расходовать такую же сумму на покупку бархата и кружевъ. Спрашивается, различны ли эти два способа его расходованія по отношенію къ интересамъ рабочихъ классовъ? Ясно, что въ первомъ изъ этихъ двухъ случаевъ онъ даетъ занятіе работникамъ, которые останутся безъ занятія, или по крайней мѣрѣ безъ этого занятія, во второмъ случаѣ. Писатели, противъ которыхъ я спорю, утверждаютъ, что это все равно, потому что, покупая бархатъ и кружево, онъ также даетъ занятіе работникамъ, именно тѣмъ работникамъ, которые дѣлаютъ бархатъ и кружево. Я, напротивъ, говорю, что въ этомъ второмъ случаѣ онъ не даетъ занятія имъ, а опредѣляетъ, какимъ дѣломъ будетъ занимать ихъ кто нибудь другой. Потребитель не платитъ изъ своихъ суммъ поденную плату ткачамъ и кружевницамъ. Онъ покупаетъ готовый товаръ, уже произведенный трудомъ и капиталомъ, и трудъ этотъ оплачивался не имъ, капиталъ доставлялся не имъ, а фабрикантомъ. Предположимъ, что прежде онъ употреблялъ эту часть своего дохода на наемъ каменьщиковъ, которые расходовали получаемую плату на пищу и на платье,— предметы, также производимые трудомъ и капиталомъ; но что теперь онъ вмѣсто прежняго употребленія обращаетъ свой доходъ на покупку бархата и кружева; онъ создаетъ этимъ увеличенный запросъ на нихъ. Этотъ запросъ не можетъ быть удовлетворенъ безъ прибавки въ ихъ продажномъ количествѣ; а она не можетъ быть произведена безъ прибавки капитала; откуда же возмется эта прибавка капитала? Въ измѣненіи мыслей потребителя нѣтъ ничего такого, отчего капиталъ страны увеличился бы. Потому должно сказать, что увеличенному запросу на бархатъ нельзя было бы теперь удовлетворить, если бы то самое обстоятельство, которое породило увеличеніе въ запросѣ, не освободило точно того количества капитала, какое нужно на удовлетвореніе увеличенія въ запросѣ. Та самая сумма, которую употребляетъ теперь потребитель на покупку бархата, шла прежде въ руки каменьщиковъ, рас-

ходовавшихъ ее на пищу и другіе предметы необходимости, а теперь остающихся безъ этихъ предметовъ или отрывающихъ ихъ своимъ соперничествомъ отъ тѣхъ долей, которыя шли на другихъ работниковъ. Такимъ образомъ трудъ и капиталъ, производившіе прежде предметы необходимости для этихъ каменьщиковъ, лишены теперь своего рынка, должны искать себѣ другаго занятія, и находятъ его въ выдѣлкѣ бархата для новаго запроса. Я говорю не то, чтобы тотъ самый трудъ и капиталъ, который производилъ предметы необходимости, обратился на выдѣлку бархата; но тѣмъ или другимъ изъ сотни разныхъ путей, они занимаютъ мѣсто труда и капитала, дѣлающаго бархатъ. Существующій капиталъ могъ дѣлать одно изъ двухъ: или ткать бархатъ, или производить предметы необходимости для каменьщиковъ; дѣлать того и другаго вмѣстѣ онъ не можетъ. Отъ выбора потребителя зависѣло, которымъ изъ двухъ дѣлъ займутся трудъ и капиталъ; если онъ выбираетъ бархатъ, предметы необходимости не производятся.

Для лучшаго разъясненія перевернемъ гипотезу. Потребитель имѣлъ прежде привычку покупать бархатъ, но рѣшился отказаться отъ этого расхода и ежегодно употреблять прежнюю сумму на наемъ каменьщиковъ. Если справедливо обыкновенное мнѣніе, противъ котораго я спорю, эта перемѣна въ характерѣ его расхода не даетъ новаго занятія труду, а только переноситъ занятіе отъ ткачей бархата къ каменьщикамъ. Но, всмотрѣвшись ближе, мы увидимъ, что произошла прибавка къ суммѣ, идущей на вознагражденіе труда. Фабрикантъ бархата (предполагаемъ, что онъ замѣтилъ уменьшеніе запроса на свой товаръ) уменьшаетъ производство и освобождаетъ соотвѣтственную такому уменьшенію часть капитала, употреблявшагося на выдѣлку бархата. Этотъ капиталъ, вынутый изъ продовольствованія ткачей бархата, не та сумма, которую покупщикъ сталъ употреблять на продовольствованіе каменщиковъ; это вторая такая же сумма. Такимъ образомъ мы видимъ теперь двѣ суммы, обращающіяся на продовольствованіе и вознагражденіе труда, вмѣсто того, что прежде была только одна такая сумма. Тутъ не просто переносъ занятія отъ бархатныхъ ткачей къ каменьщикамъ; тутъ во первыхъ создается новое занятіе для каменьщиковъ, а во вторыхъ переносится занятіе отъ ткачей бархата къ какимъ нибудь другимъ работникамъ, по всей вѣроятности къ тѣмъ, которые производятъ пищу и другіе предметы, потребляемые каменьщиками.

Конечно, можно возразить, что хотя деньги, расходуемыя на

покупку бархата, не составляютъ прибавки къ капиталу, но онѣ замѣняютъ капиталъ; что хотя онѣ не создаютъ новаго запроса на трудъ, но служатъ необходимымъ средствомъ для поддержанія существующаго запроса на трудъ. Скажутъ, что имущество фабриканта не можетъ быть прямо обращено на содержаніе труда, пока остается заключено въ бархатѣ; что оно начинаетъ составлять запросъ на трудъ только тогда, когда бархатъ проданъ и капиталъ, ушедшій на выдѣлку бархата, замѣненъ суммою, израсходованною покупщикомъ; изъ этого могутъ выводить, что производитель бархата и покупщикъ бархата, взятые вмѣстѣ, имѣютъ не два капитала, а только одинъ капиталъ, который актомъ покупки переносится отъ покупщика къ фабриканту, и что если покупщикъ вмѣсто покупки бархата покупаетъ трудъ, онъ просто переноситъ этотъ капиталъ на другое дѣло, уничтожая этимъ ровно столько же запроса на трудъ въ одномъ дѣлѣ, сколько запроса на трудъ создаетъ въ другомъ дѣлѣ.

Тѣхъ посылокъ, изъ которыхъ выводится это заключеніе, я не отрицаю. Освободить капиталъ, который иначе остался бы заключенъ въ формѣ, непригодной на содержаніе труда, конечно, тоже самое по отношенію къ интересамъ работниковъ, какъ и создать новый капиталъ. Если я расходую 1,000 фунтовъ на покупку бархата, я даю фабриканту средство употребить 1,000 фунтовъ на содержаніе труда, который не могъ получить занятіе, пока бархатъ оставался не проданъ, — это совершенная правда; и если бы бархатъ навсегда остался не проданъ, когда бы я не купилъ его, то, измѣняя свое намѣреніе и вмѣсто покупки бархата нанимая каменьщиковъ, я, разумѣется, не создаю новаго запроса на трудъ; потому что, употребляя 1,000 фунтовъ на наемъ труда, я въ тоже время навсегда уничтожаю 1,000 фунтовъ, составлявшихъ капиталъ бархатнаго фабриканта. Но говорить объ этомъ фактѣ—значитъ смѣшивать послѣдствія, проистекающія чисто изъ внезапности перемѣны, съ послѣдствіями самой перемѣны. Если бы при прекращеніи покупки со стороны потребителя капиталъ, употребленный на выдѣлку бархата для этого потребителя, непремѣнно долженъ былъ погибнуть, то расходованіе той же суммы со стороны потребителя на наемъ каменьщиковъ было бы не созданіемъ новаго занятія, а только перемѣщеніемъ занятія. Но я говорю то, что новое занятіе, даваемое труду, будетъ дано только тогда, если капиталъ бархатнаго фабриканта *можетъ* освободиться, и что оно будетъ дано только тогда, когда онъ *освободится*. Каждому извѣстно, что капиталъ,

затраченный на извѣстное занятіе, можетъ быть вынутъ изъ него, если предоставляется на то достаточный срокъ. Если бархатный фабрикантъ получитъ предупрежденіе тѣмъ, что получаетъ заказовъ меньше прежняго, онъ произведетъ бархата на 1,000 фунтовъ меньше прежняго и 1,000 фунтовъ изъ его капитала уже освобождаются этимъ. Если онъ не имѣлъ такого предувѣдомленія въ уменьшеніи заказовъ и если потому товаръ остается на его рукахъ, это увеличеніе непроданнаго товара заставитъ его на слѣдующій годъ пріостановить или уменьшить свое производство, пока распродастся излишній товаръ. По окончаніи этого оборота фабрикантъ найдетъ себя имѣющимъ такое же богатство какъ прежде, и средства его давать занятіе труду не уменьшатся, хотя часть его капитала употребится теперь на содержаніе труда не при такомъ занятіи, какъ прежде. Пока происходитъ это приспособленіе въ употребленіи капитала, запросъ на трудъ просто измѣняется, а не увеличивается; но когда оно уже произошло, запросъ на трудъ увеличился. Прежде былъ только одинъ капиталъ, употребляемый на содержаніе ткачей при выдѣлкѣ бархата на 1,000 фунтовъ; а теперь тотъ же самый капиталъ употребленъ на какое нибудь другое занятіе и кромѣ того еще 1,000 фунтовъ распредѣляются между каменьщиками. Теперь два капитала употребляются на вознагражденіе двухъ массъ работниковъ; а прежде одинъ изъ этихъ капиталовъ, капиталъ покупателя, служилъ только колесомъ въ механизмѣ, которымъ другой капиталъ (капиталъ фабриканта) давалъ изъ года въ годъ занятіе труду [25]).

Теорема, доказываемая мною, въ сущности равнозначительна выраженію, которое уму однихъ представится трюизмомъ, а уму другихъ парадоксомъ: человѣкъ приноситъ пользу работникамъ не тѣмъ, что потребляетъ на самаго себя, а только тѣмъ, чего не потребляетъ самъ. Если я, вмѣсто расходованія 100 фунтовъ на дорогія вина или шелковыя матеріи, употребляю эти 100 фунтовъ на плату работникамъ или на подаянія, запросъ на товары въ обоихъ случаяхъ совершенно равенъ: въ первомъ случаѣ, требуется на 100 фунтовъ винъ и матерій, во второмъ случаѣ тоже на 100

---

[25]) Правильнѣе было бы сказать: теперь два капитала, а прежде, расходуемая покупателемъ сумма, обратившаяся теперь въ капиталъ, не служила капиталомъ, будучи обращаема на непроизводительное потребленіе. Все дѣло именно въ томъ и состоитъ, что масса цѣнностей, не служившая прежде капиталомъ, обращается теперь въ капиталъ.

фунтовъ требуется хлѣба, пива, работническаго платья, топлива и тому подобныхъ товаровъ; но во второмъ случаѣ работники страны имѣютъ на 100 фунтовъ больше продуктовъ, распредѣляющихся между ними. Я потребилъ на 100 фунтовъ меньше, и передалъ работникамъ мою силу потребленія; сказать иначе значило бы сказать, что когда я потребилъ меньше прежняго, то не осталось больше прежняго на потребленіе другимъ, а это явное противорѣчіе. Когда производится прежнее количество продуктовъ, то продукты, отъ потребленія которыхъ отказывается одинъ, необходимо прибавляются къ долѣ тѣхъ, кому онъ передаетъ свои средства къ покупкѣ. Въ предполагаемомъ случаѣ нѣтъ необходимости, чтобы въ результатѣ мое потребленіе стало меньше прежняго; потому что работники, которымъ я даю плату, строятъ, можетъ быть, домъ для меня, или дѣлаютъ что нибудь другое для моего будущаго потребленія. Но дѣло въ томъ, что я отсрочилъ свое потребленіе и передалъ работникамъ часть моей доли изъ нынѣшнихъ продуктовъ общества. Если черезъ нѣсколько времени я получу для своего потребленія продуктъ во 100 фунтовъ, онъ получится не изъ нынѣшнихъ продуктовъ, а изъ будущей прибавки къ нимъ. Итакъ, изъ нынѣшнихъ продуктовъ я больше оставилъ на потребленіе другихъ, и эту оставшуюся отъ моего потребленія часть отдалъ въ руки работниковъ *).

---

*) Слѣдующій случай, представляющій дѣло въ нѣсколько иной формѣ, можетъ еще больше разъяснить его.

Предположимъ, что богатый человѣкъ, А, ежедневно расходуетъ извѣстную сумму на плату или на подаянія, которыя тотчасъ по полученіи, расходуются и потребляются получившими въ видѣ хлѣба. А умираетъ, оставляя свое имущество В, который прекращаетъ эту статью расхода, а вмѣсто того расходуетъ каждый день ту же сумму на тонкія блюда собственнаго стола. Я выбралъ такое предположеніе для того, чтобы оба случая были совершенно сходны во всѣхъ чертахъ, кромѣ черты, служащей предметомъ сравненія. Чтобы не затемнять существенныхъ фактовъ дѣла представленіемъ ихъ сквозь затуманивающую призму денежныхъ сдѣлокъ, предположимъ также, что А и его наслѣдникъ В владѣльцы помѣстья, въ которомъ производятся и хлѣбъ, потребляемый людьми, которымъ раздавалъ свои цѣнности А, и предметы роскоши, доставляемые на столъ В; и предположимъ, что рента этимъ владѣльцамъ платится натурою, сообразно тому предувѣдомленію, какое они даютъ о качествѣ продуктовъ имъ нужныхъ. Теперь спрашивается: даетъ-ли расходъ В столько же занятія или столько же пищи его небогатымъ сосѣдямъ, сколько давалъ расходъ А?

Изъ условій гипотезы, нами изложенной, слѣдуетъ, что при жизни А та

Мы видимъ, что запросъ, отложенный до окончанія дѣла, не дѣлающій никакой затраты на производство, а только уплачивающій за затраты, сдѣланныя другими, нимало не составляетъ запроса на

часть дохода, которую онъ издерживалъ на рабочую плату или на подаяніе, бралась имъ съ фермы въ видѣ простонародной пищи и употреблялась въ пищу простонародью; напротивъ, его наслѣдникъ В потребуетъ вмѣсто такой пищи дорогіе съѣстные припасы на такую же цѣнность и они будутъ потребляться за его собственнымъ столомъ; потому фермеръ во время владѣнія В будетъ ежедневно производить простой пищи меньше прежняго, а дорогихъ съѣстныхъ припасовъ больше прежняго на эту сумму, и при владѣніи В на эту сумму уменьшится количество пищи, распредѣляемой между рабочими и не богатыми классами, сравнительно съ тѣмъ количествомъ, какое производилось и распредѣлялось для нихъ во время А. Это будетъ сообразно съ принципами, изложенными въ текстѣ. Тотъ, кто не согласенъ съ ними, долженъ напротивъ, предполагать, что предметы роскоши, требуемые владѣльцемъ В, будутъ производиться не вмѣсто хлѣба, достававшагося прежде работникамъ В, а сверхъ этого хлѣба, и что сумма продуктовъ помѣстья возрастетъ въ количествѣ. Но мы спросимъ, какимъ же образомъ произойдетъ это удвоенное производство, какимъ образомъ фермеръ, капиталъ и трудъ котораго были уже совершенно заняты при А, получитъ силу удовлетворять новымъ потребностямъ В, не производя другихъ вещей въ меньшемъ количествѣ? Единственный способъ, какой можно представить, состоитъ въ томъ, что онъ сначала произведетъ хлѣбъ, а потомъ, давъ этотъ хлѣбъ работникамъ, которыхъ прежде кормилъ А, произведетъ ихъ трудомъ предметы роскоши, требуемые В. Такъ дѣйствительно должны думать несогласные съ изложеннымъ въ текстѣ взглядомъ писатели, когда настойчиво требуется, чтобы они разъяснили свое понятіе о дѣлѣ. Но если такъ, само собою очевидно, что В долженъ до втораго года ждать своихъ предметовъ роскоши; а онъ требуетъ ихъ въ первый годъ. По первоначальнымъ условіямъ гипотезы онъ потребляетъ свой роскошный обѣдъ ежедневно съ перваго дня, и расходъ этотъ идетъ равномѣрно расходу порцій хлѣба, которыя прежде А раздавалъ своимъ работникамъ. Нѣтъ времени, чтобы сначала произвести пищу работникамъ, а уже потомъ удовлетворить В: онъ и они не могутъ вмѣстѣ получить удовлетвореніе своимъ потребностямъ; онъ можетъ удовлетворить своему запросу на товары только тѣмъ, что оставитъ безъ удовлетворенія такое количество запроса работниковъ, какое прежде удовлетворялось изъ получаемой имъ суммы.

Могутъ возразить, что время единственная вещь нужная на то, чтобы расходъ В сдѣлался совмѣстенъ съ занятіемъ работниковъ въ такомъ же размѣрѣ, какъ при А, и что если такъ, то зачѣмъ же намъ не предположить, что В отлагаетъ свое личное потребленіе предметовъ роскоши до той поры, пока они могутъ быть доставлены ему трудомъ людей, работавшихъ для А? Могутъ сказать, что въ этомъ случаѣ В дастъ занятіе и пищу такому же количеству труда, какъ его предмѣстникъ. Конечно, онъ дастъ это количество, но почему дастъ его? Потому, что его доходъ станетъ издерживаться тѣмъ же самымъ способомъ, какъ издерживался доходъ его предшественника, будетъ издержи-

трудъ; сумма, израсходованная такимъ способомъ, не даетъ ровно никакого занятія труду, и по отношенію къ рабочему классу она все равно что вовсе не существуетъ: она не создаетъ и не можетъ создавать никакого занятія для труда иначе, какъ черезъ уменьшеніе другаго уже существовавшаго занятія для труда *)

ваться на рабочую плату. А не обращалъ на свое личное потребленіе ту сумму, какую прямо платилъ работникамъ; В поступаетъ точно также, только не своими руками выдаетъ эту сумму работникамъ, а оставляетъ ее въ рукахъ фермера, чтобы онъ выдавалъ ее работникамъ. При такомъ предположеніи, В въ первый годъ, не расходуя самъ на себя этой суммы ни по способу А, ни по своему будущему способу, въ сущности сберегаетъ эту часть своего дохода и ссужаетъ ею фермера. И если въ слѣдующіе годы, ограничиваясь годичнымъ доходомъ, онъ оставляетъ въ рукахъ фермера эту прежнюю ссуду, она становится прибавкою къ капиталу, на которую фермеръ можетъ постоянно занимать трудомъ и продовольствовать работниковъ А. Никто и не говоритъ, что такой переходъ отъ издерживанія дохода на плату за трудъ къ сбереженію этого дохода для затраты его въ видѣ капитала отнимаетъ занятіе у работниковъ. Мы говоримъ только то, что занятіе у работниковъ отнимается перемѣною, состоящею въ покупкѣ товаровъ на личное употребленіе вмѣсто наниманія работниковъ; объ этомъ и говорила наша первоначальная гопотеза.

Въ нашемъ примѣрѣ предполагалось, что нѣтъ продажи и покупки, что не употребляются деньги. Но предположеніе, нами составленное, соотвѣтствуетъ дѣйствительному ходу дѣлъ во всемъ, кромѣ подробностей механизма. Вся страна цѣлой націи составляетъ въ сущности одну ферму и фабрику, изъ которой каждый членъ общества получаетъ свою опредѣленную часть продуктовъ, имѣя въ своихъ рукахъ извѣстное число жетоновъ, называемыхъ фунтами стерлингами (рублями), которые, когда ему нужно, онъ возвращаетъ назадъ, обмѣнивая на какіе угодно ему товары въ размѣрѣ части продуктовъ, приходящейся на его долю. Онъ не даетъ предувѣдомленій о томъ, какихъ вещей онъ потребуетъ, какъ даются эти предувѣдомленія въ нашей гипотезѣ. Но торговцы и производители сами имѣютъ возможность узнавать это изъ наблюденія, и каждая перемѣна въ запросѣ немедленно производитъ соотвѣтствующую перемѣну въ заготовкѣ продаваемыхъ вещей. Если потребитель вмѣсто издерживанія части своего дохода на рабочую плату станетъ въ тотъ же самый день (а не въ слѣдующій, не въ какой нибудь отдаленный день) издерживать эту часть на вещи для своего личнаго потребленія и будетъ держаться этого новаго способа расходованія столько времени, что производство успѣетъ приспособиться къ такой перемѣнѣ запроса, то послѣ такой перемѣны въ производствѣ страна будетъ производить пищи и другихъ товаровъ для употребленія работниковъ въ количествѣ меньше прежняго на ту самую цѣнность, какую имѣютъ вновь потребовавшіеся предметы роскоши, и работники въ общей своей массѣ станутъ въ положеніе худшее прежняго пропорціонально этой суммѣ. Прим. авт.

*) Вообще надобно только понять яснымъ образомъ основанія всякой теоремы, чтобы самому уже видѣть, какимъ ограниченіямъ подлежитъ она. Есть

Запросъ на бархатъ дѣлаетъ по отношенію къ занятію труда и капитала только то, что опредѣляетъ, какое количество прежде существовавшаго занятія должно быть обращено на извѣстный путь вмѣсто другихъ путей; но для производителей, уже занятыхъ выдѣлкою бархата, это обстоятельство имѣетъ величайшую важность. Для нихъ уменьшеніе запроса бываетъ дѣйствительною потерею, и хотя бы ни одинъ кусокъ ихъ товара не пропалъ окончательно непроданнымъ, эта потеря можетъ возвышаться до такой величины, что они найдутъ нужнымъ для избѣжанія бо̀льшихъ потерь прекратить свое производство. Увеличеніе запроса даетъ имъ, напротивъ, средства расширять свои обороты, получать прибыль на бо̀льшій капиталъ, если онъ есть у нихъ или можно имъ занять его; при быстрѣйшихъ оборотахъ своего капитала они дадутъ болѣе постоянное занятіе своимъ работникамъ или увеличатъ число ихъ. Такимъ образомъ, увеличеніе запроса на товаръ въ самомъ дѣлѣ часто имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что въ отдѣльной отрасли промышленности прежній капиталъ даетъ большое занятіе труду. Но ошибка состоитъ въ томъ, что не замѣчаютъ одного обстоятельства: эта выгода приносится труду и капиталу въ одной отрасли промышленности только отнятіемъ такой же выгоды у другой отрасли; а когда перемѣна произвела свое естественное дѣйствіе, привлекла къ извѣстному занятію лишній капиталъ, пропорціональный увеличившемуся запросу, прекращается выгода и для этого занятія.

Запросъ на товары имѣетъ важность собственно въ теоріи обмѣна, а не въ теоріи производства. Въ общей массѣ и въ посто-

---

случай, въ которомъ запросъ на товары можетъ создавать занятіе для труда: это бываетъ, когда работникъ уже и безъ того имѣетъ пропитаніе, но время у него не все занято пропитывающимъ дѣломъ. Работа, дѣлаемая въ часы досуга людьми, получающими средства изъ другаго источника, можетъ (какъ мы уже замѣчали) быть предпринимаема, не отвлекая отъ другихъ дѣлъ никакого капитала, кромѣ той (часто ничтожной) суммы, какая нужна на расходъ для покупки матеріаловъ и инструментовъ. Къ этому случаю основанія нашей теоремы не относятся, потому не относится къ нему и самая теорема. Занятіе такого рода можетъ порождаться возникновеніемъ требованія на товаръ, не лишая труда соотвѣтствующей суммы занятія ни въ какомъ другомъ дѣлѣ. Но даже и въ этомъ случаѣ требованіе дѣйствуетъ на трудъ не иначе, какъ только чрезъ посредство существующаго капитала: оно только даетъ капиталу побужденіе приводить въ дѣйстіе большее количество труда, чѣмъ прежде. Прим. авт.

янномъ ходѣ дѣлъ, вознагражденіе производителя происходитъ изъ производительной силы его капитала. Продажа продукта за деньги и потомъ расходованіе денегъ на покупку другихъ товаровъ просто феномены обмѣна равнозначительныхъ цѣнностей для взаимнаго удобства. Правда, что раздѣленіе занятій служитъ однимъ изъ главныхъ средствъ увеличенія производительной силы труда и что по этому обмѣнъ пораждаетъ большое увеличеніе продуктовъ; но и съ этой стороны трудъ и капиталъ вознаграждаются производствомъ, а не обмѣномъ. Операцію обмѣна, ведется-ли она прямо, мѣною товара на товаръ, или посредствомъ денегъ, мы, все равно, должны представлять себѣ просто механизмомъ, которымъ каждый вознагражденію за свой трудъ или за свой капиталъ даетъ ту особенную форму, которая наиболѣе пригодна для него; но никакъ мы не дожны считать эту операцію источникомъ самаго вознагражденія.

10, Принципы, нами изложенные, обнаруживаютъ ошибочность множества поверхностныхъ силлогизмовъ и мнѣній, постоянно возраждающихся въ новыхъ формахъ. Напримѣръ: многіе, и въ томъ числѣ люди, отъ которыхъ слѣдовало бы ждать болѣе здраваго взгляда, утверждаютъ, что ошибочно доказательство въ пользу налога на доходы, говорящее, что онъ падаетъ на высшій и средній классы и щадитъ бѣдный классъ; нѣкоторые даже называютъ это доказательство обманомъ. Говорятъ, что налогъ на доходы, взявъ у богатыхъ то, что они израсходовали бы разными уплатами бѣднымъ, вредитъ бѣднымъ столько же, какъ если бы прямо брался съ нихъ. Что сказать о такомъ мнѣніи, мы даже не знаемъ. Та часть суммъ взимаемыхъ налогами съ богатыхъ, которая была бы сбережена и обращена въ капиталъ или хотя бы израсходована на содержаніе и плату служителямъ и другимъ разрядамъ непроизводительныхъ работниковъ, если бы не было налоговъ, — эта часть налоговъ дѣйствительно уменьшаетъ запросъ на трудъ и обращается во вредъ бѣднымъ; каждый налогъ на богатыхъ имѣетъ въ себѣ такую часть, производитъ въ большей или меньшей степени такое дѣйствіе; потому невозможно обложить богатыхъ такимъ налогомъ, изъ котораго бы никакая часть не могла упасть на бѣдныхъ. Но даже и тутъ остается вопросъ: когда правительство соберетъ налогъ, не употребитъ ли оно на прямую покупку труда столь же значительную часть его, какую употребили бы лица, заплатившія налогъ. А кромѣ того, остается въ налогѣ другая часть, которая если бы не была уплачена правительству, была бы вся

израсходована на товары (если же уплата налога произведена займомъ отъ капиталиста, къ этой части нужно даже прибавить и ту, которая была бы употреблена на плату за услуги). По принципамъ, нами изложеннымъ, видно, что вся эта часть налога окончательно падаетъ на богатыхъ и вовсе не падаетъ на бѣдныхъ. Когда мы будемъ говорить объ этой части налога, то надобно сказать, что взиманіе налога не производитъ никакого уменьшенія въ заиросѣ на трудъ. Капиталъ, дававшій до налога занятіе работникамъ страны, остался и послѣ налога въ прежнемъ количествѣ и можетъ давать занятіе прежнему числу работниковъ. Количество продуктовъ, идущее на рабочую плату, или назначаемое на прокормленіе и одежду работниковъ, не уменьшилось въ своемъ размѣрѣ.

Если бы писатели, мнѣніе которыхъ я оспариваю, были справедливы, то невозможно было бы взять налогъ ни съ кого кромѣ бѣдныхъ. Если брать налогъ изъ суммъ, расходуемыхъ на покупку продуктовъ труда, значитъ брать налогъ съ работниковъ, то рабочій классъ одинъ платитъ всѣ налоги. Но этимъ силлогизмомъ доказывается также и то, что вовсе нельзя взять налогъ съ работниковъ: налогъ будетъ израсходованъ или на плату за трудъ, или на товары, стало быть онъ весь возвратится къ работникамъ. Если такъ, налоги имѣютъ странное свойство: они не падаютъ ни на кого. По этому взгляду слѣдовало бы также, что можно безъ убытка для работниковъ взять у нихъ все, что они имѣли, и раздать другимъ членамъ общества. Вѣдь взятое у нихъ имущество тоже было бы «израсходовано на плату имъ»; а по взгляду, нами опровергаемому, полагается, что этимъ покрытъ весь ихъ убытокъ. Ошибка этихъ писателей происходитъ оттого, что они не смотрятъ прямо на дѣйствительныя явленія, а останавливаются только на внѣшнемъ механизмѣ денежныхъ платежей. Если мы посмотримъ не на судьбу денегъ, не на то, что происходитъ съ деньгами, которыя просто переходятъ изъ рукъ въ руки, а на то, что происходитъ съ товарами, которые идутъ въ употребленіе и потребляются, то мы увидимъ, что налогъ на доходы дѣйствительно уменьшаетъ потребленіе тѣхъ классовъ, съ которыхъ берется. Та сумма, на которую уменьшается отъ него ихъ потребленіе, берется дѣйствительно съ нихъ; этою своею частью налогъ падаетъ дѣйствительно на нихъ. Она уплачивается тѣмъ, что безъ налога они обратили бы въ свое личное потребленіе. Наоборотъ, есть въ этомъ налогѣ часть, составляемая вычетомъ изъ того количества продуктовъ, которые безъ налога пошли бы на потребленіе рабочаго

класса. Эта часть составляется тѣмъ, чего богатые не потребили бы сами, а сберегли бы на содержаніе производства или истратили бы на содержаніе и на плату непроизводительнымъ работникамъ: эта часть дѣйствительно берется съ бѣдныхъ. Но если правительство расходуетъ (и вѣроятно оно въ самомъ дѣлѣ расходуетъ) изъ налога на прямое занятіе труда (на наемъ матросовъ, солдатъ, полицейскихъ служителей) не меньше того, сколько израсходовали бы лица уплатившія налогъ, или если оно даже увеличиваетъ капиталъ страны уплатою государственнаго долга, то налогъ вовсе не отнимаетъ никакого занятія у рабочихъ классовъ, а, напротивъ, быть можетъ даетъ имъ даже больше занятія, чѣмъ имѣли бы они безъ налога. Если такъ, то весь налогъ падаетъ исключительно на тѣ классы, съ которыхъ предполагалось взять его.

Изъ всей той части продуктовъ страны, которая дѣйствительно и буквально потребляется всѣми другими ея жителями на ихъ личныя потребности, ровно ни одна доля ни малѣйшимъ образомъ не продовольствуетъ труда. Потребленіе не служитъ ни на чью пользу, кромѣ того самаго человѣка, который потребляетъ. А человѣкъ не можетъ, самъ потребляя свой доходъ, передавать его на потребленіе другимъ. Когда часть дохода берется у человѣка налогомъ, это не можетъ составлять лишенія вмѣстѣ и для него и для другихъ, а составляетъ лишеніе только *или* для него, *или* для другихъ. Чтобы узнать, кто потерпѣлъ лишеніе, мы должны узнать, чье потребленіе должно было сократиться отъ налога: кто бы ни былъ этотъ человѣкъ, потребленіе котораго сокращается, собственно онъ и есть то лицо, на которое дѣйствительно падаетъ налогъ.

ГЛАВА VI.

ОБОРОТНЫЙ И ОСНОВНОЙ КАПИТАЛЪ.

Для дополненія нашихъ объясненій о капиталѣ необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній о тѣхъ двухъ разрядахъ, на которые онъ обыкновенно раздѣляется. Различіе между ними замѣчается очень легко и мы часто касались его въ двухъ предыдущихъ главахъ, хотя и не употребляли терминовъ, обозначающихъ его. Теперь пора намъ опредѣлить эту разницу точнымъ образомъ и указать нѣкоторыя изъ ея послѣдствій.

Когда капиталъ затрачивается на производство какого нибудь товара, часть затраченнаго капитала перестаетъ быть капиталомъ, будучи разъ употреблена въ дѣло. Она уже не можетъ содѣйствовать производству, по крайней мѣрѣ не можетъ содѣйствовать ему прежнимъ способомъ или не можетъ содѣйствовать прежнему производству. Такова, напримѣръ, часть капитала, состоящая изъ матеріаловъ. Сало и поташъ, изъ которыхъ дѣлается мыло, разъ пошедши въ дѣло, перестаютъ быть поташомъ и саломъ, и въ другой разъ уже не годятся на выдѣлку мыла, хотя въ новой своей формѣ мыла могутъ служить матеріаломъ или орудіемъ въ другихъ отрасляхъ фабрикаціи. Къ тому же классу надобно причислить часть капитала, идущую на рабочую плату, или потребляемую въ видѣ продовольствія работниковъ. Когда бумагопрядильный фабрикантъ заплатилъ часть своего капитала работникамъ, эта часть уже перестаетъ быть капиталомъ, по крайней мѣрѣ капиталомъ бумагопрядильнаго фабриканта; та доля этой части, которую потребляютъ работники, уже вовсе перестаетъ быть капиталомъ; если даже сберегутъ они другую долю, ее скорѣе надобно считать новымъ капиталомъ, результатомъ второй операціи сбереженія. Капиталъ, исполняющій такимъ способомъ въ одинъ только разъ все свое дѣло въ производствѣ, на которое обращенъ, называется оборотнымъ капиталомъ. Терминъ этотъ, не совершенно удобный, заимствованъ отъ того обстоятельства, что эту часть капитала надобно постоянно возобновлять продажею изготовленнаго продукта, а по возобновленіи постоянно приходится тратить ее на покупку матеріаловъ и на выдачу рабочей платы, такъ что она исполняетъ свое дѣло, переходя изъ рукъ въ руки, а не оставаясь неподвижной [26]).

---

[26]) Вотъ Милль уже подстановляетъ понятіе денегъ вмѣсто понятія продуктовъ и матеріаловъ производства. Если мы не забудемъ, что дѣло состоитъ не въ деньгахъ, а во всѣхъ разнообразныхъ вещахъ, нужныхъ для производства и только покупаемыхъ на деньги, то мы не скажемъ что, «возобновивъ оборотную часть капитала, надобно тратить ее на покупку матеріаловъ и на выдачу рабочей платы». Вѣдь капиталъ въ сущности вовсе не деньги, а матеріалы, инструменты, зданія и другія вещи, нужныя для производства; пока у насъ въ рукахъ только еще звонкая монета, у насъ еще нѣтъ капитала въ научномъ и единственномъ точномъ смыслѣ слова. Мы должны сказать: «возобновивъ оборотный капиталъ, надобно вновь постоянно расходовать его переработкою въ продуктъ одной его половины и раздачею другой половины работникамъ». Это замѣчаніе относится только къ формѣ выраженія, но не точность выраженія показываетъ сбивчивость самыхъ понятій

Другую и также очень большую часть капитала составляютъ орудія производства, имѣющія болѣе или менѣе прочный характеръ и производящія свое дѣло не тѣмъ, что тратятся, а тѣмъ, что остаются цѣлы; ихъ дѣятельность не истощается однимъ разомъ употребленія въ дѣло. Сюда принадлежатъ зданія, машины и всѣ или почти всѣ вещи, называемыя инструментами. Прочность нѣкоторыхъ изъ нихъ очень велика и они продолжаютъ служить орудіями производства при повтореніи производительной операціи множество разъ. Къ этому классу надобно также причислить капиталъ, затраченный на прочныя улучшенія земли. Сюда принадлежитъ и капиталъ, разъ навсегда затрачиваемый въ началѣ предпріятія на приготовленіе возможности для слѣдующихъ операцій. Напримѣръ, устройство шахты для рудника, постройка каналовъ, дорогъ и доковъ. Можно было бы набрать еще много такихъ примѣровъ, но довольно и этихъ. Капиталъ, существующій въ одной изъ этихъ прочныхъ формъ и возвращаемый продуктами въ теченіе продолжительнаго времени, называется основнымъ капиталомъ.

Нѣкоторые роды основнаго капитала требуютъ возобновленія черезъ опредѣленные или неопредѣленные сроки. Таковы всѣ инструменты, машины и зданія: по временамъ, ихъ нужно возобновлять частями посредствомъ починокъ, а напослѣдокъ они совершенно изнашиваются, не могутъ уже служить какъ инструменты, машины, зданія и возвращаются въ разрядъ матеріаловъ. Въ другихъ формахъ, капиталъ не требуетъ полнаго возобновленія, если не подвергнется какому нибудь чрезвычайному случаю; но все-таки и для этого капитала постоянно или хотя по временамъ нуженъ нѣкоторый расходъ, чтобы поддерживать его. Разъ будучи сдѣланъ, докъ или каналъ не требуетъ, какъ машина, чтобы его потомъ дѣлали въ другой разъ, если его не разрушатъ преднамѣренно, если не засыплется онъ землетрясеніемъ или другою подобною катострофою; но часто и постоянно нужно дѣлать расходъ на поддержаніе его въ исправности. Разъ будучи вырыты, шахты рудника не требуютъ, чтобы ихъ рыли въ другой разъ; но если никто не принимаетъ на себя издержку очищать рудникъ отъ воды, онъ

или по крайней мѣрѣ невнимательность къ охраненію ихъ въ ясности. Если угодно, можно сказать, что всѣ ошибки школы Смита происходятъ отъ этой смутности понятій; но эта смутность ведетъ къ большимъ ошибкамъ въ теоріи распредѣленія.

скоро станетъ не пригоденъ къ дѣлу. Самый прочный изъ всѣхъ основныхъ капиталовъ—капиталъ употребленный на увеличеніе производительности предметовъ и силъ природы, напримѣръ, на улучшеніе земли. Осушеніе болотъ или наводнявшихся мѣстъ, въ родѣ Бедфордской Низменности, расширеніе прибрежья плотинами — это улучшенія, производимыя на вѣчное время; но осушающія канавы и плотины требуютъ частыхъ поправокъ. Такой же характеръ прочности принадлежитъ улучшенію земли дренажемъ подпочвы, столь сильно увеличивающимъ производительность глинистыхъ почвъ; или удобреніемъ, дѣйствующимъ долго, то есть прибавленіемъ къ землѣ не тѣхъ веществъ, которыя входятъ въ составъ растеній, потребляются ими, а тѣхъ, которыя просто измѣняютъ отношенія почвы къ воздуху и водѣ, напримѣръ, песка и извести къ тяжелымъ почвамъ, глины и мергеля къ легкимъ. Но даже такія работы для сохраненія полнаго своего дѣйствія требуютъ по временамъ нѣкотораго расхода, хотя быть можетъ очень не большаго.

Эти работы вполнѣ заслуживаютъ названіе улучшеній и какъ улучшенія онѣ даютъ увеличеніе продукта, которое за покрытіемъ всѣхъ издержекъ, нужныхъ для ихъ поддержанія, оставляетъ излишекъ. Этотъ излишекъ служитъ выручкою за капиталъ, употребленный на первоначальную работу; онъ не прекращается обветшаніемъ механизма, какъ выручка отъ машинъ, а продолжается навсегда. Возвысившись въ своей производительности этимъ способомъ, земля имѣетъ на рынкѣ цѣнность пропорціональную увеличенію ея производительности; потому капиталъ, употребленный на улучшеніе земли, обыкновенно считаютъ продолжающимъ существовать въ увеличенной цѣнности земли. Однако надобно помнить сущность дѣла. Этотъ капиталъ, подобно всякому другому капиталу, потребился. Онъ потребился содержаніемъ работниковъ, дѣлавшихъ улучшенія, и порчею инструментовъ, помогавшихъ работѣ; но онъ былъ потребленъ производительно и оставилъ прочный результатъ въ увеличенной производительности земли, части природы, обращенной въ собственность. Увеличенный продуктъ этой земли можно назвать общимъ результатомъ земли и капитала, положеннаго въ землю. Но этотъ капиталъ, будучи въ сущности потребленъ, не можетъ быть вынутъ изъ земли, потому его производительность неразрывно связана съ производительностью первобытныхъ качествъ почвы и вознагражденіе за пользованіе имъ уже зависитъ не отъ законовъ, управляющихъ выручкою за трудъ и

капиталъ, а отъ тѣхъ законовъ, которые управляютъ доходомъ отъ предметовъ и силъ природы. Качества этихъ законовъ мы разсмотримъ ниже (книга II, глава 16. Рента).

2. Результаты дѣйствій оборотнаго и основнаго капитала очень различны по отношенію къ валовому доходу страны. Оборотный капиталъ, употребляясь въ дѣло, однимъ разомъ или вовсе теряетъ характеръ капитала или по крайней мѣрѣ пропадаетъ для прежняго владѣльца; продуктъ, даваемый этимъ однимъ разомъ его употребленія служитъ владѣльцу единственнымъ источникомъ возстановить капиталъ или получить вознагражденіе за его затрату на производство; разумѣется, продуктъ долженъ быть достаточенъ для этого, иначе говоря, результатомъ одной операціи должно быть воспроизведеніе, равное всей суммѣ употребленнаго въ ней оборотнаго капитала съ прибавкою прибыли. Въ этомъ нѣтъ необходимости для основнаго капитала. Машина, напримѣръ, не совершенно потребляется одною операціею, и нѣтъ необходимости, чтобы полная выручка за машину давалась продуктомъ одной операціи. Машина удовлетворяетъ намѣренію своего владѣльца, если въ каждую операцію она даетъ столько, чтобы покрыть издержку поправки ея за это время, покрыть порчу въ цѣнности ея за тотъ же періодъ и за этими вычетами дать еще излишекъ, могущій составлять прибыль обыкновеннаго размѣра на всю цѣнность машины.

Изъ этого слѣдуетъ, что всякое увеличеніе основнаго капитала должно быть, если не навсегда, то на время вредно для работниковъ, когда происходитъ на счетъ оборотнаго капитала. Это относится не къ однимъ машинамъ, но и ко всѣмъ улучшеніямъ, на которыя капиталъ употребляется безвозвратно, такъ что уже навсегда становится неспособенъ содержать и вознаграждать трудъ. Предположимъ, что владѣлецъ земли, самъ будучи фермеромъ своего помѣстья, воздѣлываетъ его капиталомъ въ 2,000 квартеровъ хлѣба, употребляемымъ на годичное содержаніе работниковъ (для простоты, мы опускаемъ орудія и сѣмена на посѣвъ); положимъ, что трудъ ихъ производитъ ему ежегодно 2.400 квартеровъ,—это составляетъ прибыль въ 20%. Предположимъ, что онъ ежегодно потребляетъ эту прибыль, ведя свои операціи изъ года въ годъ на первоначальный капиталъ въ 2,000 квартеровъ. Положимъ теперь, что, расходуя половину этого капитала, онъ производитъ въ своей землѣ прочное улучшеніе, которое исполняется половиною его работниковъ и занимаетъ ихъ въ теченіе года, а по истеченіи

года ему на обработку земли нужна будетъ только половина прежняго числа работниковъ. Остатокъ своего капитала онъ употребляетъ по прежнему. Въ первый годъ нѣтъ никакой разницы въ положеніи работниковъ, кромѣ того, что часть ихъ прежнее свое вознагражденіе получила за передѣлку въ землѣ, а не за распашку, посѣвъ и жнитво, какъ прежде. Но по окончаніи года владѣлецъ, сдѣлавшій улучшеніе, не имѣетъ капитала въ 2,000 квартеровъ, какъ прежде: только 1,000 квартеровъ его капитала воспроизведены по прежнему, — у него теперь только эти 1,000 квартеровъ и улучшеніе, сдѣланное въ землѣ. На слѣдующій годъ и потомъ во всѣ будущіе годы онъ будетъ употреблять только половину прежняго числа работниковъ и будетъ раздавать имъ только половину прежняго количества хлѣба. Потеря скоро будетъ заглажена для нихъ, если улучшенная земля съ уменьшеннымъ количествомъ труда производитъ прежніе 2,400 квартеровъ хлѣба, потому что такое громадное увеличеніе прибыли, вѣроятно, расположитъ владѣльца сберегать часть ея, прибавлять сбереженное къ капиталу и черезъ это увеличивать занятіе, даваемое имъ труду. Но очень можетъ быть, что этого и не будетъ. Мы предполагаемъ, что улучшеніе вѣковѣчно и расходы на его поддержку такъ малы, что не стоитъ брать ихъ въ разсчетъ; въ такомъ случаѣ владѣлецъ много уже выиграетъ отъ улучшенія, если земля стала давать не 2,400 квартеровъ, а 1,500 квартеровъ, потому что за вычетомъ 1,000 квартеровъ на возобновленіе составляющихъ нынѣ его оборотный капиталъ, у него будетъ прибыль въ 25% на весь основной и оборотной капиталъ, вмѣсто прежней прибыли въ 20%. Итакъ, улучшеніе можетъ быть очень выгоднымъ для него, будучи очень вреднымъ для работниковъ.

Предположеніе съ этими условіями—гипотеза чисто идеальная или приложимая развѣ только къ такому случаю, какъ обращеніе пахатной земли въ пастбище,—дѣло, бывшее прежде въ большомъ употребленіи, но почитаемое нынѣшними агрономами за шагъ назадъ, а не впередъ, Результатъ нынѣшнихъ земледѣльческихъ улучшеній, по крайней мѣрѣ тѣхъ улучшеній, которыя обращены на самую почву *), состоитъ въ томъ, что они вовсе не уменьшаютъ, а напротивъ увеличиваютъ валовой продукъ. Но для сущности во-

*) Разница этихъ улучшеній отъ тѣхъ, которыя производятся не въ самой почвѣ, а въ способахъ воздѣлыванія, изложена ниже, кн. I, глава 12, § 3. Прим. авт.

проса, нами излагаемаго, это все равно. Предположимъ, что улучшеніе не дѣйствуетъ тѣмъ способомъ, какъ мы прежде предполагали, что оно не даетъ возможность уменьшить количество труда, какое прежде прилагалось къ землѣ, а только даетъ средство тому же труду производить больше продуктовъ. Предположимъ также, что есть потребность и найдутся покупатели на все это бо̀льшее количество продуктовъ, которое можно получать изъ земли прежнимъ количествомъ труда. Въ такомъ случаѣ, владѣльцу, сдѣлавшему улучшеніе, будетъ нужно прежнее количество работниковъ, получающихъ прежнюю плату. Но гдѣ же у него будутъ средства платить имъ? У него уже нѣтъ прежняго капитала въ 2,000 квартеровъ на эту надобность. 1,000 квартеровъ исчезли, потреблены на производство улучшенія. Если ему нужно имѣть прежнее количество работниковъ, давать имъ прежнюю плату, онъ долженъ занять или получить изъ какого нибудь другаго источника 1,000 квартеровъ на пополненіе недочета. Но эти 1,000 квартеровъ уже содержали или предназначались содержать такое же количество труда. Они не вновь созданы, ихъ назначеніе только перешло отъ одного производительнаго употребленія къ другому; владѣлецъ помѣстья пополнилъ недочетъ въ своемъ оборотномъ капиталѣ, но убыль, нанесенная оборотному капиталу націи, осталась непополненною.

Аргументъ, на который опираются почти всѣ писатели, утверждающіе, что машины никогда не могутъ вредить рабочему классу, состоитъ въ томъ, что машины, удешевляя производство, создаютъ сильное увеличеніе въ запросѣ на товаръ, въ скоромъ времени дающее возможность находить занятіе въ его производствѣ большему числу людей, чѣмъ прежде. По моему, этотъ аргументъ не имѣетъ силы, обыкновенно приписываемой ему. Правда, фактъ, имъ указываемый, часто бываетъ справедливъ (хотя аргументъ приписываетъ ему слишкомъ безъисключительный характеръ). Правда, вмѣсто переписчиковъ, лишенныхъ занятія изобрѣтеніемъ книгопечатанія, скоро явился болѣе многочисленный классъ наборщиковъ и печатальщиковъ; число людей, занятыхъ хлопчатобумажнымъ производствомъ, теперь во много разъ больше, нежели было до изобрѣтеній Гаргривса и Аркрайта; это показываетъ, что сверхъ громаднаго основнаго капитала, положеннаго на хлопчатобумажныя фабрики, хлопчатобумажное производство употребляетъ оборотный капиталъ, гораздо значительнѣйшій прежняго. Но если этотъ капиталъ былъ вынутъ изъ другихъ занятій, если суммы,

занявшія мѣсто капитала, положеннаго на дорогой механизмъ, были доставлены не увеличеніемъ сбереженій, произошедшимъ изъ усовершенствованій, а заимствованіемъ изъ общаго капитала страны, то какая же польза рабочимъ классамъ отъ этого простаго перенесенія капитала? Чѣмъ вознаградилась потеря, понесенная ими отъ превращенія оборотнаго капитала въ основной, когда просто передвинулась въ новое занятіе отъ прежнихъ занятій часть остальнаго оборотнаго капитала? [27]).

---

[27]) Эти задачи не просто предлагаются въ формѣ вопросовъ, онѣ до сихъ поръ и остаются вопросами, онѣ еще не рѣшены; а между тѣмъ отъ нихъ-то и зависитъ сила аргумента, противопоставляемаго мнѣнію о вредномъ вліяніи машинъ на рабочую плату при нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ. Положеніе дѣла таково. Прогрессивная школа говоритъ: «Изъ принциповъ, доказанныхъ теоріею Смита, слѣдуетъ, что само по себѣ замѣненіе ручнаго производства машиннымъ убыточно дѣйствуетъ на рабочую плату. Чтобы уравновѣсить хотя со временемъ эту потерю для работниковъ, надобно произведеніе новаго оборотнаго капитала. Докажите, что онъ дѣйствительно произведенъ, напримѣръ въ хлопчато-бумажной фабрикаціи; только тогда годятся ваши аргументы, заимствуемые отъ удешевленія коленкора и увеличенія числа работниковъ въ Манчестерѣ. Пока вы не представите этого доказательства, надобно думать, что хотя работниковъ стало больше, но положеніе ихъ стало хуже, — это прямое слѣдствіе общаго закона, открытаго теоріею Смита». Нѣтъ, говоритъ школа Смита, этотъ случай (и всякій другой случай замѣненія ручнаго производства машиннымъ) служитъ исключеніемъ изъ общаго принципа (который такимъ образомъ выставляется просто бездѣйствующимъ закономъ, что случается въ юриспруденціи, но не въ природѣ, въ законахъ, исполненіе которыхъ зависитъ отъ человѣческой внимательности и охоты, а не отъ силъ природы, не отъ качествъ самыхъ, вещей). — «Докажите это, говоритъ прогрессивная школа: — кто утверждаетъ, что общій законъ не оказываетъ вліянія на данный случай, долженъ показать, почему жь этотъ случай составилъ исключеніе изъ общаго правила». — Доказательстъ школа Смита не представляетъ, а продолжаетъ твердить прежнее: «Нѣтъ, повѣрьте, это исключеніе (да какъ же вѣрить безъ всякихъ основаній?); притомъ число работниковъ увеличивалось (да это не идетъ къ дѣлу, дѣло не въ томъ, увеличилось или уменьшилось число работниковъ, а въ томъ, лучше или хуже стало ихъ положеніе); да успокойтесь; да не ропщите; да чего вы хотите?» — Чего хотятъ прогрессивные люди, это пока не относится къ дѣлу; дѣло пока въ томъ, какъ дѣйствуютъ машины на рабочую плату при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ. По принципу теоріи Смита, онѣ дѣйствуютъ вредно. Школѣ Смита угодно утверждать: нѣтъ, не вредно, а полезно; ее просятъ заняться изслѣдованіемъ фактовъ; она этого не дѣлаетъ. Факты по вопросу о дѣйствіи машинъ Аркрайта и Гаргривса на рабочій классъ нужно изслѣдовать по крайней мѣрѣ хотя слѣдующіе:

1) Сто лѣтъ назадъ, масса народа въ Англіи носила льняное и шерстя-

По моему понятію, всѣ попытки доказать, что рабочіе классы въ общемъ своемъ составѣ *не могутъ* временно страдать отъ введенія машинъ или отъ положенія капитала на постоянное усовершенствованіе, непремѣнно обманчивы. То, что работники страдаютъ въ той отрасли промышленности, въ которой происходитъ эта перемѣна, очевидно для простаго здраваго смысла, и съ этимъ политико-экономы вообще согласны. Но часто они говорятъ, что если отнимается занятіе у труда въ одной отрасли, точно такое же количество занятія открывается ему въ другихъ отрасляхъ, пото-

---

ное бѣлье и платье вмѣсто нынѣшняго хлопчато-бумажнаго; надобно узнать, теплѣе ли стала одежда массы отъ этой перемѣны, меньше ли стало прорѣхъ и заплатъ въ этой одеждѣ?—Это не изслѣдовано.

2) Уничтожилась домашняя выдѣлка льняныхъ и шерстяныхъ тканей въ Англіи,—выгодно ли это было для семействъ, которыя отказались отъ такой выдѣлки, или по невозможности продолжать ее, или по ослабленію въ нихъ привычки употреблять на полезное дѣло каждую досужную минуту, по развитію привычки проводить въ праздности часы, остающіеся отъ фабричной работы?—Не изслѣдовано.

3) Воздѣлываніемъ льна и шерсти занимались свободные люди въ Англіи и на континентѣ Европы; теперь вмѣсто ихъ продуктовъ, вмѣсто льна и шерсти, требуется матеріалъ, производимый рабскимъ трудомъ въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки: выгодна ли для Англіи, европейскаго континента и самой Америки замѣна свободнаго труда рабскимъ? Безъ Манчестера, рабство въ Сѣверной Америкѣ давно уничтожилось бы. Выгодно ли, что оно напротивъ, очень сильно развилось? — Аболиціонисты говорятъ, что это убыточно для Сѣверной Америки и всего человѣческаго рода, и представляютъ доказательства. Экономисты говорятъ: это можетъ быть не гуманно, но это выгодно; если бы не было выгодно, не развилось бы. Имъ возражаютъ: по вашей собственной теоріи, выгода малочисленнаго сословія можетъ быть убыткомъ для націи; если невольничій трудъ развивается, это показываетъ только, что онъ выгоденъ для плантаторовъ, но не показываетъ, чтобы онъ былъ выгоденъ для націи; по вашей собственной теоріи, невольничій трудъ убыточенъ для націи.— Нѣтъ, говорятъ они, тутъ онъ выгоденъ.—Докажите, изслѣдуйте вопросъ, говорятъ имъ. — Они оставляютъ вопросъ безъ изслѣдованія, и продолжаютъ говорить прежнее.

Итакъ, вотъ общій очеркъ дѣла: по общему закону доказано, что должно происходить отъ даннаго факта извѣстное явленіе. Нѣтъ, оно не происходитъ, говорятъ экономисты. Докажите, что не происходитъ, говорятъ имъ. Нѣтъ, доказывать мы не умѣемъ, а просто говоримъ, что вы вредные люди, отвѣчаютъ они. Вѣрны ли такіе господа духу теоріи Адама Смита, который хочетъ, чтобы все было изслѣдовано, взвѣшено, измѣрено? Это произволъ, это фантазія оптимизма, это застой рутины, это все, что вы хотите, можетъ быть и очень хорошее (вѣдь, можетъ быть, произволъ, оптимизмъ, рутина— вещи очень хорошія, по крайней мѣрѣ такъ утверждаютъ многіе), но это не наука, это не изслѣдованіе истины.

*

му что сумма, сберегаемая потребителями по удешевленію одного товара, даетъ имъ средство увеличить свое потребленіе въ другихъ товарахъ, и такимъ образомъ увеличиваетъ запросъ на другіе роды труда. Это аргументъ очень благовидный, но, какъ мы показали въ предъидущей главѣ, онъ заключаетъ въ себѣ обманъ: запросъ на товары совершенно не то, что запросъ на трудъ. Правда, у потребителей увеличились теперь средства покупать другія вещи; но это еще не создаетъ другихъ вещей, если нѣтъ капитала на ихъ производство, а усовершенствованіе не освободило никакого капитала, можетъ быть даже поглотило его изъ другихъ занятій; поэтому, вовсе не произойдетъ предполагаемаго увеличенія производства и занятія труду въ другихъ отрасляхъ, и увеличеніе запроса на товары со стороны нѣкоторыхъ потребителей уравновѣсится прекращеніемъ запроса со стороны другихъ, именно со стороны работниковъ, лишившихся занятія отъ усовершенствованія: они теперь или вовсе остаются безъ продовольствія, или получаютъ его путемъ соперничества или путемъ благотворительности, черезъ отдѣленіе части изъ того, что прежде потреблялось другими.

3. Однакожь, я не думаю, чтобы въ дѣйствительности усовершенствованія часто бывали (если только когда нибудь бываютъ) даже временнымъ образомъ вредны рабочему классу во всей его массѣ. Они были бы вредны, если бы внезапно происходили въ большомъ размѣрѣ,—тогда значительная часть капитала, полагаемаго въ нихъ, по необходимости бралась бы изъ суммъ, уже служившихъ оборотнымъ капиталомъ. Но усовершенствованія всегда вводятся очень постепенно, и рѣдко дѣлаются или никогда не дѣлаются на капиталъ, извлекаемый изъ существующаго производства, а совершаются обращеніемъ на нихъ возрастанія капитала. Едва ли можно найдти хотя одинъ примѣръ значительнаго увеличенія основнаго капитала въ такомъ мѣстѣ и въ такое время, когда не возрасталъ бы быстро и оборотный капиталъ. Не въ бѣдныхъ и не въ отсталыхъ странахъ дѣлаются большія и дорогія усовершенствованія въ производствѣ. Класть капиталъ въ землю для постоянной выручки, вводить дорогія машины,—это дѣла, заключающія въ себѣ пожертвованіе настоящими выгодами для отдаленныхъ, и показывающія, во-первыхъ, довольно полную безопасность собственности, во-вторыхъ, значительную дѣятельность въ промышленной предпріимчивости, въ-третьихъ, высокую степень такъ называемаго «дѣятельнаго стремленія къ накопленію»; всѣ

эти три обстоятельства — элементы быстраго общественнаго прогресса въ увеличеніи капитала. Потому мы говоримъ: рабочіе классы должны страдать, если увеличеніе основнаго капитала такъ сильно и быстро, что замедляетъ то обыкновенное возрастаніе оборотнаго капитала, къ которому приспособилось обычное возрастаніе населенія,—и тѣмъ болѣе должны страдать, если возрастаніе основнаго капитала происходитъ на счетъ оборотнаго; но въ дѣйствительности, очень трудно ждать этого, потому что вѣроятно нѣтъ страны, въ которой основный капиталъ возрасталъ бы въ пропорціи болѣе быстрой, чѣмъ оборотный. Если бы всѣ желѣзныя дороги, получившія утвержденіе парламента во время спекулятивной горячки 1845 года, были построены въ сроки, назначенные для ихъ окончанія, эта неправдоподобная случайность, вѣроятно, произошла бы; но тогдашній оборотъ дѣла именно и служитъ поразительнымъ примѣромъ трудностей, представляющихся обращенію на новый путь значительной части капитала, уже пошедшей по извѣстному пути, — трудностей, вообще имѣющихъ такую силу, что предпріятія, требующія затраты основнаго капитала, не могутъ развиваться съ такою быстротою, чтобы изсушать источники существующаго употребленія капитала на содержаніе труда.

Къ этимъ соображеніямъ надобно прибавить, что если бы усовершенствованія даже и уменьшали на время массу продуктовъ общества и его оборотный капиталъ, то они все-таки ведутъ къ увеличенію массы продуктовъ и оборотнаго капитала. Они увеличиваютъ выручку на капиталъ; выгода отъ этого увеличенія должна по необходимости идти или капиталисту, черезъ увеличеніе прибыли, или потребителю черезъ пониженіе цѣны; въ томъ или въ другомъ случаѣ, она увеличиваетъ фондъ, изъ котораго дѣлается сбереженіе, а увеличеніе прибыли кромѣ того служитъ усиленіемъ побужденія къ накопленію. Въ представленномъ нами примѣрѣ, когда непосредственнымъ результатомъ усовершенствованія было уменьшеніе валоваго продукта съ 2,400 квартеровъ на 1,500 квартеровъ, прибыль капиталиста все-таки увеличилась отъ 400 квартеровъ до 500 квартеровъ; прибавка 100 квартеровъ прибыли въ нѣсколько лѣтъ возстановитъ 1,000 квартеровъ уменьшенія въ оборотномъ капиталѣ владѣльца, если онъ будетъ постоянно сберегать ее. А расширеніе оборотовъ, бывающее почти непремѣннымъ слѣдствіемъ усовершенствованій въ каждой отрасли производства, даетъ человѣку, занимающемуся ею, сильное побужденіе увеличивать капиталъ; потому при медленности, съ которою

обыкновенно вводятся усовершенствованія, значительная часть капитала, окончательно поглощаемаго улучшеніемъ, берется изъ увеличенія прибыли и увеличенія сбереженій, производимаго самымъ этимъ усовершенствованіемъ.

Стремленіе усовершенствованій производства вызывать увеличеніе накопленія и черезъ это въ результатѣ увеличивать валовой продуктъ, хотя бы онъ временно и уменьшался,—это стремленіе представится намъ въ еще сильнѣйшемъ характерѣ, когда мы увидимъ, что есть опредѣленныя границы и накопленію капитала и увеличенію производства, получаемаго отъ земли, что по достиженіи этихъ границъ всякое дальнѣйшее увеличеніе массы продуктовъ должно останавливаться, и что усовершенствованія въ производствѣ, каковы бы ни были другія ихъ послѣдствія, всегда стремятся отодвинуть ту или другую изъ этихъ границъ; эти истины представятся намъ совершенно ясными въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ нашего изслѣдованія. Мы увидимъ, что количество капитала, тоторое будетъ накопляться въ извѣстной странѣ и больше котораго не можетъ въ ней накопляться, а также и количество валоваго продукта, которое будетъ въ ней производиться и больше котораго не можетъ въ ней производиться, зависитъ отъ состоянія производительныхъ искусствъ этой страны въ данное время; мы увидимъ, что всякое усовершенствованіе, хотя бы на время даже уменьшало оборотный капиталъ и валовой продуктъ, въ результатѣ открываетъ путь увеличенію оборотнаго капитала и валоваго продукта до размѣровъ безъ того невозможныхъ. Этимъ окончательно пресѣкаются возраженія противъ машинъ; и мы впослѣдствіи (книга IV, глава 5) увидимъ, что эти истины даютъ безспорное доказательство тому, что даже при нынѣшнемъ состояніи общества механическія изобрѣтенія въ результатѣ приносятъ пользу работникамъ. Но этимъ не снимается съ правительствъ обязанность облегчать и, если возможно, предупреждать бѣдствія, которымъ подвергается или можетъ подвергаться существующее поколѣніе отъ этого дѣла, полезнаго въ окончательномъ результатѣ. Если положеніе капитала на машины или полезныя сооруженія шло бы когда нибудь въ такой пропорціи, что чувствительно уменьшало бы массу продуктовъ, на которые содержится трудъ, то законодательная власть была бы обязана принять мѣры для нѣкотораго уменьшенія этой быстроты; а такъ какъ усовершенствованія, не уменьшающія массы занятій для труда въ цѣломъ его составѣ, почти всегда лишаютъ затятій какой

нибудь отдѣльный классъ работниковъ, то для стараній законодательной власти самымъ законнымъ предметомъ служитъ забота объ интерессахъ людей, приносимыхъ такимъ образомъ въ жертву для выгодъ своихъ согражданъ и потомства [28]).

Возвращаясь къ теоретическому подраздѣленію капитала на основной и оборотный, мы должны замѣтить, что при понятіи о капиталѣ, какъ о всей суммѣ богатства, назначеннаго на воспроизведеніе, встрѣчаются такіе элементы капитала, которые не совсѣмъ подходятъ ни подъ опредѣленіе основнаго капитала, ни подъ опредѣленіе оборотнаго капитала; это надобно сказать, напримѣръ, о запасѣ изготовленныхъ товаровъ, которые мануфактуристъ или торговецъ имѣетъ въ данное время непроданными въ своихъ кладовыхъ. Но эти запасы, будучи капиталомъ по своему назначенію, еще не сдѣлались капиталомъ по фактической своей дѣятельности: запасъ непроданныхъ товаровъ еще не пошелъ на производство; для этого ему надобно сначала быть проданнымъ или обмѣненнымъ, т. е. обращеннымъ въ другіе товары равномѣрной цѣнности; потому этотъ запасъ не сталъ еще ни основнымъ, ни оборотнымъ капиталомъ, но онъ станетъ основнымъ или оборотнымъ, или распредѣлится между этими двумя назначеніями. Частью выручки за свои изготовленные товары фабрикантъ будетъ платить своимъ работникамъ, другою частью возобновитъ запасъ матеріаловъ для своей фабрикаціи, третьею частью изготовитъ для фабрикаціи новыя или поправитъ старыя зданія и машины; но сколько изъ выручки пойдетъ на какое изъ этихъ назначеній, зависитъ отъ характера фабрикаціи и отъ ея потребностей въ данную минуту.

Надобно также замѣтить, что часть капитала, потребляемая въ формѣ посѣва или матеріала, относится къ части его, идущей на содержаніе труда, точно такъ же, какъ основной капиталъ, хотя

---

[28]) Читатель видитъ, какъ далека неискаженная теорія Смита даже въ нынѣшнемъ своемъ положеніи отъ поклоненія тому воззрѣнію, которое извѣстно подъ именемъ системы laisser faire, laisser passer, отъ безусловнаго принятія принципа о невмѣшательствѣ законодательной власти въ экономическія дѣла. Полное развитіе неискаженныхъ понятій объ этомъ вопросѣ по Смитовской теоріи составляетъ послѣднюю (V книгу) трактата Милля. До той поры онъ касается отношеній правительства къ экономической дѣятельности почти всегда только мимоходомъ (впрочемъ и въ четырехъ первыхъ книгахъ довольно большія изслѣдованія этой задачи представляются у него по нѣкоторымъ частнымъ предметамъ, напримѣръ, по рентѣ, по принадлежности земли самимъ землепашцамъ и по наслѣдству).

она и отличается отъ основнаго капитала тѣмъ, что должна быть возстановляема изъ валоваго продукта одного оборота производства. Сумма, расходуемая на матеріалъ, отнимается отъ содержанія и вознагражденія работниковъ, подобно суммѣ, полагаемой въ машину; и если бы капиталъ, расходуемый на рабочую плату, былъ обращенъ на матеріалъ, результаты этой перемѣны были бы такъ же вредны работникамъ, какъ если бы онъ обращался въ основной капиталъ. Но этого случая никогда не бываетъ въ дѣйствительности. Стремленіе усовершенствованій производства всегда состоитъ въ уменьшеніи, а не въ увеличеніи расхода посѣва или матеріала на данное количество продукта и работники никогда не могутъ бояться ущерба своимъ интересамъ отъ этой стороны дѣла.

ГЛАВА VII.

УСЛОВІЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ЭЛЕМЕНТОВЪ ПРОИЗВОДСТВА.

1. Мы кончили общій обзоръ элементовъ производства. Мы нашли, что они подводятся подъ три разряда: трудъ, капиталъ, матеріалы и двигательныя силы, доставляемыя природою. Изъ нихъ, трудъ и природный необработанный матеріалъ — первоначальные элементы, безъ которыхъ нельзя обойтись. Двигательныя силы природы могутъ быть призваны на помощь труду; но онѣ только помогаютъ производству, оно можетъ обходиться и безъ нихъ. Наконецъ послѣдній элементъ, капиталъ, самъ продуктъ труда: итакъ, его дѣятельность въ производствѣ есть въ сущности тоже дѣятельность труда, только принявшаго иную форму. Но тѣмъ не менѣе, капиталъ долженъ считаться особеннымъ элементомъ производства. Предварительное приложеніе труда на производство капитала, нужнаго для потребленія во время работы, столь же необходимо, какъ и приложеніе труда на самую работу. Въ капиталѣ опять различаются двѣ части: одна, по размѣру гораздо бо̀льшая другой, способствуетъ производству только тѣмъ, что поддерживаетъ существованіе производящаго труда; другая часть (орудія и матеріалы) прямо содѣйствуетъ производству, тѣмъ самымъ способомъ, какъ содѣйствуютъ ему силы природы и доставляемые природою матеріалы,

Теперь мы дошли до другаго великаго вопроса политической экономіи: отъ чего зависитъ степень производительности этихъ

элементовъ? Вопросъ возбуждается очевидностью большаго различія ихъ производительности въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена. При одинаковомъ размѣрѣ населенія и территоріи, однѣ страны получаютъ гораздо бо̀льшую массу продуктовъ, чѣмъ другія; одна и та же страна въ одно время получаетъ бо̀льшую массу продуктовъ, чѣмъ въ другое. Сравните Англію съ равною ей по пространству или по населенію частью Россіи: сравните нынѣшнюю Англію съ средневѣковою Англіею; сравните нынѣшнюю Сицилію, сѣверную Африку или Сирію съ тѣмъ, что были эти же самыя страны во времена своего процвѣтанія, до завоеванія римлянами. Изъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ эта разница въ производительности, однѣ сами собою явны для всякаго, другія не такъ прямо бросаются въ глаза. Мы перечислимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

2. Самую явную изъ причинъ болѣе высокой производительности составляютъ такъ называемыя естественныя преимущества. Они бываютъ различны. Плодородность почвы одно изъ главныхъ между ними. Въ этомъ отношеніи разныя земли очень различны, начиная съ арабскихъ пустынь до равнинъ Ганга, Нигера и Миссисипи, образовавшихся изъ остатковъ рѣчнаго ила. Есть страны, способныя быть обитаемыми, но по своей холодности недоступныя земледѣлію. Ихъ жители не могутъ подняться выше кочеваго состоянія; пропитываются они, какъ напримѣръ лапландцы, стадами оленей, если не охотою и рыболовствомъ, какъ жалкіе эскимосы. Есть земли, какъ напримѣръ сѣверная часть Шотландіи, въ которыхъ созрѣваетъ овесъ, но не созрѣваетъ пшеница; въ другихъ, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Ирландіи, пшеница можетъ рости, но даетъ слишкомъ невѣрную жатву, оттого что бываетъ слишкомъ много дождя и мало яснаго времени. Съ каждымъ шагомъ на югъ, или въ умѣренной полосѣ (западной) Европы на востокъ, становится сначала возможна, а дальше и выгодна какая нибудь новая отрасль земледѣлія: постепенно мы встрѣчаемъ виноградъ, маисъ, фиговое дерево, оливковое дерево, шелковичное дерево, рисъ, финиковое дерево, наконецъ достигаемъ сахарнаго тростника, кофе, хлопчато-бумажнаго кустарника, гвоздичнаго дерева въ климатахъ, которые въ годъ даютъ даже при малой обработкѣ двѣ или и три жатвы менѣе высокихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Не для одного земледѣлія важны климатическія различія: ихъ вліяніе чувствуется на многихъ другихъ отрасляхъ производства въ степени прочности всѣхъ продуктовъ, стоящихъ на воздухѣ, напримѣръ зданій. Если бы храмы Карнака и Луксора не были повреждены

людьми, они остались бы въ первоначальной цѣлости, можно сказать, навсегда, потому что надписи, находящіяся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, хотя и сдѣланы еще до начала достовѣрныхъ историческихъ временъ, сохранились свѣжѣе, чѣмъ въ нашихъ климатахъ надписи, сдѣланныя за пятьдесятъ лѣтъ; а въ Петербургѣ самыя массивныя зданія, построенныя изъ гранита всего за одно поколѣніе, уже почти требуютъ перестройки, по разсказамъ путешественниковъ, отъ дѣйствія переходовъ изъ лѣтняго зноя къ сильному морозу. Превосходство тканей южной Европы надъ англійскими по богатству и чистотѣ нѣкоторыхъ цвѣтовъ приписывается тому, что атмосфера въ южной Европѣ лучше, и ни технологія, ни искусство красильщиковъ не могло до сихъ поръ въ нашемъ туманномъ климатѣ замѣнить этого преимущества.

Другая сторона климатическаго вліянія состоитъ въ томъ, что лучшій климатъ уменьшаетъ матеріальныя надобности производителей. Въ жаркихъ странахъ люди могутъ удобно существовать въ домахъ, построенныхъ не такъ прочно, и съ одеждою менѣе теплою; топливо тамъ нужно почти только для промышленнаго употребленія, а для жизни тамъ ненужна эта необходимость холодныхъ климатовъ. Пищи также нужно тамъ меньше; этотъ фактъ давно былъ доказанъ опытомъ, когда еще теорія и не объясняла его тѣмъ наблюденіемъ, что большая часть потребляемой нами пищи нужна не собственно для питанія органовъ, а для поддержанія животной теплоты и для доставленія жизненнымъ функціямъ того возбужденія, которое въ жаркихъ климатахъ уже почти въ достаточной степени дается воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ. Такимъ образомъ большое количество труда, расходуемое въ холодныхъ климатахъ на добываніе первыхъ необходимостей жизни, не нужно въ жаркихъ климатахъ и остается въ нихъ большее количество труда на высшія потребности и на удовольствія, если характеръ жителей не ведетъ ихъ къ потерѣ этихъ выгодъ излишнимъ размноженіемъ населенія или любовью къ бездѣйствію.

Кромѣ почвы и климата, изъ числа естественныхъ преимуществъ надобно упомянуть объ изобиліи матеріальныхъ продуктовъ, лежащихъ въ удобныхъ положеніяхъ, такъ что можно добывать ихъ довольно легко. Таковы великобританскіе каменноугольные пласты, служащіе для жителей столь важнымъ вознагражденіемъ за невыгоды климата; почти столь же изобиленъ и важенъ для Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ огромный запасъ желѣзной руды, удобной для выплавки, лежащей не очень глубоко подъ по-

поверхностью земли и въ близкомъ сосѣдствѣ съ каменноугольными пластами, нужными для выплавки ея. Въ горныхъ и холмистыхъ округахъ изобиліе водяной двигательной силы, даваемой природою, служитъ значительнымъ вознагражденіемъ за то, что почва въ этихъ странахъ обыкновенно бываетъ не очень плодородна. Но едва ли не важнѣе всѣхъ этихъ выгодъ приморское мѣстоположеніе, особенно когда по берегамъ есть хорошія естественныя гавани; послѣ приморскаго мѣстоположенія важнѣйшую выгоду составляютъ большія судоходныя рѣки. Правда, что польза отъ моря и отъ большихъ рѣкъ состоитъ исключительно въ томъ, что онѣ сберегаютъ расходы по перевозкѣ. Но только люди, размышлявшіе объ этомъ предметѣ, вполнѣ понимаютъ, какая огромная экономическая выгода приносится такимъ сбереженіемъ, и оцѣнить ее надлежащимъ образомъ можно только, сообразивъ вліяніе обмѣна и такъ называемаго раздѣленія труда на производство. Эта выгода такъ важна, что часто съ избыткомъ вознаграждаетъ за безплодіе почвы и почти за всѣ другія естественныя невыгоды; въ особенности относится это къ тому раннему періоду промышленности, когда трудъ и наука еще не создали искусственныхъ средствъ сообщенія, могущихъ соперничать съ естественными. Въ древнемъ мірѣ и въ Средніе вѣка самыми цвѣтущими обществами были не тѣ, которы имѣли наибольшую территорію или плодороднѣйшую почву, а тѣ, которыя, какъ Аѳины, Тиръ, Марсель, Венеція, вольные города Балтійскаго моря, были принуждены безплодіемъ почвы обращаться къ извлеченію всей возможной пользы изъ своего удобнаго приморскаго положенія.

3. Преимущество, доставляемое при равенствѣ другихъ условій всѣми этими естественными выгодами, такъ очевидно, что каждый цѣнитъ его надлежащимъ образомъ. Но опытъ свидѣтельствуетъ, что качества и способности самаго общества еще важнѣе для него, чѣмъ естественныя выгоды, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ онѣ важнѣе богатства и знатности. Богатѣйшими и могущественнѣйшими націями всегда были не тѣ, которыя обладали наилучшимъ климатомъ и почвою;—напротивъ, масса народа въ націяхъ, имѣвшихъ величайшія выгоды почвы и климата, вообще бывала и остается очень бѣдна, хотя при всей своей бѣдности она вѣроятно больше наслаждается, чѣмъ масса у другихъ націй. Въ этихъ странахъ для поддержанія жизни надобно такъ мало, что бѣдняки рѣдко страдаютъ отъ нужды, и въ этихъ климатахъ, гдѣ самое существованіе служитъ уже наслажденіемъ, любимая ихъ роскошь—бездѣй-

ствіе. Энергіи вызываемой страстями у нихъ много, но нѣтъ той энергіи, которая выражается упорнымъ и настойчивымъ трудомъ; рѣдко заботясь объ отдаленныхъ цѣляхъ, они не могутъ установить у себя хорошихъ политическихъ учрежденій и промышленныя побужденія ослабляются въ нихъ недостаточнымъ обезпеченіемъ плодовъ промышленности. Успѣшность въ производствѣ, подобно успѣху почти во всѣхъ другихъ дѣлахъ, зависитъ отъ самихъ дѣйствующихъ больше, чѣмъ отъ обстоятельствъ, въ которыхъ они дѣйствуютъ; а физическая и умственная энергія развивается затрудненіями, а не отсутствіемъ препятствій. Почти всѣ племена, завоевавшія другія племена и заставившія ихъ работать въ свою пользу, воспитались суровою жизнью; они были вскормлены въ сѣверныхъ лѣсахъ или, если природная ихъ жизнь не была сурова, они придавали ей искусственную суровость строгою военною дисциплиною, какъ было у грековъ и римлянъ. Когда положеніе нынѣшняго общества дозволило оставить эту дисциплину, югъ пересталъ производить племена завоевателей; военная энергія, подобно мыслительной и промышленной энергіи, стала имѣть главнымъ своимъ жилищемъ сѣверъ, гдѣ природа менѣе благопріятна [35]).

---

[35]) Въ примѣчаніи шестомъ (стр. 25—28) мы должны были сдѣлать оговорку противъ ни на чемъ не основанной гипотезы о сильномъ вліяніи племенныхъ органическихъ особенностей на экономическую судьбу разныхъ народовъ. Здѣсь надобно сдѣлать такую же оговорку о предполагаемомъ преимуществѣ сѣверной полосы умѣреннаго климата надъ южною полосою его и въ особенности надъ тропическимъ климатомъ. Это мнѣніе чрезвычайно распространено; каждый повторяетъ избитую фразу, что благосклонность южной природы располагаетъ человѣка къ бездѣйствію, что южный зной убиваетъ въ немъ энергію. Очень интересно для повѣрки такихъ фразъ сравнить мнѣнія нынѣшнихъ передовыхъ странъ съ мыслями писателей классической древности. Для англичанина, нѣмца, француза Италія уже югъ, ея климатъ уже убійственъ для энергіи. Греческіе и римскіе писатели находили напротивъ, что именно только Греція и Италія имѣютъ умѣренный климатъ, развивающій энергію, а дальше на сѣверъ, за Дунаемъ и за Альпами, климатъ уже такъ суровъ, что не допускаетъ развитія цивилизованной жизни. Что такое югъ, что такое сѣверъ въ устахъ каждаго изъ насъ? Вѣдь это раздѣленіе зависитъ просто отъ того, подъ какимъ градусомъ широты привыкли жить мы сами. Говорятъ, зной убиваетъ энергію труда. Но въ какое время бываютъ самыя обширныя и самыя тяжелыя работы напримѣръ въ Россіи, которая называется страною отчасти умѣреннаго, отчасти холоднаго климата? Главная часть земледѣльческихъ работъ совершается у насъ во время такого зноя, какого не бываетъ въ Неаполѣ. Зимою мы можемъ мерзнуть, но все свое продовольствіе, три четвертыхъ или четыре пятыхъ части

Итакъ, второю причиною болѣе высокой производительности надобно поставить большую энергію труда, разумѣя тутъ постоянную и привычную энергію, а не такую, которая обнаруживается по временамъ и случайно. Никто безъ ропота не можетъ перено-

---

всего своего производительнаго труда, совершаемъ подъ такимъ палящимъ солнцемъ, какого не испытываютъ жители Малой Азіи, апатію которыхъ мы страннымъ образомъ приписываемъ обстоятельству, не удерживающему насъ отъ самой усердной работы. Вотъ для любопытныхъ сравненіе нѣсколькихъ нашихъ мѣстностей съ мѣстностями тропическаго пояса по средней годичной температурѣ и по температурѣ періода главныхъ нашихъ земледѣльческихъ работъ. Беремъ эти цифры изъ Берггаузова Физическаго Атласа. Температура въ немъ показана по 100-градусному термометру.

	Средняя годичная температура.	Температура теплѣйшаго мѣсяца.
Якутскъ	— 7,5	+ 20,3
Нижній Новгородъ . . .	+ 3,6	+ 20,7
Тамбовъ	+ 5,1	+ 20
Утакамундъ (Остъ-Индія) .	+ 13,9	+ 16,9
Квито (Центр. Америка) .	+ 15,6	+ 16,3

Правда, мы изъ длиннаго списка тропическихъ мѣстностей нарочно отыскали тѣ исключительныя мѣстоположенія, въ которыхъ даже средняя температура цѣлаго теплѣйшаго мѣсяца ниже температуры того же времени года въ нашемъ холодномъ климатѣ. Но не забудемъ, что средняя температура мѣсяца у насъ вовсе не близка температурѣ дневныхъ часовъ того же мѣсяца, потому что за чрезвычайно знойнымъ днемъ слѣдуетъ у насъ холодная ночь, между тѣмъ какъ въ тропическомъ климатѣ разница между температурою дня и ночи не велика. Вообще говоря, температура самаго жаркаго времени въ Остъ-Индіи и въ южной части Соединенныхъ Штатовъ простирается отъ 25 до 30° Цельсіева термометра. Кто же изъ насъ не знаетъ, что у насъ въ Россіи дневной зной доходитъ во время главныхъ нашихъ работъ до степени гораздо высшей? Наши земледѣльцы работаютъ на 35 или больше градусахъ жара по Цельсію. Уже изъ этого можно заключить, что если между европейскимъ и южно-азіатскимъ работникомъ есть разница въ энергіи труда, то причину его надобно искать не въ знойности климата, а въ чемъ нибудь иномъ. Говорятъ: южный человѣкъ лѣнивъ отъ того, что меньше ему надобности въ трудѣ для поддержанія жизни, по благодатности климата. Такъ, въ тропическомъ климатѣ природа щедрѣе и пищи нужно меньше, но для доставленія удобной житейской обстановки человѣку и тамъ нужно очень много труда. Если мы должны трудиться, чтобы оградить себя отъ холода, тамъ нужно трудиться для доставленія себѣ прохлады. Нынѣшніе археологи объяснили, почему вавилонскіе дворцы имѣли стѣны такой чудовищной толстоты: она была нужна, чтобы сохранять прохладную температуру въ комнатахъ. Какъ намъ нужно возить въ наши жилища дрова или ка-

сить бо́льшаго количества временныхъ обремененій и утомленія, чѣмъ сѣверо-американскій индіецъ; никто не можетъ столько времени какъ онъ держать въ величайшемъ напряженіи свои физическія силы и тѣ умственныя способности, какія есть въ немъ; но этотъ индіецъ впадаетъ въ величайшую бездѣйственность, какъ только найдется у него недолгій покой отъ настоятельныхъ нуждъ минуты. Отдѣльные люди и цѣлыя націи разнятся между собою не столько по количеству усилій, какія могутъ и готовы они дѣлать подъ вліяніемъ сильныхъ побужденій настоящаго, сколько своею способностью трудиться для отдаленныхъ цѣлей и своимъ прилежаніемъ къ работѣ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Нѣкоторая степень этихъ качествъ служитъ необходимымъ условіемъ для всякаго значительнаго улучшенія въ бытѣ. Чтобы цивилизовать дикаря, нужно внушить ему новыя потребности и желанія, хотя бы и не очень высокаго рода, чтобы стремленіе удовлетворить имъ

менный уголь, такъ жителямъ тропическихъ странъ нужно привозить къ себѣ ледъ. Сколько хлопотъ неизвѣстныхъ намъ нужно было бы для нихъ, чтобы защитить себя отъ множества гадинъ и ядовитыхъ насѣкомыхъ, наполняющихъ домы въ тропическихъ климатахъ. Безспорно, трудъ на югѣ гораздо успѣшнѣе, но и тамъ его нужно столько, что нѣкогда было бы человѣку облѣниться; человѣкъ и тамъ впадаетъ въ апатію не отъ климата и не отъ собственной охоты, а отъ такихъ же обстоятельствъ, по какимъ впали въ апатію всѣ жители всѣхъ провинцій римской имперіи въ эпоху ея паденія. Возьмемъ для точнѣйшаго разбора одну собственную Италію. Сабинцы, самниты, латины, этруски — какіе энергическіе, какіе трудолюбивые люди были всѣ эти народы во время своей независимости и потомъ по соединеніи съ Римомъ, пока Римъ сохранялъ себя и ихъ подъ хорошими учрежденіями. Но когда пали эти учрежденія и начиная съ послѣдняго времени республики водворились тѣ бѣдствія, гибельное вліяніе которыхъ на энергію народнаго труда мы указывали въ примѣчаніи 19-мъ (стр. 100), всѣ племена, населявшія Италію, облѣнились, стали никуда негодны ни въ экономическомъ, ни въ какомъ другомъ отношеніи. Причинъ лѣности, какой предаются почти всѣ жители тропическихъ странъ, надобно искать во-первыхъ, въ экономическомъ устройствѣ этихъ странъ; въ Остъ-Индіи, напримѣръ, земледѣлецъ сколько бы ни работалъ, все-таки остается въ нищетѣ: земиндары, тулукдары и т. д. берутъ у него все, что превосходитъ мѣру нищенскаго продовольствія. Во-вторыхъ, причиною апатіи служитъ та особенность исторической судьбы азіатскихъ земледѣльческихъ странъ, которую мы указывали въ примѣчаніи 6; это обстоятельство, — слишкомъ близкое сосѣдство съ степями центральной Азіи, изъ которыхъ безпрестанно вторгались дикіе завоеватели, было основаніемъ и того, что вотъ уже нѣсколько тысячелѣтій Остъ-Индія жила въ самомъ убійственномъ для народа экономическомъ устройствѣ.

могло побуждать его къ постоянной и правильной физической и умственной дѣятельности. Если бы негры на Ямайкѣ и въ Демерарѣ по своемъ освобожденіи удовольствовались, какъ предсказывалось тогда, однимъ необходимымъ для жизни, еслибы они бросили всякій трудъ, кромѣ очень небольшаго труда, достаточнаго на поддержаніе жизни въ тропическомъ климатѣ при малочисленномъ населеніи и при множествѣ богатѣйшей земли, то они впали бы въ состояніе болѣе варварское, хотя и болѣе счастливое, чѣмъ въ какомъ были прежде при рабствѣ. Любовь ихъ къ щегольской одеждѣ и къ нарядамъ послужила самымъ надежнымъ средствомъ склонять ихъ къ труду. Никто не станетъ называть дѣломъ достойнымъ поддержки вкусъ къ щегольству, и почти во всѣхъ обществахъ эта наклонность не столько обогащаетъ, сколько разоряетъ; но при той степени развитія, на какой были негры, щегольство дѣйствительно служило, можетъ быть, единственнымъ побужденіемъ, способнымъ обращать ихъ къ добровольному систематическому труду и къ пріобрѣтенію или сохраненію привычекъ добровольнаго прилежанія, которое могло бы потомъ обратиться къ достойнѣйшимъ цѣлямъ. Въ Англіи надобно учить людей не желанію богатства, а употребленію богатства и умѣнью цѣнить вещи, которыя не могутъ покупаться богатствомъ или достигаются безъ помощи богатства. Будутъ ли пріобрѣтать англичане болѣе высокія стремленія или будутъ только научаться вѣрнѣе оцѣнивать предметы своихъ нынѣшнихъ желаній, во всякомъ случаѣ всякое дѣйствительное улучшеніе англійскаго характера непремѣнно будетъ умѣрять пылкость ихъ стремленій къ пріобрѣтенію богатства. Но такое улучшеніе характера еще не влечетъ за собою уменьшенія той усердной и практичной прилежности къ своему дѣлу, которая находится въ лучшихъ между англійскими работниками и составляетъ самое цѣнное ихъ достоинство.

Рѣдко люди умѣли держаться на разумной серединѣ, состоящей въ томъ, чтобы во время работы работать всею своею силою и особенно всей своей душой, но посвящать труду для одной денежной выгоды менѣе часовъ въ днѣ, менѣе дней въ году и менѣе лѣтъ въ жизни.

4. Третій элементъ, которымъ опредѣляется производительность труда въ обществѣ, — искусство и знаніе, находящееся въ этомъ обществѣ, въ самихъ ли работникахъ или въ людяхъ управляющихъ ихъ трудомъ. Не нужно доказывать того, какъ сильно увеличивается успѣшность дѣла ловкостью рукъ человѣка, если дѣло со-

стоитъ въ простыхъ рутинныхъ процессахъ; сообразительностью человѣка, если въ дѣлѣ важную роль играетъ умъ; наконецъ размѣромъ знанія о естественныхъ силахъ и качествахъ предметовъ, обращаемыхъ на производство дѣла. Размѣръ производительности народнаго труда опредѣляется размѣромъ техническихъ знаній въ народѣ,—это очевидно; всякій прогрессъ техническихъ искусствъ, всякое улучшеніе въ примѣненіи предметовъ или силъ природы къ промышленнымъ цѣлямъ даетъ прежнему количеству труда при прежней интенсивности возможность получать большую сумму продуктовъ.

Одна изъ главныхъ отраслей этихъ улучшеній—изобрѣтеніе и употребленіе инструментовъ и машинъ. Нашему трактату нѣтъ надобности подробно объяснять, какимъ путемъ инструменты и машины увеличиваютъ производство и даютъ экономію въ трудѣ; это подробно изложено и объяснено примѣрами въ извѣстной книгѣ Беббеджа «Машинная и фабричная экономія» (Economy of Machinery and Manufactures), написанной популярно и съ тѣмъ вмѣстѣ научно. Цѣлая глава у Беббеджа составлена изъ примѣровъ того, какъ машины «дѣйствуютъ силами превышающими силы человѣка и совершаютъ работы слишкомъ нѣжныя для человѣческихъ рукъ». Но намъ не нужно ходить такъ далеко за примѣрами работъ, которыхъ человѣкъ рѣшительно не могъ бы сдѣлать однимъ своимъ трудомъ. Безъ водоподъемныхъ машинъ, движимыхъ паромъ или другими средствами, часто было бы рѣшительно нельзя вылить воду собирающуюся въ рудникахъ, и рудники надобно было бы бросать на небольшой глубинѣ; безъ кораблей и лодокъ нельзя было бы переѣзжать черезъ море; безъ инструментовъ хотя какого нибудь рода нельзя ни срубать деревьевъ, ни выламывать камней; безъ плуга, или по крайней мѣрѣ заступа, нельзя взрыть землю для посѣва. Но очень простые и грубые инструменты достаточны для исполненія (труднаго или легкаго исполненія, мы не говоримъ) почти всѣхъ работъ, какія до сихъ поръ дѣлались людьми, и дальнѣйшія изобрѣтенія служили главнымъ образомъ уже къ тому, чтобы эти работы могли исполняться въ лучшемъ видѣ и съ гораздо меньшимъ количествомъ труда, а трудъ, сберегаемый черезъ это, могъ обращаться на другія занятія.

Употребленіе машинъ далеко не единственный способъ, которымъ обнаруживаются результаты знанія въ содѣйствіи производству. Въ земледѣліи и садоводствѣ механика только теперь начинаетъ показывать, что можетъ сдѣлать нѣчто важное сверхъ изо-

брѣтенія и постепеннаго совершенствованія плуга и другихъ малочисленныхъ простыхъ орудій. Важнѣйшія земледѣльческія изобрѣтенія состояли донынѣ въ прямомъ приложеніи болѣе умныхъ процессовъ къ самой землѣ и къ растеніямъ воспитываемымъ на ней. Таковы, напримѣръ, плодоперемѣнная система, избавляющая отъ необходимости оставлять землю безъ воздѣлыванія на одинъ годъ изъ двухъ или трехъ годовъ; усовершенствованныя удобренія для возстановленія ея плодородности, истощенной жатвою; обращеніе болотъ и мокрыхъ мѣстъ въ удобную землю; оказавшіеся наилучшими по опыту способы подчистки, воспитанія и прививки растеній и деревьевъ; болѣе рѣдкое сажанье корней или сѣмянъ дорогихъ растеній и полнѣйшее разрыхленіе почвы для нихъ и т. д. Въ фабричномъ и торговомъ дѣлѣ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ улучшеній состоятъ въ сокращеніи времени, въ томъ чтобы выручка быстрѣе слѣдовала за трудомъ и затратою. Выгода другихъ улучшеній состоитъ въ экономіи матеріаловъ.

5. Но вліяніе расширенія знаній общества на увеличеніе его богатства не нуждается въ длинныхъ объясненіяхъ, потому что для самыхъ малообразованныхъ людей оно стало знакомо по такимъ очевиднымъ примѣрамъ, какъ желѣзныя дороги и пароходы, Не такъ хорошо понимается и не такъ ясно чувствуется всѣми экономическая важность общаго разлитія образованности между народомъ. Число лицъ, приготовленныхъ къ управленію промышленными предпріятіями или хотя бы къ исполненію работы, которую нельзя обратить въ дѣло почти одной памяти и рутины, всегда гораздо меньше запроса на нихъ; это видно изъ громадной разницы между платою, даваемою такимъ людямъ, и платою за обыкновенный трудъ. Недостатокъ практическаго соображенія, дѣлающій большинство людей рабочаго класса такими слабыми въ разсчетахъ (дѣлающій, напримѣръ, это большинство столь непредусмотрительнымъ, небрежнымъ и безпорядочнымъ въ домашнемъ хозяйствѣ), отнимаетъ у нихъ способность ко всякому умственному труду, кромѣ самаго ничтожнаго, и отъ этого ихъ работа далеко не такъ производительна, какъ была бы при такой же энергіи труда у людей умственно развитыхъ. Даже съ этой узкой точки зрѣнія народное воспитаніе такъ важно, что очень слѣдовало бы политическимъ людямъ заботиться о немъ. Особенно должно сказать это объ Англіи: знающіе наблюдатели, много обращавшіеся съ работниками разныхъ націй, свидѣтельствуютъ, что въ простолюдинахъ другихъ странъ часто находятъ они большую сообразительность и безъ

всякаго образованія, но что если англійскій работникъ бываетъ сколько нибудь выше дровосѣка и водовоза, онъ обязанъ своею сообразительностью воспитанію, которое у него почти всегда только само-воспитаніе. Цюрихскій инженеръ Эшеръ (имѣющій хлопчатобумажную фабрику, на которой работаютъ около 2,000 людей разныхъ націй) въ своемъ отвѣтѣ на вопросы комитета, занимавшагося изслѣдованіемъ о воспитаніи бѣдныхъ дѣтей (этотъ отвѣтъ приложенъ къ Report of the Poor Law Commissioners, 1840 года), характеризуетъ англійскаго работника сравнительно съ континентальными работниками такими словами, которыя, сколько я знаю, будутъ подтверждены всѣми опытными въ этомъ дѣлѣ людьми.

«Живость соображенія итальянцевъ выказывается быстрымъ пониманіемъ всякой новой поручаемой имъ работы, способностью живо понимать смыслъ порученія, приспособляться къ новымъ обстоятельствамъ: этими качествами они превосходятъ всякихъ другихъ работниковъ. Французскіе работники имѣютъ тѣ же природныя черты, только въ нѣсколько меньшей степени. Англійскіе, швейцарскіе, нѣмецкіе и голландскіе работники, по нашему замѣчанію, имѣютъ гораздо меньшую природную сообразительность. Собственно какъ *рабочіе* люди, англичане безспорно выше всѣхъ, потому что, по нашему замѣчанію, они всѣ воспитаны для своего спеціальнаго дѣла, къ которому они приготовлены лучше работниковъ другихъ націй и на которомъ сосредоточились всѣ ихъ мысли. Но для управленія дѣлами или для разнородныхъ порученій, для того чтобы быть помощниками управляющаго, по моему мнѣнію, рѣшительно способнѣе другихъ саксонцы и швейцарцы, въ особенности саксонцы, потому что они люди, получившіе очень хорошее общее воспитаніе, которое расширяетъ ихъ способности за узкія границы одного частнаго занятія и дѣлаетъ ихъ пригодными исполнять послѣ недолгаго подготовленія всякое занятіе, какое будетъ имъ поручено. Если у меня англійскій работникъ занятъ установкою паровыхъ машинъ, онъ знаетъ это дѣло и уже ничего другаго не понимаетъ; къ другому положенію или къ другимъ отраслямъ механики, хотя бы самымъ близкимъ съ его дѣломъ, онъ плохо умѣетъ приспособляться; не умѣетъ найдтись въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, дать дѣльный совѣтъ или написать ясный отчетъ, понятное письмо даже по своему дѣлу съ тѣхъ сторонъ, которыми оно касается другихъ частей механики».

О связи умственнаго развитія съ нравственной надежностью въ рабочемъ классѣ Эшеръ говоритъ: «работники, которые лучше

воспитаны, отличаются, по нашему замѣчанію, лучшими нравственными привычками. Во-первыхъ, они безусловно трезвы; они скромны въ своихъ удовольствіяхъ и самыя удовольствія ихъ разумнѣе, изящнѣе. Они любятъ хорошее общество, въ которое входятъ съ уваженіемъ къ нему и которое потому лучше расположено допускать ихъ: они занимаются музыкою, читаютъ, любятъ театръ, дѣлаютъ прогулки по окрестностямъ въ родѣ пикниковъ; они экономны и ихъ бережливость обращена не на однѣ ихъ деньги, а также и на деньги хозяина; потому они честны и надежны». На вопросъ объ англійскихъ работникахъ онъ отвѣчаетъ: «Въ томъ дѣлѣ, на которое они спеціально воспитаны, они очень искусны, но въ поведеніи они очень безпорядочны, развратны, буйны; они менѣе похожи на порядочныхъ людей и менѣе достойны довѣрія, чѣмъ работники всѣхъ другихъ націй, какіе бывали у насъ (этими словами я высказываю мнѣніе всѣхъ континентальныхъ фабрикантовъ, съ которыми я говорилъ, и въ особенности англійскихъ фабрикантовъ, которые жалуются громче всѣхъ). Эти черты испорченности не существуютъ въ англійскихъ работникахъ, получившихъ воспитаніе; но въ тѣхъ, которые не получили воспитанія, испорченность пропорціональна необразованности. Если ослабляется надъ невоспитанными англійскими работниками тотъ гнетъ желѣзной дисциплины, въ которой держатъ ихъ англійскіе хозяева, если начинаешь обращаться съ ними вѣжливо и любезно, какъ того требуютъ болѣе образованные континентальные работники, съ которыми такъ и обращаются ихъ хозяева, то они, — т. е. англійскіе работники, — совершенно забываются: они перестаютъ сознавать свое положеніе и черезъ нѣсколько времени становится рѣшительно невозможно имѣть съ ними дѣло» *). Это замѣчаніе подтверждается опытомъ въ самой Англіи. Какъ только идея равенства входитъ въ мысль простаго англійскаго рабочаго человѣка, голова у него закруживается. Переставая быть раболѣпнымъ, онъ становится наглымъ [36]).

---

*) Всѣ эти показанія развитаго и опытнаго фабриканта заслуживаютъ большаго вниманія, какъ и многіе другіе отвѣты на подобные вопросы, данные другими свидѣтелями и напечатанные вмѣстѣ съ отвѣтомъ Эшера.

Прим. авт.

[36]) Вотъ факты, которые человѣку, поверхностно разсуждающему по рутиннымъ убѣжденіямъ, покажутся свидѣтельствующими о коренной разницѣ въ природномъ характерѣ разныхъ націй, но при внимательнѣйшемъ разборѣ оказываются свидѣтельствующими напротивъ, что въ извѣстномъ народѣ извѣстныя качества развиваются собственно только отъ обстоятельствъ его

*

Нравственныя качества работниковъ также важны для успѣшности и достоинства ихъ труда, какъ и умственныя качества. Не говоря уже о вліяніи невоздержности на ихъ физическія и ум-

---

жизни, и разница между людьми разныхъ націй почти исключительно, если не совершенно исключительно, зависитъ отъ различія формъ, которыя получила жизнь по историческимъ обстоятельствамъ. Возьмемъ для разбора два крайніе примѣра различныхъ качествъ, представляемые Эшеромъ: съ одной стороны итальянца, который живо понимаетъ все, быстро приспособляется ко всему, но не имѣетъ спеціальной подготовки ни къ чему, а съ другой англичанина, который лучше всѣхъ другихъ работниковъ исполняетъ свою очень узкую спеціальность, но за предѣлами этой спеціальности не понимаетъ и не умѣетъ дѣлать ничего. Надобно ли приписывать такую чрезвычайную разницу самой природѣ этихъ двухъ людей? Самъ Эшеръ упоминаетъ обстоятельство совершенно постороннее врожденнымъ качествамъ и достаточное для объясненія всей разницы. Англійскій работникъ получилъ спеціальное воспитаніе, исключительно подготовившее его къ отличному исполненію его спеціальнаго занятія. Какая же тутъ природа, въ чемъ же тутъ органическая особенность, если онъ исполняетъ свое спеціальное дѣло лучше итальянца? Воспитайте такимъ же образомъ итальянца и онъ будетъ исполнять это дѣло также лучше другихъ итальянцевъ, не подготовленныхъ къ тому спеціально. Но это спеціальное воспитаніе, полученное англичаниномъ, имѣло характеръ самой узкой ограниченности, рутинности, машинальности; оно убило въ немъ самостоятельность соображенія, оно отъучило его отъ вниманія ко всему остальному, кромѣ его узкой спеціальности; натурально, онъ оказывается лишеннымъ сообразительности во всѣхъ занятіяхъ, кромѣ своего спеціальнаго дѣла. Итальянецъ, напротивъ того, ничему не научился искусственнымъ воспитаніемъ, за то и не былъ умственно подавленъ машинальной дрессировкой. Съ самаго дѣтства онъ былъ предоставленъ на произволъ судьбы, на собственную сообразительность въ своей работѣ. Разница между нимъ и англичаниномъ не разница народностей, а просто разница степеней экономическаго развитія въ двухъ странахъ: въ одной странѣ еще не водворилось дробное раздѣленіе труда, дѣлящее работниковъ какъ будто на касты по мелкимъ спеціальностямъ работъ; въ другой странѣ это раздѣленіе труда уже введено. Франція занимаетъ въ этомъ отношеніи средину между Англіей и Италіей; французскій работникъ сообразно тому занялъ средину между итальянскимъ и англійскимъ. Въ Германіи по историческимъ обстоятельствамъ издавна развилось надъ народною жизнью господство формалистики, потому нѣмецкій работникъ, умственная живость котораго убивается формалистикою, приближается къ англійскому своею тупостью въ сравненіи съ итальянцемъ; но онъ не имѣетъ такого высокаго достоинства въ спеціальной работѣ, потому что раздѣленіе труда еще не охватило массу въ Германіи такъ сильно, какъ въ Англіи; за то общее образованіе простонародья въ Германіи лучше, чѣмъ въ Англіи, оттого нѣмецкій работникъ кажется умнѣе англійскаго.

Нельзя оставить безъ замѣчанія и словъ Милля, что голова кружится у

ственныя способности, о вліяніи легкомыслія и непостоянства на энергію и постоянство работы,—эти отношенія такъ понятны, что не нужно много говорить о нихъ; но надобно обратить вниманіе на то, въ какой сильной степени производительность труда зависитъ отъ довѣрія, заслуживаемаго работниками. Весь трудъ, расходуемый теперь на надзоръ за ними во время работы и по ея окончаніи на повѣрку, исполнили ли оно должное количество работы, долженъ считаться трудомъ, отвращеннымъ отъ дѣйствительнаго занятія производствомъ на вспомогательное отправленіе, вытекающее не изъ необходимости вещей, а изъ нечесности людей. Да и величайшія внѣшнія предосторожности имѣютъ очень малый успѣхъ, если малѣйшее ослабленіе надзора бываетъ,—какъ теперь почти неизмѣнно бываетъ для наемныхъ работниковъ,—жадно схватываемымъ случаемъ уклоняться отъ исполненія договора. Выгода человѣчества, состоящая въ томъ, чтобы люди могли довѣрять другъ другу, проникаетъ всѣ жилы и нервы человѣческой жизни; экономическая польза довѣрія быть можетъ самая маловажная изъ разныхъ сторонъ его пользы, но и она неисчислимо велика. Подумаемъ только объ одной самой явной части растраты богатства, наносимой обществу человѣческою нечесностью: во всѣхъ богатыхъ обществахъ есть хищническое населеніе, живущее грабежемъ или обманомъ; число его не можетъ быть положительно узнано, но и по самому низкому счету оно очень велико въ такихъ странахъ, какъ Англія. Содержаніе этихъ людей — прямое обремененіе національной промышленности. Полиція и весь организмъ наказывающей власти уголовнаго и отчасти гражданскаго правосудія — второе обремененіе, становящееся необходимымъ отъ перваго. Сословіе юристовъ, получающее чрезмѣрную плату, создается и поддерживается преимущественно нечестностью людей (изъ другаго источника происходитъ плата только за тотъ юридическій трудъ, который создается недостатками въ законахъ, написанныхъ самими же юристами). Всѣ эти издержки уменьшаются пропорціонально возвышенію честности въ обществѣ. Но если уровень честности возвышается, то еще гораздо важнѣе этого положительнаго

англійскихъ работниковъ, когда они начинаютъ мечтать о равенствѣ и что они становятся наглыми, когда перестаютъ быть раболѣпными. Такъ говорили еще римскіе патриціи о плебеяхъ, а прежде того греческіе эвпатриды о демотахъ , а послѣ того англійскіе лендлорды о самихъ англійскихъ фабрикантахъ.

сбереженія бываетъ громадное увеличеніе продуктовъ всякаго труда, сбереженіе времени и расхода —выгоды проистекающія оттого, что работники честно исполняютъ дѣло, за которое берутся; столь же безмѣрна въ этомъ случаѣ выгода отъ возвышенія бодрости, чувства силы и довѣрія, съ которыми обдумываются и ведутся всякія работы людьми въ сознаніи, что всѣ другіе люди, содѣйствіе которыхъ имъ понадобится, будутъ вѣрно исполнять по договору свою часть дѣла. Возможность союзнаго дѣйствованія пропорціональна степени довѣрія, какое могутъ питать другъ къ другу люди. Въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ, съ превосходными условіями для промышленности, чрезвычайно серьёзнымъ препятствіемъ веденію дѣлъ въ обширномъ размѣрѣ служитъ малочисленность лицъ, имѣющихъ такую репутацію, чтобы имъ было можно ввѣрить полученіе и расходованіе большихъ суммъ. На товары нѣкоторыхъ націй купцы смотрятъ недовѣрчиво, будучи не увѣрены въ томъ, что качество товара окажется соотвѣтственно качеству образца. Такіе близорукіе подлоги далеко не безпримѣрны въ англійской вывозной торговлѣ. Каждому случалось слышать о «чортовомъ порошкѣ» (devil's dust) и у Беббеджа приводится между прочимъ примѣръ того, что однажды цѣлая отрасль вывозной торговли надолго прекратилась отъ поддѣлокъ и подлоговъ, бывшихъ въ ней. Наоборотъ, у Беббеджа приводятся не менѣе замѣчательные примѣры большой выгоды, проистекающей отъ испытанной честности въ торговыхъ дѣлахъ. «Въ одномъ изъ нашихъ (англійскихъ) главныхъ городовъ, говоритъ онъ, ежедневно производится торговыми людьми въ очень обширномъ размѣрѣ продажа и покупка товаровъ безъ всякихъ письменныхъ документовъ между продающими и покупающими». Производители и торговцы этого города должны въ теченіе года получить, сбереженіемъ времени, хлопотъ и издержекъ, огромный выигрышъ отъ своей честности. «Вліяніе прочной репутаціи, внушающей довѣріе, замѣчательнымъ образомъ выказывалось во время послѣдней войны (при Наполеонѣ I), когда англійскія фабричныя произведенія были запрещены на континентѣ. Одна изъ нашихъ громаднѣйшихъ фирмъ давно имѣла обширныя дѣла съ торговымъ домомъ въ центрѣ Германіи. Когда нарушители Берлинскаго и Миланскаго декретовъ (установлявшихъ континентальную систему) были подвергнуты тяжелымъ наказаніямъ, англійскій фабрикантъ продолжалъ, не смотря на эти декреты, получать заказы, съ назначеніемъ куда отправлять товары и съ опредѣленіемъ времени и способа уплаты; заказы эти писа-

лись знакомою ему рукою, но подписью на нихъ служило только одно имя безъ фамиліи, а иногда не было и такой подписи. Эти заказы фабрикантъ исполнялъ и ни разу не было никакой неисправности въ уплатахъ по нимъ *).

---

*) Приведемъ изъ Беббеджа нѣсколько примѣровъ, еще не самыхъ важныхъ, для объясненія того, какой убытокъ наносится обществу взаимнымъ недовѣріемъ людей.

«Покупщикъ платитъ за товаръ стоимость его производства съ прибавленіемъ стоимости повѣрки того факта, что товаръ имѣетъ объявляемую доброту. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ доброта товара видна на простой взглядъ; въ этихъ случаяхъ не бываетъ большой разницы въ цѣнѣ товара въ разныхъ лавкахъ. Напримѣръ, доброта рафинированнаго сахара узнается, можно сказать, по одному взгляду на него. Потому цѣна сахара такъ одинакова и барышъ на немъ такъ малъ, что въ овощныхъ лавкахъ торгуютъ имъ почти противъ воли. Напротивъ, о добротѣ чая чрезвычайно трудно судить и онъ можетъ быть подмѣшанъ такъ, что обманываетъ даже опытный глазъ; потому одинъ сортъ чая продается по очень разнымъ цѣнамъ и торговецъ, имѣющій въ своей лавкѣ чай и сахаръ, продаетъ чай гораздо усерднѣе, чѣмъ сахаръ. Трудность и дороговизна повѣрки въ нѣкоторыхъ товарахъ такъ велика, что ею оправдывается отступленіе отъ несомнѣнныхъ принциповъ. Напримѣръ, правительство вообще можетъ всякій товаръ покупать дешевле того, во сколько обошлась бы ему самому выдѣлка этого товара. Но, несмотря на то, правительство нашло болѣе выгоднымъ построить для себя огромныя мукомольныя мельницы (напримѣръ, Детфордскую) и само молоть хлѣбъ, покупая его въ зернѣ, лишь бы не повѣрять доброту каждаго мѣшка покупаемой муки и не употреблять людей на придумываніе средствъ открывать новые способы подмѣси, безпрестанно изобрѣтаемые». Такое недовѣріе можетъ отнимать огромный вывозъ муки у цѣлой націи (напримѣръ, у Соединенныхъ Штатовъ).

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (продолжаетъ Беббеджъ) поддѣлка, дающая старымъ сѣменамъ клевера свѣжій видъ посредствомъ процесса, называющагося лѣченьемъ (doctoring), такъ распространилась, что возбудила вниманіе палаты общинъ. Показанія, собранныя коммиссіею палаты общинъ, обнаружили, что старыя сѣмена бѣлаго клевера «лѣчатся» легкимъ смачиваньемъ и просушкою въ сѣрныхъ парахъ, и старыя сѣмена краснаго клевера подновляются въ цвѣтѣ встряхиваніемъ въ мѣшкѣ съ примѣсью индиго; но что когда этотъ способъ открылся, «лѣкаря» стали употреблять сандальный препаратъ съ примѣсью купороса, а иногда мѣдной яри,—этимъ поправлялся видъ старыхъ сѣмянъ и съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшалась или совершенно истреблялась въ нихъ растительная сила, уже ослабленная старостью. Если даже предположить, что хорошія сѣмена не портились отъ этого, все-таки обманомъ было то, что отъ поддѣлки свѣжаго вида рыночная цѣна ихъ, какъ доказано свидѣтелями, поднималась 20-ю или 25-ю шиллингами на центнеръ. Но самая вредная вещь въ поддѣлкѣ была та, что старыя негодныя сѣмена дѣлались отъ нея по виду равными самымъ лучшимъ. Одинъ изъ свидѣтелей

6. Изъ второстепенныхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ производительность элементовъ производства, важнѣйшая—безопасность. Подъ безопасностью я понимаю полноту огражденія, какое даетъ общество своимъ членамъ. Гдѣ лицо, извѣстное за человѣка, имѣющаго что нибудь порядочное и цѣнное, должно ожидать, что это имущество будетъ у него взято, тамъ, конечно, едва ли кто захочетъ производить больше, чѣмъ необходимо ему на простое поддержаніе жизни. Признано всѣми, что въ этомъ обстоятельствѣ заключается объясненіе бѣдности многихъ плодоносныхъ азіатскихъ странъ, которыя нѣкогда были богаты и густо населены. Много есть среднихъ состояній между этимъ положеніемъ и тою степенью

испытывалъ «лѣченныя» сѣмена и нашелъ, что изъ сотни зеренъ развѣ одно всходитъ, да и отъ него ростокъ скоро вянетъ, между тѣмъ какъ изъ хорошихъ сѣменъ обыкновенно всходитъ отъ 80 до 90 зеренъ на 100. «Лѣченныя» сѣмена продавались провинціальнымъ мелочнымъ торговцамъ, которые, конечно, старались подешевле сбыть ихъ фермерамъ, — ни мелочные торговцы, ни фермеры не умѣли отличить поддѣльнаго сѣмени отъ настоящаго. Поэтому многіе производители уменьшили свой посѣвъ клевера, а другіе были принуждены платить слишкомъ дорогую цѣну за сѣмена его людямъ, умѣвшимъ отличать поддѣльное сѣмя и пользовавшимся извѣстностью, что не торгуютъ имъ».

Бебведжъ говоритъ также, что ирландскій ленъ недавно продавался или продается и теперь однимъ или двумя пенсами за фунтъ дешевле англійскаго и иностраннаго, хотя по природной добротѣ не уступаетъ никакому льну въ свѣтѣ; и что эта низкая цѣна частью происходила отъ небрежности въ его обработкѣ, но частью и отъ причины, указанной мистеромъ Корри, который много лѣтъ былъ секретаремъ ирландской льняной коммиссіи: «Производители льна, почти всѣ люди бѣдные (говоритъ Корри), думаютъ, что очень выгодно для нихъ обманывать покупщиковъ. Ленъ продается на вѣсъ и они разными способами дѣлаютъ его тяжеле; а всѣ эти средства портятъ ленъ; особенно вредно ему подмачиванье, отъ котораго онъ потомъ перегарастъ. Въ середину связки льна (а связки по величинѣ не одинаковы) часто всыпаютъ камешковъ и разнаго сора, чтобы связка стала тяжеле. Въ такомъ видѣ его продаютъ и вывозятъ въ Англію».

Коммиссія, назначенная палатою общинъ, нашла, что производство нотингемскаго кружева сильно упало отъ выдѣлки дурныхъ сортовъ, обманчивыхъ на видъ; свидѣтели показывали передъ коммиссіею, что выдѣлывается сортъ кружева, называющійся однорядным (single-press), который на видъ хорошъ, но расползается отъ перваго мытья; что изъ тысячи человѣкъ не найдется одного, который умѣлъ бы отличить кружево сдѣланное въ однорядку отъ хорошаго кружева; что даже сами работники и фабриканты отличаютъ его только съ микроскопомъ; что также необходимъ микроскопъ для отличенія поддѣлки другаго сорта, такъ-называемаго цѣпочнаго кружева (warp-lece)».

Прим. авт.

безопасности, которою пользуются страны Европы, имѣющія наилучшее управленіе. Дурная система поземельныхъ налоговъ, произвольные поборы, собиравшіеся подъ видомъ налоговъ,—вотъ были причины, по которымъ до революціи во многихъ французскихъ провинціяхъ выгода каждаго земледѣльца требовала казаться бѣднымъ и потому плохо воздѣлывать землю. Греція и греческія колоніи въ древнемъ мірѣ, Фландрія и Италія въ Средніе вѣка далеко не пользовались тѣмъ, что называется безопасностью по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ: состояніе общества въ нихъ было непрочно и бурно; личность и собственность подвергались тысячамъ опасностей. Но эти земли были свободными странами и вообще не терпѣли произвольнаго стѣсненія. Личная энергія, возбуждавшаяся ихъ учрежденіями, дѣлала ихъ гражданъ способными успѣшно противиться всякимъ другимъ врагамъ; потому ихъ трудъ былъ чрезвычайно производителенъ и ихъ богатства постоянно возрастали, пока они оставались свободными. Римскій деспотизмъ, положивъ конецъ войнамъ и внутреннимъ столкновеніямъ во всей имперіи, избавилъ своихъ подданныхъ отъ значительной части прежней небезопасности; но онъ поставилъ ихъ подъ сокрушающее иго своей хищности и они стали слабѣть и бѣднѣть до того, что сдѣлались наконецъ добычею дикихъ, но свободныхъ завоевателей. Они не хотѣли ни сражаться, ни трудиться, потому что не предоставлялось имъ пользоваться тѣмъ, для чего они прежде трудились и за что сражались.

Большая безопасность личности и собственности у новѣйшихъ націй есть скорѣе результатъ обычаевъ и общественнаго мнѣнія, чѣмъ закона. Въ Европѣ есть, или недавно были, страны, гдѣ власть монарха была абсолютна, но гдѣ вслѣдствіе смягчающаго дѣйствія обычаевъ, ни одинъ подданный на дѣлѣ не подвергался ни малѣйшей опасности потерять свое имѣніе отъ произвола или выносить какія нибудь тяжелыя контрибуціи. Впрочемъ, въ этихъ странахъ можетъ происходить много мелкаго грабежа и другихъ насилій отъ второстепенныхъ агентовъ, и за эти насилія трудно получить вознагражденіе по недостатку гласности, который составляетъ обыкновенную черту такихъ странъ. Въ Англіи народъ довольно сносно защищенъ отъ агентовъ правительства и учрежденіями и обычаями; но своей безопасностью отъ другихъ злоумышленниковъ онъ очень мало обязанъ своимъ учрежденіямъ. О законахъ нельзя сказать, чтобы они покровительствовали собственности, когда они даютъ это покровительство по такой цѣнѣ, что

вообще говоря дѣлаютъ перенесеніе обиды самымъ выгоднымъ расчетомъ. Безопасность собственности въ Англіи (исключая открытаго насилія) гораздо болѣе обязана общественному мнѣнію и опасенію скандала, чѣмъ законамъ и судебнымъ палатамъ.

Кромѣ несовершенства оградъ, которыми общество сознательно окружаетъ то, что признаетъ собственностью, дурныя учрежденія мѣшаютъ и другими способами выгоднѣйшему употребленію производительныхъ средствъ страны. Въ слѣдующихъ отдѣлахъ нашего трактата представятся случаи замѣтить многія изъ этихъ неудовлетворительныхъ учрежденій. Здѣсь довольно будетъ замѣтить, что успѣшность промышленности бываетъ пропорціональна тому размѣру, въ какомъ плоды работы достаются человѣку, занимающемуся этою работою, и что благопріятность всѣхъ общественныхъ установленій для полезной дѣятельности измѣряется сообразно степени, въ какой ведутъ они къ тому, чтобы вознагражденіе каждому за трудъ было по возможности пропорціонально производимой имъ пользѣ. Всѣ законы или обычаи, дающіе выгоду какому нибудь сословію или разряду людей въ невыгоду другимъ, связывающіе дѣятельность какой нибудь части общества въ стремленіи ея къ своему благу или препятствующіе естественнымъ плодамъ этой дѣятельности поступать въ пользу людей занятыхъ ею,—всѣ такіе законы и обычаи служатъ нарушеніями основныхъ принциповъ общественнаго экономическаго разсчета и ведутъ къ тому, что при нихъ совокупность производительныхъ силъ общества имѣетъ меньшую производительность, чѣмъ какую имѣла бы безъ нихъ.

ГЛАВА VIII.

СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ СОЧЕТАНІЕ ТРУДА.

1. Перечисляя обстоятельства, увеличивающія производительность труда, мы не коснулись одного изъ нихъ, которое требуетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія по своей важности и по многимъ спорнымъ вопросамъ, изъ него возникающимъ. Это — сотрудничество или сочетаніе многихъ человѣческихъ силъ въ трудѣ. Достаточное вниманіе политико-экономовъ было до недавняго времени обращено только на одну часть этого великаго пособія производству, на такъ-называемое раздѣленіе труда; она дѣйствительно заслуживаетъ величайшаго вниманія, но изъ-за нея забывали о другихъ случаяхъ

и проявленіяхъ этого многообъемлющаго закона. Уэкфильдъ, сколько я знаю, первый замѣтилъ, что одна часть предмета ошибочно принималась тутъ за цѣлый предметъ, что изъ этого возникали вредныя послѣдствія и что подъ принципомъ раздѣленія труда лежитъ другой, обнимающій его собою, болѣе основной принципъ.

Онъ показываетъ (въ примѣчаніи къ своему изданію Адама Смита, томъ I, стр. 26), что сотрудничество бываетъ «двухъ разныхъ родовъ: во первыхъ такое, по которому разныя лица помогаютъ другъ другу въ одной работѣ; во вторыхъ такое, по которому разныя лица помогаютъ другъ другу, занимаясь разными трудами. Первое можетъ быть названо простымъ сотрудничествомъ, второе сложнымъ.

«Выгода простаго сотрудничества (говоритъ Уэкфильдъ) указывается поговоркой: «двѣ собаки вмѣстѣ поймаютъ больше зайцевъ, чѣмъ четыре собаки порознь». При многихъ случаяхъ простаго сотрудничества людей, каждому очевидно, что двое людей, работая вмѣстѣ, сдѣлаютъ больше четырехъ людей или четырежды четырехъ людей работающихъ каждый особо отъ другихъ. Подниманіе большихъ тяжестей, подпиливаніе деревьевъ на корню, пилка лѣса, уборка большаго количества сѣна или хлѣба въ короткое время хорошей погоды, осушеніе большаго пространства земли въ недолгій періодъ, въ какой можно успѣшно вести это дѣло, передвиганіе оснастки на кораблѣ, движеніе большихъ лодокъ веслами, нѣкоторыя рудокопныя операціи, установка лѣсовъ для постройки зданій, битье камня для поправки шоссе въ такомъ количествѣ, чтобы все шоссе постоянно было исправно,—во всѣхъ этихъ и въ тысячахъ другихъ простыхъ операцій рѣшительно необходимо работать многимъ людямъ въ одномъ мѣстѣ, въ одно время, однимъ и тѣмъ же способомъ. Дикари Новой Голландіи никогда не помогаютъ другъ другу, даже въ самыхъ простѣйшихъ операціяхъ; и ихъ положеніе едва ли выше, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже ниже состоянія дикихъ животныхъ, которыхъ удается имъ ловить. Вообразимъ себѣ, что англійскіе работники вдругъ перестали помогать другъ другу въ простыхъ занятіяхъ и мы тотчасъ же поймемъ чрезвычайную выгодность простаго сотрудничества. Въ безчисленномъ множествѣ занятій продуктъ труда до извѣстной степени пропорціоналенъ размѣру этого взаимнаго пособія между работниками. Это первый шагъ въ улучшеніи общественнаго положенія». Второй родъ сотрудничества тотъ, когда «извѣстное число людей соединяютъ свой трудъ, чтобы произвести больше пищи,

нежели нужно имъ самимъ, а другіе люди соединяютъ свой трудъ чтобы произвести больше одежды, нежели нужно имъ самимъ, и на этотъ излишекъ одежды покупаютъ у первыхъ работниковъ излишекъ пищи; а если тѣ и другія вмѣстѣ произвели больше пищи и одежды, нежели нужно имъ всѣмъ вмѣстѣ, они всѣ вмѣстѣ получаютъ посредствомъ обмѣна нужный капиталъ на занятіе еще другихъ работниковъ еще другими дѣлами». Черезъ это къ простому сотрудничеству прибавляется новое сотрудничество, которое Уэкфильдъ называетъ сложнымъ. Простое сотрудничество—сочетаніе нѣсколькихъ работниковъ на помощь другъ другу въ одинаковомъ дѣлѣ; сложное сотрудничество—сочетаніе нѣсколькихъ работниковъ на помощь другъ другу раздѣленіемъ операцій между ними.

«Различіе между простымъ и сложнымъ сотрудничествомъ очень важно, говоритъ Уэкфильдъ. Въ простомъ, человѣкъ всегда сознаетъ, что сотрудничаетъ съ другими, взаимное содѣйствіе тутъ очевидно самому невѣжественному и тупому взгляду. Въ сложномъ сотрудничествѣ только очень немногіе изъ множества занятыхъ имъ людей хотя нѣсколько сознаютъ, что содѣйствуютъ другъ другу. Причину этого различія не трудно понять. Когда нѣсколько человѣкъ поднимаютъ одну тяжесть или тащатъ одинъ канатъ въ одно время и въ одномъ мѣстѣ, тутъ невозможно сомнѣваться, что они сотрудничаютъ другъ съ другомъ: этотъ фактъ вносится въ мысль простымъ чувствомъ зрѣнія. Но когда разные люди или разныя собранія людей работаютъ въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ, надъ разными дѣлами, ихъ сотрудничество не такъ прямо замѣчается, какъ простое сотрудничество, хотя они столь же положительнымъ образомъ содѣйствуютъ другъ другу: чтобы замѣтить этотъ фактъ, нужна сложная умственная операція».

При нынѣшнемъ состояніи общества разведеніе овецъ и уходъ за ними — дѣло однихъ людей, мытье шерсти для ея приготовленія къ пряжѣ — дѣло другихъ людей, пряденіе — дѣло третьихъ, тканье сукна изъ пряжи—дѣло четвертыхъ, крашеніе сукна—дѣло пятыхъ, обращеніе сукна въ одежду—дѣло шестыхъ; кромѣ всѣхъ этихъ людей нужны въ разныхъ фазисахъ этого дѣла разные люди для переноски и перевозки, факторы, оптовые и розничные торговцы. Всѣ эти люди, не зная другъ о другѣ, безъ предварительнаго соглашенія сотрудничаютъ другъ другу въ производствѣ окончательнаго продукта, которымъ бываетъ уже только одежда. Но это еще далеко не всѣ люди, сотрудничествующіе въ этомъ дѣлѣ: каждому изъ нихъ нужна пища и нужны многіе другіе предметы

потребленія, и если бы онъ не былъ увѣренъ, что другіе люди произведутъ для него эти предметы, онъ не могъ бы посвятить все свое время на одну часть въ этомъ ряду операцій, производящемъ только одну вещь—суконное платье. Каждый, кто участвовалъ въ производствѣ пищи или постройкѣ домовъ для этой цѣпи производителей, сочеталъ, хотя и безсознательно, свой трудъ съ ихъ трудомъ. Черезъ это фактически существующее, хотя и не выраженное соглашеніе, «разрядъ работниковъ, производящій больше пищи, чѣмъ нужно ему самому, можетъ обмѣниваться съ другимъ разрядомъ, производящимъ больше одежды, нежели нужно ему самому; и если бы эти два разряда людей были раздѣлены одинъ отъ другаго пространствомъ или несогласіемъ на обмѣнъ, если бы оба они не соединялись въ сущности въ одинъ разрядъ для общей цѣли—для производства пищи и одежды въ количествѣ достаточномъ для всѣхъ ихъ вмѣстѣ, то они не могли бы раздѣлить на двѣ особенныя части всю операцію производства достаточнаго для нихъ количества пищи и одежды».

2. Раздѣленіе занятій имѣетъ на производство вліяніе болѣе глубокое, нежели можетъ думать читатель по обыкновенному способу изложенія этого предмета. Количество каждаго продукта очень сильно увеличивается не тогда только, когда производство каждой особенной вещи становится единственнымъ или главнымъ занятіемъ разныхъ людей, и мало сказать, что тутъ количество продукта только возрастаетъ. Нѣтъ, безъ раздѣленія занятій ровно почти никакой вещи нельзя было бы и произвести.

Предположимъ извѣстное число людей или рядъ семействъ, которые всѣ занимаются совершенно однимъ и тѣмъ же; пусть каждое семейство живетъ на своемъ собственномъ участкѣ, на которомъ производитъ своимъ трудомъ пищу, нужную для своего собственнаго продовольствія; пусть по недостатку покупщиковъ на излишніе продукты при такомъ состояніи, когда всѣ производятъ одинаковые продукты, каждая семья должна въ своемъ собственномъ кругу производить всѣ другіе предметы, ею потребляемые. При такихъ условіяхъ, если земля довольно плодородна и если населеніе не размножается постоянно до крайнихъ предѣловъ продовольствія, конечно будутъ нѣкоторыя домашнія издѣлія въ родѣ мануфактурныхъ. Одежда для семьи будетъ, вѣроятно, ткаться въ семьѣ изъ пряжи, выдѣланной тоже въ самой семьѣ, вѣроятно трудомъ женщинъ (первый шагъ въ раздѣленіи занятій); какое нибудь жилье будетъ построено и содержимо въ исправности со-

единеннымъ трудомъ семьи. Но кромѣ простой пищи (и притомъ не совсѣмъ вѣрной по перемѣнчивости урожаевъ), грубой одежды и довольно плохаго жилья, семья едва ли будетъ производить что нибудь. Вообще нужны будутъ ей величайшія усилія, чтобы произвести хотя эти предметы. Даже въ добываніи пищи отъ нивы сила семьи сдерживается въ узкихъ границахъ качествомъ орудій, которыя, по необходимости, будутъ самаго плохаго рода. Произвести для себя какіе нибудь предметы удобства или роскоши семья не можетъ: на это недостаетъ у ней времени и вообще для этого нужно было бы слишкомъ часто ей ходить въ разныя мѣста за матеріалами. Потому будетъ существовать очень немного разныхъ родовъ производства, да и существующіе роды производства (производство предметовъ необходимости) будутъ чрезвычайно неуспѣшны, не по одному плохому качеству орудій, но и потому, что когда земля и домашнія издѣлія, ею поддерживаемыя, удовлетворяютъ въ нѣкоторомъ изобиліи первымъ нуждамъ одной семьи, то мало будетъ побужденій получать отъ земли и отъ труда бо̀льшее количество продуктовъ, пока число семей остается прежнее.

Но предположимъ случай,—онъ будетъ равняться перевороту въ бытѣ этого маленькаго поселенія, — предположимъ, что прибыло въ эту страну и поселилось среди ея жителей нѣкоторое число ремесленниковъ, снабженныхъ инструментами и запасомъ пищи для себя на цѣлый годъ. Эти новые поселенцы займутся тѣмъ, что станутъ производить предметы надобности или наряда, соотвѣтствующіе вкусу неразвитаго народа; пока израсходуютъ они свою пищу, они произведутъ довольно много этихъ предметовъ и будутъ готовы обмѣнять ихъ на новую пищу. Экономическое положеніе земледѣльческаго населенія отъ этого чрезвычайно перемѣнится. Земледѣльцы имѣютъ теперь возможность пріобрѣтать предметы удобства и роскоши. Вещи, которыхъ никакъ не могли бы они получить, если бы снабжались только исключительно своимъ трудомъ, становятся имъ доступными, если только успѣютъ они произвести лишнее количество пищи и предметовъ необходимости. Этимъ они побуждаются увеличить производительность своихъ промысловъ. Въ числѣ лучшихъ прежняго вещей, которыя теперь стали доступны имъ, вѣроятно находятся рабочія орудія лучше прежнихъ. Кромѣ того, они имѣютъ причину работать неотступнѣе, придумывать и принимать средства, чтобы ихъ трудъ былъ успѣшнѣе. Этими способами они вообще успѣютъ заставить свою землю производить больше прежняго, такъ что кромѣ пищи

для самихъ себя у нихъ будетъ излишекъ, остающійся для новыхъ пришельцевъ, и на него они будутъ покупать продукты этихъ ремесленниковъ. Новые поселенцы составятъ то, что называется «рынкомъ» для излишка земледѣльческихъ продуктовъ, и черезъ ихъ прибытіе поселеніе обогатилось не одними только мануфактурными товарами ихъ издѣлія; но кромѣ того еще пищей, которая не была бы произведена, еслибъ не было ихъ тутъ для ея потребленія.

Это понятіе не противорѣчитъ изложенному нами (на стр. 110—121) принципу, что рынокъ для товаровъ не составляетъ занятія для труда. Трудъ земледѣльцевъ былъ уже снабженъ занятіемъ; возможностью содержать себя они не обязаны запросу со стороны новыхъ пришельцевъ. Вліяніе этого запроса на нихъ то, что онъ вызываетъ ихъ трудъ къ большей бодрости и успѣшности, возбуждаетъ ихъ новыми причинами къ новымъ усиліямъ. Новые пришельцы также не запросу земледѣльцевъ обязаны своимъ содержаніемъ и занятіемъ: имѣя въ запасѣ на годъ продовольствія, они могли бы занять участки подлѣ прежнихъ жителей и, подобно имъ, производить скудное количество пищи и предметовъ необходимости. Но мы видимъ, какую чрезвычайную важность для производительности труда производителей имѣетъ существованіе другихъ производителей, занятыхъ подлѣ нихъ другимъ промысломъ. Возможность обмѣнивать продукты одного рода труда на продукты другаго—такое условіе, безъ котораго почти всегда трудъ существовалъ бы въ меньшемъ количествѣ. Когда открывается для какого нибудь продукта новый рынокъ и когда потому производится большее количество этого товара, увеличеніе въ его производствѣ не всегда получается черезъ уменьшеніе другихъ продуктовъ: часто оно создается вновь, бываетъ результатомъ труда, который иначе остался бы бездѣйственнымъ, или бываетъ результатомъ пособія, оказываемаго труду улучшеніями въ производствѣ и разными способами сотрудничества, къ которымъ люди не прибѣгли бы, если бы не представлялось для нихъ побужденія увеличить количество продукта.

3. Изъ этихъ соображеній видно, что общество едва ли будетъ имѣть производительное земледѣліе безъ большаго городскаго населенія или безъ единственной порядочной замѣны за него, безъ большаго вывоза земледѣльческихъ продуктовъ за границу для иноземнаго населенія. Я употребляю выраженіе «городское населеніе» для краткости, желая просто обозначить этимъ не-земле-

дѣльческое населеніе, которое вообще бываетъ собрано въ городахъ или большихъ селахъ, для сочетанія труда. Уэкфильдъ вывелъ изъ этого въ примѣненіи къ теоріи колонизаціи мысль, которая возбудила большое вниманіе и безъ сомнѣнія обратитъ его на себя впослѣдствіи еще въ гораздо большей степени. Это одно изъ тѣхъ великихъ практическихъ открытій, истина которыхъ такъ очевидна, что когда они разъ сдѣланы, трудно бываетъ понять, какая заслуга въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ. Уэкфильдъ первый указалъ, что неудовлетворителенъ былъ обыкновенный тогдашній способъ устраивать новыя поселенія: селить множество семей каждую на своемъ участкѣ, чтобы всѣ онѣ занимались однимъ и тѣмъ же; что этотъ способъ можетъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, обезпечить поселенцамъ изобиліе грубыхъ вещей первой необходимости, но всегда будетъ неблагопріятенъ большому производству или быстрому возрастанію колоніи. Система самого Уэкфильда состоитъ въ томъ, чтобы съ самаго начала давалось колоніи городское населеніе въ извѣстной пропорціи къ земледѣльческому и чтобы земледѣльцы не были разбросаны слишкомъ широко, чтобы отдаленность не отнимала у нихъ выгоду имѣть въ этомъ городскомъ населеніи рынокъ для своихъ продуктовъ. Принципъ, на которомъ основанъ этотъ планъ, вовсе не вытекаетъ изъ какой нибудь теоріи о большей производительности воздѣлыванія земли большими участками посредствомъ наемнаго труда. Предположимъ, что земля даетъ наибольшее количество продуктовъ при раздѣленности на мелкіе участки и при воздѣлываніи землепашцами-собственниками: городское населеніе также будетъ необходимо для возбужденія этихъ собственниковъ къ большему производству; и если они такъ отдалены отъ ближайшаго центра городскаго населенія, что не могутъ имѣть его рынкомъ для излишка своихъ продуктовъ, для удовлетворенія другимъ своимъ потребностямъ черезъ обмѣнъ, то, вообще говоря, не будетъ произведенъ ни этотъ излишекъ, ни предметы, которые бы шли въ обмѣнъ за него.

Малочисленность городскаго населенія служитъ главною причиною малой производительности земледѣлія въ такихъ странахъ, какъ Индія. Индійское земледѣліе ведется все по системѣ малыхъ участковъ, но въ немъ есть большое сочетаніе труда. Сельскія учрежденія и обычаи, составляющія существенную основу индійскаго общества, производятъ соединенную дѣятельность для тѣхъ случаевъ, когда она нужна; а гдѣ они не удовлетворяютъ этой

надобности, правительство (если ведется не совсѣмъ дурно) заступаетъ ихъ мѣсто и на свои доходы исполняетъ сложный трудъ постройки резервуаровъ, плотинъ и другихъ сооруженій для орошенія полей. Но земледѣльческія орудія и методы такъ плохи, что продуктовъ получается чрезвычайно мало, несмотря на большое естественное плодородіе почвы и высокую благопріятность климата для растительности. Не отступая отъ системы воздѣлыванія мелкими участками, Индія могла бы производить пищу въ изобиліи для гораздо большаго числа жителей, чѣмъ какое имѣетъ теперь; но нѣтъ въ ней къ этому возбужденія, даваемаго большимъ городскимъ населеніемъ, связаннымъ съ земледѣльческими округами посредствомъ легкихъ и дешевыхъ способовъ сообщенія. А городское населеніе не увеличивается оттого, что земледѣльцы, по своей нетребовательности, по малочисленности своихъ нуждъ (и до недавняго времени по чрезвычайной небезопасности имущества, подвергавшагося военному и правительственному хищничеству), не стремятся стать потребителями городскихъ продуктовъ. При такихъ обстоятельствахъ, лучшій шансъ скораго развитія производительныхъ средствъ Индіи состоитъ въ томъ, чтобы быстро увеличивался вывозъ ея земледѣльческихъ продуктовъ (хлопчатой бумаги, индиго, сахару, кофе и т. д.) на европейскіе рынки. Производители этихъ товаровъ служатъ потребителями пищи, производимой другими индійскими земледѣльцами; при порядочной администраціи, открывающійся черезъ это сбытъ для излишка пищи постепенно расширитъ въ земледѣльцахъ потребности и желанія, для удовлетворенія которымъ будутъ привозиться вещи изъ Европы, или разовьется въ самой Индіи фабричное населеніе.

4. Раздѣленіе занятій—такая форма сочетанія труда, безъ которой невозможны даже первые начатки промышленной цивилизаціи. Но когда это раздѣленіе совершенно установилось, когда стало общимъ обычаемъ, что каждый производитель снабжаетъ многихъ другихъ людей однимъ товаромъ, и снабжается отъ нихъ почти всѣми остальными вещами, которыя самъ потребляетъ, то причины, столь же основательныя, хотя не столь рано чувствуемыя, требуютъ дальнѣйшаго развитія того же принципа. Найдено, что производительная сила труда увеличивается по мѣрѣ того, какъ его раздѣленіе проводится все дальше и дальше, каждый процессъ производства все больше и больше раздробляется на особыя части, такъ что на каждаго работника приходится все меньшее число простыхъ операцій. Такимъ образомъ современемъ

возникаютъ тѣ замѣчательные случаи такъ называемаго раздѣленія труда, которые знакомы каждому, читавшему политико-экономическія книги. Примѣръ булавочной фабрикаціи, представленный Адамомъ Смитомъ, такъ удаченъ, что я рѣшаюсь выписать здѣсь еще разъ этотъ отрывокъ, хотя онъ извѣстенъ всѣмъ. «Процессъ выдѣлки булавки раздѣляется на 18 особыхъ операцій. Одинъ человѣкъ тянетъ проволоку, другой прямитъ ее, третій рѣжетъ, четвертый заостряетъ отрѣзки, пятый сплющиваетъ ихъ для насаживанія головки; для выдѣлки головки нужны еще двѣ или три особыя операціи; насаживать головки также особое дѣло, бѣлить булавки тоже особое дѣло; даже вкалывать ихъ въ бумагу особое дѣло... Я видѣлъ маленькую фабрику, на которой работало только десять человѣкъ, такъ что изъ нихъ инымъ приходилось дѣлать двѣ или три разныя операціи. Но хотя они были очень бѣдны и потому инструменты, нужные для дѣла, были у нихъ довольно плохи, они все-таки, когда работали прилежно, могли сдѣлать всѣ вмѣстѣ около 12 фунтовъ булавокъ въ день. Въ фунтѣ считается больше 4,000 булавокъ средней величины. Итакъ, эти 10 человѣкъ могли сдѣлать больше 48,000 булавокъ въ день, — то есть, можно считать, что каждый изъ нихъ, исполняя десятую часть изъ 48,000 булавокъ, дѣлалъ по 4,800 булавокъ въ день. А если бы они работали врозь другъ отъ друга, и если бы каждый изъ нихъ не былъ обученъ своему особенному дѣлу, то навѣрное всякій изъ нихъ не сдѣлалъ бы и 20 булавокъ въ день, можетъ быть не сдѣлалъ бы ни одной».

Сэ представляетъ еще сильнѣйшій примѣръ результатовъ раздѣленія труда, — онъ взятъ изъ фабрикаціи игорныхъ картъ, — изъ промышленности, какъ видимъ, очень не важной. — «Люди, занимающіеся этимъ дѣломъ, говорятъ, что каждая карта, то-есть кусочекъ картона, величиною въ ладонь, проходитъ до вступленія своего въ продажу не менѣе 70 операцій *), изъ которыхъ каждая

*) «Бумагу, изъ которой дѣлаются карты, и краски, которыми онѣ иллюминуются, приготовляютъ не тѣ работники, которые находятся на карточной фабрикѣ. Но обративъ вниманіе только на выдѣлку картъ изъ этихъ матеріаловъ, мы найдемъ, что колода картъ — результатъ множества операцій, изъ которыхъ каждою занимаются особенные работники и работницы, постоянно занимающіеся одною этою операціею. Одни люди, постоянно одни и тѣ же, счищаютъ съ бумаги сорники и узелки, отъ которыхъ толщина карты была бы не вездѣ ровна; другіе склеиваютъ три листка бумаги, изъ которыхъ составляется карта, и кладутъ ихъ подъ прессъ; третьи красятъ

можетъ быть занятіемъ для особенныхъ работниковъ. И если не въ каждой карточной фабрикѣ находится 70 разрядовъ рабочихъ, это значитъ только, что раздѣленіе труда не доведено на нихъ до настоящаго предѣла, и что одинъ работникъ занятъ двумя, тремя или четырьмя разными операціями. Вліяніе этого распредѣленія занятій громадно. Я видѣлъ карточную фабрику, на которой 30 работниковъ производили въ день по 15,500 картъ, то-есть больше, чѣмъ по 500 картъ на каждаго работника; а можно думать, что если бы каждый изъ этихъ работниковъ былъ принужденъ самъ одинъ совершать всѣ операціи, то хотя бы онъ былъ искусенъ въ мастерствѣ, онъ едва ли сдѣлалъ бы въ день двѣ карты, и 30 работниковъ, вмѣсто 15,500 картъ, сдѣлали бы развѣ 60 картъ въ день».

По замѣчанію Беббеджа («Economy of Machinery and Manufacture», 3-е изданіе, стр. 201), «свидѣтели объясняли коммиссіи палаты общинъ, что производство карманныхъ часовъ имѣетъ 102 отдѣльныя части, что мальчикъ можетъ идти въ ученики по каждой изъ нихъ, что онъ выучится только этой одной части, которой ограничивается его мастеръ, и кончивъ свое ученичество, не умѣетъ, безъ новаго обученія, заниматься никакою другою частью. Часовой складывальщикъ (watch finisher), который занимается составленіемъ часовъ изъ разрозненныхъ частей, одинъ изъ этихъ 102 человѣкъ умѣетъ дѣлать что нибудь въ карманныхъ часахъ, кромѣ своего особеннаго дѣла».

5. Нѣкоторыя изъ причинъ дающихъ большую успѣшность труду при раздѣленіи занятій, такъ знакомы каждому, что не требуютъ особеннаго разъясненія; но не безполезенъ будетъ опытъ

ту сторону карты, которая будетъ крапомъ; четвертые оттискиваютъ черную краску на лицевой сторонѣ карты; пятые оттискиваютъ на ней другія краски; шестые сушатъ на жаровнѣ оттиснутыя карты; седьмые лощатъ ихъ съ обѣихъ сторонъ. Рѣзать карты въ ровную величину—особое занятіе, подбирать изъ нихъ колоды—тоже; оттискивать обертку для нихъ — также особое дѣло, завертывать ихъ въ нее—тоже. Мы не считаемъ того, что опять особенные люди заняты ихъ продажею, покупкою матеріаловъ, расплатою съ работниками, веденіемъ письменной части». (Say, Cours d'Economie politique pratique).

Замѣчательнымъ доказательствомъ экономіи труда, производимой этимъ дробнымъ дѣленіемъ занятій, служитъ то, что продается по ничтожной цѣнѣ вещь, составляющая результатъ такого множества ручныхъ операцій.

Прим. авт.

*

перечислить всѣ ихъ. Адамъ Смитъ всѣ ихъ сводитъ въ три элемента: «во первыхъ, увеличеніе ловкости въ каждомъ спеціальномъ работникѣ; во вторыхъ, сбереженіе времени, которое вообще теряется при переходѣ отъ одного рода работы къ другому; наконецъ, изобрѣтеніе множества машинъ, облегчающихъ и сокращающихъ трудъ, такъ что съ ними одинъ человѣкъ исполняетъ работу нѣсколькихъ людей».

Изъ этихъ выгодъ самая явная и всеобщая — увеличеніе ловкости работника. Тутъ говорится не то, что чѣмъ чаще исполняется дѣло, тѣмъ лучше оно будетъ исполняться,—это зависитъ отъ понятливости работника и оттого, прилежно ли работаетъ его умъ вмѣстѣ съ руками; но во всякомъ случаѣ, оно будетъ исполняться легче. Сами органы пріобрѣтаютъ больше крѣпости; мускулы отъ частаго упражненія становятся сильнѣе, гибче, умственныя силы болѣе успѣшны въ своемъ трудѣ и менѣе чувствительны къ утомленію. Что можетъ быть исполнено легче, то имѣетъ шансъ быть исполнено лучше, и навѣрное будетъ исполнено скорѣе. То, что сначала дѣлалось медленно, потомъ дѣлается быстро; то, что сначала дѣлалось аккуратно только при медленности, потомъ дѣлается такъ же аккуратно съ быстротою. Это равно примѣняется и къ умственнымъ и къ физическимъ операціямъ. Даже ребенокъ, когда много упражняется въ сложеніи, слагаетъ цѣлую колонну числъ съ такою быстротою, какъ будто прямо, не вычисляя, видитъ ихъ сумму. Говорить на своемъ языкѣ, бѣгло читать, играть музыкальныя пьесы à livre ouvert—вотъ всѣмъ извѣстные и очень замѣчательные примѣры быстроты и легкости, пріобрѣтаемой отъ повторенія дѣла; изъ физическихъ дѣйствій такими примѣрами могутъ служить танцы, гимнастическія упражненія, легкая и блестящая игра на фортепьяно или скрипкѣ. Въ простыхъ ручныхъ операціяхъ этотъ результатъ достигается еще скорѣе. «Быстрота, съ какою производятся операціи въ нѣкоторыхъ ручныхъ издѣліяхъ, говоритъ Адамъ Смитъ, превосходитъ все, чего могли бы ожидать отъ человѣческой руки люди, не видавшіе ихъ» *). Разумѣется, эта ловкость пріобрѣтается тѣмъ скорѣе, чѣмъ

*) «Въ астрономическихъ наблюденіяхъ, чувства астронома дѣлаются отъ привычки такъ остры, что онъ можетъ измѣрять промежутки времени до десятой части секунды, и устанавливать свои инструменты по дѣленіямъ, которыхъ 5,000 помѣщается на одномъ дюймѣ. Тоже самое и въ самыхъ невысокихъ ручныхъ производствахъ. Ребенокъ, насаживающій головку на бу-

дробнѣе раздѣленіе труда, и работникъ никогда не достигнетъ ея, если ему нужно совершать такое же множество разныхъ операцій, что становится невозможнымъ достаточно частое повтореніе каждой изъ нихъ. Выгода здѣсь не та одна, что въ результатѣ достигается большая успѣшность труда,—кромѣ этого, уменьшается потеря времени и трата матеріала на обученіе дѣлу. «Нѣкоторое количество матеріала, говоритъ Беббеджъ (стр. 171), неизбѣжно будетъ невыгодно потреблено или испорчено каждымъ, кто учится работѣ, и если онъ учится каждому процессу, поочередно совершающемуся въ дѣлѣ, онъ каждый разъ будетъ тратить нѣсколько матеріала или отчасти изготовленнаго товара. Но если каждый учащійся дѣлаетъ эту растрату, постепенно учась каждому процессу, то количество потери будетъ гораздо меньше, когда каждый ограничится однимъ процессомъ». И вообще, каждый гораздо скорѣе научится исполнять одинъ свой процессъ, если учась ему не будетъ развлекаться необходимостью учиться другимъ процессамъ.

О второй изъ выгодъ, происходящихъ отъ раздѣленія труда, я думаю, что Адамъ Смитъ и другіе придаютъ ей больше значенія, чѣмъ она заслуживаетъ. Чтобы справедливо разобрать мнѣніе Смита, я приведу его собственныя слова: «выгоды, пріобрѣтаемыя сбереженіемъ времени, обыкновенно пропадающаго при переходѣ отъ дѣла одного рода къ другому, гораздо больше, чѣмъ можно полагать съ перваго взгляда. Невозможно въ одну минуту перейти отъ одного дѣла къ другому, исполняемому на другомъ мѣстѣ и совершенно другими инструментами. Деревенскій ткачъ, воздѣлывающій маленькую ферму, долженъ терять много времени, переходя отъ станка на поле и съ поля къ станку. Когда два дѣла могутъ быть ведены въ одной мастерской, потеря времени конечно гораздо меньше. Но и тутъ она очень велика. Человѣкъ вообще нѣсколько полѣнится, обращаясь отъ одного дѣла къ другому. При самомъ началѣ новаго дѣла, онъ рѣдко бываетъ горячъ и усерденъ къ работѣ; какъ говорится, душа у него еще не разго-

---

лавку, нѣсколько часовъ сряду повторяетъ по нѣскольку сотъ разъ въ каждую минуту эту операцію, требующую сложнаго ряда мускульныхъ движеній. Недавно въ одной изъ манчестерскихъ газетъ мы прочли, что особенный родъ пряжи, который называется gimp, сначала дѣлавшійся за три шиллинга фунтъ, теперь дѣлается за одинъ пенсъ, и эта дешевизна произошла не отъ введенія новыхъ машинъ, какъ обыкновенно, а только отъ увеличенія ловкости работниковъ». Edinburgh Review, январь 1849, стр. 81. Прим. авт.

рѣлась на работу, и нѣсколько времени онъ больше бездѣльничаетъ, чѣмъ работаетъ какъ должно. Привычка терять время, работать вяло и небрежно, натурально или лучше сказать неизбѣжно пріобрѣтаемая каждымъ деревенскимъ рабочимъ, принужденнымъ почти каждые получаса перемѣнять работу и инструменты, и почти каждый день браться за двадцать разныхъ занятій, почти всегда дѣлаетъ его лѣнивымъ, вялымъ, неспособнымъ къ энергической работѣ даже въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ». Нельзя не сказать, что это описаніе неуспѣшности деревенскаго труда чрезвычайно преувеличено: онъ успѣшенъ, когда имѣетъ достаточныя побужденія быть усерднымъ. Мало такихъ работниковъ, которые чаще садовника мѣняли бы работу и инструменты,—но развѣ садовники вообще неспособны къ усердному труду? Многіе изъ ремесленниковъ должны дѣлать очень большое число разныхъ операцій разными инструментами; они не исполняютъ этихъ операцій съ тою быстротою, какъ фабричный работникъ свою единственную операцію; но они во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ быстроты рукъ, болѣе искусны въ работѣ, чѣмъ фабричные работники, и работаютъ гораздо энергичнѣе ихъ.

Беббеджъ, слѣдуя Адаму Смиту, говоритъ: «когда человѣческая рука или голова нѣсколько времени занималась одною работою, она не можетъ заняться вдругъ другою съ полною успѣшностью. Мускулы работавшихъ членовъ пріобрѣли во время прежней работы нѣкоторую гибкость, а бездѣйствовавшіе неподвижность отъ отдыха; потому при каждой перемѣнѣ дѣло идетъ сначала медленно и неровно. Долгая привычка производитъ въ упражнявшихся мускулахъ способность переносить гораздо больше утомленія, чѣмъ сколько могли бы они перенести безъ этой привычки. Подобный результатъ долженъ происходить и при перемѣнѣ умственной работы; сначала вниманіе, обращаемое на новый предметъ, не такъ полно, какъ послѣ нѣкотораго времени занятія имъ. Употребленіе разныхъ инструментовъ при разныхъ операціяхъ одного дѣла—другая причина потери времени при переходѣ отъ одной операціи къ другой. Если эти инструменты просты и перемѣны не часты, потеря не велика; но во многихъ производствахъ инструменты очень нѣжны, требуютъ аккуратнаго приспособленія, установки каждый разъ, какъ употребляются въ дѣло, и во многихъ случаяхъ, время нужное для установки инструмента значительно по сравненію съ временемъ работы имъ. Таковы: подвижная подпорка (sliding rest), дѣлительная и пробивная машина (the

dividing and the drilling engine). Отъ этого, если фабрика достаточно велика, оказывается выгоднымъ держать каждую машину постоянно за однимъ дѣломъ; напримѣръ винтовая машина, имѣющая спиральное движеніе по всему ложу подвижной подпорки, постоянно употребляется только на дѣланіе цилиндровъ; другая, съ уравнительнымъ движеніемъ, только на шлифовку поверхностей ребрами, а третья только на рѣзаніе колесъ».

Я вовсе не говорю, чтобы эти соображенія были ничтожны, но думаю, что напрасно забывать о соображеніяхъ противоположнаго характера. Если извѣстный мускульный или умственный трудъ различенъ отъ другаго, онъ по этому самому уже служитъ до нѣкоторой степени отдыхомъ отъ него; и если во второмъ дѣлѣ не съ разу получается полная энергія, то и перваго нельзя было бы продолжать больше извѣстнаго времени безъ нѣкотораго ослабленія энергіи. Житейскій опытъ каждому показываетъ, что перемѣна занятія часто доставляетъ отдыхъ, когда безъ перемѣны необходимо было бы для отдыха совершенное бездѣйствіе; что человѣкъ, поочередно мѣняя дѣло, можетъ работать безъ утомленія нѣсколькими часами дольше, чѣмъ когда бы оставался при одномъ дѣлѣ. Надъ разными дѣлами работаютъ разные мускулы или разныя умственныя способности, изъ которыхъ одни отдыхаютъ и освѣжаются, пока работаютъ другіе. Физическій трудъ самъ по себѣ уже отдыхъ отъ умственнаго, и наоборотъ. Разнообразіе само по себѣ уже имѣетъ освѣжающее дѣйствіе на качество, которое мы, за недостаткомъ болѣе точнаго термина, назовемъ бодростью духа, — качество столь важное для успѣшности всякаго труда, не исключительно машинальнаго, не лишенное важности и для чисто-машинальнаго труда. Эти соображенія имѣютъ неодинаковую важность по примѣненію къ людямъ разныхъ характеровъ: нѣкоторые люди способнѣе другихъ къ упорному труду за однимъ дѣломъ безъ перемѣны и менѣе способны къ перемѣнѣ дѣла; имъ, по разговорному выраженію, нужно больше времени на то, чтобы расходилась у нихъ рука; начальная вялость въ работѣ у нихъ продолжительнѣе, больше нужно имъ времени, чтобы вполнѣ одушевились на дѣло ихъ способности, а когда они одушевятся, они ужъ не скоро бросаютъ дѣло, работаютъ безостановочно, даже до вреда здоровью. Тутъ нужно брать въ соображеніе темпераментъ. Есть люди, которые, кажется уже отъ самой природы, таковы, что способности у нихъ разъигрываются медленно, работаютъ слабо, пока не разгорячатся долгою работою. У другихъ наоборотъ, спо-

собности разъигрываются быстро; но не могутъ безъ изнуренія дѣйствовать долго. Впрочемъ и тутъ, какъ почти вездѣ, привычка гораздо важнѣе врожденныхъ различій, хотя есть и врожденныя различія. Привычка быстро переходить отъ одного занятія къ другому, подобно всякой привычкѣ, можетъ быть пріобрѣтаема раннимъ упражненіемъ; а когда она пріобрѣтена, то уже вовсе нѣтъ при переходахъ отъ одного занятія къ другому того бездѣльничанья, о которомъ говоритъ Адамъ Смитъ, нѣтъ ослабленія энергіи и усердія, — напротивъ, работникъ берется за каждую новую часть работы со свѣжестью и бодростью, которыхъ не сохранилъ бы (кромѣ развѣ случаевъ необычайно разгорѣвшагося жара къ работѣ), оставаясь при одной части дѣла дольше, чѣмъ привыкъ. Женщины (по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ своемъ общественномъ положеніи) вообще гораздо живѣе мужчинъ переходятъ отъ мысли къ мысли, отъ дѣла къ дѣлу; и вопросъ этотъ служитъ однимъ изъ множества примѣровъ того, какъ мало принимались до сихъ поръ въ расчетъ опытъ и понятія женщинъ при составленіи мнѣній. Мало найдется женщинъ, которыя не отвергли бы мысль, что работа становится энергична отъ продолжительности и что успѣшность работы на время ослабляется перемѣною дѣла. Но и въ этомъ случаѣ разница кажется мнѣ происходящею гораздо больше отъ привычки, чѣмъ отъ натуры. Изъ десяти мужчинъ девятеро занимаются каждый однимъ спеціальнымъ дѣломъ, а изъ десяти женщинъ девять занимаются каждая множествомъ разныхъ дѣлъ, изъ которыхъ всякое требуетъ очень мало времени. Женщины постоянной надобностью пріучились живо переходить отъ одного матеріальнаго занятія, а еще больше отъ одного умственнаго занятія къ другому, потому перемѣна почти никогда не соединена у нихъ съ затрудненіемъ или потерею времени; а занятіе мужчины состоитъ обыкновенно въ долгой и постоянной работѣ надъ одной вещью или надъ очень небольшимъ числомъ вещей. Но иногда бываетъ наоборотъ; тогда и характеры становятся противоположны общему правилу. Женщины оказываются не менѣе мужчинъ способны къ однообразію фабричной работы, — иначе не брали бы на фабрики такое множество женщинъ; а мужчина, привыкшій заниматься множествомъ разныхъ дѣлъ, вовсе не становится вялымъ и лѣнивымъ существомъ, о какомъ говоритъ Адамъ Смитъ, напротивъ, бываетъ замѣчательно живъ и дѣятеленъ. Но правда, что перемѣна занятій можетъ бывать чрезмѣрно частою

даже для самаго живаго человѣка. Безпрерывная перемѣнчивость еще утомительнѣе постояннаго однообразія.

Третья выгода, приписываемая Адамомъ Смитомъ раздѣленію труда, дѣйствительно существуетъ въ нѣкоторой степени. Изобрѣтенія, сберегающія трудъ въ извѣстной операціи, могутъ скорѣе быть придуманы человѣкомъ, у котораго мысли сильно обращены на это дѣло и постоянно имъ заняты. Не такъ скоро сдѣлаетъ усовершенствованіе въ какомъ нибудь дѣлѣ человѣкъ, вниманіе котораго сильно развлечено другими дѣлами. Но и тутъ общее развитіе сообразительности и привычка къ умственной дѣятельности гораздо важнѣе исключительности занятія; и если исключительность доводится до степени неблагопріятной умственному развитію, тутъ будетъ больше проигрыша, чѣмъ выигрыша, для придумыванія улучшеній. Можно прибавить, что отъ какой бы причины ни дѣлались изобрѣтенія, но когда сдѣлано изобрѣтеніе, то увеличеніемъ успѣшности труда мы обязаны самому изобрѣтенію, а не раздѣленію труда.

Величайшая (послѣ ловкости работника) выгода, получаемая нынѣшнею фабричною промышленностью отъ дробнаго раздѣленія труда, не упомянута у Адама Смита, но замѣчена Беббеджемъ: она состоитъ въ томъ, что трудъ распредѣляется экономичнѣе черезъ классификацію работниковъ по ихъ способностямъ. Разныя части въ одномъ ряду операцій требуютъ не одинаковой степени ловкости и физической силы; люди, у которыхъ достаетъ ловкости на самыя затруднительныя, или достаетъ силы на самыя тяжелыя части труда, становятся гораздо полезнѣе, когда занимаются однѣми этими частями, и когда тѣ части, къ которымъ пригоденъ каждый, оставляются людямъ не способнымъ къ другимъ частямъ. Производство успѣшнѣе всего тогда, когда употребляется на него именно такое, а не большее количество ловкости и силы, какое нужно на каждую часть процесса. Производство булавокъ конечно требуетъ въ разныхъ своихъ частяхъ очень разныхъ степеней ловкости, такъ что плата разнымъ работникамъ и работницамъ этого производства отъ $4^1/_2$ пенсовъ (12 копѣекъ) въ день доходитъ до 6 шиллинговъ (2-хъ рублей); и если бы работникъ, получающій по 6 шиллинговъ, долженъ былъ производить весь процессъ, онъ часть своего времени работалъ бы съ потерею равняющеюся въ день разницѣ между 6 шиллингами и $4^1/_2$ пенсами. Не считая потери въ количествѣ производимаго продукта и полагая даже, что этотъ работникъ сдѣлалъ бы фунтъ булавокъ въ

то время, въ какое десять работниковъ, соединяя свой трудъ, дѣлаютъ десять фунтовъ, Беббеджъ вычисляетъ, что выдѣлка булавокъ безъ раздѣленія труда стоила бы въ $3^3/_4$ раза большихъ издержекъ, чѣмъ теперь съ раздѣленіемъ труда. Въ выдѣлкѣ иголокъ, прибавляетъ онъ, разница была бы еще больше, потому что въ этомъ производствѣ норма вознагражденія за разныя части выдѣлки идетъ отъ 6 пенсовъ (16-ти коп.) до 20 шиллинговъ (6 руб. 50 коп.) въ день.

Къ выгодѣ, состоящей въ полученіи наибольшаго количества полезности изъ даннаго количества ловкости, можно прибавить другую подобную ей выгоду, состоящую въ томъ, что извлекается наибольшая полезность изъ инструментовъ. Если бы, говоритъ Ре въ своей замѣчательной книгѣ (Statement of some New Principles on the subject of Political Economy, by John Ræ, стр. 164), у одного человѣка были всѣ инструменты, нужные для нѣсколькихъ разныхъ занятій, то по крайней мѣрѣ три четверти изъ нихъ постоянно лежали бы безъ употребленія и безъ пользы. Изъ этого ясно, что если бы существовало общество, въ которомъ каждый человѣкъ имѣлъ бы всѣ эти инструменты и поочередно занимался бы всѣми этими работами, то членамъ общества выгодно было бы, если только можно, раздѣлить между собою эти инструменты и каждому ограничиться однимъ особымъ занятіемъ. Выгоды отъ такой перемѣны велики для всего общества, стало быть и для каждаго отдѣльнаго человѣка. Во первыхъ, разныя орудія, будучи въ постоянномъ употребленіи, даютъ лучшую выручку за расходъ, сдѣланный на ихъ пріобрѣтеніе. Во вторыхъ по этому самому владѣльцы могутъ имѣть ихъ въ лучшемъ качествѣ и въ большей полнотѣ. Результатъ обоихъ этихъ обстоятельствъ тотъ, что дѣлается большій запасъ на будущія потребности всего общества.

6. Степень раздѣленія труда, какъ замѣчали всѣ писавшіе о ней, опредѣляется размѣромъ рынка. Если, при раздѣленіи булавочнаго производства на десять разныхъ занятій, можно дѣлать въ день 48,000 булавокъ, это раздѣленіе будетъ выгодно только въ томъ случаѣ, когда число покупателей таково, что они каждый день требуютъ около 48,000 булавокъ. Если запросъ есть только на 24,000, раздѣленіе труда съ выгодою можетъ быть доведено только до той степени, на которой ежедневно будетъ производить эту меньшую цифру. Вотъ теперь мы видимъ еще новый путь, которымъ увеличеніе запроса на товаръ ведетъ къ увеличенію ус-

пѣшности труда, занятаго производствомъ товара. Размѣръ рынка можетъ быть тѣсенъ отъ разныхъ причинъ: отъ слишкомъ малаго числа населенія; отъ чрезмѣрной раздробленности и отдаленности населенія, такъ что доступъ къ нему труденъ; отъ недостатка сухопутныхъ и водяныхъ путей сообщенія; наконецъ отъ бѣдности населенія, т. е. отъ того, что совокупный трудъ населенія слишкомъ неуспѣшенъ, такъ что не допускаетъ большаго потребленія. Потому вялость, искусство и недостатокъ сочетанія въ трудѣ у людей, которые были бы покупщиками товара, ограничиваютъ практически достижимую степень сочетанія труда у производителей товара. Въ раннемъ фазисѣ цивилизаціи, когда запросъ данной мѣстности былъ по необходимости малъ, промышленность процвѣтала только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя, владѣя моремъ или судоходною рѣкою, могли имѣть рынкомъ для своихъ продуктовъ цѣлый міръ или всѣ страны, лежащія по морю или по судоходной рѣкѣ. Возрастаніе общаго богатства на земномъ шарѣ ведетъ къ увеличенію производительности труда у каждой отдѣльной націи, когда сопровождается свободою торговыхъ сношеній, улучшеніями водяныхъ средствъ сообщенія и сухопутныхъ дорогъ черезъ проведеніе шоссе, каналовъ и желѣзныхъ дорогъ: черезъ это каждая мѣстность получаетъ возможность снабжать своими спеціальными продуктами рынокъ, до того увеличивающійся, что обыкновеннымъ результатомъ для производства бываетъ большое расширеніе раздѣленія труда.

Степень раздѣленія труда во многихъ случаяхъ зависитъ также отъ характера самаго труда. Напримѣръ, земледѣліе неспособно къ такому большому раздѣленію занятій, какъ многія отрасли фабричнаго дѣла, потому что разныя операціи земледѣлія не могутъ быть ведены одновременно. Нельзя одному человѣку всегда пахать, другому сѣять, третьему жать. Работникъ, исполняющій только одну какую нибудь земледѣльческую операцію, оставался бы празднымъ одинадцать мѣсяцевъ въ годъ. Одинъ человѣкъ можетъ постепенно исполнять всѣ эти операціи и все-таки почти во всякомъ климатѣ будетъ у него оставаться много незанятаго времени. Чтобы произвести значительное усовершенствованіе въ земледѣліи, часто бываетъ нужно, чтобы трудились вмѣстѣ много работниковъ. Но кромѣ немногихъ людей, занятыхъ общимъ надзоромъ за дѣломъ, всѣ остальные работники дѣлаютъ тутъ одно и то же. Каналъ или насыпь для желѣзной дороги нельзя сдѣлать безъ сочетанія множества работниковъ; но кромѣ инженера съ

нѣсколькими бухгалтерами и письмоводителями, всѣ они землекопы.

ГЛАВА IX.

ПРОИЗВОДСТВО ВЪ БОЛЬШОМЪ И ПРОИЗВОДСТВО ВЪ МАЛОМЪ РАЗМѢРѢ.

1. Изъ важности сочетанія труда явно слѣдуетъ выводъ, что есть много случаевъ, въ которыхъ производство совершается гораздо успѣшнѣе, когда ведется въ большомъ размѣрѣ. Если достиженіе наибольшей успѣшности труда зависитъ отъ сочетанія многихъ работниковъ, хотя бы только по способу простаго сотрудничества, то размѣръ предпріятія долженъ быть таковъ, чтобы соединилось въ немъ много работниковъ, а размѣръ капитала таковъ, чтобы онъ могъ содержать много работниковъ. Еще нужнѣе это, когда характеромъ занятія допускается, а размѣромъ возможнаго сбыта вызывается значительное раздѣленіе труда. Чѣмъ обширнѣе предпріятіе, тѣмъ дальше можетъ быть проведено раздѣленіе труда. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ развитія большихъ фабрикъ. Если дальнѣйшее расширеніе операцій даже и не поведетъ къ большему раздѣленію работъ, то будетъ большая экономія отъ расширенія операцій до такого размѣра, чтобы вполнѣ занятъ былъ своимъ особеннымъ дѣломъ каждый человѣкъ, которому выгодно будетъ назначить это дѣло. Беббеждъ прекрасно разъясняетъ это (стр. 214 и слѣд.):

«Если машины работаютъ безъ перерыва круглые сутки» (а такой способъ работы ихъ единственный экономичный способъ, какъ само собою видно), «необходимо кому нибудь заниматься тѣмъ, чтобы впускать работниковъ, приходящихъ на смѣну другихъ. А отдыхъ этого привратника или другаго прислужника одинаково нарушается, одного ли человѣка или двадцать человѣкъ впускаетъ онъ. Также необходимо бываетъ по временамъ поправлять дѣйствіе машины или чинить ее; а это гораздо лучше будетъ исполняться работникомъ, привыкшимъ дѣлать машины, чѣмъ работникомъ, употребляющимъ машину. Далѣе: прочность машины и исправность ея въ работѣ очень много зависитъ отъ того, чтобы поправлять каждое ослабленіе, каждый недостатокъ въ ея частяхъ, при первомъ же его появленіи; потому безотлагательное

наблюденіе машиниста, находящагося при самой фабрикѣ, значительно уменьшитъ трату, происходящую отъ порчи машинъ. Но если фабрика имѣетъ всего одинъ станокъ, содержать машиниста было бы слишкомъ дорого. Изъ этого происходитъ другая причина, ведущая къ расширенію объема фабрики: фабрика должна состоять изъ такого числа машинъ, которое занимало бы все время работника, смотрящаго за ихъ исправностью; а если число машинъ будетъ больше этого, тотъ же расчетъ показываетъ надобность удвоить или утроить ихъ число, чтобы онѣ вполнѣ занимали время двухъ или трехъ машинистовъ.

«Когда часть труда работника состоитъ въ простомъ напряженіи физической силы, напримѣръ въ тканьѣ и многихъ другихъ фабрикаціяхъ, то фабрикантъ скоро замѣтитъ, что если эта часть труда будетъ исполняться паровой машиной, одинъ человѣкъ на его, напримѣръ, ткацкой фабрикѣ, будетъ управлять вдругъ двумя или больше станками. А мы уже предположили, что при фабрикѣ есть машинистъ или нѣсколько машинистовъ; потому число станковъ легко сдѣлать такое, чтобы время этихъ машинистовъ было вполнѣ занято присмотромъ за ними и за паровою машиною.

«По дальнѣйшему приложенію тѣхъ же расчетовъ, фабрика постепенно такъ расширяется, что расходъ на ея освѣщеніе по ночамъ доходитъ до значительной суммы. А при ней уже есть люди, не спящіе всю ночь и могущіе постоянно присматривать за освѣщеніемъ; есть также машинисты, могущіе устраивать и чинить всякіе механизмы; потому прибавленіе аппарата на выдѣлку газа для освѣщенія фабрики ведетъ къ новому ея расширенію, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшаетъ стоимость производства, сокращая расходы на освѣщеніе и рискъ несчастныхъ случаевъ отъ огня.

«Гораздо раньше, чѣмъ фабрика достигнетъ такого размѣра, будетъ уже найдено необходимымъ учредить счетное отдѣленіе съ особыми людьми, выдающими жалованье рабочимъ и смотрящими, чтобы они являлись на работу въ положенное время. Это отдѣленіе должно быть въ связи съ агентами, закупающими матеріалы, и съ агентами, продающими изготовленный продуктъ». Для этихъ агентовъ и бухгалтеровъ немногимъ больше времени и труда понадобится на то, чтобы выдавать жалованье большому числу рабочихъ и вести счеты по большимъ сдѣлкамъ, чѣмъ выдавать жалованье небольшому числу рабочихъ и вести счеты по мелкимъ оборотамъ. Если оборотъ удвоивается, то вѣроятно будетъ надоб-

ность лишь нѣсколько увеличить, но не удвоить число агентовъ по покупкѣ и продажѣ, бухгалтеровъ и кассировъ. Каждое расширеніе дѣла даетъ возможность вести его съ пропорціонально меньшимъ количествомъ труда.

Издержки дѣла далеко не возрастаютъ пропорціонально размѣру дѣла—это общее правило. Возьмемъ въ примѣръ рядъ операцій, которыя мы привыкли видѣть исполняемыми однимъ большимъ заведеніемъ, почтовымъ вѣдомствомъ. Предположимъ, что напримѣръ хотя одна только лондонская городская почта не централизована въ одномъ заведеніи, а раздѣлена между пятью или шестью соперничествующими компаніями. Каждая изъ нихъ была бы принуждена имѣть заведеніе почти столь же обширное, какъ то, которое достаточно теперь для цѣлаго дѣла. Каждая должна была бы устроить пріемъ и раздачу писемъ во всѣхъ частяхъ города, посылать почтальйоновъ въ каждую улицу, почти въ каждый домъ, по стольку же разъ въ день, какъ нынѣ посылаетъ почтамтъ,—иначе дѣло велось бы хуже, чѣмъ теперь. Каждая компанія должна была бы въ каждомъ кварталѣ имѣть контору со всеми вспомогательными учрежденіями для сбора писемъ изъ разныхъ конторъ и распредѣленія ихъ по кварталамъ на раздачу. Я уже не говорю о томъ, что понадобилось бы гораздо бо̀льшее число высшихъ служащихъ для надзора за подчиненными, что потребовалось бы больше расходовъ на жалованье этимъ довѣреннымъ лицамъ, и по ихъ многочисленности вѣроятно даже пришлось бы часто быть менѣе разборчивымъ при назначеніи на эти мѣста, брать на нихъ людей, неспособныхъ исполнять свою обязанность.

При свободной конкуренціи есть безошибочный признакъ, по которому бываетъ видно, въ каждомъ данномъ случаѣ, перевѣшивается или нѣтъ выгодами, происходящими отъ веденія дѣла въ большомъ размѣрѣ, выгода большей заботливости и бо̀льшей внимательности къ маленькимъ прибылямъ и потерямъ, обыкновенно встрѣчаемая въ заведеніяхъ небольшаго размѣра. Когда въ одной и той же отрасли производства есть и большія и малыя заведенія, тѣ изъ нихъ, которыя при существующихъ обстоятельствахъ ведутъ дѣло выгоднѣе, будутъ имѣть возможность подорвать другія большею дешевизною. Возможность постоянно продавать по болѣе дешевой цѣнѣ, вообще говоря, дается только бо̀льшею успѣшностью труда. А бо̀льшая успѣшность труда, происходя отъ бо̀льшаго раздѣленія занятій или отъ ихъ классификаціи, ведущей къ лучшей экономіи искусства, всегда ведетъ не только къ полученію

равнаго продукта отъ меньшаго количества труда, но и къ полученію большаго продукта отъ равнаго количества труда; она увеличиваетъ не только прибыль, но и валовой продуктъ промысла. Если прибавка въ количествѣ какого нибудь товара не нужна и потому часть работниковъ лишается своего занятія, то капиталъ, содержавшій и занимавшій ихъ, также освобождается, и общая сумма продуктовъ страны увеличивается чрезъ какое нибудь новое приложеніе ихъ труда.

Другая причина появленія большихъ фабрикъ — введеніе процессовъ, требующихъ дорогихъ механизмовъ. Дорогой механизмъ предполагаетъ большой капиталъ, и устраивается не иначе, какъ только съ намѣреніемъ производить и продавать все то количество товара, какое можетъ вырабатываться полною силою механизма. По этимъ двумъ обстоятельствамъ, гдѣ употребляется дорогой механизмъ, тамъ неизбѣжна система производства въ большомъ размѣрѣ. Но возможность продавать дешевле тутъ не служитъ такимъ безошибочнымъ признакомъ полезнаго вліянія на общее производство страны, какъ служитъ въ первомъ случаѣ. Возможность пониженія цѣны зависитъ не отъ абсолютнаго увеличенія продукта, а отъ того, что увеличилась его пропорція сравнительно съ издержками; въ одной изъ предъидущихъ главъ (глава IV) мы показали, что это можетъ быть совмѣстно даже съ уменьшеніемъ годичнаго валоваго продукта. Черезъ принятіе машины, оборотный капиталъ, который постоянно потреблялся и воспроизводился, обращается въ основной капиталъ, требующій лишь небольшаго ежегоднаго расхода для своего поддержанія, и гораздо меньшій продуктъ будетъ достаточенъ для покрытія этого расхода и возвращенія остальнаго оборотнаго капитала производителю. Потому машина очень можетъ быть выгодна фабриканту и давать ему возможность подорвать дешевизною своихъ соперниковъ, хотя бы ея дѣйствіемъ производство страны не увеличивалось, а уменьшалось. Правда, товаръ будетъ продаваться дешевле, и этого одного товара будетъ вѣроятно продаваться не меньше, а больше прежняго, потому что потеря общества упала на работниковъ, а они въ большей части фабрикацій или не главные потребители, или вовсе не потребители. Но если эта отдѣльная отрасль промышленности можетъ расшириться, ея расширеніе произойдетъ черезъ пополненіе ея уменьшившагося оборотнаго капитала изъ общаго оборотнаго капитала страны; и если работники въ этой отрасли промышленности избѣжали потери занятія, то избѣжали лишь тѣмъ, что по-

теря разложилась на массу остальнаго рабочаго сословія. Если нѣкоторые изъ рабочаго сословія доведены этимъ до состоянія непроизводительныхъ работниковъ, содержимыхъ добровольною или обязательною благотворительностью, общій продуктъ страны подвергнется постоянному уменьшенію, пропорціонально ихъ числу, до той поры, пока постоянный прогрессъ накопленія покроетъ эту убыль. Но если положеніе рабочаго класса даетъ ему возможность выдержать временное пониженіе рабочей платы и оставшіеся лишними работники найдутъ себѣ мѣсто въ другихъ отрасляхъ производства, то ихъ трудъ останется производительнымъ, а убыль въ общемъ продуктѣ страны вознаградится, хотя не вознаградится убытокъ работниковъ. Я повторилъ здѣсь эти понятія, уже изложенныя мною прежде, чтобъ сильнѣе помнилась мысль, что если извѣстный способъ производства даетъ возможность дешевле продавать извѣстный товаръ, изъ этого еще не слѣдуетъ непремѣнно, что онъ увеличиваетъ производительность всей суммы труда въ обществѣ. Второе послѣдствіе бываетъ обыкновенно соединено съ первымъ, но не соединено съ нимъ непремѣнно всегда. Однакожь, есть причины думать, что эти исключительные случаи болѣе представляются теоретически возможными, чѣмъ бываютъ частыми въ дѣйствительности; причины эти я отчасти уже изложилъ, и не буду повторять ихъ здѣсь; не буду и заранѣе указывать другихъ, которыя будутъ полнѣе изложены впослѣдствіи.

Въ сбереженіи труда, происходящемъ отъ замѣны производства въ маломъ размѣрѣ производствомъ въ большомъ размѣрѣ, значительную часть составляетъ сбереженіе труда самихъ капиталистовъ. Если сто производителей съ небольшими капиталами отдѣльно ведутъ одинаковое дѣло, наблюденіе за каждымъ предпріятіемъ вѣроятно займетъ все вниманіе лица, ведущаго это предпріятіе, или по крайней мѣрѣ займетъ его на столько, что не оставитъ ему времени или свободы въ мысляхъ, чтобы заняться еще чѣмъ нибудь другимъ. А между тѣмъ одинъ фабрикантъ, владѣющій капиталомъ, равнымъ суммѣ всѣхъ ихъ капиталовъ, можетъ, при содѣйствіи десяти или двѣнадцати помощниковъ, вести обороты на всю сумму ихъ оборотовъ и имѣть еще свободное время для другихъ дѣлъ. Правда, малый капиталистъ съ управленіемъ дѣлами обыкновенно соединяетъ извѣстную долю исполнительнаго труда, которую большой капиталистъ предоставляетъ своимъ подчиненнымъ. Мелкій фермеръ самъ пашетъ, мелкій торговецъ самъ бываетъ сидѣльцемъ въ своей лавкѣ, мелкій хозяинъ ткацкой мастерской самъ рабо-

таетъ за станкомъ. Но именно это соединеніе занятій очень часто бываетъ не экономично. Хозяинъ предпріятія или тратитъ на рутинную подробность качества, пригодныя для общаго управленія, или, если способенъ только на эту подробность, дурно ведетъ общее управленіе. Впрочемъ я долженъ замѣтить, что не придаю этому сбереженію труда той важности, какая часто ему приписывается. На надзоръ за многими мелкими предпріятіями тратится гораздо больше труда, чѣмъ на надзоръ за однимъ большимъ предпріятіемъ, это безспорно. Но мелкіе производители обыкновенно имѣютъ полное вознагражденіе за этотъ трудъ въ сознаніи того, что они сами себѣ господа, а не служители какого нибудь хозяина. Можно сказать, что если они цѣнятъ эту независимость, они будутъ согласны платиться за нее и продавать товаръ по уменьшенной цѣнѣ, производимой соперничествомъ большаго торговца или фабриканта. Но имъ нельзя постоянно дѣлать этого и имѣть прибыль, достаточную для жизни. Потому они постепенно исчезаютъ изъ общества. Потребивъ свой маленькій капиталъ на продленіе безуспѣшной борьбы, они или ниспадаютъ въ положеніе наемныхъ работниковъ, или становятся нуждающимися въ постороннемъ пособіи.

2. Производство въ большомъ размѣрѣ сильно развивается введеніемъ въ практику способа составлять большой капиталъ изъ соединенія многихъ мелкихъ взносовъ, иначе сказать, образованіемъ акціонерныхъ компаній. Выгоды акціонернаго принципа многочисленны и важны.

Во-первыхъ, многія предпріятія требуютъ капитала въ размѣрѣ, превышающемъ средства богатѣйшаго отдѣльнаго лица или сотоварищества на паяхъ. Никакой отдѣльный капиталистъ не могъ бы сдѣлать желѣзной дороги отъ Лондона до Ливерпуля; едва ли даже могъ бы онъ исполнять перевозку по ней, когда она уже сдѣлана. Правительство могло бы сдѣлать ее и возить по ней; и въ странахъ, гдѣ сочетаніе силъ еще находится на низшихъ степеняхъ развитія, отъ одного правительства можно ждать работъ, требующихъ большаго соединенія средствъ, потому что оно можетъ получать эти средства принудительнымъ путемъ, черезъ налоги, и уже привыкло къ веденію большихъ операцій. Но по причинамъ, которыя довольно хорошо извѣстны и о которыхъ мы впослѣдствіи будемъ говорить подробно, правительственное веденіе промышленныхъ операцій вообще бываетъ однимъ изъ самыхъ невыгодныхъ путей, если только возможенъ какой нибудь другой путь.

Далѣе, есть такія предпріятія, о которыхъ нельзя сказать, чтобы отдѣльное лицо совершенно не могло вести ихъ, но которыхъ не можетъ оно вести въ томъ размѣрѣ и съ тѣмъ постоянствомъ, какіе все больше и больше требуются надобностями развивающагося общества. Отдѣльныя лица очень могутъ отправлять корабли изъ Англіи въ какую бы то ни было часть свѣта, перевозить туда пассажировъ и письма; это производилось за долго до всякой мысли о составленіи акціонерныхъ компаній для такого дѣла. Но при увеличеніи населенія, дѣловыхъ сношеній и средствъ уплаты, публика не хочетъ довольствоваться случайными возможностями сообщеній, а хочетъ быть увѣрена, что регулярно будутъ отправляться корабли,—въ иныя мѣста каждый день или даже два раза каждый день, въ другія еженедѣльно, въ третьи правильно плавать большіе пароходы очень дорогой постройки два раза въ мѣсяцъ, по опредѣленнымъ днямъ; очевидно, что для доставленія ей этой увѣренности въ точномъ содержаніи такого круга дорогихъ операцій нуженъ гораздо многочисленнѣйшій составъ надежныхъ подчиненныхъ, чѣмъ какимъ можетъ располагать отдѣльный капиталистъ. Есть еще другіе случаи, въ которыхъ дѣло могло бы очень хорошо быть ведено вовсе небольшими или не очень большими капиталами, но въ которыхъ составленіе большаго капитала необходимо или полезно для обезпеченія публики въ исполненіи денежныхъ обязательствъ. Особенно нужно это, когда сущность дѣла требуетъ, чтобы находилось очень много людей, желающихъ ввѣрять свои деньги извѣстному предпріятію, какъ напримѣръ въ банковыхъ и страховыхъ предпріятіяхъ,—для тѣхъ и другихъ чрезвычайно удобенъ принципъ акціонерныхъ компаній. Примѣромъ безразсудства правителей служитъ то, что до недавняго времени въ Англіи было запрещено приложеніе принципа акціонерныхъ компаній, какъ общаго основанія, къ этимъ обоимъ разрядамъ предпріятій: составленіе акціонерныхъ компаній для банковыхъ операцій было запрещено вовсе, а составлять страховыя общества было запрещено по морскому застрахованію. Цѣлью этого было доставить выгодную монополію нѣкоторымъ учрежденіямъ, получившимъ исключительное право существованія,—Англійскому Банку, Лондонскому Страховому Обществу и Королевскому Биржевому (Royal Exchange) Страховому Обществу.

Вотъ нѣкоторыя изъ преимуществъ акціонерныхъ компаній надъ предпріятіями отдѣльныхъ людей. По взглянувъ на другую сторону вопроса, мы найдемъ, что эти предпріятія также имѣютъ

очень большія преимущества надъ акціонерными компаніями. Главное изъ нихъ то, что въ частныхъ предпріятіяхъ распорядители гораздо больше заинтересованы въ успѣхѣ дѣла.

Управленіе въ акціонерныхъ ассоціаціяхъ почти все ведется черезъ наемныхъ служащихъ. Даже совѣтъ или комитетъ директоровъ, который считается главнымъ распорядителемъ дѣла и который дѣйствительно назначаетъ и смѣняетъ распорядителей, заинтересованъ денежною выгодою въ хорошемъ веденіи дѣла только пропорціонально числу акцій, лично принадлежащихъ директорамъ, а эти акціи всегда составляютъ лишь очень небольшую долю капитала компаніи и обыкновенно лишь небольшую долю имущества самихъ директоровъ. Время, посвящаемое ими на управленіе компаніею, удѣляется отъ множества другихъ занятій, столь же важныхъ или болѣе важныхъ для ихъ личной выгоды, и акціонерное предпріятіе составляетъ главное занятіе лишь для людей, нанятыхъ вести его. Но опытъ и поговорки, выражающія результатъ народнаго опыта свидѣтельствуютъ, что наемные служащіе ведутъ дѣло гораздо хуже людей, лично заинтересованныхъ въ дѣлѣ, и что за наемными служащими необходимо наблюдать «хозяйскому глазу».

Для успѣшнаго веденія промышленнаго предпріятія нужны два совершенно разныя качества: вѣрность и усердіе. Вѣрность наемныхъ распорядителей акціонерная компанія можетъ обезпечить себѣ. Если трудъ ихъ можетъ быть подведенъ подъ опредѣленныя правила, нарушеніе этихъ правилъ будетъ такою вещью, въ которой для совѣсти нелегко будетъ обманывать себя, и отвѣтственность за которую можетъ состоять въ потерѣ должности. Но успѣшное веденіе большаго предпріятія требуетъ кромѣ того сотни другихъ вещей, которыхъ нельзя опредѣлить впередъ, обратить въ точныя и положительныя обязательства. Первое и главнѣйшее условіе здѣсь то, чтобы мысль распорядителя была постоянно занята дѣломъ, постоянно работала надъ соображеніями, какъ бы получить больше выгодъ или сберечь расходы. Такой сильной заинтересованности въ дѣлѣ рѣдко можно ожидать въ людяхъ, которые ведутъ дѣло какъ наемные служащіе, не въ свою, а въ чужую выгоду. Опытъ человѣческихъ дѣлъ не дозволяетъ сомнѣваться въ такомъ выводѣ. Всѣ употреблявшіе наемный трудъ достаточно испытали, что наемные служащіе стараются дать какъ можно меньше труда за получаемую плату, лишь бы не доводить хозяина до отказа въ работѣ. Всѣ замѣчаютъ, что интересы хозяина пренебрегаются домашними служителями, если не охраняются какимъ нибудь положительнымъ

правиломъ и если продолжительная служба на одномъ мѣстѣ и взаимныя услуги не произвели въ служителѣ личной привязанности или чувства общности его интересовъ съ хозяйскими.

Другая невыгода акціонерныхъ компаній, до нѣкоторой степени принадлежащая всѣмъ предпріятіямъ обширнаго размѣра,—пренебреженіе къ маленькимъ выгодамъ и сбереженіямъ. При распоряженіи большимъ капиталомъ и большими оборотами, легко является привычка считать мелкія суммы почти за ничто, особенно когда у распорядителей нѣтъ большаго личнаго интереса въ дѣлѣ: эти суммы не считаются стоющими хлопотъ, которыхъ потребовала бы заботливость о нихъ, и репутація щедрости, благородства дешево покупается небрежностью къ этимъ мелкимъ разсчетамъ. Но мелкія выгоды и мелкія издержки, безпрестанно повторяясь, возвышаются до большихъ выгодъ и потерь. Большой капиталистъ часто имѣетъ столько сообразительности, что практически замѣчаетъ это и устраиваетъ свои дѣла по такой системѣ, которая предотвращаетъ обычныя въ большихъ предпріятіяхъ растраты, если онъ довольно внимательно смотритъ за ея исполненіемъ. Но распорядители акціонернаго предпріятія рѣдко посвящаютъ себя дѣлу съ такою внимательностью, чтобы наблюдать за соблюденіемъ истинно-экономной системы во всѣхъ подробностяхъ, если даже и введена она.

По этимъ соображеніямъ Адамъ Смитъ пришелъ къ тому, что поставилъ общимъ принципомъ, будто бы акціонерныя компаніи никакъ не могутъ держаться безъ исключительныхъ привилегій ни въ какихъ предпріятіяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть въ значительной степени подводимы подъ опредѣленныя правила, какъ напримѣръ, банки, страхованіе и нѣкоторыя другія. Но это одно изъ тѣхъ преувеличеній истиннаго принципа, которыя часто встрѣчаются у Адама Смита. Въ его время, за исключеніемъ тѣхъ отраслей дѣлъ, о которыхъ онъ упоминалъ, встрѣчалось мало акціонерныхъ компаній, безъ монополіи пользовавшихся постояннымъ успѣхомъ. Но послѣ него явилось много такихъ компаній, а впослѣдствіи безъ сомнѣнія будетъ ихъ еще больше, благодаря непрерывному развитію наклонности къ торговому товариществу и умѣнія устраивать его. Адамъ Смитъ слишкомъ исключительно обратилъ вниманіе на большую степень энергіи и неусыпной внимательности, вносимой распорядителемъ въ такое дѣло, гдѣ весь капиталъ и вся выгода принадлежатъ распорядителю, и опустилъ изъ виду разныя обстоятельства, имѣющія противоположное вліяніе,—обстоя-

тельства, которыми значительно вознаграждается даже это важное преимущество.

Изъ обстоятельствъ, клонящихся въ выгоду акціонерныхъ компаній, къ числу важнѣйшихъ принадлежитъ бо́льшая умственная и практическая способность ихъ распорядителей. Личный интересъ конечно служитъ нѣкоторымъ ручательствомъ за усердіе; но само усердіе приноситъ мало пользы, если принадлежитъ человѣку безъ хорошихъ умственныхъ способностей, — а это по необходимости должно такъ быть въ большей части предпріятій, управляемыхъ лицами, наиболѣе заинтересованными въ нихъ. Когда предпріятіе обширно и можетъ давать вознагражденіе, достаточное для привлеченія къ нему кандидатовъ возвышающихся надъ общимъ уровнемъ, то для общаго управленія и для всѣхъ второстепенныхъ обязанностей спеціальнаго рода можно бываетъ выбирать людей съ такими знаніями и умственнымъ развитіемъ, что эти преимущества съ излишкомъ будутъ вознаграждать меньшую степень ихъ заинтересованности въ результатѣ предпріятія. Благодаря своей большей проницательности, они, посвящая дѣлу даже только часть своихъ мыслей, могутъ замѣчать выгоды, которыя не будутъ никакъ замѣчены людьми посредственныхъ способностей даже при полномъ напряженіи вниманія; а превосходство знаній, обычная вѣрность взгляда и сужденія предохраняютъ ихъ отъ ошибокъ, боязнь которыхъ удержала бы другихъ рисковать своими интересами черезъ отступленіе отъ обыкновенной рутины.

Далѣе, надобно замѣтить, что при акціонерныхъ предпріятіяхъ нѣтъ необходимости выдавать служащимъ въ главныхъ или подчиненныхъ должностяхъ все вознагражденіе въ видѣ опредѣленнаго жалованья. Есть способы болѣе или менѣе тѣсно сочетать выгоду служащихъ съ денежнымъ успѣхомъ предпріятія. Между веденіемъ дѣла вполнѣ на свой счетъ и трудомъ за неизмѣнную поденную, понедѣльную или годичную плату есть длинный рядъ среднихъ положеній. Даже въ обыкновенной черной работѣ есть поштучная плата, вознагражденіе по количеству исполненной работы; большая успѣшность такой работы очень извѣстна, такъ что разсчетливые хозяева всегда употребляютъ ее, если только возможно дѣлить работу на опредѣленныя части безъ необходимости въ слишкомъ хлопотливомъ надзорѣ для предотвращенія небрежной выдѣлки. По отношенію къ распорядителямъ акціонерныхъ предпріятій, и къ надсмотрщикамъ во многихъ частныхъ предпріятіяхъ, довольно сильно распространенъ обычай связывать ихъ денежный интересъ

съ интересомъ хозяевъ, давая имъ часть вознагражденія въ формѣ процентовъ съ прибыли. Личный интересъ въ дѣлѣ, возбуждаемый черезъ это въ наемныхъ служащихъ, далеко не такъ силенъ, какъ интересъ лица, которому принадлежитъ капиталъ; но все-таки онъ такъ силенъ, что служитъ очень значительнымъ побужденіемъ къ усердію и заботливости; и въ соединеніи съ умственнымъ превосходствомъ онъ часто даетъ наемному управленію успѣшность гораздо высшую той, какую можетъ придать своимъ дѣламъ большинство хозяевъ личнымъ управленіемъ. Обширнѣйшее развитіе, къ какому способенъ этотъ принципъ вознагражденія, имѣетъ большую важность и въ экономическомъ и въ соціальномъ отношеніи; мы подробнѣе займемся имъ въ одной изъ дальнѣйшихъ частей нашего изслѣдованія.

Я уже замѣчалъ, говоря вообще о предпріятіяхъ обширнаго размѣра по сравненію съ малыми предпріятіями, что при свободѣ соперничества результаты его показываютъ, какой родъ предпріятій выгоднѣе въ данномъ случаѣ; тоже самое надобно сказать объ акціонерныхъ предпріятіяхъ по сравненію съ индивидуальными: тѣ изъ нихъ, которыя ведутъ дѣло успѣшнѣе и экономнѣе, всегда наконецъ успѣютъ подорвать дешевизною предпріятія другаго рода.

3. Возможность замѣны производства въ маломъ размѣрѣ производствомъ въ большомъ размѣрѣ разумѣется прежде всего зависитъ отъ величины рынка. Производство большаго размѣра можетъ быть выгоднымъ лишь тогда, когда есть надобность въ большомъ количествѣ продукта,—а для этого условіемъ служитъ или многолюдство и процвѣтаніе самой страны, или большой сбытъ за границу. Во вторыхъ, этой замѣнѣ, какъ и всякой другой перемѣнѣ въ системѣ производства, очень благопріятствуетъ развитіе капитала. Количество капитала, ищущаго себѣ помѣщенія, бываетъ велико преимущественно тогда, когда капиталъ страны ежегодно получаетъ большое приращеніе; а новое предпріятіе гораздо скорѣе и легче основывается на новый капиталъ, чѣмъ на капиталъ, вынимаемый изъ прежняго употребленія. Также очень облегчается эта перемѣна существованіемъ большихъ капиталовъ въ немногихъ рукахъ. Правда, что такая же сумма капитала можетъ составиться соединеніемъ множества небольшихъ суммъ. Но это не во всѣхъ отрасляхъ промышленности одинаково удобно, а кромѣ того предполагаетъ гораздо высшую степень распространенности коммерческаго довѣрія и предпріимчивости въ обществѣ, и рѣшительно

принадлежитъ болѣе развитому періоду промышленнаго прогресса.

Въ странахъ, имѣющихъ обширнѣйшіе рынки, обширнѣйшую распространенность коммерческаго довѣрія и предпріимчивости, наибольшее годичное возрастаніе капитала и наибольшее количество значительныхъ капиталовъ у частныхъ лицъ, находится стремленіе все больше и больше, въ одной отрасли промышленности за другою, замѣнять мелкія промышленныя заведенія обширными. Въ Англіи, въ которой полнѣе всего находятся эти экономическія черты, постоянно ростутъ большія фабрики, а гдѣ находится достаточное число покупателей, также ростутъ обширныя лавки и магазины для веденія розничной торговли въ большомъ размѣрѣ. Они почти всегда находятъ возможность подрывать дешевизною мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ; эта возможность происходитъ, вопервыхъ, разумѣется, отъ раздѣленія труда и экономіи, возникающей отъ употребленія людей съ спеціальными способностями только на тѣ занятія, которыя нуждаются въ особенныхъ способностяхъ; во вторыхъ, она безъ сомнѣнія происходитъ и отъ сбереженія труда, какое соединено съ большимъ размѣромъ оборотовъ: въ самомъ дѣлѣ, исполненіе, напримѣръ, большой закупки требуетъ почти не большей траты времени, не слишкомъ большаго умственнаго труда, чѣмъ произведеніе мелкой закупки, и гораздо меньшей траты времени и труда, чѣмъ исполненіе множества мелкихъ закупокъ.

Собственно по отношенію къ производству и успѣшности труда эта перемѣна вполнѣ полезна. Иногда она сопровождается потерями, скорѣе соціальнаго, нежели экономическаго характера, о которыхъ мы уже упоминали. Но каковы бы ни были, по нашему мнѣнію, невыгоды, соединенныя съ замѣною производства въ маломъ размѣрѣ производствомъ въ большомъ размѣрѣ, онѣ не сопровождаютъ перехода отъ производства въ большомъ размѣрѣ къ производству еще въ бо̀льшемъ. Если въ извѣстной отрасли промышленности веденіе дѣлъ малыми независимыми хозяевами или вовсе не было никогда возможно, или уже уничтожилось и вполнѣ водворена система сосредоточенія множества работниковъ подъ управленіемъ одного хозяина, то дальнѣйшее расширеніе въ размѣрѣ производства обыкновенно бываетъ выгодою, не соединенною ни съ какими потерями. Напримѣръ, очевидно, какая значительная экономія труда произошла бы, если бы газомъ или водою снабжался Лондонъ отъ одной компаніи вмѣсто нѣсколькихъ компаній, существующихъ теперь. Если существуютъ даже только двѣ

компаніи, онѣ требуютъ двойнаго комплекта всѣхъ заведеній, между тѣмъ какъ одинъ изъ двухъ, съ небольшимъ увеличеніемъ объема, вѣроятно могъ бы не хуже двухъ исполнять все дѣло; онѣ требуютъ двойнаго комплекта машинъ и сооруженій, между тѣмъ какъ все нужное количество газа или воды могло бы доставляться однимъ комплектомъ; онѣ требуютъ даже двойнаго ряда трубъ, если компаніи не предотвратили этой лишней издержки, согласившись раздѣлить между собою городъ. Еслибъ существовала только одна компанія, она могла бы продавать воду или газъ дешевле, продолжая получать нынѣшній процентъ прибыли. Но стала ли бъ она продавать свой товаръ дешевле? Если бы даже и не стала, нація въ цѣломъ своемъ составѣ все-таки выиграла бы, потому что акціонеры члены націи, а если бы потребители платили нынѣшнюю цѣну, акціонеры получали бы прибыль большую нынѣшней. Притомъ, ошибочно было бы предполагать, что цѣны постоянно держатся дешевыми отъ соперничества этихъ компаній. Гдѣ число соперниковъ такъ мало, они всегда кончаютъ тѣмъ, что соглашаются не соперничествовать между собою. Они могутъ пойти путемъ удешевленія, чтобы разорить новаго кандидата, но лишь только утвердится онъ, они входятъ въ соглашеніе съ нимъ. Потому, если дѣло существенной важности для общества можетъ быть выгодно ведено лишь въ такомъ обширномъ размѣрѣ, что свобода соперничества становится почти призракомъ, то неразсчетливою растратою общественныхъ средствъ будетъ содержать нѣсколько дорогихъ заведеній для того, чтобы они оказывали обществу одну и туже услугу. Гораздо лучше будетъ прямо считать это дѣло общественнымъ; и если оно не таково, чтобы само правительство могло съ выгодою взяться за него, то надобно отдать все его одному акціонерному обществу или товариществу на паяхъ, какое будетъ исполнять его на условіяхъ, выгоднѣйшихъ для публики. Напримѣръ, никто не можетъ желать, чтобы произведена была громадная трата капитала и земли на постройку второй желѣзной дороги для соединенія мѣстъ, уже связанныхъ существующею желѣзною дорогою, и чтобы увеличивались безпокойства, дѣлаемыя желѣзною дорогою сосѣднимъ жителямъ; потому что обѣ онѣ исполняли бы свое дѣло не лучше того, какъ оно можетъ исполняться одною, и въ скоромъ времени обѣ компаніи вѣроятно слились бы въ одну. Слѣдуетъ дозволить только одну такую дорогу; но государство никакъ не должно выпускать изъ своихъ рукъ контроля надъ нею (исключеніемъ можетъ служить развѣ то, когда она строится съ

условіемъ перейти черезъ нѣсколько времени въ государственную собственность, какъ во Франціи); и право собственности на желѣзныя дороги, данное отъ парламента англійскимъ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, подобно всѣмъ тѣмъ правамъ собственности, которыя противны общественной пользѣ, имѣетъ только ту нравственную силу, что служитъ правомъ на вознагражденіе.

4. Вопросъ о системахъ производства въ большомъ и маломъ размѣрахъ по примѣненію къ земледѣлію,—о преимуществѣ большихъ или малыхъ фермъ, большихъ или малыхъ хозяйствъ (grande culture и petite culture), — долженъ рѣшаться по основаніямъ, во многомъ различнымъ отъ тѣхъ, по какимъ рѣшается общій вопросъ о производствѣ въ большомъ или маломъ размѣрѣ. Въ своемъ соціальномъ отношеніи, какъ одинъ изъ элементовъ распредѣленія богатства, этотъ вопросъ займетъ насъ впослѣдствіи; но даже со стороны производства превосходство большихъ хозяйствъ въ земледѣліи не такъ несомнѣнно, какъ въ фабричномъ дѣлѣ.

Я уже замѣчалъ, что земледѣльческія операціи мало способны пользоваться выгодами раздѣленія труда. На самой обширной фермѣ, раздѣленіе занятій все-таки не велико. Правда, вообще особенные люди ходятъ за скотомъ, другіе ѣздятъ на рынокъ, третьи пашутъ землю; но подраздѣленіе не идетъ многимъ дальше этой начальной, простой классификаціи. Сочетаніе труда, допускаемое земледѣліемъ, состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что Уэкфильдъ называетъ простымъ сотрудничествомъ: нѣсколько человѣкъ содѣйствуютъ другъ другу въ одномъ дѣлѣ, одновременно, въ одномъ мѣстѣ. Но признаюсь, мнѣ кажется, что этотъ проницательный писатель приписываетъ такому сотрудничеству въ собственно такъ называемомъ земледѣліи больше важности, чѣмъ оно имѣетъ. Ни одна изъ обыкновенныхъ операцій фермы не требуетъ его въ очень большой степени. Нѣтъ особенной выгоды сводить множество людей вмѣстѣ, чтобы они пахали, перекапывали или засѣвали одно поле; нѣтъ особенной пользы въ этомъ даже при сѣнокосѣ или жнитвѣ, если погода не заставляетъ особенно спѣшить. Одно семейство вообще можетъ производить все сочетаніе труда, необходимое въ этихъ дѣлахъ. А въ другихъ дѣлахъ, гдѣ дѣйствительно нужно соединеніе силъ многихъ людей, рѣдко бываетъ затрудненіе получать его, даже въ мѣстностяхъ съ малыми средствами.

Трата производительной силы отъ раздробленія земли часто доходитъ до очень вредной степени; но это относится преимуще-

ственно къ дробленію столь мелкому, что земледѣльцы не имѣютъ уже такого количества земли, чтобы она занимала все ихъ время. Относительно такого мелкаго дробленія примѣняются къ земледѣлію тѣ принципы, по которымъ отдается преимущество большимъ фабрикамъ. Чтобы производство шло самымъ успѣшнымъ образомъ, надобно вообще желать (впрочемъ и это правило должно имѣть свои ограниченія), чтобы ни одно семейство не имѣло земли, если не можетъ имѣть ея столько, сколько могло бы обработывать и сколько было бы достаточно для полнаго занятія его скоту и орудіямъ. Но такой размѣръ участка вовсе еще не размѣръ большой фермы, а такой фермы, которая считается въ Англіи очень малою. Большой фермеръ имѣетъ нѣкоторую выгоду въ издержкахъ на постройки. Помѣстить большое количество скота въ одной постройкѣ стоитъ дешевле, чѣмъ дать ему такое же хорошее помѣщеніе въ нѣсколькихъ постройкахъ. Есть также нѣкоторая выгода и въ орудіяхъ. Мелкому фермеру не такъ легко имѣть дорогія орудія, какъ большому. Но главныя земледѣльческія орудія, даже самаго лучшаго устройства, не дороги. Мелкому фермеру не разсчетъ имѣть свою молотильную машину для своего небольшаго количества хлѣба; но нѣтъ препятствія каждому околодку завести съ общества такую машину; нѣтъ препятствія и какому нибудь отдѣльному лицу имѣть такую машину и давать ее въ наймы другимъ *). Большой фермеръ можетъ имѣть нѣкоторое сбереженіе въ издержкахъ перевоза. Перевезти на рынокъ небольшое количество продукта стоитъ почти такого же труда, какъ перевезти гораздо большее количество. Перевозка на ферму малаго количества удобренія или предметовъ ежедневнаго потребленія стоитъ почти тоже, что перевозка гораздо

---

*) Соображенія, представленныя въ текстѣ, могутъ впослѣдствіи быть нѣсколько измѣнены такими изобрѣтеніями, какъ паровой плугъ и жатвенная машина. Но если отъ этихъ усовершенствованныхъ орудій измѣнится сравнительная выгодность большихъ и малыхъ фермъ, причина тому будетъ не въ успѣшности труда, а въ дороговизнѣ этихъ машинъ. Я не вижу основаній думать, что дороговизна ихъ будетъ такъ велика, чтобы онѣ остались недоступны мелкимъ фермерамъ или товариществамъ мелкихъ фермеровъ.

Прим. авт.

Конечно, можно надѣяться только того, что онѣ будутъ доступны товариществамъ мелкихъ фермеровъ, потому что паровой плугъ или жатвенная машина для полнаго своего занятія требуютъ такого пространства земель, воздѣлываніе котораго далеко превышаетъ силы одного семейства.

Прим. переводч.

большаго количества. Притомъ и покупать вещи большими количествами бываетъ дешевле, чѣмъ малыми. Всѣ эти выгоды надобно считать довольно важными, но едва-ли слѣдуетъ считать ихъ уже чрезвычайно важными. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ поколѣній Англія чрезвычайно мало испытывала системы мелкихъ фермъ; но Ирландія имѣетъ много мелкихъ фермъ не съ однимъ очень дурнымъ хозяйствомъ, а также и съ очень хорошимъ хозяйствомъ; сужденія лучшихъ знатоковъ дѣла въ Ирландіи могутъ служить опроверженіемъ мнѣнію, господствующему объ этомъ вопросѣ въ Англіи. Напримѣръ, мистеръ Блекеръ, одинъ изъ самыхъ опытныхъ агрономовъ сѣверной Ирландіи, пользовавшійся хорошимъ успѣхомъ при введеніи у себя земледѣльческихъ улучшеній, знающій въ особенности тѣ части острова, гдѣ земледѣліе особенно хорошо, а земли наиболѣе раздѣлены, былъ того мнѣнія, что фермеры, берущіе отъ 5 до 8 или 10 экровъ, могутъ жить съ комфортомъ и платить ренту никакъ не меньше, чѣмъ платили бы большіе фермеры. «Я твердо убѣжденъ, говоритъ онъ (въ своемъ Prise Essay on the Management of Landed Property in Ireland, by William Blacker, Esq. (1837), стр. 23), что мелкій фермеръ, самъ пашущій и копающій свое поле, можетъ вытѣснить большаго фермера, иначе говоря, можетъ платить высшую ренту, чѣмъ большой, если будетъ держаться хорошаго сѣвооборота и кормить свой скотъ въ стойлѣ; въ этомъ утверждаютъ меня мнѣнія многихъ практическихъ людей, вникавшихъ въ дѣло.... Англійскій фермеръ, снимающій 700 или 800 экровъ, бываетъ человѣкъ, приближающійся къ тому, что называется джентльменъ-фермеръ. Онъ хочетъ имѣть верховую лошадь, экипажъ, можетъ быть управляющаго для надзора за работниками, и разумѣется самъ не можетъ усмотрѣть за работами, происходящими на фермѣ въ 800 экровъ». Сдѣлавъ еще нѣсколько замѣчаній, Блекеръ продолжаетъ: «Кромѣ всѣхъ этихъ лишнихъ расходовъ, мало знакомыхъ мелкому фермеру, большую издержку составляетъ перевозка удобренія отъ скотнаго двора на такое большое разстояніе и точно также перевозка хлѣба съ полей въ амбары. Одна лошадь потребитъ продуктъ большаго количества земли, чѣмъ сколько нужно на прокормленіе мелкаго фермера съ женою и двумя дѣтьми. Но важнѣе всего остальнаго то, что большой фермеръ говоритъ своимъ работникамъ: *ступайте* на работу, а если мелкій фермеръ нанимаетъ работниковъ, то говоритъ имъ: *пойдемте* на работу; я надѣюсь, что проницательный читатель пойметъ эту разницу».

Одно изъ самыхъ любимыхъ возраженій противъ мелкихъ фермъ то, что онѣ не содержатъ и не могутъ содержать, пропорціонально своему размѣру, такого количества скота, какъ большія фермы, и отъ этого не достаетъ на нихъ удобренія, такъ что земля, раздѣленная на мелкіе участки, непремѣнно должна истощиться. Но оказывается, что раздробленіе земли производитъ такой результатъ лишь тогда, когда отдаетъ землю въ руки хлѣбопашцевъ слишкомъ бѣдныхъ, не имѣющихъ средства держать столько скота, сколько нужно по размѣру ихъ фермъ. Малая ферма и ферма съ недостаточнымъ количествомъ скота вовсе не синонимы. Чтобы сравненіе было справедливо, мы должны предположить количество капитала, находящееся у большихъ фермеровъ, раздробленнымъ между малыми фермами. Если существуетъ такая соразмѣрность или хотя близкая къ ней пропорція, и если скотъ кормится въ стойлахъ (а нынѣ начинаютъ считать выгоднымъ кормить скотъ въ стойлахъ и на большихъ фермахъ), то опытъ вовсе не подтверждаетъ мнѣнія, будто бы мелкія фермы неблагопріятны размноженію скота,—нѣтъ, онъ неоспоримо показываетъ совершенно противное. Изобиліе скота и удобренія на мелкихъ фламандскихъ фермахъ составляетъ самую поразительную черту фламандскаго земледѣлія, которому дивятся всѣ знатоки дѣла и въ Англіи и на континентѣ *).

---

*) Прекрасный трактатъ о фламандскомъ сельскомъ хозяйствѣ, составленный по лучшимъ наблюденіямъ и лучшимъ источникамъ и изданный «Обществомъ распространенія полезныхъ изданій», говоритъ: «люди, незнакомые съ способомъ приготовленія корма скоту на фламандскихъ фермахъ, въ которыхъ вся земля была обращена подъ пашню, удивятся количеству скота на нихъ. По одной головѣ крупнаго скота на каждые три экра земли — вотъ обыкновенная пропорція, а въ очень мелкихъ хозяйствахъ, гдѣ производится много работы заступомъ, пропорція еще больше. Сравненіе отчетовъ изъ разныхъ мѣстностей и фермъ о среднемъ количествѣ молока получаемаго отъ коровы, кормящейся въ стойлѣ, показываетъ, что она даетъ молока гораздо больше нашихъ (англійскихъ) лучшихъ коровъ и также, что изъ даннаго количества молока отъ нея получается больше масла. Удивительно покажется, что человѣкъ, имѣющій только 10 или 12 экровъ земли легкаго сорта можетъ содержать четыре коровы или пять коровъ; но это фактъ извѣстный въ Вескомъ округѣ» (стр. 59, 60).

Вопросъ этотъ очень основательно разсматривается въ книгѣ Пасси Des Systèmes de culture et de leur influence sur l'Economie Sociale, одномъ изъ самыхъ безпристрастныхъ французскихъ изслѣдованій о сравнительной выгодности большаго и малаго земледѣльческаго хозяйства. «Англія безспорно сдержитъ наибольшее количество скота на данномъ пространствѣ (говоритъ Пасси). Только Голландія и нѣкоторыя части Ломбардіи могли бы оспаривать у

Если есть невыгода въ маломъ хозяйствѣ или хозяйствѣ поселянина по сравненію съ хозяйствомъ капиталиста, она должна главнымъ образомъ состоять въ меньшей степени знанія и искусства. Но нельзя поставить общимъ фактомъ, что малыя хозяйства

нея первенство въ этомъ. Но должно ли это считаться результатомъ размѣра хозяйства, не содѣйствуютъ ли тому климатическія обстоятельства и особенности мѣстнаго положенія? Мы думаемъ, что безспорно содѣйствуютъ. Дѣйствительно, что бы ни говорили, но гдѣ большія и малыя хозяйства встрѣчаются въ одной мѣстности, малыя хозяйства хотя и не могутъ содержать столько овецъ, какъ большія, но по количеству производимаго скотомъ удобренія имѣютъ всего скота въ общей сложности больше, чѣмъ большія хозяйства. Вотъ напримѣръ выводы изъ свѣдѣній, доставляемыхъ Бельгіею:

«Антверпенская провинція и Восточная Фландрія, гдѣ господствуетъ мелкое хозяйство, имѣютъ среднимъ числомъ по 74 головы рогатаго скота и по 14 овецъ и барановъ на 100 гектаровъ воздѣлываемой земли. Намюрская и Геннегауская провинціи, гдѣ встрѣчаются большія фермы, имѣютъ на 100 гектаровъ воздѣлываемой земли только по 30 головъ рогатаго скота и по 45 барановъ и овецъ. Считая, по обыкновенному правилу, 10 барановъ равняющимися 1 головѣ рогатаго скота, мы находимъ въ первыхъ двухъ провинціяхъ 76 головъ рогатаго скота для поддержанія плодородности земли, а въ двухъ послѣднихъ меньше 35 головъ,—разница громадная. (Цифры взяты нами изъ статистическихъ документовъ, издаваемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ). Надобно также замѣтить, что въ той части Бельгіи, гдѣ земля раздѣлена на очень мелкія фермы, число скота немногимъ меньше, чѣмъ въ Англіи. Считая пропорцію скота на одну воздѣлываемую землю, Англія имѣетъ на 100 гектаровъ 65 головъ рогатаго скота и около 200 барановъ; все это количество равняется 91 головѣ рогатаго скота, то есть только 15 головами больше, чѣмъ въ Антверпенской и Восточно-Фландрской провинціяхъ. Надобно прибавить, что въ Бельгіи почти ничего не теряется изъ удобренія, даваемаго скотомъ, который почти весь годъ кормится въ стойлѣ, между тѣмъ какъ въ Англіи количество удобренія, приносящаго полную пользу, значительно уменьшается отъ того, что скотъ пасутъ въ полѣ.

«Въ Сѣверномъ департаментѣ наибольшее количество скота также содержатъ округи, въ которыхъ фермы меньшаго размѣра. Округи Лилльскій и Гасбрукскій, кромѣ большаго числа лошадей, имѣютъ другихъ животныхъ число равное: въ Лилльскомъ 52 головамъ, а въ Гасбрукскомъ 46 головамъ рогатаго скота; а въ округахъ, гдѣ хозяйства имѣютъ большій размѣръ, содержится скота меньше: въ Дюнкирхенскомъ количество равное 44 головамъ, а въ Авенскомъ—40 головамъ рогатаго скота (цифры взяты изъ Statistique de France, publiée par le ministre de commerce. Agriculture, томъ I).

«Подобныя изслѣдованія о другихъ частяхъ Франціи представили бы такіе же результаты. Если въ подгородныхъ мѣстахъ мелкія хозяйства не держатъ скота, удобреніе котораго легко замѣняется въ нихъ покупкою городскаго удобренія, то вообще при воздѣлываніи, требующемъ отъ земли наибольшаго продукта, необходимо съ наибольшею дѣятельностью поддерживать

ниже большихъ и въ этомъ отношеніи. Страны малыхъ фермъ и хозяевъ-поселянъ, Фландрія и Италія, имѣли хорошее земледѣліе нѣсколькими поколѣніями раньше, чѣмъ Англія, и вообще говоря, ихъ земледѣліе до сихъ поръ остается вѣроятно лучшимъ въ цѣломъ мірѣ. Поселяне-хозяева часто владѣютъ высокою степенью эмпирическаго искусства, бывающаго результатомъ ежедневнаго и внимательнаго наблюденія. Напримѣръ, въ странахъ, производящихъ лучшія вина, поселяне по преданію владѣютъ необыкновеннымъ знаніемъ виноградничества. Разумѣется, у нихъ нѣтъ науки, или

ея плодородіе. Правда, мелкимъ фермамъ нельзя имѣть многочисленныхъ стадъ овецъ, и это ихъ невыгода; но наоборотъ, онѣ больше большихъ фермъ содержатъ рогатаго скота. Это необходимость, которой не могутъ онѣ избѣжать въ странахъ, гдѣ нужды потребленія даютъ имъ цвѣтущее существованіе. Онѣ погибли бы, если бы не удовлетворяли этимъ потребностямъ.

«Но вотъ объ этомъ еще подробности, за вѣрность которыхъ, по нашему мнѣнію, совершенно ручается достоинство труда, изъ котораго мы беремъ ихъ. Передаваемыя нами свѣдѣнія находятся въ статистикѣ Вансатской общины, изданной докторомъ Жюссро, меромъ этой общины; они тѣмъ драгоцѣннѣе, что раскрываютъ, какой характеръ имѣли въ этой мѣстности измѣненія, произведенныя мелкимъ хозяйствомъ въ количествѣ и породахъ скота, удобреніемъ котораго поддерживается и увеличивается плодородіе земли. Въ Вансатской общинѣ, имѣющей 1,612 гектаровъ, раздѣленныхъ на 4,600 участковъ (parcelles) и принадлежащихъ 591 владѣльцамъ, количество воздѣлываемой земли 1,466 гектаровъ. Въ 1790 году, двѣ трети этого пространства были заняты 17 фермами, остальная треть другими 20 фермами. Послѣ того, хозяйства раздробились и теперь дошли до крайней мелкости. Какое же вліяніе имѣла эта перемѣна на количество скота? Она значительно увеличила его. Въ 1790 году, община имѣла около 300 головъ рогатаго скота и отъ 1,800 до 2,000 овецъ. Теперь она имѣетъ 676 головъ рогатаго скота и только 533 овцы. Итакъ, въ замѣнъ 1,300 овецъ она пріобрѣла 376 головъ рогатаго скота; считая получаемое отъ нихъ удобреніе, мы увидимъ, что оно съ съ 490 возрасло до 729, то есть больше, чѣмъ на 48 процентовъ. Притомъ надобно замѣтить, что скотъ нынѣ, будучи крупнѣе и получая лучшій кормъ, даетъ гораздо лучшее удобреніе.

«Вотъ что говорятъ намъ факты. Итакъ неправда, будто бы мелкія хозяйства не содержатъ столько скота, какъ крупныя; напротивъ, при одинаковыхъ мѣстныхъ условіяхъ, мелкія хозяйства имѣютъ больше скота, какъ и слѣдовало предполагать, потому что они требуютъ отъ земли больше продукта, слѣдовательно должны также больше заботиться и объ ея плодородіи. Переберемъ всѣ другіе упреки мелкому хозяйству, пересмотримъ ихъ на основаніи внимательной оцѣнки фактовъ, и мы не замедлимъ увидѣть, что всѣ они точно также неосновательны, что они порождены только сравненіемъ состоянія такихъ странъ, въ которыхъ причины земледѣльческаго благосостоянія дѣйствуютъ не съ одинаковою энергіею» (стр. 116—120). Прим. авт.

по крайней мѣрѣ теоріи; есть у нихъ также нѣкоторый недостатокъ стремленія къ тѣмъ усовершенствованіямъ, которыя состоятъ въ принятіи новыхъ процессовъ производства. Недостаетъ у нихъ и средствъ дѣлать опыты, которые обыкновенно могутъ съ выгодою производиться лишь богатыми собственниками или капиталистами. Вообще нельзя ожидать отъ малыхъ собственниковъ тѣхъ систематическихъ улучшеній, которыя должны производиться вдругъ на большомъ пространствѣ земли (каковы большія работы дренажа или орошенія), или по другимъ причинамъ дѣйствительно требуютъ сочетанія труда множества работниковъ; впрочемъ бываютъ примѣры соединенія малыхъ фермеровъ или собственниковъ и для производства такихъ дѣлъ; а при большемъ умственномъ ихъ развитіи, подобные случаи сдѣлаются болѣе частыми.

Но гдѣ характеръ собственности или найма земли соотвѣтствуетъ надлежащимъ условіямъ, тамъ всѣ эти невыгоды вознаграждаются въ мелкихъ хозяйствахъ усердіемъ труда, совершенно безпримѣрнымъ при другихъ системахъ хозяйства. Это фактъ, о которомъ единогласно свидѣтельствуютъ компетентные судьи. О характерѣ мелкихъ хозяйствъ не слѣдуетъ судить по тѣмъ случаямъ, когда мелкій хозяинъ просто арендаторъ земли, и арендуетъ ее даже не по контракту на опредѣленныхъ условіяхъ, а за такую номинальную ренту (какъ до нынѣ въ Ирландіи), которая превышаетъ всякую возможность уплаты, то есть въ сущности за неопредѣленную ренту, постоянно восходящую до крайней суммы, какая только можетъ быть уплачена. Чтобы понять характеръ мелкаго хозяйства, надобно изучать его тамъ, гдѣ хлѣбопашецъ собственникъ или по крайней мѣрѣ половникъ, постоянно сидящій на одной землѣ, гдѣ онъ увеличиваетъ продуктъ и цѣнность земли вполнѣ или по крайней мѣрѣ отчасти въ выгоду себѣ и своему потомству. Въ одной изъ слѣдующихъ частей трактата, мы должны будемъ подробнѣе разобрать важный вопросъ о способахъ владѣнія и пользованія землею, и я отлагаю до того времени приведеніе свидѣтельствъ объ удивительномъ трудолюбіи поселянъ-собственниковъ. Здѣсь довольно будетъ указать на огромность валоваго продукта, вообще получаемаго англійскими работниками съ ихъ маленькихъ участковъ, хотя они даже не имѣютъ постояннаго пользованія этими участками: они получаютъ съ нихъ несравненно бо́льшій продуктъ, чѣмъ получаетъ или можетъ найти выгоднымъ получать съ той же земли большой фермеръ.

Въ этомъ я нахожу истинную причину того, что для простаго

помѣщенія капитала съ цѣлью полученія коммерческой выгоды, большія хозяйства вообще выгоднѣе. Земля снимается большимъ фермеромъ за менѣе высокую ренту. Онъ расходуетъ на нее меньше труда. И если онъ получаетъ больше прибыли по пропорціи къ расходамъ, это происходитъ не отъ экономіи, производимой сочетаніемъ труда, а просто оттого, что онъ расходуетъ меньше. Онъ не имѣетъ выгоды платить другимъ за весь тотъ трудъ, которому съ радостью подвергается поселянинъ или фабричный работникъ, имѣющій участокъ земли, когда всѣ труды плода пожинаетъ самъ. Но этотъ трудъ производителенъ; имъ увеличивается валовой продуктъ. При одинаковомъ искусствѣ и знаніи большой фермеръ не получаетъ съ земли столько продукта, какъ мелкій собственникъ или мелкій фермеръ, если у мелкаго фермера есть достаточныя побужденія работать усердно. Но если большой фермеръ получаетъ меньшую пропорцію продукта, онъ расходуетъ еще меньшую пропорцію продукта, и платя за весь трудъ, употребляемый имъ, онъ не находитъ выгоднымъ употреблять большее количество его.

При одинаковости условій, валовой продуктъ земли бываетъ больше въ малыхъ хозяйствахъ; эта система даетъ странѣ возможность содержать большее количество населенія. Но англійскіе писатели вообще полагаютъ, чтб такъ-называемый чистый доходъ, излишекъ, остающійся за продовольствованіемъ земледѣльцевъ, при системѣ малыхъ хозяйствъ бываетъ меньше, что поэтому будетъ меньше и количество того населенія, которое, получая свое продовольствіе изъ этого излишка, можетъ заниматься другими дѣлами: фабричною промышленностью, торговлею, мореплаваніемъ, защитою страны, развитіемъ знаній, другими свободными профессіями и административными обязанностями; что поэтому, оставляя въ сторонѣ всѣ вопросы о положеніи самихъ земледѣльцевъ, надобно сказать, что страна съ малыми хозяйствами ниже страны съ большими хозяйствами по важнѣйшимъ элементамъ національнаго могущества и по многимъ элементамъ національнаго благосостоянія. Но это слишкомъ легко принималось за дѣло доказанное. Конечно, пропорція не-земледѣльческаго населенія къ земледѣльческому при маломъ хозяйствѣ будетъ меньше, чѣмъ при большомъ. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что и по абсолютной числительности не-земледѣльческое населеніе будетъ меньше. Если сумма земледѣльческаго и не-земледѣльческаго населенія больше, то не-земледѣльческая часть его можетъ быть сама по себѣ многочи-

слѣпнѣе, хотя и составляетъ меньшую пропорцію въ общей суммѣ. Если валовой продуктъ больше, то и чистый продуктъ можетъ быть больше, хотя бы и составлялъ меньшую пропорцію въ валовомъ продуктѣ. Но даже Уэкфильдъ иногда повидимому смѣшиваетъ эти разныя понятія. Считаютъ, что во Франціи земледѣльческое населеніе составляетъ двѣ трети всего населенія. Въ Англіи оно составляетъ, по самому большому счету, одну треть. Изъ этого Уэкфильдъ дѣлаетъ такой выводъ: «во Франціи только три человѣка содержатся трудомъ двухъ земледѣльцевъ, а въ Англіи трудъ двухъ земледѣльцевъ содержитъ шесть человѣкъ, потому англійское земледѣліе вдвое производительнѣе французскаго», благодаря большей успѣшности, доставляемой хозяйству обширныхъ фермъ сочетаніемъ труда. Но во-первыхъ, самые факты тутъ преувеличены. Трудъ двухъ земледѣльцевъ въ Англіи не вполнѣ содержитъ шесть человѣкъ, потому что значительное количество продовольствія ввозится изъ за-границы и изъ Ирландіи. А во Франціи трудъ двухъ земледѣльцевъ производитъ больше, чѣмъ пищу для трехъ человѣкъ: онъ также производитъ для нихъ, и кромѣ того для иностранцевъ, ленъ, пеньку, значительную долю потребляемаго ими шелка, масла, табака, а въ послѣднее время и сахара, который въ Англіи весь получается изъ-за границы. Почти весь строевой лѣсъ, потребляемый во Франціи, производится дома, а почти весь, потребляемый въ Англіи, привозится изъ-за за границы. Главная масса топлива во Франціи добывается и привозится на рынокъ людьми, которыхъ причисляютъ къ земледѣльцамъ, а въ Англіи людьми, которыхъ не причисляютъ къ нимъ. Я не ввожу въ соображеніе кожъ и шерсти, потому что эти продукты одинаково производятся въ обѣихъ странахъ, также не считаю виноградпаго вина и водки, потребляемыхъ въ самой Франціи, потому что Англія имѣетъ соотвѣтствующіе продукты въ водкѣ и пивѣ; но она не имѣетъ большаго вывоза этихъ продуктовъ, напротивъ, даже ввозитъ довольно много водокъ, между тѣмъ какъ Франція снабжаетъ виноградными винами и водками цѣлый свѣтъ. Не говорю о фруктахъ, яйцахъ и другихъ мелкихъ статьяхъ вывоза земледѣльческихъ продуктовъ. Но, не придавая чрезмѣрной важности всѣмъ этимъ вычетамъ, возьмемъ цыфры, какъ ихъ выставляютъ намъ. Предположимъ, что въ Англіи два человѣка дѣйствительно производятъ пищу на шесть человѣкъ, а во Франціи нуженъ для этого трудъ четырехъ человѣкъ. Слѣдуетъ ли изъ того, что Англія имѣетъ бо̀льшее количество излишка на содержаніе не-

земледѣльческаго населенія? Нѣтъ, слѣдуетъ только то, что она можетъ употреблять на это двѣ трети, а не одну треть своего продукта. Положимъ, что при маломъ хозяйствѣ во Франціи продуктъ вдвое больше; тогда одна треть его будетъ равняться двумъ третямъ продукта большаго хозяйства. Если бы, благодаря большему количеству труда, употребляемому во французской системѣ, производилась пища для 12 человѣкъ на такомъ пространствѣ, какое при англійской системѣ производитъ пищу для 6 человѣкъ, въ такомъ случаѣ, при сохраненіи условій, на которыхъ построена гипотеза, могло бы въ обѣихъ странахъ существовать одинаковое количество рукъ, свободныхъ для занятія другими дѣлами, хотя бы въ одной 8 человѣкъ производили пищу для 12 человѣкъ, а въ другой пищу для 6 человѣкъ только 2 человѣка. Я говорю вовсе не то, что это дѣйствительно такъ. Я знаю, что средній валовой продуктъ экра во Франціи гораздо меньше, чѣмъ въ Англіи; что пропорціонально пространству и плодородію земли, Англія имѣетъ гораздо больше, чѣмъ Франція, свободнаго для другихъ занятій населенія. Но эта разница въ числѣ такого населенія ни какъ не можетъ измѣряться слишкомъ простою нормою Уэкфильда. Иначе пришлось бы сказать, что въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ по послѣднему ценсу изъ пяти семействъ четыре оказываются занимающимися земледѣліемъ, земледѣльческій трудъ еще гораздо менѣе успѣшенъ, чѣмъ во Франціи.

Сравнивая всю Францію какъ одно цѣлое, со всею Англіею, какъ однимъ цѣлымъ, надобно согласиться, что французское земледѣліе въ самомъ дѣлѣ, хотя не въ такой огромной пропорціи, какъ говорятъ, менѣе производительно, чѣмъ англійское; но эту разницу надобно приписывать не столько дѣйствію какой нибудь спеціальной причины, сколько тому, что во Франціи общій уровень промышленнаго искусства и энергіи ниже, чѣмъ въ Англіи; а если разница отчасти происходитъ и отъ раздробленности земли, этимъ еще недоказывается невыгодность мелкихъ хозяйствъ, а доказывается только то (что и на самомъ дѣлѣ безспорно), что земледѣльческія хозяйства во Франціи очень часто бываютъ уже *слишкомъ* мелки, и что еще хуже, раздроблены на неимовѣрное множество клочковъ (parcelles), очень неудобно разбросанныхъ и разсѣянныхъ.

Нельзя считать рѣшеннымъ вопроса о томъ, какое хозяйство, большое или малое, выгоднѣе по отношенію къ чистому продукту,— особенно если мелкій хозяинъ собственникъ воздѣлываемаго участка.

Это вопросъ, который нынѣ различно рѣшается знатоками дѣла Въ Англіи господствующее мнѣніе въ пользу большихъ фермъ; на континентѣ сильнѣйшіе авторитеты думаютъ иначе. Гейдельбергскій профессоръ Рау, авторъ одного изъ самыхъ обширныхъ и основательныхъ трактатовъ о политической экономіи, человѣкъ владѣющій, по своему предмету, тѣмъ обширнымъ знаніемъ фактовъ и сочиненій, которымъ вообще отличаются его соотечественники, считаетъ положительно доказаннымъ, что хозяйства малаго или средняго размѣра даютъ большее количество не только валоваго, но и чистаго продукта; впрочемъ надобно желать, прибавляетъ онъ (стр. 352 и 335 французскаго перевода, изданнаго Кемметеромъ), чтобы существовало и нѣсколько большихъ землевладѣльцевъ, которые бы служили образцами въ принятіи новыхъ усовершенствованій. Изъ всѣхъ писателей, извѣстныхъ мнѣ, самое безпристрастное и основательное, какъ мнѣ кажется, сужденіе высказываетъ Пасси, говорящій, что большія хозяйства выгоднѣе для производства хлѣба и сѣна, но малыя рѣшительно выгоднѣе для производства продуктовъ, требующихъ особенно большаго труда и вниманія; такими производствами онъ называетъ винодѣліе и воздѣлываніе оливковаго дерева, гдѣ каждое отдѣльное растеніе требуетъ много труда и заботы, также воздѣлываніе корнеплодныхъ и стручковыхъ растеній, и наконецъ растеній, дающихъ матеріалы для фабричной промышленности. По мнѣнію всѣхъ авторитетовъ, многочисленность мелкихъ фермъ очень благопріятна изобилію множества мелкихъ земледѣльческихъ продуктовъ *).

Ясно, что каждый земледѣлецъ, получающій отъ земли больше продовольствія, чѣмъ сколько нужно на потребленіе его самаго съ семействомъ, увеличиваетъ массу средствъ для содержанія не-земледѣльческой части населенія. Если этотъ излишекъ у него достаточенъ даже лишь на то одно, чтобы покупать одежду, работники, дѣлающіе эту одежду, уже составляютъ часть не-земледѣльческаго населенія, содержимую продовольствіемъ, которое онъ производитъ. Потому каждая земледѣльческая семья, производящая для себя предметы первой необходимости, уже даетъ прибавокъ къ чистому продукту земледѣлія; этотъ чистый продуктъ увеличивается

*) «Въ Сѣверномъ департаментѣ, говоритъ Пасси, ферма, имѣющая 20 гектаровъ, иногда продаетъ въ годъ на 1,000 франковъ телятъ, молока, яицъ и птицы; за вычетомъ издержекъ, это составляетъ прибавку отъ 15 до 20 франковъ чистаго дохода на гектаръ». Systémes de culture, стр. 114. Прим. авт.
*

каждымъ поселяниномъ, который своею земледѣльческою работою увеличиваетъ валовой продуктъ земли количествомъ продовольствія больше того, сколько потребляетъ самъ. Даже въ самыхъ раздробленныхъ изъ тѣхъ европейскихъ округовъ, воздѣлыватели которыхъ сами собственники своихъ участковъ, размноженіе земледѣльческаго населенія едва ли подходитъ или стремится подойти хотя бы къ очень далекой отъ этого предѣла многочисленности. Во Франціи, гдѣ раздробленіе земли, по общему признанію, слишкомъ велико, все таки оно еще очень далеко отъ предѣла, за которымъ начала бы уменьшаться сила мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ поддерживать не-земледѣльческое населеніе. Это доказывается положительными фактами, напримѣръ, сильнымъ возрастаніемъ городовъ. Городское населеніе Франціи въ послѣднее время возрастало въ пропорціи гораздо высшей, чѣмъ общее число французскаго населенія *). Нѣтъ основаній думать, что положеніе городскихъ работниковъ быстро ухудшается; потому этотъ фактъ показываетъ, что производительность французскаго земледѣлія возрастаетъ даже по отношенію чистаго продукта къ валовому продукту, — даже по этой пропорціи, которую ошибочно было бы принимать нормою для рѣшенія. А между тѣмъ, есть факты, несомнѣнно показывающіе, что потребленіе земледѣльческихъ продуктовъ самими земледѣльцами значительно увеличилось въ округахъ, имѣющихъ усовершенствованное земледѣліе, и въ нѣторыхъ изъ округовъ, до послѣдняго времени не знавшихъ усовершенствованной обработки.

Въ этой главѣ мы разсматривали вопросъ о хозяйствахъ большаго и малаго размѣра, исключительно только какъ вопросъ о производствѣ и успѣшности труда. Впослѣдствіи, мы разсмотримъ его со стороны распредѣленія продукта, со стороны матеріальнаго и общественнаго благосостоянія самихъ владѣльцевъ. Въ этихъ отношеніяхъ онъ заслуживаетъ и требуетъ еще подробнѣйшаго разбора.

Я убѣжденъ, что изъ всѣхъ ошибокъ, какія могутъ быть сдѣланы ученымъ, пишущимъ о политическихъ и соціальныхъ предметахъ, всего больше онъ долженъ остерегаться преувеличеній и положеній, выходящихъ изъ предѣловъ очевидности. Поэтому въ

---

*) Въ періодъ между цензами 1851 и 1856 годовъ, увеличеніе числа жителей въ одномъ Парижѣ было больше, чѣмъ увеличеніе всего числа жителей во Франціи. Почти во всѣхъ другихъ городахъ число жителей также возрасло въ эти годы. Примѣч. авт.

прежнихъ изданіяхъ этого сочиненія я ограничился предыдущими, весьма умѣренными положеніями. Я не зналъ, на сколько бы я могъ говорить сильнѣе, не выходя изъ границъ истины, и на сколько настоящіе успѣхи французскаго земледѣлія стоятъ выше того, что я могъ тогда утверждать съ достаточнымъ основаніемъ. Изслѣдованія замѣчательнаго авторитета въ земледѣльческой статистикѣ, Леонса-де-Лаверня, предпринятыя по желанію академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ французскаго института, привели къ заключенію, что со времени революціи 1789 г. цѣлое производство французскаго земледѣлія удвоилось; прибыль и заработная плата возрасли почти въ томъ же отношеніи, а рента еще болѣе. Безпристрастіе есть вообще одно изъ величайшихъ достоинствъ Леонса-де-Лаверня, и, кромѣ того, въ этомъ случаѣ его еще тѣмъ меньше можно заподозрить въ желаніи доказать любимое положеніе, что онъ старается здѣсь показать не то, сколько сдѣлало французское земледѣліе, а то, сколько ему еще остается сдѣлать. «Намъ нужно,—говоритъ онъ,—не меньше семидесяти лѣтъ на то, чтобы ввести въ обработку два милліона гектаровъ (пять милліоновъ англійскихъ экровъ) необработанной земли, сократить на половину количество нашихъ земель, остающихся подъ паромъ, удвоить наше земледѣльческое производство, возвысить наше населеніе на 30 процентовъ, нашу заработную плату на 100 проц., и нашу ренту на 150 проц. Такимъ образомъ намъ нужно еще три четверти столѣтія чтобы достигнуть того состоянія, котораго уже достигла Англія *).

Послѣ этой очевидности, мы конечно слышали теперь послѣднее слово о совмѣстимости мелкой собственности и мелкаго зозяйства съ усовершенствованіемъ земледѣлія. Остается только одинъ вопросъ—о степени, о сравнительной быстротѣ земледѣльческаго усовершенствованія при обѣихъ системахъ; и общее мнѣніе людей, одинаково хорошо знакомыхъ съ обѣими, таково, что это усовершенствованіе всего больше бываетъ при должномъ смѣшеніи той и другой.

---

*) Economie Rurale de la France depuis 1789. Par M. Léonce de Lavergne. Membre de l'Institut et de la Societé Centrale d'Agriculture de France. 2-me éd. p. 59.

ГЛАВА X.

ЗАКОНЪ ВОЗРАСТАНІЯ ТРУДА.

1. Теперь мы поочередно пересмотрѣли всѣ силы или элементы производства и тѣ условія, которыми увеличивается успѣшность дѣйствія этихъ разнообразныхъ элементовъ. Чтобы кончить обзоръ вопросовъ, относящихся исключительно къ производству, намъ остается изложить еще одинъ, имѣющій первостепенную важность.

Производство — вещь не неподвижная, а возрастающая. Продуктъ промышленности всегда стремился возрастать, когда не былъ удерживаемъ въ застоѣ дурными учрежденіями или низкимъ состояніемъ практическихъ искусствъ. Побужденіемъ къ его увеличенію было не только желаніе производителей увеличить свои средства къ потребленію, но и увеличивающееся число потребителей. Нѣтъ въ политической экономіи вопроса важнѣе той задачи, чтобы узнать законъ, по которому идетъ это возрастаніе производства, условія, отъ которыхъ оно зависитъ, разсмотрѣть, имѣетъ-ли оно практически какія нибудь границы и чѣмъ именно полагаются ему границы. Съ тѣмъ вмѣстѣ, нѣтъ въ политической экономіи предмета, о которомъ большинство публики имѣло бы столь неудовлетворительныя понятія и ошибочныя мнѣнія о которомъ могли бы производить и дѣйствительно производили бы больше вреда.

Мы видѣли, что производство имѣетъ три основные элемента: трудъ, капиталъ и предметы природы; подъ словомъ капиталъ понимаются всѣ внѣшніе матеріальные предметы и силы, произведенныя трудомъ; подъ словомъ предметы природы—вещи, которыя произведены не трудомъ человѣка. Но изъ предметовъ природы не нужно принимать въ разсчетъ тѣхъ, которые, существуя въ неограниченномъ количествѣ, не допуская возможности быть обращенными въ собственность, и никогда не портясь въ своихъ качествахъ, всегда готовы оказывать свое содѣйствіе производству, каковъ бы ни былъ его размѣръ,—таковы, напримѣръ, воздухъ и солнечный свѣтъ. Теперь мы хотимъ разсматривать то, что препятствуетъ, а не то, что помогаетъ производству; потому намъ надобно обратить вниманіе только на тѣ предметы природы, которые могутъ оказываться недостаточными или по количеству или по производительной силѣ. Всѣ они могутъ быть обозначены терминомъ земля. Земля въ тѣснѣйшемъ значеніи слова, какъ источ-

никъ земледѣльческаго продукта, главнѣйшій изъ нихъ. А если мы расширимъ значеніе этого термина на рудники и рыбныя ловли,— на то, что находится въ самой землѣ, или въ водахъ покрывающихъ часть ея, и на то, что человѣкъ произращаетъ или кормитъ на землѣ, то слово это будетъ обнимать всѣ предметы, которыми теперь нужно заняться намъ.

Послѣ этихъ объясненій, мы можемъ, не дѣлая насилія языку, сказать, что элементы, нужные для производства: земля, капиталъ и трудъ. Итакъ, возрастаніе производства зависитъ отъ качествъ этихъ элементовъ. Оно бываетъ результатомъ возрастанія или самыхъ этихъ элементовъ, или ихъ производительности. Законъ возрастанія производства долженъ быть слѣдствіемъ законовъ этихъ элементовъ; границами возрастанія производства должны быть границы, такъ или иначе, поставляемыя ему этими законами. Мы теперь поочередно разсмотримъ всѣ три элемента производства съ этой точки зрѣнія, иначе сказать, изложимъ законъ возрастанія производства въ его зависимости, во-первыхъ отъ труда, во-вторыхъ отъ капитала, и наконецъ отъ земли.

2. Возрастаніе труда есть возрастаніе числа людей, возрастаніе населенія. Пренія возбужденныя книгою Мальтуса познакомили всѣхъ съ истиннымъ понятіемъ объ этомъ предметѣ (хотя не всѣ, знающіе эту истину, соглашаются съ нею); потому здѣсь вѣроятно будетъ достаточнымъ довольно краткое изложеніе этихъ понятій, которыя требовали бы гораздо обширнѣйшаго развитія, если бы не были такъ извѣстны.

Врожденная сила размноженія можетъ считаться безконечною въ каждомъ родѣ органическихъ существъ. Нѣтъ ни одной породы растеній или животныхъ, которая въ теченіе немногихъ лѣтъ не покрыла бы всѣхъ странъ земнаго шара, имѣющихъ климатъ совмѣстный съ ея существованіемъ, если бы земля была исключительно предоставлена ей и предметамъ, которыми она питается. Степень возможной быстроты размноженія у различныхъ классовъ существъ различна; но во всѣхъ она достаточна для того, чтобы очень быстро наполнить землю. Есть въ растительномъ царствѣ много такихъ породъ, въ которыхъ одно растеніе въ годъ производитъ сѣмена тысячи растеній; если только два изъ нихъ достигнутъ зрѣлости, то въ 14 лѣтъ они по этой пропорціи размножатся слишкомъ до 16.000. Между животными очень обыкновенна такая степень плодородія, что число существъ извѣстной породы можетъ учетверяться съ каждымъ годомъ; если число только учетверяется

въ теченіе полустолѣтія, то въ два столѣтія 10,000 размножатся до двухъ милліоновъ пяти сотъ тысячъ слишкомъ. Способность размноженія необходимо всегда дѣйствуетъ по геометрической прогрессіи; различна бываетъ только цифра знаменателя этой прогрессіи.

Человѣческій родъ не составляетъ исключенія относительно этого свойства органическихъ существъ. Сила его размноженія безпредѣльна, и дѣйствительное размноженіе его было бы чрезвычайно быстро, если бы эта сила дѣйствовала съ полнымъ могуществомъ. Съ полнымъ могуществомъ она не дѣйствовала никогда, но все-таки, при наиболѣе благопріятныхъ изъ извѣстныхъ намъ обстоятельствъ (эти обстоятельства—плодородная страна, колонизуемая изъ промышленнаго и цивилизованнаго общества), населеніе, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, независимо отъ прилива новыхъ переселенцевъ, продолжало удвоиваться въ періоды, имѣющіе немногимъ болѣе, какъ по двадцати лѣтъ. Но способность размноженія въ человѣческомъ родѣ превосходитъ даже и эту величину; мы ясно увидимъ это, вспомнивъ, какъ велико бываетъ обыкновенное число дѣтей въ семьѣ при хорошемъ климатѣ и обычаѣ рано вступать въ бракъ, и какъ мала пропорція дѣтей умирающихъ до достиженія зрѣлости, при нынѣшнемъ состояніи гигіеническихъ знаній, если климатъ здоровъ, а семья достаточно снабжена средствами жизни. Мы очень низко оцѣнимъ способность размноженія, если примемъ, что при хорошемъ гигіеническомъ положеніи народа, каждое поколѣніе можетъ быть вдвое многочисленнѣе предшествующаго поколѣнія.

Лѣтъ двадцать или тридцать тому назадъ, могла еще быть нужда подробно доказывать эти истины; но очевидность ихъ такъ велика и безспорна, что онѣ распространились, несмотря на всевозможные споры противъ нихъ, и теперь могутъ считаться аксіомами. Впрочемъ, чрезвычайное нежеланіе принимать ихъ и теперь по временамъ порождаетъ эфемерныя теоріи о томъ, что законъ размноженія при различныхъ обстоятельствахъ бываетъ различенъ, и что заботливостью самой природы человѣческое плодородіе приспособляется къ потребностямъ общества. Но всѣ эти теоріи быстро предаются забвенію *). Препятствіе ясному пониманію пред-

*) Одна изъ этихъ теорій, именно теорія Дубльде, быть можетъ, заслуживаетъ краткаго упоминовенія, потому что въ послѣднее время пріобрѣла нѣсколько послѣдователей и потому, что находитъ себѣ видимую опору въ

мета возникаетъ не изъ этихъ теорій, а изъ слишкомъ сбивчиваго понятія о причинахъ, почти всегда и почти повсюду удерживавшихъ дѣйствительное размноженіе людей столь далеко отъ прогрессіи, къ какой оно способно.

общихъ аналогіяхъ органической жизни. Теорія эта утверждаетъ, что плодородіе человѣка и всѣхъ другихъ живыхъ существъ бываетъ обратно пропорціонально количеству пищи; что животное, получающее пищи менѣе нормальнаго количества, размножается быстро; но всѣ сословія, имѣющія житейскій комфортъ, такъ неплодотворны, что рѣдко могутъ поддерживать свою числительность безъ прилива новыхъ людей изъ болѣе бѣдныхъ сословій. Безспорно, положительный излишекъ питанія, и у животныхъ и у фруктовыхъ деревьевъ, неблагопріятенъ воспроизведенію; и очень можетъ быть (хотя еще вовсе не доказано), что физіологическія условія плодородія имѣютъ высочайшую силу тогда, когда количество пищи нѣсколько недостаточно. Но если и принять это за фактъ, надобно только попросить просмотрѣть «Списокъ англійскихъ перовъ» того, кто вздумалъ бы выводить изъ такого факта заключенія, не согласныя съ принципомъ Мальтуса: пусть онъ посмотритъ, какія громадныя семейства почти во всѣхъ фамиліяхъ этого сословія; или пусть онъ вспомнитъ о томъ, какъ велики семейства англійскаго духовенства, и вообще среднихъ сословій въ Англіи. Если есть предѣлъ размноженію людей въ богатыхъ сословіяхъ Великобританіи, предѣломъ этимъ навѣрное не служитъ многочисленность дѣтей. Прим. авт.

Не имѣя спеціальныхъ знаній по физіологіи, мы не можемъ судить о томъ, основательна или неосновательна теорія Дубльде. Но что касается возраженія, приводимаго противъ нея Миллемъ, то мы можемъ видѣть, что оно нейдетъ къ дѣлу. Сущность мысли Дубльде состоитъ въ томъ, что плодородіе ослабѣваетъ въ племени, получающемъ обильную пищу. Само собою разумѣется, что предполагаемая перемѣна должна состоять въ глубокомъ физіологическомъ измѣненіи относительной энергіи разныхъ органическихъ процессовъ, отъ котораго напослѣдокъ, по предположенію Дубльде, уменьшается или отдѣленіе сѣмени, или его плодотворность въ мужскомъ организмѣ, или плодотворящая воспріемлемость женскаго организма. Такъ это, или нѣтъ, мы не можемъ рѣшать; но если бы и такъ, подобныя перемѣны требуютъ смѣны нѣколькихъ поколѣній для своего полнаго развитія,—это извѣстно. Напримѣръ, аристократическія черты лица, уменьшеніе размѣра рукъ, ногъ, утоненіе костей и всѣ подобныя принадлежности благороднаго племени замѣтно проявляются уже на правнукахъ или праправнукахъ людей, возвысившихся въ знатность или большое богатство изъ простонародья, а дѣти и даже внуки возвысившихся людей еще сохраняютъ въ своемъ организмѣ преобладаніе простонародной комплекціи. Для такой еще болѣе глубокой перемѣны, какъ измѣненіе въ характерѣ половыхъ частей, нужно еще больше времени, еще большее число поколѣній. Между фамиліями англійскихъ перовъ очень мало находится такихъ, которыя имѣли бы знатность, простирающуюся на семь или восемь поколѣній назадъ отъ нынѣшняго; огромное большинство ихъ вошли въ аристократію очень недавно, среднимъ числомъ лѣтъ

3. А между тѣмъ причины обнаруживаются очень явно. Что мѣшаетъ племени зайцевъ или кроликовъ переполнить собою землю? Не недостатокъ плодородія, а причины совершенно иного рода: множество враговъ и недостатокъ продовольствія. У нихъ мало ѣды, и сами они становятся ѣдою для другихъ. Люди вообще не подвержены второму бѣдствію, но замѣною его служатъ болѣзни и война. Если бы размноженіе людей, подобно размноженію другихъ животныхъ, производилось лишь слѣпымъ инстинктомъ, границы ему полагались бы точно того же рода, какъ у животныхъ: количество рождающихся имѣло бы всю многочисленность, допускаемую физическимъ устройствомъ породы и населеніе сдерживалось бы въ границахъ смертью. Но поступки людей болѣе или менѣе подчиняются вліянію соображеній о послѣдствіяхъ и побужденіями высшими чисто-животныхъ инстинктовъ. Потому люди не плодятся, какъ свиньи, нѣтъ,—они способныя больше и меньше удерживаться благоразуміемъ или общественными привязанностями отъ того, чтобы давать жизнь существамъ, раждающимся лишь на нужду и преждевременную смерть. Соразмѣрно тому, какъ люди возвышаются надъ скотскимъ состояніемъ, возрастаніе населенія сдерживается больше боязнью недостатка, чѣмъ фактическимъ недостаткомъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ опасности голода, многіе точно также удерживаются опасеніемъ потери того, что счи-

---

150, много 200. Потому, если въ нихъ сохраняется плодородіе, это еще ничего не доказываетъ противъ теоріи Дубльде,—это можетъ по ней объясниться просто какъ остатокъ простонароднаго плодородія недавнихъ предковъ, жившихъ не богато. Точно тоже надобно сказать о многолюдствѣ семействъ англійскаго духовенства и средняго сословія, — эти многочисленныя семейства все потомки людей, недавно вышедшихъ изъ простонародья. Напротивъ, если внимательно всматриваться въ генеалогическія таблицы знатныхъ фамилій, онѣ скорѣе представляются свидѣтельствующими за теорію Дубльде, чѣмъ противъ нея. Общая черта этихъ генеалогій во всѣхъ странахъ одна и таже: фамилія выходящая въ знать, въ теченіе нѣсколькихъ (обыкновенно пяти и шести) поколѣній быстро размножается, потомъ два-три поколѣнія держится въ одинаковомъ числѣ, а послѣ того число членовъ ея начинаетъ уменьшаться почти столь же быстро, какъ сначала возрастало и черезъ 12—15 поколѣній очень часто родъ прекращается, или если продолжается, то обыкновенно черезъ какую нибудь вѣтвь, которая впадала въ незначительность и вознаградила свое плодородіе бѣдностью. Эта общая черта генеалогій открыта, конечно, не нами: она давно замѣчаема была всѣми учеными, которыя занимались генеалогическими таблицами. Очень странно, какъ не вспомнилъ о ней Милль.

тается условіями приличнаго ихъ общественному положенію образа жизни. До сихъ поръ ни то, ни другое изъ этихъ побужденій не оказывалось имѣющимъ надъ большинствомъ людей столько силы, чтобы уравновѣшивать стремленіе къ размноженію. Огромное большинство людей средняго и бѣднаго сословія вступали въ браки въ самой ранней порѣ, если только были свободны отъ внѣшняго контроля, и почти во всѣхъ странахъ рождали такое число дѣтей, при какомъ только могли поддержать себя въ положеніи, въ которомъ родились или къ которому привыкли. Въ среднемъ классѣ есть много отдѣльныхъ случаевъ, когда дѣйствуетъ еще другая причина воздержанія: желаніе не просто поддержать себя въ прежнемъ положеніи, но и улучшить свое положеніе. Въ рабочемъ сословіи такое желаніе встрѣчается рѣдко, или рѣдко производитъ такое дѣйствіе. Если рабочій человѣкъ можетъ выростить дѣтей, какъ выростили его самого, то этимъ обыкновенно и удовлетворяется онъ; удовлетворяются этимъ даже благоразумные люди рабочаго класса. Слишкомъ часто рабочіе люди не думаютъ и объ этомъ, а надѣются на счастье или на поддержку, даваемую оффиціальною или частною благотворительностью.

При очень неразвитомъ состояніи общества, какъ напримѣръ въ Европѣ въ Средніе вѣка, и теперь во многихъ частяхъ Азіи, размноженіе народа удерживается голодною смертью. Смертность эта происходитъ не въ обыкновенные годы, а во время неурожаевъ, которые при такомъ состояніи общества бываютъ гораздо чаще и сильнѣе, чѣмъ неурожаи, знакомые нынѣшней Европѣ. Въ этихъ странахъ фактическій недостатокъ пищи или слѣдующія за нимъ болѣзни уносятъ множество народа, который въ слѣдующіе урожайные годы опять размножается, чтобы снова подвергнуться истребленію отъ голода. При состояніи общества, болѣе развитомъ, даже въ бѣднѣйшемъ классѣ мало людей, которые пользовались бы лишь одними предметами первой необходимости и имѣли ихъ лишь въ количествѣ, едва достаточномъ для поддержанія жизни. Размноженіе людей сдерживается тутъ не чрезмѣрною смертностью, а ограниченіемъ числа рождающихся. Это ограниченіе производится разными способами. Въ нѣкоторыхъ странахъ, оно результатъ благоразумнаго, сознательнаго самовоздержанія. Рабочій народъ привыкъ въ нихъ воздерживаться. Работникъ понимаетъ, что чрезмѣрная многочисленность семьи лишитъ его хорошаго положенія или не допуститъ передать такое положеніе дѣтямъ, и не хочетъ подвергаться этому. Страны, въ которыхъ, сколько извѣстно, до-

лѣе, чѣмъ въ другихъ, существуетъ высокая степень добровольнаго воздержанія—Норвегія и нѣкоторыя части Швейцаріи. О нихъ мы имѣемъ свѣдѣнія, отличающіяся положительною достовѣрностью. Много фактовъ было собрано еще Мальтусомъ, а послѣ него къ нимъ прибавлено много другихъ. Въ обѣихъ странахъ, населеніе возрастаетъ очень медленно и его размноженіе задерживается не многочисленностью умирающихъ, а малочисленностью рождающихся. Пропорція тѣхъ и другихъ къ числу населенія замѣчательно мала; средняя продолжительность жизни — самая высокая въ Европѣ. Пропорція дѣтей къ числу населенія меньше, пропорція людей въ цвѣтѣ силъ больше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ, извѣстной намъ. Малочисленность рожденій прямо ведетъ къ продленію жизни, поддерживая народъ въ хорошемъ положеніи. Въ избѣжаніи причинъ болѣзней люди тамъ конечно руководятся такимъ же благоразуміемъ, какъ въ воздержаніи отъ главной причины бѣдности. Достойно замѣчанія то, что обѣ эти страны, столь выгодно отличающіяся отъ другихъ — страны мелкихъ поземельныхъ собственниковъ.

Въ другихъ странахъ государство налагаетъ на народъ нужныя правила благоразумія и предусмотрительности, которыми, быть можетъ, не сталъ бы онъ руководиться самъ: вступать въ бракъ не дозволяется до той поры, пока вступающіе въ него могутъ доказать, что имѣютъ обезпеченное положеніе. Мы читаемъ, что при этихъ законахъ, о которыхъ подробнѣе буду говорить я впослѣдствіи, положеніе народа хорошо и что число незаконнорожденныхъ не такъ велико, какъ было бы можно ожидать. Въ иныхъ странахъ, причина воздержанія находится повидимому не столько въ личномъ благоразуміи отдѣльныхъ людей, сколько въ общемъ и быть можетъ даже случайномъ обычаѣ. Въ прошломъ столѣтіи, размноженіе населенія въ сельскихъ округахъ Англіи успѣшно задерживалось трудностью найти коттеджъ. Былъ обычай, что холостые работники жили у хозяевъ, на ихъ содержаніи, а женатые работники въ особыхъ коттеджахъ. Правило англійскихъ законовъ о бѣдныхъ, обязывавшее приходъ содержать живущихъ въ немъ бѣдняковъ, оставшихся безъ работы, дѣлало землевладѣльцевъ нерасположенными помогать заключенію браковъ. Въ концѣ прошлаго вѣка, надобность въ людяхъ для войны и для фабрикъ заставила считать патріотическимъ дѣломъ помогать увеличенію населенія. Въ тоже время стала рости у фермеровъ наклонность вести такой образъ жизни, какой ведутъ богатые люди: долговременная

высокость цѣнъ хлѣба поддерживала ихъ въ этомъ, и они стали расположены держать себя подальше отъ нисшихъ. Къ этому прибавились денежныя побужденія, возникавшія изъ злоупотребленій правилами законовъ о бѣдныхъ, и фермеры постепенно вытѣснили своихъ работниковъ изъ своихъ домовъ въ особые коттеджи, постройкѣ которыхъ лендлорды теперь уже не противились. Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ сильною задержкою размноженію населенія былъ старинный обычай, что дѣвушка не должна выходить замужъ, пока не напряла и не соткала себѣ много приданаго. Нынѣ въ Англіи вліяніе благоразумія на задерживаніе размноженія видно въ томъ, что во время годовъ, дурныхъ для фабричной промышленности, число браковъ уменьшается.

Но каковы бы ни были причины, по которымъ размноженіе людей въ извѣстной странѣ удерживается на медленной пропорціи, эта пропорція быстро ускоряется при всякомъ ослабленіи причинъ, ее замедлявшихъ. Улучшеніе въ состояніи рабочихъ классовъ почти всегда имѣетъ послѣдствіемъ лишь то, что открываетъ временный просторъ размноженію населенія, которое быстро доходитъ опять до предѣла возможности продовольствія. Всякою выгодною перемѣною въ своихъ обстоятельствахъ рабочіе люди обыкновенно пользуются лишь для того, чтобы размноженіемъ лишить слѣдующее поколѣніе этой выгоды. Если общее улучшеніе ихъ умственнаго и нравственнаго развитія или по крайней мѣрѣ возвышеніе нормальной мѣры житейскаго ихъ комфорта не научаетъ ихъ извлечь иной, лучшей выгоды изъ благопріятныхъ обстоятельствъ, никакой прочной пользы нельзя принесть имъ, и самые многообѣщающіе планы кончаются лишь увеличеніемъ числа, а не увеличеніемъ благосостоянія народа. Подъ ихъ нормальною мѣрою благосостоянія понимаю я такое положеніе, до котораго они будутъ, но ниже котораго не захотятъ они размножаться (если есть такое положеніе). Каждый шагъ ихъ впередъ въ воспитаніи, цивилизаціи, улучшеніи общественныхъ отношеній возвышаетъ эту мѣру, и нѣтъ сомнѣнія, что она постепенно, хотя медленно, возвышается въ передовыхъ странахъ западной Европы. Продовольствіе и занятіе для труда никогда не возрастали въ Англіи быстрѣе, чѣмъ въ послѣднія 30 лѣтъ; но съ 1821 года каждый новый ценсъ показываетъ меньшее возрастаніе населенія, чѣмъ въ предъидущій періодъ; масса продуктовъ земледѣлія и промышленности въ Англіи возрастаетъ въ прогрессивной пропор-

ціи, а пропорція рождающихся къ существующему населенію съ каждымъ пятилѣтіемъ становится меньше прежняго.

Впрочемъ, мы отложимъ до другаго мѣста разборъ вопроса о населеніи по связи его съ положеніемъ рабочихъ сословій; здѣсь намъ должно было разсматривать населеніе только какъ одинъ изъ элементовъ производства; съ этой точки зрѣнія мы должны были указать безконечную силу возрастанія, составляющую естественное свойство населенія, и причины, по которымъ почти всегда осуществляется лишь очень незначительная часть этой безграничной способности. Сдѣлавъ это краткое указаніе, мы должны перейти къ другимъ элементамъ.

ГЛАВА XI.

ЗАКОНЪ ВОЗРАСТАНІЯ КАПИТАЛА.

1. Въ предъидущей главѣ мы видѣли, что изъ трехъ элементовъ, нужныхъ для производства (трудъ, капиталъ и земля), первый, трудъ, не поставляетъ препятствій возрастанію производства. Со стороны труда нѣтъ никакихъ задержекъ производству возрастать до безпредѣльной величины съ неослабною быстротою. Населеніе имѣетъ способность увеличиваться по однообразной геометрической прогрессіи. Если бы единственнымъ условіемъ производства былъ трудъ, оно могло бы и, натурально, стало бы увеличиваться въ той же прогрессіи, и не было бы этому никакихъ границъ до того предѣла, когда число людей не могло бы уже возрастать по фактическому недостатку мѣста.

Но производство имѣетъ еще другія условія; изъ нихъ сначала мы разсмотримъ капиталъ. Въ извѣстной странѣ, или на всемъ земномъ шарѣ, не можетъ существовать больше людей, чѣмъ сколько въ состояніи продовольствоваться продуктомъ прежняго труда до полученія новаго продукта. Въ извѣстной странѣ, или на всемъ земномъ шарѣ, не можетъ быть производительныхъ работниковъ больше, чѣмъ сколько въ состояніи продовольствоваться тою частью продукта прошлаго труда, которая сбережена своимъ владѣтелемъ для воспроизведенія, а не растрачена на его удовольствія, и которая называется капиталомъ. Итакъ, прежде всего слѣдуетъ намъ

теперь разобрать условія возрастанія капитала, причины, которыми опредѣляется быстрота его возрастанія и неизбѣжныя границы этого возрастанія.

Весь капиталъ—продуктъ сбереженія, то есть отсрочки немедленнаго потребленія для будущей пользы; потому возрастаніе капитала должно зависѣть отъ двухъ вещей: отъ массы вещей, изъ которой можетъ быть дѣлаемо сбереженіе, и отъ силы расположенія, влекущаго дѣлать сбереженіе.

Масса, изъ которой можетъ быть дѣлаемо сбереженіе, есть излишекъ продукта труда, остающійся за удовлетвореніемъ первыхъ жизненныхъ надобностей всѣхъ людей, занимавшихся производствомъ (считая тутъ людей, трудившихся надъ возобновленіемъ израсходованныхъ матеріаловъ и надъ ремонтомъ основнаго капитала). Количество большее, чѣмъ этотъ излишекъ, не можетъ быть сбережено никакимъ образомъ. Но этотъ излишекъ всегда можетъ быть сбереженъ весь, хотя никогда весь не сберегается. Онъ служитъ фондомъ, изъ котораго берутся продукты на удовольстія, не принадлежащія къ первымъ потребностямъ жизни производителей; изъ котораго продовольствуются всѣ, не участвующіе лично въ производствѣ; изъ котораго, наконецъ, дѣлается приращеніе капитала. Онъ составляетъ дѣйствительный чистый продуктъ страны. Выраженіе «чистый продуктъ» часто берется въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, обозначая только прибыль капиталиста и ренту землевладѣльца,—это происходитъ отъ мнѣнія, будто бы чистымъ продуктомъ капитала можно считать только то, что составляетъ выручку, получаемую владѣльцемъ капитала за покрытіемъ его издержекъ. Но это понятіе слишкомъ узкое. Капиталъ хозяина составляетъ доходъ работниковъ, и если этотъ доходъ превышаетъ первыя потребности жизни, онъ даетъ работникамъ излишекъ, который они могутъ израсходовать на удовольствіе или сберечь. Этотъ излишекъ долженъ включаться въ чистый продуктъ промышленности со всѣхъ тѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ намъ будетъ случай говорить о чистомъ продуктѣ. Только тогда, когда онъ включается въ чистый продуктъ, чистый продуктъ страны служитъ мѣриломъ ея фактической силы, мѣриломъ того, сколько можетъ она сберегать на общеполезныя дѣла или на удовлетвореніе надобностямъ частныхъ людей, мѣриломъ той части продукта, которою можетъ свободно располагать страна, которую можетъ она обращать на достиженіе какихъ нибудь цѣлей или на удовлетвореніе какимъ нибудь желаніямъ правительства или частныхъ людей, которую

можетъ она или растрачивать на свои удовольствія или сберегать для пользы въ будущемъ.

Величина этого фонда, этого чистаго продукта, этого избытка производства надъ первыми матеріальными надобностями производителей служитъ однимъ изъ элементовъ, опредѣляющихъ величину сбереженія. Чѣмъ больше остается продукта за продовольствіемъ работниковъ, тѣмъ больше *можетъ* быть сбережено. Тѣмъ же самымъ отчасти опредѣляется и количество, какое *будетъ* сбережено. Часть побужденія сберегать состоитъ въ разсчетѣ извлекать доходъ изъ сбереженнаго; въ томъ фактѣ, что капиталъ, употребляемый на производство, имѣетъ способность не только сохраняться, но давать приращеніе. Чѣмъ бо̀льшая прибыль можетъ быть получена отъ капитала, тѣмъ сильнѣе побужденіе накоплять его. Правда, побужденіе сберегать производится не всѣмъ чистымъ продуктомъ, производимымъ землею, капиталомъ и трудомъ страны, а только частью, которая образуетъ вознагражденіе капиталиста и называется прибылью его. Но очень понятно, даже и безъ объясненій, какія будутъ нами впослѣдствіи представлены, что если общая производительность труда и капитала велика, то и выручки капиталиста по всей вѣроятности будутъ велики, и что между этими двумя вещами, величиною общаго чистаго продукта и величиною прибыли, должна существовать пропорціональность, хотя и не всегда равномѣрная.

2. Но наклонность къ сбереженію не вполнѣ зависитъ только отъ внѣшняго побужденія къ нему, только отъ величины прибыли, доставляемой сбереженіемъ. При одинаковости денежнаго побужденія, эта наклонность въ разныхъ лицахъ и въ разныхъ обществахъ очень различна. Сила дѣятельнаго стремленія накоплять богатства измѣняется не только по различіямъ личныхъ характеровъ, но и по разности общаго положенія страны и ея цивилизаціи. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ нравственныхъ качествахъ, человѣческій родъ представляетъ большія различія, по разницѣ обстоятельствъ и по степени прогресса.

Хорошо бываетъ, когда, говоря о предметахъ, полное изслѣдованіе которыхъ превышаетъ размѣры, даваемые для разбора ихъ объемомъ трактата, имѣешь возможность ссылаться на другія книги, въ которыхъ предметъ, требующій разъясненія, изложенъ съ большею полнотою. По вопросу о населеніи, эту полезную услугу оказываетъ знаменитая книга Мальтуса; по предмету, занимающему насъ теперь, я могу съ такою же увѣренностью сослаться на

другую книгу, менѣе извѣстную: New Principles of Political Economy, мистера Ре *). Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ книгъ, ни одна не разъясняетъ такъ хорошо историческими фактами и логическими доводами причины, дѣйствіемъ которыхъ опредѣляется накопленіе капитала.

Всякое накопленіе состоитъ въ пожертвованіи настоящимъ благомъ для будущаго. Но выгодность такого пожертвованія очень различна, а въ охотѣ къ нему бываетъ еще больше разницы при различныхъ обстоятельствахъ.

При взвѣшиваніи будущихъ выгодъ по сравненію съ настоящими, главное дѣло — невѣрность всего будущаго; степень этой невѣрности бываетъ очень различна. Потому «всѣ обстоятельства, увеличивающія вѣроятность того, что нашими запасами въ будущемъ дѣйствительно воспользуемся мы сами или воспользуются люди, нами избранные», справедливо и основательно «усиливаютъ практическое стремленіе къ накопленію. Такимъ образомъ, здоровый климатъ, здоровое занятіе, увеличивая вѣроятность продолжительной жизни, ведутъ къ увеличенію этого стремленія къ накопленію. Люди, посвятившіе себя здоровымъ занятіямъ и живущіе въ здоровыхъ странахъ, гораздо болѣе способны къ бережливости, чѣмъ люди находящіеся въ нездоровыхъ или опасныхъ занятіяхъ, живущіе въ климатахъ, вредныхъ для человѣка. Матросы и солдаты расточитель-

*) Это сочиненіе служитъ однимъ изъ очень нерѣдкихъ примѣровъ того, что успѣхъ книги гораздо больше зависитъ отъ случая, чѣмъ отъ ея достоинства. Если бы трактатъ Ре явился во время, благопріятное успѣху, онъ былъ бы найденъ вполнѣ заслуживающимъ большаго успѣха. Авторъ (шотландецъ, поселившійся въ Соединенныхъ Штатахъ) соединяетъ съ обширными знаніями оригинальность мыслей, замѣчательную способность дѣлать общіе философскіе выводы, способъ изложенія и разъясненія, придающій идеямъ всю ту цѣну, какую онѣ имѣютъ и даже нѣсколько большую цѣну, чѣмъ какую онѣ имѣютъ (это иногда увлекало, какъ мнѣ кажется, и мысль самого автора). Главный недостатокъ книги — антагонизмъ, въ который ставитъ себя авторъ къ Адаму Смиту, въ духѣ любви къ спору, часто встрѣчающейся въ людяхъ, имѣющихъ новыя мысли о старыхъ предметахъ. Я называю это недостаткомъ (хотя считаю многія изъ возраженій Ре справедливыми, и нѣкоторыя очень проницательными), потому что на самомъ дѣлѣ различіе въ мысляхъ Адама Смита и Ре гораздо меньше, чѣмъ можно бы предполагать по рѣзкимъ замѣчаніямъ самого Ре. Ошибки открываемыя имъ у его великаго предшественника ограничиваются преимущественно тѣмъ, что Адамъ Смитъ, по человѣческой слабости, высказывалъ свои посылки слишкомъ безусловно, такъ что иногда говоритъ въ нихъ гораздо больше, чѣмъ нужно ему для доказательства выводовъ. Прим. авт.

ны. Въ Вестъ-Индіи, въ Новомъ-Орлеанѣ, Остъ-Индіи господствуетъ расточительный образъ жизни. Но тѣ же люди, переселившись въ здоровыя страны Европы, начинаютъ жить экономно, если не попадутъ въ водоворотъ безумнаго свѣтскаго мотовства. Война и повальныя болѣзни всегда приводятъ за собою, въ числѣ другихъ золъ, мотовство и роскошь. — Точно также благопріятствуетъ усиленію бережливости все то, что упрочиваетъ безопасность общественныхъ дѣлъ. Въ этомъ отношеніи сильное вліяніе принадлежитъ общему господству законности и порядка, вѣроятности продолжительнаго мира и спокойствія» (Ре, стр. 123).—Чѣмъ полнѣе безопасность, тѣмъ больше силы будетъ въ дѣятельномъ стремленіи къ накопленію. Гдѣ собственность не безопасна, или гдѣ часты раззорительныя катастрофы, тамъ немногіе будутъ сберегать, да и тѣ, которые станутъ сберегать, будутъ находить побужденіе къ этому не иначе, какъ только при высокомъ процентѣ прибыли на капиталъ: только высокость процента можетъ заставлять ихъ предпочитать сомнительное будущее соблазну настоящаго наслажденія.

Вотъ соображенія, по которымъ разсудокъ рѣшаетъ, удобно ли бываетъ заботиться о будущихъ выгодахъ на счетъ настоящаго. Но расположеніе дѣлать это пожертвованіе зависитъ не отъ одной выгодности разсчета. Наклонность къ сбереженію часто бываетъ гораздо слабѣе, нежели какъ требовалъ бы разсудокъ; въ другія времена она превосходитъ мѣру разсудительности.

Недостатокъ силы въ стремленіи къ сбереженію можетъ происходить отъ непредусмотрительности о самомъ себѣ или отъ беззаботности о другихъ людяхъ. Непредусмотрительность можетъ зависѣть отъ умственныхъ и отъ нравственныхъ причинъ. Отдѣльные люди и общества на очень низкой степени умственнаго развитія всегда непредусмотрительны. Судя по всему, извѣстная степень умственнаго развитія необходима для того, чтобы отдаленныя соображенія и въ особенности соображенія о будущемъ имѣли какую нибудь силу надъ воображеніемъ и волею. — Что недостаткомъ заботливости о другихъ уменьшается склонность къ сбереженію, въ этомъ согласится каждый, подумавъ, какъ много дѣлается нынѣ сбереженій, имѣющихъ своею цѣлью не столько наши собственныя выгоды, сколько выгоды другихъ: воспитаніе дѣтей, устройство ихъ карьеры, будущіе интересы другихъ родныхъ, желаніе помочь деньгами или временемъ осуществленію вещей, полезныхъ для общества или частныхъ лицъ. Если бы люди постоянно имѣли то расположеніе мыслей, къ которому нѣсколько приближались они въ

періодъ паденія Римской имперіи, — если бы они вовсе не заботились ни о своихъ дѣтяхъ, ни о друзьяхъ, ни объ обществѣ, ни о чемъ, что будетъ послѣ нихъ, то они рѣдко отказывали бы себѣ въ какомъ нибудь наслажденіи для сбереженія, превышающаго мѣру необходимости ихъ будущихъ лѣтъ, а этотъ запасъ они обращали бы въ пожизненные доходы или въ какую нибудь иную форму, по которой ихъ имущество кончалось бы вмѣстѣ съ ихъ жизнью.

3. По этимъ умственнымъ и нравственнымъ причинамъ, между разными отдѣлами человѣческаго племени существуетъ большая разница въ силѣ дѣятельнаго стремленія къ сбереженію,—и разница эта больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Общее низкое положеніе цивилизаціи часто бываетъ слѣдствіемъ не столько другихъ причинъ, обращающихъ на себя больше вниманія, сколько недостатка именно этой склонности. Напримѣръ, въ положеніи охотническаго племени, «человѣкъ, можно сказать, по необходимости непредусмотрителенъ и беззаботенъ о будущемъ, потому что въ этомъ состояніи будущее не представляетъ ничего такого, что можно бы навѣрное предусмотрѣть, что зависѣло бы отъ человѣка.... Кромѣ недостатка побужденій обезпечивать нужды будущаго средствами настоящаго, у человѣка тутъ недостаетъ въ соображеніи и въ дѣятельности привычки постоянно связывать въ умѣ отдаленное будущее съ настоящимъ и представлять рядъ событій, которыми соединяются они. Потому, если даже являются у него побужденія, могущія произвести эту мысленную связь, ему нужно еще пріучить себя думать и дѣйствовать такъ, чтобы эта связь получила прочность въ его мысляхъ».

Вотъ примѣръ тому: «по берегамъ рѣки св. Лаврентія стоитъ нѣсколько маленькихъ индійскихъ деревень. Онѣ вообще окружены большими пространствами земли, на которыхъ лѣсъ истребленъ, повидимому, уже давно; кромѣ того, къ нимъ принадлежатъ обширные лѣса. Расчищенная земля почти вовсе, можно сказать, не воздѣлывается, и въ лѣсахъ не проложено путей къ полямъ. А между тѣмъ земля плодородна; да еслибъ и не была плодородна, удобреніе кучами лежитъ подлѣ ихъ домовъ. Если бы каждое семейство огородило полъ-экра земли, вспахало его, засадило картофелемъ или засѣяло маисомъ, этотъ участокъ далъ бы семейству продовольствіе на цѣлые полгода. Но они отъ времени до времени подвергаются крайней нуждѣ; она, вмѣстѣ съ пьянствомъ, которому они предаются, когда могутъ, быстро уменьшаетъ ихъ число. Эта странная для насъ апатія главнымъ образомъ происходитъ не

отъ нелюбви къ труду: напротивъ, они работаютъ очень усердно, если вознагражденіе слѣдуетъ за трудомъ немедленно. Кромѣ своихъ спеціальныхъ занятій охотою и рыболовствомъ, они много работаютъ на большихъ лодкахъ, ходящихъ по рѣкѣ св. Лаврентія: нанимаются гребцами на нихъ, или водятъ ихъ на шестахъ; они всегда доставляютъ бо̀льшую часть прибавочныхъ работниковъ, нужныхъ для проведенія плотовъ по быстрымъ мѣстамъ. Не производится ихъ апатія и отвращеніемъ къ земледѣльческому труду. Правда, есть у нихъ предубѣжденіе противъ него; но предубѣжденія всегда уступаютъ нуждѣ, трудно рождаться только принципамъ образа дѣйствій. Когда вознагражденіе за земледѣльческій трудъ быстро и велико, они становятся и земледѣльцами. На озерѣ св. Франциска, близь индійской деревни Сенъ-Реджиса, есть маленькіе острова, удобные для посѣва маиса, растенія дающаго урожай самъ-100 и доставляющаго, даже въ недозрѣломъ видѣ, пріятное и питательное блюдо. Они каждый годъ засѣваютъ клочки лучшей земли на этихъ островахъ, чтобы ѣсть полу-созрѣлый маисъ. По своему положенію, эти посѣвы недоступны скоту, потому ненужно огораживать ихъ; если бы нужна была эта прибавка къ труду, я думаю, они пренебрегли бы островами, какъ пренебрегаютъ мѣстами подлѣ своихъ деревень. Мѣста эти прежде были повидимому подъ посѣвомъ. Но теперь скотъ сосѣднихъ колонистовъ сталъ бы уничтожать неогороженные посѣвы, и надобность въ этомъ прибавочномъ трудѣ заставила бы ихъ отказаться отъ воздѣлыванія. Она требовала отъ нихъ работы, вознагражденіе за которую приходитъ съ медленностью, непропорціональною силѣ дѣятельнаго стремленія къ накопленію въ этомъ маленькомъ обществѣ.

«Замѣчательно то, что работы, за которыя они принимаются, они исполняютъ очень заботливо. Они прекрасно полятъ и копаютъ свои небольшіе посѣвы. Они увидѣли изъ опыта, что самая небольшая небрежность въ этомъ отношеніи сильно уменьшаетъ урожай, и поступаютъ сообразно съ этимъ наблюденіемъ. Явнымъ образомъ, только отдаленность вознагражденія за трудъ, а не тягость самаго труда мѣшаетъ имъ расширить свои пашни. Я слышалъ, что нѣкоторыя изъ племенъ, живущихъ далѣе въ глубину страны, употребляютъ на земледѣліе даже гораздо больше труда, чѣмъ бѣлые. Они засѣваютъ все одни и тѣже участки, не удобряя ихъ; потому земля не родила бы ничего, если бы самымъ тщательнымъ образомъ не растирали ее въ порошокъ и заступомъ и руками. Бѣлый человѣкъ на ихъ мѣстѣ расчистилъ бы новый участокъ, который,

вѣроятно, едва вознаградилъ бы его работу на первый годъ; но онъ дождался бы себѣ вознагражденія въ слѣдующіе годы. Индійцу слѣдующіе годы кажутся такъ далеки, что не производятъ на него сильнаго впечатлѣнія, — а для вознагражденія, получаемаго черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ работаетъ усерднѣе бѣлаго человѣка» (Ре, стр. 136).

Этотъ разсказъ подтверждается опытомъ іезуитовъ въ ихъ интересныхъ усиліяхъ цивилизовать парагвайскихъ индійцевъ. Они возбудили къ себѣ въ этихъ дикаряхъ чрезвычайное довѣріе, пріобрѣли на нихъ такое вліяніе, что измѣнили весь образъ ихъ жизни. Индійцы во всемъ слушались ихъ, безусловно повиновались имъ. Іезуиты водворили миръ между ними. Они научили ихъ всѣмъ операціямъ европейскаго земледѣлія и многимъ изъ труднѣйшихъ искусствъ. Повсюду виднѣлись у нихъ, говоритъ Шарльруа, «мастерскія ювелировъ, живописцевъ, скульпторовъ, часовщиковъ, столяровъ, плотниковъ, красильщиковъ и проч.» Эти работы производились не въ личную пользу ремесленниковъ: продуктъ ихъ былъ въ полномъ распоряженіи миссіонеровъ, управлявшихъ народомъ деспотически, по его доброму согласію на то. Итакъ, препятствія, возникавшія изъ отвращенія отъ труда, были совершенно побѣждены. Существеннымъ затрудненіемъ была непредусмотрительность индійцевъ, ихъ неспособность думать о будущемъ, и возникавшая изъ того необходимость самаго неослабнаго и мелочнаго надзора за ними со стороны ихъ учителей. «Напримѣръ, если миссіонеры оставляли на ихъ собственную заботу воловъ, которыми они пахали, индійцы въ своей несообразительной беззаботности могли оставлять ихъ на ночь не выпряженными изъ плуга. Бывали примѣры и хуже того: индійцы рѣзали воловъ себѣ на ужинъ, и слыша упрекъ за это, думали, что достаточно оправдываются, говоря: намъ хотѣлось ѣсть... Отцы миссіонеры, по словамъ Уллоа, должны ходить по ихъ домамъ, осматривая, что имъ нужно: безъ того, индійцы ни о чемъ не позаботились бы. Миссіонерамъ надобно находиться и при рѣзаніи скота, смотрѣть, чтобы мясо дѣлилось поровну и часть его не бросалась». — «Но при всей заботливости этого надзора, говоритъ Шарльруа, при всѣхъ своихъ предосторожностяхъ для предотвращенія недостатка въ первыхъ потребностяхъ жизни, миссіонеры бываютъ иногда въ большомъ затрудненіи. Индійцы часто не оставляютъ себѣ нужнаго запаса пищи, даже на посѣвъ. А если бы не смотрѣть за ними, они вообще оставили бы себя безъ всякихъ средствъ къ поддержанію жизни». (стр. 140.).

Китайцы заслуживаютъ вниманія, какъ представители того состоянія силы дѣятельнаго стремленія къ накопленію, которое занимаетъ средину между описаннымъ теперь положеніемъ дѣлъ и европейскими обычаями. Судя по многимъ особенностямъ ихъ личныхъ привычекъ и общественнаго положенія, можно предположить, что они владѣютъ благоразуміемъ и умѣніемъ обдумывать свой образъ дѣйствій больше другихъ азіатцевъ и меньше европейцевъ. Вотъ свидѣтельство, доказывающее что это такъ.

«Прочность работъ — одно изъ главныхъ качествъ, обозначающихъ высокую степень дѣятельнаго стремленія къ накопленію. По свидѣтельству путешественниковъ, прочности въ китайскихъ работахъ гораздо меньше, чѣмъ въ соотвѣтствующихъ имъ европейскихъ. Говорятъ, что за исключеніемъ жилищъ высшаго сословія, домы у китайцевъ строятся вообще изъ сыраго кирпича, глины, изъ плетня, набитаго землею, а потолки изъ тростника, привязаннаго къ перекладинамъ. Трудно представить себѣ постройки, менѣе фундаментальныя и прочныя. Перегородки въ домахъ дѣлаются изъ бумаги, которую надобно перемѣнять каждый годъ. Тоже надобно сказать о ихъ мебели, посудѣ и другихъ орудіяхъ: они почти всѣ дѣлаются изъ одного дерева, металловъ очень мало входитъ въ ихъ составъ; потому они скоро портятся и совершенно ломаются. Если бъ у нихъ было больше силы въ дѣятельномъ стремленіи къ накопленію, они дѣлали бы свои орудія изъ матеріаловъ, выдѣлка которыхъ требуетъ большаго расхода, но которые зато гораздо прочнѣе. По этому же самому, у нихъ остается невоздѣлано много такой земли, которая въ другихъ странахъ обработывалась бы. Всѣ путешественники говорятъ, что въ Китаѣ лежатъ заброшены большія пространства земли, въ особенности болотистой. Обратить болото въ пашню — дѣло, вообще требующее нѣсколькихъ лѣтъ. Мѣсто предварительно нужно осушить канавами, потомъ надолго оставить сушиться солнцемъ, и надобно долго хлопотать надъ нимъ, пока оно станетъ давать жатву. Жатва на немъ бываетъ обыкновенно очень изобильна, но бываетъ надобно долго ждать этого вознагражденія. Воздѣлываніе такой земли требуетъ больше силы дѣятельнаго стремленія къ накопленію, чѣмъ имѣютъ китайцы.

«Продуктъ жатвы всегда бываетъ запасомъ на будущее, средствомъ удовлетворенія будущихъ нуждъ, и поступать съ нимъ должно по общимъ правиламъ, которыхъ требуетъ употребленіе запасовъ. Главная жатва въ Китаѣ — рисъ; она бываетъ два раза

въ годъ, въ іюнѣ и октябрѣ. Потому запасъ должно дѣлать на восемъ мѣсяцевъ отъ октября до іюня, и предусмотрительность китайцевъ должна цѣниться по умѣнью ихъ ограничивать себя въ началѣ этого времени, чтобы не нуждаться въ концѣ его. По всему видно, что ограничивать себя они умѣютъ очень плохо. Патеръ Перенненъ (долго жившій въ знакомствѣ съ китайцами всѣхъ сословій и притомъ одинъ изъ самыхъ умныхъ людей между іезуитами, бывшими въ Китаѣ), утверждаетъ, что у нихъ въ этомъ отношеніи очень недостаетъ предусмотрительности и умѣренности, и что недостатокъ ея — причина частыхъ голодныхъ годовъ, бывающихъ въ Китаѣ».

На китайцахъ еще виднѣе, чѣмъ на полу-обратившихся къ земледѣлію индійцахъ, что возрастанію производства мѣшаетъ у нихъ недостатокъ не трудолюбія, а предусмотрительности. «Въ тѣхъ вещахъ, гдѣ вознагражденіе слѣдуетъ за трудомъ скоро, гдѣ работы таковы, что скоро даютъ результатъ, для котораго производятся, большіе успѣхи, сдѣланные китайцами въ искусствахъ, сообразныхъ съ природою ихъ страны, и ихъ нуждами», даютъ энергію и успѣшность ихъ промышленности. «Благодаря теплому климату, естественному плодородію почвы, пріобрѣтенному жителями знанію того, какіе земледѣльческіе продукты даютъ выгоднѣйшій урожай, китайцы почти изъ всякаго клочка земли умѣютъ очень быстро извлекать продуктъ, которымъ, по ихъ мнѣнію, съ избыткомъ вознаграждается трудъ ея обработки. Они собираютъ въ годъ обыкновенно двѣ, иногда три жатвы. Обыкновенный посѣвъ у нихъ рисъ — хлѣбъ очень плодородный, и при ихъ искусствѣ онъ разумѣется даетъ очень обильные сборы, почти на всякой мѣстности, которую можно обратить подъ пашню безъ долгаго труда. Потому, нѣтъ въ Китаѣ куска земли, которая не была бы подъ посѣвомъ, если только можно засѣять ее безъ долгихъ подготовленій. Китайцы взбираются на холмы, даже на горы и обращаютъ ихъ въ террасы; вода, главное условіе плодородія въ ихъ землѣ, проводится на каждый кусокъ нивы канавами или поднимается очень удобными и простыми машинами, которыя съ незапамятныхъ временъ употребляются этимъ страннымъ народомъ. Дѣло это очень облегчается для нихъ тѣмъ, что почва даже по горамъ очень глубока и покрыта толстымъ слоемъ растительныхъ остатковъ. Но еще замѣчательнѣе охота, съ какою они обращаютъ въ пригодныя для нихъ вещи неудобные для обработки матеріалы, если трудъ скоро можетъ принести результатъ, для котораго совершается. Свидѣтель-

ствомъ тому служатъ часто встрѣчающіяся на ихъ озерахъ и рѣкахъ постройки, подобныя пловучимъ садамъ перувіанцевъ,—плоты, покрытые растительною землею и служащіе нивами. Трудъ очень скоро тутъ извлекаетъ выручку изъ матеріаловъ, надъ которыми работаетъ. Нельзя представить ничего роскошнѣе растительности на этой богатой почвѣ, когда быстрому дѣйствію благопріятнаго солнца помогаетъ обиліе влаги. Но мы уже говорили, что не такъ бываетъ, когда вознагражденіе за трудъ далеко, хотя и обильно. Европейскіе путешественники изумляются, видя эти маленькія пловучія фермы подлѣ болотъ, которыя для превращенія въ нивы нужно было бы лишь осушить; имъ странно кажется, что китайцы употребляютъ свой трудъ не на материкъ, гдѣ его результаты были бы долговѣчны, а на сооруженія, портящіяся и пропадающія въ нѣсколько лѣтъ. Но китайцы думаютъ о будущихъ годахъ меньше, чѣмъ о настоящемъ лѣтѣ. Для настоящаго у нихъ много, для будущаго мало силы дѣятельнаго стремленія къ накопленію. Соображенія европейца простираются на отдаленное будущее, и онъ дивится на китайцевъ, которые своею непредусмотрительностью и недостаткомъ заботы объ отдаленныхъ годахъ осуждены на вѣчную тяжелую работу и на бѣдность, кажущуюся ему невыносимой. Горизонтъ китайцевъ не имѣетъ такой обширности. Они довольствуются тѣмъ, чтобы жить со дня на день, и привыкли даже тяжелую жизнь считать счастьемъ» (Ре, стр. 151—155).

Когда страна довела свое производство до размѣра, въ какомъ, при существующемъ состояніи знаній, оно даетъ сумму выручки, соразмѣрную средней силѣ дѣятельнаго стремленія къ накопленію въ этой странѣ, она достигла того, что называется неподвижнымъ состояніемъ,—достигла такого состоянія, при которомъ уже не будетъ дѣлаться прибавленій къ капиталу, если не произойдетъ или улучшенія въ производительныхъ искусствахъ, или увеличенія въ силѣ стремленія къ накопленію. При неподвижномъ состояніи, хотя сумма капитала и не увеличивается въ обществѣ, но изъ отдѣльныхъ людей одни становятся богаче, другіе бѣднѣе. Люди, въ которыхъ степень запасливости ниже общаго уровня, бѣднѣютъ, ихъ капиталъ погибаетъ, и оставляетъ мѣсто для сбереженій, дѣлаемыхъ людьми, въ которыхъ дѣятельное стремленіе къ накопленію выше общаго уровня, и которые, натурально, становятся покупщиками земель, фабрикъ и другихъ орудій производства, принадлежащихъ менѣе запасливымъ ихъ соотечественникамъ.

Отъ какихъ причинъ происходитъ то, что выручка за капиталъ

въ однѣхъ странахъ бываетъ больше, чѣмъ въ другихъ, и почему при извѣстныхъ обстоятельствахъ прибавочному капиталу становится невозможнымъ найти себѣ помѣщеніе иначе, какъ съ пониженіемъ выручки, это разъяснится въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ. Если справедливо мнѣніе, что Китай достигъ неподвижнаго состоянія, значитъ, накопленіе капитала уже прекратилось въ немъ на степени очень высокой выручки,—какъ высока она, показывается тѣмъ, что въ Китаѣ величина процентовъ по закону 12, а въ дѣйствительности, какъ говорятъ, отъ 18 до 36. Потому надобно полагать, что количество капитала, большее существующаго нынѣ въ этой странѣ, не можетъ найти себѣ занятія съ такою высокою пропорціею прибыли, а прибыль менѣе высокая не представляетъ китайцу такой привлекательности, чтобы онъ отказывался для нея отъ настоящаго наслажденія. Какая противоположность съ Голландіею, гдѣ, въ цвѣтущій періодъ, правительство занимало деньги по 2 процента, а частные люди, съ хорошимъ обезпеченіемъ, по три процента! Китай не такая страна, какъ Бурма или государства индійскихъ раджей, гдѣ громадность процента служитъ необходимымъ вознагражденіемъ за рискъ, которому подвергаетъ кредитора недобросовѣстность или бѣдность государства и почти всѣхъ частныхъ должниковъ. Потому, если дѣйствительно справедливо, что возрастаніе капитала остановилось въ Китаѣ при такой огромности вознагражденія, это значитъ, что у китайцевъ дѣятельное стремленіе къ накопленію, иначе говоря, умѣнье цѣнить будущее по сравненію съ настоящимъ, гораздо слабѣе, чѣмъ почти у всѣхъ безъ исключенія европейскихъ народовъ.

4. До сихъ поръ мы говорили о странахъ, въ которыхъ средняя сила стремленія къ накопленію не достигаетъ размѣра, одобряемаго разумомъ и здравымъ разсчетомъ при существованіи порядочной безопасности. Теперь намъ надобно сказать о другихъ, въ которыхъ она рѣшительно превышаетъ эту мѣру. Въ тѣхъ странахъ Европы, которыя отличаются особеннымъ благосостояніемъ, можно найти множество людей расточительныхъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (и особенно въ Англіи) обыкновенная степень экономіи и предусмотрительности между людьми, живущими физическимъ трудомъ, не можетъ быть названа высокою; но есть въ этихъ странахъ многолюдная часть общества, въ которой духъ накопленія такъ силенъ, что признаки быстраго возрастанія богатствъ бросаются въ глаза каждому. Эту часть общества составляютъ сословія фабрикантовъ, торговцевъ и люди свободныхъ профессій,—сословія,

которыя, вообще говоря, имѣютъ больше средствъ и больше побужденій къ сбереженію, чѣмъ другія сословія. Огромность капитала, ищущаго занятій въ этихъ странахъ, возбуждаетъ удивленіе, когда особенныя обстоятельства, привлекая значительную часть его на одинъ путь, напримѣръ, на построеніе желѣзныхъ дорогъ или на спекуляціи заграничными фондами, обнаруживаютъ великость всей его массы.

Въ Англіи много обстоятельствъ, придающихъ особенную силу этой наклонности къ накопленію. Англія давно избавлена отъ военныхъ опустошеній; въ ней раньше, чѣмъ въ другихъ земляхъ, собственность оградилась отъ военнаго насилія и произвольнаго грабежа; отъ этого возникла давняя, наслѣдственная увѣренность въ безопасности имущества, на время передаваемаго владѣльцемъ въ чужія руки; въ другихъ странахъ эта увѣренность почти вездѣ не такъ стара и менѣе твердо упрочилась. Географическія причины, заставившія Великобританію искать могущества и значенія больше въ промышленности, чѣмъ въ природныхъ средствахъ, обратили къ фабрикамъ и торговлѣ бо̀льшую пропорцію самыхъ предпріимчивыхъ и энергическихъ характеровъ, чѣмъ въ другихъ странахъ; они стали удовлетворять своимъ надобностямъ и честолюбію производствомъ и сбереженіемъ, а не присвоеніемъ произведеннаго и сбереженнаго другими. Много тутъ зависѣло и отъ хорошихъ политическихъ учрежденій Англіи: давая просторъ индивидуальной свободѣ дѣйствія, они ободрили людей къ дѣятельности и надеждѣ на самихъ себя, а свободою, какую предоставляютъ образованію товариществъ, они облегчаютъ возникновеніе большихъ промышленныхъ предпріятій. Съ другой стороны, тѣ же самыя учрежденія даютъ самое прямое и сильное возбужденіе стремленію обогащаться. Ранній упадокъ феодализма устранилъ или очень ослабилъ ненавистное различіе между сословіями, коренное занятіе которыхъ — промышленность, и сословіями, привыкшими презирать ихъ. Возникла политическая система, дѣлающая богатство истиннымъ источникомъ политическаго вліянія, и богатство независимо отъ своей внутренней цѣны получило еще другую, фиктивную. Оно стало синонимомъ власти, а власть, приписываемая предмету общественнымъ мнѣніемъ, даетъ ему и дѣйствительную власть; потому, богатство стало главнымъ источникомъ личнаго высокаго положенія, мѣриломъ и свидѣтельствомъ успѣха въ жизни. Подняться изъ одного общественнаго круга въ другой, высшій кругъ — вотъ главная цѣль людей средняго сословія въ Англіи; а средствомъ къ

тому служитъ богатство. Но быть богатымъ, не работая, до сихъ поръ постоянно считается положеніемъ болѣе почетнымъ, чѣмъ пріобрѣтать богатство трудомъ; потому цѣлью честолюбія становится то, чтобы довести свои сбереженія до размѣра не только дающаго большой доходъ при промышленномъ употребленіи, но и по прекращеніи промышленныхъ занятій доставляющаго изобильный доходъ владѣльцу, живущему реализированнымъ имуществомъ. Дѣйствіе этихъ причинъ очень усиливается въ Англіи тою чрезвычайною неспособностью народа къ личному наслажденію, которая составляетъ отличительную черту странъ, испытавшихъ вліяніе пуританства. Но облегчаясь слабостью влеченія къ удовольствіямъ, накопленіе затрудняется въ Англіи сильною любовью къ расходамъ. Связь между личною важностью человѣка и видомъ богатства такъ тѣсна, что пошлое желаніе блистать большими расходами имѣетъ силу страсти въ многочисленныхъ членахъ извѣстныхъ сословій такой націи, которая вѣроятно меньше всѣхъ націй цѣлаго свѣта получаетъ удовольствія отъ расточительности. Отъ этого обстоятельства, дѣятельное стремленіе къ накопленію никогда не достигало въ Англіи такой высокой энергіи, какъ въ Голландіи, гдѣ нѣтъ праздныхъ богатыхъ сословій, подающихъ примѣры безразсуднаго мотовства, и промышленный классъ, владѣвшій тою существенною силою, съ которою всегда соединено вліяніе на общество, имѣлъ свободу установить свою собственную норму образа жизни и приличій, а потому привычки общества остались экономны и не тщеславны.

Итакъ, въ Англіи и въ Голландіи стремленіе къ накопленію давно уже имѣетъ такую силу, что для своего дѣйствія не нуждается въ обильныхъ выручкахъ, которыя нужны ему въ Азіи. Теперь другія европейскія страны, быстро слѣдующія примѣру Англіи въ этомъ отношеніи, почти всѣ дошли также до подобнаго развитія. Стремленіе къ накопленію возбуждается къ дѣйствію въ этихъ странахъ столь низкимъ процентомъ прибыли, что накопленіе не замедляется съ теченіемъ времени, а напротивъ, идетъ, судя по всему, быстрѣе, чѣмъ когда нибудь, и второе условіе для возрастанія производства, возрастаніе капитала, не показываетъ никакого признака, что можетъ стать недостаточнымъ. На сколько зависитъ производство отъ этого элемента, возможности возрастанія производства нельзя назначить никакого предѣла.

Прогрессъ накопленія, конечно, значительно задержался бы, если бы выручка съ капитала спустилась еще ниже, чѣмъ теперь.

Но какимъ образомъ возрастаніе капитала можетъ вести къ такому послѣдствію? При этомъ вопросѣ мысль обращается къ послѣднему изъ трехъ условій производства. Граница производству не полагается существованіемъ необходимаго предѣла для первыхъ двухъ элементовъ, для труда и капитала; потому, она должна заключаться въ качествахъ единственнаго изъ этихъ элементовъ, по самой сущности своей ограниченнаго въ своемъ количествѣ. Граница производству должна полагаться качествами земли.

ГЛАВА XII.

ЗАКОНЪ ВОЗРАСТАНІЯ ПРОДУКТА ОТЪ ЗЕМЛИ.

1. Отъ другихъ элементовъ производства, отъ труда и капитала, земля отличается тѣмъ, что не можетъ возрастать безгранично. Ея пространство ограниченно, а пространство производительнѣйшихъ сортовъ ея еще больше ограниченно. Очевидно также, что не неограниченно и количество продукта, которое можно получить на данномъ пространствѣ земли. Эта ограниченность количества земли и ограниченность ея производительности составляютъ истинныя границы возрастанію производства.

Конечно, всегда люди ясно понимали, что эти двѣ границы — послѣдній предѣлъ возрастанію производства. Но никогда не бывало ни одного примѣра, чтобы производство достигало этого окончательнаго предѣла: нѣтъ страны, въ которой вся земля, способная производить пищу, воздѣлана въ такомъ совершенствѣ, что нельзя было бы (даже и безъ новыхъ успѣховъ въ земледѣльческомъ знаніи) получить съ нея больше продукта, чѣмъ теперь; а значительная часть земной поверхности остается еще совершенно невоздѣлана. Потому обыкновенно думаютъ (и очень натурально предполагать это съ перваго взгляда), что для настоящаго времени всякое ограниченіе производства или населенія съ этой стороны находится на неизмѣримомъ разстояніи отъ насъ, и что должны протечь вѣка, пока возникнетъ практическая необходимость принимать въ серьёзное соображеніе законъ этого ограниченія.

Я полагаю, что это ошибка, и притомъ самая серьёзная изъ всѣхъ ошибокъ, какія только встрѣчаются въ области политической экономіи. Вопросъ этотъ самый важный, самый основной изъ всѣхъ ея вопросовъ; въ немъ заключается рѣшеніе всѣхъ вопросовъ о причинахъ бѣдности въ богатомъ и промышленномъ обществѣ, и

безъ яснаго пониманія этого предмета безполезно идти далѣе въ нашемъ изслѣдованіи.

2. Границу, полагаемую производству качествами почвы, не надобно воображать подобною стѣнѣ, которая стоитъ неподвижно на извѣстномъ мѣстѣ и не задерживаетъ движенія, пока совершенно не останавливаетъ его. Скорѣе можно сравнить эту границу съ очень эластичною и растяжимою повязкою, которая, какъ бы сильно ни была растянута, все-таки можетъ быть растянута еще шире, но которая стѣсняетъ задолго прежде, чѣмъ растянется до послѣдняго предѣла, и стѣсненіе отъ которой тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе къ этому предѣлу раздвигается она.

Лишь только достигаетъ земледѣліе извѣстной, не очень высокой степени развитія, лишь только люди начинаютъ заниматься воздѣлываніемъ земли съ нѣкоторою энергіею, лишь только явились у нихъ сколько нибудь порядочныя земледѣльческія орудія, земледѣльческое производство подчиняется дѣйствію закона, что при данномъ положеніи земледѣльческаго искусства и знанія увеличеніе труда не даетъ пропорціональнаго увеличенія въ продуктѣ, удвоеніе труда неудваиваетъ продукта, или, выражая то же самое иными словами, каждое возрастаніе продукта получается болѣе, чѣмъ пропорціональнымъ возрастаніемъ въ приложеніи труда къ землѣ.

Этотъ общій законъ земледѣльческой промышленности — самая важная теорема политической экономіи. Если бы законъ этотъ былъ не таковъ, почти всѣ феномены производства и распредѣленія богатства были бы не таковы, какъ теперь. Самыя коренныя изъ заблужденій, еще господствующихъ по нашему предмету, проистекаютъ изъ того, когда люди не замѣчаютъ, что этотъ законъ дѣйствуетъ подъ наружными причинами, на которыхъ останавливаютъ они вниманіе, что второстепенныя вліянія принимаются за коренныя причины явленій, форма и способъ которыхъ можетъ быть и видоизмѣняется отъ нихъ, но сущность которыхъ опредѣляется однимъ этимъ закономъ.

Когда, для увеличенія продукта, человѣкъ обращается къ худшей землѣ, то очевидно, что продуктъ не увеличится въ одной пропорціи съ трудомъ. Самое выраженіе «худшая земля» показываетъ, что это земля, которая при равномъ трудѣ дастъ меньшее количество продукта. Земля можетъ быть хуже другой земли или по плодородію, или по положенію. Одна требуетъ бо́льшей пропорціи труда на произращеніе продукта, другая на перевозъ его къ рынку. Если земля А при данномъ расходѣ на рабочую плату, удо-

бреніе и т. д. производитъ 1,000 квартеровъ пшеницы, и если, для полученія другой тысячи квартеровъ, мы должны обратиться къ землѣ В, которая или менѣе плодородна, или болѣе отдалена отъ рынка, то 2,000 квартеровъ будутъ стоить больше, чѣмъ двойной пропорціи труда, расходовавшагося на первую тысячу, и земледѣльческій продуктъ возрастетъ въ пропорціи меньшей, чѣмъ возросъ трудъ, употребляемый на производство.

Вмѣсто того, чтобы воздѣлывать землю В, было бы можно заставить высшею обработкою землю А производить вдвое. Можно было бы пахать или боронить ее два раза, вмѣсто одного; или копать ее заступомъ, вмѣсто того чтобы пахать; послѣ распашки, или пройти по ней каткомъ, вмѣсто бороны, чтобы лучше обратить въ порошокъ; или чаще и лучше полоть; можно было бы употребить инструменты лучшей отдѣлки, или лучшаго устройства; употреблять больше удобренія или удобреніе болѣе дорогихъ сортовъ; старательнѣе смѣшивать удобреніе съ землею,—все это нѣкоторые изъ числа способовъ получать съ данной земли продуктъ большій прежняго, и если надобно получить его, то обыкновенно употребляются тѣ или другіе изъ этихъ способовъ. Но такая прибавка получается посредствомъ увеличенія издержекъ въ пропорціи, превышающей увеличеніе продукта; это видно изъ того, что воздѣлываются тогда же земли худшаго качества. Земли худшія или болѣе отдаленныя отъ рынка, натурально, даютъ меньшій продуктъ и увеличившійся запросъ удовлетворяется продуктомъ ихъ не иначе, какъ съ увеличеніемъ издержекъ, стало быть и цѣны. Если бы прибавка въ запросѣ могла удовлетворятья добавочнымъ продуктомъ лучшихъ земель, получаемымъ черезъ приложеніе къ нимъ бо̀льшаго труда и капитала, если бы съ нихъ получалось добавочнаго продукта именно столько, на сколько увеличенъ трудъ и капиталъ, еслибъ т. е. производство этого добавочнаго продукта стоило пропорціонально столько же, какъ и производство прежняго количества продуктовъ, получавшихся съ этихъ земель, а не дороже,—то собственники или фермеры этихъ земель могли бы подорвать дешевизною всѣхъ другихъ производителей и захватить весь рынокъ. Тогда земли менѣе плодородныя или болѣе отдаленныя могли бы воздѣлываться лишь собственниками, и только для прокормленія или для поддержанія независимости самихъ собственниковъ, но никакъ никому не могло бы быть выгоднымъ брать ихъ въ наймы для прибыли. А между тѣмъ съ нихъ получается прибыль, достаточная для привлеченія капитала къ такому употребленію,—это показываетъ,

что воздѣлываніе лучшихъ земель достигло такой степени, за которою дальнѣйшее приложеніе къ нимъ труда и капитала никакъ уже не дастъ большей выручки, чѣмъ какая можетъ быть, при равномъ расходѣ, получена съ земель, менѣе плодородныхъ или находящихся въ менѣе выгодномъ мѣстоположеніи.

Заботливое воздѣлываніе земли въ англійскихъ или шотландскихъ округахъ, имѣющихъ усовершенствованное земледѣліе, служитъ симптомомъ или слѣдствіемъ болѣе тяжелыхъ условій, которыхъ стала требовать земля для увеличенія продукта. Эта усовершенствованная обработка требуетъ гораздо большей пропорціи расходовъ, чѣмъ хозяйство по болѣе поверхностной системѣ; для того, чтобы она стала прибыльною, нужны болѣе высокія цѣны; и такая обработка не была бы принята, если бы доступна была земля столь же плодородная и еще не занятая. Если требуемое обществомъ прибавочное количество продукта можно получать съ новой земли столь же хорошаго качества, какъ прежняя, то не будетъ никакой попытки извлекать изъ земли количество продукта, сколько нибудь приближающееся къ тому, что она даетъ при способахъ обработки, считающихся въ Европѣ наилучшими. Обработка земли доводится до такой степени, чтобы получалась выручка въ наибольшей пропорціи къ употребленному труду, но выше этого обработка не ведется, и количество труда, превышающее эту степень, употребляется на другія дѣла. «Нескоро примиряется англійскій глазъ съ жидкостью жатвы и нестарательнымъ, по нашему мнѣнію, хозяйствомъ въ Соединенныхъ Штатахъ, говоритъ путешественникъ, недавно посѣщавшій эту страну. Мы забываемъ, что гдѣ земли такъ много, а трудъ такъ дорогъ, какъ здѣсь, тамъ надобно слѣдовать совершенно не тому разсчету, какой господствуетъ въ нашихъ многолюдныхъ странахъ, и что результатомъ будетъ, разумѣется, недостатокъ полной отдѣлки во всемъ, что требуетъ труда» (Letters from America, by John Robert Godley, томъ I, стр. 52. Смотр. также Lyell's Travels in America, томъ II, стр. 83). Изъ двухъ причинъ, которыя приводитъ Годли, настоящее объясненіе дѣлу дается, по моему мнѣнію, изобиліемъ земли, а не дороговизною труда; потому что, какъ бы дорогъ ни былъ трудъ, но если недостаетъ пищи, онъ всегда будетъ употребленъ на ея производство предпочтительно предъ всякимъ другимъ производствомъ. Дѣло въ томъ, что этотъ трудъ успѣшнѣе достигаетъ своего результата, когда прилагается къ новой землѣ, чѣмъ когда бы употреблялся на болѣе высокую обработку уже воздѣлываемой земли. Прилагать къ

американскимъ землямъ высокое европейское воздѣлываніе станетъ выгодно лишь тогда, когда не останется тамъ новыхъ земель, кромѣ такихъ, которыя по своей отдаленности или плохому качеству станутъ требовать значительнаго повышенія цѣнъ, для приданія выгодности ихъ воздѣлыванію. До той поры исключеніемъ могутъ служить развѣ лишь подгородныя земли, на которыхъ сбереженіе въ издержкахъ перевозки можетъ вознаграждать за значительно меньшую выручку въ самомъ количествѣ продукта ихъ. Какъ американская обработка относится къ англійской, точно также обыкновенная англійская обработка относится къ фламандской, тосканской и Terra di Lavoro, гдѣ приложеніемъ гораздо большаго количества труда получается значительно большій валовой продуктъ, но получается въ такой пропорціи къ труду, которая человѣку, воздѣлывающему землю только для коммерческой прибыли, была бы выгодна лишь при гораздо высшихъ цѣнахъ на земледѣльческіе продукты.

Принципъ, изложенный нами теперь, долженъ быть понимаемъ конечно съ нѣкоторыми объясненіями и ограниченіями. Даже и тогда, когда земля уже такъ высоко воздѣлана, что увеличеніе труда на нее или увеличеніе обыкновеннаго ежегоднаго подготовленія ея не дало бы выручки, пропорціональной расходу, можетъ быть, что приложеніе гораздо большаго прибавочнаго труда и капитала на улучшеніе самой почвы дренированіемъ или долговѣчнымъ удобреніемъ будетъ вознаграждено продуктомъ также щедро, какъ самыя первыя части труда и капитала. Иногда можетъ быть, что пропорція вознагражденія за эти прибавочныя части будетъ даже больше. Этого не могло бы случаться, если бы капиталъ всегда искалъ и находилъ наивыгоднѣйшее употребленіе. Но если наивыгоднѣйшее употребленіе таково, что вознагражденія за него надобно ждать дольше, чѣмъ за менѣе выгодное, то предпочтеніе ему будетъ дано лишь на очень высокой степени промышленнаго развитія. Да и на этой высокой степени существуютъ иногда по владѣнію землею и по найму ея такіе законы и обычаи, которые не даютъ свободному капиталу страны простора обращаться на земледѣльческія усовершенствованія. Потому, добавочный продуктъ, требуемый увеличившимся населеніемъ, получается иногда высшею обработкою по возрастающей стоимости, между тѣмъ какъ извѣстны и доступны способы получать его безъ возрастанія стоимости. Если бы нашелся капиталъ на то, чтобы въ слѣдующемъ году сдѣлать надъ землею Великобританіи и Ирландіи всѣ извѣстныя

и признанныя нужными улучшенія, которыя выгодны при существующихъ цѣнахъ, то есть должны увеличить продуктъ пропорціонально или больше, чѣмъ пропорціонально расходу, — если бы произошло это, результатомъ былъ бы тотъ фактъ (особенно вѣрный, если включать въ это предположеніе Ирландію), что земля низшаго качества надолго стала бы не нужна для земледѣлія: вѣроятно прекратилась бы обработка значительной части тѣхъ менѣе производительныхъ земель, находящихся нынѣ въ обработкѣ, которыя не пользуются особенно выгоднымъ положеніемъ; или, быть можетъ, сокращеніе воздѣлыванія состояло бы преимущественно въ томъ, что ежегодное подготовленіе земли и обработка ея стали бы менѣе высоки (потому что улучшенія, нами предполагаемыя, состоятъ не столько въ улучшеніи хорошей земли, сколько въ обращеніи дурной земли въ хорошую); такимъ образомъ, наше земледѣліе возвратилось бы къ характеру, похожему на американскую обработку, а совершенно брошены были бы только тѣ изъ плохихъ земель, которыя оказались бы неспособными къ улучшенію. Тогда пропорція общаго продукта всей воздѣлываемой земли къ израсходованному на него труду стала бы выше прежней, и общій законъ уменьшенія выручки отъ земли былъ бы на время отстраненъ, соразмѣрно этой перемѣнѣ. Но никто не можетъ предположить, чтобы даже въ этомъ случаѣ весь продуктъ, нужный для страны, возможно было получить только съ самыхъ лучшихъ земель и съ тѣхъ, которыя сравниваются съ самыми лучшими, благодаря выгодѣ своего положенія. Конечно, значительная часть продукта продолжала бы производиться въ менѣе выгодныхъ условіяхъ и съ пропорціею выручки меньшею, чѣмъ какая получается съ наилучшихъ или находящихся въ наивыгоднѣйшемъ положеніи земель. А по мѣрѣ того, какъ дальнѣйшее возрастаніе населенія требовало бы новаго увеличенія производства, общій законъ возвращалъ бы свою силу и дальнѣйшее увеличеніе продукта стало бы получаться съ расходованіемъ труда и капитала въ пропорціи, большей прежняго.

3. Продуктъ земли, при одинаковости обстоятельствъ, возрастаетъ въ пропорціи меньшей, чѣмъ возрастаетъ употребляемый на него трудъ, — это, какъ мы сказали, всеобщій законъ земледѣльческой промышленности, допускающій лишь случайныя и временныя исключенія. Но были писатели, отвергавшіе этотъ принципъ и самоувѣренно ссылавшіеся на опытъ въ подтвержденіе того, будто бы выручка съ земли получается на высокой степени воз-

дѣлыванія не въ меньшей, а въ бо̀льшей пропорціи, чѣмъ на менѣе высокой степени, будто бы, когда на воздѣлываніе употребляется много капитала, выручка бываетъ больше, чѣмъ когда его употребляется мало. Эти писатели утверждаютъ, что даже самая худшая земля, воздѣлываемая нынѣ, производитъ не только на каждый экръ, но и на данное количество приложеннаго къ ней труда, столько пищи, сколько получали наши предки съ плодороднѣйшихъ земель Англіи.

Очень можетъ быть, что это правда; и если это не вполнѣ правда, то въ значительной степени дѣйствительно правда. Безспорно то, что нынѣ производствомъ пищи на все населеніе занята меньшая пропорція населенія, чѣмъ въ прежнія времена нашей исторіи. Но этимъ вовсе не доказывается, чтобы не существовалъ законъ, о которомъ мы говорили, а доказывается только то, что существуетъ какая нибудь сила, противоположная ему и могущая на время превозмогать его. Дѣйствительно, есть такая сила, находящаяся въ постоянномъ противодѣйствіи закону уменьшенія выручки отъ земли, и мы теперь должны перейти къ разсмотрѣнію этой силы. Она не иное что, какъ прогрессъ цивилизаціи. Я употребляю это общее и нѣсколько неопредѣленное выраженіе, потому что факты, учавствующіе тутъ, такъ разнообразны, что едва ли могъ бы обнять всѣ ихъ какой нибудь терминъ менѣе обширнаго значенія.

Изъ этихъ фактовъ прежде всего представляется мысли прогрессъ земледѣльческаго знанія, искусства и земледѣльческихъ изобрѣтеній. Улучшенные земледѣльческіе процессы бываютъ двухъ родовъ: одни даютъ землѣ способность производить абсолютно большее количество продукта, безъ соразмѣрнаго увеличенія труда; другіе не имѣютъ силы увеличивать продуктъ, но за то уменьшаютъ количество труда и издержекъ, которыми онъ пріобрѣтается. Къ первымъ надобно причислить уничтоженіе пароваго поля введеніемъ плодопеременной системы и введеніе новыхъ растеній, выгоднымъ образомъ входящихъ на сѣвооборотъ. Перемѣну, совершенную въ британскомъ земледѣліи въ концѣ прошлаго вѣка введеніемъ сѣвооборота съ рѣпою, представляютъ истинною революціею. Дѣйствіе этихъ усовершенствованій состоитъ во первыхъ въ томъ, что они даютъ землѣ способность ежегодно производить жатву, вмѣсто того, чтобы оставаться праздною изъ каждыхъ двухъ или трехъ лѣтъ одинъ годъ, и во вторыхъ въ томъ, что прямо увеличивается ея производительность: чрезвычайное увеличеніе въ

числѣ скота, производимое увеличеніемъ количества корма, даетъ болѣе обильное удобреніе для хлѣбныхъ полей. За этимъ слѣдуетъ введеніе новыхъ растеній, дающихъ большее количество пищи (напримѣръ, картофель), или болѣе производительныхъ породъ прежнихъ растеній (напримѣръ, шведская рѣпа). Къ тому же разряду усовершенствованій надобно причислить расширеніе знаній о качествахъ разныхъ удобреній и о лучшихъ способахъ употреблять ихъ; введеніе новыхъ и сильнѣйшихъ удобреній (напримѣръ, гуано) и обращеніе такихъ, которыя прежде бросались, на удобреніе земли; изобрѣтенія, подобныя распахиванію подпочвы или дренажу, отъ которыхъ такъ сильно увеличивается продуктъ нѣкоторыхъ сортовъ земли; умноженіе числа животныхъ, потребляющихъ и обращающихъ въ человѣческую пищу вещества, которыя безъ нихъ пропадали бы, и т. д. Къ усовершенствованіямъ втораго рода, которыми уменьшается количество труда, но неувеличивается производительность земли, принадлежатъ: улучшенія въ устройствѣ орудій; введеніе новыхъ орудій, сокращающихъ ручную работу (напримѣръ, вѣяльной и молотильной машинъ); болѣе искусное и экономное приложеніе мускульнаго труда (напримѣръ, столь медленно распространявшееся въ Англіи введеніе шотландскаго способа пахать парою лошадей, запряженныхъ рядомъ, при одномъ человѣкѣ, вмѣсто паханія тремя или четырьмя лошадьми цугомъ, при двухъ людяхъ). Эти усовершенствованія не увеличиваютъ производительности земли; но они также, какъ и усовершенствованія перваго рода, противодѣйствуютъ стремленію стоимости производства земледѣльческихъ продуктовъ возвышаться вмѣстѣ съ возрастаніемъ населенія и запроса.

Улучшеніе средствъ сообщенія по своему дѣйствію подобно земледѣльческимъ усовершенствованіямъ втораго рода. Хорошія дороги равносильны хорошимъ орудіямъ. Въ извлеченіи ли продукта изъ земли, или въ перевозкѣ его къ мѣстамъ потребленія происходитъ сбереженіе труда, это все равно. Не говоримъ уже о томъ, что самый трудъ воздѣлыванія уменьшается отъ всякаго уменьшенія въ стоимости привоза удобренія изъ отдаленныхъ мѣстъ, всякимъ облегченіемъ многочисленныхъ операцій перевозки съ мѣста на мѣсто, происходящихъ въ предѣлахъ самой фермы. Желѣзныя дороги и каналы въ сущности составляютъ уменьшеніе стоимости производства всѣхъ предметовъ, отправляемыхъ по нимъ на рынокъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова — ими уменьшается стоимость производства всѣхъ тѣхъ предметовъ, производству ко-

торыхъ онѣ помогаютъ перевозкою матеріаловъ и орудій для ихъ выдѣлки. При нихъ можетъ быть воздѣлываема земля, которая иначе не вознаградила бы воздѣлывателей безъ повышенія цѣны. Такое же дѣйствіе по отношенію къ пищѣ или матеріаламъ, привозимымъ изъ-за моря, оказываютъ усовершенствованія въ мореходствѣ.

Изъ этихъ соображеній видимъ, что много есть чисто механическихъ усовершенствованій, не имѣющихъ повидимому никакой особенной связи съ земледѣліемъ, но все-таки дающихъ возможность получать данное количество пищи съ меньшимъ расходованіемъ труда. Какое нибудь большое усовершенствованіе въ выплавкѣ чугуна должно вести къ удешевленію земледѣльческихъ орудій, къ уменьшенію стоимости желѣзныхъ дорогъ, вагоновъ и телѣгъ, судовъ, быть можетъ и домовъ, и многихъ другихъ вещей, на которыя чугунъ и желѣзо не употребляются теперь по своей дороговизнѣ; а всѣмъ этимъ уменьшилась бы стоимость производства пищи. Такое же послѣдствіе должны имѣть всякія усовершенствованія въ тѣхъ процессахъ, которымъ подвергается хлѣбъ по отдѣленіи отъ земли и которые можно назвать уже мануфактурными. Первое приложеніе силы вѣтра или воды къ молотью хлѣба вело къ такому его удешевленію, какое могло бы произойти развѣ лишь отъ самаго важнаго открытія въ земледѣліи; всякое большое усовершенствованіе въ мельничномъ устройствѣ должно имѣть, пропорціонально своей важности, подобное же вліяніе. О слѣдствіяхъ удешевленія перевозки мы уже говорили. Въ инженерномъ дѣлѣ также встрѣчаемъ изобрѣтенія, которыми облегчаются всякія большія операціи, совершаемыя людьми. Усовершенствованія въ нивеллировкѣ важны для дренажа, не говоря уже о постройкѣ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ. Голландскія низменности и нѣкоторыя части Англіи осушаются машинами, дѣйствующими вѣтромъ или паромъ. Гдѣ нужны сооруженія для орошенія полей, или насыпи и плотины, искусство въ механикѣ служитъ великимъ средствомъ къ удешевленію производства.

Всѣ мануфактурныя усовершенствованія, которыя не могутъ быть обращены на облегченіе самому производству пищи ни въ одномъ изъ его фазисовъ, и потому не содѣйствуютъ отстраненію или замедленію уменьшенія процорціи выручки отъ земледѣльческаго труда, все-таки имѣютъ слѣдствіе, хотя иного рода, но точно такого же значенія. Они до нѣкоторой степени вознаграждаютъ за то, чего не предотвращаютъ.

Всѣ матеріалы мануфактурныхъ продуктовъ получаются изъ земли, а многія собственно отъ земледѣлія, которое въ особенности доставляетъ весь матеріалъ одежды; потому общій законъ уменьшенія выручки долженъ прилагаться не только къ земледѣльческой, но въ сущности и къ мануфактурной промышленности. По мѣрѣ того, какъ населеніе возрастаетъ и способность земли давать увеличенный продуктъ напрягается сильнѣе и сильнѣе, увеличеніе въ производствѣ всѣхъ матеріаловъ, какъ въ производствѣ пищи, должно получаться расходованіемъ труда все въ бо̀льшей и бо̀льшей пропорціи. Но стоимость матеріала составляетъ обыкновенно лишь очень малую долю во всей суммѣ стоимости мануфактурнаго продукта, и земледѣльческій трудъ въ производствѣ мануфактурныхъ товаровъ лишь незначительная доля всего труда, употребляемаго на нихъ. А весь остальной трудъ имѣетъ постоянную и сильную тенденцію уменьшаться, пропорціонально возрастанію населенія. Мануфактурное производство гораздо больше земледѣлія способно къ приложенію механическихъ усовершенствованій и сберегающихъ трудъ изобрѣтеній. А мы уже видѣли, что раздѣленіе труда, искусное и экономное устройство его очень сильно зависитъ отъ величины рынка и отъ возможности производить продукты большими массами. Потому въ мануфактурной промышленности причины, ведущія къ увеличенію ея производительности, далеко перевѣшиваютъ единственную причину, ведущую къ ея уменьшенію, и возрастаніе производства, вызываемое прогрессомъ общества, происходитъ не съ возрастаніемъ, а съ постояннымъ уменьшеніемъ пропорціи стоимости. Этотъ фактъ обнаружился прогрессивнымъ паденіемъ цѣнъ и цѣнностей почти всѣхъ мануфактурныхъ товаровъ въ два послѣднія столѣтія; оно было ускорено механическими изобрѣтеніями послѣднихъ 60 или 70 лѣтъ, и способно продолжаться и расширяться выше всякаго предѣла, какой мы могли бы опредѣлить ему.

Очень понятна теперь возможность такого случая, что успѣшность земледѣльческаго труда можетъ постепенно уменьшаться съ возрастаніемъ продукта, что поэтому цѣна пищи будетъ прогрессивно возрастать, и нужно будетъ надъ добываніемъ пищи для всего населенія трудиться все большей и большей пропорціи населенія, а между тѣмъ производительная сила труда во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности будетъ такъ быстро возрастать, что требуемое земледѣліемъ количество труда можетъ браться отъ мануфактурныхъ работъ и все-таки онѣ станутъ получать

возрастающій продуктъ, такъ что всѣ потребности населенія, въ общей сложности, будутъ удовлетворяться лучше прежняго. Эта выгода можетъ даже распространяться и на бѣднѣйшій классъ. Возрастаніе дешевизны одежды и помѣщенія можетъ вознаграждать ихъ за увеличеніе стоимости пищи.

Мы видѣли, что нѣтъ такого усовершенствованія въ производительныхъ искусствахъ, которое такъ или иначе не имѣло бы вліянія, противоположнаго закону уменьшенія выручки отъ земледѣльческаго труда. Не одни только промышленныя усовершенствованія имѣютъ такое дѣйствіе. Улучшенія въ правительствѣ и почти во всѣхъ другихъ отрасляхъ нравственной и общественной жизни дѣйствуютъ точно такимъ же образомъ. Предположимъ страну въ такомъ состояніи, въ какомъ была Франція до революціи: подати лежатъ исключительно на промышленныхъ классахъ, имѣютъ такой характеръ, что служатъ какъ будто наказаніемъ, штрафомъ за производство; нѣтъ никакой возможности получить удовлетвореніе за имущественную или личную обиду, если ее нанесъ человѣкъ знатный или сильный. Ураганъ, унесшій такой порядокъ дѣлъ, если смотрѣть даже только на одну сторону перемѣны, на увеличеніе производительности труда, не былъ ли равнозначителенъ множеству промышленныхъ изобрѣтеній? Отмѣненіе фискальнаго обремененія, какимъ были десятины, равнялось для земледѣлія тому, какъ бы трудъ, нужный для полученія продукта, вдругъ уменьшился на десятую часть. Отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ или какихъ нибудь другихъ стѣсненій, мѣшающихъ товарамъ производиться въ дешевѣйшихъ мѣстахъ ихъ производства, равняется огромному усовершенствованію въ производствѣ. Если плодородная земля, бывшая подъ охотничьимъ паркомъ или отнимавшаяся у производства для какого нибудь другаго развлеченія, отдается воздѣлыванію, общая производительность земледѣлія увеличивается. Извѣстно, каково было въ Англіи вліяніе дурныхъ законовъ о бѣдныхъ—они ослабляли земледѣльческій трудъ и отнимали у него производительность; таково же, но еще въ сильнѣйшей степени, было вліяніе дурной системы фермерства въ Ирландіи. Нѣтъ усовершенствованій, которыя дѣйствовали бы на производительность труда прямѣе, чѣмъ улучшенія въ отдачѣ земли подъ наемъ и въ законахъ о поземельной собственности. Уничтоженіе субституцій, удешевленіе формъ продажи, и вообще всякія реформы, содѣйствующія естественному стремленію земли къ свободному переходу изъ рукъ, плохо пользующихся ею, въ руки, лучше умѣющія поль-

зоваться, замѣна фермованія, безсрочно уничтожаемаго по волѣ собственника (tenancy at will), фермованіемъ на долгіе сроки; замѣна дурной по-избушечной системы (cottier system) какою нибудь порядочною системою фермованія; а больше всего, пріобрѣтеніе постояннаго интереса въ землѣ людьми, ее воздѣлывающими,—всѣ такія реформы точно также служатъ усовершенствованіями производства и нѣкоторыя изъ нихъ столь же великими усовершенствованіями его, какъ изобрѣтеніе прядильной или паровой машинъ.

Тоже самое можно сказать объ улучшеніяхъ въ воспитаніи. Умъ работника—важнѣйшій элементъ въ производительности труда. Въ нѣкоторыхъ изъ цивилизованнѣйшихъ странъ, развитіе ума работниковъ такъ низко, что снабженіе головою людей, имѣющихъ теперь только руки, едва ли не должно считаться источникомъ самаго изобильнѣйшаго возрастанія производства. Старательность, бережливость и вообщее благонадежность работниковъ — качества столь же важныя, какъ ихъ умственное развитіе. Дружелюбныя отношенія, общность интересовъ и стремленій между работниками и хозяевами—вещи чрезвычайно важныя, — точнѣе сказать, были бы вещами чрезвычайно важными, потому что я не знаю страны, въ которой нынѣ существовало бы такое чувство дружелюбнаго союза. Не въ одномъ рабочемъ умственныя и нравственныя усовершенствованія имѣютъ выгодное дѣйствіе даже на промышленность. Увеличеніе умственной энергіи, болѣе основательное образованіе, большее развитіе добросовѣстности, заботы объ общихъ дѣлахъ и филантропіи въ богатыхъ и праздныхъ сословіяхъ сдѣлали бы ихъ способными думать и совершать чрезвычайно важныя усовершенствованія и въ экономическихъ силахъ страны, и въ ея учрежденіяхъ и обычаяхъ. Подумаемъ хотя только о самыхъ очевидныхъ феноменахъ. Отсталость французскаго земледѣлія именно въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ долженъ бы оказывать на него полезное вліяніе образованный классъ, должна быть отчасти приписана тому, что вниманіе богатыхъ землевладѣльцевъ исключительно занято городскими интересами и городскими удовольствіями. Всякое улучшеніе въ человѣческихъ дѣлахъ, кромѣ всѣхъ другихъ своихъ выгодъ, непремѣнно будетъ имѣть, прямымъ или косвеннымъ образомъ, полезное вліяніе на производительность промышленности. Горячность преданности промышленнымъ занятіямъ будетъ во многихъ случаяхъ умѣряться гуманнымъ и широкимъ умственнымъ образованіемъ; за то трудъ, употребляемый на эти занятія, почти всегда будетъ тогда успѣшнѣе нынѣшняго.

Прежде, чѣмъ займемся мы изложеніемъ главныхъ выводовъ, получаемыхъ отъ соображенія свойствъ двухъ противоположныхъ силъ, которыми опредѣляется производительность земледѣльческой промышленности, мы должны замѣтить, что слова наши о земледѣліи съ небольшими измѣненіями прилагаются и къ другимъ занятіямъ одинаковаго съ нимъ рода, прилагаются ко всѣмъ отраслямъ промышленности, добывающимъ изъ земли матеріалы. Напримѣръ, рудокопная промышленность даетъ увеличеніе продукта обыкновенно съ увеличеніемъ издержекъ въ пропорціи болѣе высокой; или и хуже того: даже обыкновенный годовой продуктъ добывается въ ней все съ большимъ и большимъ расходованіемъ труда и капитала. Рудникъ не воспроизводитъ каменнаго угля или руды, взятыхъ изъ него, потому каждый рудникъ наконецъ истощается, да и прежде своего истощенія требуетъ разработки съ постоянно возрастающимъ расходомъ: шахты надобно углублять, галлереи вести все дальше, для очищенія ихъ отъ воды, надобно употреблять все больше силы; продуктъ надобно поднимать съ большей глубины или переносить на большее разстояніе. Потому законъ уменьшенія выручки прилагается къ рудокопному дѣлу еще полнѣе, чѣмъ къ земледѣлію; но за то и противодѣйствующее вліяніе усовершенствованій производства прилагается къ нему еще въ большей степени. Рудокопныя операціи доступнѣе земледѣльческихъ механическимъ усовершенствованіямъ; первое приложеніе паровой машины въ большомъ размѣрѣ было сдѣлано къ рудникамъ; а въ механическихъ процессахъ, которыми добываются металлы, есть возможность безграничныхъ усовершенствованій. Нерѣдко встрѣчается и другой случай, представляющій уравновѣшеніе за то, что всѣ извѣстные рудники идутъ къ истощенію: часто открываются новые рудники, равняющіеся по богатству прежнимъ или превосходящіе ихъ.

Общій выводъ таковъ: всѣ предметы и силы природы, находящіеся въ ограниченномъ количествѣ, ограничены относительно крайняго предѣла своей производительной силы, и задолго до достиженія этого крайняго предѣла начинаютъ удовлетворять увеличенію запроса съ прогрессивнымъ обремененіемъ условій своей производительности. Но этотъ законъ можетъ ослабляться или временно отстраняться увеличеніемъ общей власти человѣка надъ природой, въ чемъ бы ни состояло это увеличеніе; а въ особенности онъ ослабляется всякимъ расширеніемъ человѣческаго знанія относительно силъ природы и свойствъ ея тѣлъ, потому что этимъ расширеніемъ знанія расширяется власть человѣка надъ ними.

ГЛАВА XIII.

ПОСЛѢДСТВІЯ ПРЕДЪИДУЩИХЪ ЗАКОНОВЪ.

1. Изъ предъидущихъ разъясненій видно, что возрастаніе производства имѣетъ два предѣла: недостаточность капитала или недостаточность земли. Расширеніе производства останавливается или оттого, что дѣятельное стремленіе къ накопленію бываетъ недостаточно для произведенія дальнѣйшаго возрастанія въ капиталѣ, или оттого, что при всемъ расположеніи людей, имѣющихъ излишекъ доходовъ, сберегать часть его, ограниченность земли, находящейся въ распоряженіи общества, не допускаетъ употребленія капитала въ дѣло съ такою выручкою, которая вознаграждала бы ихъ за отсрочку личнаго потребленія.

Страны, гдѣ принципъ накопленія слабъ, какъ у разныхъ азіатскихъ народовъ, гдѣ люди не хотятъ ни сберегать, ни работать для пріобрѣтенія средствъ къ сбереженію, если не возбуждаются къ тому чрезмѣрною высотою прибыли, не хотятъ даже и при такой прибыли, если надобно ждать ея довольно долгое время,—гдѣ продуктъ остается скуденъ и нужда велика, потому что нѣтъ въ нихъ ни капитала, готоваго являться на дѣло, ни предусмотрительности, которая открывала бы средства заставлять силы природы работать за человѣка,—такія страны нуждаются, съ экономической точки зрѣнія, въ увеличеніи промышленности и дѣятельнаго стремленія къ накопленію. Средства къ тому: во первыхъ, улучшеніе администраціи, введеніе полнѣйшаго обезпеченія собственности, умѣренности въ налогахъ, освобожденіе отъ произвольныхъ поборовъ, производящихся подъ именемъ налоговъ; введеніе болѣе прочныхъ и выгодныхъ условій пользованія землею, такъ чтобы люди, ее воздѣлывающіе, сами получали, по возможности, всю выгоду отъ своего трудолюбія, искусства и бережливости. Во вторыхъ: улучшеніе просвѣщенія въ народѣ, ослабленіе обычаевъ или предразсудковъ, мѣшающихъ полному употребленію промышленныхъ силъ въ дѣло; увеличеніе умственной дѣятельности, чтобы въ людяхъ пробудились новыя стремленія. Въ третьихъ: введеніе заграничныхъ искусствъ, которыми выручка отъ обращенія новаго капитала въ дѣло возвышалась бы до степени, соотвѣтствующей слабому развитію стремленія къ накопленію; внесеніе иностраннаго

капитала, при которомъ возрастаніе производства не станетъ уже исключительно зависѣть отъ бережливости и предусмотрительности туземцевъ, который будетъ служить для нихъ поощряющимъ примѣромъ, который, если не прямымъ улучшеніемъ народнаго положенія, то влитіемъ въ народъ новыхъ идей и разрушеніемъ цѣпей привычки станетъ возбуждать въ жителяхъ новыя потребности, экономическое честолюбіе и заботливость о будущемъ. Эти соображенія больше или меньше прилагаются ко всѣмъ азіатскимъ народамъ и къ тѣмъ частямъ Европы, которыя отстали отъ другихъ въ цивилизаціи и промышленности.

2. Но есть другія страны, — и первая изъ нихъ Англія, — въ которыхъ ни промышленный духъ, ни дѣятельное стремленіе къ накопленію не нуждаются въ поощреніи; люди тамъ готовы много работать за небольшое вознагражденіе и много сберегать для небольшой прибыли; если рабочіе классы тамъ вообще далеко не имѣютъ такой бережливости, какая была бы полезна, то въ благосостоятельной части общества духъ накопленія нуждается скорѣе въ ослабленіи, чѣмъ въ увеличеніи. Въ этихъ странахъ никогда не было бы недостатка въ капиталѣ, если бы его возрастаніе не останавливалось или не задерживалось слишкомъ большимъ пониженіемъ выручки отъ него. По этой тенденціи выручки къ прогрессивному уменьшенію часто бываетъ то, что отъ возрастанія производства становится хуже положеніе производителей; а эта тенденція, которая напослѣдокъ можетъ вовсе прекратить всякое возрастаніе производства, составляетъ результатъ неизбѣжныхъ условій производства, получаемаго отъ земли, — условій, лежащихъ въ немъ самомъ.

Въ странахъ, возвысившихся надъ очень низкою ступенью въ развитіи земледѣлія, всякое увеличеніе запроса на пищу, производимое увеличеніемъ населенія, непремѣнно должно уменьшать долю пищи, какая по ровному раздѣлу пришлась бы на каждаго жителя (исключеніемъ бываютъ лишь тѣ случаи, когда вмѣстѣ съ возрастаніемъ запроса происходитъ улучшеніе въ производствѣ). Когда уже нѣтъ незанятыхъ пространствъ плодородной земли и когда нѣтъ улучшеній, ведущихъ къ удешевленію товаровъ, то увеличеніе производства получается не иначе, какъ чрезъ увеличеніе труда въ пропорціи большей, чѣмъ увеличивается продуктъ. Населеніе должно или больше работать, или меньше ѣсть, или, чтобы получать прежнюю пищу, должно жертвовать частью другихъ прежнихъ жизненныхъ удобствъ. Если эта необходимость отстрочивается, то

отсрочка производится лишь тѣмъ, что усовершенствованія, дающія производству легчайшую возможность прогрессивно возрастать, — человѣческія изобрѣтенія, дающія большую успѣшность труду, выдерживаютъ борьбу съ природой успѣшно и вынуждаютъ у ея нехотящихъ служить силъ новыя средства по мѣрѣ того, какъ человѣческими надобностями поглощаются прежнія средства.

Изъ этого слѣдуетъ тотъ важный выводъ, что необходимость сдерживать возрастаніе населенія не принадлежитъ, какъ многіе полагаютъ, одному тому устройству, при которомъ собственность распредѣлена очень неравномѣрно. При каждомъ данномъ состояніи цивилизаціи, большее количество людей не можетъ въ общемъ своемъ составѣ быть снабжено продуктами такъ изобильно, какъ снабжается меньшее число. Скупость природы, а не общественная несправедливость, служитъ причиною страданій, постигающихъ націю при излишествѣ населенія. Несправедливое распредѣленіе богатсва даже и не увеличиваетъ этого бѣдствія, и развѣ лишь дѣлаетъ то, что оно чувствуется нѣсколько раньше. Напрасно говорить, что съ каждымъ желудкомъ, производимымъ на свѣтъ въ размножающемся населеніи, раждаются и руки. Новые желудки требуютъ столько же пищи, какъ прежніе, а руки производятъ меньше. Если бы всѣ орудія производства принадлежали, какъ совокупная собственность, цѣлому народу, а продуктъ раздѣлялся между людьми съ совершеннымъ равенствомъ, и если бы при такомъ устройствѣ общества промышленность была также энергична и продуктъ такъ же великъ, какъ теперь, то достало бы продукта на чрезвычайно хорошее снабженіе всего существующаго населенія жизненными надобностями; но каково было бы положеніе населенія, когда число людей удвоилось бы съ небольшимъ въ двадцать лѣтъ, какъ непремѣнно и случилось бы при существующихъ привычкахъ и при такомъ поощреніи къ размноженію? Если бы производительныя искусства не усовершенствовались въ это время съ быстротою почти безпримѣрною, то, по непреоборимой необходимости, каждый человѣкъ въ этомъ обществѣ сталъ бы бѣднѣе прежняго отъ того, что пришлось бы обратиться къ воздѣлыванію земель худшаго качества и воздѣлывать земли высшаго качества способомъ болѣе труднымъ и менѣе вознаграждающимъ трудъ, чтобы доставить пищу населенію, столь сильно увеличившемуся. Если бы оно продолжало возрастать по той же пропорціи, скоро пришло бы время, когда никто не имѣлъ бы ничего, кромѣ предметовъ первой необходимости, а вслѣдъ за тѣмъ

скоро пришло бы время, когда никто не имѣлъ бы и этихъ предметовъ въ достаточномъ количествѣ, и дальнѣйшее возрастаніе населенія было бы остановлено смертью.

Увеличивается или уменьшается въ данное время продуктъ промышленности, по сравненію съ употребляемымъ на него трудомъ и становится ли лучше или хуже общее положеніе народа, это зависитъ отъ того, какой элементъ развивается быстрѣе: народонаселеніе или усовершенствованіе. Когда населеніе достигло степени густоты, достаточной для доставленія главныхъ выгодъ сочетанія труда, то всякое дальнѣйшее возрастаніе населенія само по себѣ имѣетъ тенденцію понижать средній уровень народнаго благосостоянія; но прогрессъ усовершенствованій имѣетъ противоположное дѣйствіе и допускаетъ населеніе увеличиваться безъ пониженія или даже съ повышеніемъ средняго уровня жизненныхъ удобствъ. Слово «усовершенствованіе» надобно понимать здѣсь въ обширнѣйшемъ смыслѣ, обнимающемъ не одни новыя изобрѣтенія въ промышленности, но также улучшенія въ учрежденіяхъ, воспитаніи, образѣ мыслей и всѣхъ вообще человѣческихъ дѣлахъ, лишь бы они вели,—какъ ведутъ почти всѣ улучшенія,—къ появленію новыхъ возбужденій или новыхъ удобствъ для производства. Если производительныя силы страны возрастаютъ въ пропорціи столь же быстрой, какъ возрастаетъ потребность въ увеличеніи продукта по увеличенію числа людей, то нѣтъ нужды для увеличенія продукта обращаться къ воздѣлыванію земель менѣе плодородныхъ, чѣмъ худшія изъ земель уже воздѣлываемыхъ, и нѣтъ нужды къ прежнимъ землямъ прилагать новый трудъ, съ менѣе выгодною выручкою или, если эта нужда есть, то эта потеря силы вознаграждается увеличеніемъ успѣшности, съ какою трудъ, благодаря усовершенствованіямъ, употребляется на фабричныхъ работахъ. По той или другой изъ этихъ причинъ, возрастающее число людей снабжается въ прежнемъ размѣрѣ жизненными удобствами. Но если возрастаніе человѣческой власти надъ природою замедляется или пріостанавливается, а возрастаніе населенія не ослабѣваетъ; если, безъ увеличенія власти надъ силами природы требуется отъ нихъ увеличеніе продукта, оно не можетъ быть доставлено увеличившемуся населенію иначе, какъ съ тѣмъ, что отъ человѣка требуется въ среднемъ уровнѣ бо̀льшее количество труда или уменьшится средній уровень части достающейся каждому изъ всей массы продукта.

Въ дѣйствительности бывали такіе періоды, когда населеніе раз-

вивалось быстрѣе, чѣмъ усовершенствованія; бывали и такіе когда усовершенствованія развивались быстрѣе населенія. Въ Англіи населеніе, въ теченіи долгаго періода передъ французскою революціею, возрастало медленно; но прогрессъ усовершенствованій, по крайней мѣрѣ въ земледѣліи, былъ, кажется, еще медленнѣе, цѣна хлѣба постоянно возрастала (а не было никакихъ причинъ къ пониженію цѣнности благородныхъ металловъ) и Англія, прежде вывозившая хлѣбъ, стала ввозить его. Эти факты не даютъ однакоже совершенной безспорности выводу, потому что въ первой половинѣ столѣтія было чрезвычайное число урожайныхъ годовъ, а во-второй половинѣ не было такого большаго числа ихъ, и потому существовала къ возрастанію цѣны хлѣба во второй половинѣ столѣтія причина, посторонняя обыкновенному прогрессу общества. Не извѣстно, имѣли-ли тогда фабричныя усовершенствованія или уменьшеніе издержекъ перевозки привозныхъ товаровъ такой размѣръ, чтобы вознаграждать за уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда. Но со времени великихъ механическихъ изобрѣтеній Уатта, Аркрайта и ихъ современниковъ выручка за трудъ, по всей вѣроятности, возрастала столь же быстро, какъ населеніе и даже опередила бы его возрастаніе, еслибъ самое увеличеніе выручки не вызвало увеличеннаго проявленія лежащей въ человѣческомъ родѣ силы размножаться. Въ теченіе послѣднихъ двадцати или тридцати лѣтъ расширеніе усовершенствованныхъ процессовъ въ земледѣліи шло такъ быстро, что земля даетъ теперь пропорціонально употребляемому труду даже больше продукта, чѣмъ прежде; средняя цѣна хлѣба рѣшительно понизилась; она понижалась даже и до отмѣненія хлѣбныхъ законовъ, которымъ на наше время такъ сильно облегчена тяжесть требованія увеличивать производство соразмѣрно увеличенію населенія. Но если усовершенствованія могутъ на извѣстное время идти наравнѣ съ дѣйствительнымъ увеличеніемъ населенія или даже превосходить его, то несомнѣнно, что ихъ развитіе никогда не можетъ равняться прогрессіи возрастанія, въ какой способны размножаться люди; и ничто не могло бы предотвратить всеобщаго ухудшенія въ состояніи человѣческаго рода, если бы возрастаніе человѣческаго рода, если бы возрастаніе населенія фактически не сдерживалось. Если бы оно сдерживалось еще больше при такомъ же прогрессѣ усовершенствованій, то для націи, или, говоря вообще, для всего человѣчества былъ бы дивидендъ больше нынѣшняго. Расширеніе власти надъ природой, даваемое усовершенствованія-

ми, не тратилось бы все лишь на то, чтобъ содержать размножившееся населеленіе. Валовой продуктъ былъ бы не такъ великъ, но пропорція продукта, приходящаяся на каждаго человѣка, была бы больше.

3. Когда размноженіе людей идетъ быстрѣе, чѣмъ развиваются усовершенствованія, и когда нація принуждена получать средства продовольствія въ отношеніяхъ все менѣе и менѣе выгодныхъ, по неспособности земли удовлетворять увеличенному запросу иначе, какъ на условіяхъ все болѣе обременительныхъ,—когда народъ находится въ этой непріятной необходимости, то находятся два средства, дающія надежду смягчить ее, хотя бы народъ и не измѣнялъ тѣхъ своихъ привычекъ, которыми опредѣляется пропорція его размноженія. Одно изъ этихъ средствъ—ввозъ пищи изъ-за границы; другое средство—переселеніе.

Допущеніе болѣе дешевой пищи изъ-за границы равнозначительно земледѣльческому изобрѣтенію, которымъ въ такой же пропорціи уменьшилась бы стоимость производства пищи въ самой странѣ. Оно въ такой же степени увеличиваетъ производительную силу труда. Прежде чѣмъ былъ допущенъ иностранный хлѣбъ, извѣстнымъ количествомъ труда, употребленнымъ на производство пищи, производилось извѣстное количество пищи; теперь тѣмъ же самымъ количествомъ труда, употребленнымъ на производство хлопчато-бумажныхъ тканей, или желѣзныхъ издѣлій, или другаго товара, даваемаго въ обмѣнъ за пищу, получается большее количество пищи. Въ томъ и другомъ случаѣ отдаляется на извѣстное разстояніе уменьшеніе производительной силы труда; но въ томъ и другомъ случаѣ немедленно возобновляется ходъ этого уменьшенія; отступившій приливъ тотчасъ же начинаетъ снова наступать. Но быть можетъ, страна снабжается пищею со всего пространства, населеннаго людьми на земномъ шарѣ; въ этомъ случаѣ можетъ показаться, будто никакое возрастаніе числа людей въ небольшомъ уголкѣ земнаго шара не можетъ производить сильнаго давленія на столь обширное пространство; будто число жителей въ этой странѣ можетъ удвоиться и утроиться, а все-таки не будетъ замѣтно, чтобы условія производства сдѣлались отъ того тяжеле, не будетъ замѣтно повышеніе цѣны пищи по всему пространству земнаго шара. Но при такомъ разсужденіи опускаются изъ виду нѣкоторыя существенныя обстоятельства.

Во-первыхъ, заграничныя земли, изъ которыхъ можно ввозить хлѣбъ, не обнимаютъ всего земнаго шара: онѣ ограничиваются

почти только тѣми частями его, которыя лежатъ на берегахъ моря или судоходныхъ рѣкъ. Берегъ моря почти во всѣхъ странахъ населяется раньше и гуще другихъ частей и рѣдко имѣетъ лишній хлѣбъ; потому главнымъ источникомъ подвоза служатъ полосы земли по берегамъ судоходныхъ рѣкъ, напримѣръ Нила, Вислы, Миссисипи, а такихъ пространствъ въ хлѣбородныхъ частяхъ земли не такъ много, чтобы могли они очень долгое время удовлетворять быстро растущему запросу, безъ обремененія производительныхъ силъ почвы. Получать прибавочный подвозъ хлѣба въ большомъ количествѣ изъ внутреннихъ частей — дѣло невозможное при нынѣшнихъ путяхъ сообщенія. Съ проведеніемъ шоссе, потомъ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ, это затрудненіе уменьшится, такъ что перестанетъ быть непобѣдимымъ; но прогрессъ этотъ идетъ медленно, и кромѣ Америки во всѣхъ вывозящихъ хлѣбъ странахъ даже очень медленно; онъ не можетъ расти пропорціонально населенію, если возрастаніе населенія не сдерживается очень сильно.

Во-вторыхъ, если бы подвозъ хлѣба получался и со всего земнаго шара, а не съ небольшаго пространства вывозящихъ его земель, то все-таки было-бы довольно ограниченно количество пищи, которую можно было бы получать безъ увеличенія въ пропорціи ея стоимости. Страны, вывозящія хлѣбъ, раздѣляются на два класса: въ однихъ дѣятельное стремленіе къ накопленію сильно, въ другихъ слабо. Въ Австраліи и въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ оно сильно; капиталъ тамъ растетъ быстро и производство хлѣба могло бы также увеличиваться очень быстро. Но въ такихъ странахъ и населеніе возрастаетъ съ чрезвычайною быстротою. Своимъ земледѣліемъ онѣ должны снабжать свое домашнее увеличивающееся населеніе, кромѣ населенія странъ, куда вывозятъ свой хлѣбъ. Потому сущность дѣла скоро должна заставить ихъ обратиться къ воздѣлыванію земель, если не менѣе плодородныхъ, то болѣе отдаленныхъ и менѣе доступныхъ (а отдаленность равносильна неплодородности), обратиться къ способамъ воздѣлыванія менѣе производительнымъ, пропорціонально труду и расходу,— къ способамъ обработки, существующимъ въ старыхъ земляхъ.

Но мало странъ, которыя при дешевизнѣ пищи имѣли бы большое промышленное благосостояніе; это лишь тѣ земли, куда на богатую и невоздѣланную почву перенесена цивилизація въ полномъ своемъ развитіи; изъ странъ, населенныхъ давно, вывозить хлѣбъ могутъ лишь тѣ, гдѣ промышленность находится въ очень отсталомъ положеніи, гдѣ капиталъ и вслѣдъ за нимъ населеніе не

возрасли до такой высоты, чтобы поднять цѣну хлѣба. Въ этихъ странахъ дѣятельное стремленіе къ накопленію слабо, производительныя искусства несовершенны, капиталъ скуденъ и возрастаетъ медленно, особенно если говорить только о домашнихъ источникахъ его возрастанія. Если бы возросъ запросъ на хлѣбъ для привоза въ Англію, онѣ лишь очень медленно могли бы развить свое производство для удовлетворенія ему; онѣ не могли бы получить нужный на то капиталъ обращеніемъ его на земледѣліе отъ другихъ занятій, потому что другихъ занятій тамъ нѣтъ. Онѣ не производятъ хлопчато-бумажныхъ тканей и желѣзныхъ издѣлій, которыя стала бы привозить имъ Англія въ обмѣнъ за хлѣбъ: онѣ обходятся безъ этихъ товаровъ. Съ теченіемъ времени можно было бы ожидать нѣкотораго успѣха отъ усиленной энергіи, которую пробудилъ бы въ производителяхъ рынокъ, открытый для ихъ продукта. Но такому увеличенію энергіи неблагопріятствуетъ экономическое устройство странъ, гдѣ земледѣльцы находятся въ состояніи личной зависимости. Если мы будемъ разсчитывать на увеличеніе затраты капитала, какъ на источникъ для увеличенія продукта, то средства къ этой затратѣ или должны быть привезены изъ другихъ земель, или получены медленнымъ процессомъ сбереженія, развивающагося подъ вліяніемъ новыхъ удобствъ и дѣятельнѣйшихъ сношеній,—но въ этомъ послѣднемъ случаѣ населеніе вѣроятно будетъ возрастать такъ же быстро, какъ капиталъ. Если Англіи нужно быстрое возрастаніе привоза хлѣба изъ этихъ странъ, англійскій капиталъ долженъ переселиться туда, чтобы производить его. Но перенесеніе капитала соединено съ большими затрудненіями, доходящими до положительно большой невыгоды. Ему мѣшаетъ разница языка, разница обычаевъ, мѣшаютъ тысячи неудобствъ, происходящихъ отъ разницы въ учрежденіяхъ и общественныхъ отношеніяхъ; а сверхъ того перенесеніе капитала неизбѣжно вызвало бы размноженіе населенія въ этихъ странахъ, такъ что почти все новое количество пищи, производимое новымъ капиталомъ, вѣроятно стало бы потребляться на мѣстѣ, не выходя за границу. Потому надежда на увеличеніе вывоза изъ этихъ странъ, для снабженія другихъ странъ постоянно увеличивающимся долгое время количествомъ пищи, можетъ основываться только почти на томъ, чтобы вносились въ нихъ изъ-за границы искусства и понятія для оживленія ихъ отсталой цивилизаціи. Но развитіе цивилизаціи въ странѣ — дѣло медленное; въ это время населеніе развивающейся страны и снабжаемыхъ ею странъ успѣетъ

сильно возрасти; потому развитіе цивилизаціи въ отсталыхъ странахъ не можетъ остановить возвышенія цѣны на хлѣбъ отъ возрастанія запроса ни въ цѣлой Европѣ, ни въ отдѣльной странѣ.

Такимъ образомъ не къ однимъ тѣмъ странамъ, которыя продовольствуются собственнымъ хлѣбомъ, примѣняется законъ, что выручка за трудъ уменьшается, если населеніе возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ развиваются усовершенствованія: законъ этотъ въ сущности точно такъ же примѣняется и къ странамъ, готовымъ получать хлѣбъ изъ всѣхъ доступныхъ мѣстъ, гдѣ онъ дешевле. Если какимъ бы то ни было образомъ произойдетъ внезапное и значительное пониженіе цѣны хлѣба, оно, подобно всякому другому внезапному улучшенію житейскихъ искусствъ, только отдаляетъ естественный ходъ дѣлъ на одну или на двѣ ступени дальше, не измѣняя общаго развитія ихъ. Впрочемъ, при допущеніи свободнаго ввоза хлѣба открывается возможность случая, который способенъ произвести временныя послѣдствія такого размѣра, о какомъ даже не мечтали ни злѣйшіе враги, ни пламеннѣйшіе приверженцы свободнаго ввоза хлѣба. Маисъ такой продуктъ, который можно ввозить въ количествѣ достаточномъ для продовольствія цѣлой Англіи и который, пропорціонально своей питательности, можетъ получаться дешевле самаго картофеля. Если вмѣсто пшеницы главною пищею бѣдныхъ сословій станетъ маисъ, производительная сила труда для полученія пищи возрастетъ въ такой громадной пропорціи, а расходъ на содержаніе семейства такъ уменьшится, что хотя бы англійское населеніе стало возрастать даже по американской прогрессіи, быть можетъ прошло бы нѣсколько поколѣній прежде, чѣмъ перевѣсилось бы размноженіемъ народа это огромное облегченіе въ его продовольствованіи.

4. Кромѣ ввоза хлѣба, есть другое средство, къ которому можетъ прибѣгнуть нація, когда ея разноженіе становится не соразмѣрно—не съ ея капиталомъ, а съ производительною способностью ея земли; это средство — выселеніе, въ особенности подъ формою колонизаціи. Въ томъ размѣрѣ, въ какомъ можно пользоваться этимъ средствомъ, оно дѣйствительно помогаетъ, потому что состоитъ въ отысканіи за-границею незанятыхъ пространствъ плодородной земли, которыя, если бы существовали въ метрополіи, давали бы возможность удовлетворять запросу возрастающаго населенія безъ упадка въ производительности труда. Если колонизируемая страна близко, а народъ имѣетъ довольно расположенія къ странствованію, это средство помогаетъ вполнѣ. Въ Соединенныхъ Шта-

тахъ возрастаніе населенія можетъ идти безъ задержки, безъ уменьшенія производительности труда, безъ возрастанія затруднительности добывать продовольствіе, благодаря именно тому, что изъ болѣе старыхъ частей Союза идутъ переселенцы въ новыя территоріи; этотъ фактъ имѣетъ всѣ черты колонизаціи. Если бы Австралія или внутреннія области Канады были также близко къ Великобританіи, какъ Уисконсинъ или Айоуа къ Нью-Йорку; если бы излишекъ населенія могъ перемѣщаться туда безъ переѣзда черезъ море и если бы жители Великобританіи имѣли такую же любовь къ переѣздамъ, такую же неохоту оставаться все на одномъ мѣстѣ, какъ ихъ соплеменники, жители Новой Англіи, то эти ненаселенныя страны оказывали бы Великобританіи такую же услугу, какъ новые штаты Американскаго Союза оказываютъ старымъ. Но положеніе дѣлъ для Великобританіи не таково. Правда, переселеніе, если будетъ ведено хорошо, можетъ служить ей очень важнымъ средствомъ, чтобы внезапно облегчить однимъ усиліемъ давленіе, происходящее отъ излишка населенія. Правда также, что въ чрезвычайныхъ случаяхъ и добровольное переселеніе можетъ удалять изъ страны, при какомъ нибудь особенномъ кризисѣ, еще большее число людей, чѣмъ предполагалось даже составителями плановъ національнаго веденія колонизаціи,—это произошло напримѣръ, въ Ирландіи подъ тройнымъ вліяніемъ картофельнаго неурожая, закона о бѣдныхъ и общаго изгнанія фермеровъ по всей странѣ. Но все-таки, даже при наилучшемъ устройствѣ эмиграціи, нельзя было бы поддержать постояннаго хода ея въ достаточномъ размѣрѣ, чтобы она какъ въ Америкѣ, при быстрѣйшей пропорціи размноженія людей, уносила всю лишнюю часть годичной прибыли числа ихъ,—всю ту часть, которая превышаетъ прогрессъ, дѣлаемый въ теченіе этого краткаго періода житейскими искусствами и отъ которой становится тяжеле жизнь для каждаго изъ членовъ общества, находящихся въ положеніи близкомъ къ среднему уровню. А если нельзя вести колонизацію въ такомъ размѣрѣ, то она даже съ экономической точки зрѣнія не избавляетъ населенія отъ задержки въ размноженіи. Этимъ замѣчаніемъ о колонизаціи ограничимся мы здѣсь; практическую сторону вопроса о ней, важность ея для Англіи и принципы, по которымъ слѣдовало бы вести ее, мы подробно разберемъ въ одной изъ слѣдующихъ частей трактата.

КНИГА ВТОРАЯ.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

КНИГА II.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

СОБСТВЕННОСТЬ.

1. Принципы, изложенные въ первой части нашего трактата, сильно отличаются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ принциповъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь приступаемъ. Законы и условія производства имѣютъ характеръ истинъ, о какихъ говорятъ естественныя науки. Въ нихъ нѣтъ ничего, зависящаго отъ воли, ничего такого, что было бы можно измѣнить. Все производимое человѣкомъ должно быть производимо тѣми способами и подъ тѣми условіями, какія налагаются качествами внѣшней природы и внутренними свойствами физическаго и умственнаго устройства самого человѣка. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но размѣръ его производства все равно будетъ опредѣляться размѣромъ его предварительнаго сбереженія и при данномъ размѣрѣ сбереженія будетъ пропорціоналенъ энергіи человѣка, его искусству, достоинству его орудій и благоразумному пользованію выгодами соединеннаго труда. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но, удвоивъ количество труда, онъ не получитъ съ даннаго пространства земли удвоеннаго количества пищи, если не произойдетъ улучшенія въ земледѣльческомъ процессѣ. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но непроизводительный расходъ отдѣльныхъ лицъ будетъ вести къ пропорціональному обѣднѣнію общества, и только производительнымъ

расходованіемъ будетъ обогащаться общество. Каковы бы ни были мнѣнія или желанія по этимъ вещамъ, они не измѣняютъ характера самыхъ вещей. Мы не можемъ сказать впередъ, какихъ предѣловъ не перейдутъ измѣненія въ способахъ производства, какихъ предѣловъ не превзойдетъ возрастаніе производительности труда при будущемъ расширеніи нашихъ знаній о законахъ природы и при возникновеніи изъ этихъ новыхъ знаній новыхъ промышленныхъ процессовъ, о которыхъ мы теперь не имѣемъ и понятія. Но каковы бы ни были наши успѣхи въ стараніяхъ расширить предѣлы, полагаемые намъ свойствами вещей, мы знаемъ, что непремѣнно существуютъ эти предѣлы: мы не можемъ измѣнить коренныхъ качествъ ни матеріи, ни мысли, а можемъ только съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ употреблять эти качества на произведеніе феноменовъ, нужныхъ для насъ.

Не таковы принципы распредѣленія богатства. Это распредѣленіе—чисто дѣло человѣческаго учрежденія. Когда явились вещи, то люди, или какъ частные люди, или какъ общество, могутъ поступать съ ними какъ захотятъ. Они могутъ отдать ихъ въ распоряженіе кому имъ угодно и на какихъ имъ угодно условіяхъ. Далѣе: когда люди живутъ въ обществѣ, то всякое распоряженіе вещами можетъ происходить только по согласію общества, или, точнѣе говоря, по согласію тѣхъ, которые располагаютъ дѣятельною силою общества; это согласіе необходимо при всякомъ общественномъ устройствѣ, независимость отъ него бываетъ только въ одиночествѣ совершенной пустыни. Даже вещи, произведенныя однимъ своимъ личнымъ трудомъ, безъ всякой чужой помощи, человѣкъ не можетъ сохранять въ своемъ распоряженіи иначе, какъ по дозволенію отъ общества. Мало того, что общество можетъ ихъ взять у него,—ихъ могли бы взять и взяли бы у него отдѣльные люди, еслибъ общество осталось къ этому равнодушно, еслибъ оно не употребляло своего вмѣшательства въ цѣломъ своемъ составѣ, или не назначало и не содержало особенныхъ людей, что бы не давать никому нарушать его владѣнія этими вещами. Такимъ образомъ распредѣленіе богатства зависитъ отъ законовъ и обычаевъ общества. Правила, которыми оно опредѣляется, бываютъ тѣ, какія созданы мнѣніями и желаніями правящей части общества; въ разныя времена и въ разныхъ обществахъ эти правила очень различны и могли бы стать еще различнѣе отъ прежнихъ, если бы того захотѣли люди.

Нѣтъ сомнѣнія, что мнѣнія и чувствованія человѣчества не

случайны. Они составляютъ результатъ основныхъ законовъ человѣческой природы, въ связи съ существующимъ положеніемъ знанія и опыта, и съ существующимъ состояніемъ общественныхъ учрежденій и умственной и нравственной культуры. Но законы происхожденія человѣческихъ мнѣній не относятся къ нашему предмету. Они составляютъ часть общей теоріи человѣческаго прогресса, предметъ изслѣдованія болѣе обширный и болѣе трудный чѣмъ политическая экономія. Мы должны разсматривать здѣсь не причины, но слѣдствія тѣхъ правилъ, по которымъ можетъ быть распредѣляемо богатство. А эти слѣдствія во всякомъ случаѣ также мало произвольны и на столько же имѣютъ характеръ физическихъ законовъ, какъ законы производства. Люди могутъ контролировать свои собственныя дѣйствія, но не слѣдствія своихъ дѣйствій для ихъ самихъ или для другихъ людей. Общество можетъ подчинить распредѣленіе богатства какимъ угодно правиламъ, которыя можетъ считать наилучшими; но какіе практическіе результаты произойдутъ отъ дѣйствія этихъ правилъ, — это, какъ всякая другая физическая или отвлеченная истина, должно быть раскрыто наблюденіемъ и изслѣдованіемъ.

Итакъ, мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію различныхъ способовъ распредѣленія продуктовъ земли и труда, способовъ, какіе приняты на практикѣ или могутъ быть приняты въ теоріи. Изъ нихъ прежде всего наше вниманіе останавливаетъ на себѣ то первобытное и основное учрежденіе, на которомъ—кромѣ нѣсколькихъ исключительныхъ и очень ограниченныхъ случаевъ—всегда утверждалось экономическое устройство общества, хотя въ своихъ второстепенныхъ формахъ это учрежденіе подвергалось и будетъ подвергаться различнымъ видоизмѣненіямъ. Я говорю конечно объ учрежденіи личной собственности.

2. Частная собственность, какъ человѣческое учрежденіе, обязана своимъ происхожденіемъ не соображеніямъ о ея полезности, говорящимъ въ пользу ея сохраненія, когда она уже учреждена. Въ вѣка грубости судилища (всегда предшествующія законамъ) учреждались первоначально не для опредѣленія правъ, а для наказанія насилій и прекращенія ссоръ; это извѣстно намъ изъ исторіи и изъ примѣровъ обществъ, находящихся нынѣ въ подобномъ положеніи. Имѣя эту главную цѣль, судилища натуральнымъ образомъ давали законную силу первому завладѣнію, поступая какъ съ нападающимъ съ тѣмъ, который начиналъ насильственныя дѣйствія изгнаніемъ другаго изъ владѣнія или попыткою къ тому. Та-

кимъ образомъ достигалось сохраненіе мира, бывшее первоначальною цѣлью гражданскаго правительства. Утверждая за владѣвшими обладаніе даже тѣмъ, что не было плодомъ ихъ личнаго труда, судилища тѣмъ самымъ давали имъ и другимъ людямъ гарантію, что они будутъ защищены и во владѣніи плодами ихъ труда.

Разсматривая учрежденіе собственности какъ вопросъ общественной философіи, мы должны не обращать вниманія на ея дѣйствительное происхожденіе у народовъ, существующихъ нынѣ въ Европѣ. Мы должны предполагать общество не связанное никакимъ предварительнымъ владѣніемъ, общество колонистовъ впервые занимающихъ незаселенную страну, не приносящихъ съ собою ничего, кромѣ принадлежащаго всѣмъ имъ вмѣстѣ, имѣющихъ полный просторъ для принятія такихъ учрежденій, такого устройства, какія покажутся имъ наиболѣе выгодными; такое общество, которому свободенъ выборъ вести производство или по принципу частной собственности, или по какой нибудь системѣ общественной собственности и общиннаго труда.

Если они принимаютъ частную собственность, то мы должны предположить отсутствіе всѣхъ начальныхъ неравенствъ и несправедливостей, мѣшающихъ полезному дѣйствію этого принципа въ старыхъ обществахъ. Мы должны предположить, что каждый взрослый мужчина, каждая взрослая женщина ограждены въ свободномъ пользованіи и распоряженіи своими физическими и умственными силами; что орудія производства, земля и инструменты поровну раздѣлены между ними, такъ что всѣ начинаютъ жить, при равныхъ условіяхъ по отношенію къ внѣшнимъ средствамъ дѣятельности. Возможно предположить и то, что при этомъ первоначальномъ надѣлѣ сдѣлано вознагражденіе за несправедливости природы и равновѣсіе возстановлено тѣмъ, что менѣе сильные члены общества получили при распредѣленіи такія выгоды, которыя достаточно уравниваютъ ихъ съ другими. Но, разъ будучи сдѣлано, это раздѣленіе уже не должно потомъ нарушаться; каждый будетъ предоставленъ своимъ собственнымъ усиліямъ и обыкновеннымъ шансамъ въ извлеченіи выгодъ изъ того, что ему назначено. Если же, напротивъ того, частная собственность не допущена, то общество должно принять такую систему, что земля и всѣ орудія производства остаются совокупною собственностію общества и промышленныя операціи будутъ вестись на общій счетъ. Управленіе работами общества будетъ поручено одному начальнику или совѣту начальниковъ; мы предположимъ, что начальники избираются го-

лосами общества, и надобно принять, что члены общества повинуются имъ добровольно. Раздѣленіе продуктовъ, сообразно этой системѣ, будетъ также общественнымъ дѣломъ. Принципомъ раздѣленія можетъ быть или совершенное равенство, или пропорціональность съ надобностями или съ заслугами каждаго, смотря по тому, какъ покажется лучше, по понятіямъ о справедливости или общественномъ устройствѣ господствующемъ въ обществѣ.

Примѣрами такихъ товариществъ въ небольшомъ объемѣ служатъ монашескіе ордена, Моравскіе братья, послѣдователи Раппа и другія общества. Надежды, подаваемыя ими на устраненіе бѣдствій и несправедливостей устройства, имѣющаго большое неравенство богатствъ, служили основаніями для плановъ болѣе широкаго приложенія этой основной идеи; такіе планы являлись и пріобрѣтали популярность во всѣ времена дѣятельныхъ изслѣдованій объ основаніяхъ общественнаго устройства. Невозможно было не распространиться такимъ идеямъ въ вѣкъ подобный нашему, когда чувствуется неизбѣжность общаго пересмотра всѣхъ коренныхъ принциповъ. Новѣйшіе европейскіе перевороты породили много мыслей такого рода, чрезвычайное вниманіе было обращено на разныя формы, принятыя этими идеями, и нельзя думать, чтобы это вниманіе уменьшилось, напротивъ, надобно полагать, что оно станетъ все больше и больше возрастать.

Противники принципа личной собственности могутъ быть раздѣлены на два разряда: планами однихъ предполагается совершенное равенство въ распредѣленіи матеріальныхъ средствъ жизни и наслажденій; другіе допускаютъ неравенство, но основываютъ его на какомъ нибудь истинномъ или мнимомъ принципѣ справедливости или общей пользы, говоря, что оно не должно зависѣть только отъ случая, какъ зависятъ столь многія изъ существующихъ общественныхъ неравенствъ. Во главѣ перваго класса мы должны поставить Овена и его послѣдователей, потому что Овенъ сталъ говорить объ этомъ раньше всѣхъ другихъ въ нынѣшнемъ поколѣніи. Позднѣе Овена пріобрѣли извѣстность, какъ приверженцы тѣхъ же мыслей, Луи-Бланъ и Кабе (Луи-Бланъ, впрочемъ, предлагаетъ равенство распредѣленія только какъ переходъ къ принципу еще высшей справедливости, требующему чтобы каждый работалъ по своимъ способностямъ, а получалъ по своимъ потребностямъ). Эта экономическая система называется коммунизмомъ, слово, придуманное не въ Англіи, а на континентѣ и только недавно введенное въ Англію. Слово соціализмъ, явившееся у англійскихъ коммунистовъ, для обозна-

ченія ихъ системы, употребляется теперь на континентѣ въ смыслѣ болѣе обширномъ: подъ соціализмомъ понимаются и такія системы, которыя не требуютъ коммунизма, не требуютъ совершеннаго отмѣненія частной собственности, а требуютъ только, что бы земля и орудія производства были собственностью не отдѣльныхъ лицъ, а товариществъ, или ассоціацій, или правительства. Изъ такихъ системъ особенно высокія научныя претензіи имѣютъ двѣ, названныя Сенъ-Симонизмомъ и Фурьеризмомъ, по именамъ людей, которымъ дѣйствительно принадлежитъ или приписывается ихъ составленіе. Сенъ-Симонизмъ изчезъ какъ самостоятельная система, но въ то недолгое время, когда онъ излагался публично, онъ посѣялъ сѣмена почти всѣхъ соціалистскихъ тенденцій, столь широко распространившихся теперь во Франціи. Фурьеризмъ имѣетъ многочисленныхъ послѣдователей, дарованіями и усердіемъ которыхъ можетъ гордиться.

3. Какъ бы ни думали мы о достоинствахъ или недостаткахъ этихъ разныхъ плановъ, но справедливость не дозволяетъ сказать, чтобы они были неосуществимы. Ни одинъ разсудительный человѣкъ не усумнится въ томъ, что сельская община, состоящая изъ нѣсколькихъ тысячъ жителей, воздѣлывающихъ по принципу общаго владѣнія такое пространство земли, какое кормитъ нынѣ это число жителей, и производящая по самымъ усовершенствованнымъ процессамъ нужныя для нихъ фабричныя издѣлія, можетъ производить количество продуктовъ, достаточное для доставленія комфорта этимъ людямъ; онъ не усумнится и въ томъ, что она можетъ найдти средства получить, и, если потребуется, вынудить у каждаго изъ способныхъ къ работѣ своихъ членовъ количество труда, нужнаго для достиженія такого результата.

Обыкновенное возраженіе противъ системы общинной собственности и равнаго распредѣленія продуктовъ состоитъ въ томъ, что каждый постоянно будетъ стараться избѣгать выполненія надлежащей части труда, приходящейся на его долю. Это возраженіе указываетъ на дѣйствительное затрудненіе, но люди, дѣлающіе такое возраженіе, забываютъ о томъ, въ какомъ огромномъ размѣрѣ существуетъ тоже самое затрудненіе при системѣ, по которой ведутся теперь девять десятыхъ частей всего труда, совершаемаго въ обществѣ. Это возраженіе предполагаетъ, что добросовѣстный и успѣшный трудъ можетъ получаться лишь отъ людей, которые сами лично пользуются плодами своихъ усилій. Но какъ мала часть совершаемаго въ Англіи труда, производимаго

лицами, работающими въ свою собственную пользу, какъ мала эта часть во всѣхъ родахъ труда, отъ наименѣе вознаграждаемыхъ до наиболѣе вознаграждаемыхъ. Отъ ирландскаго жнеца или чернорабочаго до верховнаго судьи и государственнаго министра почти весь трудъ, совершаемый въ обществѣ, вознаграждается поденною платою, или опредѣленнымъ жалованьемъ. Фабричный работникъ имѣетъ въ своемъ трудѣ меньше личнаго интереса, чѣмъ членъ коммунистической ассоціаціи, потому что трудится не въ пользу товарищества, къ которому принадлежитъ самъ, какъ трудится членъ коммунистической ассоціаціи. На это конечно скажутъ: правда, сами работники почти никогда не имѣли личнаго интереса въ своемъ трудѣ, но за ними наблюдаютъ, ихъ трудомъ управляютъ и умственную часть дѣла исполняютъ люди, имѣющіе въ немъ личный интересъ. Нѣтъ, и это прилагается далеко не ко всѣмъ случаямъ. Не одна черная работа, но и контроль и наблюденіе ввѣрены наемнымъ служащимъ во всѣхъ общественныхъ предпріятіяхъ и во многихъ изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ успѣшныхъ изъ частныхъ предпріятій. Польза «хозяйскаго глаза», когда хозяинъ заботливъ и способенъ, засвидѣтельствована поговоркой; но должно вспомнить, что на соціалистской фермѣ или фабрикѣ каждый работникъ сталъ бы трудиться подъ хозяйскимъ глазомъ не одного хозяина, а всѣхъ членовъ общины. Противъ крайнихъ случаевъ закоренѣлаго упорства въ уклоненіи отъ надлежащей части труда, община имѣла бы тѣ же самыя средства, какія теперь имѣетъ общество для вынужденія людей соблюдать необходимыя условія общественныхъ отношеній. Теперь противъ этихъ случаевъ существуетъ одно средство — отпустить неисправнаго работника; но это средство безполезно, когда всякій другой работникъ трудится не лучше своего предшественника; удаленіемъ неисправныхъ работниковъ хозяинъ только получаетъ обычное количество труда, но этотъ обычный трудъ можетъ быть очень неуспѣшенъ. Работникъ, теряющій свое занятіе отъ лѣности или небрежности, не подвергается, даже въ самомъ дурномъ случаѣ, ничему кромѣ развѣ надобности переносить дисциплину workhouse'а и если желаніе избѣжать этого служитъ достаточнымъ побужденіемъ къ труду при нынѣшней системѣ, то было бы достаточно и при коммунистической системѣ. Я вполнѣ цѣню всю силу возбужденія, даваемаго труду тѣмъ, когда вся выгода, или значительная часть выгоды отъ особеннаго усердія, принадлежитъ работнику. Но при нынѣшней системѣ промышленности этого воз-

бужденія нѣтъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Если коммунистическій трудъ и былъ бы менѣе энергиченъ, чѣмъ трудъ поселянина-собственника, или ремесленника работающаго на свой собственный счетъ, то, вѣроятно, онъ былъ бы энергичнѣе, чѣмъ трудъ наемнаго работника, который вовсе не имѣетъ личнаго интереса въ дѣлѣ. При нынѣшнемъ положеніи общества самый яркій фактъ составляетъ небрежность невоспитанныхъ классовъ наемныхъ работниковъ въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей. А по коммунистическому плану предполагается, что непремѣнно всѣ должны получать воспитаніе; при этомъ же условіи члены ассоціаціи несомнѣнно будутъ исполнять свои обязанности столь же прилежно, какъ исполняются онѣ большинствомъ наемныхъ служащихъ средняго и высшаго сословій; а эти служащіе не имѣютъ такой репутаціи, будто бы они становятся недобросовѣстными отъ того, что, пока не удалены отъ службы, получаютъ одинаковое опредѣленное жалованье, какъ бы небрежно ни исполняли свою обязанность. Конечно, говоря вообще, вознагражденіе посредствомъ опредѣленнаго жалованья не развиваетъ ни въ какомъ классѣ служащихъ усердія до наивысшей возможной степени, и развѣ только это, а никакъ не больше, можно сказать противъ коммунистическаго труда.

Но можно ли сказать, что онъ непремѣнно будетъ подверженъ хотя этому недостатку? Это вовсе не такъ несомнѣнно, какъ полагаютъ люди, мало привыкшіе думать о положеніяхъ дѣлъ, различныхъ отъ привычнаго имъ порядка. Люди способны проникаться общественнымъ духомъ гораздо въ большей степени, чѣмъ привыкли предполагать въ нынѣшнее время. Исторія свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ, съ которымъ многочисленныя человѣческія общества могутъ привыкать къ тому, чтобы считать общественную выгоду своею собственною. Коммунистическая ассоціація была бы самою выгодною почвою для развитія этого чувства, потому что все честолюбіе, вся физическая и умственная дѣятельность, которыя теперь заняты заботами о частныхъ личныхъ выгодахъ, стали бы искать тогда занятія въ другой сферѣ и естественно нашли бы его въ заботахъ объ общей пользѣ ассоціаціи. При коммунизмѣ гражданинъ былъ бы связанъ съ общиною тою же самою причиною, которой такъ часто объясняли преданность католическаго священника или монаха интересамъ его сословія; онъ не имѣлъ бы интересовъ, различныхъ отъ общаго интереса. Независимо отъ сочувствія общей пользѣ, каждый членъ ассоціаціи подчинялся бы вліянію самаго всеобщаго и едва ли не самаго сильнаго изъ лич-

ныхъ побужденій, вліянію общественнаго мнѣнія. Никто не станетъ оспаривать, что это побужденіе съ очень большою силою удерживаетъ насъ отъ поступковъ, положительно порицаемыхъ обществомъ. Соревнованіе также возбуждаетъ къ самымъ энергическимъ усиліямъ для пріобрѣтенія похвалы и удивленія отъ другихъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ опытъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ люди публично состязаются между собою, хотя бы даже предметъ состязанія былъ пустъ или безполезенъ для общества. Соціалисты вовсе не отвергаютъ соперничества, состоящаго въ состязаніи о томъ, кто больше сдѣлаетъ для общаго блага. Такимъ образомъ, много ли уменьшилась бы коммунизмомъ энергія труда, да и подверглась ли бы она какому нибудь уменьшенію въ общей сложности,—этотъ вопросъ долженъ считаться еще нерѣшеннымъ въ настоящее время.

Другое возраженіе противъ коммунизма сходно съ возраженіемъ, которое такъ часто дѣлается противъ законовъ о пособіи бѣднымъ. Говорятъ: если каждому члену общества будетъ обезпечено содержаніе для него и всѣхъ его дѣтей, сколько бы дѣтей ни было у него, подъ однимъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ не отказывался работать, то уничтожалась бы задержка. поставляемая размноженію людей собственнымъ ихъ благоразуміемъ, и населеніе стало бы возрастать въ такой пропорціи, которая привела бы общество чрезъ постепенные фазисы возрастающей нужды къ смертности отъ голода. Дѣйствительно, это опасеніе было бы основательно, если бы коммунизмъ для сдерживанія размноженія людей не представлялъ такихъ побужденій, которыя были бы равносильны устраненнымъ побужденіямъ. Но коммунизмъ именно и есть такой порядокъ дѣлъ, при которомъ надобно ожидать, что общественное мнѣніе самымъ энергическимъ образомъ будетъ возставать противъ этой эгоистической невоздержности. Размноженіе людей, отъ котораго уменьшался бы комфортъ, или увеличивался бы трудъ массы, производилъ бы тогда прямую и явную невыгоду для каждаго отдѣльнаго человѣка (чего не производитъ теперь); эту невыгоду нельзя было бы тогда приписывать ни скупости капиталистовъ, ни несправедливымъ привиллегіямъ богатыхъ. При такой перемѣнѣ обстоятельствъ, общественное мнѣніе непремѣнно стало бы порицать эту, какъ и всякую другую вредную невоздержность, убыточную для общины, и если бы порицанія было мало для того, чтобы устранить вредъ, общественное мнѣніе устранило бы эту невоздержность какими нибудь наказаніями. Нельзя сказать, что къ коммунистической теоріи прилагается воз-

раженіе, основанное на опасности излишняго размноженія числа людей; напротивъ, она имѣетъ то преимущество, что съ особенною силою ведетъ къ предупрежденію этого зла.

Основательнѣе то возраженіе, что трудно было бы справедливо распредѣлять общественный трудъ между членами ассоціаціи. Трудъ бываетъ очень различенъ и по какой нормѣ стали бы мы соразмѣрять одинъ родъ труда съ другимъ. Кто будетъ судьею того, какое количество занятія пряденіемъ, или раздаваніемъ товаровъ изъ магазиновъ, или кладкою стѣнъ и чищеніемъ трубъ равняется извѣстному количеству занятія паханіемъ земли. Коммунистическіе писатели очень сильно чувствуютъ затруднительность распредѣлить поровну трудъ разныхъ качествъ, и потому большая часть ихъ считаютъ нужнымъ, чтобы каждый поочередно занимался каждымъ родомъ полезнаго труда; а это устройство, прекращая раздѣленіе занятій, уменьшило бы выгоды сотрудничества въ производствѣ въ такой степени, что сильно уменьшилась бы производительность труда. Притомъ и въ одинаковомъ дѣлѣ внѣшнее равенство труда было бы въ сущности такимъ не равенствомъ, что справедливость возмутилась бы противъ такого требованія. Не каждый равно способенъ ко всякому труду, и одинаковое количество труда не одинаковымъ бременемъ ложится на слабаго и сильнаго, на живаго и неповоротливаго, на тупаго и одареннаго бойкимъ умомъ.

Но если эти затрудненія дѣйствительно есть, то все же нельзя сказать, чтобъ они были непреодолимы. Распредѣленіе работъ по силамъ и способностямъ людей, смягченіе общаго правила на тѣ случаи, въ которыхъ оно оказалось бы тяжело,—это не такія задачи, которыхъ не могъ бы разрѣшить человѣческій умъ, руководимый чувствомъ справедливости. Притомъ самое худшее, самое несправедливое распредѣленіе труда при системѣ, стремящейся къ равенству, было бы такъ далеко отъ неравенства и несправедливости, съ какою распредѣляется трудъ нынѣ (не говоря уже о томъ, какъ нынѣ распредѣляется вознагражденіе),—такъ далеко, что не стоило бы и говорить объ этой несправедливости по сравненію съ нынѣшней. Надобно также вспомнить, что коммунизмъ, какъ общественная система, существуетъ только въ идеѣ, что для насъ теперь гораздо виднѣе его затрудненія, чѣмъ его средства къ ихъ устраненію, и что человѣческій умъ только начинаетъ придумывать способы организовать его въ подробностяхъ, такъ чтобы побѣдить затрудненія и извлечь наибольшую выгоду изъ представляемыхъ имъ средствъ.

Потому, если бы надобно было дѣлать выборъ между коммунизмомъ, со всѣмъ его рискомъ, и нынѣшнимъ состояніемъ общества со всѣми его страданіями и несправедливостями; если бы существованіе частной собственности имѣло необходимымъ своимъ послѣдствіемъ такое распредѣленіе продуктовъ труда, какое мы видимъ нынѣ,—распредѣленіе, почти всегда обратно пропорціональное труду, такъ что наибольшія доли достаются людямъ вовсе не работавшимъ, потомъ самыя большія изъ остальныхъ людямъ, трудъ которыхъ почти только номинальный, и т. д. по уменьшающейся пропорціи, съ уменьшеніемъ вознагражденія по мѣрѣ того, какъ трудъ становится тяжеле и непріятнѣе, до того, что наконецъ утомительнѣйшій и изнурительнѣйшій физическій трудъ не имѣетъ вѣрной надежды и на пріобрѣтеніе первыхъ потребностей жизни, — если бы выборъ былъ только между такимъ положеніемъ дѣлъ и коммунизмомъ, то каковы бы ни были затрудненія коммунизма, велики или малы, все равно, они были бы лишь песчинкою на вѣсахъ этого сравненія. Но для того, чтобы сравненіе было умѣстно, мы должны сравнивать наилучшую форму коммунизма не съ такимъ какъ теперь положеніемъ дѣлъ при частной собственности, а съ такимъ положеніемъ, какое можно устроить при ней. Принципъ частной собственности еще ни въ одной странѣ не былъ испытанъ на дѣлѣ въ надлежащемъ видѣ; а въ Англіи онъ испытанъ едва ли не меньше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Общественное устройство странъ новой Европы началось отъ распредѣленія собственности, бывшаго результатомъ не какого нибудь справедливаго раздѣленія, не пріобрѣтенія посредствомъ труда, а результатомъ завоеванія и насилія; и не смотря на все, сдѣланное трудомъ въ теченіе многихъ вѣковъ для пересозданія того, что создано насиліемъ, нынѣшняя система сохраняетъ многочисленные и большіе слѣды своего происхожденія. Законы собственности до сихъ поръ еще не приведены въ сообразность съ принципами, на которыхъ основывается признаніе частной собственности законною. Законы эти обратили въ собственность такія вещи, которымъ никакъ не слѣдовало становиться собственностью, и обратили въ безусловную собственность такія вещи, которыя должны быть собственностью только подъ ограничительными условіями. Эти законы не были безпристрастны къ правамъ разныхъ людей, а обременили затрудненіями однихъ, давая выгоду другимъ; они преднамѣренно покровительствовали не равенству и мѣшали каждому начинать карьеру съ надлежа-

щими средствами. Чтобы всѣ начинали карьеру съ совершенно одинаковыми средствами, это несовмѣстно съ закономъ частной собственности. Но если бы на смягченіе неравенства, возникающаго изъ естественнаго дѣйствія этого принципа, было обращено, не колебля самаго принципа, столько же всевозможныхъ заботъ, сколько было обращено на усиленіе этого неравенства шансовъ; если бы законы стремились благопріятствовать разлитію, а не сосредоточенію богатства, помогать раздѣленію большихъ массъ его, а не старались предотвращать ихъ раздробленіе, то принципъ частной собственности оказался бы не имѣющимъ необходимыми своими послѣдствіями тѣхъ матеріальныхъ и общественныхъ бѣдствій, которыя во мнѣніи почти всѣхъ соціалистскихъ писателей нераздѣльны съ нимъ.

Когда защищаютъ частную собственность, то почти всѣ писатели, ее защищающіе, понимаютъ подъ нею обезпеченіе принадлежности плодовъ труда и сбереженія тому, кто трудился и сберегъ. Когда частному человѣку обезпечивается владѣніе плодами труда и сбереженія другихъ, полученными отъ нихъ безъ всякой заслуги, безъ всякаго усилія съ его стороны, это уже не самая сущность принципа частной собственности, а только случайное послѣдствіе его, послѣдствіе, которое при извѣстной степени развитія не помогаетъ, а мѣшаетъ цѣлямъ, узаконяющимъ частную собственность. Чтобы судить объ окончательномъ предназначеніи принципа собственности, мы должны предположить устраненнымъ все, приводящее этотъ принципъ къ результатамъ противоположнымъ справедливому принципу пропорціональности между вознагражденіемъ и трудомъ, принципу, на которомъ основываютъ собственность всѣ, выдерживающіе критику аргументы въ пользу собственности. Итакъ мы должны предположить существованіе двухъ условій, безъ которыхъ и при коммунизмѣ и при всякихъ другихъ законахъ и учрежденіяхъ положеніе массы людей непремѣнно будетъ низко и бѣдственно. Первое изъ этихъ условій всеобщность воспитанія; второе — надлежащее ограниченіе числа населенія. Съ этими условіями не было бы бѣдности и при нынѣшнихъ общественныхъ учрежденіяхъ; и если предположить существованіе этихъ условій, то вопросъ о соціализмѣ не будетъ, какъ обыкновенно говорятъ соціалисты, вопросомъ о единственномъ спасеніи отъ бѣдствій, подавляющихъ теперь человѣчество, а только вопросомъ о томъ, какая система болѣе выгодна, и рѣшить это должно будущее. Мы слишкомъ мало знаемъ о томъ,

что можетъ совершить индивидуальная дѣятельность въ лучшей своей формѣ и соціализмъ въ лучшей своей формѣ, потому мы не можемъ сказать, которая изъ двухъ системъ будетъ окончательной формой человѣческаго общества.

Если отваживаться на догадку, то, вѣроятно, рѣшеніе будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ того, которая изъ двухъ системъ допускаетъ наиболѣе свободы и самобытной дѣятельности между людьми. По обезпеченіи средствъ продовольствія самая сильная изъ личныхъ потребностей человѣка—свобода. Физическія потребности по мѣрѣ развитія цивилизаціи становятся умѣреннѣе и легче сдерживаются разсудкомъ, а энергія этой потребности не уменьшается, а возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ развиваются умственныя и нравственныя способности. Идеаломъ общественнаго устройства и практической нравственности было бы обезпеченіе для всѣхъ людей полной независимости и свободы дѣйствій безъ всякаго ограниченія, кромѣ того, чтобы они не вредили другимъ. Люди лишались бы одного изъ возвышеннѣйшихъ качествъ человѣческой природы такимъ воспитаніемъ, которое научало бы, или такими общественными учрежденіями, которыя требовали бы, чтобы они отказывались отъ управленія своими дѣйствіями за какое бы то ни было удобство или изобиліе, или отказывались бы отъ свободы для равенства. Надобно разсмотрѣть, до какой степени совмѣстно съ коммунистическою организаціею общества сохраненіе свободы и самобытной дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что это возраженіе противъ соціалистскихъ плановъ чрезвычайно утрировано, подобно всѣмъ другимъ возраженіямъ противъ нихъ. Ассоціаціи нѣтъ надобности принуждать своихъ членовъ имѣть въ жизни больше общности между собою, чѣмъ теперь, нѣтъ надобности въ надзорѣ за тѣмъ, какъ кто изъ нихъ будетъ располагать своею личною долею продукта и часами отдыха, число которыхъ вѣроятно будетъ значительно, если ассоціація ограничится производствомъ вещей, дѣйствительно заслуживающихъ труда; ей нѣтъ надобности привязывать людей къ извѣстному занятію или къ извѣстному мѣсту. Узы коммунизма были бы свободою по сравненію съ нынѣшнимъ состояніемъ большинства людей. Почти все сословіе работниковъ въ Англіи и почти во всѣхъ другихъ странахъ имѣетъ такъ мало возможности избирать себѣ занятіе или мѣсто жительства, оно практически такъ зависитъ отъ установленныхъ правилъ и отъ чужой воли, что меньшею свободою могло бы пользоваться развѣ при совершенномъ рабствѣ. Я уже не говорю о совершен-

номъ семейномъ подчиненіи мужскому полу женскаго, которому Овенизмъ и почти всѣ другія формы соціализма (надобно сказать это въ великую честь имъ) даютъ права во всѣхъ отношеніяхъ равныя съ поломъ до сихъ поръ господствовавшимъ. Но о достоинствахъ коммунизма надобно судить не по сравненію съ нынѣшнимъ дурнымъ состояніемъ общества; если коммунизмъ обѣщаетъ больше личной и умственной свободы, чѣмъ сколько имѣютъ теперь люди, которыхъ теперь по правдѣ нельзя назвать свободными, то этого еще недостаточно,—вопросъ въ томъ, останется ли при коммунизмѣ какое нибудь прибѣжище для индивидуальности характера, не будетъ ли общественное мнѣніе тиранскимъ игомъ, не сомнетъ ли всѣхъ въ безцвѣтную однообразность мыслей, чувствъ и дѣйствій совершенная зависимость каждаго отъ всѣхъ и наблюденіе всѣхъ за каждымъ. Эта однообразность уже составляетъ одинъ изъ рѣзкихъ недостатковъ нынѣшняго общества, не смотря на то, что оно имѣетъ въ воспитаніи и образѣ жизни гораздо больше разностей, чѣмъ могло бы существовать при коммунистическомъ устройствѣ, а совершенной зависимости отдѣльнаго человѣка отъ массы нынѣ гораздо меньше, чѣмъ было бы тогда. Нельзя назвать здоровымъ такого общества, въ которомъ оригинальность служитъ предметомъ порицанія. Совмѣстна ли коммунистическая теорія съ разнообразнымъ развитіемъ человѣческихъ натуръ, съ многоразличными несходствами, съ разницами вкусовъ и талантовъ и разнообразіемъ умственныхъ взглядовъ, съ этими разностями, отъ которыхъ зависитъ значительная часть интереса человѣческой жизни, которыя даже служатъ источникомъ умственнаго и нравственнаго прогресса, возбуждая умы столкновеніями и представляя каждому множество такихъ мыслей, какихъ не составилъ бы самъ онъ?—вотъ вопросъ, еще требующій изслѣдованія.

4. До сихъ поръ я ограничивался въ своихъ замѣчаніяхъ коммунистическою теоріею, составляющею крайній предѣлъ соціализма; теоріею, по которой не только орудія производства, земля и капиталъ, составляютъ общую собственность ассоціаціи, но продуктъ раздѣляется между членами и трудъ назначается для нихъ съ соблюденіемъ всевозможнаго равенства. Тѣ справедливыя или несправедливыя возраженія, которыя дѣлаются противъ соціализма, всего сильнѣе прилагаются къ этой формѣ его. Другія системы соціализма различаются отъ коммунизма преимущественно тѣмъ, что не полагаются на одно чувство чести въ промышленности (point d'honneur, по выраженію Луи-Блана), а больше или меньше

удерживаютъ побужденія къ труду, проистекающія изъ личной денежной выгоды. Системы, говорящія, что вознагражденіе должно быть соразмѣрно труду, уже различны отъ строгой теоріи коммунизма. Дѣлавшіеся во Франціи опыты практически осуществить соціализмъ ассоціаціями работниковъ, ведущихъ дѣло на свой собственный счетъ, почти всѣ начинали распредѣленіемъ вознагражденія поровну, не принимая въ разсчетъ количество труда, исполненнаго отдѣльнымъ членомъ; но почти во всѣхъ случаяхъ этотъ порядокъ скоро былъ покидаемъ и замѣнялся поштучною работою. Коммунистическій принципъ въ коренномъ своемъ видѣ требуетъ болѣе высокой нормы справедливости и примѣняется къ гораздо высшему нравственному состоянію людей. Соразмѣрность вознагражденія съ количествомъ работы въ сущности справедлива только тогда, когда разница въ количествѣ работы зависитъ отъ воли самого человѣка; а если она зависитъ отъ природнаго различія силы или способности, то эта норма вознагражденія сама по себѣ несправедлива: она даетъ уже имѣющему, назначаетъ большую часть тому, кто уже получилъ отъ природы больше другаго. Но она очень полезна какъ сдѣлка съ эгоизмомъ характера, образующимся при нынѣшнемъ уровнѣ нравственности и развивающимся благодаря нынѣшнимъ общественнымъ учрежденіямъ; пока люди не будутъ возрождены новымъ воспитаніемъ, эта норма вознагражденія имѣетъ гораздо большую вѣроятность скораго успѣха, чѣмъ стремленіе руководиться идеаломъ болѣе высокимъ.

Къ двумъ разработаннымъ системамъ не — коммунистическаго соціализма, извѣстнымъ подъ именемъ Сенъ-Симонизма и Фурьеризма, совершенно непримѣнимы возраженія, дѣлаемыя обыкновенно противъ коммунизма. Эти двѣ системы могутъ подлежать другимъ возраженіямъ, спеціально относящимся къ той или другой изъ нихъ, но справедливость требуетъ причислить ихъ къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ прошедшаго и нынѣшняго времени по великой умственной силѣ, которая видна въ нихъ и по представляющемуся въ нихъ широкому философскому рѣшенію нѣкоторыхъ изъ основныхъ общественныхъ и нравственныхъ задачъ.

Сенъ-Симонистская теорія не думаетъ о равенствѣ, а полагаетъ неравенство въ раздѣлѣ продукта; она хочетъ, чтобы люди занимались разными дѣлами, каждый смотря по своему призванію или способности, а не всѣ одинаковыми; должность каждому дается какъ чинъ въ полку, по назначенію управляющей власти, а вознагражденіе состоитъ въ жалованьѣ, какое власть эта находитъ со-

размѣрнымъ съ важностью должности и заслугами лица, ее занимающаго. Управляющая корпорація можетъ быть устроена по разнымъ основаніямъ, безъ нарушенія сущности системы. Она можетъ быть назначаема по выбору общества. Составители системы полагали, что правителями будутъ люди, отличающіеся дарованіями и добродѣтелью, по своему умственному превосходству получившіе на свою власть добровольное согласіе остальныхъ. Надобно думать, что эта система могла бы съ выгодою дѣйствовать при нѣкоторыхъ особенныхъ положеніяхъ общества. Исторія показываетъ примѣръ удачнаго опыта въ подобномъ родѣ; это — примѣръ Парагвайскихъ іезуитовъ, о которомъ я уже упоминалъ. Цивилизованные и образованные люди, соединенные между собою системою общности имущества, привели подъ свое умственное владычество племя дикарей, принадлежавшихъ къ такой части человѣческаго рода, въ которой было столько отвращенія отъ послѣдовательности въ трудѣ для отдаленныхъ цѣлей, сколько не было еще ни въ одномъ изъ племенъ, достовѣрно извѣстныхъ намъ. Оно почтительно подчинилось безусловной власти этихъ людей, пріучившихъ его къ искусствамъ цивилизованной жизни и къ занятію на общественный счетъ трудами, которыми дикари ни за что не стали бы заниматься каждый самъ для себя. Эта общественная система существовала недолго, будучи преждевременно разрушена дипломатическими рѣшеніями и чужеземною силою. Возможность осуществить ее вѣроятно происходила отъ громадной разницы по умственному развитію и знаніямъ, между малочисленными правителями и всѣмъ подвластнымъ имъ обществомъ, такъ что не было и посредствующихъ переходовъ общественнаго или умственнаго развитія между этими двумя степенями. Надобно думать, что при другихъ обстоятельствахъ такое устройство совершенно не удалось бы. Оно предполагаетъ полный деспотизмъ со стороны правителей товарищей, и черта эта мало измѣнилась бы тѣмъ, если бы лица, которымъ ввѣряется власть, стали по временамъ смѣняться посредствомъ народныхъ выборовъ. Но предполагать, что одинъ или нѣсколько человѣкъ, такъ или иначе выбранныхъ, могутъ, посредствомъ той или другой организаціи второстепенныхъ властей, назначать каждому дѣло, соотвѣтствующее его способности и распредѣлять вознагражденіе по заслугамъ каждаго, хорошо распредѣлять имущественную справедливость между членами общины, — предполагать, что всѣ члены будутъ довольны тѣмъ, какъ они употребляютъ свою власть и будутъ покоряться ей совершенно добровольно, это такое пред-

положеніе, противъ котораго едва ли надобно и спорить, потому что оно явная химера. Люди могутъ безъ ропота подчиняться опредѣленному правилу, напримѣръ правилу равенства, или случаю, или внѣшней необходимости. Но чтобы нѣсколько людей взвѣшивали каждаго на своихъ вѣсахъ, чтобы давали одному больше другому меньше лишь потому, что такъ вздумали и разсудили,— этого люди не потерпятъ, если не считаютъ этихъ людей существами высшими людей, не трепещутъ ихъ сверхъестественнаго могущества.

Изъ всѣхъ формъ соціализма, искуснѣйшимъ образомъ и съ наибольшею предусмотрительностью противъ всѣхъ возраженій построенъ такъ называемый Фурьеризмъ. Эта система не хочетъ уничтоженія ни частной собственности, ни даже наслѣдства; напротивъ, элементомъ въ распредѣленіи продукта она формально принимаетъ и капиталъ наравнѣ съ трудомъ. Она хочетъ, что бы промышленныя операціи велись товариществами тысячи въ двѣ человѣкъ, вмѣстѣ трудящихся на округѣ, величиною около квадратной мили, подъ управленіемъ начальниковъ, выбранныхъ самими членами. При распредѣленіи сначала опредѣляется извѣстный minimum на продовольствіе каждаго члена общины, способенъ ли онъ къ труду или нѣтъ, все равно. Остатокъ продукта, по извѣстнымъ, впередъ опредѣленнымъ пропорціямъ, распредѣляется между тремя элементами, трудомъ, капиталомъ и талантомъ.

Капиталъ общины можетъ различными суммами принадлежать разнымъ членамъ, которые въ такомъ случаѣ получаютъ пропорціональный дивидендъ, совершенно какъ въ акціонерной компаніи. Право каждаго на долю продукта, приходящуюся таланту, оцѣнивается степенью или мѣстомъ, какое каждый занимаетъ въ разныхъ группахъ работниковъ, къ которымъ принадлежитъ; всѣ эти степени даются по выбору товарищей. Получивъ вознагражденіе, никто не обязанъ расходовать его въ одномъ хозяйствѣ съ другими: у каждаго, желающаго жить своимъ особымъ хозяйствомъ, будетъ особое хозяйство, и общность жизни необходима только та, чтобы всѣ члены ассоціаціи жили въ одномъ большомъ зданіи, для сбереженія труда и издержекъ не только въ постройкѣ, но и во всѣхъ отрасляхъ домашняго быта, и для того, чтобы всѣ покупки и продажи общины производились однимъ агентомъ, съ цѣлью возможнаго уменьшенія той громадной доли продуктовъ, которая теперь поглощается прибылью коммерческихъ людей.

Эта система, по крайней мѣрѣ въ теоріи, не уничтожаетъ ни

однаго изъ побужденій къ дѣятельности, существующихъ въ нынѣшнемъ состояніи общества, какъ уничтожаетъ ихъ коммунизмъ. Напротивъ, если организація будетъ дѣйствовать сообразно съ намѣреніями своихъ составителей, то она даже усилитъ эти побужденія: при ней каждый имѣлъ бы увѣренность лично воспользоваться плодами отъ увеличенія своего искусства и своей умственной или физической энергіи, — имѣлъ бы этой увѣренности гораздо больше, чѣмъ при нынѣшнемъ общественномъ устройствѣ можетъ имѣть кто нибудь кромѣ людей, находящихся въ слишкомъ выгодныхъ положеніяхъ или пользующихся чрезвычайною благосклонностью случая. Но кромѣ этихъ побужденій къ труду фурьеристы имѣютъ еще новое. Они полагаютъ, что разрѣшили великую и основную задачу сдѣлать трудъ привлекательнымъ; они представляютъ очень сильныя доказательства тому, что задача эта удобоисполнима; изъ этихъ доказательствъ особенно важно одно, общее у нихъ съ овенистами: они говорятъ, что едвали найдется между самыми тяжелыми изъ работъ, исполняемыхъ людьми по необходимости для пропитанія, трудъ столь тяжелый какъ тѣ труды, которымъ добровольно предаются для удовольствій люди, имѣющіе уже обезпеченныя средства жизни. Фактъ этотъ дѣйствительно очень знаменателенъ, и человѣкъ, изучающій общественную науку, найдетъ его очень поучительнымъ для себя. Но легко утрировать дѣлаемые изъ него выводы. Если занятія, очень неудобныя и утомительныя, исполняются многими по доброй волѣ какъ развлеченіе, то какъ же не видѣть, что эти занятія служатъ развлеченіями собственно потому, что люди предаются имъ по доброй волѣ, и могутъ бросать ихъ какъ захотятъ. Свобода покинуть извѣстное положеніе часто составляетъ всю разницу между непріятностью и пріятностью этого положенія. Изъ людей, живущихъ въ одномъ городѣ, одной улицѣ, одномъ домѣ съ января до декабря, безъ всякаго желанія или мысли перемѣнить квартиру, многіе нашли бы жизнь на ней несноснымъ тюремнымъ заключеніемъ, если бы были прикованы къ этой квартирѣ приказаніемъ.

По мнѣнію фурьеристовъ едва ли найдется хотя одинъ родъ полезнаго труда такой, который непріятенъ по своей сущности, неизбѣжно непріятенъ. Если онъ почитается непріятнымъ, это происходитъ отъ того, что онъ или считается унизительнымъ, или доведенъ до чрезмѣрности, или лишенъ привлекательности, даваемой симпатіей и соревнованіемъ. Они говорятъ, что никому не будетъ нужно подвергаться чрезмѣрной работѣ въ обществѣ

гдѣ не будетъ ни праздныхъ сословій, ни растраты труда на безполезныя вещи, на которыя тратится теперь такое громадное количество труда; въ обществѣ, которое вполнѣ воспользуется могуществомъ товарищества и для увеличенія успѣшности производства, и для экономіи въ расходахъ. Другія условія, нужныя для придавія труду привлекательности, найдутся по ихъ мнѣнію въ томъ, что весь трудъ будетъ исполняться общественными группами, и каждому будетъ можно одновременно принадлежать къ какому угодно числу группъ по его собственному желанію, а степень его въ каждой группѣ будетъ опредѣляться степенью пользы, какую оказывается онъ способнымъ приносить въ ней по оцѣнкѣ своихъ товарищей. Основываясь на различіи вкусовъ и способностей, фурьеристы заключаютъ, что каждый членъ общины будетъ принадлежать къ нѣсколькимъ группамъ, занимающимся разными трудами умственными или физическими, и каждый будетъ способенъ занимать высокое мѣсто въ какой нибудь изъ этихъ группъ, или даже въ нѣсколькихъ, такъ что практическимъ результатомъ этого будетъ равенство, или покрайней мѣрѣ состояніе гораздо болѣе близкое къ нему, нежели можетъ показаться на первый взглядъ, и проистекать оно будетъ не изъ стѣсненія, а напротивъ отъ высочайшаго развитія разнообразныхъ способностей, находящихся въ каждомъ человѣкѣ.

Даже изъ этого столь краткаго очерка читатель долженъ видѣть, что эта система не нарушаетъ ни одного изъ общихъ законовъ, управляющихъ человѣческими дѣйствіями даже при нынѣшнемъ неудовлетворительномъ положеніи нравственнаго и умственнаго воспитанія, и что было бы чрезвычайно опрометчиво сказать о ней, что она не можетъ имѣть успѣха или осуществить значительную часть надеждъ, основываемыхъ на ней ея приверженцами. Относительно фурьеризма, какъ и относительно всѣхъ другихъ видовъ соціализма, надобно желать, чтобы они получили возможность повѣрки на опытѣ, чего они справедливо требуютъ. Всѣ они могутъ быть испытаны въ размѣрѣ не очень большомъ, и безъ всякаго риска для кого бы то ни было, кромѣ участвующихъ въ опытѣ. Опытъ долженъ рѣшить, на сколько способна и скоро ли способна та или другая изъ возможныхъ системъ общности имущества замѣнить собою «организацію промышленности», основанную на владѣніи землею и капиталомъ по принципу частной собственности; а пока мы, не думая ставить границъ дальнѣйшему развитію способностей человѣка, можемъ сказать, что политико-экономъ довольно долго еще долженъ будетъ главнымъ образомъ заниматься условія-

ми существованія и прогресса, принадлежащими обществу, основанному на частной собственности и на личномъ соперничествѣ, и что главною цѣлью стремленій при нынѣшнемъ состояніи человѣческаго развитія служитъ не низверженіе системы личной собственности, а ея улучшеніе и доставленіе полнаго участія въ ея выгодахъ каждому члену общества.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Теперь намъ должно разсмотрѣть, какія понятія заключаются въ идеѣ частной собственности и какимъ ограниченіямъ должно подлежать приложеніе этого принципа.

Ограничиваясь только существенными элементами принципа собственности, надобно сказать, что онъ состоитъ въ признаніи за каждымъ лицомъ права на исключительное распоряженіе тѣмъ, что онъ произвелъ своимъ собственнымъ трудомъ, или получилъ въ подарокъ, или по честному условію, безъ насилія и обмана, отъ лицъ, которыя произвели перешедшія къ нему вещи. Основаніемъ всему тутъ служитъ право производителей на то, что произвели они сами. На это можно возразить, что это учрежденіе въ нынѣшнемъ своемъ видѣ признаетъ за отдѣльными лицами право собственности на вещи, которыхъ они не произвели. Можно сказать, напримѣръ, что работники какой нибудь фабрики произвели своимъ трудомъ и искусствомъ весь продуктъ, а между тѣмъ онъ не принадлежитъ имъ, законъ даетъ имъ только ихъ договорную плату и передаетъ продуктъ человѣку, который только доставилъ денежныя средства, а самъ быть можетъ ничѣмъ не содѣйствовалъ работѣ, не содѣйствовалъ ей даже и надзоромъ. Отвѣтъ на это тотъ, что фабричный трудъ только одно изъ условій, сочетаніе которыхъ нужно для производства продуктовъ. Трудомъ нельзя заниматься безъ матеріаловъ и машинъ, и безъ заготовленнаго впередъ запаса предметовъ, необходимыхъ для содержанія работниковъ во время производства. Всѣ эти вещи—плоды предъидущаго труда. Если бы работники владѣли ими, имъ не было бы надобности дѣлиться съ кѣмъ нибудь продуктомъ; но они не имѣютъ ихъ и потому людямъ, имѣющимъ ихъ, должно быть дано вознагражденіе за предъидущій трудъ и за воздержаніе, благодаря

которому продуктъ этого труда сохранился на это употребленіе, вмѣсто того, чтобы быть растраченнымъ на удовольствія. Можетъ быть капиталъ не былъ и въ большей части случаевъ онъ дѣйствительно не былъ созданъ трудомъ и воздержаніемъ своего владѣльца; но онъ былъ созданъ трудомъ и воздержаніемъ какого нибудь прежняго лица, онъ можетъ быть былъ отнятъ у этого лица дурнымъ образомъ, но въ нынѣшнія времена гораздо вѣроятнѣе, что это лицо передало свои права нынѣшнему капиталисту въ даръ, или черезъ добровольный договоръ; во всякомъ случаѣ по крайней мѣрѣ воздержаніе было дѣломъ каждаго владѣльца въ цѣломъ ряду ихъ до нынѣшняго владѣльца. Можно сказать и сказать справедливо, что люди, наслѣдовавшіе сбереженное другими, имѣютъ вовсе незаслуженное ими самими преимущество надъ трудящимися людьми, которымъ ничего не оставили ихъ предки. Я не только соглашаюсь на то, чтобы это незаслуженное преимущество было сокращено, я настоятельно утверждаю, что оно должно быть сокращено, насколько то допускается справедливостью къ людямъ, разсудившимъ передать сбереженное ими своимъ потомкамъ. Но если правда, что работники находятся въ невыгодѣ по сравненію съ людьми, отъ предковъ которыхъ осталось сбереженіе, то надобно сказать также, что и положеніе работниковъ стало отъ этого гораздо лучше, чѣмъ было бы, когда бы не оставили послѣ себя сбереженія эти предки другихъ людей. Работники также участвуютъ въ этой выгодѣ, хотя не въ такомъ размѣрѣ, какъ наслѣдники. Условія сотрудничества между нынѣшнимъ трудомъ и плодами прежняго труда и сбереженія служатъ предметомъ уговора между обѣими сторонами, изъ которыхъ каждая необходимо нуждается въ другой. Капиталистъ не можетъ ничего сдѣлать безъ работниковъ, работники ничего не могутъ сдѣлать безъ капитала. Если работники соперничаютъ для полученія занятія, то капиталисты съ своей стороны соперничаютъ для полученія труда въ полномъ количествѣ, какое соразмѣрно оборотному капиталу страны. О соперничествѣ часто говорятъ въ такомъ смыслѣ, какъ будто оно неизбѣжно служитъ причиною бѣдности и униженія рабочаго класса; но и возвышеніе рабочей платы точно такъ же результатъ соперничества, какъ и ея пониженіе. Вознагражденіе за трудъ въ Соединенныхъ Штатахъ точно такъ же производится закономъ соперничества, какъ и въ Ирландіи, и въ Соединенныхъ Штатахъ законъ этотъ дѣйствуетъ гораздо полнѣе, чѣмъ въ Англіи.

Такимъ образомъ въ правѣ собственности заключается право

пріобрѣтенія по договору. Изъ права лица на вещи, произведенныя имъ, вытекаетъ право лица на вещи, произведенныя другими, если эти вещи получаются по ихъ свободному согласію: въ такомъ случаѣ лицо, которое произвело вещь, подарило ее добровольно или обмѣняло ее на вещь, которую считало за равноцѣнную ей, и мѣшать ему въ этомъ значило бы нарушать право его собственности на продуктъ его собственнаго труда.

2. Прежде, нежели перейдемъ мы къ разсмотрѣнію понятій, не вытекающихъ изъ принципа личной собственности, мы должны указать еще одно обстоятельтсво, вытекающее изъ него: по прошествіи извѣстнаго срока право собственности получается на основаніи самой давности владѣнія. По основной идеѣ собственности не слѣдовало бы признавать собственностью ничего, пріобрѣтеннаго насиліемъ или обманомъ или присвоеннаго по незнанію права, уже принадлежащаго кому нибудь другому; но для спокойствія законныхъ владѣльцевъ необходимо, что бы ихъ не тревожили претензіями на неправильное пріобрѣтеніе, когда по ходу времени свидѣтели уже перемерли или потерялись изъ виду и уже нельзя разъяснить подлиннаго характера сдѣлки. Владѣніе, которое не было юридически оспариваемо въ теченіи извѣстнаго не очень большаго числа лѣтъ, должно давать, и дѣйствительно по законамъ всѣхъ народовъ даетъ полное право собственности. Если она и была пріобрѣтена неправильно, то отнимать ее по прошествіи цѣлаго поколѣнія новыхъ владѣльцевъ, получившихъ ее по всей вѣроятности уже честнымъ образомъ, и возстановлять претензію, долго бездѣйствовавшую, вообще было бы несправедливѣе и почти всегда вреднѣе для общества и частныхъ лицъ, чѣмъ оставить безъ поправки первоначальную несправедливость. Можетъ казаться жестокостью, что претензія, бывшая первоначально справедливою, уничтожается просто теченіемъ времени; но есть срокъ, послѣ котораго еще жесточе было бы измѣнить дѣло,—это надобно сказать даже и объ отдѣльныхъ случаяхъ самихъ по себѣ, не говоря уже о томъ, какъ вреденъ былъ бы общій результатъ,—нарушеніе спокойствія всѣхъ владѣльцевъ. Человѣческія несправедливости, какъ физическіе перевороты и бѣдствія, чѣмъ дольше остаются неисправленными, тѣмъ тяжеле становятся для исправленія, зарастая новыми явленіями, которыя при ихъ исправленіи надобно было бы вырвать или сломать. Какъ бы просто и ясно ни было человѣческое дѣло, но если хорошо было бы сдѣлать его шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, изъ этого еще неслѣдуетъ, что бы хорошо было сдѣлать его теперь. Едва ли нужно

замѣчать, что къ несправедливымъ системамъ или учрежденіямъ не примѣняются эти соображенія о вредѣ исправлять устарѣвшій несправедливый поступокъ: дурной законъ или обычай вовсе не то, что дурной поступокъ далекаго прошедшаго: онъ составляетъ непрерывное повтореніе дурныхъ поступковъ во все время пока существуетъ.

Разсмотрѣвъ существенныя черты частной собственности, мы должны теперь посмотрѣть, до какой степени надобно признать необходимыми ея послѣдствіями тѣ формы, въ которыхъ она существовала при разныхъ состояніяхъ общества, или существуетъ теперь, и въ какой степени эти формы узаконяются соображеніями, на которыхъ она основана.

3. Изъ собственности вытекаетъ только право каждаго лица на его способности, на вещи, производимыя этими способностями, или пріобрѣтаемыя честнымъ обмѣномъ за эти вещи, наконецъ право отдавать эти вещи другому лицу по собственному выбору и право этого другаго лица получать ихъ и пользоваться ими.

Изъ этого слѣдуетъ, что право завѣщанія или посмертнаго даренія составляетъ принадлежность идеи частной собственности, но право наслѣдства, независимаго отъ завѣщанія не составляетъ принадлежности понятія частной собственности. Хорошо или дурно постановленіе, что собственность лицъ, не распорядившихся ею при жизни, переходитъ къ ихъ дѣтямъ, а если нѣтъ дѣтей, то къ ближайшимъ родственникамъ, но это постановленіе не есть слѣдствіе принципа частной собственности. Рѣшеніе подобныхъ вопросовъ зависитъ кромѣ политико-экономическихъ соображеній отъ множества другихъ, но планъ моего трактата дозволяетъ мнѣ представить на судъ мыслителей тотъ взглядъ на эти вопросы, который кажется мнѣ наиболѣе основательнымъ.

Древность нынѣшнихъ понятій объ этомъ предметѣ не можетъ служить свидѣтельствомъ въ ихъ пользу. Въ первобытныя времена собственность умершаго лица переходила къ его дѣтямъ и ближайшимъ родственникамъ такимъ естественнымъ и прямымъ путемъ, что не было возможности и представить себѣ другаго перехода. Во первыхъ наслѣдники обыкновенно были тутъ на лицо; они вступали во владѣніе, и если не имѣли другихъ правъ, то уже имѣли право перваго занятія, столь важное въ первобытномъ обществѣ. Во вторыхъ они уже были нѣкоторымъ образомъ соучастниками владѣнія еще при жизни умершаго. Если собственность состояла въ землѣ, она обыкновенно дана была государствомъ не

столько отдѣльному лицу, сколько роду; а если она состояла въ скотѣ и движимомъ имуществѣ, то вѣроятно была пріобрѣтена и навѣрно была охраняема и защищаема общими усиліями всѣхъ членовъ семьи, способныхъ по своимъ лѣтамъ работать или сражаться. Исключительно личная собственность въ новомъ смыслѣ слова почти не входила въ понятія тогдашняго времени; и когда главный правитель ассоціаціи умиралъ, послѣ него въ сущности оставалась только доля, приходившаяся ему, въ дѣлежѣ, и доля эта переходила къ члену семейства, наслѣдовавшему его власть. Распорядиться собственностью иначе, значило бы разрушить маленькую республику, соединенную понятіями, интересами, привычками, и разсѣять ее по свѣту. Эти соображенія не столько высказывались, сколько чувствовались, но имѣли такое сильное вліяніе на умы людей, что создали понятіе о врожденномъ правѣ дѣтей на имущество отца, который не имѣлъ власти лишить ихъ этого права. Завѣщаніе рѣдко признавалось въ первобытномъ состояніи общества; если бы не было другихъ доказательствъ, это одно ясно показало бы намъ, что собственность понималась тогда совершенно иначе, чѣмъ теперь *)

Но феодальный родъ, послѣдняя историческая форма патріархальной жизни, давно исчезъ, и общественною единицею служитъ теперь не родъ или кланъ, состоящій изъ всѣхъ предполагаемыхъ потомковъ общаго предка, а отдѣльное лицо, и ужъ ни въ какомъ случаѣ не больше какъ супружеская чета съ неотдѣленными дѣтьми. Собственность теперь принадлежитъ не родамъ, а отдѣльнымъ лицамъ; дѣти, вырастая, не слѣдуютъ занятіямъ и не пользуются богатствомъ родителей. Если они получаютъ часть денежныхъ средствъ родителей, это уже зависитъ отъ воли родителей, которые обыкновенно даютъ дѣтямъ въ исключительное владѣніе часть собственности, а не участія въ общемъ владѣніи и распоряженіи всею собственностью. Въ Англіи родители могутъ лишать наслѣдства дѣтей и оставлять свое имущество постороннимъ людямъ, если не препятствуютъ этому субституціи или другія ограниченія. Родственники, не столь близкіе какъ дѣти, вообще отдѣлены отъ семьи и отъ ея интересовъ такъ, какъ будто они совершенно посторонніе люди. Единственная претензія, которую могутъ они по

*) Удивительныя объясненія этого и другихъ подобныхъ предметовъ смотри въ глубокомысленномъ сочиненіи Мэна (Maine) о древнемъ правѣ въ его отношеніи къ новѣйшимъ понятіямъ.

общему мнѣнію имѣть по отношенію къ богатымъ родственникамъ, состоитъ въ томъ, чтобы имъ предпочтительно оказывались дружескія услуги, если нѣтъ причинъ предпочитать имъ постороннихъ людей, и въ случаѣ крайности давалась нѣкоторая помощь.

Такая огромная перемѣна въ общественномъ устройствѣ должна въ значительной степени измѣнять основанія, по которымъ поступаетъ собственность въ наслѣдство. Новые писатели, доказывая, что собственность лица умершаго безъ завѣщанія, должно отдавать дѣтямъ, а если ихъ нѣтъ, то ближайшимъ родственникамъ, обыкновенно приводятъ на это слѣдующія причины: во первыхъ надобно предполагать, что, дѣйствуя такимъ образомъ, законъ всего скорѣе можетъ поступить такъ, какъ поступилъ бы владѣлецъ имущества, если бы выразилъ свою волю; во вторыхъ жестоко было бы лишать наслажденій богатства и низвергать въ бѣдность и нужду людей, жившихъ съ своими родными и участвовавшихъ въ ихъ избыткѣ.

Оба эти соображенія не лишены основательности. Безспорно, законъ долженъ для дѣтей и для людей, зависѣвшихъ отъ лица, умершаго безъ завѣщанія, сдѣлать то, что обязанъ былъ сдѣлать ихъ отецъ или покровитель. Насколько могутъ знать эту обязанность другіе кромѣ самаго бывшаго владѣльца, законъ долженъ исполнить ее. Но законъ не можетъ руководиться отдѣльными случаями, а долженъ держаться общихъ правилъ, потому надобно разсмотрѣть, каковы должны быть эти правила.

Во первыхъ, надобно замѣтить, что никто безъ особенныхъ личныхъ причинъ не обязанъ оставлять денежнаго обезпеченія родственникамъ по боковой линіи. Никто изъ нихъ не ожидаетъ отъ него наслѣдства, когда есть у него прямые наслѣдники; никто не сталъ бы ожидать, когда у него и нѣтъ дѣтей, если бы ожиданіе не возбуждалось постановленіями закона о наслѣдствѣ безъ завѣщанія. Потому я не вижу причинъ и вовсе существовать наслѣдству по боковой линіи. Бентамъ давно предлагалъ, чтобы собственность лица умершаго безъ завѣщанія, переходила въ руки государства, если нѣтъ наслѣдниковъ по нисходящей или восходящей линіи; другіе уважаемые авторитеты соглашались съ нимъ въ этомъ. По вопросу объ отдаленныхъ степеняхъ родства по боковой линіи, едва ли кто и станетъ спорить противъ этого мнѣнія. Мало найдется людей, которые назовутъ основательнымъ постановленіе, чтобы имущество какого нибудь бездѣтнаго скряги шло по его смерти (какъ иногда бываетъ) на обогащеніе отдаленнаго родственника, который

никогда не видѣлъ его, пока не сталъ разсчитывать на наслѣдство, и имѣлъ нравственныхъ правъ на наслѣдство не больше, чѣмъ имѣлъ бы человѣкъ совершенно посторонній. Но съ этимъ случаемъ сходно по характеру полученіе наслѣдства всѣми родными по боковой линіи, даже въ ближайшихъ степеняхъ. Эти родственники не имѣютъ никакихъ основательныхъ правъ кромѣ тѣхъ, какія могли бы имѣть и не родственники. А если основательныя права на наслѣдство принадлежатъ кому нибудь, родственникамъ или не родственникамъ, то настоящее средство удовлетворить эти права—завѣщаніе.

Права дѣтей не таковы: они дѣйствительно справедливы и неопровержимы. Но мнѣ кажется ошибочною мѣра, обыкновенно полагаемая для объема этихъ правъ: въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ размѣръ того, на что имѣютъ право дѣти, опредѣляется слишкомъ мало, въ другихъ, по моему мнѣнію, преувеличивается. Въ практикѣ пренебрегается, а въ теоріи, съ легкостью, постыдною для человѣческаго ума, едва упоминается одна изъ важнѣйшихъ обязанностей человѣка, обязанность производить дѣтей на свѣтъ только тогда, когда онъ можетъ хорошо содержать ихъ въ дѣтствѣ, и воспитать ихъ такъ, чтобы они имѣли средства содержать себя, когда выростутъ. Но если родители имѣютъ собственность, то права дѣтей на нее служатъ, мнѣ кажется, предметомъ другой ошибки противоположнаго характера. Я не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы дѣти имѣли право, только потому что они дѣти, на всю собственность, наслѣдованную или даже и пріобрѣтенную отцомъ, чтобы онъ былъ обязанъ оставлять ихъ богатыми безъ всякой необходимости въ трудѣ. Я не могъ бы согласиться съ этимъ, если бы получать такое положеніе всегда и навѣрно было полезно для самихъ дѣтей. Но еще очень сомнительно, будетъ ли это полезно и для нихъ. Это зависитъ отъ личнаго характера. Я не буду брать крайнихъ случаевъ и скажу вообще, что въ большей части случаевъ польза не только общества, но и самихъ дѣтей, была бы соблюдена лучше, еслибъ имъ оставалось не огромное, а умѣренное наслѣдство. Эта мысль — общее мѣсто и древнихъ и новыхъ моралистовъ; многіе разсудительные родители чувствуютъ ея справедливость и гораздо чаще нынѣшняго стали бы поступать по ней, если бы не впадали въ ту ошибку, чтобы обращать больше вниманія на то, что полезно для дѣтей, по мнѣнію другихъ, чѣмъ на то, что дѣйствительно полезно для нихъ.

Обязанности родителей къ дѣтямъ — тѣ обязанности, которыя

неразрывно связаны съ фактомъ, что они дали существованіе этимъ людямъ. Родитель обязанъ относительно общества заботиться, чтобы сдѣлать свое дитя хорошимъ и полезнымъ членомъ общества, а относительно дѣтей онъ обязанъ доставить имъ, насколько можетъ, такое воспитаніе, такіе способы и средства, чтобы они могли начать карьеру съ вѣроятностью устроить себѣ своимъ собственнымъ трудомъ хорошую жизнь. Всѣ дѣти имѣютъ право на это, и я не могу согласиться, чтобы кто нибудь изъ нихъ имѣлъ право на что нибудь больше этого. Есть такой случай, въ которомъ эти обязанности представляются въ своемъ истинномъ свѣтѣ, не будучи затемняемы или прикрываемы никакими внѣшними обстоятельствами; этотъ случай — обязанности къ незаконно-рожденнымъ дѣтямъ. Всѣ понимаютъ, что родители обязаны доставить этимъ дѣтямъ средства, при которыхъ эти дѣти могли бы расположить свою жизнь такъ, чтобы она была вообще недурна. Я полагаю, что родители, какъ родители вообще относительно всѣхъ дѣтей, имѣютъ только ту обязанность, какая признается на нихъ относительно незаконно-рожденныхъ дѣтей; и я полагаю, что никакой сынъ, никакая дочь, когда относительно ихъ исполнено это, не могутъ жаловаться, если остальное имущество родителей посвящается на общую пользу или отдается людямъ, отдать которымъ это имущество полезнѣе по мнѣнію родителя. Жаловаться могли бы дѣти лишь тогда, когда въ нихъ были пробуждены иныя ожиданія.

Дѣти имѣютъ право получить возможность къ хорошему устройству своей жизни; чтобы дать имъ эту возможность, вообще необходимо не воспитывать ихъ съ младенчества въ роскошныхъ привычкахъ, удовлетворять которымъ не найдутъ они средствъ въ послѣдующую жизнь. Эта обязанность опять часто и слишкомъ дурно нарушается людьми, которые живутъ пожизненными доходами и не могутъ оставить дѣтямъ большаго наслѣдства. Если дѣти богатыхъ родителей выросли, какъ разумѣется и бываетъ, съ привычками, соотвѣтствующими размѣру расходовъ родительскаго дома, то родители вообще обязаны оставить имъ средствъ къ жизни больше, чѣмъ было бы довольно для дѣтей, воспитанныхъ иначе. Я говорю только «вообще обязаны», потому что вопросъ имѣетъ и другую сторону. Не лишена большой справедливости мысль, что сильной натурѣ, пробивающей себѣ дорогу въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, выгодно бываетъ и для формировки характера, и для житейскаго счастья, когда она знала по раннему опыту нѣкоторыя изъ чувствъ, соединенныхъ съ богатствомъ. До-

пустимъ однакоже, что дѣти, пріученныя къ потребностямъ роскоши, удовлетворять которымъ потомъ не будутъ въ состояніи, имѣютъ справедливую причину жаловаться, и слѣдовательно имѣютъ основательное право на такое наслѣдство, которое было бы соразмѣрно съ способомъ ихъ воспитанія; но это право очень легко расширяется до требованій, превышающихъ соображеніе его узаконяющее. Это надобно сказать о младшихъ дѣтяхъ аристократическаго и землевладѣльческаго сословій. Въ этихъ сословіяхъ главная масса имущества переходитъ къ старшему сыну, а другіе сыновья, которыхъ обыкновенно бываетъ много, воспитанные въ тѣхъ же роскошныхъ привычкахъ, какъ и старшій братъ, получаютъ на свою долю такое наслѣдство, которымъ могутъ сами содержать себя, но не могутъ содержать семейства сообразно своимъ привычкамъ. Никто не долженъ жаловаться, если средства на содержаніе жены и дѣтей принужденъ пріобрѣтать собственнымъ трудомъ.

Потому я думаю, что родители обязаны доставить дѣтямъ обезпеченіе только такого размѣра, какой признается удовлетворительнымъ для незаконныхъ дѣтей и младшихъ дѣтей, словомъ сказать признается удовлетворительнымъ во всѣхъ случаяхъ, когда принимаются въ разсчетъ только требованія справедливости и дѣйствительныя выгоды частныхъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и общества; оставлять дѣтямъ больше этого родители не обязаны, не обязано предоставлять и государство дѣтямъ тѣхъ, которые умрутъ безъ завѣщанія. Если остающееся имущество превышаетъ этотъ размѣръ, то я полагаю, что излишекъ справедливо можетъ быть обращенъ на общественную пользу. Впрочемъ я вовсе не хочу сказать, что родители не должны никогда дѣлать для дѣтей больше того, чѣмъ насколько дѣти всегда имѣютъ нравственное право; иногда бываетъ должно, часто бываетъ похвально и всегда дозволительно сдѣлать гораздо больше, чѣмъ требуетъ общая обязанность родителей. Но средство для этого представляется свободою завѣщанія. Родители должны имѣть право показать свою привязанность, вознаградить за заслуги и жертвы, распорядиться своимъ богатствомъ по своему расположенію или по своимъ понятіямъ о справедливости,—но это право родителей, а не дѣтей.

4. Должно ли самое право завѣщанія подлежать ограниченію,— это другой вопросъ и притомъ очень важный. Завѣщаніе — принадлежность права собственности, чего нельзя сказать о наслѣдствѣ безъ завѣщанія. Собственность неполна, если собственникъ не можетъ передать свое имущество по своей волѣ по смерти или

при жизни, и всѣ тѣ соображенія, которыя говорятъ въ пользу частной собственности, примѣняются и къ этому послѣдствію права собственности. Но собственность не сама по себѣ цѣль, а только средство для цѣли. Какъ всѣми другими своими правами и даже больше, чѣмъ многими другими своими правами, собственникъ можетъ пользоваться правомъ завѣщанія въ противность постояннымъ интересамъ человѣческаго рода. Завѣщатель нарушаетъ эти интересы, когда не довольствуясь тѣмъ, что завѣщаетъ имѣнье извѣстному лицу, предписываетъ, что по смерти этого лица оно должно перейдти къ его старшему сыну, потомъ къ сыну этого сына и т. д. Правда, надежда основать именитый родъ побуждаетъ иногда человѣка усерднѣе трудиться надъ пріобрѣтеніемъ состоянія; но цѣнность этого побужденія къ дѣятельности перевѣшивается вредомъ, какой приноситъ обществу эта вѣчная связанность имѣнія, и побужденіе пріобрѣтать состояніе и безъ этой надежды достаточно сильно въ людяхъ, имѣющихъ средства обогатиться. Точно также злоупотребляется право завѣщанія, когда человѣкъ, похвальнымъ образомъ оставляя имущество на общественное дѣло, претендуетъ навсегда предписывать подробности о томъ, на что должно употреблять это имущество; когда, напримѣръ, основывая учебное заведеніе онъ на вѣки опредѣляетъ, чему и въ какомъ духѣ должно учить въ немъ. Человѣку невозможно узнать, чему и въ какомъ духѣ надобно будетъ учить черезъ нѣсколько вѣковъ по его смерти, потому законъ долженъ утверждать подобныя распоряженія не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы по извѣстнымъ срокамъ надлежащая власть подвергала ихъ пересмотру.

Въ этихъ случаяхъ само собою ясно, что право завѣщанія имѣетъ свои ограниченія. Но и самый простѣйшій способъ пользованія этимъ правомъ,—опредѣленіе лица, къ которому собственность должна перейдти немедленно по смерти завѣщателя,—всегда причислялся къ привиллегіямъ, которыя могутъ быть ограничиваемы или видоизмѣняемы по требованію пользы. До сихъ поръ онъ былъ ограничиваемъ почти только въ пользу дѣтей. Въ Англіи это право, по принципу, безусловно, и почти единственнымъ стѣсненіемъ ему служитъ распоряженіе, сдѣланное прежнимъ собственникомъ; тутъ настоящій владѣлецъ не можетъ завѣщать своего владѣнія, но только потому, что нѣтъ имущества, которое могъ бы онъ завѣщать, имѣя только пожизненное пользованіе. По римскому праву, служащему главнымъ основаніемъ гражданскихъ законовъ континентальной Европы, завѣщаніе первоначально вовсе не до-

пускалось, а потомъ, когда оно было введено, принудительно была составлена «законная часть» для каждаго изъ дѣтей; это правило еще остается закономъ у нѣкоторыхъ континентальныхъ націй. По французскимъ законамъ со времени революціи отецъ или мать могутъ располагать только частью имущества, равною части одного изъ дѣтей, а всѣ дѣти получаютъ равныя части. Этотъ законъ, который можно назвать общимъ фидеикоммиссомъ массы каждаго имущества въ пользу всѣхъ дѣтей, я считаю, по принципу, столь же не выдерживающимъ критики, какъ фидеикоммиссъ въ пользу одного сына, хотя онъ и не оскорбляетъ такъ прямо понятія справедливости. Я не могу согласиться, что родители обязаны оставлять дѣтямъ даже то обезпеченіе, на которое дѣти, какъ я доказывалъ, имѣютъ нравственное право. Дѣти могутъ лишиться этого права или дурными поступками относительно родителей, или тѣмъ, что вообще окажутся недостойными его; они также могутъ имѣть другіе источники обезпеченія, другія основанія для своей карьеры; прежняя заботливость родителей о ихъ воспитаніи и объ устройствѣ ихъ судьбы можетъ уже вполнѣ удовлетворять ихъ нравственному праву; наконецъ другіе могутъ имѣть гораздо больше права, чѣмъ они.

Чрезвычайное ограниченіе права завѣщанія по французскому закону было принято какъ демократическое средство сокрушить обычай первородства и противодѣйствовать стремленію наслѣдственной собственности сливаться въ большія массы. Я самъ согласенъ, что цѣли эти хороши, но полагаю, что средства къ ихъ достиженію выбраны не самыя хорошія. Если бы я составлялъ законы по своимъ убѣжденіямъ о внутреннемъ ихъ достоинствѣ, безъ вниманія къ существующимъ мнѣніямъ и обычаямъ, я положилъ бы ограниченіе не количеству имущества, какое можетъ быть завѣщаемо, а количеству, какое можетъ быть получаемо по завѣщанію или по наслѣдству. Каждый могъ бы располагать по завѣщанію всѣмъ своимъ имуществомъ, но не могъ бы расточительно обращать его на обогащеніе одного лица выше извѣстной мѣры, и этимъ высшимъ размѣромъ было бы постановлено количество, достаточное для обезпеченія благосостоятельной независимости. Неравенство собственности, происходящее отъ неравенства трудолюбія, воздержности, постоянства и способностей, а до извѣстной степени и отъ неодинаковой благопріятности условій,—непремѣнная принадлежность принципа частной собственности, и если мы принимаемъ его, то должны принимать и это послѣдствіе его; но я не вижу

ничего противнаго ему въ опредѣленіи границы того, сколько человѣкъ можетъ пріобрѣсти просто по расположенію другихъ, безъ всякой собственной дѣятельности, такъ чтобы онъ долженъ былъ уже работать, если хочетъ увеличить свое состояніе. Я не полагаю, чтобы стали считать такое ограниченіе тягостнымъ стѣсненіемъ тѣ завѣщатели, которые цѣнятъ большое состояніе по настоящему его значенію, то-есть по количеству удовольствій и выгодъ, какое можно купить на него; имѣя состояніе въ пять разъ больше, чѣмъ нужно для скромной независимости, человѣкъ имѣетъ больше удовольствій и выгодъ, нежели имѣлъ бы только при ней; но какъ бы высоко ни цѣнились они, все-таки разница эта въ счастьѣ владѣльца незначительна по сравненію съ наслажденіями и прочными пользами, которыя были бы получены другими людьми, если бы четыре пятыхъ имущества, доставшагося ему, достались не ему. Но теперь господствуетъ въ практикѣ мнѣніе, что наилучшее для любимыхъ людей дѣло человѣкъ совершаетъ тогда, когда до пресыщенія осыпаетъ ихъ тѣми неимѣющими внутренней цѣнности вещами, на которыя почти исключительно расходуются большія состоянія; пока это мнѣніе будетъ господствовать, мало было бы пользы отъ введенія закона, о которомъ я говорю, если бы даже и можно было ввести его, потому что всѣ старались бы обойти его; онъ былъ бы безсиленъ, если бы общественное мнѣніе не поддерживало его энергически; нынѣ въ Англіи такой поддержки ожидать нельзя, но она можетъ родиться при извѣстныхъ положеніяхъ общества и правительства,— такъ можно судить по сильной привязанности общественнаго мнѣнія во Франціи къ закону принудительнаго раздѣла наслѣдства. А если ограниченіе размѣра наслѣдства можетъ получить дѣйствительную силу, то оно принесетъ большую пользу. Богатство, переставъ обращаться на чрезмѣрное обогащеніе немногихъ, будетъ употребляться на общеполезныя дѣла, или, отдаваясь частнымъ лицамъ, будетъ распредѣляться между большимъ числомъ ихъ. Станетъ гораздо меньше число тѣхъ громадныхъ состояній, которыя не служатъ ни для какой личной надобности кромѣ тщеславія или вреднаго могущества, но значительно увеличится число людей, пользующихся благосостояніемъ, выгодами досуга и всѣми дѣйствительными наслажденіями, даваемыми богатствомъ, кромѣ наслажденій тщеславія; услуги, которыхъ нація должна ожидать себѣ отъ своихъ сословій, имѣющихъ досугъ, будутъ гораздо лучше нынѣшняго исполняться этими людьми; больше пользы будетъ

приносить нацiи и прямая ихъ дѣятельность и ихъ влiянiе на вкусы и наклонности общества. Кромѣ того, значительная часть накопленiй, дѣлаемыхъ успѣшнымъ трудолюбiемъ, будетъ вѣроятно обращаться на общественное употребленiе посредствомъ завѣщанiй или прямо въ пользу государства, или въ пользу полезныхъ учрежденiй, какъ и дѣлается въ очень большомъ размѣрѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ понятiя и практика въ вопросѣ наслѣдства гораздо рацiональнѣе и полезнѣе для общества, чѣмъ въ другихъ странахъ *).

5. Теперь намъ должно разсмотрѣть, ко всѣмъ ли вещамъ, признаваемымъ нынѣ подлежащими праву исключительной собственности, примѣняются тѣ соображенiя, на которыхъ основано учрежденiе собственности, и по какимъ другимъ основанiямъ можно защищать право собственности на тѣ вещи, къ которымъ не примѣняются эти общiя основанiя.

Существенный принципъ собственности — обезпеченiе каждому владѣнiя тѣмъ, что онъ произвелъ своимъ трудомъ и накопилъ своимъ сбереженiемъ; этотъ принципъ не примѣняется къ вещамъ, которыя не производятся трудомъ, къ необработанному матерiалу земли. Если бы земля получала свою производительную силу исключительно отъ природы, а не отъ труда, или можно было раз-

---

*) «Богатыя завѣщанiя и подарки въ пользу благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденiй составляютъ яркую черту въ новой исторiи Соединенныхъ Штатовъ, особенно Штатовъ Новой Англiи. У богатыхъ капиталистовъ вошло въ обычай завѣщать часть состоянiя общественнымъ учрежденiямъ, да и при жизни богатые люди дѣлаютъ имъ чрезвычайно щедрыя пожертвованiя. Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ ни обязательнаго закона о раздѣленiи собственности между дѣтьми поровну, какъ во Францiи, ни субституцiй или права первородства, какъ въ Англiи, такъ что богатые люди могутъ свободно раздѣлять свое состоянiе между родственниками и обществомъ. Учредить майоратъ тамъ невозможно, и родители часто имѣютъ счастье видѣть всѣхъ своихъ дѣтей еще при ихъ жизни устроившими себѣ независимое положенiе. Я видѣлъ реэстръ суммъ, завѣщанныхъ и пожертвованныхъ богослужебнымъ, благотворительнымъ и ученымъ заведенiямъ, въ послѣднiя 30 лѣтъ въ одномъ Массачусетсѣ; онѣ простираются до суммы около 6 миллiоновъ доллеровъ, или болѣе миллiона фунтовъ» (до 8 миллiоновъ руб. сер.).— Lyell's Travels in America, Томъ I, стр. 263.

Если въ Англiи человѣкъ, имѣющiй близкихъ родныхъ, завѣщаетъ сколько нибудь значительную сумму на какое нибудь общественное или благотворительное дѣло, онъ подвергается риску, что по своей смерти будетъ объявленъ присяжными сумасшедшимъ, или что его имущество будетъ поглощено расходами по тяжбѣ, заведенной въ опроверженiе завѣщанiя.

личить часть ея производительности, происходящую отъ природы, и происходящую отъ труда, то не было бы никакой надобности допускать присвоеніе частными лицами того, что дается природой,—напротивъ, это было бы верхомъ несправедливости. Пользованіе землею въ земледѣліи по необходимости должно быть исключительнымъ въ теченіи періода обработки; надобно дать возможность пожать тому человѣку, который вспахалъ и посѣялъ; но можно было бы этому человѣку занимать землю лишь на одинъ годъ, какъ дѣлалось у древнихъ Германцевъ; можно бы было также производить періодическіе передѣлы земли сообразно увеличенію населенія; наконецъ, государство могло бы быть единственнымъ землевладѣльцемъ, а воздѣлыватели его арендаторами по срочному или безсрочному контракту.

Но если земля сама не продуктъ труда, то почти всѣ цѣнныя качества ея продуктъ труда. Трудъ нуженъ не только для пользованія этимъ орудіемъ, но почти въ такой же мѣрѣ и для приготовленія этого орудія въ пользованіи. Часто нуженъ значительный трудъ въ самомъ началѣ, чтобы расчистить землю для обработки. Часто и послѣ того производительность придается землѣ только трудомъ и искусствомъ. Бедфордская низменность (Bedford Level) почти ничего или вовсе ничего не производила, пока не была осушена искусствомъ; Ирландскія болота также не производятъ почти ничего кромѣ топлива, пока не будутъ осушены. Весскій округъ, во Фландріи (Pays de Waes), безплоднѣйшая почва въ мірѣ, похожая на наши Гудвинскіе пески (Goodwin Sands), такъ оплодотворенъ трудомъ, что сталъ одною изъ производительнѣйшихъ почвъ въ Европѣ. Воздѣлываніе требуетъ также заборовъ и изгородей; они производятся исключительно трудомъ. Плоды этого труда не могутъ быть пожаты въ короткое время, расходы на него дѣлаются вдругъ, а выгода распредѣляется по длинному ряду лѣтъ, быть можетъ по всей будущности. Человѣкъ, въ пользованіи котораго находится земля, не станетъ совершать этого труда и расхода, если онъ обратится въ пользу не ему, а чужимъ людямъ. Чтобы приняться за такія улучшенія, ему нужно имѣть впереди достаточный періодъ для пользованія выгодами ихъ; а чтобы у него была увѣренность всегда имѣть впереди такой періодъ, было сочтено необходимымъ дать ему вѣчное право на землю *).

---

*) «Разумность и постоянство труда, направлявшія всѣ усилія человѣка къ цѣли полезной для человѣчества, придавались сознаніемъ вѣчности его

6. Вотъ основанія, составляющія оправданіе поземельной собственности съ экономической точки зрѣнія. Читатель видѣлъ, что они имѣютъ силу только въ томъ случаѣ, когда собственникъ земли производитъ въ ней улучшенія. Если въ извѣстной странѣ собственники въ общей своей массѣ перестаютъ производить улучшенія, политическая экономія не можетъ ничего сказать въ защиту поземельной собственности, учрежденной въ этой странѣ. Никакая здравая теорія частной собственности никогда не предполагала, что собственникъ земли человѣкъ только пользующійся синекурою.

Въ Великобританіи поземельный собственникъ нерѣдко производитъ улучшенія. Но нельзя сказать, чтобы вообще поземельные собственники производили ихъ. Въ большей части случаевъ поземельные собственники уступаютъ другимъ право воздѣлывать землю на такихъ условіяхъ, которыя мѣшаютъ другимъ дѣлать улучшенія. Въ южныхъ частяхъ Англіи, гдѣ срочные контракты не въ обыкновеніи, прочныя улучшенія почти не могутъ производиться иначе, какъ на капиталъ землевладѣльцевъ; потому югъ Англіи сравнительно съ ея сѣверомъ и съ нижнею Шотландіею чрезвычайно от-

---

права. Плодороднѣйшія земли, — тѣ, которыя составились вдоль рѣкъ изъ рѣчнаго ила, но рѣки грозятъ имъ своими наводненіями или портятъ ихъ болотами. Обезпеченный вѣчностью права, человѣкъ предпринялъ долгіе и тяжелые труды для осушенія болотъ, для возведенія плотинъ противъ наводненій, для устройства оросительныхъ каналовъ, оплодотворяющихъ поля тою самою водою, которая иначе обрекала ихъ на безплодіе. Ободряемый тѣмъ же обезпеченіемъ, человѣкъ, не довольствуясь годовыми плодами земли, выбралъ въ дикой растительности полезные для него многолѣтніе кустарники и деревья, усовершенствовалъ ихъ воспитаніемъ, измѣнилъ, такъ сказать, ихъ природу и размножилъ ихъ. Мы видимъ такіе плоды, которые только цѣлыми вѣками воспитанія могли быть доведены до нынѣшняго совершенства; другіе плоды перенесены изъ отдаленнѣйшихъ странъ. Человѣкъ сталъ разрыхлять землю до большой глубины, чтобы возобновлять почву, увеличивать ея плодородіе смѣшиваніемъ ея частей и соприкосновеніемъ съ воздухомъ; онъ укрѣпилъ на холмахъ сползывавшую съ нихъ землю, покрылъ всѣ поля изобильной и полезной для человѣка растительностью; онъ совершаетъ такіе труды, плодами которыхъ воспользуется только чрезъ 10 или 20 лѣтъ, совершаетъ и такіе труды, которыми будутъ пользоваться много вѣковъ его отдаленнѣйшіе потомки. Всѣ эти труды содѣйствовали увеличенію производительности природы, доставленію людямъ безконечно обильнѣйшаго дохода; значительная часть этого дохода потребляется людьми, которые участвуютъ въ поземельной собственности, но не нашли бы себѣ пропитанія безъ этого раздѣла земли, по видимому обездолившаго ихъ». Sismondi, Etudes sur l'Economie Politique, Troisième Essai, De la Richesse Territoriale.

сталъ въ земледѣльческихъ усовершенствованіяхъ. Надобно сказать, что при законѣ или обычаѣ первородства большинство землевладѣльцевъ едва ли можетъ улучшать свои земли. Когда вся земля переходитъ къ одному наслѣднику, онъ обыкновенно получаетъ ее безъ денежныхъ средствъ, нужныхъ для улучшеній, потому что денежная собственность поглощается надѣломъ младшихъ дѣтей, да и сама земля часто обременяется тяжелыми долгами для ихъ надѣла. Отъ этого лишь немногіе землевладѣльцы могутъ производить дорогія улучшенія иначе, какъ въ долгъ, увеличивающій массу долговъ, которыми уже почти всегда обременена земля, получаемая наслѣдникомъ. Но положеніе землевладѣльца, обремененнаго тяжелыми долгами, такъ стѣснено, экономія такъ непріятна человѣку, видимое состояніе котораго гораздо выше его дѣйствительныхъ средствъ, а колебанія ренты и цѣны, едва оставляющія ему нѣкоторый доходъ за уплатою процентовъ, такъ страшны человѣку, неимѣющему почти ничего, кромѣ этого небольшаго остатка, что неудивительно, если лишь немногіе землевладѣльцы находятъ возможность приносить пожертвованія въ настоящемъ для будущей выгоды. Но и при всемъ желаніи землевладѣльцевъ, только тѣ изъ нихъ могутъ дѣлать улучшенія надлежащимъ образомъ, которые серьезно занимались земледѣльческою наукою, а большіе землевладѣльцы рѣдко бываютъ людьми, занимавшимися чѣмъ нибудь серьезно. Они могли бы развѣ доставлять фермерамъ выгоду дѣлать то, чего не хотятъ или не могутъ дѣлать сами. Но въ Англіи вообще жалуются, что когда они и соглашаются на срочные контракты, они связываютъ своихъ фермеровъ условіями, заимствованными изъ устарѣлой и павшей земледѣльческой системы; а большая часть землевладѣльцевъ вовсе не соглашаются заключать срочные контракты и, не давая фермеру обезпеченія въ пользованіи землею далѣе одной жатвы, держатъ землю въ положеніи почти столь же неблагопріятномъ для улучшеній, какъ была она при нашихъ предкахъ варварахъ,

Которымъ даютъ хлѣбъ неразмежеванныя поля,
Ежегодно покидаемыя ими.
..... immitata quibus jugera liberas
Fruges et Cererem ferunt,
Nec cultura placet longior annuâ.

Поземельная собственность въ Англіи далеко не исполняетъ условій, которыми оправдывалось бы съ экономической стороны ея

существованіе. Но если эти условія не исполняются удовлетворительнымъ образомъ въ Англіи, то въ Ирландіи они вовсе не исполняются. За немногими исключеніями (иногда очень почтенными) ирландскіе землевладѣльцы только истощаютъ производительность земли. Къ нимъ буквально примѣняется эпиграмма, сказанная при совѣщаніяхъ о томъ, чѣмъ обременены земли: «величайшее обремененіе для земель — землевладѣльцы». Ничего не возвращая землѣ, они потребляютъ весь ея продуктъ, за исключеніемъ количества картофеля, необходимаго для сохраненія жителей отъ голодной смерти; а когда они вздумаютъ сдѣлать улучшенія, то обыкновеннымъ приступомъ къ нему служитъ, что они отнимаютъ даже и эту скудную долю у жителей, которыхъ прогоняютъ питаться милостыней или умирать съ голода *). Когда поземельная собственность стала въ такое положеніе, то прекращается возможность защищать ее, и настаетъ время какъ нибудь иначе устроить это дѣло.

Когда говорятъ о «неприкосновенности собственности», то никакъ не слѣдовало бы забывать, что поземельная собственность вовсе не имѣетъ этого качества въ такой степени, какъ другіе роды собственности. Земля не создана никѣмъ изъ людей; она коренное наслѣдіе всего человѣческаго рода. Ея присвоеніе частнымъ лицомъ—исключительно вопросъ общей пользы. Когда частная поземельная собственность невыгодна, она несправедлива. Лишить человѣка участія въ томъ, что произведено другими—не значитъ поступить съ нимъ жестоко: другіе не были обязаны производить для него, и онъ ничего не теряетъ, не получая доли изъ того, что вовсе бы не существовало, если бы не было произведено трудомъ другихъ. Но должно назвать жестокимъ положеніе того, кто родившись на свѣтъ находитъ, что всѣ дары природы уже захвачены другими, не оставившими мѣста новому товарищу. Когда люди пріобрѣли понятіе, что имъ, по ихъ человѣческому достоинству, принадлежатъ какія нибудь нравственныя права, то примирить людей съ этимъ положеніемъ можно не иначе, какъ убѣдивъ ихъ, что право исключительной собственности полезно для всего

---

*) Я долженъ просить читателя вспомнить, что этотъ параграфъ писанъ пятнадцать лѣтъ назадъ. Перемѣны нравственныя и экономическія, происходящія въ наше время, такъ удивительны, что услѣдить за ними невозможно, не передѣлывая постоянно сочиненія такого рода, какъ нашъ трудъ.

Пр. авт. къ 5-му изд.

человѣчества и въ томъ числѣ для нихъ самихъ. Но человѣка въ здравомъ умѣ никакъ нельзя было бы убѣдить въ этомъ, если бы отношенія между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ повсюду были таковы, какъ въ Ирландіи.

Поземельная собственность не похожа на другіе роды собственности, это понимаютъ даже самые упорнѣйшіе защитники ея правъ. Гдѣ масса общества исключена отъ участія въ поземельной собственности, ставшей исключительно принадлежностью небольшаго меньшинства, тамъ люди вообще старались примирить съ нею свое чувство справедливости тѣмъ, что соединяли съ нею обязанности, по крайней мѣрѣ въ теоріи, и возвышали ее на степень нравственной или юридической должности. Но если государство можетъ считать землевладѣльцевъ общественными сановниками, то остается уже сдѣлать лишь одинъ шагъ, чтобы сказать, что оно можетъ и отрѣшить ихъ отъ должности. Право землевладѣльцевъ на землю совершенно подчинено общей государственной политикѣ. Принципъ собственности вовсе не даетъ имъ права на землю, а даетъ только право на вознагражденіе за ту часть получаемыхъ ими отъ земли выгодъ, которую государство по своимъ надобностямъ найдетъ полезнымъ взять у нихъ. Право ихъ на такое вознагражденіе неотъемлемо. Землевладѣльцы, какъ и владѣльцы всякой другой собственности, признанной государствомъ, имѣютъ право получать денежную цѣнность того, что берется у нихъ, или годичный доходъ, равный тому, какой получали съ этого имущества. Право это основано на общихъ принципахъ собственности. Если земля была куплена на продуктъ труда и сбереженія нынѣшнихъ владѣльцевъ или ихъ предковъ, основаніемъ ихъ праву на вознагражденіе служитъ этотъ фактъ; если она пріобрѣтена ими и не этимъ способомъ, они все-таки имѣютъ право это по принципу давности владѣнія. Да и нѣтъ необходимости приносить какую нибудь часть общества въ жертву для совершенія дѣла, отъ котораго выиграетъ все общество. Если съ собственностью соединены какія нибудь особенныя привязанности, вознагражденіе должно превышать норму простой продажной цѣнности. Но на этихъ условіяхъ государство имѣетъ свободу располагать поземельною собственностью сообразно съ требованіями общественныхъ интересовъ, и, если понадобится, оно можетъ даже со всею землею поступить такъ, какъ поступаетъ съ нѣкоторыми участками при проведеніи желѣзной дороги или новой улицы. Общество имѣетъ такую надобность въ надлежащемъ воздѣлываніи земли, въ исполненіи условій, соединенныхъ съ владѣ-

ніемъ землею, что не можетъ оставлять этихъ вещей на произволъ сословія лицъ, называемыхъ землевладѣльцами, когда они показали себя неспособными исполнять свои обязанности. Если законодательная власть захочетъ, то можетъ у всего сословія землевладѣльцевъ взять землю, давъ имъ за нее облигаціи государственнаго долга или пенсіи; тѣмъ больше оно можетъ обратить средніе доходы ирландскихъ землевладѣльцевъ въ опредѣленный доходъ, передавъ землю ихъ фермерамъ, съ обязательствомъ платить имъ эти деньги, разумѣется съ тѣмъ условіемъ, что если землевлалѣльцы не согласятся на предложенныя условія, то имъ дается право получить полную продажную цѣнность земли.

Мы будемъ имѣть въ другомъ мѣстѣ случай говорить о разныхъ видахъ поземельной собственности и пользованія землею, о выгодахъ и невыгодахъ каждаго изъ этихъ видовъ. Здѣсь мы занимаемся самымъ правомъ поземельной собственности, соображеніями оправдывающими его и проистекающими изъ этихъ соображеній условіями, которыя должны служить его границами. Права поземельной собственности должны истолковываться въ самомъ тѣсномъ объемѣ и во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ рѣшеніе должно быть противъ собственника,—я считаю это правило почти аксіомою. Совершенно противное должно сказать о движимой собственности, о собственности на все производимое трудомъ: собственникъ имѣетъ безусловную власть исключительнаго пользованія этими вещами, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда проистекалъ бы отъ того положительный вредъ для другихъ. Но на землю не должно предоставляться никакое исключительное право иначе, какъ тогда, если будетъ доказано, что отъ этого произойдетъ положительная польза. Получить исключительное право на часть общаго наслѣдства, между тѣмъ какъ есть другіе люди, не имѣющіе въ немъ никакой части, — это само по себѣ уже привиллегія, подлежащая спору. Какое бы количество движимаго имущества ни пріобрѣлъ кто нибудь своимъ трудомъ, это не мѣшаетъ другимъ пріобрѣтать такое же имущество тѣмъ же средствомъ. Но право собственности на землю, по самой сущности дѣла, лишаетъ другихъ пользованія землею. Привиллегію или монополію можно защищать только какъ необходимое зло; она становится несправедливостью, если доводится до того, что это зло не вознаграждается вытекающимъ изъ нея благомъ.

Напримѣръ, исключительное право на воздѣлываніе земли еще не содержитъ въ себѣ исключительнаго права проходить по этой

землѣ и исключительное право прохода по землѣ слѣдуетъ признавать только въ предѣлахъ необходимыхъ для охраненія продуктовъ отъ поврежденія и для спокойствія собственника отъ непріятностей. Претензія двухъ герцоговъ запретить въѣздъ остальнымъ людямъ въ одинъ изъ округовъ Горной Шотландіи, лишить всѣхъ остальныхъ людей возможности видѣть горныя мѣстности на множество миль кругомъ, что бы не тревожить дикихъ животныхъ,—эта претензія злоупотребленіе, превышающее законную границу поземельной собственности. Если земля не предназначается къ воздѣлыванію, то вообще нельзя найдти достаточныхъ основаній тому, чтобы она была частной собственностью; а если кому нибудь уже позволено называть ее своею, то онъ долженъ знать, что владѣетъ ею только по снисхожденію общества и подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что бы его право, не могущее приносить обществу никакой пользы, по крайней мѣрѣ не лишало общество тѣхъ пользъ, какія получались бы отъ этой земли, если бы она не была обращена въ его собственность. Даже и человѣкъ, владѣющій воздѣлываемою землею, не долженъ думать, что когда ему одному изъ милліоновъ законъ дозволяетъ имѣть на свою долю тысячи экровъ, то вся эта земля отдана ему въ полный произволъ, что онъ можетъ поступать съ нею какъ хочетъ и никому нѣтъ до того дѣла. Въ его исключительномъ распоряженіи находится рента или прибыль, которую онъ можетъ получать съ своей земли; но по отношенію къ самой землѣ онъ подлежитъ нравственной обязанности и въ случаѣ надобности долженъ быть подвергаемъ юридической обязанности приводить свои интересы и удовольствія въ сообразность съ общественнымъ благомъ, дѣлать все имъ требуемое и не дѣлать ничего ему противнаго. Человѣческій родъ сохраняетъ свое первоначальное право надъ землею населяемой имъ планеты, на сколько оно совмѣстно съ цѣлями, для которыхъ онъ отказался отъ нѣкоторой части этого права.

7. Кромѣ права собственности на продукты труда поземельной собственности существуетъ или прежде существовало право собственности на другія вещи, которыхъ вовсе не слѣдуетъ отдавать въ частную собственность. Но цивилизованный міръ вообще уже дошелъ до надлежащихъ понятій почти по всѣмъ такимъ случаямъ и потому нѣтъ надобности долго останавливаться на нихъ здѣсь. Первый изъ нихъ — право собственности надъ людьми. Почти излишне было бы замѣчать, что это учрежденіе не можетъ имѣть мѣста въ обществѣ, имѣющемъ претензію быть основаннымъ на

справедливости или на добромъ союзѣ между людьми. Но при всей его несправедливости новой несправедливостью будетъ, уничтожая его, не давать полнаго вознагражденія, если государство формально узаконяло его, и если люди въ теченіе поколѣній покупались, продавались и наслѣдовались подъ эгидою закона. Эта несправедливость была отвращена великою мѣрою справедливости 1833 года, однимъ изъ благороднѣйшихъ и съ тѣмъ вмѣстѣ полезнѣйшихъ практическихъ дѣлъ, когда либо совершенныхъ какою либо націею. Другимъ примѣромъ собственности, которой не слѣдовало учреждать, служитъ право собственности на общественныя должности, напримѣръ на судебныя должности во Франціи до революціи, и наслѣдственныя юрисдикціи, переходящія къ человѣку вмѣстѣ съ землею въ странахъ еще не совершенно освободившихся отъ феодализма. Въ Англіи такими примѣрами представляются покупка офицерскихъ чиновъ и право церковнаго патроната или назначенія на церковныя должности. Иногда отдается въ собственность сборъ податей съ общества, напримѣръ при учрежденіи монополій или другихъ привиллегій. Эти злоупотребленія особенно господствуютъ въ полуварварскихъ странахъ, но не безпримѣрны и въ образованнѣйшихъ. Во Франціи закономъ ограничено число людей, могущихъ заниматься нѣкоторыми важными промыслами и профессіями, между прочимъ число нотаріусовъ, повѣренныхъ по дѣламъ, маклеровъ, оцѣнщиковъ, типографщиковъ, даже булочниковъ и мясниковъ. Патентъ или привиллегія на одно изъ такихъ мѣстъ имѣетъ высокую рыночную цѣну. Въ этихъ случаяхъ при уничтоженіи привиллегіи вѣроятно не слѣдуетъ отказывать въ вознагражденіи; но есть другіе случаи, о которыхъ едва ли можно сказать это: вопросъ зависитъ отъ того, имѣетъ ли извѣстная привиллегія такого рода юридическое основаніе считаться собственностью и достаточно ли было законное признаніе злоупотребленія для того, чтобы сдѣлать его прочнымъ учрежденіемъ, или давало только случайное разрѣшеніе ему. Нелѣпо было бы требовать вознагражденія за потери, наносимыя измѣненіями въ тарифѣ, который по общему сознанію можетъ мѣняться съ каждымъ годомъ, или за монополіи, какія были даны частнымъ лицамъ королевою Елизаветою и служили милостями деспотической власти, имѣвшей право отмѣнить ихъ когда ей угодно.

Эти замѣчанія необходимо было сдѣлать о принципѣ собственности, котораго нельзя не разсматривать въ политической экономіи, но котораго не слѣдуетъ разсматривать по однимъ только

экономическимъ соображеніямъ. Теперь мы должны заняться изслѣдованіемъ того, по какимъ основаніямъ совершается распредѣленіе продуктовъ земли и труда при отношеніяхъ, вводимыхъ между разными членами общества частною собственностью, и того, каковы результаты этихъ основаній.

ГЛАВА III.

КЛАССЫ, МЕЖДУ КОТОРЫМИ РАСПРЕДѢЛЯЕТСЯ ПРОДУКТЪ.

1. Принимая частную собственность какъ фактъ, мы должны прежде всего перечислить создаваемые ею разные классы людей, содѣйствіе или по крайней мѣрѣ дозволеніе которыхъ необходимо для производства и которые поэтому могутъ выговаривать себѣ долю въ продуктѣ. Мы должны изслѣдовать, по какимъ законамъ распредѣляется продуктъ между этими классами при натуральномъ дѣйствіи интересовъ участвующихъ тутъ лицъ, а послѣ того надобно будетъ разсмотрѣть, какъ отстраняется или видоизмѣняется это натуральное распредѣленіе дѣйствіемъ законовъ, учрежденій и правительственныхъ мѣръ, или какъ могло бы оно отстраняться и видоизмѣняться ими.

Трудъ, капиталъ и земля — вотъ, какъ мы говорили уже много разъ, три элемента производства; подъ капиталомъ разумѣются тутъ средства и пособія, бывающія результатомъ накопленій прежняго труда, а подъ землею разумѣются матеріалы и орудія, доставляемыя природою, находящіяся внутри земнаго шара или образующія его поверхность. Каждый изъ этихъ элементовъ производства можетъ обращаться въ собственность отдѣльно отъ другихъ, потому промышленное общество можно считать раздѣляющимся на землевладѣльцевъ, капиталистовъ и производительныхъ работниковъ. Каждый изъ этихъ классовъ по самой сущности дѣла получаетъ долю въ продуктѣ, а другія лица или классы могутъ получать долю продукта лишь по уступкѣ со стороны этихъ классовъ, и все остальное общество содержится на ихъ счетъ, давая въ замѣнъ получаемой доли лишь непроизводительныя услуги, или не давая ничего. Итакъ эти три класса считаются въ политической экономіи составляющими все общество.

2. Эти три класса существуютъ иногда какъ отдѣльные классы,

распредѣляющіе между собою продуктъ. Но такое устройство не неизбѣжно и существуетъ далеко не всегда; напротивъ, найдется развѣ лишь два три общества, въ которыхъ преобладаетъ полная раздѣльность этихъ классовъ. Англія и Шотландія съ нѣкоторыми частями Бельгіи и Голландіи — вотъ въ цѣломъ свѣтѣ почти единственныя страны, гдѣ земля, капиталъ и трудъ въ земледѣліи составляютъ вообще собственность разныхъ людей. Обыкновенное устройство таково, что въ одномъ лицѣ соединяются два изъ этихъ элементовъ или всѣ три элемента.

Соединеніе всѣхъ трехъ элементовъ въ одномъ лицѣ принадлежитъ двумъ разнымъ состояніямъ общества, образующимъ двѣ противоположныя крайности по отношенію къ независимости и достоинству рабочаго класса. Во первыхъ это бываетъ, когда работникъ самъ собственникъ земли. Въ такомъ положеніи находятся почти всѣ земледѣльцы сѣверныхъ штатовъ Американскаго Союза, также очень значительная часть земледѣльцевъ Франціи, Швейцаріи, трехъ скандинавскихъ королевствъ, нѣкоторыхъ областей Германіи *) и многіе земледѣльцы нѣкоторыхъ областей Италіи и Бельгіи.

---

*) Коммиссія, занимавшаяся изслѣдованіемъ закона о бѣдныхъ (Commissioners of Poor Law Enquiry), получавшая свѣдѣнія почти изъ всѣхъ странъ Европы и Америки чрезъ англійскихъ посланниковъ и консуловъ, говоритъ: « По Норвежскому цензу 1825 года въ населеніи 1.051.318 человѣкъ считалось 59.464 поземельныхъ собственника; эти 59.464 собственника означаютъ отцовъ семействъ, т. е. около 300.000 человѣкъ жителей. Такимъ образомъ сословіе земледѣльцевъ собственниковъ составляетъ болѣе четвертой части всего населенія. Мекгригоръ говоритъ, что въ Даніи (вѣроятно вмѣстѣ съ Зеландіею и прилежащими островами) при 926.110 человѣкъ населенія число землевладѣльцевъ и фермеровъ 415.110, или почти половина жителей. Въ Шлезвигъ-Голштейнѣ изъ 604.085 жителей къ этому сословію принадлежитъ 196.017, или около третьей части населенія. О пропорціи землевладѣльцевъ и фермеровъ въ Швеціи нѣтъ свѣдѣній; но Стокгольмскій цензъ полагаетъ среднее количество земли, находящейся при жилищѣ сельскаго работника, отъ 1 до 5 акровъ: Готенбургскій цензъ полагаетъ эту цифру меньше, но прибавляетъ, что поселянамъ принадлежитъ много земли. Въ Виртембергѣ болѣе чѣмъ двѣ трети земледѣльческаго населенія живутъ въ собственныхъ домахъ и каждая семья владѣетъ при своемъ домѣ по крайней мѣрѣ огородомъ, величиною отъ трехъ четвертей акра до полутора акра». Нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній не отдѣляютъ фермеровъ отъ собственниковъ, но «всѣ они согласны въ томъ, что число поденьщиковъ въ этихъ странахъ очень не велико». (Preface to Foreign Communications, стр. XXXVIII.) Почти только въ Англіи встрѣчаемъ ту особенность экономическаго устройства, что положеніе наемныхъ рабочихъ составляетъ общее положеніе сословія, занимающагося работою.

Разумѣется во всѣхъ этихъ странахъ есть обширныя помѣстья, а еще больше такихъ владѣній, которыя не будучи обширны, все таки требуютъ временной или постоянной помощи наемныхъ рабочихъ. Но значительная часть земли раздѣлена на мелкія участки, воздѣлываніе которыхъ не требуетъ посторонняго труда, кромѣ труда самаго собственика съ его семействомъ, или не даетъ полнаго занятія и труду этого одного семейства. Капиталъ употребляемый на воздѣлываніе, тутъ не всегда принадлежитъ поселянину собственнику: многія изъ этихъ маленькихъ собственностей заложены для полученія средствъ обработки; но капиталъ этотъ обращается поселяниномъ въ дѣло на собственный рискъ и хотя за него платятся проценты, онъ не даетъ никому права вмѣшательства, пока земля не перейдетъ во владѣніе заимодавца въ случаѣ неплатежа процентовъ.

Другую форму принадлежности земли, труда и капитала одному лицу мы видимъ въ странахъ имѣющихъ рабство, гдѣ сами работники принадлежатъ землевладѣльцу. Наши Вестъ-Индскія колоніи до освобожденія служили примѣрами обширныхъ земледѣльческихъ и фабричныхъ заведеній (въ производствѣ сахара и рома соединяется земледѣліе съ фабричной промышленностью), въ которыхъ земля, фабрики (если можно назвать это фабриками), машины и униженные работники одинаково составляли собственность капиталистовъ. Таковы же сахарныя колоніи націй, еще не совершившихъ акта справедливости, исполненнаго нами. Тутъ также нѣтъ раздѣла продукта, какъ и при устройствѣ совершенно противномъ, когда земля собственность земледѣльца.

3. Если не всѣ три элемента принадлежатъ одному лицу, то часто соединяются у одного лица два изъ нихъ. Иногда капиталъ и земля принадлежатъ одному человѣку, а трудъ другому. Землевладѣлецъ заключаетъ условія прямо съ работникомъ, которому доставляетъ капиталъ, нужный для воздѣлыванія, или часть этого капитала. Это обыкновенная система тѣхъ странъ континентальной Европы, въ которыхъ работники не рабы, но и не собственники; она была очень распространена во Франціи до революціи и остается очень употребительною въ тѣхъ областяхъ Франціи, гдѣ земля не собственность земледѣльца; она вообще господствуетъ въ итальянскихъ равнинахъ, кромѣ равнинъ обращенныхъ подъ скотоводство, каковы Тосканская Маремма и Римская Кампанья. При этой системѣ продуктъ дѣлится между двумя классами—землевладѣльцемъ и работникомъ.

При другомъ устройствѣ работникъ, не владѣя землею, владѣетъ не большимъ капиталомъ, употребляемымъ на ея обработку, а землевладѣлецъ не даетъ ему этаго капитала. Такая система господствуетъ въ Ирландіи; она почти исключительно господствуетъ въ Индіи и почти всѣхъ восточныхъ странахъ, не смотря на то, удерживаетъ ли правительство за собою поземельную собственность (какъ въ большей части этихъ странъ), или уступаетъ помѣстья въ безусловную или ограниченную собственность частныхъ лицъ. Индійскій порядокъ все-таки нѣсколько лучше ирландскаго: по индійскому обычаю землевладѣлецъ даетъ капиталъ взаймы земледѣльцамъ, если воздѣлываніе земли безъ того невозможно; частный землевладѣлецъ обыкновенно требуетъ большихъ процентовъ по этимъ займамъ, но главный собственникъ земли — правительство даетъ эти займы безъ процентовъ, собирая уплату послѣ жатвы, вмѣстѣ съ рентою. Тутъ продуктъ также дѣлится между двумя классами—землевладѣльцемъ и работникомъ.

Таковы главныя видоизмѣненія классификаціи людей, между которыми дѣлится земледѣльческій продуктъ. Въ фабричной промышленности никогда не встрѣчается больше двухъ классовъ, работниковъ и капиталистовъ. Первоначально во всѣхъ странахъ ремесленныя работы производились или рабами, или женщинами, принадлежащими къ семьѣ. У древнихъ и въ большихъ и въ малыхъ фабричныхъ заведеніяхъ работники обыкновенно были собственностью капиталиста. Почти всѣ или и совершенно всѣ роды ремесленнаго труда считались несовмѣстными съ достоинствомъ свободнаго человѣка, которому былъ приличенъ только земледѣльческій трудъ. Вмѣстѣ съ свободнымъ трудомъ возникла другая система, по которой капиталъ принадлежалъ работнику; при ней были произведены первые великіе успѣхи фабричнаго производства. Работникъ, владѣя станкомъ или другими малочисленными инструментами своего промысла, работалъ въ свою пользу; онъ по крайней мѣрѣ кончалъ этимъ, хотя начиналъ обыкновенно тѣмъ, что нѣсколько лѣтъ работалъ на другаго, сперва какъ ученикъ, потомъ какъ поденьщикъ: только по окончаніи этихъ лѣтъ онъ могъ становиться мастеромъ. Но средневѣковые цехи и гильдіи не имѣли людей, которые вѣчно были бы наемными работниками, никогда не становясь мастерами. Плотникъ и кузнецъ до сихъ поръ остаются хозяевами и работниками вмѣстѣ въ деревняхъ, гдѣ не могутъ имѣть дѣлъ, достаточныхъ для содержанія наемныхъ работниковъ. Купцы при маломъ размѣрѣ дѣлъ также сами бываютъ

своими прикащиками; но гдѣ допускаетъ размѣръ рынка, тамъ теперь вполнѣ установилось раздѣленіе между классомъ капиталистовъ, нанимающихъ трудъ, и классомъ работниковъ; трудъ капиталистовъ въ этомъ случаѣ вообще ограничивается управленіемъ и надзоромъ.

ГЛАВА IV.

СОПЕРНИЧЕСТВО И ОБЫЧАЙ.

1. При системѣ частной собственности продуктъ дѣлится подъ вліяніемъ двухъ силъ: соперничества и обычая. Для насъ важно узнать величину вліянія той и другой силы и видоизмѣненія, которымъ дѣйствіе одной подвергается по вліянію другой.

Политико-экономисты вообще, а въ особенности англійскіе привыкли придавать почти исключительное значеніе соперничеству, почти не принимая въ соображеніе противоположныхъ ему дѣйствій обычая. Они часто выражаются такъ, какъ будто думаютъ, что соперничество на самомъ дѣлѣ всегда совершаетъ тотъ результатъ, къ совершенію котораго стремится по теоріи. Это отчасти объясняется тѣмъ, что только чрезъ принципъ соперничества получаетъ политическая экономія права на научный характеръ. На сколько опредѣляется соперничествомъ величина ренты, прибыли, рабочей платы, цѣны, эти величины могутъ быть подведены подъ законы. Если мы примемъ, что онѣ опредѣляются исключительно соперничествомъ то можно вывести принципы, по которымъ онѣ видоизмѣняются и эти принципы будутъ имѣть высокую всеобщность и научную точность. Политико-экономъ справедливо считаетъ это своимъ прямымъ дѣломъ, и политическая экономія, какъ абстрактная или гипотетическая наука, не обязана и не можетъ сдѣлать ничего кромѣ этого. Но совершенно искаженнымъ понятіемъ о дѣйствительномъ ходѣ человѣческихъ дѣлъ была бы мысль, что соперничество на самомъ дѣлѣ имѣетъ эту неограниченную силу. Я не говорю о естественныхъ и искусственныхъ монополіяхъ, не говорю о вмѣшательствахъ власти, измѣняющихъ свободный ходъ производства и обмѣна, — политико-экономы всегда принимали въ соображеніе эти вліянія, нарушающія дѣйствіе соперничества. Я говорю о такихъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствію соперничества нѣтъ ни-

какихъ стѣсненій или препятствій ни отъ сущности дѣла, ни отъ искусственныхъ затрудненій, но въ которыхъ результатъ все таки опредѣляется не соперничествомъ, а привычкою или обычаемъ, и соперничество или совершенно не дѣйствуетъ, или производитъ дѣйствія совершенно не такія, какія обыкновенно считаются естественнымъ его результатомъ.

2. Соперничество лишь съ недавняго времени стало оказывать сколько нибудь значительное вліяніе на экономическія условія между людьми. Чѣмъ отдаленнѣе отъ насъ время, тѣмъ исключительнѣе вліяніе неподвижныхъ обычаевъ на всѣ сдѣлки и обязательства. Причина тому очевидна. Обычай—сильнѣйшій защитникъ слабыхъ противъ сильныхъ, единственный защитникъ слабыхъ тамъ, гдѣ законы или правительство не въ силахъ защитить ихъ. Обычай,—преграда, которую больше или меньше принуждено уважать тиранство даже при самомъ угнетенномъ состояніи людей. Свобода соперничества — пустой звукъ для трудящагося населенія въ бурномъ военномъ обществѣ; трудящіеся никакъ тутъ не могутъ спорить объ условіяхъ своего труда; тутъ всегда есть господинъ, кладущій на вѣсы свой мечь, и условія опредѣляются такія, какія налагаетъ онъ. Но хотя дѣла и рѣшаются по праву сильнѣйшаго, сильнѣйшій не находитъ выгоды и вообще не имѣетъ охоты настаивать на исполненіи этихъ условій во всей ихъ суровости, а каждое смягченіе ихъ имѣетъ тенденцію становиться обычаемъ, всякій обычай—становиться правомъ. Не какое нибудь соперничество, а права, возникшія такимъ образомъ, опредѣляютъ при грубомъ положеніи общества ту часть продукта, которая предоставляется человѣку, его производящему. Въ особенности опредѣлялись обычаями страны до новѣйшихъ фазисовъ общественнаго развитія всѣ отношенія между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ, и всѣ платежи земледѣльца землевладѣльцу. Только въ послѣднее время условія пользованія землею стали, вообще говоря, дѣломъ соперничества; во всѣ прежнія времена было не такъ: человѣкъ, воздѣлывающій землю, обыкновенно считался тогда имѣющимъ право сохранять за собою эту землю, пока исполняетъ обычныя условія и такимъ образомъ сдѣлался какъ бы имѣющимъ нѣкоторую собственность на землю совмѣстно съ настоящимъ собственникомъ. Даже и тамъ, гдѣ земледѣлецъ не пріобрѣлъ такой вѣчности пользованія, условія пользованія часто бывали постоянны и неизмѣнны.

Напримѣръ, въ Индіи и въ другихъ Азіатскихъ обществахъ,

имѣющихъ такое же устройство, райоты или поселяне-фермеры не считаются такими фермерами, которыхъ землевладѣлецъ можетъ прогнать когда хочетъ, или даже по истеченіи извѣстнаго срока. Правда, почти во всѣхъ деревняхъ есть нѣкоторые райоты, находящіеся въ этомъ непрочномъ положеніи; но это люди, поселившіеся тутъ недавно, или потомки людей, поселившихся не очень давно, во время еще памятное; а тѣ, которые считаются потомками или представителями первоначальныхъ жителей, почитаются имѣющими право сохранять за собою свою землю пока платятъ обычную ренту; это право признается и за многими переселенцами, если они давно уже наняли свою землю. Надобно сознаться, что почти вездѣ уже затемнилось понятіе о первоначальной или правильной величинѣ этой обычной ренты: узурпація, тираннія и иноземное завоеваніе значительно исказили факты, по которымъ опредѣлялась бы эта величина. Когда старинное, чисто индусское владѣніе переходитъ подъ власть британскаго правительства, или подъ управленіе его агентовъ, и когда начинается пересмотръ системы доходовъ, то обыкновенно оказывается, что фискальное хищничество расширило требованія государства, главнаго землевладѣльца, такъ что стерлись на практикѣ всѣ границы этихъ требованій; но все-таки оказывается, что считалось необходимымъ придумывать особенное имя и особенный предлогъ для каждаго лишняго требованія, такъ что сверхъ собственно такъ называемой ренты требовалось иногда еще 30 или 40 другихъ платежей. Къ этому окольному способу увеличивать платежи навѣрное не прибѣгли бы, если бы за землевладѣльцемъ было признанное право увеличивать ренту. Употребленіе этого средства — доказательство, что нѣкогда была обычная рента, которую нельзя было увеличивать, и что райотъ не на словахъ только, а и на самомъ дѣлѣ имѣлъ нѣкогда право на землю, пока платилъ ренту, согласную съ обычаями *). Британское правительство въ Индіи всегда упрощаетъ систему повинностей поселянина, соединяя всѣ подати въ одну; чрезъ это оно дѣлаетъ ренту, не только на фактѣ, но и по закону, вещью произвольной или, по крайней мѣрѣ, подлежащею особенному соглашенію; но оно строго уважаетъ право райота на

*) Древніе индійскіе законы называютъ надлежащей рентой шестую часть или четвертую часть продукта, но нѣтъ доказательствъ, чтобы правила, опредѣляемыя этими законами, когда нибудь дѣйствительно соблюдались.

землю, хотя до реформъ нынѣшняго времени почти не оставляло ему земли больше, чѣмъ нужно для самаго скуднаго пропитанія (да и нынѣшнія реформы, имѣющія другой характеръ, еще не совсѣмъ приведены въ исполненіе).

Въ новой Европѣ земледѣльцы постепенно вышли изъ состоянія личнаго рабства. Варвары, завоевавшіе Западную Имперію, нашли, что легчайшимъ способомъ хозяйства надъ завоеванными землями будетъ для нихъ оставить эти земли въ рукахъ прежнихъ жителей; они избавили себя отъ непріятнаго труда надзирать за толпами рабовъ, дозволивъ рабамъ сохранить нѣкоторую свободу дѣйствій, подъ обязанностью снабжать господина провизіею и трудомъ. Обыкновеннымъ способомъ для этого было давать въ исключительное пользованіе раба количество земли, считавшееся достаточнымъ для его продовольствія, и заставлять его исполнять на другихъ земляхъ господина всѣ работы, какія будутъ нужны. Эти неопредѣленныя повинности постепенно преобразовались въ опредѣленную повинность—давать положенное количество провизіи или положенное количество труда. Со временемъ господа полюбили употреблять свой доходъ не на содержаніе свиты, а на покупку предметовъ роскоши, и платежи натурою были замѣнены денежными платежами. Каждая изъ этихъ уступокъ давалась первоначально по произволу господина, который могъ отмѣнить ее, но постепенно пріобрѣтала силу обычая, а наконецъ признавалась закономъ и пріобрѣтала судебное охраненіе. Такимъ образомъ рабы возвысились постепенно до положенія свободныхъ фермеровъ, имѣвшихъ землю въ вѣчномъ пользованіи на неизмѣнныхъ условіяхъ. Эти условія были иногда очень тяжелы и народъ очень бѣдствовалъ. Но его повинности опредѣлялись обычаемъ или закономъ страны, а не соперничествомъ.

Гдѣ земледѣльцы никогда собственно не были въ личномъ рабствѣ, тамъ потребности бѣднаго и малоразвитаго общества породили другую систему, введенную и въ остальныхъ странахъ по уничтоженіи личнаго рабства; въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы эта система оказалась настолько выгодною, что сохранилась донынѣ, не смотря на высокое развитіе ихъ земледѣлія. Я говорю о системѣ половничества. При ней земля раздѣлена на мелкія фермы; каждая семья имѣетъ такую ферму; землевладѣлецъ вообще даетъ капиталъ, считающійся нужнымъ по мѣстному земледѣльческому порядку и вмѣсто ренты и прибыли получаетъ положенную долю продукта. Эта доля, вообще уплачиваемая натурою, обыкновенно

составляетъ половину продукта, какъ и обозначаютъ слова: половникъ métayer, mezzaiuolo и medietarius. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ на богатой вулканической почвѣ неаполитанскихъ провинцій, землевладѣлецъ беретъ двѣ трети, а поселянинъ, благодаря превосходному земледѣлію, все еще имѣетъ средства къ жизни. Но половину или двѣ трети беретъ землевладѣлецъ, во всякомъ случаѣ эта доля неизмѣнная, одинаковая для всѣхъ фермъ, не перемѣняющаяся при перемѣнѣ фермеровъ: обычай страны служитъ всеобщимъ правиломъ, никто не думаетъ возвышать или понижать ренту, или дѣлать съ фермеромъ какія нибудь другія условія, несходныя съ обычными. Соперничество совершенно не дѣйствуетъ на опредѣленіе величины ренты.

3. Раньше ренты подверглись вліянію соперничества цѣны тамъ, гдѣ нѣтъ монополій; и дѣйствіе соперничества на цѣны имѣетъ гораздо меньше исключеній, чѣмъ его дѣйствіе на ренты; но и тутъ, даже и при нынѣшней своей дѣятельности, торговое соперничество не имѣетъ такого безусловнаго вліянія, какъ полагаютъ нѣкоторые писатели. Въ политико-экономическихъ книгахъ безпрестанно встрѣчается теорема, что не можетъ быть двухъ цѣнъ на одномъ рынкѣ. Дѣйствительно, таковъ естественный результатъ соперничества, не встрѣчающаго себѣ препятствій. Но каждый знаетъ, что почти всегда на одномъ и томъ же рынкѣ существуютъ двѣ цѣны. Въ каждомъ большомъ городѣ, почти въ каждой отрасли торговли есть дорогія лавки и дешевыя лавки; мало того, въ одной и той же лавкѣ часто продается одинъ товаръ различнымъ покупателямъ по разнымъ цѣнамъ и, вообще говоря, въ каждой лавкѣ норма цѣнъ приспособлена къ тому, какихъ покупателей она имѣетъ. Оптовая торговля по главнымъ товарамъ дѣйствительно находится подъ владычествомъ соперничества: тутъ и покупщики и продавцы, купцы или фабриканты, въ своихъ поступкахъ руководятся не безразсчетностью или суетностью, а коммерческимъ разсчетомъ. Потому объ оптовыхъ рынкахъ можно вообще сказать, что на нихъ дѣйствительно не бываетъ двухъ цѣнъ въ одно время: въ каждомъ мѣстѣ, въ данное время, есть рыночная цѣна, которую можно обозначать въ прейсъ-курантѣ. Но въ розничной торговлѣ, гдѣ покупщикомъ бываетъ человѣкъ, дѣйствительно потребляющій вещь, цѣна очень медленно и не вполнѣ подчиняется дѣйствію соперничества; даже тамъ, гдѣ соперничество существуетъ, результатомъ его бываетъ часто не пониженіе цѣнъ, а только раздѣленіе прибыли отъ высокой цѣны между большимъ числомъ

торговцевъ. Потому-то столь значительная часть цѣны, платимой покупателемъ, поглощается барышомъ розничныхъ торговцевъ, и тотъ, кто захочетъ узнать, какая доля изъ этой цѣны доходитъ въ руки людей, производящихъ покупаемую имъ вещь, часто удивится ничтожности этой доли. Правда, если рынкомъ бываетъ большой городъ, въ которомъ занятіе розничною торговлею обѣщаетъ достаточную выгоду большимъ капиталистамъ, то вообще они найдутъ выгоднымъ для себя расширить свои обороты, подорвавъ другихъ торговцевъ пониженіемъ цѣны, не довольствуясь тѣмъ, чтобы дѣлиться съ ними полемъ оборотовъ. Такое вліяніе соперничества всё сильнѣе и сильнѣе чувствуется въ главныхъ отрасляхъ розничной торговли въ большихъ городахъ. Быстрота и дешевизна перевозки, дѣлая покупщиковъ менѣе зависимыми отъ торговцевъ ближайшихъ окрестностей, ведутъ къ постепенному уподобленію всей страны большому городу. Но до сихъ поръ только въ большихъ торговыхъ центрахъ розничныя цѣны вполнѣ или хотя въ значительной степени опредѣляются соперничествомъ. Въ другихъ мѣстахъ оно или вовсе не дѣйствуетъ, или обнаруживаетъ свое дѣйствіе только временнымъ колебаніемъ цѣнъ; обыкновенной силой, ихъ опредѣляющей, остается обычай, по временамъ видоизмѣняемый существующими въ умахъ покупателей и продавцовъ понятіями о какой-то справедливости или сходности цѣны.

Во многихъ отрасляхъ торговли условія продажи опредѣляются формальнымъ соглашеніемъ между торговцами, общество которыхъ всегда имѣетъ средства сдѣлать затруднительнымъ или непріятнымъ положеніе каждаго изъ членовъ этой корпораціи, отступающаго отъ положенныхъ правилъ. Извѣстно, что до недавняго времени книжная торговля находилась въ такомъ положеніи, и что, не смотря на дѣятельное соревнованіе въ ней, соперничество не производило своего натуральнаго дѣйствія, не разрушало положенныхъ торговцами цѣнъ. Во всѣхъ свободныхъ профессіяхъ вознагражденіе опредѣляется обычаемъ. Плата, получаемая медиками, адвокатами, почти одинакова для всѣхъ медиковъ и для адвокатовъ; всѣ ходатаи по дѣламъ берутъ почти одинаковую плату. Причиною тому служитъ, конечно, не недостатокъ большаго соперничества въ этихъ профессіяхъ. Но соперничество тутъ дѣйствуетъ не тѣмъ, что понижаетъ плату, а уменьшаетъ шансы каждаго къ полученію платы.

Мы видимъ, что обычай выдерживаетъ борьбу съ соперничествомъ очень успѣшно даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ духъ сопер-

ничества чрезвычайно силенъ, по многочисленности соискателей и по общей энергіи стремленія всѣхъ ихъ къ выгодѣ; если такъ, то навѣрное можно ожидать, что обычай держится еще тверже тамъ, гдѣ люди довольствуются меньшими денежными выгодами, не столь дорожа ими по сравненію съ своимъ удобствомъ или удовольствіемъ. Я увѣренъ, что на континентѣ Европы мы часто найдемъ въ однихъ мѣстахъ гораздо высшія цѣны нѣкоторыхъ или всѣхъ товаровъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, находящихся по близости, и что не найдемъ для этой разницы другихъ причинъ, кромѣ той, что всегда было такъ, что покупатели привыкли и не ищутъ другихъ цѣнъ. Предпріимчивый соискатель съ достаточнымъ капиталомъ могъ бы понизить цѣны и разбогатѣть, понижая ихъ; но такихъ предпріимчивыхъ соискателей нѣтъ. Капиталисты оставляютъ свой капиталъ по прежнему въ другихъ занятіяхъ, и не ищутъ большей прибыли, чтобы не безпокоить себя.

Эти замѣчанія должны считаться общими оговорками ко всѣмъ выводамъ, которые будутъ изложены въ слѣдующихъ частяхъ нашего трактата, касающихся до дѣйствій соперничества: всѣ выводы о немъ подлежатъ этимъ оговоркамъ, хотя бы мы гдѣ нибудь и не упомянули о томъ прямо. Вообще мы должны будемъ разсуждать такъ, какъ будто бы соперничество дѣйствительно производитъ свои общеизвѣстные, естественные результаты всегда, когда не отстраняется какою нибудь положительною преградою. Но гдѣ соперничество не существуетъ, хотя могло бы существовать, или гдѣ его естественныя послѣдствія преодолѣваются какимъ нибудь другимъ явленіемъ, тамъ эти наши заключенія будутъ не вполнѣ приложимы, и для избѣжанія ошибки въ приложеніи выводовъ политической экономіи къ дѣламъ дѣйствительной жизни мы должны соображать не только тотъ результатъ, какой произойдетъ при гипотезѣ полнаго дѣйствія соперничества, — мы должны также соображать, какъ видоизмѣнится этотъ результатъ, если соперничество не оказываетъ полнаго своего дѣйствія.

При пересмотрѣ и оцѣнкѣ разныхъ фазисовъ экономическихъ отношеній мы должны начать тѣми, въ которыхъ соперничество вовсе не участвуетъ, и дѣло зависитъ или отъ грубой силы, или отъ установленнаго обычая. Такія экономическія состоянія будутъ предметомъ слѣдующихъ четырехъ главъ.

ГЛАВА V.

РАБСТВО.

1. Въ ряду формъ, принимаемыхъ обществомъ подъ вліяніемъ института собственности, встрѣчаются, какъ я уже замѣчалъ, двѣ формы, чрезвычайно различныя между собою по всѣмъ чертамъ кромѣ одной той, сходной въ нихъ обоихъ, что собственность на землю, трудъ и капиталъ находится тутъ въ однихъ рукахъ. Одна изъ этихъ формъ—рабство, другая—состояніе земледѣльцевъ собственниковъ. Въ первой изъ нихъ землевладѣлецъ владѣетъ трудомъ, а во второй работникъ владѣетъ землею. Мы начнемъ первою изъ нихъ.

При этой системѣ весь продуктъ принадлежитъ землевладѣльцу. Прокормленіе и покрытіе другихъ нуждъ его работниковъ составляетъ часть его издержекъ. Работники владѣютъ лишь тѣмъ, что онъ заблагоразсудитъ дать имъ, и лишь до того времени, пока онъ заблагоразсудитъ взять у нихъ назадъ то, что далъ; они работаютъ столько, сколько захочетъ или сможетъ онъ заставить ихъ работать. Бѣдственность ихъ положенія имѣетъ границы лишь въ его сострадательности или денежной выгодѣ. До перваго изъ этихъ побужденій намъ нѣтъ здѣсь дѣла. Какой образъ дѣйствій при столь гнусномъ положеніи общества будетъ внушенъ владѣльцу вторымъ побужденіемъ, это зависитъ отъ легкости или трудности доставать новыхъ рабовъ. Если взрослые, здоровые рабы могутъ быть привозимы въ достаточномъ числѣ и получаемы безъ чрезмѣрныхъ издержекъ, личный разсчетъ будетъ вести владѣльца къ тому, чтобы заставлять рабовъ зарабатываться на смерть, и замѣнять ихъ новыми, привозными, — это выгоднѣе медленнаго и дорогаго процесса ихъ выкармливанія. Надобно сказать, что вообще рабовладѣльцы хорошо понимаютъ этотъ разсчетъ. Извѣстно, что такъ дѣлалось въ Англійскихъ невольничьихъ колоніяхъ, пока была дозволена торговля неграми; говорятъ, что такъ и до сихъ поръ дѣлается на Кубѣ.

Когда, какъ у древнихъ, невольничій рынокъ могъ снабжаться лишь плѣнными, взятыми на войнѣ, или похищенными изъ малонаселенныхъ далекихъ странъ, лежавшихъ на границахъ извѣстнаго тогда міра, то вобще было прибыльнѣе поддерживать число рабовъ воспитаніемъ ихъ дѣтей, а для этого необходимо гораздо лучшее обращеніе съ ними. По этой и по разнымъ другимъ при-

чинамъ въ древности, не смотря на частые примѣры страшныхъ жестокостей, положеніе рабовъ вѣроятно было далеко не такъ дурно, какъ въ колоніяхъ новыхъ націй. На илотовъ обыкновенно указываютъ, какъ на типъ ужаснѣйшей формы личнаго рабства; но неосновательность этого доказывается тѣмъ фактомъ, что они постоянно бывали вооружаемы (впрочемъ не полнымъ тяжелымъ вооруженіемъ гоплита) и составляли непремѣнную часть государственныхъ военныхъ силъ. Конечно они были низшею и униженною кастою, но ихъ состояніе было, по видимому, однимъ изъ наименѣе тяжелыхъ видовъ рабства. Гораздо страшнѣйшія краски имѣетъ рабство у Римлянъ въ тотъ періодъ, когда римская аристократія пресыщалась богатствами, которыя грабила съ новозавоеваннаго міра. Римляне были народъ жестокій и знатные негодяи играли жизнью миріадъ своихъ рабовъ съ тѣмъ же легкомысленнымъ мотовствомъ, съ какимъ расточали и всякое другое богатство, столь дурно пріобрѣтавшееся ими. Но рабство не имѣетъ одного изъ худшихъ своихъ качествъ, когда возможна при немъ надежда: освобожденіе было легко и производилось часто; отпущенные на волю рабы прямо получали всѣ права гражданъ и много было примѣровъ тому, что они пріобрѣтали не только богатства, но наконецъ и почести. Благодаря постепенному смягченію законодательства при императорахъ, рабъ сталъ охраняться значительнымъ покровительствомъ закона; онъ получалъ право владѣть собственностью, и дурное учрежденіе вообще получило характеръ гораздо болѣе мягкій. Но все таки положеніе рабовъ почти никогда не бывало таково, чтобы при немъ могло быстро возрастать населеніе или производство. Иначе стало только тогда, когда рабство приняло болѣе легкую форму вилланства (крѣпостнаго права), по которому рабы имѣютъ собственность и юридическія права, при которомъ даже повинности ихъ болѣе или менѣе ограничиваются обычаемъ и они работаютъ отчасти въ свою собственную пользу.

2. Пока населеніе невольничьихъ странъ очень мало сравнительно съ удобной землей, трудъ рабовъ при порядочномъ хозяйствѣ производитъ гораздо больше, чѣмъ нужно на содержаніе ихъ; въ особенности доставляется польза тѣмъ, что необходимость внимательнаго надзора за трудомъ невольника заставляетъ держать ихъ вмѣстѣ въ большомъ числѣ, — чрезъ это получаются нѣкоторыя изъ выгодъ сочетанія труда. Потому при хорошей почвѣ, въ хорошемъ климатѣ человѣкъ имѣющій много рабовъ имѣетъ сред-

ство разбогатѣть, если умѣетъ заботиться о своихъ интересахъ. Но вліяніе такого общественнаго устройства на производство теперь хорошо извѣстно каждому. Мы скажемъ трюизмъ, когда скажемъ, что трудъ, вынуждаемый страхомъ наказанія, неуспѣшенъ и непроизводителенъ. Правда бываютъ такія обстоятельства, что бичь можетъ заставлять людей предпринимать и даже совершать такія дѣла, которыхъ не стали бы дѣлать люди ни за какую плату, окупаемую выгодами хозяина. Можно также думать, что если бы рабство въ Американскихъ колоніяхъ не держало въ одномъ мѣстѣ многочисленныхъ работниковъ, эти колоніи не могли бы такъ рано приняться за производительныя операціи, требующія значительнаго сочетанія труда, напримѣръ за производство сахара. Надобно также сказать, что есть дикія племена, которымъ регулярный трудъ чрезвычайно противенъ и между которыми едва ли водворится онъ пока они не будутъ завоеваны и обращены въ рабство, или не станутъ завоевателями и обратятъ въ рабство другихъ. Но признавъ всю важность этихъ соображеній, надобно сказать, что несомнѣнна несовмѣстность рабства съ высокимъ развитіемъ техническихъ искусствъ и съ дѣйствительной успѣшностью труда. Невольническія страны вообще должны получать изъ-за границы всѣ продукты, требующіе искусства. Безнадежность рабства сильно притупляетъ умъ и если въ древности и на востокѣ владѣльцы часто благопріятствуютъ умственному образованію рабовъ, то въ болѣе развитыхъ обществахъ образованность рабовъ служитъ источникомъ такихъ опасностей и такого страха для владѣльцевъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ подъ тяжелымъ наказаніемъ запрещено учить рабовъ читать. Всѣ производства, исполняемыя невольничьимъ трудомъ, ведутся самымъ грубымъ и неусовершенствованнымъ способомъ. Даже физическую силу рабы не прилагаютъ къ дѣлу, среднимъ числомъ, и на половину (*). Конечно, самая смягченная форма рабства — крѣпостное состояніе, въ которомъ невольникъ прикрѣпленъ къ землѣ, содержитъ себя съ своего участка и работаетъ на господина извѣстное число дней въ недѣлю. Но всѣ писатели единогласно говорятъ о чрезвычайной неуспѣшности крѣпостнаго труда. Мы беремъ слѣдующій отрывокъ изъ книги профессора Джонса,

(*) Непроизводительность и разрушительность промышленной системы въ рабовладѣльческихъ Штатахъ Сѣверной Америки поучительно показана въ замѣчательныхъ сочиненіяхъ Ольмстеда.

обильнаго сборника драгоцѣнныхъ фактовъ о способахъ владѣнія и пользованія землею въ разныхъ странахъ (Essay on the Distribution of Wealth (вѣрнѣе было бы сказать ренты) and on the Sources of Taxation, by the Rev. Richard Jones, стр. 50.):

«Русскіе писатели, или лучше сказать тѣ изъ нѣмецкихъ писателей, которые изучали русскіе нравы и обычаи, приводятъ поразительные факты по этому вопросу. Они говорятъ, что два Миддльсекскіе косца скосятъ въ день столько же, какъ шестеро русскихъ крѣпостныхъ, что, не смотря на дороговизну продовольствія въ Англіи и на его дешевизну въ Россіи, русскому помѣщику стоитъ трехъ или четырехъ копѣекъ скосить то количество сѣна, скосить которое англійскому фермеру стоитъ лишь половину копѣйки (Schmalz, Economie Politique, французскій переводъ, томъ I, стр. 66). Прусскій писатель Якобъ, по общему мнѣнію, успѣлъ доказать, что въ Россіи, гдѣ все дешево, трудъ крѣпостнаго обходится вдвое дороже, чѣмъ трудъ работника въ Англіи. Шмальцъ (Т. II, стр. 107) поразительнымъ образомъ описываетъ, по своему собственному наблюденію и опыту, непроизводительность крѣпостнаго труда въ Пруссіи. Въ Австріи положительно говорятъ, что крѣпостной трудъ равняется лишь одной трети свободнаго труда наемнаго работника. Этотъ разсчетъ, сдѣланный авторомъ основательнаго изслѣдованія о земледѣліи, примѣняется на практикѣ къ опредѣленію того, какое число работниковъ нужно для помѣстья данной величины. Дурныя дѣйствія барщины на трудъ земледѣльческаго населенія такъ осязательны, что въ самой Австріи, гдѣ не слишкомъ охотно принимаются проэкты какихъ бы то ни было реформъ, проэкты объ отмѣненіи обязательнаго труда пользуются такимъ же расположеніемъ, какъ въ самыхъ прогрессивныхъ земляхъ Сѣверной Германіи (*).

Дурное качество самаго труда не вознаграждается никакими качествами управленія и надзора. Джонсъ (стр. 53 — 54) замѣчаетъ, что землевладѣльцы, занимаясь воздѣлываніемъ въ своихъ помѣстьяхъ, по необходимости служатъ единственными руководителями и распорядителями труда поселянъ, «потому что неможетъ быть посредствующаго класса капиталистовъ-фермеровъ въ этихъ странахъ,

(*) Венгерское революціонное правительство, во время своего недолгаго существованія, оказало странѣ величайшее благо, котораго не посмѣла отмѣнить наступившая потомъ тиранія: оно освободило поселянъ отъ барщины, бывшей остаткомъ прежняго рабства, назначивъ землевладѣльцамъ вознагражденіе на счетъ государства, а не на счетъ освобожденныхъ поселянъ.

гдѣ работники составляютъ собственность землевладѣльца. Большіе землевладѣльцы повсюду бываютъ празднымъ сословіемъ и если трудятся, то развѣ въ такихъ отрасляхъ дѣятельности, которыя доставляютъ больше удовольствія, чѣмъ сельское хозяйство, и вездѣ захвачены высшими сословіями. «Напрасно и неразсудительно было бы ожидать, говоритъ Джонсъ, чтобы порода знатныхъ собственниковъ, огражденныхъ привиллегіями и титулами, привлекаемыхъ къ военной и политической карьерѣ выгодами и привычками своего положенія, могла когда нибудь сдѣлаться сословіемъ хорошихъ сельскихъ хозяевъ.» Каждый можетъ самъ разсудить, каковы были бы результаты, даже въ Англіи, если бы сельское хозяйство въ помѣстьяхъ велось самими землевладѣльцами. Мало было бы примѣровъ знанія и энергіи, довольно много было бы отдѣльныхъ примѣровъ посредственнаго успѣха, а общее положеніе земледѣлія было бы никуда негодно.

3. Потеряютъ ли сами собственники отъ освобожденія ихъ рабовъ, — это вопросъ совершенно различный отъ вопроса о сравнительной успѣшности свободнаго и невольничьяго труда для общества. Много спорили объ этомъ вопросѣ съ общей теоретической точки, какъ будто бы возможно тутъ какое нибудь всеобщее рѣшеніе. Рабство или свободный трудъ выгоднѣе для хозяина, это зависитъ отъ величины платы свободному работнику. А плата эта зависитъ отъ пропорціи между числомъ рабочаго населенія и количествомъ капитала и земли. Наемный трудъ вообще настолько успѣшнѣе невольническаго, что хозяинъ можетъ оставаться въ выигрышѣ давая рабочую плату значительно большей цѣнности, чѣмъ какой стоило ему содержаніе рабовъ; но тутъ есть однакоже граница. Упадокъ рабства въ Европѣ, его уничтоженіе между западными націями, — эти перемѣны по всей вѣроятности были ускорены измѣненіемъ въ денежныхъ разсчетахъ хозяина отъ возрастанія населенія. По мѣрѣ того, какъ населеніе становилось гуще, при неподвижности земледѣльческаго искусства, содержаніе рабовъ по необходимости становилось все дороже прежняго, а трудъ ихъ терялъ цѣнность. Нельзя и вообразить себѣ, чтобы рабство могло быть выгодно при той величинѣ рабочей платы, какая существуетъ теперь въ Ирландіи или въ Англіи (гдѣ трудъ пропорціонально своей успѣшности также дешевъ, какъ въ Ирландіи.) Если бы ирландскіе поселяне были рабы, ихъ владѣльцы столь же охотно стали бы платить большія суммы, лишь бы избавиться отъ нихъ, какъ теперь землевладѣльцы не жалѣютъ денегъ, лишь бы избавиться отъ

нищихъ-фермеровъ. Столь же несомнѣнно, что на плодородныхъ Вестъ-Индскихъ островахъ, имѣющихъ слишкомъ мало населенія, разсчетъ выгодности значительно былъ на сторонѣ невольничьяго труда, и вознагражденіе, данное рабовладѣльцамъ за отмѣненіе невольничества, никакъ не превышало ихъ убытокъ, а по всей вѣроятности даже не покрывало его.

Больше этого не нужно и говорить здѣсь о рабствѣ, дѣлѣ окончательно осужденномъ и рѣшенномъ. Любопытно будетъ видѣть, долго ли другія націи, имѣющія въ своихъ колоніяхъ невольничество, захотятъ оставаться позади Англіи въ дѣлѣ столь противномъ справедливости, которая рѣшительно не принадлежитъ нынѣ къ моднымъ добродѣтелямъ и филантропіи, которая безспорно принадлежитъ къ нимъ. (*) Для Европы еще гораздо непростительнѣе, чѣмъ для Америки, то, что она терпитъ безчеловѣчіе, отъ котораго могла бы освободиться гораздо легче. Я говорю о рабствѣ негровъ, а не о крѣпостномъ правѣ славянскихъ націй, которыя не перешли еще фазисъ цивилизаціи, соотвѣтствовавшій въ Западной Европѣ періоду вилланства, и которыя, по всей вѣроятности, будутъ обязаны своимъ освобожденіемъ отъ этого великаго зла скорѣе вліянію понятій передовыхъ странъ, чѣмъ быстротѣ своихъ собственныхъ успѣховъ на пути развитія.

ГЛАВА VI.

ПОСЕЛЯНЕ-СОБСТВЕННИКИ.

1. Когда земля принадлежитъ поселянамъ-собственникамъ, то весь продуктъ, какъ при системѣ рабства, достается одному собственнику земли и нѣтъ раздѣла его на ренту, прибыль и рабочую плату. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ эти двѣ формы общественнаго устройства составляютъ крайнія противоположности: одна изъ нихъ — состояніе величайшаго угнетенія и униженія рабочихъ классовъ, а при другой они имѣютъ полнѣйшую независимость въ своей судьбѣ.

(*). Данія пріобрѣла ту честь, что первая изъ континентальныхъ націй послѣдовала примѣру Англіи. Освобожденіе невольниковъ было однимъ изъ первыхъ дѣлъ благороднаго и оклеветаннаго временнаго правительства Франціи. Въ послѣдніе годы отрадные симптомы стали показывать распространеніе между американцами наклонности избавиться отъ этого ненавистнаго пятна.

Но выгодность мелкой поземельной собственности составляетъ одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ политической экономіи. На континентѣ благотворность существованія многочисленнаго сословія собственниковъ представляется для громаднаго большинства аксіомою, хотя и есть нѣкоторые люди несогласные съ господствующимъ мнѣніемъ. Но англійскіе авторитеты или вовсе не знаютъ о мнѣніи континентальныхъ агрономовъ, или считаютъ достаточнымъ для его отстраненія говорить, что эти агрономы не имѣли случая видѣть, какъ полезна большая собственность въ благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ. Выгода большой собственности, говорятъ англійскіе авторитеты, обнаруживается только тамъ, гдѣ и земледѣльческія хозяйства велики, а для большихъ фермъ нужно накопленіе капиталовъ значительнѣе того, какое обыкновенно встрѣчается на континентѣ, и потому большія континентальныя помѣстья, за исключеніемъ обращенныхъ подъ пастбища, почти всѣ отдаются на обработку мелкими участками. Въ этихъ словахъ есть часть правды, но тотъ же самый аргументъ можно обратить и противъ англійскихъ авторитетовъ: если континентъ мало знаетъ по опыту земледѣльческія хозяйства большаго размѣра съ большимъ капиталомъ, то англійскіе писатели вообще такъ же мало знакомы по практикѣ съ хозяйствомъ поселянъ-собственниковъ и почти всѣ имѣютъ самое ошибочное представленіе о ихъ положеніи и образѣ жизни. А между тѣмъ и въ Англіи старинныя преданія говорятъ въ пользу мнѣнія, господствующаго на континентѣ. Йомены, которыхъ называли славою Англіи, пока они существовали, о которыхъ такъ часто жалѣютъ теперь, когда они исчезли,—эти йомены были мелкіе собственники или мелкіе фермеры, и если большинство ихъ были фермеры, а не собственники, то тѣмъ замѣчательнѣе репутація энергической независимости характера, которой они пользовались. Есть въ Англіи уголокъ, въ которомъ еще много поселянъ собственниковъ; я говорю о Statesmen, «государственныхъ людяхъ» Комберленда и Уэстморленда. Они собственники, хотя (впрочемъ, сколько я знаю, не всѣ, а только большая часть ихъ) платятъ нѣкоторыя обычныя повинности; эти повинности неизмѣнны, потому не мѣшаютъ имъ быть настоящими собственниками, какъ не мѣшаетъ поземельный налогъ. Только они въ цѣлой Англіи могли послужить оригиналомъ, съ котораго писаны «Картины сельской жизни» Уордсворта. (*)

(*) Въ своемъ небольшомъ описаніи сѣверныхъ озеръ Уордсвортъ гово-

Но общая система англійскаго земледѣлія не такова, чтобы англичане по опыту знали характеръ и результаты хозяйства поселянъ-собственниковъ, а земледѣльческое устройство другихъ странъ вообще совершенно незнакомо англичанамъ, такъ что самое понятіе о поселянахъ-собственникахъ чуждо англійскому уму, и не легко проникаетъ въ него. Самыя выраженія англійскаго языка мѣшаютъ этому: собственники земли обозначаются обыкновенно словомъ landlords (землевладѣлецъ или помѣщикъ), — терминомъ, который всегда пробуждаетъ мысль объ арендаторахъ, фермерахъ, снимающихъ у него землю (tenants). Когда въ недавнее время проникла въ парламентскія и газетныя пренія мысль, что надобно сдѣлать ирландскихъ поселянъ собственниками для улучшенія состоянія Ирландіи, то нашлись писатели, претендовавшіе на знакомство съ дѣломъ, и, однакоже, до такой степени непонимавшіе самаго слова proprietor (собственникъ), что воображали, будто бы поселяне-собственники, о которыхъ идетъ рѣчь, то самое, что ирландскіе коттьеры, берущіе въ наймы землю мелкими участками. При такомъ плохомъ знакомствѣ съ предметомъ необходимо, прежде чѣмъ излагать его теорію, позаботиться о разъясненіи фактическаго положенія дѣла; по этой необходимости я изложу вопросъ подробнѣе, чѣмъ слѣдовало

ритъ, что верхняя часть долинъ въ теченіе столѣтій была «совершенною республикой пастуховъ и земледѣльцевъ, которые почти всѣ были собственниками своихъ пастбищъ и нивъ. Плугъ служилъ каждому только на содержаніе собственнаго семейства и по временамъ на помощь сосѣду. Двѣ-три коровы снабжали каждое семейство молокомъ и сыромъ. Часовня была единственнымъ зданіемъ, возвышавшимся надъ этими жилищами, была верховною главою этого чистаго общества, этой республики, существовавшей среди могущественнаго государства, какъ нѣчто идеальное, — этого общества, устройство которому было дано самою природою горъ, охранявшихъ его. Въ немъ не было ни знатныхъ поблъменовъ, ни дворянъ; но многіе изъ этихъ скромныхъ сыновъ горъ знали, что земля, по которой они ходятъ, которую они воздѣлываютъ, болѣе 500 лѣтъ принадлежитъ людямъ ихъ рода и фамиліи... На участкѣ каждаго сѣялось столько хлѣба, сколько было нужно его семейству, лишняго не сѣялъ никто. Дождливый и бурный климатъ заставилъ ихъ усѣять горную часть своей земли хлѣвами изъ дикаго камня для убѣжища овцамъ, которыхъ тутъ и кормили въ дурную погоду. Каждая семья пряла изъ домашнихъ рунъ шерсть для своей одежды; было между ними нѣсколько ткачей. Остальныя потребности удовлетворялись у нихъ продажею пряжи, которую выдѣлывали они въ своихъ домахъ и носили на рынокъ или чаще возили на своихъ рабочихъ лошадяхъ; еженедѣльно отправлялись эти маленькіе караваны внизъ по долинамъ или черезъ горы въ ближайшій городъ.» A Description of the Scenery of the Lakes in the North of England, изданіе 3-е. стр. 50—53 и 63—65.

бы по общему размѣру частей моего трактата; я представлю нѣсколько свидѣтельствъ о состояніи земледѣлія, о благосостояніи и довольствѣ земледѣльцевъ, въ тѣхъ государствахъ или провинціяхъ, гдѣ большая часть земель не имѣетъ никакихъ ни лендлордовъ, ни фермеровъ, кромѣ самихъ земледѣльцевъ, пашущихъ землю.

2. Я не буду ссылаться на состояніе Сѣверной Америки, въ которой, какъ извѣстно, почти вся земля штатовъ, свободныхъ отъ язвы невольничества принадлежитъ тому самому человѣку, который ходитъ за плугомъ. Страна, соединяющая плодородность американской природы съ искусствомъ и знаніемъ новой Европы, находится въ такомъ исключительномъ положеніи, что благосостояніе трудящихся сословій вѣроятно не могло бы сильно пострадать ни отъ чего, кромѣ необезпеченности собственности или тиранническаго правительства. Больше права имѣлъ бы я указать вмѣстѣ съ Сисмонди на древнюю Италію и въ особенности на Лаціумъ, нынѣшнюю Кампанью, которая тогда наполнена была многочисленнымъ населеніемъ, а теперь, при другой системѣ собственности, стала пустынею, въ которой malaria не допускаетъ людей жить. Но лучше возьму я изъ Сисмонди другое свидѣтельство о предметѣ, извѣстномъ ему по личному наблюденію.

«Надобно обойти, надобно изучить Швейцарію, чтобы судить о благосостояніи земледѣльцевъ собственниковъ, говоритъ Сисмонди. Швейцарія убѣдитъ насъ, что когда работа въ земледѣліи исполняется людьми, пользующимися плодами ея, то земледѣліе можетъ доставить большое благосостояніе очень многочисленному населенію, большую независимость характеру людей, благодаря независимости ихъ положеній; можетъ произвести большую торговлю предметами потребленія, благодаря зажиточности всѣхъ жителей; можетъ произвести такіе результаты даже въ странѣ, гдѣ климатъ суровъ, гдѣ почва неплодородна, гдѣ поздніе морозы и непостоянство погоды часто уничтожаютъ надежды земледѣльцевъ. Нельзя безъ удивленія видѣть этихъ деревянныхъ домовъ, которые у самыхъ небогатыхъ поселянъ такъ велики, такъ хорошо огорожены, такъ хорошо построены, такъ покрыты рѣзьбой. Внутри широкіе корридоры даютъ особый ходъ въ каждую комнату многочисленнаго семейства; въ каждой комнатѣ только одна постель съ хорошимъ пологомъ, одѣялами, съ чистѣйшимъ бѣльемъ; она окружена мебелью, заботливо сохраняемою въ чистотѣ; шкапы наполнены бѣльемъ. Комната для молока велика, воздухъ въ ней свѣжій, чистота изысканная; подъ тою же кровлею амбары съ большими запасами хлѣба, солонины

сыра и дровъ, въ хлѣвахъ стоитъ скотъ лучшій въ цѣлой Европѣ, и нигдѣ такъ не ухаживаютъ за нимъ; въ саду множество цвѣтовъ; и мужчины и женщины одѣты тепло и опрятно; женщины съ гордостью сохраняютъ старинный костюмъ; у всѣхъ на лицѣ видишь бодрость и здоровье. Пусть другіе народы хвалятся своею роскошью, — Швейцарія всегда съ гордостью укажетъ имъ на своихъ поселянъ.» (Etudes sur l'Economie Politique, Essai III.)

Знаменитый писатель, изъ котораго взяли мы этотъ отрывокъ, слѣдующимъ образомъ выражаетъ общее свое мнѣніе о состояніи поселянъ-собственниковъ:

«Вездѣ, гдѣ мы находимъ поселянъ-собственниковъ, мы находимъ и это благосостояніе, эту обезпеченность, это спокойствіе за будущность, эту независимость, которыми упрочивается и счастье и добродѣтель. Поселянинъ, исполняющій съ своими дѣтьми всю работу въ своемъ маленькомъ имѣніи, не платящій ни ренты высшему, ни рабочей платы низшему его, ведущій свое производство соразмѣрно своему потребленію, продовольствующійся собственнымъ хлѣбомъ, пьющій собственное вино, одѣвающійся въ свой халатъ и свое сукно, мало безпокоится о рыночныхъ цѣнахъ, потому что мало ему нужно продавать и покупать, и никогда не разоряется онъ коммерческими сотрясеніями. Будущее не страшитъ его, напротивъ, оно украшается для него надеждой, потому что онъ обращаетъ на пользу своимъ дѣтямъ, на пользу будущимъ вѣкамъ каждую минуту, свободную у него отъ годичныхъ работъ. Нѣсколькихъ минутъ труда было ему довольно, чтобы посадить въ землю зерно, которое черезъ сто лѣтъ будетъ большимъ деревомъ, провести канаву, которая приведетъ къ нему воду изъ ручья, улучшать постоянными заботами въ минуту досуга всѣ породы животныхъ, всѣ сорты растеній около себя. Его маленькое наслѣдственное имѣніе истинная сберегательная касса, всегда готовая принимать всѣ его маленькіе барыши, обращать въ прибыль всѣ его свободныя минуты. Вѣчно дѣятельное могущество природы оплодотворяетъ ихъ, возвращаетъ ему ихъ сторицею. Поселянинъ живо сознаетъ счастіе, соединенное съ положеніемъ собственника; потому онъ всегда готовъ покупать землю за какую хотите цѣну. Онъ платитъ за нее дороже, чѣмъ она стоитъ, можетъ быть столько, что цѣна не окупится ему; но не правъ ли онъ, высоко цѣня ту выгоду, что она даетъ ему средство всегда выгодно помѣщать трудъ свой, не продавая его съ уступкою, всегда даетъ хлѣбъ, освободитъ отъ нужды покупать его по дорогой цѣнѣ.

«Изъ всѣхъ сельскихъ хозяевъ земледѣлецъ собственникъ извлекаетъ наибольшую выгоду изъ земли, потому что онъ больше всѣхъ думаетъ о будущемъ, и лучше всѣхъ пользуется опытомъ. Онъ извлекаетъ наибольшую пользу и изъ человѣческаго труда, потому что, распредѣляя свои занятія между всѣми членами семейства, оставляетъ дѣло на каждый день въ году, такъ чтобы не было ни у кого пустаго времени. Изъ всѣхъ сельскихъ хозяевъ онъ самый счастливый, и данное количество земли изобильно кормитъ наибольшее количество людей, даетъ занятіе наибольшему количеству людей тогда, когда воздѣлывается собственниками. Наконецъ, изъ всѣхъ сельскихъ хозяевъ поселянинъ-собственникъ даетъ наибольшее ободреніе торговлѣ и промышленности, потому что онъ богаче всякаго другаго хозяина» *).

Эта картина неусыпнаго прилежанія и можно сказать горячей любви къ землѣ подтверждается свидѣтельствами англійскихъ наблюдателей о швейцарскихъ кантонахъ, имѣющихъ нѣсколько просвѣщенное населеніе. «Гуляя по окрестностямъ Цюриха, говоритъ Инглисъ, вы, куда бы ни взглянули, и на право, и на лѣво, бываете поражены чрезвычайнымъ трудолюбіемъ жителей, и слыша, что собственникъ получаетъ здѣсь 10 процентовъ дохода, вы скажете, онъ стоитъ такого вознагражденія. Я говорю теперь о земледѣльческомъ трудѣ. Цюрихскій народъ отличается трудолюбіемъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности, но по неусыпности

---

*) Въ другой своей книгѣ, Nouveaux principes d'Economie Politique (книга III, глава 3) Сисмонди говоритъ: «когда проѣзжаешь почти по всей Швейцаріи, по многимъ частямъ Франціи, Италіи, Германіи, не нужно спрашивать, кому принадлежитъ участокъ земли, на который смотришь, поселянину-собственнику, или фермеру: довольно взглянуть на него. Умный уходъ за землею, удобства приготовленныя для земледѣльца, красота, приданная полю его руками, — все это съ перваго взгляда обличитъ земледѣльца-собственника. Правда, впрочемъ, что притѣснительное правительство можетъ разрушать благосостояніе и притуплять умъ, которые должны бы развиваться при собственности, налогъ можетъ отнимать почти весь чистый доходъ сельскаго хозяйства, наглость агентовъ власти можетъ нарушать спокойствіе поселянъ, невозможность найти защиту противъ могущественнаго сосѣда лишаетъ бодрости духъ; въ прекрасной странѣ, возвращенной подъ власть Сардинскаго короля, собственникъ носитъ тотъ же мундиръ бѣдности, какъ и поденьщикъ».— Сисмонди говоритъ о Савойѣ, гдѣ поселяне почти всѣ собственники, и по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ живутъ въ крайней бѣдности. Но, продолжаетъ онъ: «нельзя ограничивать всю политическую экономію однимъ принципомъ: одинъ принципъ безъ содѣйствія другихъ не можетъ произвести блага; однакоже онъ хотя уменьшаетъ зло».

въ обработкѣ земли онъ едва-ли имѣетъ себѣ соперниковъ. Открывая въ пятомъ часу утра свое окно, чтобы взглянуть на озеро и на далекіе Альпы, я видѣлъ земледѣльцевъ на полѣ, а возвращаясь съ вечерней прогулки, долго спустя по закатѣ солнца, часу уже въ восьмомъ, я видѣлъ, что земледѣлецъ все еще носитъ сѣно или подвязываетъ виноградныя лозы. Взгляните на поле, на садъ, на изгородь,—на всемъ непремѣнно увидите вы слѣды чрезвычайной трудолюбивой заботливости поселянина, увидите ихъ, можно сказать, на каждомъ деревѣ, каждомъ цвѣткѣ, каждой травкѣ. Если, напримѣръ, идетъ черезъ ниву или подлѣ нивы тропинка, хлѣбу не даютъ, какъ въ Англіи, наклоняться надъ нею, такъ что каждый прохожій можетъ сорвать или стоптать его,—нѣтъ, нива по всей тропинкѣ огорожена: вбиты колья фута на три одинъ отъ другаго, и вдоль между ними, на высотѣ двухъ или трехъ футовъ отъ земли проложены вѣтки. Взглянувъ вечеромъ на поле, засаженное капустою, вы увидите, что каждое растеніе полито. Въ огородахъ, которые около Цюриха очень велики, на каждомъ растеніи видны слѣды самаго заботливаго ухода. Они разсажены съ математическою аккуратностью; нѣтъ между ними ни одной сорной травинки, ни одного камня. Самыя растенія посажены въ землю не такъ, какъ у насъ: для каждаго сдѣлана маленькая ямочка, въ которую положено нѣсколько удобренія, и каждое растеніе ежедневно поливается. Для тѣхъ растеній, которыя не сажаются, а сѣются, гряда разрыхлена въ мельчайшій порошокъ. Каждый кустикъ, каждый цвѣтокъ привязанъ къ подпоркѣ, для фруктовыхъ кустарниковъ, сажаемыхъ вдоль изгородей, сдѣлана по стѣнѣ рѣшетка, къ которой привязаны ихъ вѣтки, и каждому растенію дана нужная ему опора». (Switzerland, the South of France, and the Pyrenees, in 1830. By H. D. Inglis. Томъ I, глава 2).

Одну изъ отдаленныхъ верхне-альпійскихъ долинъ Инглисъ описываетъ (томъ I, гл. 8 и 10) слѣдующими словами:

«Во всемъ Энгадинскомъ округѣ земля принадлежитъ поселянамъ, участки которыхъ и здѣсь очень различны по величинѣ, какъ вездѣ, гдѣ существуетъ крестьянская собственность. Вообще говоря, Энгадинскій поселянинъ живетъ исключительно продуктами своей земли, покупая для семьи лишь немногіе заграничные товары: кофе, сахаръ и виноградное вино. Сама семья выращаетъ, приготовляетъ, прядетъ ленъ на одежду себѣ и сама шьетъ его. Шерсть у ней также своя и она обращаетъ ее въ синее суконное платье, не отдавая ни красильщику, ни портному. Земля воздѣлана такъ,

что лучшей обработки не можетъ уже и быть, сдѣлано все, что можетъ сдѣлать трудолюбіе и чрезвычайная разсчетливость. Ни одного фута не воздѣланной земли нѣтъ въ Энгадинской долинѣ, самая нижняя часть которой лежитъ почти на высотѣ вершины Снодо́на. Гдѣ можетъ расти трава, посѣяна трава; гдѣ скала принимаетъ ударъ кирки, тамъ она покрыта зеленью; гдѣ можетъ созрѣть зерно ржи, тамъ посѣяна рожь. Гдѣ могутъ расти ячмень и овесъ, растутъ они; и гдѣ можетъ созрѣть горсть пшеницы, посѣяна пшеница. Нѣтъ въ Европѣ мѣста, гдѣ было бы такъ мало бѣдныхъ, какъ въ Энгадинѣ. Въ деревнѣ Зюссъ, имѣющей 600 жителей, нѣтъ ни одного человѣка, обязаннаго кому нибудь чужому своимъ кускомъ хлѣба».

Швейцарскіе поселяне вообще пользуются благосостояніемъ; но не о всѣхъ частяхъ Швейцаріи можно сказать, какъ объ Энгадинѣ, что въ нихъ вовсе нѣтъ пауперизма и почти нѣтъ бѣдности: обширнѣйшій и богатѣйшій изъ Швейцарскихъ кантоновъ, Бернъ, служитъ примѣромъ противнаго. Въ тѣхъ частяхъ его, гдѣ земля принадлежитъ поселянамъ, поселяне такъ же отличаются трудолюбіемъ и зажиточностью, но въ цѣломъ кантонъ обремененъ многочисленными пролетаріями, которые созданы дѣйствіемъ дурныхъ бернскихъ законовъ о бѣдныхъ, — законовъ, хуже которыхъ были развѣ только прежніе англійскіе законы о бѣдныхъ *). Да и въ другихъ отношеніяхъ Швейцарія не можетъ назваться лучшимъ примѣромъ результатовъ, производимыхъ принадлежностью земли поселянамъ. Мы имѣемъ о Швейцарскихъ кантонахъ рядъ статистическихъ отчетовъ, которые почти всѣ составлены очень внимательно и хорошо, и содержатъ подробныя извѣстія о положеніи земли и народа въ годы еще не слишкомъ давніе. Изъ нихъ мы видимъ, что во многихъ мѣстахъ раздробленіе земли чрезвычайно мелко и едва-ли не чрезмѣрно; видимъ, что собственники цвѣтущаго Цюрихскаго кантона обременены долгами, по выраженію составителя отчета, до неимовѣрности **); мы видимъ, что «только

*) Въ послѣднее время бернскіе законы о бѣдныхъ и система ихъ исполненія значительно измѣнились; но я незнакомъ съ характеромъ и вліяніемъ этихъ перемѣнъ на столько, чтобы говорить о нихъ подробно.

**) «Масса долговъ, доходящая до неимовѣрности», говоритъ отчетъ. (Historisch-geografisch-statistisches Gemälde der Sweiz. Erster Theil. Der Kanton Zürich, von Gerold Meyer von Knonau, 1834, стр. 80—1). Есть въ Цюрихѣ такія деревни, говоритъ Кнонау, въ которыхъ нѣтъ ни одного участка незаложеннаго. Но если общая масса долговъ велика, то изъ этого еще не слѣдуетъ,

чрезвычайное трудолюбіе, бережливость, трезвость и полная свобода торговли даютъ поселянамъ силу выдерживать такое положеніе». Но общій выводъ изъ этихъ отчетовъ тотъ, что съ начала нынѣшняго вѣка, когда раздробилось множество большихъ помѣстій, принадлежавшихъ аристократамъ или правительствамъ, совершилось поразительное и быстрое улучшеніе почти во всѣхъ отрасляхъ земледѣлія, улучшились жилища, обычаи и пища народа. Составитель описанія Тюргаусскаго кантона говоритъ, что по раздробленіи феодальныхъ помѣстій и съ переходомъ этихъ земель въ руки поселянъ, на одной третьей или на одной четвертой части прежняго помѣстья нерѣдко стало производиться столько же хлѣба и содержаться столько же скота, сколько было прежде въ цѣломъ помѣстьѣ *).

3. Норвегія одна изъ тѣхъ странъ, въ которыхъ поселяне-собственники существуютъ издавна и составляютъ наибольшую пропорцію въ населеніи. Любопытное описаніе соціальнаго и экономическаго положенія этой страны сдѣлано Ленгомъ. Онъ очень опредѣлительно и сильно говоритъ въ пользу мелкой поземельной собственности и въ Норвегіи и повсюду. Я приведу изъ него нѣсколько отрывковъ.

«Если мелкіе собственники не ведутъ свое хозяйство хорошо, причина тому не лѣность и апатія, которыя ставятся имъ въ вину въ Шотландіи. Размѣръ, въ которомъ устроено орошеніе Норвежскихъ долинъ, свидѣтельствуетъ о развитіи энергіи и *сотрудничества*» (прошу читателя особенно замѣтить это), «которому ничего подобнаго нѣтъ у Шотландскихъ поселянъ. Для продовольствія скота въ Норвегіи запасается на зиму сѣно. Трава, подобно хлѣбу и картофелю, здѣсь можетъ выгарать, потому что растительный

чтобы каждый собственникъ былъ обремененъ тяжелыми долгами. Напримѣръ, въ Шафгаузенскомъ кантонѣ почти всѣ поземельные участки заложены, но лишь немногіе изъ нихъ заложены больше чѣмъ на половину своей кадастровой оцѣнки. (Zwölfter Theil. Der Kanton Schaffhausen, von Edvard Im-Thurn, 1840, стр. 52). Займы часто сдѣланы для улучшенія и расширенія собственности. (Sibenzehnter Theil. Der Kanton Thürgau, von J, A, Pupicofer, 1837, стр. 209).

*) «Раздробленіе прежнихъ большихъ ленныхъ хозяйствъ на мелкіе участки, перешедшіе въ собственность поселянъ, имѣло полезный результатъ. Одна треть или четверть такого помѣстья нерѣдко имѣетъ теперь столько же хлѣба и столько же головъ скота, сколько имѣло прежде все помѣстье.» (Thürgau, стр. 72).

слой почвы не глубокъ, а скалы сильно накаляются солнцемъ, поэтому поселяне, не щадя никакихъ усилій, провели воду по каждой долинѣ съ горъ, такъ чтобы у каждаго хозяина проходила вода по верхнему краю его полей. Это дѣлается посредствомъ деревянныхъ желобовъ, ведущихъ ее черезъ лѣса, черезъ овраги, по скалистой, часто отвѣсной окраинѣ долины изъ самаго верхняго горнаго родника, никогда не пересыхающаго; изъ главнаго желоба выходитъ боковой желобъ на участокъ каждаго поселянина, въ самой верхней части его полей. Поселянинъ разливаетъ воду по своимъ полямъ переносными желобами, и, когда надобно, поочередно орошаетъ каждую полосу въ родѣ того, какъ бѣлильщики поливаютъ водою растянутый холстъ, прокладывая подвижные желоба по разнымъ полосамъ. Не видѣвъ, нельзя повѣрить, какое обширное пространство покрыто этими водопроводами. Длина главныхъ желобовъ очень велика. По одной изъ долинъ я прошелъ 10 миль и на все это пространство по обоимъ бокамъ долины лежали желоба. По одному боку цѣпь желобовъ идетъ на 40 миль *). Если такіе люди не имѣютъ хорошихъ хозяйствъ, то не по лѣности, не по незнанію принципа работы соединенными силами; но по неумѣнію поддерживать общеполезныя дѣла. Въ этихъ отношеніяхъ они безспорно превосходятъ нашихъ поселянъ Верхней Шотландіи. Они имѣютъ энергію собственниковъ, пользующихся всѣми плодами своего труда. Превосходное состояніе дорогъ и мостовъ служитъ другимъ доказательствомъ тому, что страна населена людьми, имѣщими общую выгоду поддерживать ихъ въ исправности». (Laing, Journal of a Residence in Norway, стр. 36—37).

Общіе результаты принадлежности земли поселянамъ на конти-

---

*) Въ книгѣ Ке («Social Condition and Education of the People in England and Europe») приведена слѣдующая выписка изъ Die Agrarfrage Рейхенпшпергера: «самыя обширныя и дорогія сооруженія для орошенія полей нивъ исполнены въ тѣхъ странахъ, гдѣ земля очень раздроблена и находится въ рукахъ мелкихъ собственниковъ». Въ примѣръ Рейхенпшпергеръ указываетъ на долину вокругъ Валенсіи и на нѣкоторые изъ южныхъ департаментовъ Франціи, особенно на департаменты Воклюзскій и Устій Роны, на Ломбардію, Тоскану, Сіенскій, Лукскій и Бергамскій округа, Піемонтъ,—многія мѣста въ Германіи и проч. Во всѣхъ этихъ странахъ земля очень раздроблена между мелкими собственниками; эти мелкіе собственники произвели и теперь поддерживаютъ громадныя сооруженія для общаго орошенія цѣлыхъ округовъ; этимъ доказываютъ они, что соединяя свои силы, могутъ исполнять работы, требующія большихъ капиталовъ». Кау, i. 126.

нентѣ Ленгъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ (Notes of a Traveller, pp. 299 и слѣд.).

«Если мы послушаемъ большаго фермера, ученаго агронома» (англійскаго), «политико-эконома, то хорошее хозяйство должно погибнуть съ погибелью большихъ фермъ; имъ кажется нелѣпостью самая мысль о томъ, что хорошее хозяйство можетъ существовать безъ большихъ фермъ, воздѣлываемыхъ большимъ капиталомъ: дренажъ, удобреніе, разсчетливое распредѣленіе земли, разсчистка ея, правильные сѣвообороты, хорошій скотъ, хорошія орудія,— все это по ихъ словамъ исключительно принадлежитъ большимъ фермамъ, которыя воздѣлываются большимъ капиталомъ и наемнымъ трудомъ. На бумагѣ доказывать это легко, но если мы обратимъ глаза съ ихъ книгъ на ихъ поля и хладнокровно сравнимъ хозяйство наилучшихъ округовъ, воздѣлываемыхъ малыми фермами, то мы увидимъ, во Фландріи, восточной Фрисландіи, Гольштейнѣ и по всей полосѣ удобной земли на континентѣ отъ Зунда до Кале, что хлѣбопашество тутъ лучше, чѣмъ на противоположномъ берегу Англіи на такой же почвѣ и подъ тѣми же градусами, отъ Фортскаго залива до Дувра. При одинаковости почвы и климата земля очевидно получаетъ высшую производительность тамъ, гдѣ внимательнымъ трудомъ воздѣлываются мелкіе участки, составляющіе собственность земледѣльцевъ, какъ это мы видимъ во Фландріи, Голландіи, Фрисландіи, и Гольштейнскомъ Дитмарсенѣ. Наши агрономы не смѣютъ утверждать, что наши большіе фермеры даже въ графствахъ Бервикскомъ и Роксберкскомъ или въ Лотіянскомъ округѣ приближаются къ тому совершенству, какимъ отличается хозяйство мелкихъ фландрскихъ фермеровъ, что у насъ такъ внимательно удобряютъ, дренируютъ и очищаютъ землю или получаютъ отъ нея столько продуктовъ, сколько собираютъ во Фландріи съ небольшихъ участковъ, имѣющихъ отъ природы почву не очень плодородную. Даже въ тѣхъ приходахъ Шотландіи или Англіи, гдѣ существуетъ наилучшее хозяйство, на большихъ фермахъ бросается безъ пользы очень много земли по угламъ и краямъ полей и пропадаетъ подъ полевыми дорогами, которыя необходимо должны быть широки по дурному своему состоянію и дурны по своей широтѣ; пропадаетъ много земли въ невоздѣланныхъ клочкахъ подъ общественными выгонами, подъ безполезными и дряными кустарниками, — пропадаетъ столько земли, что если бы всѣ эти пропадающіе клочки соединить и воздѣлать, ихъ достало бы на содержаніе всѣхъ бѣдныхъ прихода. Но когда

прилагается къ хозяйству большой капиталъ, то, разумѣется, онъ обращается лишь на лучшую почву. Онъ не можетъ прилагаться къ маленькимъ непроизводительнымъ клочкамъ, оплодотвореніе которыхъ требовало бы больше труда и времени, чѣмъ дается надобностью въ скорой выручкѣ капитала. Время и трудъ наемныхъ работниковъ не могутъ быть употреблены съ выгодою на воздѣлываніе такихъ участковъ, но если бы работникъ былъ собственникомъ, онъ нашелъ бы выгоду воздѣлывать ихъ. На первое время онъ довольствуется и тѣмъ, что можетъ кормиться отъ своей земли. Но трудомъ поколѣній сообщается этимъ клочкамъ плодородіе и цѣнность. Средства къ жизни улучшаются и достигаются очень высокіе способы обработки. Дренажъ, кормленіе скота въ стойлахъ цѣлое лѣто, жидкое удобреніе,—эти вещи общеупотребительны въ маленькихъ хозяйствахъ Фландріи, Ломбардіи, Венеціи. У насъ, при системѣ большихъ фермъ, эти усовершенствованія только еще начинаются въ округахъ съ самымъ лучшимъ хозяйствомъ. Въ странахъ, гдѣ земля принадлежитъ мелкимъ собственникамъ поселянамъ, мы находимъ даже хозяйство, основанное на молочныхъ скопахъ, выдѣлкѣ огромныхъ сыровъ сотрудничествомъ многихъ маленькихъ хозяевъ *); взаимное застрахованіе отъ

---

*) Достоинъ вниманія способъ, по которому швейцарскіе поселяне соединяютъ свои капиталы для выдѣлки сыра. «Каждый швейцарскій приходъ для выдѣлки сыра нанимаетъ особеннаго человѣка, обыкновенно урожденца Грюйерскаго округа (во Фрейбургскомъ кантонѣ). На 40 коровъ считается нужнымъ имѣть одного сырника съ помощникомъ, или выжимальщика и пастуха. У каждаго хозяина коровъ есть книжка, въ которой каждый день отмѣчается, сколько молока дано каждою коровой. Сырникъ и его помощники доятъ коровъ, сливаютъ ихъ молоко вмѣстѣ, дѣлаютъ изъ него сыръ и въ концѣ лѣта каждый поселянинъ получаетъ количество сыра соразмѣрное тому, сколько молока дали его коровы. При такомъ сотрудничествѣ поселянинъ вмѣсто маленькихъ, негодныхъ на продажу сыровъ, какіе могъ бы дѣлать изъ молока трехъ или четырехъ своихъ коровъ, получаетъ большіе, годные на продажу сыры лучшаго качества; они имѣютъ хорошее качество потому, что дѣлаются людьми, спеціально занимающимися этою работою. Сырникъ и его помощники получаютъ извѣстную плату съ каждой коровы деньгами или сыромъ, или нанимаютъ коровъ у хозяевъ и платятъ за нихъ деньгами или сыромъ.» (Notes of a Traveller, стр. 351.) Подобная система существуетъ во Франціи въ департаментѣ Юры. См. для бо́льшихъ подробностей Lavergne Economie rurale de la France 2-е изд., стр. 139 и слѣд. Въ этомъ интересномъ примѣрѣ сочетанія труда очень замѣчательную черту составляетъ довѣріе къ честности людей выдѣлывающихъ сыръ,—дѣло не могло бы производиться, если бы такое довѣріе не существовало и не оправдывалось опытомъ.

огня и града соединеніемъ силъ мелкихъ хозяевъ, производство самой мудреной и обширной изъ всѣхъ новыхъ земледѣльческихъ операцій,—производство свекловичнаго сахара; эти мелкія хозяева снабжаютъ европейскій рынокъ льномъ и пенькою: въ этихъ странахъ даже бѣднѣйшіе люди имѣютъ каждый день въ изобиліи овощи, плоды, птицу за своимъ столомъ, а у насъ даже средніе классы совершенно лишены такого разнообразія въ пищѣ; это разнообразіе и составляетъ существенную принадлежность мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ. Всѣ эти факты заставляютъ наблюдателя усумниться въ справедливости мнѣнія нашихъ агрономовъ, будто бы большія фермы, воздѣлываемыя наемнымъ трудомъ и большимъ капиталомъ, извлекаютъ изъ земли наибольшій продуктъ, снабжаютъ населеніе страны наибольшимъ количествомъ предметовъ необходимости и комфорта, и будто бы при иной системѣ это невозможно.»

4. Въ Германіи есть много цвѣтущихъ областей, въ которыхъ господствуетъ система принадлежности земли поселянамъ. Для примѣра я выбираю изъ нихъ Пфальцъ, представляющій ту выгоду, что относительно вліяній этой системы на земледѣліе и участь народа недавно произведены наблюденія англичаниномъ. Говиттъ писатель, привыкшій видѣть въ прекрасномъ свѣтѣ все англійское, говоря о Рейнскихъ поселянахъ, съ полною силою выставляетъ, что орудія ихъ грубы, что земля распахивается у нихъ хуже чѣмъ въ Англіи; но все таки онъ показываетъ намъ, что благодаря энергіи, которая сообщается человѣку правомъ собственности, несовершенство орудій вознаграждается у этихъ поселянъ силою трудолюбія. «Поселянинъ боронитъ и расчищаетъ землю до совершенства, и удивительны жатвы, имъ получаемыя.» (Rural and domestic Life of Germany, стр. 27.) — «Въ деревняхъ вы повсюду встрѣчаете поселянъ собственниковъ; они составляютъ главное населеніе страны и большая часть земли находится въ ихъ рукахъ. Она раздроблена на участки, принадлежащіе простому народу. У насъ люди, воздѣлывающіе землю, почти всѣ совершенно не имѣютъ собственности на нее и воздѣлываютъ ее руками наемныхъ работниковъ. Здѣсь совершенно не то: земля принадлежитъ самимъ людямъ, ее воздѣлывающимъ. Быть можетъ именно по этому земледѣльцы здѣсь такъ трудолюбивы, какъ нигдѣ. Съ ранняго утра до поздней ночи они усердно работаютъ, зная, что работаютъ въ свою пользу.... Нѣмецкимъ поселянамъ приходится много работать, но они живутъ не нуждаясь. У каждаго есть свой домъ съ огородомъ, передъ

домомъ растутъ фруктовыя деревья, обыкновенно до того обремененныя плодами, что онъ долженъ подпирать ихъ со всѣхъ сторонъ, — иначе обломились бы вѣтви. У него есть хлѣбное поле, свекловичное поле, коноплянникъ и т. д. Онъ самъ себѣ хозяинъ, онъ и всѣ члены его семейства имѣютъ сильнѣйшія побужденія къ труду. Результатъ этого вы увидите въ неутомимомъ трудолюбіи, которому нѣтъ въ мірѣ ничего подобнаго, и въ бережливости, которая еще выше этого трудолюбія. Нѣмцы не такъ дѣятельны и бойки, какъ англичане, они никогда не торопятся, не думаютъ въ нѣсколько минутъ покончить большую работу, — нѣтъ, они работаютъ медленно, но неотступно идутъ впередъ шагъ за шагомъ изо дня въ день, изъ года въ годъ; это терпѣливѣйшія, неутомимѣйшія, усерднѣйшія существа въ мірѣ. У англійскаго поселянина такъ отнята мысль о собственности, что онъ обыкновенно считаетъ собственность вещью недоступною ему по законамъ составленнымъ большими землевладѣльцами, и потому работаетъ безъ увлеченія, безъ цѣли. Нѣмецкій поселянинъ, напротивъ того, считаетъ поля своей страны созданными для него и его товарищей; онъ сознаетъ себя человѣкомъ, имѣетъ свою долю въ отечественной землѣ, подобно массѣ своихъ сосѣдей; никто не можетъ угрожать ему изгнаніемъ съ этихъ полей или workhous'омъ, пока онъ трудолюбивъ и бережливъ. Потому онъ идетъ смѣлымъ шагомъ, смотритъ вамъ прямо въ лице, какъ свободный человѣкъ, уважающій себя и другихъ. (ib. стр. 40.)

О друдолюбіи Рейнскихъ поселянъ Говиттъ говоритъ: «нѣтъ въ году ни одного часа, на который не было бы у нихъ неотступнаго занятія. Среди зимы, лишь только погода позволяетъ имъ выйдти изъ дому, они всегда имѣютъ себѣ занятіе. Пока стоитъ морозъ, они вывозятъ удобреніе на свои земли. Во время оттепели они дѣятельно расчищаютъ канавы, рубятъ старыя или попортившіяся фруктовыя деревья. У кого изъ нихъ, по бѣдности, не заготовлено довольно дровъ на всю зиму, тѣ ѣдутъ въ горные лѣса за топливомъ, — это большая работа. Англійскій простолюдинъ удивился бы увидѣвъ, какого усиленнаго труда стоитъ нѣмцамъ запасаться топливомъ. Въ морозъ, по глубокому снѣгу, отправляются они на горы, въ лѣса, и посмотрите, какъ тамъ они рубятъ пни, срѣзываютъ сучья, собираютъ всѣми дозволенными отъ лѣсной полиціи способами валежникъ и разные куски дерева, и перевозятъ ихъ домой съ неимовѣрнымъ трудомъ и терпѣніемъ (стр. 44.)» Описавъ ихъ заботливый и трудолюбивый уходъ за виноградниками, Говиттъ

продолжаетъ. «Въ Англіи, при обширности луговъ и большомъ размѣрѣ фермъ, полевая дѣятельность успокоивается когда хлѣбъ собранъ и поля оставлены подъ сѣнокосъ. Но здѣсь на каждомъ клочкѣ земли вѣчно идетъ работа кирками и косами, сажанье и уборка, полотье и срѣзыванье. У поселянъ здѣсь постоянный оборотъ уборки однихъ плодовъ за другими, какъ у нашихъ огородниковъ, снабжающихъ рынки овощами. Они воздѣлываютъ макъ, пеньку, ленъ, тимофѣеву траву, рапсъ, капусту, разные сорты рѣпы, артишоки, морковь, свеклу, горохъ, маисъ, разные сорты картофеля, табакъ, просо, — всѣ эти, или почти всѣ эти растенія воздѣлываются у нихъ каждымъ семействомъ на его участкѣ и его силами. Имъ надобно посѣять всѣ эти растенія, многія изъ нихъ надобно пересаживать, подчищать мотыкою, полоть, обирать съ нихъ насѣкомыхъ; многія изъ нихъ надобно по нѣскольку разъ косить или убирать. У нихъ есть искусственные луга (натуральныхъ луговъ у нихъ почти нѣтъ,) они должны наводнять ихъ, косить, потомъ опять наводнять, отпирать и запирать оросительныя канавы, собирать ранніе фрукты, отвозить ихъ на рынокъ вмѣстѣ съ овощами; они должны имѣть уходъ за коровами, овцами, телятами и другимъ скотомъ, который почти весь, круглый годъ, содержится у нихъ въ стойлахъ, должны смотрѣть за птицею; должны привязывать къ подпоркамъ виноградныя лозы, которыя разрастаются лѣтомъ, должны обрывать съ нихъ слишкомъ густые листки; — можно вообразить, какую сцену непрерывнаго труда представляютъ ихъ земли.» (Говиттъ, стр. 50)

Общую вѣрность этого интереснаго очерка можетъ засвидѣтельствовать каждый наблюдательный путешественникъ, видѣвшій превосходно воздѣланную и густо населенную землю Рейнскаго Пфальца; съ словами Говитта согласно болѣе ученое описаніе, находимое нами въ книжкѣ извѣстнаго профессора Рау, «О Пфальцскомъ Земледѣліи» (Ueber die Landwirthschaft der Rheinpfalz und insbesondere in der Heidelberger Gegend, von D. Karl Heinrich Rau. Heidelberg, 1830) Авторъ, самъ житель Пфальца, свидѣтельствуетъ не только о трудолюбіи, но также объ искуствѣ и сообразительности Пфальцскихъ поселянъ; онъ говоритъ, что они хорошо знаютъ качества разныхъ удобреній, что сѣвообороты у нихъ превосходные, что въ теченіе многихъ поколѣній ихъ земледѣліе постоянно совершенствовалось и стремленіе къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ остается сильно въ нихъ. Пфальцскихъ поселянъ видишь за работою цѣлый день, цѣлый годъ; у нихъ нѣтъ празднаго времени, потому что они хорошо распредѣляютъ свои работы по временамъ года, находя для

каждаго времени соотвѣтственное занятіе. Неутомимость ихъ извѣстна, извѣстно и усердіе, съ которымъ они пользуются каждымъ обстоятельствомъ, принимаютъ каждое полезное нововведеніе, даже сами ищутъ новыхъ, выгоднѣйшихъ методовъ. Видно, что здѣшній поселянинъ много размышлялъ о своей работѣ, — онъ можетъ отдать отчетъ, почему онъ такъ дѣлаетъ, и если его соображенія не всегда вѣрны, то всегда онъ дѣйствуетъ съ соображеніемъ. Онъ наблюдаетъ техническія пропорціи со всею точностію, съ какою можно соблюдать ихъ на память, безъ помощи цифръ, и наблюдаетъ примѣты, предсказывающія, по его мнѣнію, дурную или хорошую погоду.» (стр. 15, 16.)

То же самое подтверждается опытомъ всѣхъ другихъ частей Германіи. Въ послѣднія 30 лѣтъ въ Саксоніи, когда поселяне стали собственниками земли, говоритъ Ке, жилища ихъ, образъ жизни одежда, и въ особенности земледѣліе быстро и постоянно улучшались, — это фактъ извѣстный. Два раза съ нѣмецкимъ проводникомъ я проходилъ пѣшкомъ часть Саксоніи, называющуюся Саксонской Швйцаріей; я ходилъ по ней затѣмъ, чтобы видѣть положеніе деревень и хозяйства, и я смѣло утверждаю, что въ цѣлой Европѣ не найдется хозяйства, которое было бы выше трудолюбиваго и заботливаго земледѣлія этихъ саксонскихъ долинъ. Хозяйства поселянъ и здѣсь чрезвычайно хороши, какъ въ кантонахъ Бернскомъ, Ваадтскомъ, Цюрихскомъ, и въ Рейнскихъ провинціяхъ: они содержатся въ большой исправности, всегда чисты и въ большомъ порядкѣ. Земля обработана какъ огородъ. Нѣтъ кустарниковъ, отнимающихъ мѣсто. Вы почти не увидите ни соломенки, ни вѣтки сорной травы на ней. Поля каждую весну орошаются жидкимъ удобреніемъ, которое собирается по желобамъ на скотныхъ дворахъ. Кормовыя травы совершенно чисты отъ сорныхъ. Поселяне стараются превзойти другъ друга количествомъ и качествомъ продуктовъ, заботливымъ подготовленіемъ почвы и совершенствомъ обработки въ своихъ участкахъ. Каждый изъ этихъ маленькихъ собственниковъ заботливо ищетъ такихъ способовъ хозяйства, чтобы достичь наилучшихъ результатовъ; они очень расположены принимать усовершенствованія, чтобы сдѣлать дѣтей помощниками отцамъ, они посылаютъ ихъ въ земледѣльческія училища, и каждый собственникъ быстро вводитъ у себя улучшенія, введенныя кѣмъ нибудь изъ сосѣдей.» (The Social Condition and Education of the People in England and Europe; showing the results of the primary Schools and of the division of Landed Property in Foreign Countries. By Ioseph

Кау Т. 1. стр. 138-140.) Если факты тутъ не преувеличены, то изъ нихъ надобно заключать, что Рейнскіе поселяне поступаютъ гораздо умнѣе не только англійскихъ работниковъ, но и англійскихъ фермеровъ.

Книга Ке, изданная въ 1850 году, содержитъ множество наблюденій и изслѣдованій, лично сдѣланныхъ авторомъ въ разныхъ частяхъ Европы; кромѣ того въ ней приведены свидѣтельства множества замѣчательныхъ писателей, говорящихъ о хорошихъ слѣдствіяхъ принадлежности земли поселянамъ. Изъ приводимыхъ авторомъ свидѣтельствъ о вліяніи этого положенія вещей на земледѣліе я выбираю слѣдующій отрывокъ.

«Рейхеншпергеръ издалъ большое и очень основательное сочиненіе, показывающее удивительные результаты системы, по которой земля принадлежитъ крестьянамъ. Авторъ этотъ, житель той Прусской провинціи, гдѣ земля наиболѣе раздроблена, рѣшительно утверждаетъ, что не только валовой продуктъ на извѣстномъ числѣ экровъ, воздѣлываемыхъ мелкими собственниками или собственниками поселянами, бываетъ больше валоваго продукта, даваемаго такимъ же пространствомъ земли, принадлежащей немногимъ большимъ собственникамъ, и воздѣлываемой фермерами арендаторами, но и чистый продуктъ, остающійся за исключеніемъ издержекъ обработки, въ первомъ случаѣ бываетъ больше чѣмъ во второмъ. Онъ выставляетъ фактъ, доказывающій, что плодородность земли должна быстро возрастать въ странахъ, имѣющихъ мелкую поземельную собственность. Онъ говоритъ, что въ Рейнскихъ областяхъ Пруссіи земля, раздѣленная на мелкія владѣнія, продается гораздо дороже и поднимается въ цѣнѣ гораздо быстрѣе, чѣмъ земля большихъ помѣстій. Подобно профессору Рау, онъ говоритъ, что это возвышеніе цѣны мелкихъ владѣній раззорило бы новыхъ покупщиковъ, еслибы производительность мелкихъ владѣній не возвышалась съ такою же или большею быстротою, какъ и цѣна ихъ; а мелкіе собственники постепенно становятся все зажиточнѣе и зажиточнѣе, не смотря на возвышеніе цѣны земель, ими покупаемыхъ; потому онъ заключаетъ, и надобно думать заключаетъ справедливо, что этотъ фактъ показываетъ постепенное возрастаніе не только валоваго дохода, но и чистаго дохода мелкихъ владѣній, показываетъ также, что экръ земли, воздѣлываемой мелкими собственниками, даетъ больше чистаго дохода, чѣмъ экръ земли арендуемой у большаго собственника. По моему мнѣнію онъ справедливо говоритъ, что возвышеніе цѣны земли въ мелкихъ владѣ-

ніяхъ не можетъ быть слѣдствіемъ однаго только соперничества, потому что если бы чистый доходъ не возвышался соразмѣрно цѣнѣ, то выгоды и благосостояніе мелкихъ собственниковъ уменьшались бы, а въ этомъ случаѣ не могла бы подниматься и цѣна.

Другой знаменитый нѣмецкій авторъ, писавшій о разныхъ системахъ земледѣлія, Альбрехтъ Таэръ, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ сочиненій (Grundsätze der rationellen Landwirthschaft) выражаетъ свое рѣшительное убѣжденіе, что чистый продуктъ бываетъ больше, когда земля воздѣлывается мелкими собственниками, чѣмъ когда она воздѣлывается большими собственниками, или ихъ фермерами. Это мнѣніе Таэра тѣмъ замѣчательнѣе, что въ первую половину своей жизни онъ былъ сильнымъ приверженцемъ англійской системы большихъ помѣстій и большихъ фермъ.»

Ке прибавляетъ къ этому свой собственный выводъ, «что земледѣльческое хозяйство поселянъ въ Пруссіи, Саксоніи, Голландіи и Швейцаріи — самое совершенное и разсчетливое хозяйство изъ всѣхъ гдѣ либо видѣнныхъ мною» (стр. 116-118).

5. Но самымъ рѣшительнымъ доводомъ противъ англійскаго предразсудка о невыгодности хозяйства поселянъ собственниковъ служитъ Бельгія. Почва въ ней отъ природы одна изъ самыхъ дурныхъ въ Европѣ. «Западная и восточная Фландрія и Геннегау, говоритъ Макъ-Куллокъ, (Geographical Dictionary, въ статьѣ «Бельгія») составляетъ обширную равнину, роскошная растительность которой показываетъ неутомимую заботливость и трудолюбіе своихъ земледѣльцевъ, потому что природная почва тутъ состоитъ почти изъ одного голаго песка и чрезвычайная плодородность земли вся произведена хорошимъ хозяйствомъ и разсчетливымъ употребленіемъ разныхъ удобреній.» Въ колекціи Фермера (Farmer's Serie of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge) есть обширный и хорошо составленный трактатъ о фламандскомъ хозяйствѣ. Авторъ его говоритъ (стр. 12—14), что фламандскимъ земледѣльцамъ нужна только мѣстность, какая бы то ни было, и они станутъ воздѣлывать ее и каково бы ни было качество почвы, они съ теченіемъ времени заставятъ ее производить что нибудь. Песокъ Камининскаго округа по своей безплодности можетъ быть сравненъ только съ приморскимъ пескомъ, какимъ вѣроятно и былъ прежде. Чрезвычайно любопытно слѣдить за ходомъ его обработки. Вотъ вы видите домикъ съ хлѣвомъ, построенный въ мѣстности повидимому безнадежной. Бѣлый песокъ, образовавшій неправильныя насыпи, сдерживается только корнями бурьяна. Небольшое мѣсто на немъ выровнено и окружено канавой.

Часть этого пространства засажена клоповникомъ, другая часть картофелемъ и маленькій клочекъ быть можетъ засѣянъ клеверомъ, если тощій клеверъ въ состояніи расти тутъ.» Но хозяинъ собираетъ твердое и жидкое удобреніе, «оно служитъ зародышемъ, изъ котораго разрастается черезъ нѣсколько лѣтъ маленькая ферма. Если у хозяина вовсе нѣтъ удобренія, то на своемъ голомъ пескѣ онъ сначала не можетъ сѣять ничего, кромѣ клоповника, который растетъ и на самой тощей почвѣ. Черезъ три года клоповникъ можно срѣзать, онъ даетъ пуки, которые можно продать булочникамъ и на кирпичные заводы. Падавшія съ него листья нѣсколько удобрили почву, а корни нѣсколько связали ее. Теперь можно ее пахать и засѣять полбой или даже рожью безъ удобренія. Когда этотъ хлѣбъ созрѣетъ, хозяинъ, быть можетъ, ужъ собралъ нѣсколько удобренія и въ состояніи начать правильный рядъ посѣвовъ. Когда клеверъ и картофель дадутъ ему возможность держать коровъ и получать отъ нихъ удобреніе, улучшеніе пойдетъ быстро; черезъ нѣсколько лѣтъ почва подвергается совершенному измѣненію. Она становится мягка, держитъ влажность, обогащается растительными веществами отъ перегнивающихъ корней клевера и другихъ растеній. Когда земля постепенно приведена въ хорошее состояніе и подвергнута правильному воздѣлыванію, то ужъ не обнаруживается прежней огромной разницы между почвами, плодородными отъ природы, и почвами, которымъ плодородность сообщена только неутомимымъ трудомъ. Наконецъ, между жатвами тѣхъ и другихъ почвъ нѣтъ уже той разницы, какая видна на жатвахъ разныхъ почвъ въ другихъ странахъ. Это служитъ великимъ доказательствомъ превосходства фламандской системы: мы видимъ, что земля при ней постоянно улучшается и что недостатки почвы сглаживаются чрезвычайно заботливо пропахиваніемъ и удобреніемъ, въ особенности удобреніемъ.»

Эти люди работаютъ такъ усердно потому, что работаютъ въ свою пользу и сотни лѣтъ у нихъ уже въ употребленіи принципы плодоперемѣннаго хозяйства съ разсчетливымъ удобреніемъ, — принципы, причисляемые въ Англіи къ новымъ открытіямъ. Да и теперь, по мнѣнію компетентныхъ судей, хозяйство ихъ стоитъ вообще выше англійскаго. «Скудная, легкая почва или умѣренная почва во Фландріи вообще воздѣлывается лучше, чѣмъ въ наилучшихъ англійскихъ хозяйствахъ, имѣющихъ такую почву, говоритъ авторъ трактата о фламандскомъ хозяйствѣ (стр. 3.) Мы далеко превосходимъ фламандскаго хозяина количествомъ капитала, разнообраз-

ными пахатными орудіями, отборными породами рогатаго скота и овецъ, и уходомъ за ними» (впрочемъ въ той же книгѣ говорится (стр. 13.), что Фламандцы гораздо раньше насъ начали кормить коровъ въ стойлахъ.) «Британскій фермеръ вообще человѣкъ болѣе образованный, чѣмъ фламандскій поселянинъ. Но мы еще должны учиться у фламандцевъ заботливому вниманію къ свойствамъ почвы, употребленію разныхъ удобреній, хорошимъ сѣвооборотамъ, и въ особенности умѣнью пользоваться землею такъ, чтобы каждый участокъ, ея постоянно былъ у насъ производительнымъ.» И учиться всему этому мы должны не у какихъ нибудь особенно образованныхъ и предпріимчивыхъ хозяевъ,—нѣтъ вообще у всѣхъ фламандскихъ хозяевъ.

Въ той части страны, которая имѣетъ наилучшее хозяйство, значительную часть составляютъ участки поселянъ собственниковъ, воздѣлываемые трудомъ самихъ собственниковъ, и при томъ вполнѣ или отчасти посредствомъ заступа. «Когда земля воздѣлывается исключительно заступомъ, и въ хозяйствѣ нѣтъ лошади, то на каждые три экра земли содержится корова, пищу которой исключительно составляютъ кормовыя травы и коренья. Такой способъ обработки господствуетъ въ Весскомъ округѣ, гдѣ земля чрезвычайно раздроблена. Весь трудъ исполняется разными членами семейства и дѣти рано начинаютъ помогать въ мелкихъ работахъ, въ полотьѣ, копаніи грядъ, кормленіи коровъ, смотря по своимъ лѣтамъ и силамъ. Семья живетъ хорошо, если собираетъ годичную пропорцію ржи и пшеницы для себя, картофеля, рѣпы, моркови и клевера для своихъ коровъ; за вычетомъ издержекъ на покупку удобренія (эти издержки вообще значительны) она получаетъ очень хорошую прибыль отъ продажи рапсоваго сѣмени, льна, пеньки и сливочнаго масла. Положимъ, что все владѣніе поселянина имѣетъ шесть экровъ,—такой размѣръ здѣсь не рѣдокъ, и одинъ работникъ можетъ управиться съ этою землею. Для мужа и жены съ тремя маленькими дѣтьми нужно продовольствіе, какое нужно для трехъ съ половиною взрослыхъ дѣтей; такимъ образомъ этой семьѣ надобно будетъ 39 бушелей хлѣба, 49 бушелей картофеля, жирную свинью, масло и молоко отъ одной коровы. Полтора экра земли произведутъ хлѣбъ и картофель нужные для семьи, и кромѣ того еще нѣсколько хлѣба на окончательное откормленіе свиньи, которой дается также сыворотка, остающаяся отъ выдѣлки масла; другой экръ, засѣянный клеверомъ, картофелемъ и другими корнеплодными растеніями, даетъ больше, чѣмъ нужно для прокормле-

нія коровы. Такимъ образомъ двухъ съ половиною экровъ земли будетъ довольно на продовольствіе семейства, а продукты остальныхъ трехъ съ половиною экровъ оно можетъ продавать для уплаты ренты или процентовъ займа, сдѣланнаго для покупки земли, на покрытіе расходовъ по возобновленію орудій, по покупкѣ удобреній и одежды. Эти три съ половиною экра самые выгодные для хозяйства, потому что на нихъ между прочимъ воздѣлывается пенька, ленъ и сурѣпица; а если клеверомъ и корнеплодными растеніями засѣвается не одинъ, а два экра, то можно держать другую корову, и продавать ея продукты. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь рѣшеніе задачи о томъ, какъ цѣлое семейство можетъ кормиться шестью экрами земли средняго качества». Представивъ разсчетъ, что такой участокъ можетъ въ совершенствѣ воздѣлываться трудомъ самой семьи, безъ прибавки наемнаго труда, авторъ продолжаетъ: «если участокъ имѣетъ десять экровъ, его легко будетъ воздѣлывать заступомъ, прибавивъ одного мужчину и одну женщину къ членамъ семьи. А если есть лошадь и телѣга для вывоза удобренія, для перевозки продуктовъ, то бороновать землю можно отчасти лошадью, и можно очень хорошо воздѣлывать 15 экровъ». (Flemish Husbandry, стр. 73 и слѣд.) Представивъ на нѣсколькихъ страницахъ разсчеты и подробности, авторъ говоритъ: (ib стр. 81.) «такимъ образомъ мы видимъ, что при воздѣлываніи земли заступомъ трудолюбивый человѣкъ съ маленькимъ капиталомъ, занимая только 15 экровъ хорошей, легкой земли, можетъ не только содержать свое семейство, *платя хорошую ренту*, но можетъ даже накопить порядочныя деньги въ теченіе своей жизни». Но неутомимое трудолюбіе, которое производитъ такой результатъ и значительная часть котораго употребляется не просто на обработку земли, а на ея улучшеніе въ разсчетахъ далекой выгоды,—это трудолюбіе само не происходитъ ли отъ того, что поселянинъ *не платитъ* ренты. Можетъ ли оно существовать, если мы не предложимъ, что земля у него находится если не въ собственности, то, по крайней мѣрѣ, въ вѣчномъ пользованіи.

Объ образѣ жизни фламандскихъ поселянъ авторъ говоритъ: «сельскіе домохозяева и работники живутъ во Фландріи гораздо разсчетливѣе, чѣмъ въ Англіи. Они рѣдко ѣдятъ мясо, кромѣ какъ въ воскресенье и во время жатвы. Ежедневная пища ихъ состоитъ изъ простокваши и картофеля съ чернымъ хлѣбомъ». Вотъ признаки, по которымъ англійскіе путешественники, торопливо

проѣзжающіе Европу, объявляютъ, что поселяне во всѣхъ континентальныхъ земляхъ бѣдны и жалки, что земледѣльческій и общественный порядокъ на континентѣ дуренъ, что англійскій порядокъ единственная система, дающая благосостояніе работникамъ. Въ сущности надобно сказать, что она единственная система, при которой работники не стараются улучшить свое положеніе, каково бы оно ни было, хорошо или дурно. Англійскіе работники привыкли считать невозможнымъ сберегать что нибудь изъ получаемаго ими, и потому признаки бережливости принимаются англичанами за признаки бѣдности. Но посмотримъ, въ чемъ состоитъ истинный смыслъ этихъ явленій.

«Такимъ образомъ фламандскіе поселяне *постепенно пріобрѣтаютъ капиталъ*, и честолюбіе свое ставятъ они въ томъ, чтобы пріобрѣсти землю въ собственность. Они жадно пользуются всякимъ случаемъ купить маленькую ферму, и цѣна маленькихъ участковъ такъ поднята ихъ соперничествомъ, что земля даетъ немногимъ больше двухъ процентовъ своей продажной цѣны. Большія помѣстья постепенно исчезаютъ и раздробляются на мелкіе участки, продающіеся за дорогія деньги. Но богатство и промышленныя силы населенія постоянно возрастаютъ, разливаясь по всей массѣ, а не сосредоточиваясь въ немногихъ рукахъ».

Эти факты изложены въ общеизвѣстныхъ книгахъ. Потому удивительно, что на Фландрію указываютъ, какъ на страну, свидѣтельствующую не въ пользу принадлежности земли поселянамъ, а противъ нея, основываясь единственно на томъ, будто бы Фландрія имѣетъ чрезмѣрную населенность, о чемъ заключаютъ изъ голода, бывшаго между фламандскими поселянами въ бѣдственномъ 1846—1847 году. Свидѣтельство приведенное мною изъ писателя, знакомаго съ предметомъ и не пристрастнаго ни къ какой экономической теоріи, показываетъ, что этотъ голодъ, какъ ни былъ жестокъ, происходитъ не отъ того, чтобы мелкія поземельныя владѣнія Фландріи не могли въ обыкновенное время изобильно удовлетворять надобностямъ всего населенія, продовольствующагося ими. Голодъ произошелъ отъ обстоятельства, неразлучно связаннаго съ положеніемъ людей, производящихъ свое продовольствіе на своей землѣ: шансы дурныхъ урожаевъ ложатся на этихъ людей, они не могутъ сложить ихъ съ себя на другихъ потребителей, какъ дѣлаютъ большіе фермеры. Если мы вспомнимъ, что въ 1846 году былъ неурожай всѣхъ хлѣбовъ, и картофель почти вся пропала, то мы не удивимся, что при такомъ необычайномъ бѣдствіи продуктъ

шести экровъ, изъ которыхъ половина засѣвается льномъ, пенькою и масляничными растеніями, оказался недостаточенъ на годичное продовольствіе семейства. Но фландрскаго поселянина, подвергшагося тогда бѣдствію, мы не должны сравнивать съ англійскимъ капиталистомъ, арендующимъ нѣсколько сотъ экровъ земли. Если бы этотъ поселянинъ былъ англичанинъ, онъ былъ бы не капиталистъ, а работникъ капиталиста. Когда же при голодѣ работники не терпятъ бѣдствій? И развѣ не терпѣли они бѣдствія въ тотъ годъ въ странахъ, гдѣ нѣтъ мелкихъ собственниковъ и мелкихъ фермеровъ? Я не нахожу причинъ полагать, что голодъ въ Бельгіи былъ тогда сильнѣе того, чѣмъ бываетъ въ другихъ странахъ при такомъ же неурожаѣ *).

6. Острова Британскаго канала служатъ такимъ рѣшительнымъ примѣромъ полезныхъ результатовъ, производимыхъ принадлежностью земли поселянамъ, что я не могу не прибавить къ сдѣланнымъ мною многочисленнымъ выпискамъ отрывка изъ экономическаго описанія ихъ. Отрывокъ этотъ беру я изъ Уильяма Торнтона, писателя соединяющаго личныя наблюденія съ внимательнымъ изученіемъ свѣдѣній, собранныхъ другими. Его «Plea for Peasant Proprietors» — книга, которую надобно назвать классической по вопросу о пользѣ принадлежности земли поселянамъ; такъ превосходно собраны и обработаны въ ней матеріалы. Вотъ что говоритъ онъ объ островѣ Гернзи (стр. 99 — 104): «этотъ маленькій островъ посылаетъ на рынокъ гораздо большее количество продуктовъ, чѣмъ посылаютъ въ самой Англіи округи такой величины, — фактъ, уже самъ по себѣ доказывающій, что поселяне на Гернзи должны быть далеки отъ бѣдности, потому что, будучи полными собственниками всѣхъ своихъ продуктовъ, они, конечно, продаютъ только ту часть ихъ,

---

*) Въ послѣднее время много говорятъ о постоянной нуждѣ въ продовольствіи между бельгійцами; но эту постоянную нужду испытываетъ почти исключительно та часть населенія, которая занимается или однимъ фабричнымъ трудомъ, или фабричнымъ трудомъ вмѣстѣ съ земледѣльческимъ; причина нужды тутъ—уменьшеніе запроса на бельгійскія фабричныя издѣлія.

Къ свидѣтельствамъ, приведеннымъ мною о Германіи, Швейцаріи и Бельгіи можно прибавить свидѣтельство Нибура о Римской Campaньѣ. Въ письмѣ изъ Тиволи онъ говоритъ: «гдѣ встрѣчаете вы наслѣдственныхъ фермеровъ или мелкихъ собственниковъ, непремѣнно встрѣчаете трудолюбіе и честность. Мнѣ кажется, что человѣкъ, который употребилъ бы большое состояніе на созданіе мелкихъ собственниковъ, прекратилъ бы разбои въ горныхъ округахъ». Life and Letters of Niebuhr, томъ II, стр. 149.

*

которая остается ненужна имъ самимъ. Удовлетворительность ихъ положенія очевидна каждому наблюдателю. Изъ всѣхъ обществъ, какія случалось мнѣ видѣть, говоритъ мистеръ Гилль, самое зажиточное нашелъ я на маленькомъ островѣ Гернзи. — Куда бы ни пошелъ на этомъ островѣ путешественникъ, говоритъ сэръ Джорджъ Гедъ, вездѣ онъ увидитъ, что господствуетъ на немъ благосостояніе. Англичанина, который идетъ или ѣдетъ въ поле изъ порта св. Петра, прежде всего поражаетъ видъ домовъ, разсѣянныхъ по пейзажу. Многіе изъ этихъ домовъ такъ хороши, что въ Англіи могли бы принадлежать только людямъ средняго сословія; англичанинъ не можетъ сообразить, какіе же люди живутъ въ этихъ домахъ, которые не такъ велики, какъ дома англійскихъ фермеровъ, но почти всѣ слишкомъ хороши для работниковъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ рыбацкихъ шалашей на цѣломъ островѣ буквально нѣтъ ни одного дома, который можно бы было сравнить съ обыкновеннымъ жилищемъ англійскаго замледѣльческаго работника. Посмотрите на дрянныя жилища англійскихъ земледѣльческихъ работниковъ, говоритъ Делиль Брокъ, бывшій бальи острова Гернзи, и сравните ихъ съ домами нашихъ поселянъ! — Нищіе на Гернзи совершенно неизвѣстны; пролетаріевъ также почти вовсе нѣтъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ пролетаріевъ между людьми, способными къ работѣ. Сберегательныя кассы также свидѣтельствуютъ о всеобщей зажиточности рабочихъ сословій на Гернзи. Въ 1841 году въ Англіи, при населеніи около 15 милльоновъ, имѣли деньги въ сберегательныхъ кассахъ менѣе 700,000 человѣкъ, т. е. одинъ изъ 20 человѣкъ населенія, и средняя величина вкладовъ была 30 фунтовъ. На Гернзи въ томъ же году изъ 26,000 человѣкъ имѣли вклады 1920 человѣкъ, и средняя величина вкладовъ была 40 фунтовъ.» (A plea for Peasant Proprietors. By William Thomas Thornton. c. 29—104) То же самое мы читаемъ о Джерзи и Альдерни.

Торнтонъ подробно показываетъ успѣшность и производительность мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ на островахъ Британскаго канала, и выводъ изъ этихъ подробностей выражаетъ слѣдующими словами: «мы видимъ, что на двухъ главныхъ изъ этихъ острововъ, земледѣльческое населеніе гораздо гуще, чѣмъ въ Великобританіи, — на одномъ въ два раза, на другомъ въ три раза: въ Великобританіи приходится только одинъ земледѣлецъ на 22 экра воздѣланной земли, а на Джерзи одинъ на 11 экровъ, на Гернзи одинъ на 7 экровъ. А кромѣ земленащцевъ земледѣліе этихъ острововъ содержитъ неземледѣльческое населеніе, которое также

гораздо гуще, чѣмъ въ Великобританіи, — на Джерзи въ четыре раза, а на Гернзи въ пять разъ. Разница эта происходитъ не отъ того, чтобы почва или климатъ на островахъ Британскаго канала были лучше, — нѣтъ, почва на нихъ отъ природы менѣе плодородна, а климатъ такой же, какъ въ южныхъ графствахъ въ Англіи. Вся разница происходитъ отъ неутомимой заботливости земледѣльцевъ и изобильнаго удобренія (Торнтонъ, стр. 38). — «Въ 1837 году, говоритъ онъ, (стр. 9), средній урожай пшеницы на большихъ фермахъ Англіи былъ только 21 бушель съ экра, и въ самомъ плодородномъ изъ всѣхъ графствъ средній урожай не превышалъ 26 бушелей. Самый высокій средній урожай, о какомъ только слыхивали въ Англіи — 30 бушелей. На Джерзи, гдѣ средняя величина земледѣльческихъ хозяйствъ только 16 экровъ, средній урожай пшеницы въ 1834 году былъ, по словамъ Инглиса, 36 бушелей, а по оффиціальнымъ таблицамъ за пятилѣтіе 1829—1833 годовъ мы знаемъ, что онъ былъ 40 бушелей. На Гернзи, гдѣ размѣръ хозяйствъ еще меньше, урожай въ 4 квартера съ экра считается по словамъ Инглиса хорошимъ, но очень обыкновеннымъ». — «30 шиллинговъ за экръ земли средняго достоинства считалось бы въ Англіи очень хорошей рентой, но на островахъ Британскаго канала только уже очень плохая земля не даетъ 4 фунта ренты за экръ (Торнтонъ, стр. 32).»

7. Обыкновеннымъ основаніемъ неблагопріятныхъ выводовъ о хозяйствѣ поселянъ-собственниковъ служитъ Франція; обыкновенно имѣютъ въ виду Францію, когда говорятъ, что результатомъ этой системы служитъ очень дурное положеніе земледѣлія; говорятъ, что она быстро доводитъ, или уже довела, во Франціи земледѣльческое населеленіе до крайней бѣдности раздробленіемъ земли. Трудно объяснить себѣ, какъ могли водвориться понятія столь противоположныя истинѣ. Земледѣліе во Франціи было очень дурно, а земледѣльцы очень бѣдствовали до Революціи. Тогда пропорція собственниковъ между ними была меньше, чѣмъ теперь. Но и тогда были во Франціи обширные округи, въ которыхъ значительная часть земли принадлежала поселянамъ и эти округи представляли много замѣчательныхъ исключеній изъ общаго дурнаго положенія земледѣлія и общей бѣдности. Нельзя заподозрить по этому вопросу отзывовъ Артура Юнга, корифея англійскихъ агрономовъ новой школы и закоснѣлаго врага мелкихъ хозяйствъ. Но самъ Юнгъ не колеблясь приписываетъ хозяйствамъ поселянъ-собственниковъ тѣ примѣры превосходнаго земледѣлія, которые встрѣчались ему, когда онъ объ-

ѣзжалъ почти всѣ края Франціи въ 1787 — 1789 годахъ. «По выѣздѣ изъ Сова, (говоритъ онъ въ своихъ Travels in France, томъ I, стр. 50) я былъ пораженъ, увидѣвъ обширное пространство земли, состоящее изъ громадныхъ скалъ, но воздѣланное съ трудолюбивѣйшею заботливостью. У каждаго домика есть оливковыя, тутовыя, миндальныя, персиковыя деревья, между которыми разсѣяны виноградники, такъ что все пространство покрыто самою странною смѣсью этихъ садовъ съ утесистыми скалами. Жители этой деревни заслуживаютъ награды за свое трудолюбіе и получили бы ее, если бы я былъ французскимъ министромъ. Они скоро обратили бы въ сады всѣ окружающія ихъ пустыни. Эти дѣятельные хозяева оплодотворили свои скалы конечно потому, что они собственники этихъ скалъ. Они дѣлали бы тоже самое со всѣми пустынями, если бы одушевлены были всемогущимъ принципомъ собственности». — «Я былъ въ Россендалѣ (близь Дюнкирхена), гдѣ Лебрёнъ обратилъ въ плодородную землю дюны и очень обязательно показалъ мнѣ свое хозяйство (говоритъ Юнгъ въ другомъ мѣстѣ, томъ I, стр. 88). Между Дюнкирхеномъ и Россендалемъ много чистыхъ домиковъ, у каждаго изъ нихъ есть садъ съ однимъ или двумя участками воздѣланной земли среди сыпучаго приморскаго песка, совершенно бѣлаго, какъ снѣгъ; эта почва воздѣлана трудолюбіемъ. Магическая сила собственности обращаетъ песокъ въ золото.» — «Выѣхавъ изъ Ганжа, я былъ удивленъ, увидѣвъ орошеніе полей, устроенное въ такомъ размѣрѣ, какого я не встрѣчалъ еще во Франціи и потомъ проѣхалъ нѣсколько крутыхъ горъ, обращенныхъ въ террасы воздѣланной земли. Весь мой путь отъ Ганжа до каменистаго хребта, чрезъ который я переѣхалъ, былъ одною изъ интереснѣйшихъ поѣздокъ моихъ во Францію: энергія труда тутъ очень сильна и народъ работаетъ съ очень большимъ одушевленіемъ. Своею дѣятельностью онъ уничтожилъ всѣ представлявшіяся ему препятствія и одѣлъ скалы зеленью. Спрашивать о причинѣ этого было бы оскорбленіемъ здравому смыслу: разумѣется все это произведено собственностью. Дайте человѣку въ прочное владѣніе чорную скалу, онъ обратитъ ее въ садъ; дайте ему по девятилѣтнему контракту садъ, онъ обратитъ его въ пустыню (стр. 51).»

Описывая страну и подошвы западныхъ Пиренеевъ, онъ говоритъ уже не по предположенію, а по точнымъ свѣдѣніямъ. «По дорогѣ въ Монанъ Юнгъ, с. 5) я увидѣлъ картину столь новую для меня во Франціи, что едва могъ вѣрить собственнымъ глазамъ. Передо

мною былъ длинный рядъ сельскихъ каменныхъ домиковъ, построенныхъ хорошо, прочно и *съ комфортомъ*, покрытыхъ черепицею. При каждомъ былъ садикъ, огороженный плетнемъ, со множествомъ персиковыхъ и другихъ фруктовыхъ деревьевъ; вдоль плетней стояли мѣстами прекрасные дубы; за молодыми деревьями былъ такой внимательный уходъ, къ какому способна лишь только любящая внимательность собственника. При каждомъ домѣ прекрасно огороженный участокъ земли; нивы окаймлены полосами дерна, содержимыми очень исправно; съ одного участка на другой ведутъ ворота. Тѣ мѣстности въ Англіи, гдѣ еще остались мелкіе фермеры, похожи на этотъ Беарнскій округъ, но все-таки у насъ нѣтъ почти ничего равнаго видѣнному мною на пространствѣ 12 миль отъ По до Монана. Вся земля тутъ принадлежитъ мелкимъ собственникамъ, но не раздроблена до такой степени, чтобы ея населеніе впало въ бѣдность. Все тутъ имѣетъ видъ чистоты, живости и комфорта. Такое впечатлѣніе производятъ эти новые домики съ своими пристройками, эти садики, эти изгороди, эти дворы передъ домами, даже хлѣвы для птицъ и для свиней. Поселянинъ не станетъ устроивать для свиньи удобный хлѣвъ, если его собственное благосостояніе ограничено девятилѣтнимъ срокомъ контракта. Мы теперь въ деревнѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ мѣста, гдѣ родился Генрихъ IV. Благословеніе этого добраго государя какъ будто хранитъ здѣшнія мѣста; добрый духъ этого короля какъ будто царствуетъ надъ страною; каждый поселянинъ имѣетъ *супъ съ курицей.*» Юнгъ часто упоминаетъ о превосходномъ земледѣліи французской Фландріи, «гдѣ земледѣльческія хозяйства имѣютъ малый размѣръ и значительная часть земли принадлежитъ мелкимъ собственникамъ» (Юнгъ, стр. 322 — 324). Въ Pays de Caux, странѣ мелкихъ собственниковъ, земледѣліе было плохо; Юнгъ объясняетъ это тѣмъ, что «здѣшняя мѣстность—фабричная страна и сельское хозяйство только уже побочное дѣло, а главное занятіе составляютъ хлопчато-бумажныя фабрики, разсѣянныя по всей странѣ» (стр. 325). Мѣстность эта и теперь остается фабричной мѣстностью и страною мелкихъ собственниковъ, но теперь она принадлежитъ по земледѣлію къ самымъ лучшимъ мѣстамъ во Франціи,—это показываютъ и оффиціальные отчеты, и самый видъ ея нивъ. «Во Фландріи, Эльзасѣ и отчасти въ Артуа, а также и на берегахъ Гаронны, Франція имѣетъ земледѣліе, не уступающее нашему» (стр. 357). Эти округи и значительная часть Керси «воздѣланы такъ, что скорѣе походятъ на огороды, чѣмъ на нивы.

Быть можетъ они уже слишкомъ походятъ на огороды, — причина тому господство мелкой собственности» (стр. 364). Въ этихъ округахъ уже господствовала тогда превосходная плодоперемѣнная система, уже давно существовавшая въ Италіи, но остававшаяся вообще въ пренебреженіи у французовъ. «Жатвы здѣсь быстро слѣдуютъ одна за другою и сборъ одной жатвы служитъ только сигналомъ немедленно дѣлать другой посѣвъ» (этотъ фактъ поражаетъ всѣхъ наблюдателей и въ долинѣ Рейна). «Большее совершенство едва ли и возможно въ этомъ отношеніи, быть можетъ самомъ важномъ для хорошаго хозяйства, когда порядокъ смѣны жатвъ такъ хорошъ, какъ сѣвооборотъ, господствующій въ этихъ областяхъ: очищающіе и удобряющіе землю посѣвы служатъ здѣсь подготовленіемъ для тѣхъ, которые истощаютъ и засоряютъ ее».

Но не должно думать, что Артуръ Юнгъ постоянно говоритъ въ пользу поселянъ собственниковъ; въ Лотарингіи, Шампани и другихъ мѣстахъ онъ находитъ земледѣліе и самихъ мелкихъ собственниковъ въ дурномъ положеніи, причиною котораго считаетъ чрезмѣрное раздробленіе земли. Вотъ слова, представляющія сводъ его мнѣній объ этомъ: «до своего путешествія я полагалъ, что мелкіе собственники могутъ очень хорошо воздѣлывать свои земли; что они, не платя ренты, могутъ имѣть средства улучшать свои участки и вести хозяйство энергическимъ образомъ. Но мое хорошее мнѣніе о нихъ значительно ослабилось тѣмъ, что я видѣлъ во Франціи. Во Фландріи я встрѣчалъ превосходное хозяйство у собственниковъ, имѣющихъ отъ 30 до 100 экровъ, но рѣдко мы находимъ здѣсь собственность, раздробленную на чрезмѣрно мелкіе клочки, какъ нерѣдко бываетъ въ другихъ провинціяхъ. Въ Эльзасѣ и по Гароннѣ, т. е. на почвѣ, по своему чрезвычайному плодородію не требующей никакихъ усилій, земли у нѣкоторыхъ мелкихъ собственниковъ хорошо воздѣлываются. Въ Беарнѣ я проѣзжалъ по округу мелкихъ хозяевъ, очаровавшему меня своимъ прекраснымъ, исправнымъ видомъ и зажиточностью. Тутъ я видѣлъ результаты, которые можетъ произвести только мелкая собственность. Но собственность эта не была мелка до чрезмѣрности: судя по разстояніямъ между домами, каждый домохозяинъ имѣлъ отъ 40 до 80 экровъ. За исключеніемъ этихъ и очень немногихъ другихъ случаевъ, я не видѣлъ въ мелкой собственности ничего хорошаго кромѣ неутомимѣйшаго трудолюбія. Я прошу читателя не забывать, что если мелкая собственность и представляла мнѣ множество примѣровъ самаго плохаго земледѣлія, то все-таки трудо-

любіе владѣльца было такъ замѣчательно и похвально, что нельзя достойно превознести его. Оно достаточно показывало, что право собственности на землю служитъ изъ всѣхъ побужденій къ суровому и неутомимому труду самымъ сильнымъ побужденіемъ. Эта истина имѣетъ такую силу и всеобщность, что вѣрнѣйшимъ способомъ распространить пашни до горной вершины, я считаю дозволеніе сосѣднимъ поселянамъ пріобрѣтать землю въ собственность. Въ Лангедокѣ и въ другихъ мѣстахъ мы видимъ, что поселяне на спинахъ, въ корзинкахъ, натаскали земли на горы, чтобы образовать растительный слой въ мѣстахъ, лишенныхъ его отъ природы» (стр. 412).

Итакъ Юнгъ, знаменитый агрономъ и сильнѣйшій приверженецъ большихъ фермъ, пришелъ, по опыту, къ тому заключенію, что мелкая собственность, воздѣлываемая поселянами-собственниками, производитъ удивительные результаты, если раздробленность земли не чрезмѣрна, не доходитъ до того, что участокъ не доставляетъ полнаго занятія вниманію и времени семейства. Онъ часто и по всей вѣроятности справедливо жалуется, что когда земля слишкомъ раздроблена, то у поселянъ остается множество празднаго времени, съ которымъ имъ нечего дѣлать, не смотря на все ихъ усердіе къ улучшенію своего маленькаго владѣнія всѣми способами, какіе только они знаютъ или могутъ придумать. Юнгъ совѣтуетъ, чтобы закономъ была опредѣлена граница раздробленія земли. Нельзя назвать такое предложеніе совершенно невыгоднымъ для странъ (если только есть такія страны), гдѣ раздробленіе уже перешло предѣлъ, до котораго съ выгодою могло бы простираться по данному положенію капитала и по характеру воздѣлываемыхъ продуктовъ и, перешедши этотъ предѣлъ, все продолжаетъ увеличиваться. Если участокъ земли, принадлежащій поселянину, недостаточенъ для поддержки его благосостоянія, то хотя бы этотъ участокъ принадлежалъ ему по праву полной собственности, такое положеніе дѣлъ, имѣя всѣ невыгоды, едва ли будетъ имѣть хотя какую нибудь изъ выгодъ системы мелкой собственности. Поселянинъ принужденъ тогда или скудно жить продуктами своей земли, или постоянно пріобрѣтать средства къ жизни, нанимаясь въ работники, какъ будто вовсе нѣтъ у него поземельной собственности, а если всѣ сосѣдніе участки такъ же малы, какъ его участокъ, то ему трудно будетъ и находить себѣ работу. Принадлежность земли поселянамъ бываетъ полезною системою при томъ условіи, чтобы участки не были слишкомъ раздроблены, т. е., чтобы не требовалось съ уча-

стка продовольствія для такого числа лицъ, какое не можетъ содержаться продуктомъ этого участка. Подобно почти всѣмъ другимъ вопросамъ, касающимся положенія рабочихъ сословій, этотъ вопросъ оказывается собственно вопросомъ о степени населенности. Дѣло въ томъ, благопріятствуетъ ли или препятствуетъ излишнему размноженію населенія система мелкой собственности?

ГЛАВА VII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

1. Намъ предстоитъ разсмотрѣть, какое вліяніе имѣетъ принадлежность земли поселянамъ на основной экономическій интересъ рабочаго класса, на прогрессію размноженія людей. Но прежде того замѣтимъ нравственное и общественное вліяніе, очевидное или изъ самой сущности дѣла, или обнаруживаемое фактами и свидѣтельствами, приведенными въ предъидущей главѣ.

Читатель, который прежде не былъ знакомъ съ этимъ предметомъ, вѣроятно изумлялся сильному впечатлѣнію, какое производили на всѣхъ представленныхъ мною свидѣтелей трудолюбіе поселянъ собственниковъ, трудолюбіе, которое авторъ одного изъ статистическихъ описаній Швейцаріи называетъ «почти сверхъестественнымъ» fast übermenschliche Fleiss (Der Canton Schaffhausen, стр. 53). Въ этомъ отношеніи всѣ авторитеты говорятъ одно. Изслѣдователи, видѣвшіе только одну какую нибудь страну съ поселянами собственниками, непремѣнно называютъ ея жителей трудолюбивѣйшими людьми въ мирѣ. Никто изъ изслѣдователей не сомнѣвается въ томъ, отъ какой особенности въ положеніи поселянъ происходитъ это удивительное трудолюбіе. Оно происходитъ отъ «магической силы собственности, обращающей песокъ въ золото», по выраженію Артура Юнга. Но изъ понятія собственности не слѣдуетъ непремѣнно, что собственникъ не платитъ ренты, какъ не слѣдуетъ того, что онъ не платитъ налоговъ. Съ понятіемъ собственности несовмѣстно только то, чтобы рента не имѣла опредѣленной величины, могла возвышаться въ убытокъ владѣльцу вслѣдствіе улучшеній, какія онъ производитъ, или поволѣ собственника земли. Фермеръ, платящій неизмѣнную ренту и наслѣдственно владѣющій участкомъ, имѣетъ относительно земли тѣ же разсчеты и чувства, какъ собственникъ. Сущность дѣла въ томъ, чтобы вла-

дѣніе было вѣчно и рента не подлежала перемѣнамъ. «Дайте человѣку въ прочное владѣніе скалу, онъ обратитъ ее въ садъ; дайте ему по девятилѣтнему контракту садъ, онъ обратитъ его въ пустыню».

Мы приводили въ предъидущей главѣ много подробностей о томъ, какъ заботливо воздѣлываетъ землю поселянинъ собственникъ, какія безчисленныя средства придумываетъ онъ, чтобы каждый свободный свой часъ, каждую свободную минуту употребить на увеличеніе будущаго продукта и цѣнности своей земли; еще больше подробностей объ этомъ можно найти въ писателяхъ, которыхъ мы цитировали. Этимъ фактомъ объясняются наши слова (въ книгѣ 1, главѣ 9, § 4) о томъ, что при одинаковомъ состояніи земледѣльческихъ знаній хозяйства малаго размѣра получаютъ съ земли даннаго качества больше валоваго продукта, чѣмъ хозяйства большаго размѣра, — это непремѣнно бываетъ, когда земля малаго хозяйства принадлежитъ самому хлѣбопашцу. Въ трактатѣ о фламандскомъ хозяйствѣ особенно поучительно изложеніе способовъ, которыми неутомимое трудолюбіе поселянъ собственниковъ успѣшно борется съ хозяйствами большого размѣра, хотя у поселянъ средства меньше, орудія хуже и хотя они лишены научныхъ свѣдѣній. Мы читаемъ, что при одинаковыхъ обстоятельствахъ земли поселянъ собственниковъ во Фландріи и Италіи даютъ такія жатвы, какихъ не бываетъ въ самыхъ усовершенствованныхъ хозяйствахъ Шотландіи и Англіи. Конечно, жатвы эти производятся такимъ количествомъ труда, которое не окупилось бы продуктомъ сельскому хозяину, воздѣлывающему землю наемными работниками; но для поселянина этотъ трудъ не убыточенъ, — онъ только употребляетъ часы досуга на любимое дѣло, или, лучше сказать, на служеніе своей господствующей страсти *).

---

*) Надобно прочесть у историка Мишле живое описаніе чувства, какое поселянинъ собственникъ питаетъ къ своей землѣ.

«Если мы захотимъ узнать мысль, страсть французскаго поселянина, узнать ее очень легко. Пойдемъ въ воскресенье въ поле, посмотримъ, что онъ дѣлаетъ. Вотъ, видите, онъ идетъ. Теперь два часа, жена его въ церкви, онъ въ праздничномъ платьѣ; я ручаюсь, что онъ идетъ къ своей любовницѣ.

«Къ какой любовницѣ? — къ землѣ своей.

«Впрочемъ, я не говорю, что онъ идетъ прямо къ ней. Нѣтъ; нынче онъ свободенъ; но воленъ идти или не идти къ ней. Вѣдь онъ и такъ ходитъ къ ней каждый день въ будни. Теперь онъ идетъ не къ ней; онъ идетъ по другимъ дѣламъ, въ другое мѣсто; а все таки къ ней онъ идетъ.

«Правда, дорога лежала ему близко къ ней; онъ зашелъ по дорогѣ. Онъ

Мы видѣли, что фламандскіе землевладѣльцы успѣваютъ достигать этихъ блестящихъ результатовъ не одними только большими усиліями. Таже причина, которая даетъ такую энергію ихъ промышленности, сообщила имъ раньше такое количество агрономическихъ свѣдѣній, какое только позднѣе было достигнуто въ странахъ, гдѣ земледѣліе производилось только наемнымъ трудомъ. Съ такой же высокой похвалой де-Лавернь *) отзывается о земледѣльческомъ искусствѣ мелкихъ собственниковъ въ тѣхъ частяхъ Франціи, гдѣ petite culture дѣйствительно прилагается. »Въ богатыхъ равнинахъ Фландріи, на берегахъ Рейна, Гаронны, Шаранты, Роны, всѣ способы оплодотворенія земли и увеличенія производительности труда извѣстны самымъ мелкимъ земледѣльцамъ и употребляются ими не смотря на то, что эти способы требуютъ значительныхъ затратъ. Изобильное удобреніе, собираемое съ большими издержками, въ ихъ рукахъ возстановляетъ и постоянно увеличиваетъ плодородіе почвы, несмотря на всю ея дѣятельность. Породы домашняго скота отличныя, жатвы великолѣпныя. Табакъ, ленъ, рѣпа, марена, свекловица въ однихъ мѣстахъ; въ другихъ виноградъ, олива, слива, тутовая ягода одни доставляютъ изобильныя сокровища трудолюбивому населенію. И развѣ также не petite culture мы обязаны большею частью тѣхъ садовыхъ произведеній, которыя цѣною такихъ издержекъ получаются въ сосѣдствѣ Парижа.»

2. Вліяніе принадлежности земли поселянамъ на народное во-

смотритъ на нее, но, разумѣется, онъ не взойдетъ на нее: что ему дѣлать на ней. А все таки онъ всходитъ на нее.

«Но, по крайней мѣрѣ, навѣрное, онъ уже не станетъ работать. Вѣдь онъ одѣтъ по праздничному. На немъ чистая блуза; бѣлая рубашка,—чтожъ, это не мѣшаетъ вырвать вотъ эту сорную траву, сбросить этотъ камень. Надобно было бы выдернуть еще вотъ этотъ корень; но съ нимъ нѣтъ заступа: — это надо отложить до завтра.

«И вотъ онъ складываетъ руки, стоитъ, смотритъ, серьезный, полный мыслей. Долго, очень долго онъ смотритъ; онъ какъ будто забылся. Наконецъ онъ замѣчаетъ, что за нимъ наблюдаютъ; онъ видитъ прохожаго и удаляется медленными шагами. Прошедши шаговъ тридцать, онъ опять останавливается, оборачивается, бросаетъ на свою землю послѣдній взглядъ, глубокій, задумчивый взглядъ; и кто понимаетъ то, что видитъ, тотъ видитъ страсть въ этомъ взглядѣ, видитъ, что вся душа его, вся любовь его въ томъ взглядѣ.» Le peuple, par I. Michelet, часть I, глава I.

*) Essai sur l'Economie Rurale de l'Angleterre, de l'Ecosse et de l'Irlande, 3-me éd. p. 127.

спитаніе — вотъ другая сторона дѣла, которой никакъ нельзя упускать изъ виду. Книги и школы рѣшительно необходимы для воспитанія, но книги и школы еще не достаточны для него. Умственныя способности развиваются тѣмъ полнѣе, чѣмъ больше имѣютъ упражненія, а самое лучшее упражненіе для нихъ то, когда человѣкъ имѣетъ множество интересовъ, изъ которыхъ ни однимъ нельзя ему пренебречь, и удовлетворить которымъ онъ можетъ только разнообразными усиліями воли и ума. Нѣкоторые изъ порицателей мелкой собственности много толкуютъ о заботахъ и безпокойствахъ, одолѣвающихъ поселянина собственника рейнскихъ земель или Фландріи. Но именно эти заботы и безпокойства дѣлаютъ изъ него человѣка выше того, какимъ бываетъ англійскій поденьщикъ. Разумѣется, мы чрезвычайно воспользовались бы словами противниковъ, если бы приняли, будто бы состояніе поденьщика свободно отъ безпокойствъ, какъ они говорятъ. Я не могу себѣ вообразить, какимъ образомъ онъ будетъ свободенъ отъ безпокойствъ, когда онъ можетъ остаться безъ работы; не тревожиться этимъ сталъ бы онъ лишь тогда, если бы приходъ обезпечивалъ ему изобиліе и онъ не совѣстился бы, не находилъ бы непріятности просить пособія у прихода. При нынѣшнемъ устройствѣ общества и при нынѣшней населенности поденьщикъ имѣетъ много безпокойствъ, и всѣ они у него не изъ тѣхъ, какими укрѣпляется душа, — укрѣпляющихъ душу безпокойствъ нѣтъ у него. Положеніе фландрскаго поселянина собственника не таково. Онъ принадлежитъ къ людямъ, у которыхъ всего менѣе безпокойствъ, ослабляющихъ, убивающихъ душу, безпокойствъ о томъ, будетъ ли у него кусокъ хлѣба. Чтобы онъ подвергся этой опасности, нужно слишкомъ рѣдкое совпаденіе обстоятельствъ, нужно чтобы съ неурожаемъ картофеля соединился неурожай всѣхъ сортовъ хлѣба. Его безпокойства относятся къ обыкновеннымъ шансамъ нѣсколько большей или нѣсколько меньшей прибыли. Если онъ тревожится, то это оттого, что онъ работаетъ какъ слѣдуетъ самостоятельному человѣку, онъ свободный человѣкъ, а не вѣчный ребенокъ, какимъ хочетъ видѣть работника господствующая филантропія. Онъ уже не существо породы различной отъ людей средняго сословія; у него такія же цѣли и стремленія, какія занимаютъ ихъ, и отъ какихъ получаетъ ихъ умъ почти все свое развитіе. Благодѣтельно для ума то, что возбуждаетъ его къ дѣятельности, отучаетъ его отъ пассивной роли—это первый принципъ умственнаго воспитанія. Секретъ для развитія способностей состоитъ въ томъ,

чтобы давать имъ много работы и сильныя побужденія къ работѣ. Этимъ вовсе не уменьшается важность или даже необходимость другихъ способовъ умственнаго развитія. Владѣя поземельною собственностью, поселянинъ можетъ быть грубымъ, своекорыстнымъ, исполненнымъ предразсудковъ, — эти недостатки зависятъ отъ иныхъ вліяній и требуютъ другихъ средствъ наученія. Но поземельная собственность, будучи великимъ возбужденіемъ къ умственной дѣятельности въ извѣстномъ духѣ, ни мало не мѣшаетъ дѣйствію другихъ средствъ умственнаго развитія. Напротивъ, развивая привычку обращать въ практическую пользу всякую частицу пріобрѣтеннаго знанія, она оплодотворяетъ школьное ученіе и чтеніе, которыя безъ такихъ пособій слишкомъ часто остаются посѣвомъ, упавшимъ на камень.

3. Когда поселянинъ бываетъ собственникомъ, не одинъ только умъ его развивается этимъ положеніемъ; оно столь же благопріятно развитію нравственныхъ достоинствъ, — развитію благоразумія, воздержности и самообладанія. Гдѣ главную массу рабочаго класса составляютъ поденьщики, тамъ работники вообще небережливы; они беззаботно тратятъ всѣ свои доходы, не заботясь обезпечить свою будущность. Это фактъ извѣстный. Отъ этого многіе писатели, сильно сочувствующіе благосостоянію рабочаго класса, даже приходятъ къ рѣшительному мнѣнію, что возвышеніе рабочей платы мало принесетъ пользы работникамъ, если не будетъ сопровождаться соразмѣрнымъ тому исправленіемъ ихъ наклонностей и привычекъ. Поселяне собственники и работники, надѣющіеся стать собственниками, имѣютъ влеченіе къ противоположной крайности,—они наклонны уже до чрезмѣрности думать о будущемъ. Ихъ чаще обвиняютъ въ скупости, чѣмъ въ расточительности. Они отказываютъ себѣ въ удобствахъ и удовольствіяхъ, которыхъ нельзя было бы не одобрить, и живутъ скудно, чтобы копить деньги. Въ Швейцаріи копитъ деньги почти каждый, кто можетъ сколько нибудь копить; о фландрскихъ поселянахъ мы уже говорили; французы считаются народомъ любящимъ наслажденія, но духъ бережливости разлитъ между ихъ поселянами, такъ что эта наклонность, вообще чрезвычайно хорошая, у нѣкоторыхъ французскихъ поселянъ доходитъ до излишества. Изъ этихъ людей, которые кажутся путешественникамъ примѣрами и доказательствами всеобщей бѣдности, потому что они живутъ въ лачугахъ, питаются только овощами, есть множество имѣющихъ кожаные кошельки съ порядочнымъ количествомъ пятифранковиковъ, и держащихъ эти деньги въ секретѣ

иной разъ всю жизнь, если не представляется имъ случай израсходовать свое сокровище на исполненіе своей пріятнѣйшей мечты, на покупку земли. Если искать какой нибудь нравственной опасности для общества, въ которомъ поселяне собственники, этою опасностью можетъ представляться только чрезмѣрная заботливость такихъ поселянъ о денежныхъ выгодахъ, страсть, могущая дѣлать ихъ хитрыми и разсчетливыми въ дурномъ смыслѣ слова. Французскій поселянинъ не бываетъ деревенскимъ простякомъ, простодушнымъ paysan du Danube, — а на дѣлѣ и въ литературѣ онъ является теперь «хитрымъ мужикомъ», le rusé paysan. Такова степень развитія, до которой доведенъ онъ ходомъ общественныхъ отношеній, историческимъ прогрессомъ человѣческихъ понятій и человѣческаго освобожденія. Но излишество въ этомъ направленіи надобно назвать зломъ неважнымъ и мимолетнымъ сравнительно съ беззаботностью и неразсчетливостью рабочихъ классовъ. Надобно сказать, что еще дешево покупается этою цѣною неоцѣненное достоинство, какое составляетъ для народа водвореніе привычки опираться на собственныя силы; это достоинство — одно изъ первыхъ условій всего хорошаго въ человѣкѣ, это корень, безъ котораго слишкомъ трудно утвердиться въ человѣкѣ всѣмъ другимъ хорошимъ качествамъ; это качество, необходимое рабочему классу даже и для того, чтобы достичь порядочнаго матеріальнаго благосостоянія; поселяне Франціи и почти всѣхъ другихъ европейскихъ земель, гдѣ поселяне собственники, превосходятъ этимъ качествомъ всѣхъ иныхъ работниковъ.

4. Если извѣстное экономическое положеніе ведетъ человѣка во всемъ къ воздержности и благоразумію, то можно ли предполагать, чтобы оно вредило этимъ качествамъ въ коренномъ экономическомъ вопросѣ, въ дѣлѣ размноженія населенія; а между тѣмъ таково мнѣніе почти всѣхъ англійскихъ политико-экономовъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ. Мнѣніе Макъ-Коллока извѣстно. Мистеръ Джонсъ (Essay on the Distribution of Wealth, стр. 146) утверждаетъ, что «когда земледѣльческое населеніе получаетъ свой доходъ съ собственной земли, и конечно не деньгами, а самыми продуктами, то вообще на него очень слабо дѣйствуютъ внутреннія задержки размноженія населенія, слабы въ немъ побужденія къ воздержности. Если какая нибудь внѣшняя причина, совершенно независимая отъ воли такихъ земледѣльцевъ, не принуждаетъ ихъ ослабить пропорцію своего размноженія, то они, имѣя въ своемъ распоряженіи ограниченное пространство земли, очень быстро придутъ къ со-

стоянію скудости и нищенства, и наконецъ будутъ остановлены въ своемъ размноженіи только физическою невозможностью пропитываться». Въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 68) онъ говоритъ, что состояніе поселянъ особенниковъ «такое состояніе, въ которомъ животная наклонность размножаться почти вовсе не воздерживается противодѣйствующими ей побужденіями или желаніями, вводящими въ правильную границу размноженіе высшихъ сословій или болѣе цивилизованнаго простонародья». Джонсъ обѣщался указать впослѣдствіи «причины этой особенности», но не издалъ книги, въ которой хотѣлъ сдѣлать это. Я рѣшительно не въ состояніи отгадать въ какой теоріи человѣческой натуры и человѣческихъ побужденій онъ нашелъ бы эти причины. Артуръ Юнгъ также принимаетъ эту «особенность» за фактъ; но онъ не доводитъ своего мнѣнія до такой рѣзкой крайности, какъ Джонсъ, хотя вообще любитъ гиперболическія выраженія. Мы видѣли, что самъ онъ приводитъ много примѣровъ тому, что поселяне собственники, о которыхъ говоритъ Джонсъ, вовсе не идутъ къ «состоянію скудости и нищеты» и вовсе не находятся въ опасности дойти до «физической невозможности пропитываться.»

Дѣйствительные факты по этому вопросу не всѣ одинаковы и несходство ихъ объясняется легко. Все равно, доходомъ ли съ собственной земли или рабочею платою живетъ рабочій народъ, онъ всегда размножался до границы, поставляемой нормою образа жизни ему привычнаго. Когда эта норма была низка и не превышала простой физической возможности пропитываться, величина участковъ, принадлежащихъ поселянамъ собственникамъ и точно такъ же величина рабочей платы не превышала размѣра, доставляющаго только одну эту возможность. Поселяне собственники очень могутъ имѣть чрезвычайно низкія понятія о томъ, что необходимо для жизни; если народъ никогда не зналъ ничего кромѣ бѣдности и если привычка примирила его съ нею, то количество населенія будетъ чрезмѣрно и земля раздроблена до чрезмѣрности. Но вопросъ состоитъ вовсе не въ этомъ. Вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: предположивъ что земля, принадлежащая поселянамъ, даетъ имъ средства не для скуднаго, а для зажиточнаго положенія, мы должны разсудить, легче или труднѣе для нихъ, чѣмъ для наемныхъ работниковъ, пользующихся такимъ же благосостояніемъ, впасть изъ него въ бѣдность отъ невоздержнаго размноженія? Всѣ апріорическія соображенія показываютъ, что для поселянъ собственниковъ удержаться отъ этого упадка легче, нежели наемнымъ ра-

ботникамъ. Зависимость рабочей платы отъ количества населенія узнается только умозаключеніями и подлежитъ спору. То, что рабочая плата упадаетъ при значительномъ размноженіи населенія, часто кажется очень сомнительнымъ, и всегда бываетъ нужна нѣкоторая развитость ума, чтобы ясно понять это. Но каждый поселянинъ можетъ изъ очевидныхъ, вполнѣ понятныхъ ему фактовъ видѣть, можетъ ли его участокъ содержать нѣсколько семей въ такомъ довольствѣ, въ какомъ содержитъ одно. Рѣдкій человѣкъ захочетъ оставить своимъ дѣтямъ житейское положеніе хуже того, какое имѣетъ самъ. Отецъ, имѣющій землю, очень хорошо можетъ судить, будутъ ли его дѣти въ состояніи жить этимъ наслѣдствомъ. Но люди, живущіе рабочею платою, не видятъ причины, почему ихъ дѣти не могли бы жить точно такъ же, и потому полагаются на судьбу. «Даже въ самыхъ необходимыхъ ремеслахъ и фабрикаціяхъ, говоритъ Ленгъ, (Notes of a Traveller, стр. 46) запросъ на работниковъ не есть величина видимая, извѣстная, постоянная, ясная. Напротивъ, въ хозяйствѣ мелкаго собственника количество требующагося труда и количество продовольствія, какое будетъ получено трудомъ съ его участка, — это элементы видимые, ясные для человѣка, разсчитывающаго свои средства къ жизни. Можетъ ли его участокъ земли прокормить семью, можетъ ли онъ жениться,—на эти вопросы каждый поселянинъ собственникъ можетъ отвѣчать тотчасъ же, безъ всякихъ сомнѣній и даже разсужденій. Зависимость отъ случайностей, которыхъ не можетъ ясно понимать умъ, служитъ причиною непредусмотрительныхъ, неблагоразумныхъ браковъ и въ низшихъ и въ высшихъ классахъ; она производитъ бѣдственный излишекъ населенія; а каждый разсчитываетъ на случайности, когда въ его разсчетахъ не можетъ быть несомнѣнности, какъ не бываетъ ея, когда собственность распредѣлена такъ, что средства, которыя должны бы принадлежать двумъ третямъ народа, принадлежатъ лишь небольшому числу людей».

Не было ни одного писателя, который живѣе Сисмонди понималъ бы, какимъ бѣдствіямъ подвергаются рабочіе классы отъ чрезмѣрности населенія; именно эта мысль и служитъ одною изъ причинъ, по которымъ онъ горячо доказывалъ пользу принадлежности земли поселянамъ. Онъ имѣлъ полную возможность во многихъ странахъ изучить, какъ дѣйствуетъ это положеніе поселянъ на ихъ размноженіе. Послушаемъ же, что говоритъ онъ. «Въ странахъ, сохранившихъ этотъ патріархальный, земледѣльческій порядокъ, населеніе быстро и правильно возрастаетъ, пока достигаетъ своихъ

естественныхъ предѣловъ, т. е. наслѣдства продолжаютъ дѣлиться и дробиться между многочисленными сыновьями, пока посредствомъ увеличенія труда каждая семья можетъ получать прежній доходъ съ уменьшившагося участка. Отецъ, имѣвшій обширныя пастбища, дѣлитъ ихъ между сыновьями, обращающими ихъ подъ нивы и сѣнокосы; эти дѣти снова дѣлятъ ихъ и изгоняется трехпольная система. Каждое усовершенствованіе сельскаго хозяйства допускаетъ новое раздѣленіе собственности. Но собственникъ никакъ не станетъ воспитывать дѣтей, чтобы сдѣлать ихъ нищими; онъ въ точности знаетъ, какое наслѣдство можетъ оставить имъ; знаетъ, что законъ раздѣлитъ это наслѣдство между ними поровну; видитъ предѣлъ, за которымъ этотъ дѣлежъ низвелъ бы дѣтей съ положенія, которое занималъ онъ самъ, и основательная родовая гордость, находящаяся и въ поселянинѣ, какъ въ аристократѣ, останавливаетъ его, такъ что онъ не призываетъ къ жизни дѣтей, судьбу которыхъ не могъ бы обезпечить. Если такія дѣти и родятся, то не женятся, или по взаимному согласію, выбираютъ одного брата для продолженія рода. Въ Швейцарскихъ кантонахъ мы никогда не найдемъ, чтобы наслѣдства поселянъ дробились до такого размѣра, при которомъ поселяне теряли бы почтенное благосостояніе хотя обычай наниматься въ иностранныя войска, открывая дѣтямъ безвѣстную и случайную карьеру, производитъ иногда лишнее населеніе (Nouveaux Principes, кн. III, глава 3).»

Такое же свидѣтельство мы имѣемъ относительно Норвегіи. Тамъ нѣтъ права первородства, ни по закону, ни по обычаю, нѣтъ и фабрикъ, куда уходилъ бы излишекъ населенія; но все-таки раздробленіе земли не доводится до вредной степени. «Дѣлежъ земли между дѣтьми, существующій уже 1000 лѣтъ, говоритъ Ленгъ, не произвелъ того, чтобы поземельные участки уменьшились до крайней величины, достаточной только на скудное пропитаніе человѣка. Я видѣлъ у Норвежскихъ земледѣльцевъ отъ 25 до 40 коровъ, а надобно помнить, что тамъ хозяинъ долженъ по крайней мѣрѣ на семь мѣсяцевъ въ году заготовлять кормъ для всего скота, остающагося на зиму въ стойлахъ. Очевидно, что есть какая-то причина, соединяющая поземельные участки и уравновѣшивающая раздробленіе, производимое дѣлежемъ между дѣтьми. Эта причина— та самая, которую я издавна предполагалъ при подобномъ общественномъ устройствѣ: въ странѣ, гдѣ землепашцы не наемщики земли, какъ въ Ирландіи, а полные собственники ея, земля соединяется смертью сонаслѣдниковъ и бракомъ наслѣдницъ съ людьми

также имѣющими участки, такъ что этимъ уравновѣшивается раздробленіе, производимое равнымъ раздѣломъ ея между дѣтьми. Я увѣренъ, что при такомъ общественномъ устройствѣ постоянно сохраняется въ странѣ одно и то же количество помѣстій, дающихъ по 1000, по 100, по 10 фунтовъ дохода» (Residence in Norway, стр. 18). Такой результатъ можетъ происходить лишь оттого, что общество удерживается отъ размноженія благоразуміемъ, и часть этой благоразумной воздержности надобно приписать тому, что положеніе поселянъ собственниковъ благопріятствуетъ ея развитію.

«Въ нѣкоторыхъ частяхъ Швейцаріи, говоритъ Кэ (томъ I, стр. 67—69), напримѣръ въ Аргаусскомъ кантонѣ, поселянинъ никакъ не женится раньше, а вообще женится гораздо позднѣе 25 лѣтъ, а женщины рѣдко выходятъ замужъ раньше 30 лѣтъ. Раздробленность земли и легкость формъ перехода ея отъ одного лица къ другому развиваютъ предусмотрительность у работниковъ не въ однихъ земледѣльческихъ округахъ. Точно также, хотя и въ меньшей степени, дѣйствуютъ эти отношенія и на работниковъ маленькихъ городовъ, въ которыхъ работникъ обыкновенно имѣетъ за городомъ небольшой участокъ земли, служащій ему огородомъ, и воздѣлываетъ его въ вечерніе часы. Тутъ у него растутъ овощи и фрукты для его семьи на зиму. Кончивъ работу въ городѣ, онъ вмѣстѣ съ семьею работаетъ нѣсколько времени въ своемъ огородѣ, садитъ, сѣетъ, полетъ въ немъ или готовитъ его къ посѣву, смотря по времени года. Желаніе пріобрѣсть такой огородъ очень сильно содѣйствуетъ укрѣпленію благоразумной воздержности и удерживаетъ отъ непредусмотрительнаго вступленія въ бракъ. Я слышалъ отъ аргаусскихъ фабрикантовъ, что горожанинъ у нихъ считаетъ нужнымъ купить огородъ или домъ съ огородомъ, и городскіе работники вообще отсрочиваютъ свою женитьбу на довольно долгое время, чтобы собрать денегъ на такую покупку».

Статистическими цифрами Кэ показываетъ, что въ Пруссіи средній возрастъ вступленія въ бракъ гораздо позднѣе, чѣмъ въ Англіи, что онъ «постепенно становится все болѣе позднимъ», и что въ тоже время «въ Пруссіи число незаконнорожденныхъ меньше, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ». (стр. 75 — 79). «По всей сѣверной Германіи и Швейцаріи, гдѣ былъ я (говоритъ онъ на стр. 90), меня всѣ увѣряли, что желаніе пріобрѣсть землю, господ-

ствующее во всѣхъ поселянахъ, служитъ сильнѣйшею задержкою излишнему возрастанію населенія *).»

Во Фландріи, по словамъ Фоша, Британскаго консула въ Остенде, «дѣти земледѣльцевъ-хозяевъ и земледѣльческіе работники могущіе сдѣлаться хозяевами, отлагаютъ женитьбу до той поры, когда пріобрѣтутъ хозяйство» (Изъ свѣдѣній, доставленныхъ коммиссіонерамъ Закона о Бѣдныхъ, Foreign Communications, въ приложеніи F къ первому докладу, стр. 640). Земледѣлецъ, ставшій хозяиномъ, стремится къ тому, чтобы изъ арендатора стать собственникомъ. Первое, на что употребляетъ датчанинъ сбереженныя деньги, говоритъ Браунъ, консулъ въ Копенгагенѣ (тамъ же)—покупка часовъ, а потомъ лошади и коровы; лошадь и корову онъ отдаетъ въ наймы, и получаетъ за нихъ хорошіе проценты. Послѣ того, онъ хочетъ сдѣлаться мелкимъ собственникомъ, сословіе которыхъ пользуется благосостояніемъ въ Даніи. Я ни въ какой землѣ не знаю сословія, которое могло бы получать все дѣйствительно необходимое для жизни легче, чѣмъ этотъ классъ, очень многочисленный по сравненію съ работниками».

Но рѣшительнѣйшій примѣръ въ опроверженіе мнимой тенденціи положенія поселянъ собственниковъ къ чрезмѣрному размноженію населенія представляетъ Франція. Дѣло происходитъ въ ней при обстоятельствахъ, не вполнѣ благопріятныхъ,—значительная часть мелкихъ собственностей уже слишкомъ мала Число поземельныхъ собственниковъ во Франціи съ точностью неизвѣстно, но самая меньшая изъ принимаемыхъ цифръ — около пяти милліоновъ Полагая самое меньшее (и для Франціи, конечно, слишкомъ малое) число лицъ въ семействѣ, мы все получимъ, что гораздо больше, нежели половину населенія составляютъ люди,

---

*) Авторъ оффиціальнаго статистическаго изслѣдованія о благосостояніи народа въ Пруссіи (Der Volkswohlstand in Preussischen Staate), доказавъ цифрами значительное прогрессивное возрастаніе пищи и одежды сравнительно съ населеніемъ, справедливо заключаетъ изъ того, что и производительность земледѣлія возрастаетъ въ соотвѣтственной пропорціи, потомъ продолжаетъ (я цитую слова его изъ книги Кэ): «раздробленіе поземельной собственности съ 1831 года все увеличивалось въ Пруссіи. Число независимыхъ поземельныхъ собственниковъ теперь гораздо больше прежняго. Однако же, при множествѣ жалобъ на пауперизмъ между зависимыми работниками, мы рѣшительно не слышали жалобъ на то, чтобы пауперизмъ возрасталъ между поселянами собственниками» (Кэ, томъ I, стр. 262—266).

владѣющіе поземельною собственностью и ихъ дѣти, которые наслѣдуютъ ее. Большая часть изъ нихъ владѣютъ землями слишкомъ малаго размѣра, не дающими имъ пропитанія, такъ что, по нѣкоторымъ разсчетамъ, три милліона изъ нихъ должны кормиться, или нанимаясь въ работники, или снимая въ прибавокъ къ своей землѣ чужую, вообще на условіяхъ половничества. Когда собственность недостаточна для освобожденія владѣльца отъ надобности наниматься въ работники, положеніе собственника утрачиваетъ значительную часть своей силы задерживать излишнее размноженіе населенія, и если бы предсказаніе англійскихъ писателей осуществилось, если бы Франція стала «страною пауперизма», это вовсе не служило бы свидѣтельствомъ противъ тенденцій положенія поселянъ собственниковъ при иныхъ обстоятельствахъ. Но что же мы видимъ? Пропорція размноженія населенія во Франціи самая медленная въ цѣлой Европѣ. Населеніе значительно размножалось въ то поколѣніе, которое было внезапно поднято революціею изъ безнадежной нищеты къ благосостоянію. Но когда явилось поколѣніе, которое, воспитавшись въ улучшенномъ положеніи, не было пріучено жить въ нищетѣ, духъ бережливости обнаружился въ немъ очень сильно, и сталъ замѣчательнымъ образомъ удерживать отъ размноженія населеніе при возрастаніи національнаго богатства. По таблицѣ годичнаго возрастанія населенія въ разныхъ Европейскихъ странахъ, составленной профессоромъ Рау, мы видимъ, что во Франціи съ 1817 до 1827 населеніе возрастало въ годъ по 0,63%, въ Англіи въ тоже десятилѣтіе по 1,6%, и въ Соединенныхъ Штатахъ почти по 3% въ годъ *).

---

*) Вотъ эта таблица:

	Проценты.		Проценты.
Соедин. Штаты 1820—30 г.	2,92	Нидерланды 1821—28 . . .	1,28
Венгрія (по Роберу). . . .	2,40	Шотландія 1821—31. . .	1,30
Англія 1811—21	1,78	Саксонія 1815—30	1,15
» 1821—31	1,60	Баденъ 1820—30 (Гейнишъ) .	1,13
Австрія (Роберъ).	1,30	Баварія 1814—28.	1,08
Пруссія 1816—27.	1,54	Неаполь 1814—24	0,83
» 1820—30.	1,37	Франція 1817—27 (Матье) .	0,63
» 1821—31.	1,27	» позднѣе (Моро-де-Жонне).	0,55

Но, прибавляетъ Рау, цифра, приводимая у моро-де-Жонне, не достовѣрна.

Слѣдующая таблица, приводимая также изъ Рау въ книгѣ Кетлé Sur l'homme et le developpement de ses facultés (томъ I, глава 7) содержитъ нѣсколько прибавочныхъ свѣдѣній, и въ нѣкоторыхъ цифрахъ разнится отъ

По выводамъ Легуа, основаннымъ на оффиціальныхъ отчетахъ (Journal des économistes, мартъ и май 1847), годичное возрастаніе населенія, бывшее въ 1801 — 1806 годахъ по 1,28%, въ 1806—1831 годахъ было только 0,47%; въ 1831—1836 годахъ оно было 0,60%; въ 1836 — 1841 годахъ 0,41%, а въ 1841—1846 годахъ 0,68% *) По цензу 1851 года оказалось, что въ цѣлое предшествующее пятилѣтіе населеніе возрасло только на 1,08%, то есть возрастало на 0,21% въ годъ; а по цензу 1856 года только 0,71% въ пять лѣтъ, или по 0,14% въ годъ, такъ что, по словамъ Лаверня, «населеніе во Франціи почти уже не возрастаетъ» (Journal des économistes, февраля 1847). Даже это медленное возрастаніе происходитъ исключительно отъ уменьшенія смертности: число рожденій вовсе не возрастаетъ, а пропорція ихъ къ числу населенія

первой таблицы, вѣроятно потому, что авторъ бралъ средній выводъ за другіе годы.

Ирландія. . .	2,45	Рейнская Пруссія	1,33	Неаполь . .	0,83
Венгрія . . .	2,40	Австрія	1,30	Франція . .	0,63
Испанія . . .	1,66	Баварія	1,08	Швеція . .	0,58
Англія . . .	1,65	Нидерланды . .	0,94	Ломбардія. .	0,45

Въ слѣдующей таблицѣ представленъ общій выводъ изъ вычисленій, очень внимательно составленный Легуа въ статьѣ о результатахъ французскаго ценза 1846 года (Journal des économistes, май 1847).

	По цензу проценты.	По перевѣсу рожденій надъ смертностью. Проценты.		По цензу проценты.	По перевѣсу рожденій надъ смерностью. Проценты.
Швеція . .	0,83	1,14	Виртембергъ .	0,01	1,00
Норвегія . .	1,36	1,30	Голландія . .	0,90	1,03
Данія . . .	»	0,95	Бельгія . . .	»	0,76
Россія. . .	»	0,61	Сардинія. . .	1,08	»
Австрія . .	0,85	0,90	Великобританія (за исключеніемъ Ирландіи).	1,95	1,00
Пруссія . .	1,84	1,18	Франція . , .	0,68	0,50
Саксонія . .	1,45	0,90	Соедин. Штат .	3,27	»
Ганноверъ .	»	0,85			
Баварія . .	»	0,71			

*) Легуа думаетъ, что въ 1841 число населенія было выведено меньше дѣйствительнаго, и потому возрастаніе его между 1841 и 1846 годами оказалось болѣе дѣйствительнаго, а дѣйствительное возрастаніе въ этомъ періодѣ было ближе къ среднему числу между послѣдними двумя средними цифрами возрастанія, т. е. немногимъ больше 0,5%.

постоянно уменьшается *). Такая медленность въ возрастаніи населенія при гораздо быстрѣйшемъ возрастаніи капитала, произвела значительное улучшеніе въ состояніи рабочаго класса. Трудно въ точности опредѣлить матеріальное положеніе той части этого класса, которая владѣетъ поземельною собственностью, потому что, разумѣется, оно имѣетъ много разныхъ степеней. Но положеніе наемныхъ работниковъ, не получившихъ никакой прямой выгоды отъ перемѣнъ, произведенныхъ революціею въ распредѣленіи поземельной собственности, много улучшилось съ революціи,—это не подлежитъ сомнѣнію **). Докторъ Рау свидѣтельствуетъ, что также

---

*) Вотъ цифры, сообщаемыя Легуа.

Годы.	Число рожденій въ годъ.	Число жителей, на которое приходится одно рожденіе.
1824—1828	981,914	32,30
1829—1833	965,444	34,00
1834—1838	972,993	34,39
1839—1843	970,617	35,27
1844—1845	983,573	35,58

Въ 1844 и 1845 годахъ, по словамъ Легуа, число рожденій было увеличено отъ значительнаго количества переселенцевъ, пріѣхавшихъ во Францію. «Уменьшеніе рожденій при постоянномъ, хотя не быстромъ возрастаніи населенія и числа браковъ, говоритъ Легуа, нельзя приписать ничему, кромѣ успѣховъ благоразумія и предусмотрительности въ семейной жизни. Таково и должно быть естественное послѣдствіе нашихъ гражданскихъ и общественныхъ учрежденій, съ каждымъ днемъ все болѣе раздробляющихъ поземельную и движимую собственность во Франціи и чрезъ то развивающихъ въ населеніи инстинкты бережливости и благосостоянія.»

Въ четырехъ департаментахъ, къ числу которыхъ принадлежатъ два самые промышленные нормандскіе департамента, число смертей было даже больше числа рожденій. Послѣдній цензъ (1856 г.) обнаруживаетъ замѣчательный фактъ: изъ 86 департаментовъ населеніе положительно уменьшилось въ 54; это видно изъ таблицъ Лаверня, и служитъ поучительнымъ комментаріемъ къ мнѣнію, будто чрезмѣрное размноженіе населенія ведетъ Францію къ нищетѣ.

**) Тѣ классы нашего населенія, которые живутъ исключительно рабочею платою и наиболѣе подвержены нуждѣ, нынѣ имѣютъ гораздо лучшую пищу, одежду и квартиру, чѣмъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Это можно подтвердить свидѣтельствомъ всѣхъ лицъ, помнящихъ какъ жили работники въ началѣ нынѣшняго вѣка. Всякіе слѣды сомнѣнія легко было бы разсѣять разговорами съ стариками земледѣльцами и работниками; мы говорили съ ними въ разныхъ департаментахъ, и нигдѣ не слышали свидѣтельства въ противномъ смыслѣ. Можно также сослаться на свѣдѣнія, собранныя по этому предмету въ Tableau de

улучшилось оно въ Пфальцѣ, гдѣ раздробленіе земли вѣроятно доходитъ также до чрезмѣрности, какъ во Франціи *).

---

l'état physique et moral des ouvriers, Виллерме, умѣющаго наблюдать факты (Recherches sur les causes de l'indigence, par A. Clément, 1846, стр. 84—85). Въ другомъ мѣстѣ своей замѣчательной книги (стр. 118) Клеманъ говоритъ: «плата земледѣльческимъ работникамъ съ 1789 года значительно возвысилась;» онъ прибавляетъ слѣдующіе факты уровня обычныхъ потребностей даже въ той части городскаго населенія, положеніе которой вообще представляется самымъ несчастнымъ: «въ послѣдніе 15 или 20 лѣтъ произошла значительная перемѣна въ обычаяхъ работниковъ нашихъ фабричныхъ городовъ: они теперь расходуютъ гораздо больше прежняго на одежду и наряды. Нѣкоторые работники, ходившіе въ грязныхъ рубищахъ, напримѣръ ліонскіе canuts, поденьщики шелковыхъ фабрикъ (получающіе самую низкую рабочую плату, какъ и наши ткачи), «одѣваются теперь опрятно» (стр. 164).

Предыдущія цифры приведены были въ прежнихъ изданіяхъ этой книги, такъ какъ это было лучшее, что было мнѣ въ то время доступно; но очевидное доказательство, и болѣе новаго, и болѣе обстоятельнаго и точнаго свойства, мы найдемъ въ важномъ сочиненіи г. Леонса де-Лаверня, Economie Rurale de la France depuis 1789. По свидѣтельству этого трудолюбиваго, знающаго и весьма безпристрастнаго изслѣдователя, средняя цифра дневной рабочей палаты французскаго земледѣльца поднялась, съ начала революціи, въ пропорціи 19 къ 30, тогда какъ цѣлая прибыль, благодаря болѣе постоянному занятію, возрасла въ еще болѣе значительномъ отношеніи, не меньше какъ вдвое. Вотъ слова де-Лаверня (2 изд. стр. 57):

«Артуръ Юнгъ считаетъ въ девятнадцать су (sols) среднюю цѣну дневнаго труда, которая теперь должна составлять полтора франка, и это увеличеніе представляетъ только часть полученной прибыли. Хотя деревенское населеніе осталось почти тоже самое, такъ какъ излишекъ населенія, явившійся съ 1789, сосредоточился въ городахъ,—но дѣйствительное число рабочихъ дней увеличилось, во первыхъ потому что средняя жизнь стала продолжительнѣе, число здоровыхъ людей возрасло, и наконецъ потому что трудъ лучше организованъ, или черезъ уничтоженіе многихъ праздниковъ или по одному дѣйствію болѣе сильнаго запроса. Если принять въ разсчетъ увеличеніе числа дней, годовая прибыль деревенскаго работника должна удвоиться.... Это увеличеніе въ рабочей платѣ обозначается для работника по крайней мѣрѣ такимъ же увеличеніемъ благосостоянія, потому что цѣна главныхъ предметовъ необходимыхъ для жизни измѣнилась мало и что цѣна предметовъ фабричнаго производства, напримѣръ тканей, чувствительно упала. Жилища стали также лучше, если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ большей части нашихъ провинцій.»

Опредѣленіе средней цифры поденной платы основано у де-Лаверня на внимательномъ сравненіи, въ этомъ и во всѣхъ другихъ экономическихъ отношеніяхъ, всѣхъ различныхъ провинцій Франціи.

*) Въ брошюрѣ о земледѣліи въ Пфальцѣ, о которой я уже упоминалъ, Рау говоритъ, что рабочая плата, бывшая необычайно высокою въ послѣдніе годы Наполеоновскихъ войнъ и державшаяся на этой высотѣ до 1817 года,

Я не знаю ни одного достовѣрнаго случая, который служилъ бы подтвержденіемъ мнѣнію, будто положеніе поселянъ собственниковъ благопріятствуетъ размноженію населенія. Конечно, можно привести примѣры, что оно не предупредило излишняго размноженія, и главный изъ этихъ примѣровъ—Бельгія, будущность которой, по вопросу о населеніи, представляется теперь дѣломъ очень сомнительнымъ. Въ Бельгіи населеніе возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ континентальныхъ государствахъ, и когда обстоятельства потребуютъ (и они скоро должны потребовать), чтобы эта быстрота замедлилась, то надобно будетъ переломить привычку, которая имѣетъ теперь значительную силу. Одно изъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ тутъ—сильная власть католическаго духовенства надъ умами бельгійцевъ: вліяніе этого духовенства повсюду сильно дѣйствуетъ противъ ограниченій размноженія. Но не должно забывать, что большое искусство въ земледѣліи и неутомимое ихъ трудолюбіе дѣлали до сихъ поръ вещью практически безвредною нынѣшнюю быстроту размноженія; большое число обширныхъ помѣстій, еще остающихся нераздробленными, даютъ своимъ постепеннымъ раздробленіемъ средство удовлетворить надобности въ увеличеніи валоваго продукта; кромѣ того въ Бельгіи много большихъ фабричныхъ городовъ, рудниковъ и каменно-угольныхъ копей, берущихъ значительную часть ежегодной прибыли населенія и дающихъ ей занятіе.

5) Но даже и тамъ, гдѣ при существованіи поселянъ собственниковъ находится излишекъ населенія, это бѣдствіе не всегда сопровождается экономическою невыгодою чрезмѣрнаго раздробленія земли. Если поземельная собственность слишкомъ раздроблена,

---

потомъ понизилась въ денежномъ счетѣ своемъ, но что цѣны продуктовъ понизились еще сильнѣе, и потому положеніе народа несомнѣнно улучшилось. Пища, которую земледѣльческіе работники получаютъ отъ хозяевъ, также значительно улучшилась и количествомъ и качествомъ. «Нынѣ она значительно лучше, чѣмъ лѣтъ за 40, когда работники получали меньше мяснаго и мучнаго кушанья и не получали сыра къ хлѣбу (стр. 20).—«Увеличеніе рабочей платы, продолжаетъ Рау, надобно измѣрять не денежнымъ счетомъ, а количествомъ вещей и удобствъ, которыя можетъ получать работникъ и всѣ согласны въ томъ, что оно служитъ доказательствомъ увеличенія массы капитала.» Такъ, но кромѣ того, оно служитъ также доказательствомъ, что рабочее населеніе возрастаетъ въ своемъ количествѣ медленнѣе, чѣмъ капиталъ, и что въ Пфальцѣ, также какъ во Франціи, раздробленіе земли, даже при всей своей чрезмѣрности, совмѣстно съ усиленіемъ благоразумія, задерживающаго размноженіе населенія.

изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы и земледѣльческія хозяйства были слишкомъ малы. Помѣстья большихъ собственниковъ могутъ быть воздѣлываемы мелкими хозяйствами и на оборотъ: участки мелкихъ собственниковъ могутъ воздѣлываться хозяйствами достаточной величины. Раздробленіе хозяйствъ не есть неизбѣжное слѣдствіе даже чрезмѣрнаго размноженія поселянъ собственниковъ. Фландрскіе поселяне давно поняли это, какъ и слѣдовало ожидать отъ ихъ удивительнаго знанія вещей, касающихся ихъ дѣла. «Во Фландріи вполнѣ сохранился обычай не дѣлить участковъ и сохранилось мнѣніе, что нераздѣльность ихъ выгодна (говоритъ докторъ Рау, цитуя въ потвержденіе своихъ словъ Шверца Landwirthschaftliche Mittheilungen, томъ I, стр. 185). До сихъ поръ, когда послѣ поселянина остается нѣсколько человѣкъ дѣтей, они не дѣлятъ его участка, хотя нѣтъ у нихъ ни права первородства, ни субституцій: они скорѣе рѣшаются продать всю землю и раздѣлить между собою деньги, считая участокъ драгоцѣннымъ камнемъ, который теряетъ свою цѣнность, если разбить его.» Такія же мысли сильно господствуютъ даже во Франціи, какъ мы видимъ изъ огромности числа продающихся участковъ: въ десять лѣтъ продается во Франціи четвертая часть всѣхъ земель. Пасси, въ своемъ изслѣдованіи «О перемѣнахъ въ земледѣльческомъ положеніи департамента Эры (Eure) съ 1800 г.» *) приводитъ другіе факты, свидѣтельствующіе о томъ же.» Примѣръ департамента Эры (говоритъ онъ) показываетъ, что между распредѣленіемъ поземельной собственности и распредѣленіемъ хозяйствъ нѣтъ той неразрывной связи, какую предполагали нѣкоторые писатели. Нигдѣ въ этомъ департаментѣ перемѣны въ величинѣ участковъ, принадлежащихъ владѣльцамъ, не имѣли замѣтнаго вліянія на размѣръ хозяйствъ. Въ мѣстностяхъ съ малыми хозяйствами земли одного собственника обыкновенно раздѣляются между нѣсколькими фермерами, а въ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ большое хозяйство, одинъ фермеръ часто имѣетъ въ арендѣ земли нѣсколькихъ собственниковъ. Между прочимъ въ Вексенскихъ равнинахъ дѣятельные и богатые земледѣльцы часто имѣютъ по нѣскольку хозяйствъ; другіе къ главному изъ арендуемыхъ ими участковъ присоединяютъ всѣ сосѣд-

*) Это одна изъ замѣчательныхъ статей напечатанныхъ въ Journal des Economistes, органѣ главныхъ политико-экономистовъ Франціи, дѣлающемъ большую и возрастающую честь ихъ знаніямъ и искусству. Статья Пасси была напечатана и отдѣльной брошюрой.

ніе участки, какіе только могутъ взять въ аренду, и такимъ образомъ составляютъ фермы, простирающіяся иногда до 200 гектаровъ (500 англійскихъ экровъ), или даже больше. Чѣмъ больше раздроблена собственность, тѣмъ чаще это бываетъ, и надобно думать, что такой порядокъ дѣла упрочится, потому что онъ выгоденъ для всѣхъ».

«Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, — говоритъ де-Лавернь, (Economie Rurale de la Franca, суран. 455), — напримѣръ въ сосѣдствѣ Парижа, гдѣ выгоды отъ веденія хозяйствъ въ большомъ размѣрѣ становятся ясны, фермы стремятся къ увеличенію, нѣсколько фермъ сливаются въ одну, и фермеры расширяютъ свои хозяйства, нанимая мелкіе участки отъ многихъ различныхъ собственниковъ. Въ другихъ мѣстахъ, какъ фермы, такъ и поземельная собственность слишкомъ большаго размѣра стремятся къ раздѣленію. Хозяйство само находитъ ту организацію, которая идетъ къ нему всего лучше.» Тотъ же замѣчательный писатель указываетъ (стр. 117.) *) поразительный фактъ, что департаменты, гдѣ находится наибольшее число мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ, суть — сѣверный, департаменты Соммы, Па-де-Кале, Нижней Сены, Эны и Уазы, всѣ принадлежащіе къ богатѣйшимъ и наилучше обработаннымъ, а первый изъ нихъ самый богатый и всего лучше обработанный департаментъ Франціи.

Чрезмѣрное раздробленіе и слишкомъ малая величина хозяйствъ дѣйствительно составляютъ господствующее зло въ нѣкоторыхъ изъ областей, гдѣ земля принадлежитъ поселянамъ, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи и Германіи. Баварское и Нассауское правительства нашли необходимымъ опредѣлить закономъ предѣлъ раздробленія, а Прусское правительство предлагало такую же мѣру провинціальнымъ сеймамъ своихъ рейнскихъ земель, впрочемъ безуспѣшно. Но по моему мнѣнію, нигдѣ мы не найдемъ доказательствъ тому, что мелкія хозяйства должны считаться системою поселянъ собственниковъ, а большія хозяйства—системою большихъ землевладѣльцевъ. Напротивъ, я полагаю, что гдѣ раздробленіе мелкой собственности чрезмѣрно, тамъ и земли большихъ собствен-

*) Факты съ такимъ же значеніемъ приведены еще на 141, 250 и другихъ страницахъ указаннаго сочиненія, которое съ другой стороны представляетъ множество доказательствъ, очевидно подтверждающихъ вредное дѣйствіе раздробленія участковъ, когда это раздробленіе бываетъ ужъ слишкомъ мелко, или когда оно не соотвѣтствуетъ свойствамъ почвы и ея произведеній.

никовъ воздѣлываются мелкими фермерами, и что оба эти явленія происходятъ отъ одной причины, отъ неразвитости капитала, техническаго искусства и земледѣльческой предпріимчивости. Судя по всему надобно думать, что раздробленіе земли во Франціи достаточно объясняется этою причиной, и что оно не увеличивается, а уменьшается, и что искреннее или неискреннее опасеніе нѣкоторыхъ писателей, говорящихъ что оно увеличивается, совершенно неосновательно *).

Если принадлежность земли поселянамъ дѣйствительно ведетъ раздробленіе земли сколько нибудь дальше степени, соотвѣтствующей земледѣльческимъ обычаямъ страны и привычной на большихъ помѣстьяхъ, причиною тому должно считаться одно изъ полезныхъ

---

*) Ленгъ недавно издалъ книгу Observations on the Social and political State of he European People in 1848 and 1849, которую посвятилъ прославленію Англіи и униженію всего иностраннаго, что казалось заслуживающимъ похвалы другимъ писателямъ и ему самому въ прежнихъ его сочиненіяхъ; въ этой книгѣ онъ разсуждаетъ, что «если сама земля и не раздробляется по смерти собственника, то раздробляется цѣнность ея, и результаты этого почти столь же вредны общественному прогрессу, какъ было бы вредно раздробленіе земли. Цѣнность каждой доли денегъ, получаемыхъ наслѣдниками, становится долгомъ, обременяющимъ землю.» Изъ этого онъ выводитъ, что состояніе поселянъ собственниковъ становится все хуже и хуже: «каждое новое поколѣніе бываетъ бѣднѣе предшествующаго, хотя раздробленность земли остается прежняя, и обработка ея таже.» Примѣромъ тому онъ представляетъ тяжелые долги, лежащіе на мелкихъ поземельныхъ собственникахъ Франціи (стр. 98—99). Если бы эти слова были справедливы, ими опровергалось бы все, что Ленгъ такъ положительно говорилъ въ прежнихъ своихъ книгахъ и повторяетъ въ этой книгѣ о томъ, что принадлежность земли поселянамъ предотвращаетъ чрезмѣрное размноженіе населенія, но онъ представляетъ факты въ ошибочномъ видѣ. Норвегія единственная страна, о которой говоритъ онъ по собственнымъ наблюденіямъ, а онъ не утверждаетъ, что положеніе поселянъ собственниковъ становится тамъ хуже. Если же онъ говоритъ, что оно становится хуже въ Бельгіи, Германіи и Швейцаріи, то ошибочность его словъ обнаруживается фактами, приведенными выше. Во Франціи, какъ мы видѣли, населеніе увеличивается медленно, стало быть, еслибы положеніе французскихъ поселянъ и становилось хуже, этого нельзя было бы приписывать причинѣ, предполагаемой Ленгомъ. По моему убѣжденію, во всѣхъ безъ исключенія странахъ, гдѣ господствуетъ принадлежность земли поселянамъ, положеніе народа улучшается, земледѣльческій продуктъ и самое плодородіе земли возрастаетъ, и за прокормленіемъ земледѣльческихъ сословій остается все больше и больше хлѣба въ излишкѣ; а потому возрастаетъ и городское населеніе и благосостояніе горожанъ. Въ приложеніи я привожу еще нѣсколько фактовъ и замѣчаній объ этомъ вопросѣ и о раздробленности земли во Франціи.

послѣдствій такого устройства, именно высокое развитіе, до котораго доходитъ тутъ предусмотрительность въ людяхъ, еще не имѣющихъ собственности, но надѣющихся пріобрѣсть ее. Въ Англіи работникъ можетъ только класть въ сберегательныя кассы скопленныя имъ деньги, и при всей своей бережливости онъ не можетъ стать ничѣмъ выше работника, или можетъ стать развѣ только мелкимъ лавочникомъ, которому легко обанкротиться; поэтому въ Англіи нѣтъ ничего подобнаго энергическому духу бережливости, господствующему между людьми, которые посредствомъ бережливости могутъ изъ поденщиковъ возвыситься до положенія поземельныхъ собственниковъ. По свидѣтельству почти всѣхъ знатоковъ дѣла истинная причина раздробленія земли та, что продавая землю поселянамъ, обращающимъ на эту покупку маленькія сбереженныя ими деньги, можно получить за землю больше, чѣмъ дастъ за нее богатый покупщикъ, берущій ее всю и думающій жить доходомъ съ нея, не производя въ ней улучшеній. Надежда купить землю служитъ для людей неимѣющихъ земли могущественнѣйшимъ побужденіемъ къ трудолюбивому, умѣренному и воздержному образу жизни, отъ котораго зависитъ достиженіе этой цѣли ихъ честолюбія.

Мнѣ кажется, что этимъ изслѣдованіемъ прямыхъ дѣйствій и косвенныхъ вліяній принадлежности земли поселянамъ я доказалъ, что нѣтъ необходимой связи между этою формою поземельной собственности и несовершенствомъ производительныхъ искусствъ; что если она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и неблагопріятна успѣшнѣйшему пользованію силами земли, то не менѣе важны и другія отношенія, по которымъ она благопріятна ему; что изъ всѣхъ существующихъ системъ земледѣльческаго устройства она производитъ самое выгодное вліяніе на трудолюбіе, умственное развитіе, бережливость и благоразуміе народа, и самымъ сильнѣйшимъ образомъ удерживаетъ людей отъ непредусмотрительнаго размноженія; что поэтому нѣтъ изъ существующихъ устройствъ ни одного, столь благопріятнаго нравственному и физическому состоянію населенія. По сравненію съ англійскою системою обработки земли наемнымъ трудомъ, она должна считаться чрезвычайно полезною для рабочаго класса. *) Сравнивать ее съ системою общей принадлежности зем-

---

*) Французская исторія поразительнымъ образомъ подтверждаетъ эти заключенія. Въ теченіе вѣковъ три раза крестьяне пріобрѣтали землю, и эти

ли товариществамъ работниковъ, мы здѣсь не имѣемъ обязанности.

ГЛАВА VIII.

ПОЛОВНИКИ.

1. Отъ системы, при которой продуктъ земли и труда нераздѣльно принадлежитъ работнику, мы переходимъ къ системамъ, по которымъ онъ раздѣляется, но только между двумя классами, работниками и землевладѣльцами, а роль капиталистовъ сливается

три раза непосредственно предшествовали тремъ главнымъ эрамъ процвѣтанія французскаго земледѣлія.

«Бѣднякъ бываетъ въ состояніи покупать, — говоритъ историкъ Мишле (Le Peuple 1 partie, ch. 1), — въ самыя плохія времена, въ моменты всеобщей бѣдности, когда даже богатый дѣлается бѣденъ и продаетъ по неволѣ; такъ какъ покупщиковъ не находится, оборванный крестьянинъ приходитъ съ своей золотой монетой и пріобрѣтаетъ клочокъ земли. За этими минутами разоренія, когда крестьянинъ могъ дешево пріобрѣтать землю, всегда слѣдовалъ внезапный потокъ обилія, котораго люди не могли себѣ растолковать. Напримѣръ, около 1500 г., когда Франція, истощенная Людовикомъ XI, казалось совершенно разорялась въ Италіи, дворянство, отправляясь туда, принуждено было продавать землю, и земля, перешедши въ новыя руки, процвѣла вдругъ; вездѣ трудятся и строятъ. Этотъ прекрасный моментъ (въ стилѣ монархической исторіи) былъ названъ le bon Louis XII.

«Къ несчастью, этотъ моментъ былъ непродолжителенъ. Едва земля поправилась, какъ является фискъ; наступаютъ религіозныя войны, которыя точно стираютъ все съ лица земли, настаютъ ужасныя бѣдствія, страшные голода, когда матери пожирали своихъ дѣтей. Кто бы подумалъ, что страна поднимается отъ этого? Но едва кончается война, съ этого опустошеннаго поля, изъ этой хижины, еще обожженной и чорной, приходитъ бережливый крестьянинъ. Онъ покупаетъ; въ десять лѣтъ, Франція измѣнилась, въ двадцать или тридцать лѣтъ, всѣ имѣнія удвоились, даже утроились въ цѣнѣ. Этотъ моментъ, опять окрещенный королевскимъ именемъ, называется le bon Henri IV и великій Ришельё.»

О третьей эрѣ не нужно и говорить; это была эра революціи.

Кто захочетъ изучить обратную сторону картины, пусть сравнитъ эти историческіе періоды, характеризуемые раздробленіемъ крупной и созданіемъ мелкой собственности, — съ тѣмъ глубокимъ національнымъ бѣдствіемъ, которое сопровождало изгнаніе мелкихъ йоменовъ (yeomen), уступившихъ мѣсто для обширныхъ пастбищъ, — съ этимъ великимъ экономическимъ событіемъ англійской исторіи въ теченіе шестнадцатаго столѣтія, — и съ продолжительнымъ ухудшеніемъ положенія рабочихъ классовъ послѣ этого событія.

съ ролью того или другаго изъ этихъ сословій. Можно представить еще третью систему, въ которой при существованіи только двухъ сословій, раздѣляющихъ продуктъ, одно изъ этихъ сословій — капиталисты, а другое соединяетъ въ себѣ роли работника и собственника. Это могло бы существовать двумя способами. Работникъ, будучи собственникомъ земли, могъ бы отдавать ее фермеру и работать у него какъ наемникъ. Но такое положеніе не требовало бы особеннаго разсмотрѣнія, если бы изрѣдка и могло встрѣчаться: оно ничѣмъ существеннымъ не отличалось бы отъ системы съ тремя сословіями: работниковъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Другой случай встрѣчается нерѣдко: поселянинъ собственникъ самъ воздѣлываетъ свою землю, но маленькій капиталъ, нужный для него, получаетъ онъ подъ залогъ этой земли. Такая система также не представляетъ важныхъ особенностей. При ней только одно лицо, именно самъ поселянинъ, имѣетъ право распоряженія хозяйствомъ, въ которое никто другой не можетъ вмѣшиваться. Онъ платитъ опредѣленную ежегодную сумму процентовъ капиталисту, точно такъ же, какъ платитъ другую опредѣленную сумму налоговъ правительству. Не останавливаясь на этихъ случаяхъ, мы перейдемъ къ тѣмъ, которые представляютъ рѣзкія черты особенности.

Когда два сословія, дѣлящія между собою продуктъ—работники и землевладѣльцы, нѣтъ особенной важности въ томъ, которое изъ этихъ двухъ сословій даетъ оборотный капиталъ: работники, землевладѣльцы, или тѣ и другіе вмѣстѣ, по извѣстнымъ долямъ. Существенная разница происходитъ не изъ этого, а изъ другаго обстоятельства, именно изъ того, обычаемъ или соперничествомъ опредѣляется пропорція, по какой дѣлится продуктъ между ними. Мы начнемъ первымъ случаемъ, главный и въ Европѣ почти единственный примѣръ котораго представляетъ половничество.

Принципъ половничества тотъ, что работникъ или поселянинъ имѣетъ сношенія прямо съ землевладѣльцемъ и платитъ ему не ренту опредѣленной величины деньгами или натурою, а извѣстную долю продукта, или точнѣе говоря, ту часть продукта, какая остается за вычетомъ количества, считаемаго нужнымъ на ремонтъ оборотнаго капитала. Обыкновенно эта пропорція—половина, какъ показываетъ и самое имя системы, но въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи она составляетъ двѣ трети. Отъ кого долженъ быть оборотный капиталъ, это рѣшается обычаемъ въ разныхъ мѣстахъ различно: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ весь капиталъ доставляетъ землевладѣлецъ, въ другихъ онъ даетъ половину его, въ треть-

ихъ — какія нибудь особенныя статьи его, напр. скотъ и сѣмена, между тѣмъ какъ орудія долженъ имѣть самъ работникъ *). «Это положеніе, читаемъ мы у Сисмонди, говорящаго преимущественно о Тосканѣ (Etudes sur l'Economie Politique, 6-me essai: De la condition des cultivateurs en Toscane), часто опредѣляется контрактомъ, перечисляющимъ разныя работы и случайныя уплаты, принимаемыя на себя половникомъ; но разница въ этихъ обязанностяхъ по разнымъ контрактамъ незначительна, потому что всѣми договорами управляетъ обычай, которымъ руководятся также въ случаяхъ, не упомянутыхъ контрактомъ. Вздумавъ отступить отъ обычая, требовать больше, чѣмъ требуетъ сосѣдъ, принять за основаніе контракта раздѣлъ продукта не на равныя половины, землевладѣлецъ возбудилъ бы противъ себя негодованіе, и не нашелъ бы для своихъ земель половниковъ честнаго характера; поэтому контракты всѣхъ половниковъ можно назвать одинаковыми, по крайней мѣрѣ въ каждой области, и никогда не бываетъ соперничества между поселянами, ищущими занятія; никто изъ нихъ не предлагаетъ воздѣлывать землю на условіяхъ, болѣе дешевыхъ чѣмъ другіе.» То же самое говоритъ Шатовьё о піемонтскихъ половникахъ (Letters from Italy,—я цитую по переводу доктора Ригби. стр. 22.) «Они считаютъ ферму наслѣдственнымъ владѣніемъ и не думаютъ о возобновленіи контрактовъ, а продолжаютъ изъ поколѣнія въ по-

---

*) Во Франціи до революціи, по словамъ Артура Юнга (т. 1, стр. 403), были большія мѣстныя различія въ этомъ отношеніи. Въ Шампани «землевладѣлецъ обыкновенно даетъ половину скота и половину посѣва, а половникъ поставляетъ трудъ, орудія, и платитъ налоги; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ землевладѣлецъ участвуетъ и въ этомъ. Въ Руссильонѣ землевладѣлецъ платитъ половину налоговъ, а въ Гіени, отъ Оха до Флерана, многіе землевладѣльцы платятъ всѣ налоги. На Гаронпѣ, близъ Эгильона, половники ставятъ половину скота, въ Нанси (въ Иль-де-Франсѣ) я встрѣтилъ, что землевладѣлецъ даетъ скотъ, орудія, сбрую и платитъ налоги, кромѣ поголовной подати, которую платитъ за себя самъ половникъ; избу и ворота поправляетъ землевладѣлецъ, а окна половникъ; въ первый годъ контракта сѣмена даетъ землевладѣлецъ, а въ послѣдній годъ половникъ; въ средніе годы они ставятъ семена пополамъ. Въ Бурбонне землевладѣлецъ даетъ весь скотъ, но половникъ продаетъ, мѣняетъ и покупаетъ скотъ какъ хочетъ; управитель ведетъ счетъ этимъ перемѣнамъ, потому что землевладѣлецъ получаетъ половину денегъ отъ продажи и платитъ половину денегъ въ покупкѣ.» Въ Піемонтѣ, говоритъ Юнгъ, «землевладѣлецъ вообще платитъ налоги и исправляетъ строеніе, а половникъ ставитъ скотъ, орудія и посѣвъ.» (Т. II, стр. 151).

колѣніе воздѣлывать землю все на тѣхъ же условіяхъ, безъ письменныхъ документовъ». *)

2. Когда раздѣлъ продукта опредѣляется неизмѣннымъ обычаемъ, а не условіями, подлежащими перемѣнамъ, то дѣло не представляетъ такихъ законовъ распредѣленія, какіе изслѣдуются политической экономіей. Она тутъ должна, какъ и въ положеніи поселянъ собственниковъ, разсматривать только вліяніе системы 1, на нравственное и матеріальное положеніе поселянъ, и 2, на успѣшность труда. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ половничество имѣетъ тѣ же выгоды, какими отличается система принадлежности земли поселянамъ, только имѣетъ ихъ въ меньшей степени. Половникъ меньше поселянина собственника имѣетъ побужденія къ усердному труду, потому что ему принадлежатъ не всѣ плоды его труда, а только половина ихъ. Но больше у него побужденія къ усердному труду, чѣмъ у поденьщика, которому нужно работать лишь для того, чтобы хозяинъ не отказалъ ему. Если половникъ не можетъ быть выгнанъ, когда не нарушаетъ условій, то побужденіе къ труду у него сильнѣе, чѣмъ у фермера, не имѣющаго срочнаго контракта. Половникъ получаетъ если не всю прибыль, то по крайней мѣрѣ половину прибыли, онъ компаньонъ землевладѣльца. А гдѣ наслѣдственная принадлежность участка обезпечена ему обычаемъ, тамъ онъ пріобрѣтаетъ привязанность къ мѣсту, пріобрѣтаетъ въ значительной степени чувства собственника. Разумѣется я говорю въ томъ предположеніи, что половина продукта достаточна для доставленія ему довольно хорошей жизни. Будетъ ли она достаточна для того или нѣтъ, это въ каждомъ данномъ положеніи земледѣлія зависитъ отъ степени подраздѣленія земли, а эта степень зависитъ отъ принципа населенія. Населеніе даже при принадлежности земли поселянамъ можетъ размножиться выше того

---

*) Эта обычная неизмѣнность фермерскаго пользованія землей не имѣетъ впрочемъ общаго характера даже въ Италіи; и именно отсутствію ея Сисмонди приписываетъ худшее положеніе половниковъ въ нѣкоторыхъ неаполитанскихъ провинціяхъ, въ Луккѣ и въ Riviera di Genoa, гдѣ землевладѣльцы получаютъ большую (хотя все таки постоянную) долю прибыли. Въ этихъ странахъ обработка земли великолѣпная, но народъ находится въ жалкой бѣдности.» Тому же бѣдствію подвергся бы вѣроятно и народъ тосканскій, если бы земледѣльца не защищало общественное мнѣніе; но собственникъ не осмѣлился бы налагать условій, не употребительныхъ въ странѣ, и, даже перемѣняя одного половника на другаго, онъ не измѣняетъ ничего въ условіяхъ договора». (Nouveaux Principes liv. III, ch. 5).

числа, какое въ состояніи удовлетворительно содержаться земледѣліемъ, или работою на фабрикахъ; конечно это возможно, даже еще болѣе возможно при системѣ половничества. Но половничество въ значительной степени имѣетъ то свойство, какое мы замѣчали въ положеніи поселянъ собственниковъ, — свойство развивать благоразуміе относительно размноженія. При системѣ половничества также легко и опредѣлительно бываетъ видно, существуютъ ли средства для содержанія семейства.

Поселянинъ, получающій весь продуктъ, легко видитъ, можетъ ли онъ увеличить производство на столько, чтобы содержать въ прежнемъ благосостояніи увеличившееся число лицъ; точно также легко видѣть это и поселянину, получающему половину продукта *). Сверхъ всѣхъ задержекъ размноженію, представляемыхъ положеніемъ поселянъ собственниковъ, половничество даже имѣетъ еще одну задержку, которой нѣтъ у поселянъ собственниковъ: при половничествѣ существуетъ землевладѣлецъ, который, имѣя власть контроля, можетъ отказывать въ своемъ согласіи на подраздѣленіе хозяйствъ. Впрочемъ я не приписываю большой важности этой задержкѣ, потому что хозяйство и не раздѣляясь можетъ обремениться лишними руками; а пока увеличеніе числа рукъ увеличиваетъ валовой продуктъ, что почти всегда бываетъ, землевладѣлецъ, получая половину продукта, прямо выигрываетъ отъ размноженія людей, невыгодность котораго падаетъ только на работниковъ.

---

*) Бастіа говоритъ, что система половничества очевидно сдерживаетъ размноженіе людей даже во Франціи, гдѣ эта система существуетъ въ самомъ неудовлетворительномъ видѣ. «Стремленіе къ неправильному размноженію обнаруживается главнымъ образомъ въ сословіи, живущемъ рабочею платою. Предусмотрительность, замедляющая браки, дѣйствуетъ на него слабо, потому что бѣдствія происходящія отъ чрезмѣрнаго соперничества представляются ему очень смутно и въ отдаленіи, повидимому не страшномъ. Слѣдовательно величайшею выгодою для страны надобно считать организацію, при которой не было бы сословія, живущаго рабочею платою. При системѣ половничества, вступленіе въ бракъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ потребностей земледѣлія; число браковъ увеличивается, когда по какому нибудь обстоятельству оказываются, къ вреду земледѣлія, не занятые половническіе участки; число браковъ уменьшается, когда всѣ мѣста заняты. Положеніе дѣлъ тутъ видно всякому, — оно состоитъ въ пропорціи между размѣромъ участка и количествомъ рукъ; по своей ясности оно дѣйствуетъ такъ же, какъ предусмотрительность и неизбѣжнѣе, чѣмъ она. Оттого, если какое нибудь обстоятельство не открываетъ помѣщенія прибылому населенію, населеніе не возрастаетъ. Доказательствомъ тому служатъ наши южные департаменты». Considérations sur le métayage, Journal des Economistes, февраль 1846.

Конечно землевладѣлецъ можетъ наконецъ подвергаться убыткамъ отъ бѣдности работниковъ, которымъ долженъ будетъ дѣлать ссуды, особенно въ неурожайные годы; мысль объ этой окончательной невыгодѣ можетъ полезнымъ образомъ дѣйствовать на такихъ землевладѣльцевъ, которые предпочитаютъ прочность будущаго настоящей выгодѣ.

Отличительная невыгода половничества очень вѣрно опредѣлена Адамомъ Смитомъ. Сказавъ, что половники «имѣютъ явный интересъ въ томъ, чтобы валовой продуктъ былъ какъ можно больше, для увеличенія принадлежащей имъ доли продукта», онъ продолжаетъ: «но хлѣбопашцамъ этого рода никакъ не можетъ быть выгоды въ томъ, чтобы затрачивать на дальнѣйшее улучшеніе земли хотя сколько нибудь изъ небольшихъ запасовъ, которые могли бы они сберечь изъ своей доли продукта, потому что владѣлецъ, ничего не затрачивая, получалъ бы половину всего произведеннаго ихъ затратами. Десятина, составляющая только десятую долю продукта, признана очень большимъ препятствіемъ къ улучшенію. Если такъ, то подать, простирающаяся до половины продукта, должна быть совершенною преградою улучшенію. Для половника можетъ быть выгоднымъ добиваться отъ земли наибольшаго продукта, какой возможно получить при помощи средствъ обработки, доставляемыхъ собственникомъ; но для него никакъ не будетъ выгодно добавлять къ этимъ средствамъ часть своихъ. Во Франціи, гдѣ пять шестыхъ всего королевства еще заняты половничествомъ, собственники жалуются, что половники всячески стараются употреблять господскій скотъ не на воздѣлываніе земли, а на извозъ, потому что отъ извоза вся прибыль принадлежитъ имъ, а прибыль отъ хлѣбопашества дѣлятъ они съ землевладѣльцемъ (Wealth of Nations, книга III, гл. 2).

По самой сущности половничества всѣ улучшенія, требующія затраты капитала, должны производиться на капиталъ землевладѣльца. Но точно таково же, въ сущности, положеніе дѣлъ въ Англіи, когда фермеръ не имѣетъ срочнаго контракта, а по мнѣнію Артура Юнга даже при девятилѣтнихъ контрактахъ. Если землевладѣлецъ имѣетъ охоту дать капиталъ на улучшенія, то половникъ находитъ сильнѣйшую выгоду помогать улучшеніямъ, потому что половина выгоды отъ нихъ достанется ему. Но наслѣдственность пользованія землею, принадлежащая по обычаю положенію половника, дѣлаетъ его согласіе необходимымъ условіемъ; а духъ рутины и нелюбовь къ нововведеніямъ, — отличительныя качества земледѣль-

цевъ, не исправленныхъ воспитаніемъ,—должны служить важнымъ препятствіемъ для улучшеній; сами защитники системы половничества согласны съ этимъ.

3. Англійскіе авторитеты безпощадно осуждаютъ систему половничества. «Въ защиту этой системы нельзя сказать ни одного слова, а противъ нея можно привести тысячи доказательствъ, говоритъ Артуръ Юнгъ. Она можетъ быть оправдываема только тѣмъ, что неизбѣжна: люди снимающіе землю такъ бѣдны, что землевладѣлецъ долженъ давать имъ хозяйственное обзаведеніе, иначе они не обзаведутся хозяйствомъ; это очень обременительно собственнику, принужденному тутъ принимать на себя значительную долю земледѣльческаго риска, и принимать ее на себя самымъ опаснѣйшимъ способомъ, ввѣреніемъ своей собственности въ безусловное распоряженіе людей, вообще невѣжественныхъ, часто безпечныхъ, а иногда рѣшительно нечестныхъ. При этой самой жалкой изъ всѣхъ системъ отдачи земли въ наемъ, обманываемый землевладѣлецъ получаетъ ничтожную ренту; съемщикъ земли находится въ величайшей бѣдности; земля воздѣлывается очень плохо, а нація страдаетъ не меньше землевладѣльцевъ и съемщиковъ.» (Travels, т. 1, стр. 404 — 405.) «Можно навѣрное сказать, что гдѣ вы ни встрѣтите эту систему, вездѣ вы встрѣтите безполезное и бѣдствующее населеніе...Гдѣ я ни встрѣчалъ въ Миланской области бѣдную и не орошенную землю, вездѣ я узнавалъ, что она въ рукахъ половниковъ»; они почти всегда должны землевладѣльцу за сѣмена или за пищу и «ихъ положеніе бѣдственнѣе положенія поденьщика» (Travels, томъ 2, стр. 151—153).—«Въ Италіи,» продолжаетъ Юнгъ, «мало мѣстъ, гдѣ земля снимается фермеромъ за денежную плату; но во всѣхъ такихъ мѣстахъ жатва бываетъ обильнѣе; это явно показываетъ негодность половничества» (Travels, томъ 2, стр. 217). Макъ-Куллокъ говоритъ: «половничество вездѣ служитъ преградою всякому улучшенію и довело землепашцевъ до крайней бѣдности.» (Principles of Political Economy, изд. 3, стр. 471.)—Джонсъ раздѣляетъ общее мнѣніе и подтверждаетъ его словами Тюрго и Детютде-Траси, (Essay on the Distribution of Wealth, стр. 102—104). Но всѣ эти писатели, какъ мнѣ кажется, основывали свое мнѣніе о половничествѣ на впечатлѣніи, какое производилось французскимъ земледѣліемъ, и притомъ до революціи; я думаю такъ не смотря на то, что Артуръ Юнгъ упоминаетъ иногда объ Италіи *). А по-

*) Исключеніемъ отчасти служитъ Детютде-Траси, наблюденія котораго

ложеніе французскихъ половниковъ до революціи вовсе не можетъ считаться типическою формою половничества. Существенная черта его та, что всѣ налоги платитъ землевладѣлецъ. Между тѣмъ во Франціи свобода дворянства отъ прямыхъ налоговъ заставила правительство обременить половниковъ всею тяжестію своихъ постоянно возраставшихъ фискальныхъ требованій; этимъ обременительнымъ налогамъ Тюрго приписывалъ чрезвычайную бѣдность половниковъ; бѣдность эта въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была чрезмѣрна. Напримѣръ въ Лимузенской и Ангумейской провинціяхъ, которыми управлялъ Тюрго, рѣдко оставалось поселянамъ, за вычетомъ всѣхъ податей и повинностей, больше 25—30 ливровъ (20 — 24 шилинга) въ годъ на человѣка; такъ считаетъ Тюрго и прибавляетъ: «я считаю это не денежный остатокъ, а все количество продуктовъ, которые потребляютъ они натурою *). Прибавимъ, что половники не имѣли наслѣдственнаго пользованія, какое обезпечивается для нихъ въ Италіи обычаемъ (по словамъ Артура Юнга,—томъ 1, стр. 404,—«въ Лимузенѣ половники считаются, можно сказать, наемными работниками господскаго двора, которыхъ можетъ господинъ выгнать когда захочетъ, и которые во всемъ должны повиноваться его волѣ»). Очевидно теперь, что положеніе французскихъ

обнимаютъ собою и время послѣ революціи; но онъ признается (какъ свидѣтельствуетъ и самъ Джонсъ), что онъ былъ знакомъ только съ однимъ небольшимъ округомъ, гдѣ земля очень раздроблена, а почва неплодородна. Пасси думаетъ, что при половничествѣ хлѣбопашцы во Франціи непремѣнно должны быть бѣдны, а земля должна воздѣлываться плохо, потому что часть продукта, требуемая землевладѣльцемъ, слишкомъ велика; по его мнѣнію только въ климатѣ болѣе благопріятномъ земледѣлецъ можетъ платить ренту, простиравшуюся до половины валоваго продукта и имѣть въ остальной половинѣ средства для воздѣлыванія цѣнныхъ продуктовъ, которые требуютъ большаго расхода, во французскомъ климатѣ это было бы возможно только на чрезвычайно плодородныхъ почвахъ. (Systèmes de Culture, стр. 35). Это возраженіе относится только къ извѣстной пропорціи ренты, — пропорціи обыкновенной при половничествѣ, но не составляющей существеннаго условія системы.

*) «Memoire sur la Surcharge des Impositions qu'éprouvait la Généralité de Limoges, adressé au Conseil d'Etat en 1776», напечатанный въ Oeuvres de Turgot, томъ IV, стр. 260—304. Артуръ Юнгъ говоритъ, что иногда землевладѣльцы во Франціи обязывались платить часть налоговъ; по словамъ Тюрго эти случаи возникли незадолго передъ революціею, вслѣдствіе рѣшительной необходимости: «собственникъ принимаетъ на себя эту обязанность лишь тогда, когда безъ того не можетъ найти половника; такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ половнику оставляется лишь столько, чтобы онъ не умеръ голодною смертію (стр. 275).

половниковъ не должно служить аргументомъ противъ лучшей формы половничества. Они не имѣли никакого имущества, находились подобно ирландскимъ коттерамъ въ такомъ положеніи, хуже котораго никогда уже ничего не могло быть для нихъ; такое населеніе ничѣмъ не останавливается отъ размноженія, будетъ размножаться и дробить землю до предѣловъ голодной нищеты.

Но итальянское половничество представляется намъ совершенно въ иномъ видѣ, по свидѣтельству достовѣрнѣйшихъ писателей. Обратимъ вниманіе во первыхъ на степень раздробленія земли. Въ Ломбардіи, по словамъ Шатовьё (Letters from Italy, переводъ Ригби, стр. 16), мало находится хозяйствъ размѣромъ больше 60 экровъ и мало хозяйствъ размѣромъ меньше 10 экровъ. Фермы эти всѣ заняты половниками, платящими владѣльцу половину продукта. Всѣ онѣ отличаются такою величиною и такимъ хорошимъ видомъ строенія, какихъ почти не найдете вы въ остальной Европѣ.» (стр. 19 — 20). Планъ постройки въ нихъ таковъ, что «представляетъ очень большую помѣстительность при объемѣ построекъ сравнительно не очень большомъ, очень хорошо приспособленъ къ земледѣльческимъ надобностямъ, очень экономенъ и безопасенъ отъ огня. Дворъ представляетъ такое правильное и удобное цѣлое, систему такой заботливости и порядка, что грязные и дурно расположенные дворы нашихъ (французскихъ) поселянъ не могутъ быть и сравниваемы съ ними». То же самое мы читаемъ о Пьемонтѣ. Сѣвооборотъ въ этой странѣ превосходный. «Мнѣ кажется, что никакая страна не можетъ высылать на рынокъ такую большую долю своего продукта, какъ Пьемонтъ. Почва его по природѣ не очень плодородна, но число городовъ изумительно велико». Потому пьемонтское хозяйство должно давать при большемъ валовомъ продуктѣ и очень большой чистый продуктъ. «На каждый плугъ приходится здѣсь 32 экра воздѣлываемой земли. Удивительна аккуратность, съ какою однимъ плугомъ съ парою воловъ производится перепашка нивы, засѣянной мансомъ, когда мансъ уже очень высокъ: ни одинъ стебель хлѣба не помнется плугомъ, а вся сорная трава истребляется этою перепашкой.» Такова земледѣльческая ловкость работниковъ. «Жатвы, собираемыя ими, превосходны.» — «Пшеницу молотятъ они каткомъ, который тащитъ лошадь подъ управленіемъ мальчика, между тѣмъ, какъ работники переворачиютъ солому вилами. Операція эта продолжается около двухъ недѣль; она быстра, экономна и вымолачиваетъ все зерно вполнѣ. Нигдѣ вы не найдете такихъ хорошихъ понятій о хозяйственной

экономіи, какъ въ Пьемонтѣ; этимъ объясняется огромный вывозъ хлѣба изъ него, при густотѣ населенія» (стр. 24 — 31). Въ Пьемонтѣ господствуетъ половничество.

О долинѣ рѣки Арно, по всему ея теченію выше и ниже Флоренціи, Шатовьё говоритъ: «лѣса оливковыхъ деревьевъ покрываютъ нижнія части горъ, прикрывая своими листьями безчисленное множество фермъ, которыми усѣяны эти части горъ; каштаны возвышаются на верхней части горъ, и яркая зелень ихъ рѣзко отдѣляется отъ блѣдной зелени оливковыхъ деревьевъ, придавая свѣтлый цвѣтъ всему этому амфитеатру. Мы ѣхали по дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ усѣянной домиками, стоящими не болѣе, какъ во 100 шагахъ другъ отъ друга. Они построены близь дороги, отъ которой отдѣляются террасою въ нѣсколько футовъ ширины, и стѣною. По стѣнѣ обыкновенно разставлены вазы античныхъ формъ; въ нихъ растутъ цвѣты, алоэ и молодыя апельсинныя деревья. Сами домики совершенно закрыты виноградными лозами. Передъ домами мы видѣли группы поселянокъ въ бѣлыхъ полотняныхъ платьяхъ съ шелковыми корсажами и въ соломенныхъ шляпахъ, убранныхъ цвѣтами. По малому разстоянію между домами видно, что земли при каждомъ изъ нихъ немного, и что собственность въ этихъ домикахъ очень раздроблена. Дѣйствительно, величина участковъ тутъ отъ 3 до 10 акровъ. Земля лежитъ около дома и раздѣлена на поля маленькими канавами, или рядами деревьевъ, между которыми есть тутовыя, но преобладаютъ тополи, листьями которыхъ кормятъ скотъ. Каждое дерево служитъ подпоркою виноградной лозѣ. Полосамъ этимъ, имѣющимъ форму продолговатыхъ четыреугольниковъ, дана такая ширина, чтобы можно было пахать ихъ плугомъ безъ колесъ на парѣ воловъ. Эта пара воловъ съ плугомъ принадлежитъ вмѣстѣ 10 или 12 фермерамъ, которые поочередно распахиваютъ всѣ свои участки однимъ плугомъ. Почти на каждой фермѣ есть хорошая лошадь, которая запрягается въ двуколесную телѣгу чистой отдѣлки, окрашенную въ красный цвѣтъ; лошадь и телѣжка возятъ продукты фермы, возятъ также дочерей фермера въ церковь и на балы. По праздникамъ сотни этихъ телѣжекъ скачутъ по всѣмъ направленіямъ; на телѣжкахъ сидятъ молодыя женщины въ цвѣтахъ и лентахъ» (стр. 78 — 79).

Это не похоже на картину бѣдности; положеніе земледѣлія въ этихъ странахъ таково, что совершенно опровергаетъ укоризну, дѣлаемую англійскими писателями системѣ половничества по отношенію къ земледѣльческой техникѣ; но положеніе самихъ земле-

дѣльцевъ, по свидѣтельству Шатовьё, не совсѣмъ удовлетворительно. «Благосостояніе жителей, говоритъ онъ, опредѣляется не природнымъ плодородіемъ земли, не обиліемъ продуктовъ, поражающимъ глазъ путешественника: доля продуктовъ, которыми можетъ пользоваться каждый житель, опредѣляется числомъ людей, между которыми дѣлится сумма продукта. Здѣсь эта доля очень мала. До сихъ поръ я говорилъ о красотѣ страны, о томъ, какъ хорошо она орошена, плодородна, зеленѣетъ круглый годъ; какъ она дѣлится на безчисленные участки, покрытые тысячью разныхъ посѣвовъ, будто грядки въ огородѣ, какъ на каждомъ участкѣ стоитъ хорошій домъ, одѣтый виноградными лозами, украшенный цвѣтами; но вошедши въ эти домы увидимъ въ нихъ совершенный недостатокъ всѣхъ житейскихъ удобствъ, столъ болѣе чѣмъ умѣренный, всѣ признаки скудости.» (стр. 73—76). Мнѣ кажется, что Шатовьё безсознательно сравниваетъ здѣсь положеніе половниковъ съ положеніемъ фермеровъ другихъ странъ, между тѣмъ какъ по настоящему слѣдовало бы сравнивать половниковъ съ земледѣльческими работниками.

Артуръ Юнгъ говоритъ: «меня увѣряли, что эти половники (особенно около Флоренціи) живутъ въ большомъ изобиліи; что по праздникамъ они одѣваются очень хорошо, что есть у нихъ роскошные наряды, золотые, серебряные, шолковые; что они имѣютъ въ изобиліи хлѣбъ, вино и овощи. Можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ живутъ такъ, но вообще они живутъ не такъ. Нелѣпо полагать, что половники могутъ жить въ изобиліи продуктами фермы, на обработку которой довольно одной пары воловъ; бѣдность ихъ ясно доказывается тѣмъ, что землевладѣлецъ, дающій имъ половину скота, часто принужденъ ссужать поселянина деньгами на покупку другой половины. Половники, живущіе вдали отъ городовъ, такъ бѣдны, что землевладѣльцы ссужаютъ ихъ даже хлѣбомъ на пропитаніе; они ѣдятъ черный хлѣбъ, испеченный съ примѣсью дикаго гороху; вина пьютъ они очень мало, да и то въ смѣси съ водою, что называютъ они aquarolle; мясо ѣдятъ только по воскресеньямъ; одѣваются очень бѣдно.» (Travels, томъ II, стр. 156). Джонсъ признаетъ, что около Флоренціи половники живутъ лучше, и приписываетъ это отчасти плетенію соломенныхъ вещей: по словамъ Шатовьё (Letters from Italy, стр. 75) поселянка можетъ пріобрѣтать этою работою 15—20 пенсовъ въ день. Но даже этотъ фактъ свидѣтельствуетъ въ пользу половничества, потому что въ тѣхъ частяхъ Англіи, гдѣ соломенныя издѣлія или

плетеніе кружевъ производятся женщинами и дѣтьми рабочаго класса, какъ напримѣръ въ графствахъ Бедфордскомъ и Бэкингемскомъ, положеніе рабочаго класса не лучше, а развѣ хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ: плата за земледѣльческій трудъ понизилась тамъ на всю сумму, получаемую отъ этихъ работъ.

Не смотря на свои слова о бѣдности половниковъ, Шатовьё свидѣтельствуетъ о хорошихъ слѣдствіяхъ этой системы, по крайней мѣрѣ въ Италіи. «Она постоянно занимаетъ собственниковъ заботами о земледѣліи, которымъ никогда не занимаются большіе собственники, сдающіе землю за опредѣленную ренту. При половничествѣ установляется общность интересовъ и доброжелательность отношеній между собственниками и половниками; я видѣлъ много примѣровъ этой доброжелательности, очень выгодно дѣйствующей на нравственное состояніе общества. При половничествѣ собственникъ всегда заинтересованъ въ хорошемъ урожаѣ, никогда не отказывается дѣлать для него затраты, которыя земля можетъ возвратить съ прибылью. Благодаря этимъ затратамъ и соединеннымъ съ ними надеждамъ, все сельское хозяйство Италіи постепенно совершенствовалось богатыми землевладѣльцами. Этому обстоятельству оно обязано многочисленными сооруженіями для орошенія полей и устройствомъ хлѣбопашества на горныхъ уступахъ, постепенными, но вѣчными улучшеніями, которыхъ никакъ не могли бы сдѣлать простые поселяне по недостатку средствъ, никакъ не могли бы сдѣлать фермеры или большіе собственники при отдачѣ земли въ наемъ за опредѣленную ренту, потому что не находили бы въ томъ достаточной выгоды себѣ. При половничествѣ является общность интересовъ и естественно возникаетъ союзъ между богатымъ собственникомъ дающимъ средства на земледѣльческія улучшенія, и между половникомъ, заботливый трудъ котораго направляется общностью выгодъ къ извлеченію наибольшей пользы изъ этихъ затратъ» (Letters from Italy стр. 295—296).

Но самое выгодное для половничества свидѣтельство находимъ у Сисмонди, имѣющаго передъ другими писателями то преимущество, что онъ спеціально и коротко знакомъ съ дѣломъ: его слова — отзывъ не путешественника, а собственника, жившаго въ той странѣ, коротко знакомаго съ сельскимъ бытомъ ея. Онъ говоритъ вообще о Тосканѣ, а въ особенности о Val di Nievole, гдѣ находилась его собственная земля. Надобно замѣтить, что эта мѣстность лежитъ не въ окрестностяхъ Флоренціи, которыя пользуются особенными выгодами по общему мнѣнію.

Величина хозяйствъ въ этомъ округѣ очень мала. Вотъ какъ Сисмонди описываетъ жилища и образъ жизни половниковъ въ Val di Nievole.

«Стѣны этого дома сложены крѣпко съ известью и цементомъ; домъ имѣетъ никакъ не меньше двухъ этажей, а иногда бываетъ трехъэтажный. Въ нижнемъ этажѣ обыкновенно бываетъ кухня, хлѣвъ для двухъ коровъ и кладовая, которую называютъ tinaia отъ большихъ кадокъ (tini), въ которыхъ бродитъ вино; тутъ половникъ держитъ подъ замкомъ и бочки съ виномъ, съ оливковымъ масломъ, и хлѣбъ. Кромѣ того почти у каждаго есть еще сарай, пристроенный къ дому, — подъ этою кровлею онъ чинитъ свои орудія и рубитъ кормъ для скота. Во второмъ и третьемъ этажѣ по двѣ или по три, часто по четыре комнаты. Самая большая изъ этихъ комнатъ, въ которой всего удобнѣе освѣжается воздухъ, обыкновенно служитъ половнику въ маѣ и іюнѣ для воспитанія шелковичныхъ червей. Главную мебель въ комнатахъ составляютъ большіе сундуки для платья и бѣлья, и нѣсколько стульевъ простаго дерева; но новобрачная всегда имѣетъ въ числѣ приданаго орѣховый комодъ. Кровати безъ занавѣсей, но на каждой, кромѣ хорошаго матраса изъ эластической соломы турецкой пшеницы, лежитъ перина, набитая шерстью, или двѣ такихъ перины; у бѣднѣйшихъ перина дѣлается изъ льняной кудели, на постелѣ лежитъ хорошее стеганое одѣяло съ простынями изъ крѣпкаго пеньковаго полотна, а на лучшую изъ кроватей по праздникамъ кладется коверъ, сотканный изъ остатковъ шелка, которые не пошли въ пряжу. Каминъ имѣетъ только кухня, гдѣ всегда стоитъ и большой обѣденный столъ съ лавками, большой сундукъ, служащій также шкапомъ для хлѣба и другой провизіи; на кухнѣ довольно полная и очень не дорогая коллекція глиняныхъ горшковъ, блюдъ и тарелокъ; мѣдная лампа или пара ихъ, безмѣнъ, и по крайней мѣрѣ двѣ мѣдныя кружки для воды. Все бѣлье и все будничное платье—домашней работы. Будничное платье дѣлается изъ ткани, которая называется mezza lana (толстая) или mola (тонкая); основа ея — толстая, льняная или пеньковая пряжа, а утокъ шерстяной или бумажный; окрашена она также дома. Трудно повѣрить, сколько холста и mezza lana накопляютъ поселянки, благодаря неусыпному труду, сколько сукна хранится въ ихъ сундукахъ, сколько рубашекъ, куртокъ, нижняго платья, юпокъ и платьевъ заготовлено женщинами для семьи. Чтобы читатель могъ судить объ этомъ, привожу въ примѣчаніи списокъ имущества од-

ной семьи, съ которою я особенно хорошо знакомъ; семья эта не изъ самыхъ бѣдныхъ и не изъ самыхъ богатыхъ; она живетъ въ довольствѣ половиною продукта, получаемаго съ обработываемаго ею участка, который имѣетъ менѣе 10 арпановъ *). Приданое хозяйки этой семьи было 50 скуди деньгами, изъ которыхъ 20 были даны наличными, а остальныя выплачивались по 2 скуди въ годъ. Тосканское скуди—6 франковъ. Въ остальной Тосканѣ, гдѣ размѣръ фермъ больше, обыкновенное приданое поселянокъ 100 скуди, 600 франковъ» (Sismondi, Etudes sur l'Economie politique, 6-me étude).

Бѣдность ли это, похоже ли это на бѣдность? Сисмонди говоритъ, что обыкновенное приданое дочери половника 24 фунта, что для Тосканы никакъ не меньше, чѣмъ 50 фунтовъ для Англіи; невѣста, имѣющая только половину этого денежнаго приданаго, имѣетъ столько бѣлья и платья,—и это количество обыкновенное, по словамъ Сисмонди, — это показываетъ намъ, что тосканскіе половники имѣютъ избытокъ не меньше многихъ капиталистовъ фермеровъ другихъ странъ, что они гораздо зажиточнѣе, чѣмъ работники какой бы то ни было другой страны, кромѣ новыхъ колоній и Соединенныхъ Штатовъ. Противъ такого свидѣтельства слабы возраженія, основанныя на томъ, что какому нибудь путешественнику показалась бѣдна пища половниковъ; скромность ихъ стола скорѣе слѣдствіе бережливости, чѣмъ нужды. Роскошь стола не бываетъ любимою роскошью у южныхъ народовъ: тамъ всѣ сословія ѣдятъ преимущественно растительную пищу и ни въ

---

*) «Списокъ приданаго Жанны, дочери Валенто Папини, при ея сватьбѣ, съ Джованни Ланда, 29 апрѣля 1835, въ Порто-Веккіа, близь Пескіи:

«28 рубашекъ, 3 цвѣтныя шелковыя платья (bourre de soie), 4 платья другой шелковой матеріи (fleuret de soie), 3 будничныхъ платья и юбки для лѣта (mola) 3 бѣлыя юбки, 5 крашенныхъ полотняныхъ фартуковъ, 1 черный шелковый фартукъ, 9 будничныхъ цвѣтныхъ фартуковъ (mola), 4 бѣлыхъ платка, 8 цвѣтныхъ платковъ, 3 шелковые платка, 2 шитыя вуали, 1 тюлевая вуаль, 3 полотенца, 14 паръ чулокъ, 2 шляпы, одна войлочная, другая изъ тонкой соломы, 2 золотыхъ камея, 2 пары золотыхъ серегъ, 1 ожерелье съ 2 римскими піастрами; 1 коралловое ожерелье съ золотымъ крестомъ.

Болѣе богатыя невѣсты имѣютъ еще veste di seta, парадное шелковое платье, которое женщина во всю свою жизнь надѣваетъ только разъ пять.

«Женихи не готовятъ къ свадьбѣ особенно много платья. Такъ у жениха этой невѣсты было только 14 рубашекъ, съ про орціональнымъ количествомъ другаго бѣлья и платья. У него теперь только 13 паръ шерстянаго платья, между тѣмъ какъ семейство его невѣсты имѣетъ до 30 паръ.» Сисмонди.

одной изъ континентальныхъ странъ поселяне не имѣютъ пристрастія англійскихъ работниковъ къ бѣлому хлѣбу. Но, по словамъ Сисмонди, пища тосканскаго поселянина «здорова и разнообразна; основаніемъ ея служитъ превосходный пшеничный хлѣбъ, не очень бѣлый, но безъ отрубей и безъ всякой примѣси. Зимою поселянинъ ѣстъ только 2 раза въ день: въ 10 часовъ утра онъ ѣстъ свою поленту, а передъ наступленіемъ ночи супъ и хлѣбъ съ какой нибудь закуской (companatico). Лѣтомъ онъ ѣстъ три раза: въ 8 часовъ, въ часъ и ввечеру; но разводитъ огонь только разъ въ день, для приготовленія обѣда, который состоитъ изъ супа, изъ солонины, вяленой рыбы или овощей съ хлѣбомъ. Солонины по буднямъ ѣстъ онъ мало: сорокъ фунтовъ соленой свинины въ годъ на человѣка считается достаточнымъ запасомъ; два раза въ недѣлю поселянинъ кладетъ въ супъ небольшой кусокъ ея. По воскресеньямъ у него на столѣ всегда бываетъ свѣжее мясо; но кусокъ въ 1 ф. или 1½ фунта считается достаточнымъ на всю семью, какъ бы ни была она многочисленна. Не забудемъ, что тосканскій поселянинъ имѣетъ оливковое масло собственнаго приготовленія; оно служитъ ему и для освѣщенія и для приправы всѣхъ овощей, которыя становятся оттого вкуснѣе и питательнѣе. За завтракомъ онъ ѣстъ хлѣбъ, иногда съ сыромъ и фруктами; за ужиномъ хлѣбъ и салатъ. Пьетъ онъ дешевое туземное вино или напитокъ изъ воды, перебродившей на виноградныхъ выжимкахъ. Но онъ всегда оставляетъ себѣ нѣсколько своего хорошаго вина на семейные праздники и на дни молотьбы хлѣба. На взрослаго человѣка въ годъ надобно считать десять боченковъ наливки виноградныхъ выжимокъ (въ каждомъ боченкѣ около 50 бутылокъ) и 5 мѣшковъ пшеницы» (около 1000 фунтовъ хлѣба).»

Столь же достойны вниманія замѣтки Сисмонди о вліяніи половничества на нравственность. Права и обязанности половника опредѣляются обычаемъ, а всѣ налоги и пошлины платитъ собственникъ; такимъ образомъ «половникъ имѣетъ выгоды собственности будучи избавленъ отъ тяжелой обязанности защищать ее. Споры за землю ведетъ собственникъ, а половникъ живетъ въ мирѣ со всѣми сосѣдями; у него нѣтъ никакихъ поводовъ къ соперничеству съ ними или къ недовѣрію; онъ въ дружбѣ и съ ними, и съ владѣльцемъ, и съ казною, и съ церковью; мало онъ продаетъ, мало и покупаетъ, мало онъ получаетъ денегъ, но никому и не долженъ давать деньги. Много говорятъ о кроткомъ и доброжелательномъ нравѣ тосканцевъ, но не замѣ-

чаютъ, какая причина всего больше способствовала къ сохраненію въ немъ кротости: причина эта то, что всѣ земледѣльцы, составляющіе больше трехъ четвертей населенія, избавлены почти отъ всякихъ поводовъ къ ссорамъ». Пока половникъ исполняетъ свои опредѣленныя обязанности, онъ, если не по закону, то по обычаю остается въ наслѣдственномъ пользованіи своею землею; отъ этого въ немъ развивается привязанность къ мѣсту и личная любовь къ землѣ существуетъ въ немъ почти столь же сильно, какъ въ собственникѣ. «Половникъ живетъ на своемъ участкѣ какъ на наслѣдственной землѣ, страстно любитъ его, неутомимо работаетъ надъ его улучшеніемъ, разсчитывая на будущее и надѣясь, что послѣ него поля эти будутъ воздѣлываться дѣтьми его и внуками. И дѣйствительно, почти всѣ половники живутъ изъ поколѣнія въ поколѣніе на одномъ участкѣ и знаютъ его во всей подробности, съ точностію, которая дается только чувствомъ собственности. Полосы полей, поднимающіяся террассами другъ надъ другомъ, часто имѣютъ въ ширину не больше 4 футовъ, но качества каждой полосы изучены половникомъ; эта полоса суха, а эта холодна и сыра; тутъ растительный слой глубокъ, здѣсь скала едва прикрыта тонкимъ слоемъ земли; на этой полосѣ хорошо родится такой сортъ пшеницы, на другой полосѣ иной сортъ; тутъ напрасно было бы сѣять турецкую пшеницу, здѣсь земля не родитъ бобовъ; тутъ отлично родится ленъ, а подлѣ этого ручья она хороша для пеньки; такимъ образомъ вы съ удивленіемъ узнаете отъ половника, что на пространствѣ 10 арпановъ земля по своимъ качествамъ и мѣстоположенію имѣетъ множество разныхъ сортовъ, столько сортовъ, сколько не умѣетъ отличить богатый фермеръ на фермѣ въ 500 экровъ. Это оттого, что большой фермеръ чувствуетъ себя недолгимъ гостемъ на фермѣ и долженъ хозяйничать по общимъ правиламъ, пренебрегая подробностями. Половникъ имѣетъ опытъ прошедшаго, умъ его возбуждается страстью и выгодою, онъ превосходный наблюдатель, вся будущность принадлежитъ ему, онъ думаетъ не объ одномъ себѣ, а также и о дѣтяхъ и внукахъ. Потому, когда онъ сажаетъ вѣковое оливковое дерево и въ глубинѣ ямы, вырытой для него, роетъ спускъ для воды, которая могла бы повредить ему, онъ изучаетъ всѣ слои земли, которые прокапываетъ» *).

---

*) Сисмонди самымъ выгоднымъ образомъ говоритъ о сообразительности этого интереснаго народа. Читать умѣютъ не многіе, но иногда въ семействѣ

4. Я представляю эти свидѣтельства не въ доказательство тому, что половничество само по себѣ превосходная система; но безъ сомнѣнія они достаточно показываютъ, что «жалкое положеніе земледѣлія» и «крайняя бѣдность народа» не составляютъ необходимаго послѣдствія половничества, и что безусловное порицаніе, которому подвергается половничество у англійскихъ писателей, происходитъ отъ чрезмѣрно узкаго понятія о предметѣ. Положеніе сельскаго хозяйства въ Италіи я просто считаю примѣромъ, подтверждающимъ другіе доводы въ пользу мелкихъ хозяйствъ съ наслѣдственнымъ пользованіемъ участками. Оно показываетъ, какіе результаты могутъ достигаться прочностью пользованія и мелкимъ хозяйствомъ, даже при невыгодности половнической системы, въ которой существуютъ они у итальянцевъ,—этой системы, при которой побужденія къ усердному труду въ земледѣльцѣ имѣютъ только половину той силы, какую имѣли бы тогда, когда бы онъ также наслѣдственно владѣлъ землею съ платежемъ денежной ренты или неизмѣнной, или измѣняющейся такъ, чтобы вся выгода отъ усерднаго труда оставалась у земледѣльца. Половничество не такая система, которую желали бы мы ввести тамъ, гдѣ не порождена она сама собою, вслѣдствіе общественныхъ условій; но оно и не такая система, чтобы слѣдовало желать ея уничтоженія, по апріорическому понятію о ея негодности. Мы видѣли, какъ изображаетъ результаты ея компетентный авторитетъ, Сисмонди, въ словахъ котораго замѣтно подробное знакомство съ дѣломъ. Если

есть членъ, предназначенный къ духовному званію. Онъ читаетъ для всѣхъ. Языкъ тосканскихъ поселянъ мало отличается отъ чистѣйшаго итальянскаго языка. Вкусъ къ стихотворнымъ импровизаціямъ распространенъ между ними. «По праздникамъ вечеромъ съ 10 до 11 часовъ поселяне Val di Nievole часто бываютъ въ театрѣ; входъ въ театръ стоитъ на французскія деньги только 5 су. Любимый ихъ авторъ Альфіери; вся исторія атридовъ знакома этимъ людямъ, не умѣющимъ читать и находящимъ отдыхъ послѣ суровой работы въ трагедіяхъ суроваго Альфіери.» Они умѣютъ цѣнить свои красивые пейзажи, — чувство, рѣдко встрѣчаемое у поселянъ. «Въ холмистой Val di Nievole передъ каждымъ домомъ находится токъ для обмолачиванія хлѣба. Рѣдко онъ имѣетъ больше 25 или 30 квадратныхъ туазовъ и обыкновенно бываетъ единственнымъ ровнымъ мѣстомъ изъ своего участка, принадлежащаго половнику. Эта террасса господствуетъ надъ равнинами и долиной, и съ нея видна бываетъ очаровательная мѣстность Когда я останавливался на такой террассѣ, чтобы полюбоваться видомъ, почти всегда подходилъ ко мнѣ половникъ порадоваться моему восхищенію и указывалъ мнѣ красивыя мѣста, которыя я могъ не замѣтить по его мнѣнію.

результаты половничества въ Тосканѣ дѣйствительно таковы, какъ онъ говоритъ, если дѣйствительно сохранился въ теченіе вѣковъ и сохраняется тотъ образъ жизни, и тотъ размѣръ хозяйствъ, о какомъ говоритъ онъ *), то жаль было бы подъ предлогомъ земледѣльческихъ усовершенствованій вводить систему денежныхъ рентъ и фермеровъ капиталистовъ, уничтожая между поселянами благосостояніе, столь превышающее уровень быта поселянъ почти во всей остальной Европѣ. Нельзя считать дѣломъ достовѣрнымъ, что такая перемѣна оказалась бы полезною даже тамъ, гдѣ половники бѣдны и раздробленіе земли велико. Увеличеніе размѣра фермъ и введеніе такъ называемыхъ земледѣльческихъ усовершенствованій, обыкновенно уменьшаетъ число людей, занимаемыхъ хлѣбопашествомъ; если увеличеніе фабричнаго и ремесленнаго капитала не представляетъ помѣщенія хлѣбопашцамъ, оставшимся безъ дѣла, если нѣтъ невоздѣланныхъ земель, на которыхъ они могли бы поселиться, то соперничество понизитъ рабочую плату, такъ, что сдѣлавшись работниками, землепашцы по всей вѣроятности станутъ еще бѣднѣе, чѣмъ были при половничествѣ.

Джонсъ справедливо говоритъ противъ французскихъ экономистовъ прошлаго вѣка, что стремясь къ своей любимой цѣли, къ введенію денежныхъ рентъ, они только думали замѣстить половниковъ фермерами, а не превратить существовавшихъ половниковъ въ фермеровъ; по его справедливому замѣчанію, половники могутъ обратиться въ фермеровъ лишь тогда, когда собственники, чтобы дать половникамъ возможность накопить капиталъ, согласятся на довольно долгое время уменьшить свой доходъ, а не станутъ руководиться ожиданіемъ, что онъ увеличится, ожиданіемъ, которое обыкновенно бывало у собственниковъ прямымъ побужденіемъ къ подобнымъ попыткамъ. Если замѣна половничества денежною рентою произойдетъ безъ другихъ измѣненій въ положеніи половника, если, сохраняя всѣ свои другія обычныя права, онъ только изба-

*) Семьи половниковъ, (говоритъ Сисмонди) никогда не предложатъ землевладѣльцу, чтобы онъ раздѣлилъ участокъ, если обработка его дѣйствительно не превышаетъ одной семьи и семья не увѣрена въ томъ, что сохранитъ прежнее довольство съ меньшимъ участкомъ; никогда не бываетъ въ семьѣ, чтобы нѣсколько сыновей, женившись, заводили нѣсколько новыхъ хозяйствъ; женится только одинъ изъ братьевъ и онъ управляетъ хозяйствомъ; другой братъ женится только тогда, если у перваго нѣтъ дѣтей, или есть случай снять другой половническій участокъ (Nouveaux principes. кн. 3 глава 5).

вится отъ обязанности отдавать землевладѣльцу половину продукта, и вмѣсто этой половины станетъ платить ему умѣренную неизмѣнную ренту, то его положеніе улучшится, потому что принадлежать ему будутъ всѣ плоды дѣлаемыхъ имъ улучшеній, а не половина этихъ плодовъ, какъ теперь. Но даже и въ этомъ случаѣ польза произойдетъ не безъ нѣкотораго вреда. Половникъ самъ не капиталистъ, но онъ имѣетъ капиталиста своимъ компаньономъ и пользуется (по крайней мѣрѣ въ Италіи) значительнымъ капиталомъ, какъ показываетъ хорошее качество строеній фермъ. А если собственники будутъ обезпечены въ полученіи опредѣленнаго денежнаго дохода безъ отдачи своей движимой собственности на рискъ земледѣльческихъ оборотовъ, то едва ли захотятъ они подвергать ее такому риску. Вотъ что надобно сказать даже о томъ случаѣ, если бы перемѣна не нарушила обычной наслѣдственности половническаго участка, если бы эта перемѣна только обратила его въ поселянина собственника, платящаго неизмѣнную ренту. Но если предположить, что онъ обращается въ простаго фермера, котораго землевладѣлецъ можетъ прогнать по произволу; если рента станетъ опредѣляться соперничествомъ и откроется ей возможность подниматься до крайней цифры, какую станетъ предлагать или обѣщать несчастный ищущій себѣ пропитанія,—если перемѣна будетъ состоять въ этомъ, то половникъ потеряетъ всѣ черты своего положенія, поддерживающія его бытъ отъ упадка; онъ лишится своихъ нынѣшнихъ правъ, по которымъ онъ на половину собственникъ земли, онъ впадаетъ въ состояніе фермера коттера.

ГЛАВА IX.

Коттеры.

1. Общимъ названіемъ коттерства я обозначаю всѣ безъ исключенія системы, по которымъ работникъ снимаетъ землю безъ посредства капиталиста фермера, а условія, на которыхъ беретъ онъ землю, и въ особенности величина ренты, опредѣляются не обычаемъ, а соперничествомъ. Главный примѣръ этой системы въ Европѣ Ирландія, изъ которой и заимствовано слово коттеръ *). Почти

*) Словомъ Коттеръ обозначается фермеръ, снимающій у другаго мелкаго фермера избу съ однимъ или двумя экрами земли. Но въ экономической ли-

все земледѣльческое населеніе Ирландіи составляютъ коттеры; только въ Эльстерѣ фермеры, пользующіеся правомъ вознагражденія (tenant right), служатъ исключеніемъ. Правда, существуетъ въ Ирландіи многочисленный классъ такихъ работниковъ, которые не могутъ получить даже и малѣйшаго клочка земли въ постоянное пользованіе, потому что или собственники, или фермеры, снявшіе землю, не хотятъ увеличивать раздробленіе участковъ. Но по недостатку капитала въ Ирландіи господствуетъ обычай вознаграждать работника не деньгами, а землею; даже люди, нанимающіеся на время въ работники, у коттеровъ или у большихъ фермеровъ (гдѣ встрѣчаются въ Ирландіи большіе фермеры) обыкновенно получаютъ плату не деньгами, а дозволеніемъ на одно лѣто воздѣлывать себѣ клочекъ земли, который обыкновенно дается отъ фермера уже удобренный и называется кон-экръ. За этотъ кусокъ они обязываются уплатить ренту деньгами, часто по нѣскольку фунтовъ за экръ, но въ дѣйствительности денегъ не платится, а свой долгъ заработываютъ они днями по денежной оцѣнкѣ.

По системѣ коттерства продуктъ раздѣляется на двѣ части, ренту и вознагражденіе работника; очевидно, что величина одной части опредѣляется величиною другой. Работнику остается то, что не берется землевладѣльцемъ. Положеніе работника зависитъ отъ величины ренты. А рента, опредѣляемая соперничествомъ, зависитъ отъ отношенія между запросомъ на землю и предложеніемъ ея. Запросъ на землю зависитъ отъ числа соперничествующихъ съемщиковъ; а такими съемщиками являются всѣ поселяне. Такимъ образомъ система эта имѣетъ своимъ результатомъ то, что принципъ населенія дѣйствуетъ не на капиталъ, какъ въ Англіи, а прямо на землю. При этомъ положеніи дѣлъ рента зависитъ отъ пропорціи между населеніемъ и землею. Но земля составляетъ опредѣленную величину, а населеніе имѣетъ безпредѣльную способность размножаться; потому если размноженіе не задерживается чѣмъ нибудь, соперничество въ запросѣ на землю скоро поднимаетъ ренту до крайней высоты, при какой только можетъ оставаться въ живыхъ народъ. Такимъ образомъ результаты коттерства зависятъ отъ границы, на которой способность населенія размножаться удер-

---

тературѣ значеніе этого термина давно расширилось, такъ что онъ обозначаетъ и мелкихъ фермеровъ, снимающихъ землю прямо у землевладѣльцевъ, и вообще обозначаетъ всѣхъ поселянъ фермеровъ, ренты которыхъ опредѣляются соперничествомъ.

живается или обычаемъ, или личнымъ благоразуміемъ, или истощеніемъ отъ голода и болѣзнями.

Нельзя безусловно сказать, что коттерство рѣшительно ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ благосостоянія рабочаго класса. Если бы возможно было предположить, что оно существуетъ у народа, у котораго высокій уровень благосостоянія вошелъ въ привычку, который такъ требователенъ на житейскія удобства, что не станетъ предлагать за землю ренты, не оставляющей ему хорошихъ средствъ къ жизни; который размножается съ медленностью, такъ что нѣтъ въ немъ не занятыхъ людей, поднимающихъ ренту своимъ соперничествомъ, когда увеличеніе земледѣльческаго продукта отъ усовершенствованія техники не даетъ народу возможности повысить ренту безъ вреда для себя,—если бы можно было представить такое положеніе дѣлъ, то при системѣ коттерства землепашцы могли бы имѣть не меньшее вознагражденіе, чѣмъ при какой нибудь другой системѣ, могли бы пользоваться значительнымъ благосостояніемъ. Но все-таки при зависимости ренты отъ произвола они не имѣли бы ни одной изъ тѣхъ особенныхъ выгодъ, которыя получаютъ по тосканской системѣ половники отъ прочнаго пользованія землею. Они не имѣли бы въ своемъ распоряженіи капитала, принадлежащаго землевладѣльцамъ, и недостатокъ капитала не вознаграждался бы у нихъ энергическими побужденіями къ усердному физическому и умственному труду, существующими въ поселянинѣ при неизмѣнности ренты. Напротивъ, увеличеніе цѣнности земли отъ усердной работы поселянина вело бы только къ возвышенію ренты во вредъ ему или на слѣдующій годъ, или по истеченіи прежняго контракта. Правда, землевладѣльцы могли бы имѣть честность или разсчетливость, чтобы не пользоваться выгодою, какую давало бы имъ соперничество; но не у всѣхъ землевладѣльцевъ эта воздержность была бы одинакова. И вообще никакъ нельзя ожидать, чтобы какое нибудь сословіе людей стало поступать въ противность прямой своей денежной выгодѣ; и легчайшее сомнѣніе было бы тутъ почти столь же гибельно, какъ положительная увѣренность, потому что если человѣкъ соображаетъ, дѣлать ли ему усиліе или пожертвованіе въ настоящемъ для будущаго, то рѣшеніе повернется противъ заботы о будущемъ, если у рѣшающаго есть хоть самое слабое предположеніе, что плоды труда или пожертвованія будутъ отняты у него. Единственной оградой отъ этихъ сомнѣній было бы возникновеніе обычая, обезпечивающаго неотъемлемое пользованіе землею поселянину съ возвышеніемъ ренты лишь тогда, когда возвышеніе ут-

верждалось бы общимъ мнѣніемъ всего населенія. Такой обычай— право фермера на вознагражденіе (tenant right), существующее въ Эльстерѣ. Значительность суммы, получаемой смѣняющимся фермеромъ отъ его преемника за уступку фермы *) ограничиваетъ кругъ соискателей людьми, могущими заплатить такую сумму; видно также изъ этого факта, что землевладѣлецъ не вполнѣ пользуется выгодами и отъ этого ограниченнаго соперничества, потому что рента, имъ получаемая, не составляетъ всей суммы, платимой новымъ фермеромъ. Новый фермеръ платитъ прежнему выкупъ въ полной увѣренности, что рента не будетъ увеличена; это гарантируется ему обычаемъ, который не признанъ въ законѣ, но получаетъ свою обязательную силу отъ другой санкціи, очень хорошо извѣстной каждому въ Ирландіи **). Безъ той или другой изъ этихъ опоръ не можетъ въ странѣ, дѣлающей экономическіе успѣхи, возникнуть обычай, которымъ бы ограничивалась поземельная рента. Если богатство и населеніе будутъ въ неподвижномъ состояніи, то вообще будетъ въ немъ и рента, а нѣсколько времени просуществовавъ безъ перемѣнъ, она вѣроятно будетъ считаться и не подлежащею перемѣнамъ. Но всякое увеличеніе богатства и населенія ведетъ къ возвышенію рентъ. При половничествѣ есть установившійся способъ для землевладѣльца непремѣнно получить часть увеличенія въ земледѣльческомъ продуктѣ. Но при коттерствѣ онъ можетъ получить эту часть только измѣненіемъ условій контракта, и въ прогрессирующемъ обществѣ это измѣненіе почти всегда бу-

---

*) Нерѣдко фермеръ, не имѣющій контракта, продаетъ просто только привиллегію занимать эту ферму, нисколько имъ не улучшенную, за сумму отъ 10 до 16, даже до 20, и даже до 40 годичныхъ платежей ренты съ этой фермы, (Digest of Evidence taken by Lord Devon's Commission, Introductory Chapter). Составитель этого отчета прибавляетъ: «тишина, которою пользуется Эльстеръ сравнительно съ другими провинціями Ирландіи, можетъ быть приписана преимущественно этому факту.»

**) «Въ огромномъ большинствѣ случаевъ выкупъ не вознагражденіе прежняго фермера за издержки или за улучшенія, а просто застрахованіе жизни или покупка личной безопасности (Digest ut supra). «Нынѣшній фермерскій выкупъ въ Эльстерѣ надобно считать зародышемъ состоянія фермеровъ собственниковъ (copyhold), справедливо, замѣчаетъ составитель отчета. —» Если право выкупа нарушено и фермеръ выгнанъ безъ уплаты ему уступочной цѣны, то вообще слѣдуетъ убійство или поджогъ» (глава 8). — «Безпорядки господствующіе въ Типперари и земледѣльческіе заговоры по всей Ирландіи слѣдуетъ считать систематизированной войною для полученія эльстерскаго права выкупа».

детъ выгодно ему. Потому его выгода рѣшительно противна возникновенію обычая, придающаго рентѣ неизмѣнную величину.

2. Гдѣ величина ренты не ограничена закономъ или обычаемъ, тамъ коттерство имѣетъ невыгоды самаго худшаго половническаго устройства, почти не имѣя ни одной изъ выгодъ, которыми онѣ вознаграждаются въ половничествѣ лучшаго устройства. При коттерствѣ почти нѣтъ возможности земледѣлію находиться не въ жалкомъ положеніи. Но положеніе земледѣльцевъ можетъ не быть несчастнымъ. И при этой системѣ соперничество въ запросѣ на землю можетъ быть сдерживаемо достаточными препятствіями размноженію людей; этимъ можетъ предотвращаться крайняя бѣдность; привычка къ благоразумію и къ высокому уровню благосостоянія, однажды установившись, можетъ сохраняться. Но и въ этихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ побужденія къ благоразумію будутъ значительно слабѣе, чѣмъ у половниковъ, подобно тосканскимъ защищенныхъ обычаемъ отъ опасности лишиться своихъ участковъ. Пользуясь такою защитою, семья половниковъ можетъ обѣднѣть лишь отъ собственнаго неблагоразумія въ размноженіи, а неблагоразуміе другихъ семей въ этомъ отношеніи не повредитъ ей. Напротивъ, какъ бы ни была благоразумна и воздержна семья коттеровъ, рента можетъ быть поднята во вредъ ей размноженіемъ другихъ семей. Отъ этого зла коттеры могутъ найдти себѣ защиту лишь въ томъ, когда по всему сословію распространено спасительное чувство обязанностей или достоинства. Должно сказать, что это чувство можетъ доставлять имъ значительное огражденіе. Если обычный уровень потребностей въ цѣломъ сословіи будетъ высокъ, то молодой человѣкъ не захочетъ предлагать ренту, при которой сталъ бы въ положеніе, худшее своего предмѣстника. Точно такъ же можетъ установиться (и дѣйствительно установился въ нѣкоторыхъ странахъ) общій обычай не жениться иначе, какъ при существованіи незанятой фермы.

Но дѣло въ томъ, что никакъ не представится намъ случая разсматривать результаты коттерства при такомъ положеніи вещей, когда въ привычкахъ рабочаго класса укоренилась высокая норма благосостоянія. Коттерство встрѣчается лишь тамъ, гдѣ обычныя потребности сельскихъ работниковъ чрезвычайно низки, гдѣ поселяне размножаются до самаго предѣла голодной смерти, гдѣ населеніе сдерживается лишь болѣзнями и не долговѣчностью отъ недостатка въ необходимомъ для поддержки физическаго существованія. Къ несчастью таково положеніе огромнаго большинства

ирландскихъ поселянъ. Когда народъ упалъ до такого положенія, когда онъ находится въ немъ съ незапамятнаго времени, коттерство бываетъ почти непреодолимымъ препятствіемъ ему выйдти изъ такого положенія. Когда привычки народа таковы, что размноженіе сдерживается лишь невозможностью физическаго пропитанія, и когда это пропитаніе получается народомъ лишь отъ земледѣлія, то всѣ условія и договоры относительно величины ренты бываютъ чисто номинальными; соискательство на землю заставляетъ снимающихъ ее обѣщаться платить больше, чѣмъ возможно платить, и уплативъ все, что могутъ, они почти всегда будутъ оставаться въ долгу.

«Объ ирландскихъ поселянахъ, говоритъ Ривенсъ, секретарь коммиссіи, изслѣдовавшей дѣйствія законовъ о бѣдныхъ въ Ирландіи (Irisch Poor Law Enquiry Commission) *), можно сказать, что въ каждой семьѣ, не имѣющей достаточно земли для своего прокормленія, одинъ или нѣсколько человѣкъ ходятъ по міру; изъэтого легко понять, что поселяне всячески стараются снимать мелкіе участки, и что предлагаемая ими рента не основывается ни на плодородіи земли, ни на собственной ихъ возможности заплатить обѣщанныя деньги: они просто обѣщаютъ плату, какую угодно, лишь бы получить участокъ. Почти никогда не могутъ они уплатить обѣщанной ренты и потому, какъ только вступили въ пользованіе землею, становятся должниками людямъ, у которыхъ сняли ее. Въ уплату ренты они отдаютъ весь продуктъ земли, за исключеніемъ картофеля, нужнаго на ихъ прокормленіе; но вся эта плата бываетъ обыкновенно меньше обѣщанной ренты, потому долгъ ихъ обыкновенно растетъ. Иногда обѣщанная рента бываетъ больше всего самаго урожайнаго продукта, какой когда либо случался на участкѣ, или какой можетъ дать участокъ въ наилучшее лѣто, при существующей системѣ обработки; поэтому если бы поселянинъ исполнилъ условія договора съ землевладѣльцемъ, которыхъ почти никогда не можетъ исполнить, то онъ воздѣлывалъ бы землю задаромъ, и еще давалъ бы землевладѣльцу премію за позволеніе воздѣлывать ее. Въ приморскихъ мѣстахъ рыбаки, а въ сѣверныхъ графствахъ поселяне, имѣющіе ткацкій станокъ, часто платятъ за землю больше, чѣмъ

---

*) Evils of the state of Ireland, their Causes und their Remedy, стр. 10. — Эта брошюра содержитъ между прочимъ превосходный сводъ показаній изъ массы свидѣтельствъ, собранныхъ коммиссіею, предсѣдателемъ которой былъ архіепископъ Гуэтли.

стоитъ по рыночной цѣнѣ весь продуктъ ся. Можно бы предположить, что они стали бы жить нѣсколько лучше вовсе безъ земли. Но рыбная ловля можетъ прекращаться на недѣлю или на двѣ; можетъ останавливаться недѣли на двѣ запросъ на продукты ткацкаго станка; въ это время они умерли бы съ голода, если бы не имѣли земли, съ которой собираютъ пищу. Но рѣдко платятъ они всю обѣщанную ренту. Поселянинъ постоянно находится въ долгу у землевладѣльца; продажей его жалкаго имущества, нищенской одежды его и его семьи, двухъ трехъ стульевъ и нѣсколькихъ штукъ глиняной посуды, — продажею всего имущества, находящагося въ его жалкой избушкѣ, не покрылся бы постоянный и вообще возрастающій долгъ. Почти всѣ поселяне бываютъ должны уплатою за цѣлый годъ и извиненіемъ въ неисправности бываетъ у нихъ нищета. Если въ какой нибудь годъ продуктъ участка будетъ больше обыкновеннаго, или какъ нибудь получитъ поселянинъ какое нибудь имущество, его благосостояніе не увеличится, онъ не можетъ ѣсть лучше прежняго, или больше прежняго; не можетъ прикупить себѣ мебели и посуды, одѣть жену и дѣтей получше. Все полученное имъ должно пойти къ тому, у кого снимаетъ онъ землю. Случайное увеличеніе дохода послужитъ только къ уменьшенію его долга, къ отсрочкѣ времени, когда его прогонятъ за неплатежъ долга. Но выше этого не должны простираться его ожиданія.

Изъ показаній, собранныхъ коммиссіею, бывшею подъ предсѣдательствомъ лорда Девона, мы приведемъ фактъ, засвидѣтельствованный Гёрли, короннымъ секретаремъ (Clerk of the Crown) графства керрійскаго; изъ этого показанія видно, до какой крайности доходитъ соперничество въ запросѣ на землю и до какой чудовищной высоты иногда поднимаетъ оно номинальную ренту: «я знаю случай, когда нанималась ферма, дающая въ годъ, какъ въ точности извѣстно мнѣ, 50 фунтовъ; соперничество подняло цѣну до того, что она была отдана за 450 фунтовъ».

3. При такомъ положеніи дѣлъ какую пользу принесетъ землепашцу, снимающему землю, величайшее трудолюбіе, величайшее благоразуміе, какой убытокъ принесетъ ему безразсудство? Если землевладѣлецъ потребуетъ полной уплаты, у коттера не останется хлѣба на собственное пропитаніе. Если чрезмѣрнымъ усердіемъ онъ удвоитъ продуктъ своего участка, если по благоразумію не станетъ рождать дѣтей, онъ выиграетъ только то, что больше тосанется у него на уплату землевладѣльцу; а если у него будетъ

хотя 20 человѣкъ дѣтей, все-таки землевладѣлецъ возьметъ у него лишь то, что останется за прокормленіемъ его семьи. Изъ всѣхъ людей, живущихъ на свѣтѣ, почти одинъ только ирландскій коттеръ въ такомъ положеніи, что какъ бы ни поступалъ онъ, онъ не можетъ ни улучшить, ни ухудшить своего положенія. Если онъ трудолюбивъ и благоразуменъ, отъ этого выиграетъ только его землевладѣлецъ, если онъ лѣнивъ и невоздерженъ, убытокъ отъ этого только землевладѣльцу. Никакое воображеніе не можетъ представить устройства, при которомъ было бы меньше побужденій къ труду или благоразумію. Тутъ уничтожены побужденія, управляющія свободными людьми, и не замѣнены побужденіями, управляющими рабомъ. Ирландецъ не имѣетъ ни надеждъ, ни опасеній, кромѣ опасенія быть прогнаннымъ съ участка, а противъ этой бѣды онъ ограждаетъ себя посредствомъ ultima ratio оборонительной междуусобной войны. «Рокизмъ» и «Уайтбоизмъ»—вотъ судьба народа, который можетъ назвать своимъ тотъ кусокъ плохой пищи, который съѣдаетъ нынѣ, и не хочетъ лишаться этого куска въ угоду другимъ.

И послѣ этого люди, претендующіе быть нашими наставниками, отсталость ирландской промышленности, недостатокъ въ ирландцахъ энергіи къ улучшенію своего быта приписываютъ особенной лѣности и беззаботности, свойственной кельтскому племени, — не надобно ли назвать это горькою сатирою на манеру, по которой составляются мнѣнія о важнѣйшихъ вопросахъ человѣческой натуры и жизни? Приписывать разницу въ образѣ дѣйствій и въ характерѣ врожденному естественному различію,—это самый обыкновенный и пошлый способъ изъ всѣхъ пошлыхъ способовъ уклоняться отъ надобности принимать въ соображеніе дѣйствія общественныхъ и нравственныхъ вліяній на человѣка. Какое бы племя не стало безпечнымъ и лѣнивымъ при такомъ устройствѣ дѣлъ, что предусмотрительность и трудолюбіе не приносятъ никакой пользы? Если племя живетъ и работаетъ въ такой обстановкѣ, удивительно ли, что порожденная ею безпечность и апатія не отбрасываются въ одинъ мигъ, когда представляется случай трудиться съ дѣйствительною пользою для себя? Очень натурально, что народъ, любящій удовольствія и впечатлительный, каковъ ирландскій народъ, не такъ наклоненъ къ рутинному труду, какъ англичане, потому что жизнь имѣетъ для него много привлекательныхъ сторонъ, независимо отъ труда; но ирландцы способны къ труду не меньше своихъ кельтскихъ братьевъ французовъ, не меньше тосканцевъ

или древнихъ грековъ. Люди впечатлительные способнѣе всѣхъ другихъ одушевляться усердіемъ къ работѣ, лишь бы находили достаточное побужденіе къ ней. Если люди не работаютъ, когда не имѣютъ побужденій къ труду, это еще вовсе не свидѣтельствуетъ, чтобы они не были способны къ трудолюбію. Никто не работаетъ усерднѣе ирландца въ Англіи, или въ Америкѣ, но не работаетъ ирландецъ усердно, когда онъ коттеръ.

4. Многолюдное населеніе, воздѣлывающее землю въ Индіи, находится въ положеніи довольно сходномъ съ коттерствомъ, и въ то же время на столько различнымъ отъ него, что сравненіе этихъ двухъ системъ поучительно. Въ большей части Индіи теперь находится и вѣроятно всегда находилось только два сословія, участвующія въ раздѣлѣ продукта, землевладѣлецъ и поселянинъ; землевладѣльцемъ вообще бываетъ государь; исключеніемъ служатъ лишь тѣ случаи, когда государь особеннымъ документомъ уступилъ свои права другому лицу, становящемуся его представителемъ. Но размѣръ уплатъ, производимыхъ поселянами, или, по индійскому названію, райотами, почти никогда, или вовсе никогда не былъ опредѣляемъ соперничествомъ, какъ опредѣляется въ Ирландіи. Мѣстные обычаи были до безконечности разнообразны и не было такого обычая, который на практикѣ могъ бы устоять противъ воли государя, но всегда было въ извѣстномъ округѣ какое нибудь правило; сборщикъне торговался съ отдѣльнымъ поселяниномъ, а налагалъ на каждаго плату по той же нормѣ, какъ на другихъ. Такимъ образомъ сохранялось понятіе, что землепашецъ имѣетъ на землю право собственности, или по крайней мѣрѣ вѣчнаго владѣнія, и возникло аномальное сочетаніе наслѣдственной принадлежности земли поселянамъ фермерамъ съ произвольной властью землевладѣльца увеличивать ренту.

Когда туземные индійскіе правители въ большей части были замѣнены моголами, правительство стало дѣйствовать по другому принципу. Была произведена подробная перепись земли и на основаніи этой переписи былъ распредѣленъ налогъ, назначавшій сколько съ каждаго участка должно платиться правительству. Если бы эта норма осталась ненарушимою, райоты были бы въ довольно выгодномъ положеніи поселянъ собственниковъ, платящихъ тяжелую, но не измѣнную ренту. На самомъ дѣлѣ было не такъ. По отсутствію всякаго серьезнаго огражденія отъ незаконныхъ вымогательствъ, эта перемѣна улучшила положеніе поселянъ почти только номинальнымъ образомъ; за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ слу

чаевъ, когда мѣстный правитель былъ гуманенъ и энергиченъ, поборы не имѣли на практикѣ никакого предѣла, кромѣ невозможности райота заплатить больше.

Таково было положеніе дѣлъ, смѣнившееся въ Индіи властью англичанъ. Англійскіе правители рано почувствовали надобность положить конецъ этому произвольному характеру поземельнаго дохода и опредѣлить точный предѣлъ правительственнымъ требованіямъ. Они не захотѣли возвратиться къ нормѣ налога, опредѣленной моголами. Англійское правительство въ Индіи вообще мало смотрѣло на то, какъ представлялись туземныя учрежденія въ теоріи, а изслѣдовало только, какія права существовали и уважались на практикѣ и старалось оградить и расширить эти фактическія права туземцевъ. Принципъ этотъ былъ очень хорошъ, но долго англійскіе правители понимали факты очень фальшивымъ образомъ, грубо ошибались во взглядѣ на существующіе обычаи и права. Ошибки эти проистекали отъ неспособности людей обыкновеннаго ума представить себѣ общественный бытъ, радикально различный отъ быта, съ которымъ они практически свыклись. Англія привыкла къ большимъ помѣстьямъ и къ большимъ землевладѣльцамъ и англійскіе правители считали дѣломъ несомнѣннымъ, что Индія тоже имѣетъ большихъ землевладѣльцевъ, съ большими помѣстьями; они стали искать класса людей, которые могли бы соотвѣтствовать такому понятію, и на глаза имъ попался родъ сборщиковъ налога, называемыхъ земиндарами. «Земиндаръ, говоритъ авторъ научной исторіи Индіи (Mill's, History of British India, кн. VI, глав. 8), имѣлъ нѣкоторыя права, принадлежащія землевладѣльцу: онъ собиралъ ренту съ извѣстнаго округа, управлялъ его земледѣльцами, жилъ окруженный блескомъ и по его смерти наслѣдовалъ ему сынъ. Изъ этого не задумываясь заключили, что земиндары были собственники земли, составляли аристократію, владѣющую помѣстьями въ Индіи. Но земиндары, собирая ренту, не оставляли ее въ своихъ рукахъ, а за вычетомъ небольшаго процента отдавали всю собранную сумму правительству, — этого англійскіе правители не сообразили. Не сообразили они и того, что если земиндары управляли райотами, имѣли надъ ними во многихъ отношеніяхъ деспотическую власть, то управляли ими не какъ своими фермерами, не какъ людьми, снявшими ихъ землю по срочному или безсрочному конкракту. Райотъ владѣлъ своею землею наслѣдственно; земиндаръ не имѣлъ права согнать его съ этой земли; земиндаръ обязанъ былъ давать отчетъ въ каждомъ фартингѣ, по-

лученномъ отъ райота; и если онъ сверхъ небольшаго процента, который предоставлялся ему въ плату за трудъ собиранія, удерживалъ изъ собранной имъ суммы хотя одну ану, это было воровствомъ.

«Въ Индіи представлялся намъ случай, подобнаго которому никогда не встрѣчалось въ исторіи, продолжаетъ Милль. Послѣ государя главнѣйшее право на землю принадлежало самимъ хлѣбопашцамъ. Земиндаровъ легко было бы вполнѣ вознаградить за ихъ права, т. е. за права сборщиковъ. Съ цѣлью улучшить земледѣліе было принято великодушное рѣшеніе пожертвовать правами собственности, какія имѣлъ государь. Англійскіе правители справедливо находили, что право собственности сильно возбуждаетъ людей къ усовершенствованію земледѣлія; это право можно было дать людямъ, на которыхъ оно подѣйствовало бы несравненно сильнѣе, чѣмъ на людей всякаго инаго класса, дать его людямъ, которые во всѣхъ странахъ необходимо бываютъ главными дѣятелями въ земледѣльческихъ усовершенствованіяхъ,—дать это право тѣмъ самымъ людямъ, которые воздѣлываютъ землю. Такая мѣра была бы достойна считаться однимъ изъ величайшихъ благодѣяній, когда либо оказанныхъ какой нибудь странѣ, она вознаградила бы индійскій народъ за бѣдствія, которымъ такъ долго подвергался онъ отъ дурныхъ правительствъ. Но законодателями были англійскіе аристократы, и они поступили по аристократическимъ предразсудкамъ».

Принятая ими мѣра оказалась совершенно неудачною по отношенію къ результатамъ, которыхъ ждали отъ нея благонамѣренные законодатели. Не привыкши соображать видоизмѣненія, какимъ подвергается дѣйствіе извѣстнаго учрежденія въ разныхъ мѣстахъ, даже одного королевства, они воображали, что создали въ бенгальскихъ областяхъ англійскихъ землевладѣльцевъ, а на дѣлѣ оказалось, что они создали ирландскихъ зедлевладѣльцевъ Новые поземельные аристократы обманули всю надежду, возлагавшуюся на нихъ. Нисколько не заботясь объ улучшеніи своихъ помѣстій, они позаботились быстро разорить самихъ себя. Правительство не приняло на себя труда дать землевладѣльцамъ возможность не бояться послѣдствій расточительности, какъ сдѣлало въ Ирландіи и всю землю въ Бенгалѣ пришлось секвестровать и продать за долги или неплатежъ податей; въ одно поколѣніе исчезли почти всѣ прежніе земиндары. Теперь занимаютъ ихъ мѣсто другія фамиліи, большею частію потомки калькутскихъ банкировъ или туземныхъ чиновни-

ковъ и живутъ такими же безполезными трутнями на землѣ, отданной имъ. Правительство пожертвовало своими денежными выгодами для созданія этого класса; пожертвованіе оказалось совершенно напраснымъ или прямо вреднымъ для страны.

Въ тѣхъ частяхъ Индіи, гдѣ британская власть установилась позднѣе, англичане не сдѣлали такой ошибки, не подарили безполезному сословію большихъ землевладѣльцевъ государственнаго дохода. Почти во всемъ мадрасскомъ президенствѣ и въ нѣкоторой части бомбейскаго президенства рента платится прямо правительству самими землепашцами. Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ правительство заключаетъ условія со всею сельскою общиною, опредѣляя сколько долженъ платить каждый земледѣлецъ, но соединяетъ ихъ общею отвѣтственностію другъ за друга въ недоимкахъ. При всемъ томъ въ большей части Индіи землепашцы не получили вѣчнаго пользованія съ платежемъ неизмѣнной ренты. Правительство ведетъ свое хозяйство по принципу, по которому хорошій ирландскій землевладѣлецъ поступаетъ въ своемъ помѣстьѣ: оно не подвергаетъ землю соперничеству, не хочетъ брать съ хлѣбопашцевъ всего, сколько обѣщались бы они платить, а само опредѣляетъ, сколько они въ состояніи заплатить, и ограничивается этимъ въ своемъ требованіи. Во многихъ округахъ есть землепашцы, считающіеся фермерами другихъ землепашцевъ, которые называются наслѣдниками первоначальныхъ поселенцевъ или завоевателей деревни; правительство обращается съ своими требованіями только къ этимъ поселянамъ, число которыхъ бываетъ во многихъ мѣстахъ велико. Рента опредѣляется иногда только на одинъ годъ, иногда на три года, или на пять лѣтъ, но повсюду правительство стремится нынѣ ввести контракты съ долгими сроками доходящими въ сѣверныхъ провинціяхъ Индіи до 30 лѣтъ. Этотъ порядокъ дѣлъ существуетъ еще не такъ много времени, чтобы опытъ могъ показать, въ какой степени слабѣе вѣчнаго пользованія дѣйствуютъ долговременные контракты, относительно развитія въ землепашцахъ побужденій къ усовершенствованію. И система годичныхъ условій и контрактовъ на недолгій срокъ уже безвозвратно осуждены. Эти системы могутъ назваться успѣшными только по сравненію съ прежними безграничными поборами. Никто ихъ не одобряетъ и съ самаго начала считались онѣ только переходными мѣрами, которыя предполагалось прекратить, когда полнѣйшее знакомство со средствами страны доставитъ данныя для болѣе прочнаго устройства.

ГЛАВА X.

СРЕДСТВА КЪ УНИЧТОЖЕНІЮ КОТТЕРСТВА.

1. Когда составлялось мною и печаталось первое изданіе этой книги, настоятельнѣйшимъ изъ всѣхъ практическихъ вопросовъ для англійскаго правительства былъ вопросъ, что дѣлать съ коттерами. Большинство населенія, простиравшагося до 8 милліоновъ человѣкъ, долго страдало въ безнадежной апатіи и крайней нищетѣ подъ господствомъ коттерства, было доведено имъ до того, что кормилось самою плохою пищею и не имѣло ничего кромѣ этой пищи, было доведено до неспособности сдѣлать что нибудь, или захотѣть чего нибудь для улучшенія своей участи; наконецъ неурожаемъ своей плохой пищи оно было повергнуто въ состояніе, при которомъ не оставалось ему ничего инаго, какъ умереть съ голоду, или содержаться чужимъ пособіемъ, или перейдти къ другому экономическому устройству, радикально различному отъ несчастнаго устройства, подъ которымъ жило оно до той поры. Такое положеніе дѣлъ привлекло съ себѣ вниманіе законодательной власти и націи: но трудно сказать, что законодательство и нація успѣли разрѣшить вопросъ. Бѣдствіе происходило отъ системы поземельныхъ отношеній, отнимавшихъ у народа всякія побужденія къ труду и бережливости, кромѣ побужденія, даваемаго страхомъ голодной смерти; а средство, придуманное парламентомъ, уничтожало и это побужденіе, давая народу законное право жить милостынею. Для отстраненія причины зла не было сдѣлано ничего; ограничились пустыми жалобами, купивъ отсрочку рѣшенія 10 милліонами фунтовъ стерлинговъ изъ національной казны.

«Нѣтъ надобности (замѣчалъ я тогда) тратить доказательства на то, что коренная причина экономическихъ бѣдствій Ирландіи находится въ системѣ коттерства; что ожидать трудолюбія, полезной дѣятельности, какихъ нибудь другихъ задержекъ размноженію, кромѣ смерти, ожидать хотя какого нибудь уменьшенія бѣдности въ народѣ, когда землепашцы этого народа платятъ ренту, опредѣляемую соперничествомъ, значитъ ждать смоквъ отъ репейника и гроздовъ отъ терновника. Если наши государственные люди еще не созрѣли до пониманія этого факта или, признавая его въ теоріи, они еще не такъ осязательно чувствуютъ его практическую

силу, чтобы основать на немъ свой образъ дѣйствій, то существуетъ чисто матеріальный аргументъ, уклониться отъ котораго не найдутъ они возможности. Если единственное растеніе, которымъ до сихъ поръ питался народъ, будетъ давать плохіе урожаи и въ слѣдующіе годы, то надобно какой нибудь новый сильный толчокъ земледѣльческому искусству и трудолюбію, или ирландская земля не будетъ въ состояніи кормить нынѣшняго своего населенія. Весь продуктъ съ западной половины острова, безъ всякаго вычета ренты, не можетъ теперь содержать изъ года въ годъ населеніе этой половины Ирландіи; оно по необходимости будетъ ежегодно содержаться на счетъ государственныхъ доходовъ, пока эмиграціею или голодной смертью уменьшится до числа, соотвѣтствующаго низкому состоянію ирландской промышленности; это неизбѣжно, если не найдены будутъ средства сдѣлать ирландскій трудъ болѣе производительнымъ».

Послѣ того, какъ были написаны эти слова, непредвидѣнныя ни кѣмъ событія избавили англійскихъ правителей Ирландіи отъ затрудненій, которыя были бы справедливымъ наказаніемъ за ихъ невнимательность и непредусмотрительность. Ирландія подъ владычествомъ коттерства не могла прокармливать свое населеніе. Парламентъ прибѣгъ къ мѣрамъ, усиливавшимъ размноженіе населенія и ни мало не усиливавшимъ производства, но неожиданнымъ путемъ явилась помощь, которой не дала ирландскому народу мудрость политическихъ людей. Народъ началъ эмигрировать безъ пособія правительства; первые переселенцы накопляли деньги на плату за переѣздъ слѣдующимъ переселенцамъ; это исполненіе уэкфильдовой системы въ гигантскихъ размѣрахъ уменьшило теперь число жителей Ирландіи до количества, которое можетъ находить себѣ занятія и средства къ жизни при нынѣшней земледѣльческой системѣ. Ценсъ 1851 года показалъ уменьшеніе населенія въ полтора милліона сравнительно съ ценсомъ 1841 г. Слѣдующій ценсъ, 1861 года, показываетъ дальнѣйшее уменьшеніе, простиравшееся до полумилліона. Ирландцы нашли себѣ путь на тотъ цвѣтущій материкъ, на которомъ въ теченіи поколѣній можетъ безъ уменьшенія благосостоянія помѣщаться весь излишекъ людей съ цѣлаго свѣта; ирландскіе поселяне стали обращать свои взоры на земной рай за океаномъ какъ на вѣрное убѣжище и отъ угнетенія саксовъ, и отъ тиранніи природы; какъ бы ни уменьшалось впослѣдствіи занятіе для земледѣльческаго труда всеобщимъ распространеніемъ англійскаго способа хозяйства по Ирландіи, лю-

ди, остающіеся безъ занятій, станутъ переселяться въ Америку съ такою же быстротою, какъ переселился туда милліонъ ирландцевъ, въ три года съ 1848 до 1850. Люди, думающіе что земля страны существуетъ для нѣсколькихъ тысячъ землевладѣльцевъ, и что пока ренты платятся, общество и правительство могутъ оставаться довольны собой, — такіе люди могутъ видѣть въ этомъ переселеніи счастливое прекращеніе ирландскихъ затрудненій.

Но теперь не такое время, чтобы могли удержаться эти надмѣнныя мнѣнія, и расположеніе умовъ не благопріятствуетъ имъ. Земля Ирландіи, земля всякой страны принадлежитъ народу этой страны. Отдѣльныя лица, называемыя землевладѣльцами, не имѣютъ по суду нравственности и справедливости права ни на что иное, кромѣ ренты или вознагражденія по продажной цѣнности ренты. Что же касается самой земли, главное дѣло тутъ въ томъ, какая форма собственности и воздѣлыванія можетъ доставить отъ земли больше пользы общей массѣ ея жителей. Для собственниковъ ренты можетъ быть очень выгодно, чтобы масса жителей, отчаявшись получить справедливость въ странѣ, гдѣ жила и страдала, она и предки ея, пошла на другой материкъ искать того, что отнято у ней на родинѣ поземельною собственностью. Но законодателямъ государства слѣдуетъ смотрѣть иными глазами на вынужденное переселеніе милліоновъ людей. Когда жители страны массою покидаютъ страну оттого, что правительство страны не хочетъ давать имъ мѣста для жизни въ ней, правительство осуждено. Парламентъ обязанъ преобразовать поземельное устройство Ирландіи. Нѣтъ необходимости лишать землевладѣльцевъ ни одного фартинга изъ денежной цѣнности ихъ законныхъ правъ; но справедливость требуетъ, чтобы люди, воздѣлывающіе землю, получили возможность стать въ Ирландіи тѣмъ, чѣмъ станутъ они переселившись въ Америку, — стать собственниками земли, ими воздѣлываемой.

Политическое благоразуміе требуетъ этого и не удовлетворяется ничѣмъ меньшимъ. Люди, не знающіе ни Ирландіи, ни какой иностранной земли, берущіе единственною нормою общественнаго и экономическаго процвѣтанія — англійское устройство, предлагаютъ, какъ единственное лекарство для бѣдствій Ирландіи, обращеніе коттеровъ въ наемныхъ работниковъ. Но это проэктъ объ улучшеніи ирландскаго земледѣлія, а не объ улучшеніи положенія ирландскаго народа. Состояніе поденьщика не имѣетъ въ себѣ волшебной силы, чтобы влить предусмотрительность, бережливость и воздержность въ народъ, лишенный этихъ качествъ. Если бы ир-

ландскіе поселяне могли быть мгновенно обращены въ наемныхъ работниковъ, при сохраненіи нынѣшнихъ привычекъ и нравственныхъ особенностей, мы только увидѣли бы 4 милліона или 5 милліоновъ людей, живущими въ состояніи наемныхъ работниковъ столь же бѣдственно, какъ жили они въ состояніи коттеровъ: они точно также пассивно переносили бы всѣ лишенія, такъ же безразсудно размножались бы, и быть можетъ даже работали бы такъ же небрежно, потому что всѣхъ ихъ цѣлою массою нельзя было бы прогнать, а если бы можно было, это значило бы только отдать ихъ на прокормленіе деньгами налога для бѣдныхъ. Совершенно иное будетъ послѣдствіе, если сдѣлать ихъ поселянами собственниками. Народъ, не знающій разсчетливости и любви къ труду, признаваемый всѣми за одинъ изъ самыхъ отсталыхъ въ Европѣ народовъ по неумѣнью трудиться съ успѣхомъ, нуждается для своего возрожденія въ самыхъ могущественныхъ возбужденіяхъ къ трудолюбію и разсчетливости, а право собственности на землю сильнѣйшее изъ этихъ побужденій. Вѣчная принадлежность продукта земли хлѣбопашцу служитъ почти неизмѣнною гарантіею неутомимѣйшаго трудолюбія; она служитъ если и не вполнѣ несомнѣннымъ, то все таки наилучшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ предохранительныхъ средствъ отъ излишняго размноженія, и гдѣ она не приведетъ къ цѣли, тамъ едвали привело бы къ цѣли какое угодно другое экономическое устройство: въ этомъ случаѣ зло было бы непобѣдимо одними экономическими средствами.

Потребности Ирландіи сходны съ потребностями Индіи. Въ Индіи мы дѣлали иногда большія ошибки, но все таки никто даже и не предлагалъ подъ предлогомъ земледѣльческихъ усовершенствованій прогнать райотовъ или поселянъ фермеровъ съ ихъ участковъ: достичь усовершенствованій въ земледѣліи предполагается тамъ доставленіемъ болѣе прочнаго владѣнія райотамъ, и спорятъ лишь о томъ, нужно ли вѣчное владѣніе или достаточенъ будетъ долгій срокъ контрактовъ. Тотъ же самый вопросъ представляется въ Ирландіи. Нельзя не признать, что долговременные контракты при такихъ землевладѣльцахъ, какіе встрѣчаются иногда, произведутъ чудеса даже въ Ирландіи. Но для этого при долговременныхъ контрактахъ необходима низкая рента. Безъ нея не слѣдуетъ ожидать, что бы коттерство устранилось одною долговременностью контрактовъ. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ коттерство, контракты въ Ирландіи всегда были долговременные; обыкновенный срокъ былъ 21 годъ, или три жизни. Но рента опредѣлялась со-

перничествомъ, назначалась больше того, чѣмъ можно заплатить, потому поселянинъ не пріобрѣталъ и никакимъ трудолюбіемъ не могъ пріобрѣсти выгодъ отъ снятой земли, и контрактъ нимало не обезпечивалъ его въ дѣйствительности. Въ Индіи, гдѣ правительство не уступало безразсудно своихъ правъ собственности земиндарамъ, оно можетъ предотвращать это зло; будучи само землевладѣльцемъ, оно можетъ опредѣлять ренту по своему собственному разсчету. Но если земля принадлежитъ частнымъ лицамъ, рента опредѣляется соперничествомъ, а соискатели — поселяне, бьющіеся изъ за куска хлѣба, то неизбѣжны номинальныя ренты, когда само соперничество не остается чисто номинальнымъ по малочисленности населенія. Большинство землевладѣльцевъ будутъ жадны къ немедленному полученію большихъ доходовъ и власти; и пока находятся коттеры, предлагающіе имъ какую угодно ренту, напрасно будетъ ожидать, чтобы землевладѣльцы съ пожертвованіемъ собственныхъ выгодъ стали сдерживать это вредное соискательство.

Вѣчность владѣнія сильнѣе долговременнаго контракта возбуждаетъ къ усовершенствованію: самый долговременный контрактъ, прежде чѣмъ окончится, проходитъ чрезъ всѣ постепенности кратковременныхъ контрактовъ до самаго уничтоженія контрактной гарантіи. Кромѣ того есть другія причины, еще болѣе важныя для предпочтенія вѣчности владѣнія. Даже въ дѣлахъ чистаго разсчета было бы грубою ошибкою забывать о вліяніи воображенія: въ понятіи «на вѣчное время» есть сила, которой лишенъ самый продолжительный срокъ. Если даже срокъ этотъ обнимаетъ жизнь дѣтей и всѣхъ лично дорогихъ для человѣка, человѣкъ не станетъ съ полнымъ усердіемъ увеличивать цѣнность земли, съ каждымъ годомъ уменьшающейся въ своей цѣнности лично для него; противнаго можно ожидать отъ человѣка лишь тогда, когда онъ достигнетъ высокой степени умственнаго развитія, при которой господствующимъ соображеніемъ у него становится общественное благо, для чего также нужна вѣчность связи личной выгоды съ общею. Притомъ же во всѣхъ европейскихъ странахъ поземельная собственность вообще соединена съ вѣчнымъ владѣніемъ; при такомъ порядкѣ дѣлъ временное владѣніе хотя бы на очень долгій срокъ непремѣнно должно казаться чѣмъ-то менѣе важнымъ и почетнымъ, чѣмъ поземельная собственность и слѣдовательно люди съ меньшимъ жаромъ будутъ стремиться къ нему и получивъ его чувствовать къ нему менѣе привязанности, чѣмъ къ собственности. Но въ странѣ, гдѣ господствуетъ коттерство,

вопросъ о вѣчности владѣнія лишь второстепенный вопросъ, по сравненію съ важнѣйшимъ дѣломъ — съ ограниченіемъ ренты. Безопасно можно предоставить соперничеству ту ренту, которую платитъ капиталистъ, снимающій землю для прибыли, а не для своего пропитанія; но не слѣдуетъ предоставлять соперничеству ренту, платимую работниками, если работники не достигли такой степени просвѣщенія и благосостоянія, какой еще нигдѣ они не достигли и едва ли могутъ достичь, пока рента, ими платимая, опредѣляется соперничествомъ.

Рентамъ, платимымъ поселянами, никогда не слѣдуетъ быть произвольными, никогда не слѣдуетъ зависѣть отъ землевладѣльца; эти ренты необходимо должны быть опредѣлены неизмѣнно обычаемъ или закономъ; а гдѣ не установился, какъ въ тосканскомъ половничествѣ, взаимно выгодный обычай, тамъ разсудокъ и опытъ требуютъ, чтобы рентамъ была назначена неизмѣнная величина государственной властью, т. е. чтобы рента обращена была въ неизмѣнную плату, а фермеръ — въ поселянина собственника.

Самый простой способъ произвести эту перемѣну въ такомъ размѣрѣ, чтобы совершенно уничтожилось коттерство, — прямой законодательный способъ, совершеніе дѣла парламентскимъ актомъ, который объявилъ бы всю ирландскую землю собственностью занимающихъ ее хлѣбопашцевъ, обязавъ ихъ платежемъ рентъ, какія теперь они дѣйствительно платятъ, т. е. дѣйствительныхъ, а не номинальныхъ рентъ. Подъ именемъ «вѣчнаго пользованія» (fixity of tenure) это было однимъ изъ требованій Союза Рипилеровъ въ наиболѣе успѣшный періодъ ихъ агитаціи; гораздо лучше выразилъ это Коннеръ *), самый первый, самый пылкій и неутомимый проповѣдникъ этого рѣшенія, словами: «оцѣнки на вѣчныя времена» (a valuation and a perpetuity). Такая мѣра не имѣла бы въ себѣ ничего несправедливаго, лишь бы землевладѣльцы были вознаграждены за нынѣшнюю цѣнность шансовъ возрастанія ренты, отказъ отъ которыхъ потребовался бы у нихъ. Потрясеніе существующихъ общественныхъ отношеній конечно было бы тутъ не сильнѣе того, какое произвели Штейнъ и Гарденбергъ, когда рядомъ эдиктовъ въ началѣ нынѣшняго вѣка совершили революцію въ поземельной собственности прусскаго государства и увѣковѣчили свои имена въ

*) Авторъ множества памфлетовъ: True Political Economy of Ireland, Letter to the Earl of Devon, Two Letters on the Rackrent Oppression of Ireland и проч. Коннеръ сталъ агитировать этотъ вопросъ съ 1832 г.

числѣ величайшихъ благодѣтелей всей страны. Просвѣщенные иностранцы, писавшіе объ Ирландіи, Фонъ-Раумеръ и Густавъ де Бомонъ, считали это средство столь прямо и вѣрно соотвѣтствующимъ болѣзни, что трудно имъ казалось понять, какъ до сихъ поръ не исполнено это дѣло.

Такая мѣра, во первыхъ, была бы полной экспропріаціей высшихъ сословій Ирландіи; по принципамъ, нами изложеннымъ, такой переворотъ оправдывается, но только въ такомъ случаѣ, если онъ единственное средство къ достиженію великаго общественнаго блага. Во вторыхъ, само по себѣ не очень выгодно для націи, если вовсе уже нѣтъ никакихъ поземельныхъ собственниковъ, кромѣ поселянъ. Важную часть хорошей поземельной системы составляютъ большія фермы, воздѣлываемыя большимъ капиталомъ и принадлежащія лицамъ, получившимъ самое высокое воспитаніе, по своей образованности способнымъ оцѣнивать научныя открытія, имѣющимъ средства для рискованныхъ, продолжительныхъ и дорогихъ опытовъ. Даже и теперь есть въ Ирландіи много такихъ землевладѣльцевъ и вредно для націи было бы прогонять ихъ изъ помѣстій. Кромѣ того, между нынѣшними участками конечно находится много слишкомъ мелкихъ, на которыхъ нельзя было бы собственнику вести хозяйство выгоднымъ образомъ, а изъ людей, занимающихъ нынѣ участки, не всѣ таковы, чтобы нашлись въ нихъ качества, нужныя для поселянъ собственниковъ, заводящихъ свое хозяйство. Для многихъ изъ нихъ было бы полезнѣе получить надежду на пріобрѣтеніе поземельной собственности трудолюбіемъ и бережливостію, чѣмъ прямо получить собственность.

Есть, впрочемъ, гораздо болѣе легкія мѣры, которыя не подлежатъ подобнымъ возраженіямъ, и которыя, будучи проводимы со всей возможной энергіею, могли бы въ довольно значительной степени осуществить требуемое дѣло. Одна изъ этихъ мѣръ состояла бы въ томъ, что человѣкъ, желающій воздѣлать пустую землю, становится собственникомъ ея съ обязанностію платить прежнему владѣльцу неизмѣнную ренту, составляющую умѣренный процентъ съ нынѣшней цѣнности этой земли въ ея невоздѣланномъ положеніи. Разумѣется, необходимою принадлежностью этой мѣры было бы возложеніе на землевладѣльцевъ обязанности уступать невоздѣланную землю (если она не имѣетъ орнаментальнаго назначенія) лицу, желающему воздѣлать ее. Другая мѣра доступна средствамъ частныхъ лицъ: надобно было бы покупать какъ можно больше изъ земель поступающихъ въ продажу и снова распродавать ее мел-

кимъ поселянамъ. Лига Фермерскаго Выкупа (Tenant Right League) предполагала когда-то основать съ этою цѣлью общество, на основаніяхъ, сходныхъ съ тѣми, на которыхъ такъ успѣшно установили въ Англіи общества для образованія фригольдерскихъ участковъ (Freehold Land Societies), общества, имѣвшія первоначальною цѣлью не земледѣльческія отношенія, а вліяніе на выборы.

Этимъ способомъ частный капиталъ могъ бы быть употребленъ на обновленіе общественнаго и земледѣльческаго устройства Ирландіи не только безъ потерь, но и съ значительною выгодою для капиталистовъ. Замѣчательный успѣхъ Общества Распашки Невоздѣланныхъ Земель (Waste Land Smprovement Socity), дѣйствовавшаго по плану, гораздо менѣе выгодному для земледѣльцевъ, служитъ свидѣтельствомъ того, къ какому трудолюбію могли бы быть возбуждены ирландскіе поселяне, если бы получили достаточное обезпеченіе, что будутъ трудиться въ свою, а не чужую пользу. Тутъ нѣтъ даже необходимости принимать правиломъ отдачу земли въ вѣчную собственность. Довольно было бы контрактовъ съ долгими сроками и умѣренными рентами, по примѣру Общества Распашки Невоздѣланныхъ Земель, лишь бы только обѣщано было фермерамъ право покупать свои фермы на пріобрѣтаемый ими капиталъ, который такъ быстро пріобрѣтали фермеры Общества Распашки, благодаря полезному его вліянію *). Продажа земель освобождала

---

*) Общество распашки принуждено было прекратить свои дѣла недавними неурожаями, но должна быть сохранена память о томъ, что успѣло оно сдѣлать. Въ отчетѣ коммиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ лорда Девона, находится (стр. 84) слѣдующее извлеченіе изъ доклада представленнаго обществу въ 1845 году полковникомъ Робинсономъ, такъ хорошо управлявшимъ дѣлами общества. «245 фермеровъ, изъ которыхъ многіе были еще недавно почти пролетаріями, занимаютъ небольшіе участки, имѣющіе отъ 10 до 20 акровъ пашни; свободнымъ трудомъ при помощи Общества они улучшили свои фермы до цѣнности 4,396 фунтовъ; въ прошедшемъ году цѣнность возрасла на 605 фунтовъ; это составляетъ почти по 17 фунтовъ 18 шиллинговъ на каждаго фермера за весь періодъ дѣйствій Общества и по 2 фунта 9 шиллинговъ за прошлый годъ; выгодою отъ этихъ улучшеній каждому фермеру остается пользоваться до окончанія контракта, срокомъ на 31 годъ.

Эти 245 фермеровъ съ своими семействами, обработывая землю заступомъ, имѣютъ теперь подъ посѣвомъ 1,032 акра земли, которая прежде была непроизводительно чорною пустынею; въ прошломъ году они собрали съ нея продуктовъ на 3,896 фунтовъ по оцѣнкѣ опытныхъ практиковъ; это составляетъ 15 ф. 18 шиллинговъ на каждаго фермера; на ихъ фермахъ находится нынѣ рогатаго скота, лошадей, овецъ и свиней на 4,162 фунта по цѣнамъ, существующимъ на сосѣднихъ рынкахъ; съ февраля 1844 прибавка скота составляетъ

бы денежные фонды товарищества и оно могло бы начинать свои дѣйствія въ другомъ мѣстѣ.

2. Такъ писалъ я въ 1856 году. Я не перемѣнилъ ни одного изъ мнѣній, которыя я тогда выразилъ. Но я чувствую, что они уже не способны больше къ практическому приложенію. Новый порядокъ вещей, произведенный въ Ирландіи обширнымъ уменьшеніемъ населенія, и дѣйствіе того величайшаго изъ благодѣяній, какія только были сдѣланы ей правительствомъ, дѣйствіемъ акта о помѣстьяхъ съ просроченными долгами (Encumbered Estates Act) сдѣлалъ на первое время возможнымъ въ этой странѣ введеніе въ обширныхъ размѣрахъ англійской системы земледѣлія. Нынѣшнее населеніе Ирландіи еще не выше того количества населенія, какое можетъ при этой лишь системѣ имѣть степень благосостоянія, вѣроятно равную среднему состоянію англійскаго фермера. Въ земледѣліи уже оказалось поразительное вообще улучшеніе; и улучшеніе быта, которое становится теперь обыкновенно для народа, вмѣстѣ съ привычкой къ рессурсу, который представляется ему въ переселеніи, вѣроятно предохранятъ его на значительный періодъ времени отъ новаго упадка въ его прежнее жалкое положеніе, — вслѣдствіе непредусмотрительнаго размноженія. Поэтому Ирландія не находится теперь въ такомъ состояніи, которое бы требовало, что называется, героическихъ средствъ. Существованіе крестьянъ-собственниковъ могло быть въ этой странѣ такимъ же благодѣяніемъ какъ всегда; но это благодѣяніе уже болѣе не необходимо; для

цѣнность 1,304 фунта; за весь періодъ прибыль въ цѣнности скота 16 ф. 19 шиллинговъ, а за послѣдній годъ 5 ф. 6 шиллинговъ на фермера; нынѣ скотъ ихъ возросъ до цѣнности, равной нынѣшнему годичному количеству ихъ рентъ; статистическія таблицы, приложенныя къ моимъ прежнимъ отчетамъ показываютъ, что фермеры вообще улучшаютъ свои маленькія фермы, увеличиваютъ свои поля и количество продуктовъ почти пропорціонально числу способныхъ къ работѣ лицъ обоего пола въ ихъ семействахъ.»

Эти факты служатъ неоспоримымъ доказательствомъ того, что при сколько нибудь порядочныхъ условіяхъ пользованія землею, малое хозяйство даетъ валоваго продукта и даже чистаго продукта больше, чѣмъ большое хозяйство. Замѣчательно, что особеннымъ трудолюбіемъ отличались фермы, участки которыхъ были меньше другихъ; полковникъ Робинсонъ говоритъ, что исключеніемъ изъ общаго замѣчательно быстраго прогресса усовершенствованій служили нѣкоторые фермеры, «занимавшіе фермы величиною болѣе 20 акровъ; у фермеровъ этого класса слишкомъ часто не достаетъ упорнаго трудолюбія, необходимаго для успѣшности земледѣльческихъ усовершенствованій въ горныхъ мѣстахъ.»

нея открылась перспектива большихъ успѣховъ въ цивилизаціи безъ этой помощи. Но, хотя она можетъ теперь обойтись безъ крестьянъ-собственниковъ, она не можетъ обойтись безъ совершеннаго уничтоженія коттерства. Если оно не искоренится, то всѣ плоды улучшеній, производимыхъ теперь, будутъ и останутся сомнительны. Наступленіе другаго поколѣнія покажетъ, воспользуются ли землевладѣльцы Ирландіи, очищенные теперь отъ беззаботной и обанкрутившейся части ихъ, которая прежде занимала такое мѣсто въ странѣ, и составившіеся изъ болѣе нравственнаго и образованнаго класса, — воспользуются ли они удобнымъ случаемъ для полнаго произведенія этой дѣйствительной прочной и радикальной реформы въ общественной экономіи этой многострадальной земли.

Я кончилъ теперь изложеніе вопроса, которому посвятилъ больше страницъ, чѣмъ слѣдовало бы по размѣру моего трактата; этимъ я заключаю изслѣдованіе простѣйшихъ формъ общественнаго устройства, въ которыхъ продуктъ земли принадлежитъ одному классу или раздѣляется только между двумя классами. Теперь мы перейдемъ къ гипотезѣ раздѣленія продукта на три части, между работниками, землевладѣльцами и капиталистами; для тѣснѣйшей связи слѣдующаго изложенія съ предъидущимъ, я начну разсмотрѣніемъ вопросовъ о рабочей платѣ.

ГЛАВА XI.

РАБОЧАЯ ПЛАТА.

1. Въ главѣ о рабочей платѣ надобно намъ разсмотрѣть во первыхъ причины, которыми опредѣляется или видоизмѣняется рабочая плата вообще за всякій трудъ, а во вторыхъ причины разницы, существующей между платою за разныя работы. Эти два вопроса удобнѣе разсмотрѣть отдѣльно одинъ отъ другаго и при изложеніи закона рабочей платы говорить сначала такъ, какъ бы не существуетъ никакого другаго рода труда, кромѣ простого чернаго труда средней обременительности и непріятности.

Рабочая плата, подобно другимъ экономическимъ элементамъ, опредѣляется или соперничествомъ или обычаемъ. Въ нашей землѣ (Англіи) мало найдется такихъ родовъ труда, вознагражденіе за которые не было бы ниже нынѣшняго, если бы хозяинъ вполнѣ пользовался выгодою соперничества. Но все таки соперничество

при нынѣшнемъ состояніи общества должно считаться главнымъ регуляторомъ рабочей платы, а обычай или личный характеръ только видоизмѣняющимъ обстоятельствомъ и притомъ слабымъ сравнительно съ соперничествомъ.

Итакъ рабочая плата главнымъ образомъ зависитъ отъ отношенія между запросомъ и предложеніемъ труда, или, какъ часто говорятъ, между населеніемъ и капиталомъ. Подъ населеніемъ разумѣется тутъ лишь числительность рабочаго класса или, точнѣе говоря, людей, работающихъ по найму; а подъ капиталомъ только оборотный капиталъ, и даже не весь оборотный капиталъ, а лишь та часть его, которая расходуется на прямую покупку труда. Но къ ней тутъ прибавляются всѣ суммы, которыя, не составляя части капитала, платятся въ обмѣнъ за трудъ, какъ напр. плата солдатамъ, домашней прислугѣ, и всѣмъ другимъ непроизводительнымъ работникамъ. Къ сожалѣнію нѣтъ общеупотребительнаго слова, которымъ можно было бы обозначать то, что мы обозначимъ выраженіемъ «фондъ рабочей платы» извѣстной страны. Плата за производительный трудъ составляетъ почти всю массу этого фонда, потому обыкновенно оставляютъ безъ вниманія меньшую по величинѣ и по важности часть его, говоря, что рабочая плата опредѣляется величиною населенія и капитала. Для простоты мы будемъ употреблять это выраженіе, но не должны забывать, что въ буквальномъ смыслѣ оно не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣлу.

Понимая такимъ образомъ термины «населеніе и капиталъ», надобно сказать, что рабочая плата, опредѣляющаяся относительною величиною капитала и населенія, зависитъ при господствѣ соперничества исключительно отъ этого отношенія. Рабочая плата (т. е. разумѣется общая величина ея) можетъ подниматься только отъ увеличенія суммы фондовъ, употребляемыхъ на наемъ работниковъ, или отъ уменьшенія въ числѣ соискателей, нанимающихся работать; падать она можетъ или отъ уменьшенія фондовъ, опредѣленныхъ на плату за трудъ, или отъ увеличенія въ числѣ работниковъ, получающихъ плату.

2. Но есть факты, повидимому противорѣчащіе этой теоріи; мы должны разсмотрѣть и объяснить ихъ.

Напримѣръ, обыкновенно говорятъ, что рабочая плата бываетъ высока, когда промышленность идетъ успѣшно. Запросъ на трудъ въ каждой отрасли промышленности бываетъ сильнѣе, а рабочая плата выше, когда есть живой запросъ на товаръ, производимый

этою промышленностію; противное будетъ во время такъ называемаго застоя: хозяева отпускаютъ тогда однихъ работниковъ, а другіе работники принуждены бываютъ покориться пониженію платы. Между тѣмъ въ обоихъ этихъ случаяхъ капиталъ не увеличивается и не уменьшается. Это правда; такіе случаи служатъ примѣромъ того, какъ отъ многосложности конкретныхъ феноменовъ затемняется характеръ дѣйствія общихъ причинъ; но они въ сущности не противорѣчатъ изложеннымъ нами принципамъ. Если собственникъ капитала не употребляетъ его на покупку труда, а держитъ празднымъ въ своихъ рукахъ, для работниковъ капиталъ на это время какъ бы не существуетъ. По разнымъ колебаніямъ торговли всякій капиталъ бываетъ по временамъ въ такомъ пололоженіи. Фабрикантъ, видя слабость запроса на свой товаръ, перестаетъ употреблять работниковъ на увеличеніе своего запаса, который трудно ему сбыть, а если онъ и продолжаетъ вести работу, пока весь его капиталъ обратится въ товаръ, не находящій сбыта, тутъ онъ все таки по необходимости долженъ прекратить работу, пока не получитъ платы за часть товара. Но никто не ожидаетъ, чтобы такое положеніе осталось навсегда; если бы хозяинъ ожидалъ этого, онъ при первомъ удобномъ случаѣ перевелъ бы свой капиталъ на какое нибудь другое дѣло, въ которомъ бы капиталъ этотъ продолжалъ давать занятія труду. На нѣсколько времени капиталъ остается безъ занятія; въ это время рынокъ переполненъ предложеніемъ труда, и рабочая плата падаетъ. Послѣ того запросъ оживляется и быть можетъ становится чрезвычайно живъ, такъ что фабрикантъ могъ бы продавать товаръ даже быстрѣе, чѣмъ въ состояніи производить его; тогда весь его капиталъ входитъ въ полное дѣйствіе и въ прибавокъ къ своему онъ занимаетъ капиталъ, который безъ того пошелъ бы на другое употребленіе. Въ такія времена рабочая плата поднимается въ этой отрасли промышленности. Если предположить случай, котораго нельзя назвать совершенно невозможнымъ, — если предположить, что такой пароксизмъ живости или застоя одновременно простирается на всѣ отрасли промышленности, то вся вообще рабочая плата подвергается возвышенію или упадку. Но это лишь временныя колебанія: капиталъ, лежащій нынѣ празднымъ, будетъ на слѣдующій годъ въ дѣятельномъ оборотѣ, а капиталъ, въ нынѣшнемъ году не удовлетворяющій запросу, на слѣдующій годъ будетъ запертъ въ переполненныхъ магазинахъ; сообразно тому будетъ приливъ и отливъ въ высотѣ рабочей платы по отдѣльнымъ

отраслямъ промышленности; но общая норма рабочей платы можетъ прочнымъ образомъ измѣняться только отъ увеличенія или отъ уменьшенія самаго капитала, по сравненію съ количествомъ труда, предлагающаго себя въ наемъ (подъ капиталомъ мы здѣсь постоянно разумѣемъ всякаго рода фонды, назначенные на плату за трудъ).

Обыкновенно думаютъ также, что при высокихъ цѣнахъ товара бываетъ высока и рабочая плата, потому что производители и торговцы, получая больше обыкновеннаго, могутъ больше платить своимъ работникамъ. Я уже говорилъ, что живой запросъ, временно возвышающій цѣны, также возвышаетъ временно и рабочую плату только тогда, если торговцы, получая больше обыкновеннаго станутъ больше сберегать и увеличатъ свой капиталъ, или по крайней мѣрѣ свою покупку труда. Это слѣдствіе довольно натуральное, и если бы цѣны поднимались безъ всякой причины или по причинѣ заграничнаго требованія, то рабочій классъ выигрывалъ бы не отъ повышенія самыхъ цѣнъ, а отъ увеличенія капитала, производимаго возвышеніемъ цѣнъ. Но такое же свойство часто приписываютъ положенію дѣлъ, когда цѣна бываетъ высока по причинѣ запретительныхъ законовъ, или когда за высоту цѣны должны платить остальные члены общества, средства которыхъ къ платежу не увеличиваются высотою цѣны; въ этихъ случаяхъ высота цѣны можетъ приносить выгоды одному классу работниковъ только на счетъ другихъ работниковъ; потому что если торговцы, получая высокія цѣны могутъ дѣлать больше сбереженій или увеличивать свою покупку труда, то на столько же уменьшатся средства сбереженія или покупки труда у всѣхъ другихъ членовъ общества отъ платежа этихъ высокихъ цѣнъ; какое изъ этихъ двухъ измѣненій будетъ имѣть больше вліянія на рабочій рынокъ, зависитъ отъ особенныхъ обстоятельствъ. Въ той отрасли, гдѣ поднялись цѣны, рабочая плата вѣроятно повысится на время, а въ другихъ отрасляхъ промышленности нѣсколько понизится. Въ этомъ случаѣ первая половина феномена бываетъ замѣчаема, а вторую половину просматриваютъ, или если замѣчаютъ, то не приписываютъ причинѣ, отъ которой она въ сущности произошла. Притомъ же частное повышеніе рабочей платы не будетъ продолжительно: торговцы этой отрасли пріобрѣтаютъ больше прежняго, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что она представляетъ просторъ для помѣщенія увеличившейся массы сбереженій, увеличившійся капиталъ этихъ торговцевъ вѣроятно перельется въ другія отрасли промышлен-

ности и уравновѣситъ въ нихъ прежнее уменьшеніе въ запросѣ на трудъ происшедшее отъ уменьшенія сбереженій другихъ торговцевъ.

Часто утверждаютъ также, что рабочая плата (т. е. денежная величина рабочей платы) измѣняется съ цѣною пищи: поднимается при ея возвышеніи, опускается при ея паденіи. Я нахожу, что это мнѣніе справедливо не вполнѣ, а только отчасти, и справедливая сторона его ни мало не противорѣчитъ зависимости рабочей платы отъ пропорціи между капиталомъ и трудомъ, потому что когда цѣна хлѣба дѣйствуетъ на величину рабочей платы, то дѣйствуетъ на нее чрезъ посредство этого закона. Разница въ цѣнѣ пищи по разнымъ временамъ года не имѣетъ вліянія на рабочую плату (если это вліяніе устанавливается искусственно закономъ или благотворительностію) или скорѣе имѣетъ нѣкоторую тенденцію дѣйствовать на рабочую плату способомъ, противнымъ обыкновенному мнѣнію: когда запасъ скуденъ, работники вообще должны работать больше, и такимъ образомъ они понижаютъ рабочую плату во вредъ себѣ. Но если дороговизна или дешевизна пищи бываетъ продолжительна и можетъ быть предусмотрѣна заранѣе, то она можетъ имѣть вліяніе на рабочую плату. Во первыхъ, если работники получаютъ не больше того, сколько нужно имъ на поддержаніе своей способности къ труду, и на прокормленіе обыкновеннаго числа дѣтей (а рабочая плата часто не превышаетъ этого уровня), то, когда пища надолго вздорожаетъ безъ возвышенія рабочей платы, преждевременно станетъ умирать больше дѣтей, чѣмъ прежде; отъ этого рабочая плата напослѣдокъ возвысится, но только потому, что число людей станетъ меньше, чѣмъ было бы при дешевизнѣ пищи. Во вторыхъ, если рабочая плата даже и имѣетъ такую высоту, что цѣна пищи могла бы повыситься безъ отнятія возможности пропитанія у работниковъ и ихъ семействъ, то работники быть можетъ не захотятъ переносить скудость, которую могъ бы выносить человѣческій организмъ. Быть можетъ нѣкоторый комфортъ сталъ для нихъ по привычкѣ необходимостію, и скорѣе чѣмъ отказаться отъ него, они станутъ еще болѣе воздерживать свою способность къ размноженію, такъ что рабочая плата повысится не отъ увеличенія числа умирающихъ, но отъ уменьшенія числа рождающихся. Мы видимъ, что въ обоихъ этихъ случаяхъ рабочая плата приходитъ въ соотвѣтствіе съ цѣною хлѣба, но приходитъ только чрезъ періодъ времени, равняющійся жизни поколѣнія. Рикардо полагаетъ, что подъ эти два случая подводятся всевозможные случаи. Онъ принимаетъ, что вездѣ существуетъ

наименьшая величина рабочей платы, равняющаяся или самой низкой платѣ, при которой можетъ населеніе не вымирать отъ голода, или самой низкой, при какой соглашается народъ не уменьшаться въ числѣ. Онъ принимаетъ, что общій уровень рабочей платы всегда клонится къ этой наименьшей величинѣ; что оставаться ниже этой величины онъ можетъ только на то время, какое нужно для осуществленія результата, производимаго ослабленіемъ размноженія людей, а выше этого уровня рабочая плата никакъ не можетъ удержаться долго. Такая теорія имѣетъ въ себѣ на столько истины, что можетъ быть принимаема въ соображеніяхъ отвлеченной науки; а выводъ, дѣлаемый Рикардо изъ этой теоріи, тотъ выводъ, что рабочая плата въ разсчетѣ продолжительныхъ періодовъ возвышается и понижается сообразно долговременнымъ измѣненіямъ цѣны пищи, — это заключеніе, подобно почти всѣмъ заключеніямъ Рикардо, справедливо гипотетически, т. е. въ томъ случаѣ, когда существуютъ посылки, изъ которыхъ дѣлается выводъ. Но въ приложеніи къ практикѣ не слѣдуетъ забывать, что можетъ измѣняться самая норма наименьшей величины рабочей платы, въ особенности если эта норма опредѣлена не физическими, а нравственными потребностями. Если рабочая плата была такъ высока, что могла быть доступна уменьшенію, и если препятствіемъ для уменьшенія была привычка работниковъ къ высокой нормѣ благосостоянія, то возвышеніе цѣны пищи и всякая другая невыгодная для работниковъ перемѣна обстоятельствъ, можетъ произвести двоякій результатъ: она можетъ уравновѣситься повышеніемъ рабочей платы чрезъ постепенное дѣйствіе разсчетливой воздержности работниковъ отъ размноженія, или можетъ понизить благосостояніе работниковъ, если ихъ прежнія привычки относительно размноженія окажутся сильнѣе ихъ прежнихъ привычекъ относительно благосостоянія. Въ этомъ случаѣ вредъ, понесенный ими, останется вѣчнымъ, и новое положеніе, худшее прежняго, станетъ новою и наименьшею величиною рабочей платы, и эта величина будетъ имѣть тенденцію держаться неизмѣнно, какъ прежде имѣла прежняя не столько скудная наименьшая величина. Къ несчастью надобно полагать, что этотъ послѣдній результатъ повышенія цѣны пищи бываетъ почти всегдашнимъ или по крайней мѣрѣ обыкновеннымъ результатомъ, такъ что въ практикѣ не имѣютъ силы всѣ теоріи, говорящія будто бѣдствія, которымъ подвергается рабочій классъ, исцѣляются сами собой. Есть большое число фактовъ, доказывающихъ, что не разъ въ нашей исто-

ріи положеніе земледѣльческихъ работниковъ въ Англіи подвергалось большому постоянному ухудшенію отъ причинъ, результатомъ которыхъ было уменьшеніе запроса на хлѣбъ. Эти причины имѣли бы лишь временное дѣйствіе, если бы воздержностью отъ размноженія работники привели свое число въ соразмѣрность съ требованіями прежней нормы благосостоянія; но къ несчастью бѣдность, въ которую на много лѣтъ были они повергнуты, отучила ихъ отъ этой нормы, и слѣдующее поколѣніе, никогда не знавшее прежняго благосостоянія, стало въ свою очередь размножаться, не дѣлая никакихъ попытокъ возвратить его *).

Когда цѣна предметовъ, необходимыхъ работникамъ, понижается земледѣльческими усовершенствованіями, отмѣною хлѣбныхъ законовъ и другими тому подобными причинами, когда работники за прежнюю рабочую плату могутъ получать больше условій благосостоянія, чѣмъ прежде, то происходитъ обратное явленіе. Рабочая плата упадетъ не тотчасъ; она можетъ даже возвыситься; но напослѣдокъ она упадетъ до того, что положеніе работниковъ станетъ не лучше прежняго, если въ продолженіе благопріятнаго времени не возвысится прочнымъ образомъ норма благосостоянія, считаемаго работниками за необходимость для себя. Къ несчастью никакъ нельзя разсчитывать на это благотворное послѣдствіе. Норма благосостоянія, пользоваться которымъ считаютъ работники дѣломъ болѣе необходимымъ, чѣмъ жениться и имѣть семейство,—эта норма падаетъ легко, но возвышается вовсе не такъ легко. Если работники станутъ только пользоваться большимъ благосостояніемъ, пока оно продолжается, и не привыкнутъ считать его необходимостью, они размножатся до прежней нормы образа жизни. Если прежде они не могли по бѣдности хорошо выкармливать дѣтей, теперь они будутъ выкармливать дѣтей больше прежняго, и когда дѣти выростутъ, то своимъ соперничествомъ понизятъ рабочую плату, понизятъ ее на всю ту пропорцію, въ какой удешевилась пища. Если не этимъ, то другими такими же способами, напр. увеличеніемъ числа бракосочетаній, болѣе раннимъ вступленіемъ въ бракъ, или увеличеніемъ числа рождающихся отъ каждаго брака

---

*) Историческій очеркъ положенія англійскихъ поселянъ составленъ по наилучшимъ источникамъ Торнтономъ, книга котораго Over-Population and its Remedy выгодно отличается отъ большей части сочиненій, изданныхъ въ наше время, раціональнымъ изслѣдованіемъ вопросовъ объ экономическомъ положеніи рабочихъ классовъ.

будетъ произведенъ такой же результатъ. Всѣ факты свидѣтельствуютъ, что за періодами дешевизны пищи и живаго запроса на трудъ непремѣнно слѣдуетъ значительное увеличеніе въ количествѣ браковъ. Потому я не могу приписывать отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ ту важность для благосостоянія работниковъ, какая часто ей приписывается; не могу также придавать важности ни одному изъ небольшихъ измѣненій въ положеніи работниковъ,—ни одному изъ этихъ плановъ, попеременно бывающихъ въ модѣ. Небольшая перемѣна въ положеніи работниковъ не сдѣлаетъ прочнаго измѣненія въ ихъ привычкахъ и требованіяхъ, и скоро они спустятся до своего прежняго положенія. Для произведенія прочнаго улучшенія, временная причина, дѣйствующая на нихъ, должна быть такъ сильна, чтобы значительно измѣнить ихъ положеніе, такъ сильна, чтобы измѣнить его на многіе годы, не смотря на то, что отъ нея же увеличится размноженіе работниковъ въ теченіе жизни цѣлаго поколѣнія. Если улучшеніе имѣетъ такую большую силу, если явится поколѣніе, съ дѣтства привыкшее къ улучшенному положенію, то привычки этого новаго поколѣнія относительно размноженія сформируются по высшей нормѣ наименьшей рабочей платы, и положеніе работниковъ улучшится прочнымъ образомъ. Самый замѣчательный примѣръ такого случая представляетъ Франція послѣ революціи. Большинство населенія внезапно перешло отъ нищеты къ независимости и лучшему житейскому положенію; немедленнымъ слѣдствіемъ этого было безпримѣрно быстрое размноженіе населенія не смотря на истребительныя тогдашнія войны: благодаря улучшенію обстоятельствъ выросло много дѣтей, которыя безъ того умерли бы, да и самое число рожденій увеличилось. Но все таки новое поколѣніе выросло въ привычкахъ совершенно не похожихъ на прежнія, и хотя никогда не было во Франціи такого благосостоянія, какъ теперь, ежегодно число рождающихся въ ней почти не возрастаетъ (смот. выше стр. 340—344), и населеніе возрастаетъ чрезвычайно медленно *).

---

*) Подобнымъ, хотя не столь значительнымъ образомъ возвысилась норма образа жизни между англійскими работниками въ теченіе замѣчательнаго полувѣка съ 1715 до 1765 года; эти 50 лѣтъ отличались чрезвычайною непрерывностію хорошихъ урожаевъ (рѣшительно дурныхъ годовъ было во все это время не больше 5), такъ что средняя цѣна пшеницы въ этомъ періодѣ была гораздо ниже, чѣмъ въ предшествовавшія 50 лѣтъ. Мальтусъ считаетъ, что въ 60 лѣтъ съ 1660 до 1720, работникъ на свою плату за одинъ день работы могъ купить среднимъ числомъ только $^2/_3$ пека пшеницы, а съ 1720

3. Итакъ рабочая плата опредѣляется пропорціею между числомъ рабочаго населенія и капиталомъ, или другими суммами, назначенными для покупки труда (для краткости будемъ просто говорить: капиталъ). Если въ данное время или въ данномъ мѣстѣ рабочая плата выше, чѣмъ въ другое время, или въ другомъ мѣстѣ, и классъ наемныхъ работниковъ пользуется лучшею пищею и бо̀льшимъ благосостояніемъ, причиной этому только то, что капиталъ находится въ большей пропорціи къ населенію. Для рабочаго класса важна не абсолютная величина накопленія или производства, даже не абсолютная величина суммъ, назначенныхъ къ распредѣленію между работниками, а пропорція между этими суммами и числомъ людей, по которому онѣ раздѣляются. Положеніе рабочаго класса можетъ улучшиться не иначе, какъ измѣненіемъ этой пропорціи въ его выгоду и всякій планъ улучшенія, не основывающійся на этомъ, составляетъ обольщеніе, если ждутъ отъ него какой нибудь прочной пользы.

Въ такихъ странахъ, какъ Сѣверная Америка и Австралійскія колоніи, гдѣ знаніе и техническое искусство цивилизованной жизни, при высокомъ практическомъ стремленіи къ накопленію, соединяются съ безграничнымъ пространствомъ незанятой земли, — въ такихъ странахъ капиталъ легко можетъ возрастать со всею быстротою, съ какою способно возрастать населеніе, и главнымъ замедленіемъ въ возрастаніи капитала служитъ невозможность получить требуемое число работниковъ. Сколько бы людей ни родилось тутъ, всѣ они могутъ найти занятія, не переполняя рынка; въ рабочемъ классѣ всѣ семейства имѣютъ изобиліе предметовъ необходимости, многія пользуются предметами удобства и нѣкоторыя предметами роскоши; за исключеніемъ личнаго дурнаго поведенія

до 1750 онъ могъ купить цѣлый пекъ. Средняя цѣна пшеницы по итонскимъ таблицамъ въ 1665—1715 годахъ была 41 шиллингъ 7¾ пенсовъ за квартеръ, и въ послѣдніе 23 года изъ этихъ лѣтъ 45 шиллинговъ 8 пенсовъ, и въ слѣдующіе 50 лѣтъ не больше 34 шиллинговъ 11 пенсовъ. Столь значительное улучшеніе въ положеніи рабочаго класса происходило только отъ случайностей погоды, но продолжаясь больше чѣмъ въ теченіе цѣлаго поколѣнія, оно имѣло время произвести перемѣну въ обычныхъ потребностяхъ работниковъ и этотъ періодъ всѣ называютъ временемъ «замѣтнаго улучшенія въ качествѣ пищи работниковъ, рѣшительнаго возвышенія нормы ихъ житейскихъ удобствъ» (Malthus, Principles of Political Economy, стр. 225). Характеристика этого періода находится въ превосходной книгѣ Тука History of Prices, т. I, стр. 38—61, а цѣны хлѣба показаны въ приложеніи къ этому сочиненію.

или физической невозможности работать, человѣкъ не бываетъ бѣденъ и всегда можетъ быть независимъ. Въ старыхъ странахъ подобнымъ положеніемъ, хотя въ меньшей степени, пользуется иногда тотъ или другой классъ работниковъ, благодаря чрезвычайно быстрому возрастанію не вообще капитала, а въ частности капитала этой отрасли занятій. Послѣ изобрѣтеній Уатта и Аркрайта хлопчато-бумажная фабрикація стала развиваться такъ колоссально, что капиталъ обращенный на нее, вѣроятно учетверился въ то время, какое нужно населенію что бы удвоиться. Потому она привлекала отъ другихъ занятій почти всѣ руки, которыя могли перейдти къ ней по географическимъ обстоятельствамъ и по обычаямъ или наклонностямъ народа; а запросъ, ею созданный на дѣтскій трудъ, ставилъ непосредственную денежную выгоду работниковъ въ увеличеніи, а не въ уменьшеніи быстроты размноженія, но тѣмъ не менѣе рабочая плата въ главныхъ центрахъ этой фабрикаціи еще такъ высока, что въ средніе годы семейство работниковъ получаетъ очень удовлетворительную сумму, и до сихъ поръ еще нѣтъ признаковъ уменьшенія рабочей платы, а слѣдствіе развитія этой фабрикаціи отозвалось также возвышеніемъ общаго уровня платы земледѣльцамъ въ окружающей странѣ.

Но рѣдко и ненадолго бываетъ страна или отрасль промышленности въ такихъ обстоятельствахъ, что населеніе можетъ возрастать съ полною быстротою. Очень немногія страны представляютъ нужное для того соединеніе условій. Въ однихъ странахъ техническія искусства находятся въ отсталомъ и неподвижномъ положеніи, потому капиталъ возрастаетъ медленно; въ другихъ дѣятельное стремленіе къ накопленію слабо, и возрастаніе капитала скоро достигаетъ своей границы; въ третьихъ при самомъ высокомъ развитіи этихъ двухъ условій, возрастаніе капитала задерживается тѣмъ, что нѣтъ уже новой земли, равняющейся качествомъ распаханной землѣ. Если весь капиталъ и все населеніе страны должны находить себѣ занятіе въ самой странѣ, капиталъ можетъ нѣсколько времени удвоиваться вмѣстѣ съ населеніемъ, но все таки для удвоенія продукта при удвоеніи капитала и населенія, былъ бы нуженъ безпримѣрный рядъ земледѣльческихъ изобрѣтеній; иначе возрастаніе продукта скоро отстанетъ отъ капитала и населенія и если бы не упала рабочая плата, упала бы прибыль, а когда падаетъ прибыль, то ослабляется возрастаніе капитала. Кромѣ того, если бы рабочая плата и не упала, цѣна пищи (какъ мы подробнѣе докажемъ впослѣдствіи), непремѣнно должна была бы въ этихъ

обстоятельствахъ подняться, а это равносильно паденію рабочей платы.

Такимъ образомъ кромѣ исключительныхъ случаевъ, которые указаны мною, и изъ которыхъ практическую важность имѣетъ только положеніе новой колоніи или страны, пользующейся такими же обстоятельствами, какъ новая колонія, населеніе не можетъ возрастать съ полною быстротою безъ пониженія рабочей платы, и рабочая плата будетъ падать до того предѣла, на которомъ матеріальныя и нравственныя причины задержатъ возрастаніе населенія. Потому ни въ одной изъ странъ населеніе не возрастаетъ съ полною быстротою, или хотя по прогрессіи, близкой къ ней; почти во всѣхъ этихъ странахъ оно возрастаетъ по очень небольшому проценту, а въ нѣкоторыхъ вовсе не возрастаетъ. Происходить этотъ фактъ можетъ только двумя способами: или не рождается полное число дѣтей, какое допускается закономъ природы и дѣйствительно рождается иногда; или если рождается это полное число дѣтей, то значительная часть рождающихся умираетъ. Размноженіе замедляется или смертью или благоразуміемъ, положительною или предупредительною задержкою Мальтуса; та или другая задержка должна существовать и существуетъ, и притомъ въ очень сильной степени во всѣхъ старыхъ обществахъ. Если размноженіе людей не задерживается благоразуміемъ или частныхъ лицъ, или государства, оно сдерживается смертью отъ нужды и болѣзни.

Мальтусъ очень внимательно изслѣдовалъ, какая изъ этихъ задержекъ дѣйствуетъ въ какой странѣ, и собралъ эти свѣдѣнія почти о всѣхъ странахъ земнаго шара; факты, собранные объ этомъ въ его «Опытѣ о населеніи» полезно перечитывать и донынѣ. Въ Азіи нѣтъ никакой задержки населенію кромѣ смерти; прежде она одна дѣйствовала и почти во всѣхъ тѣхъ европейскихъ странахъ, гдѣ рабочіе не находились въ личномъ рабствѣ. Смертность не всегда бывала слѣдствіемъ бѣдности; много смертей происходило отъ неумѣнья и небрежности въ уходѣ за дѣтьми, отъ нечистоплотности и другихъ вредныхъ здоровью привычекъ взрослаго населенія, и отъ разрушительныхъ эпидемій, случавшихся почти періодически. Въ Европѣ эти причины, сокращавшія жизнь, значительно ослабились, но не исчезли. Еще не очень давно почти ни одинъ изъ нашихъ большихъ городовъ не могъ бы сохранять своего населенія безъ притока новыхъ жителей, постоянно приливавшихъ изъ сельскихъ округовъ; до очень не давняго времени такъ было въ Ливерпулѣ; въ самомъ Лондонѣ смертность больше, а

средняя продолжительность жизни меньше, чѣмъ въ сельскихъ округахъ, гораздо бѣднѣйшихъ, чѣмъ Лондонъ. Въ Ирландіи за самымъ слабымъ недочетомъ урожая картофеля всегда слѣдовали эпидемическія лихорадки, и смерть отъ изнуренія силъ недостаточностью пищи. Однако теперь уже нельзя сказать ни объ одной европейской странѣ, что населеніе въ ней сдерживается преимущественно болѣзнями, а тѣмъ болѣе смертью отъ голода въ прямой или непрямой формѣ. Выражаясь языкомъ Мальтуса оно сдерживается предупредительною, а не положительною задержкою. Но мнѣ кажется, что предупредительная задержка рѣдко состоитъ въ самопроизвольномъ благоразуміи класса, вполнѣ или главнымъ образомъ состоящаго изъ наемныхъ работниковъ и не ожидающаго сдѣлаться ничѣмъ другимъ. Въ Англіи, напримѣръ, земледѣльческіе работники едва ли сдерживаются сколько нибудь въ своемъ размноженіи благоразуміемъ. Вообще они женятся такъ же рано и рождаютъ столько же дѣтей, какъ если бы они были поселенцами Соединенныхъ Штатовъ. Въ годы, предшествовавшіе введенію нынѣшняго закона о бѣдныхъ, они получали самое прямое поощреніе къ этому неблагоразумію: когда они оставались безъ работы, имъ на легкихъ условіяхъ было обезпечено пропитаніе, да и тогда, когда они имѣли работу, они обыкновенно получали отъ прихода постоянное вспоможеніе соразмѣрно числу своихъ дѣтей; женатые работники съ большими семействами всегда получали работу, по близорукой экономіи, предпочтительно передъ неженатыми; этотъ послѣдній видъ преміи за размноженіе существуетъ и теперь. При такомъ поощреніи сельскіе работники пріобрѣли безразсудныя привычки, которыя столь сродны людямъ неразвитаго ума, что отчего бы ни произошли, вообще долго держатся и по уничтоженіи причинъ, прямо производившихъ эти привычки. Теперь даже въ низшихъ слояхъ общества, куда не проникаютъ движенія, волнующія поверхность, дѣйствуетъ такъ много новыхъ элементовъ, что трудно сказать что нибудь положительное объ умственномъ состояніи и практическихъ побужденіяхъ разныхъ сословій: слова, справедливыя нынѣ, могутъ потребовать значительнаго измѣненія черезъ 5 лѣтъ. Но кажется, что если бы размноженіе населенія зависѣло только отъ числа рожденій между земледѣльческими работниками и не сдерживалось смертью между ними, то въ южныхъ графствахъ Англіи оно было бы такъ же быстро, какъ въ Америкѣ. Задержка происходитъ отъ многочисленности среднихъ сословій и мастеровыхъ,—эта часть населенія въ Англіи почти равна числомъ

количеству чернорабочихъ, и благоразуміе дѣйствуетъ на нее въ значительной степени.

4. Если гдѣ нибудь рабочій классъ, не имѣвшій кромѣ рабочей платы ни собственности, ни надежды пріобрѣсти ее, удерживался отъ слишкомъ быстраго размноженія, то по моему мнѣнію, всегда бывала тутъ особенная причина,—или фактическое законодательное препятствіе, или какой нибудь обычай, отъ котораго не преднамѣренно и не замѣтно давалось направленіе образу дѣйствій работниковъ или возбуждался въ нихъ прямой разсчетъ не жениться. Публика очень мало знаетъ о томъ, что въ очень многихъ европейскихъ странахъ законъ ставитъ прямыя препятствія заключенію непредусмотрительныхъ браковъ. Значительная масса свѣдѣній объ этомъ находится въ отчетахъ, доставленныхъ нашими посланниками и консулами изъ разныхъ частей Европы первой коммиссіи, разсматривавшей законы о бѣдныхъ (Original Poor Law Commission). Синійоръ, въ предисловіи къ этимъ свѣдѣніямъ (Приложеніе F къ общему отчету коммиссіи, напечатанное также отдѣльною книгою) говоритъ, что въ странахъ, гдѣ законъ признаетъ за бѣдными право на вспоможеніе, «повсюду запрещено вступленіе въ бракъ лицамъ получающимъ пособіе, и очень рѣдко дозволяется вступать въ бракъ лицамъ, у которыхъ не предполагается средствъ къ независимому существованію. Такъ мы читаемъ, что въ Норвегіи нельзя жениться, не представивъ священнику удостовѣренія о прочныхъ средствахъ къ существованію, ручающихся за возможность содержать семейство.

«Въ Мекленбургѣ конскрипція отсрочиваетъ женитьбу до 22 года, а военная служба еще на 6 лѣтъ; кромѣ того, вступающіе въ бракъ должны имѣть жилище, — безъ этого священникъ не можетъ вѣнчать ихъ. Мужчины вступаютъ въ бракъ 25—30 лѣтъ, а женщины лишь не многимъ моложе, потому что женихъ и невѣста должны прежде заработать себѣ средства къ устройству хозяйства.

«Въ Саксоніи, мужчина, подлежащій военной службѣ, не можетъ жениться раньше 21 года. Въ Дрезденѣ ремесленники не могутъ жениться раньше, чѣмъ сдѣлаются мастерами своего цеха.

«Въ Виртембергѣ не дозволено жениться раньше 25 лѣтъ по причинѣ военной повинности, если не получено или не куплено особое разрѣшеніе на это; по достиженіи 25 лѣтъ женихъ также долженъ получить разрѣшеніе, которое дается ему по представленіи доказательствъ, что онъ и его невѣста будутъ вмѣстѣ имѣть довольно имущества, чтобы устроиться и содержать семейство;

въ большихъ городахъ это имущество должно простираться отъ 800 до 1000 флориновъ, въ малыхъ городахъ отъ 400 до 500, въ деревняхъ до 200 флориновъ» (Preface, стр. XXXIX).

«Главная причина малочисленности бѣдныхъ въ Баваріи (говоритъ англійскій посланникъ въ Мюнхенѣ) та, что законъ не дозволяетъ вѣнчать людей, не могущихъ доказать, что они имѣютъ достаточныя средства къ существованію; это правило вездѣ и всегда строго соблюдается. Постоянное и строгое его соблюденіе значительно сдерживаетъ размноженіе баварскаго населенія, слишкомъ малочисленнаго по пространству земли, но съ тѣмъ вмѣстѣ самымъ благотворнымъ образомъ предотвращаетъ крайнюю бѣдность и нищету» (Preface, стр. 33 или 554 самаго Приложенія).

«Въ Любекѣ вступленіе въ бракъ между бѣдняками замедляется требованіемъ, чтобы женихъ предварительно доказалъ, что онъ имѣетъ постоянное занятіе, профессію или работу, и можетъ содержать жену; во вторыхъ, чтобы онъ сдѣлался бюргеромъ (гражданиномъ) и обзавелся мундиромъ городской гвардіи, что стоитъ ему около 4 фунтовъ» (Приложеніе, стр. 419). — «Во Франкфуртѣ законъ не опредѣляетъ лѣтъ для вступленія въ бракъ, но разрѣшеніе на женитьбу дается только по представленіи доказательствъ, что женихъ имѣетъ средства къ жизни» (Приложеніе, стр. 567).

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ нами извѣстій упоминаютъ объ обязанности военной службы; она служитъ косвеннымъ препятствіемъ къ женитьбѣ въ нѣкоторыхъ изъ странъ, гдѣ законъ не полагаетъ прямыхъ ограниченій къ вступленію въ бракъ. Въ Пруссіи, напримѣръ, каждый здоровый человѣкъ обязанъ прослужить въ арміи нѣсколько лѣтъ, и притомъ такихъ лѣтъ, когда наиболѣе заключается непредусмотрительныхъ браковъ; надобно думать, что такое учрежденіе, какъ задержка размноженію, вполнѣ замѣняетъ прямыя юридическія ограниченія, существующія въ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ.

«Швейцарскій народъ, говоритъ Кэ, очень хорошо знаетъ по опыту, какъ полезно, чтобы молодые люди не спѣшили бракомъ; государственные совѣты 4 или 5 самыхъ демократическихъ кантоновъ постановили законы, по которымъ подвергаются тяжелому штрафу молодые люди, которые женились не доказавъ начальнику округа, что имѣютъ средства содержать семейство (не забудьте, что эти совѣты избираются всѣми совершеннолѣтними людьми кантона, т. е. посредствомъ всеобщей подачи голосовъ). Такіе законы давно

существуютъ въ Люцернѣ, Аргау, Унтервальденѣ и, если не ошибаюсь, Санъ-Галленѣ, Швицѣ и Ури (Кау, т. 1, стр, 68).

5. Гдѣ нѣтъ юридическихъ ограниченій вступленію въ бракъ, часто бываютъ равносильные тому обычаи. Когда существовали средневѣковые цехи или ремесленныя корпораціи, регламенты этихъ корпорацій были составлены съ зоркимъ вниманіемъ къ выгодности для членовъ корпораціи не имѣть многочисленныхъ соперниковъ; они достигали этого, не позволяя ремесленнику жениться, пока не пройдетъ онъ степеней ученика и подмастерья и не достигнетъ степени мастера *). Въ Норвегіи, гдѣ преобладаетъ

---

*) «Вообще, говоритъ Сисмонди, число мастеровъ въ каждой общинѣ было опредѣлено, и только мастеръ могъ имѣть лавку, покупать и продавать отъ своего имени. Мастеръ могъ имѣть только извѣстное число учениковъ; во многихъ общинахъ могъ имѣть только одного ученика. Точно также онъ могъ имѣть только извѣстное число работниковъ, называвшихся подмастерьяма, и въ тѣхъ цехахъ, гдѣ онъ могъ имѣть только одного ученика, онъ могъ имѣть также только одного подмастерья, или только двоихъ подмастерьевъ. Покупать, продавать или работать товаръ могъ только ученикъ, подмастерье или мастеръ. Подмастерьемъ можно было сдѣлаться только пробывъ извѣстное число лѣтъ ученикомъ, а сдѣлаться мастеромъ только пробывъ такое же число подмастерьемъ и представивъ сверхъ того «образцовую работу» (Chef-d'oeuvre), которая отдавалась на разсмотрѣніе цехамъ. При такой организаціи принятіе новыхъ членовъ въ цехъ совершенно зависѣло отъ мастеровъ. Только они могли брать ихъ, потому они требовали платы за принятіе ученика и часто плата бывала очень велика. Такимъ образомъ молодой человѣкъ могъ заняться ремесломъ только тогда, если предварительно имѣлъ деньги на плату мастеру за ученичество, и на содержаніе себя во время ученичества, потому что въ теченіе 4, 5 или 7 лѣтъ вся его работа принадлежала мастеру. Онъ былъ на это время въ безусловной зависимости отъ своего мастера, который по первому неудовольствію или капризу могъ преградить ему путь къ выгодному ремеслу. Сдѣлавшись подмастерьемъ, онъ пріобрѣталъ нѣсколько больше свободы: онъ могъ наниматься работать у какого ему угодно мастера, могъ переходить отъ одного мастера къ другому. Вступленіе въ подмастерья открывалось только чрезъ ученичество и подмастерье начиналъ пользоваться монополіею, отъ которой прежде терпѣлъ. Онъ былъ почти совершенно обезпеченъ въ полученіи хорошей платы за работу, которой прежде его никто не могъ заниматься. Но отъ цеха зависѣло принятіе его въ число мастеровъ, потому онъ еще не почиталъ свою судьбу устроенной, свою карьеру конченной и вообще не женился, пока не получитъ степени мастера.

Теорія и практика показываютъ, что существованіе цеховъ мѣшало и должно было мѣшать рожденію лишнихъ людей. По уставу почти всѣхъ цеховъ нельзя было сдѣлаться мастеромъ раньше 25 лѣтъ; но и мастеръ очень много лѣтъ продолжалъ работать подмастерьемъ, если не имѣлъ капитала,

*

земледѣльческій трудъ, законъ запрещаетъ нанимать работника меньше, чѣмъ на годъ (таковъ прежде былъ общій обычай и въ Англіи, но законы о бѣдныхъ уничтожили его, давъ фермеру возможность сбывать своихъ работниковъ на содержаніе прихода, когда ихъ трудъ не нуженъ ему). Благодаря этому обычаю, огражденному закономъ, всѣ земледѣльческіе работники, число которыхъ въ Норвегіи не велико, нанимаются не меньше, какъ на годичный срокъ; если работникъ и хозяинъ довольны другъ другомъ, служба эта натурально становится постоянной; потому въ каждомъ околодкѣ извѣстно, находится ли и можетъ ли скоро открыться мѣсто человѣку, желающему наняться въ работники, и если такого мѣста нѣтъ, молодой человѣкъ не женится, зная, что не найдетъ себѣ мѣста. Такой обычай еще существуетъ въ Комберлендѣ и Уэстморлендѣ, съ тою разницею, что срокъ найма не годичный а полугодичный; результаты этого обычая, кажется, таковы же. «Работники живутъ на содержаніи хозяевъ, въ ихъ домахъ и рѣдко отходятъ отъ хозяевъ, развѣ въ случаѣ смерти работника или сосѣда, когда получаютъ по наслѣдству или могутъ снять фермы. Такъ называемыя лишнія руки тутъ не существуютъ.» (Thornton, Over-Population, стр. 18, и авторы, на которыхъ онъ ссылается). Я уже упоминалъ (на стр. 203), о томъ, какъ задерживалось населеніе въ Англіи въ прошломъ столѣтіи трудностію получить отдѣльное жилище. Можно было бы указать еще на другіе обычаи, сдерживавшіе населеніе. По словамъ Сисмонди, въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи существуетъ и въ бѣдномъ сословіи существующій какъ извѣстно у высшихъ классовъ,—тотъ обычай, что изъ всѣхъ сыновей женится только одинъ; но такое семейное правило едва ли можетъ существовать между наемными работниками; его держатся мелкіе собственники и половники, чтобы не допускать землю слишкомъ дробиться.

Въ Англіи вообще уже не остается почти и слѣдовъ этихъ косвенныхъ задержекъ размноженію. Только въ приходахъ, принадлежащихъ одному или немногимъ собственникамъ, размноженіе

если не накопилъ довольно денегъ; многіе ремесленники, быть можетъ большая часть ремесленниковъ оставались подмастерьями всю жизнь. Но почти безпримѣрнымъ дѣломъ было, чтобы ремесленникъ женился до полученія званія мастера; еслибы онъ по неблагоразумію и захотѣлъ жениться, ни одинъ отецъ не захотѣлъ бы отдать дочь за человѣка необезпечившагося. Nouveaux Principes, кн. IV, гл. X. — Также Адамъ Смитъ кн. 1, глав. X, § 2.

осѣдлыхъ работниковъ иногда еще затрудняется тѣмъ, что землевладѣльцы не дозволяютъ строить новыхъ коттеджей или ломаютъ прежніе; этимъ они уменьшаютъ населеніе, которое обязаны содержать въ случаѣ нужды, но общее размноженіе населенія почти вовсе не задерживается тѣмъ: работниками въ этихъ приходахъ служатъ люди, имѣющіе осѣдлость въ другихъ приходахъ. Сосѣдніе округи всегда очень тяготятся такимъ образомъ дѣйствій, противъ котораго не могутъ защищаться подобными средствами, потому что если хотя одинъ человѣкъ, владѣющій хотя однимъ экромъ земли, не захочетъ войдти въ союзъ, то можетъ съ большею выгодою для себя разстроить все дѣло, покрывъ свой экръ коттеджами. По этимъ жалобамъ парламентъ уже разсуждалъ, не слѣдуетъ ли перенести обязанность содержанія бѣдныхъ съ приходовъ на цѣлые округи. Вообще такая мѣра была бы очень хороша, но съ ея принятіемъ уничтожился бы послѣдній остатокъ прежней задержки населенію; впрочемъ и теперь кругъ дѣйствія прежняго обычая уже не великъ, стало быть это соображеніе не имѣетъ почти никакой важности.

6. Мы видимъ, что въ сословіи земледѣльческихъ работниковъ задержки размноженію почти не существуетъ. При нынѣшнихъ своихъ привычкахъ, народъ впалъ бы въ положеніе столь же бѣдственное, какъ ирландцы, если бы значительная часть ежегодной прибыли сельскаго населенія не поглощалась развитіемъ городовъ и капитала городской промышленности, — возрастаніемъ, которое поддерживаетъ нынѣшнюю среднюю высоту платы фабричнымъ работникамъ, не смотря на ихъ быстрое размноженіе. Если бы рынокъ для нашихъ фабрикъ—не говорю уже—стѣснился, но только пересталъ расширяться съ быстротою, съ какою расширялся въ послѣднія 50 лѣтъ, то судьба ирландцевъ могла бы постигнуть и англичанъ, тѣмъ болѣе, что сами ирландцы много содѣйствуютъ тому, переселяясь въ Англію и роняя рабочую плату англичанъ своимъ согласіемъ на меньшую плату. Не будемъ доводить своихъ опасеній до мысли о такомъ бѣдствіи: можно надѣяться, что благодаря высокой и возрастающей сообразительности фабричнаго населенія оно будетъ отвращено измѣненіемъ привычекъ этого населенія, сообразно съ обстоятельствами; но настоящее положеніе работниковъ уже достаточно прискорбно въ нѣкоторыхъ изъ графствъ, почти исключительно занимающихся земледѣліемъ, напримѣръ въ Уильтширѣ, Сомерсетширѣ, Дорсетширѣ, Бедфордширѣ, Бёкингемширѣ, гдѣ земледѣльческіе работники даже въ самую рабочую по-

ру получаютъ по 7 или много по 8 шиллинговъ въ недѣлю. Положеніе этихъ работниковъ, имѣющихъ многочисленныя семейства, сдѣлалось въ послѣднее время однимъ изъ главныхъ предметовъ общаго состраданія; пора и имъ воспользоваться правилами проистекающими изъ здраваго смысла.

Къ несчастью, люди, разсуждая о подобныхъ предметахъ, руководятся обыкновенно не здравымъ смысломъ, а сантиментальностью; растетъ сочувствіе къ несчастіямъ бѣдняковъ и готовность признавать ихъ права на помощь со стороны другихъ людей, но съ тѣмъ вмѣстѣ почти никто не хочетъ прямо взглянуть на истинную причину ихъ тяжелаго положенія, никто не хочетъ сообразить условій, необходимыхъ по законамъ природы для улучшенія ихъ матеріальнаго быта. Никогда и нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не было столько, какъ теперь въ Англіи, разсужденій о положеніи работниковъ, сожалѣній о его бѣдственности, выходокъ противъ людей, кажущихся равнодушными къ нему, разныхъ проэктовъ для его улучшенія; но разсуждающіе какъ будто согласились между собою не думать совершенно о принципѣ, опредѣляющемъ рабочую плату, или мимоходомъ отдѣлываться отъ него какою нибудь фразою въ родѣ выраженія: «безжалостный мальтусіянизмъ»; какъ будто бы не въ тысячу разъ безжалостнѣе бываетъ говорить людямъ, что они могутъ раждать безчисленное множество существъ, навѣрное обреченныхъ нищетѣ и почти неизбѣжно обреченныхъ пороку, не говорить людямъ, что они не должны этого дѣлать. Тутъ забываютъ, что привычка, порицать которую называютъ дѣломъ жестокимъ, — что эта привычка въ отцѣ составляетъ унизительное порабощеніе животному инстинкту, а у матери обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ безпомощной покорности возмутительному злоупотребленію власти.

Пока люди оставались въ полуварварскомъ положеніи, имѣли безпечность дикарей съ неразвитыми потребностями, вѣроятно было бы вредно сдерживать размноженіе. На этой степени развитія матеріальная нужда быть можетъ служила человѣку необходимымъ возбужденіемъ къ трудолюбію и умственной дѣятельности для совершенія величайшаго изъ всѣхъ историческихъ переворотовъ въ человѣческомъ бытѣ, — переворота, по которому промышленная жизнь восторжествовала надъ охотническою и пастушескою, и надъ воинственнымъ или хищническимъ бытомъ. Въ тѣ времена имѣла свою пользу крайняя бѣдность, какъ имѣло свою пользу даже рабство; быть можетъ и теперь остаются на землѣ такія страны, въ

которыхъ они еще не потеряли своей пользы, хотя легко потеряли бы ее при помощи со стороны болѣе образованныхъ обществъ. Но въ Европѣ если когда нибудь существовало, то давно уже прошло время, когда матеріальная нищета могла сколько нибудь содѣйствовать тому, чтобы люди трудолюбивѣе работали или цивилизовались. Напротивъ, каждый видитъ, что еслибы положеніе земледѣльческихъ работниковъ улучшилось, они стали бы болѣе усердными работниками и болѣе хорошими гражданами. Теперь я спрашиваю, правда ли, что они стали бы получать болѣе высокую плату, если бы число ихъ было меньше. Въ этомъ состоитъ вопросъ и напрасно отвлекать отъ него вниманіе нападеніями на какую нибудь второстепенную мысль Мальтуса или какого нибудь другаго писателя, и увѣреніями, что опровергнуть эту мысль значитъ опровергнуть принципъ населеній. Нѣкоторые, напримѣръ, одерживали легкую побѣду надъ словами, сказанными у Мальтуса мимоходомъ и только въ видѣ пояснительнаго примѣра, что возрастаніе пищи можетъ опредѣляться арифметической прогрессіей, между тѣмъ какъ населеніе возрастаетъ въ геометрической. Каждый безпристрастный читатель знаетъ, что Мальтусъ не придавалъ никакой важности этой неудачной попыткѣ опредѣлить съ математической точностью отношенія, не допускающія такой точности, и каждый мыслящій человѣкъ долженъ понимать, что справедливость его выводовъ нимало не зависитъ отъ этой попытки. Другіе придавали громадную важность измѣненію терминологіи, сдѣланному новѣйшими политико-экономами и только исправляющему неточность выраженій, употреблявшихся первыми послѣдователями Мальтуса, говорившими иногда, что населеніе имѣетъ тенденцію «увеличиваться быстрѣе» средствъ продовольствія. Это выраженіе было справедливо въ томъ смыслѣ, какой они придавали ему, — въ томъ смыслѣ, что населеніе въ большей части случаевъ стало бы размножаться быстрѣе средствъ продовольствія, если бы не сдерживалось или смертью или благоразуміемъ. Но въ разное время и въ разныхъ странахъ эти задержки дѣйствуютъ не съ одинаковою силою, потому слова: «населеніе имѣетъ тенденцію возрастать быстрѣе средствъ продовольствія» можно было перетолковать въ томъ смыслѣ, будто бы писатели, его употреблявшіе, говорили, что населеніе обыкновенно перерастаетъ средства къ продовольствію и бѣдность народа увеличивается. Перетолковывая такъ ихъ слова, утверждали, что они противорѣчатъ истинѣ, что по мѣрѣ развитія цивилизаціи благоразуміе имѣетъ свой-

ство становиться все болѣе и болѣе сильною задержкою размноженію, а перевѣсъ размноженія надъ возрастаніемъ пищи все ослабѣваетъ, что несправедливо мнѣніе, будто бы въ обществѣ, положеніе котораго улучшается, населеніе имѣетъ тенденцію возрастать быстрѣе продовольствія, или хотя наравнѣ съ продовольствіемъ. Слово «тенденція» употребляется тутъ въ смыслѣ совершенно различномъ отъ того, въ какомъ употребляли его писатели, мнѣнія которыхъ опровергаются; но оставляя споръ о словахъ, спросимъ: развѣ не согласны обѣ спорящія стороны въ томъ, что въ старыхъ странахъ населеніе слишкомъ близко тяготѣетъ къ предѣлу средствъ продовольствія? Это тяготѣніе уменьшается по мѣрѣ улучшенія понятій и привычекъ бѣднѣйшаго класса работниковъ, и можно полагать, что въ прогрессирующей странѣ всегда есть нѣкоторая тенденція къ такому улучшенію; но она до сихъ поръ была и до сихъ поръ еще остается чрезвычайно слаба, напримѣръ она еще не развилась на столько, чтобы дать уильтширскимъ работникамъ плату выше 8 шиллинговъ въ недѣлю; потому единственный вопросъ состоитъ въ томъ, достаточна ли такая плата для обезпеченія работниковъ? если не достаточна, то вотъ уже мы имѣемъ на фактѣ, что населеніе слишкомъ велико сравнительно съ фондомъ рабочей платы; была ли эта не пропорціональность когда нибудь столь же тяжела, или еще тяжелѣе, это не имѣетъ для практики никакого значенія, кромѣ того, что если отношеніе числа работниковъ къ фонду рабочей платы оказывается улучшающимся, то мы имѣемъ основаніе полагать, что при надлежащемъ содѣйствіи оно можетъ быть улучшено еще больше и быстрѣе.

Впрочемъ истинная теорія въ этомъ случаѣ встрѣчаетъ себѣ препятствіе не въ логическихъ доводахъ, а въ чувствѣ нелюбви къ ней, — чувствѣ, которое покорится непріятной истинѣ только по истощеніи всѣхъ уловокъ, которыми можетъ уклоняться отъ признанія этой истины. Потому необходимо войдти въ подробное разсмотрѣніе этихъ уловокъ и поочередно брать приступомъ всѣ позиціи, на которыя становятся враги принципа населенія въ своей рѣшимости найти для работника какое нибудь избавленіе, какое нибудь правдоподобное средство улучшить ихъ положеніе не требуя отъ нихъ ни вынужденныхъ, ни добровольныхъ усилій надъ ихъ привычками, не требуя, чтобы они болѣе нынѣшняго сдерживали животную силу размноженія. Это будетъ предметомъ слѣдующей главы.

ГЛАВА XII.

ПОПУЛЯРНЫЯ СРЕДСТВА ПРОТИВЪ ПОНИЖЕНІЯ РАБОЧЕЙ ПЛАТЫ.

1. Изъ всѣхъ средствъ, какія можно выдумать для возвышенія рабочей платы до желаемаго размѣра, самое простое было бы— опредѣлить закономъ размѣръ этой платы; и въ сущности именно такова цѣль множества разныхъ плановъ, предлагавшихся въ разныя времена и предлагаемыхъ до сихъ поръ для преобразованія отношеній между работниками и хозяевами. Едва ли когда нибудь предлагалось опредѣлить рабочей платѣ совершенно неизмѣнную величину, потому что интересы и работниковъ и хозяевъ одинаково требуютъ иногда ея измѣненія; но нѣкоторые предлагали опредѣлить наименьшую величину рабочей платы, оставляя дѣйствію соперничества ея колебанія выше этого предѣла. Многихъ защитниковъ между предводителями работниковъ нашелъ другой планъ, предлагающій образовать особенные совѣты, подъ названіемъ «мѣстныхъ промышленныхъ палатъ» (local boards of trade) въ Англіи, «посредническихъ совѣтовъ» (Conseils de prud'hommes), во Франціи и т. д.: эти совѣты состояли бы изъ депутатовъ отъ работниковъ и отъ хозяевъ; послѣ надлежащихъ объясненій между собою депутаты эти опредѣляли бы и объявляли бы обязательную для всѣхъ, и хозяевъ и работниковъ, величину рабочей платы; основаніемъ рѣшенія было бы не положеніе рабочаго рынка, а естественная справедливость, съ тѣмъ, чтобы рабочіе получали «удовлетворительную плату», а капиталисты—«удовлетворительную прибыль».

Третій планъ предлагался не самими работниками, а филантропами, симпатизирующими рабочему классу, но боящимися допускать вмѣшательство власти въ договоры по найму труда; они боятся, что вмѣшательство закона въ эти дѣла сопровождалось бы опрометчивостью и незнаніемъ; они убѣждены, что если двѣ партіи съ противоположными интересами вздумаютъ соглашать эти интересы переговорами съ своими представителями по принципамъ справедливости, при невозможности опредѣлить правиломъ въ чемъ считать тутъ справедливость, то несогласіе между ними не примирится, а только ожесточится. Но эти люди хотятъ совершить помощью моральной санкціи дѣло, не допускающее юридической санкціи. По

ихъ мнѣнію каждый хозяинъ *обязанъ* давать *достаточную* рабочую плату, и если не дастъ ея добровольно, долженъ быть принуждаемъ къ тому общественнымъ мнѣніемъ; размѣръ достаточной платы опредѣляется мнѣніемъ этихъ людей, или мнѣніемъ, какое они думаютъ видѣть въ обществѣ. Мнѣ кажется, что въ этихъ словахъ я вѣрно представилъ теорію рабочей платы, какую имѣетъ относительно рабочей платы довольно большое число людей.

Я ограничу свои замѣчанія самымъ принципомъ всѣхъ этихъ плановъ, не выставляя ихъ практическихъ затрудненій, хотя очевидна серьезность практическихъ затрудненій къ ихъ осуществленію. Я предположу, что тѣмъ или другимъ изъ этихъ способовъ рабочая плата могла бы быть удержана выше величины, какую получила бы при соперничествѣ. Предположить это, значитъ предположить, что она стояла бы выше наибольшей величины, какая можетъ поддерживаться существующимъ капиталомъ при занятіи всѣхъ работниковъ трудомъ. Соперничество не только понижаетъ рабочую плату,—думать такъ, значитъ ошибаться,—оно также служитъ средствомъ ея возвышенія. Если есть незанятые работники, не содержимые благотворительными пособіями, они становятся соискателями работы и рабочая плата падаетъ; но когда всѣ бывшіе безъ работы нашли себѣ работу, рабочая плата не станетъ больше падать при самой свободной системѣ соперничества. Есть у многихъ странныя понятія о свойствахъ соперничества; есть люди, воображающіе, что дѣйствію соперничества нѣтъ предѣловъ, что соперничество продавцовъ можетъ понижать цѣны, и соперничество работниковъ понижать рабочую плату до нуля, или какой то неопредѣленно малой величины. Это—совершенная ошибка. Товаръ можетъ понижаться въ цѣнѣ соперничествомъ только до предѣла, вызывающаго число покупщиковъ, достаточное для сбыта товара; а рабочая плата можетъ понижаться соперничествомъ только до того предѣла, на которомъ всѣ работники получатъ долю въ распредѣленіи фонда рабочей платы. Если она упадетъ ниже этого предѣла, часть капитала останется безъ занятія по недостатку работниковъ, начнется обратное соперничество со стороны капиталистовъ, и рабочая плата поднимется.

Мы видимъ, что при соперничествѣ рабочая плата имѣетъ такую величину, при которой весь фондъ этой платы распредѣляется между всѣми работниками; если законъ или общественное мнѣніе успѣетъ поднять рабочую плату выше этой величины, нѣкоторые работники останутся безъ занятія; а филантропы не имѣютъ на-

мѣренія, чтобы эти работники умерли съ голода, стало быть для нихъ нужно насильственно увеличить фондъ рабочей платы, надобно ввести обязательное сбереженіе. Опредѣлить наименьшую величину рабочей платы будетъ безполезно, если не принять мѣръ, чтобы находилась работа, или по крайней мѣрѣ рабочая плата для каждаго требующаго. Это составляетъ необходимую часть плана, и принимается многими людьми, не согласными на юридическое или нравственное опредѣленіе наименьшей величины рабочей платы. Въ обществѣ распространено мнѣніе, что на богатыхъ людяхъ или на государствѣ лежитъ обязанность доставлять занятія всѣмъ бѣднымъ. Если нравственное вліяніе общественнаго мнѣнія не заставляетъ богатыхъ ограничивать свое потребленіе на столько, чтобы дать всѣмъ бѣднымъ работу за «удовлетворительную плату», то вмѣняется въ обязанность государству установлять для этой цѣли налоги по округамъ или по всему государству. Этимъ способомъ предполагаютъ измѣнить пропорцію между трудомъ и фондомъ рабочей платы въ выгоду работниковъ не черезъ задержку размноженія, а черезъ увеличеніе капитала.

2. Если бы это требованіе отъ общества могло быть ограничено нынѣшнимъ поколѣніемъ; если бы нужно было только обязательное накопленіе, достаточное на снабженіе существующаго числа людей постоянною работою за хорошую плату, то никто не былъ бы такимъ ревностнымъ поборникомъ этого предложенія, какъ я. Общество состоитъ главнымъ образомъ изъ людей, живущихъ физическимъ трудомъ, и если общество, т. е. если работники ограждаютъ своею физическою силою безопасность людей, пользующихся излишествомъ, то они имѣютъ право ограждать ихъ только подъ условіемъ облагать этотъ излишекъ налогами для общественной пользы, и огражденіе всегда давалось только подъ этимъ условіемъ; а изъ предметовъ общественной пользы самый первый — продовольствіе народа. Никто не отвѣчаетъ за то, что онъ родился; потому нѣтъ такой денежной жертвы, которую люди, имѣющіе излишекъ, не были бы обязаны сдѣлать для доставленія довольства каждому изъ людей, уже родившихся на свѣтъ.

Но совершенно иное дѣло, когда требуютъ, чтобы люди, которые произвели и накопили капиталъ, воздерживались отъ потребленія, пока снабдятъ пищею и одеждою не только всѣхъ существующихъ нынѣ людей, а также и всѣхъ, которымъ эти люди или ихъ потомки заблагоразсудятъ дать жизнь. Принятіе и исполненіе такого обязательства уничтожило бы всѣ положительныя и

предупредительныя задержки размноженію; населеніе стало бы безпрепятственно размножаться со всею возможною быстротою; а естественное возрастаніе капитала было бы никакъ не быстрѣе прежняго; потому для покрытія возрастающаго дефицита налогъ сталъ бы возрастать въ той же гигантской пропорціи, какъ населеніе. Конечно, общество стало бы пытаться требовать труда въ замѣнъ вспоможенію. Но опытъ показалъ, какой работы слѣдуетъ ожидать отъ людей, содержимыхъ общественною благотворительностію. Когда не плата дается за работу, а работа пріискивается для платы, успѣшность работы—дѣло извѣстное. Заставить дѣйствительно трудиться работниковъ, которымъ нельзя отказать въ работѣ,—этого можно достичь только бичемъ. Конечно есть способъ устранить это возраженіе. Фондъ, собираемый налогомъ, можно вообще раздѣлять по всему рабочему рынку, не давая ни одному не занятому работнику права требовать вспоможенія въ какомъ нибудь особенномъ мѣстѣ, у особеннаго чиновника,—кажется такъ и предполагали сдѣлать французскіе приверженцы «права на работу» (droit au travail). Тогда осталась бы возможность отказывать въ работѣ отдѣльнымъ работникамъ; правительство только стало бы создавать добавочную работу въ случаѣ недостатка работы, предоставляя себѣ выборъ работниковъ, какъ имѣютъ его другіе хозяева. Но какъ бы успѣшно ни работало возрастающее населеніе, оно не могло бы увеличивать продукта пропорціонально своему размноженію, — мы говорили объ этомъ много разъ; излишекъ, остающійся за прокормленіемъ всѣхъ членовъ общества, составлялъ бы все меньшую и меньшую пропорцію сравнительно съ цѣлымъ продуктомъ и населеніемъ при размноженіи народа по постоянной прогрессіи, и возрастаніемъ продукта по уменьшающейся прогрессіи былъ бы со временемъ поглощенъ весь излишекъ, налогъ на содержаніе бѣдныхъ поглотилъ бы весь доходъ страны; лица, платящія налогъ и содержимыя на него, слились бы въ одну массу. Тогда уже нельзя было бы отсрочить дѣйствіе задержки размноженію, смерть или благоразуміе должны были бы вдругъ начать задерживать его, а между тѣмъ въ предъидущій періодъ погибло бы все, чѣмъ человѣческій родъ возвышается надъ обществомъ муравьевъ или бобровъ.

Эти результаты были столько разъ и такъ ясно высказываемы знаменитыми писателями въ общеизвѣстныхъ и общедоступныхъ книгахъ, что незнаніе ихъ непростительно образованнымъ людямъ. Еще безчестнѣе человѣку, берущему на себя претензію учить об-

щество, игнорировать эти выводы, проходить ихъ молчаніемъ и разсуждать или декламировать о налогѣ въ пользу бѣдныхъ такъ, какъ будто эти доводы не то что могутъ быть опровергнуты, но какъ будто они вовсе не существуютъ.

Каждый имѣетъ право жить. Это мы предполагаемъ безспорно. Но никто не имѣетъ права давать жизнь существамъ, которыхъ обязаны будутъ содержать другіе люди. Кто хочетъ настаивать на первомъ изъ этихъ правъ, долженъ отказаться отъ всякой претензіи на второе. Если человѣкъ не можетъ содержать даже самаго себя безъ помощи другихъ, эти другіе имѣютъ право сказать, что не берутъ на себя обязанности содержать всѣхъ дѣтей, произвести которыхъ на свѣтъ имѣетъ онъ физическую способность. А между тѣмъ есть множество писателей и ораторовъ, и въ томъ числѣ людей съ самыми хвастливыми претензіями на возвышенность чувствъ, — множество писателей и ораторовъ, которые имѣютъ на жизнь такой живописный взглядъ, что называютъ жестокосердіемъ мѣшать нищимъ рождать наслѣдственныхъ нищихъ въ самомъ уоркгаузѣ. Потомство нѣкогда съ изумленіемъ станетъ спрашивать, что это былъ за народъ, въ которомъ такіе проповѣдники могли находить прозелитовъ?

Государство могло бы гарантировать работу съ хорошею платою всѣмъ уже родившимся на свѣтъ. Но если оно сдѣлаетъ это, оно для самоохраненія, и по требованію всѣхъ цѣлей, для которыхъ существуетъ правительство, должно принять мѣры, чтобы не родился ни одинъ человѣкъ безъ его согласія. При отстраненіи естественныхъ побужденій къ самообладанію, на мѣсто ихъ надобно поставить другія побужденія. Необходимы будутъ ограниченія права вступать въ бракъ, не менѣе строгія, чѣмъ существующія въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ, или строгія наказанія людямъ, которые рождаютъ дѣтей, не будучи въ состояніи содержать ихъ. Общество можетъ кормить нуждающихся, если беретъ подъ свой контроль ихъ размноженіе, или, будучи лишено всякаго нравственнаго чувства къ несчастнымъ дѣтямъ, можетъ оставить размноженіе на произволъ нуждающихся, оставляя ихъ самихъ безъ помощи. Но оно не можетъ безнаказано принять на себя прокормленіе нуждающихся, оставляя имъ свободу размножаться.

Щедро давать вспоможеніе народу подъ именемъ благотворительности или работы, значитъ расточать средства благотворительности не достигая цѣли, если народъ вмѣстѣ съ этимъ не

окружается вліяніями, сообщающими силу побужденіямъ къ воздержности.

Оставьте народъ въ такомъ положеніи, чтобы его благосостояніе явнымъ образомъ зависѣло отъ числа людей—въ этомъ случаѣ принесетъ наибольшую прочную пользу всякое пожертвованіе, дѣлаемое съ цѣлью улучшить матеріальное благосостояніе нынѣшняго поколѣнія и возвысить черезъ это привычки подрастающаго поколѣнія. Но если вы устраните зависимость рабочей платы отъ числа людей, если закономъ или общественнымъ мнѣніемъ обезпечите людямъ извѣстную плату, то какое бы ни дали вы благосостояніе людямъ, они и ихъ дѣти не поймутъ, что собственная воздержность должна служить истиннымъ средствомъ поддержать это благосостояніе; они будутъ только съ ожесточеніемъ требовать, чтобы вы продолжали обезпечивать судьбу ихъ и всему потомству, какое могутъ они имѣть.

По этимъ причинамъ нѣкоторые писатели безусловно осуждали англійскій законъ о бѣдныхъ; и вообще всякую систему вспоможенія здоровымъ людямъ, не соединенную съ систематическими законодательными предосторожностями противъ излишняго размноженія. Знаменитый законъ 43 года царствованія Елисаветы возлагаетъ на обязанность общества снабженіе всѣхъ нуждающихся здоровыхъ людей работою и рабочею платою.

Если бы обѣщаніе этого закона совершенно исполнялось, а администрація исполняющая его, не принимала мѣръ къ нейтрализированію естественныхъ тенденцій такой благотворительности, то подать въ пользу бѣдныхъ нынѣ конечно поглощала бы весь чистый продуктъ земли и труда въ Англіи. Потому неудивительно, что Мальтусъ и первые его послѣдователи возставали противъ всякаго закона о вспоможеніи здоровымъ людямъ. Только послѣ долгаго опыта и внимательнаго разбора разныхъ способовъ оказывать такое вспоможеніе можно было увѣриться, что по закону и на дѣлѣ возможно признавать безусловное право на вспоможеніе отъ общества, не производя роковаго ослабленія въ трудѣ и въ благоразуміи, задерживающемъ размноженіе. Но это было вполнѣ доказано изслѣдованіемъ первой коммиссіи, разсматривавшей законъ о бѣдныхъ (Original Poor Law Commissioners). Эту коммиссію называютъ враждебною принципу вспоможенія по закону, но такое мнѣніе несправедливо: она представила первое и полное доказательство тому, что возможенъ такой законъ, который признавалъ бы право на вспоможеніе, не вредя постояннымъ интересамъ ра-

бочаго класса и потомства. Собравъ факты, доказанные опытомъ въ разныхъ англійскихъ приходахъ, коммиссія обнаружила, что право на вспоможеніе можетъ быть очищено отъ вреднаго вліянія на мысли и привычки людей, если вспоможеніе, при всей своей щедрости, сопровождается условіями, непріятными для людей,—нѣкоторымъ ограниченіемъ свободы и отнятіемъ нѣкоторыхъ пріятныхъ удобствъ. Надобно считать неоспоримо доказаннымъ дѣломъ, что при такомъ условіи общество можетъ не оставлять ни одного изъ своихъ членовъ на произволъ судьбы; что общество можетъ и потому обязано обезпечивать каждаго своего члена отъ крайней нужды, что даже люди, не могущіе сами найти себѣ средствъ къ жизни, не должны непремѣнно подвергаться матеріальной нуждѣ или страху нужды, а должны только терпѣть отказъ въ нѣкоторыхъ удобствахъ и принужденно соблюдать строгую дисциплину. Это уже составляетъ для человѣчества нѣкоторый выигрышъ, важный самъ по себѣ, но еще болѣе важный какъ первый шагъ къ лучшему; и самые злые враги человѣчества тѣ, которые сознательно или непреднамѣренно возбуждаютъ ненависть къ этому закону или къ принципамъ, изъ которыхъ онъ возникъ.

3. Разсмотрѣвъ планы для опредѣленія рабочей платы и для искусственнаго снабженія всѣхъ желающихъ работать достаточною платою за работу, мы должны теперь разсмотрѣть другой разрядъ распространенныхъ въ публикѣ плановъ о возвышеніи рабочей платы,—плановъ, не стремящихся нарушать свободу договора, предоставляющихъ рыночному соперничеству опредѣлять рабочую плату, но желающихъ вознаграждать работниковъ какими нибудь вспомогательными средствами за недостаточность рабочей платы, когда плата кажется недостаточною. Такова была система, которой приходскія начальства слѣдовали съ начала нынѣшняго вѣка до 1834 года, и которая извѣстна подъ именемъ прибавочной системы (Allowance System). Она была введена когда рядъ неурожаевъ и продолжительная дороговизна хлѣба сдѣлали рабочую плату недостаточною для снабженія семей земледѣльческихъ работниковъ привычными для нихъ средствами жизни. Начальства сельскихъ округовъ начали тогда давать людямъ, занятымъ работою у частныхъ хозяевъ, пособіе отъ прихода, руководясь чувствомъ состраданія и господствовавшею тогда въ правительствѣ мыслью, что народъ не долженъ страдать за то, что обогатилъ государство своимъ размноженіемъ. Разъ будучи принято, это правило быстро развилось до большаго размѣра по прямому разсчету

фермеровъ, которымъ оно давало возможность сложить съ себя на другихъ жителей прихода часть расходовъ по содержанію работниковъ. Основною цѣлью этого вспоможенія открыто выставлялось то, чтобы уравновѣсить средства къ жизни каждаго семейства съ его нуждами; естественнымъ послѣдствіемъ было, что женатому слѣдуетъ давать больше вспоможенія, чѣмъ холостому, а человѣку съ большимъ числомъ дѣтей больше, чѣмъ бездѣтному; вообще назначалось особенное пособіе на каждаго ребенка. Но по своей сущности эта система вспоможеній можетъ и не заключать въ себѣ такого прямаго и положительнаго поощренія къ размноженію: прибавочное пособіе рабочей платѣ можетъ имѣть одну опредѣленную величину для всѣхъ работниковъ; это изъ всѣхъ возможныхъ формъ прибавочной системы наименѣе вредная форма, потому положимъ, что принята именно такая форма.

Очевидно, что выдача такого пособія тоже самое, что опредѣленіе наименьшаго размѣра рабочей платы; разница лишь въ томъ, что хозяину дозволяется покупать трудъ по его рыночной цѣнѣ и недочетъ выплачивается работнику изъ общественныхъ денегъ. Къ этому косвенному способу гарантированія наименьшей рабочей платы примѣняются всѣ возраженія, выставленныя нами противъ прямаго способа. Работникамъ дается тутъ обѣщаніе, что всѣ они будутъ имѣть извѣстную рабочую плату, сколько бы ихъ ни было; этимъ устраняются всѣ положительныя и нравственныя задержки безграничнаго размноженія. Но кромѣ затрудненій, свойственныхъ всѣмъ планамъ опредѣленія величины рабочей платы безъ опредѣленія величины населенія, прибавочная система имѣетъ еще свою особенную нелѣпость. Она неизбѣжно отнимаетъ у рабочей платы одною рукою то, что прибавляетъ къ ней другою рукою. Рабочая плата имѣетъ наименьшую величину, опредѣляемую или физическою возможностью существованія, или привычками работниковъ. Положимъ, что эта величина—7 шиллинговъ въ недѣлю. Возмутившись скудостью этой жалкой платы, приходское начальство сострадательно прибавляетъ къ ней столько, что выходитъ 10 шиллинговъ. Но работники привыкли жить на 7 шиллинговъ и хотя съ удовольствіемъ стали бы получать больше, но скорѣе станутъ жить на 7 шиллинговъ, чѣмъ сдерживать инстинктъ размноженія, — это показываетъ опытъ. Вспоможеніе отъ прихода не измѣнитъ ихъ привычекъ къ лучшему. Получая 3 шиллинга отъ прихода, они станутъ жить не хуже прежняго, хотя бы размножились на столько, чтобы плата понизилась до 4 шиллинговъ.

Они и размножатся до этого числа; а быть можетъ и безъ размноженія ихъ въ уоркгаузѣ находится столько незанятыхъ работниковъ, что плата немедленно понизится до этой цифры. Извѣстно, что прибавочная система на самомъ дѣлѣ дѣйствовала такимъ способомъ, и что подъ ея вліяніемъ рабочая плата въ Англіи понизилась до небывалой степени. Въ прошломъ вѣкѣ, когда въ распредѣленіи пособій держались суровой системы, населеніе размножалось медленно и рабочая плата земледѣльцамъ была значительно выше величины, едва отвращающей голодную смерть. При прибавочной системѣ народъ сталъ размножаться такъ быстро, и рабочая плата такъ упала, что получая кромѣ рабочей платы пособіе, работники имѣли меньше, чѣмъ прежде составляла одна рабочая плата. Когда работникъ долженъ содержаться только рабочею платою, то находится величина, ниже которой она не можетъ оставаться. Если она падаетъ ниже величины, необходимой для поддержки прежняго количества населенія, то она поднимется до этой величины уменьшеніемъ населенія. Но если недостаточность рабочей платы пополняется принужденнымъ сборомъ со всѣхъ, имѣющихъ какія нибудь средства давать, то рабочая плата можетъ упасть ниже величины, нужной на прокормленіе, она можетъ упасть почти до нуля. Теперь уничтожена эта несчастная система, которая хуже всѣхъ другихъ возможныхъ злоупотребленій подобнаго рода, потому что при ней обращается въ нищихъ не одна остающаяся безъ работы часть населенія, а все населеніе; объ этой вредной формѣ пособія можно сказать то, чего нельзя сказать о другихъ вредныхъ формахъ: никто не высказываетъ желанія, чтобы она была возобновлена.

4. Но если по всей вѣроятности исчезло это заблужденіе, то еще остается очень популярнымъ другой планъ помогать недостатку рабочей платы пособіями. Этотъ планъ гораздо лучше прибавочной системы и въ нравственномъ и въ общественномъ отношеніяхъ, но онъ представляетъ ту опасность, что приводитъ къ такому же экономическому результату, какъ она. Я говорю о превозносимой до небесъ участковой системѣ (Allotment system). Она также имѣетъ цѣлью вознаграждать работника за недостаточность его платы, давая ему другія средства къ жизни въ дополненіе къ платѣ. Но она не беретъ эти средства изъ налога въ пользу бѣдныхъ, а даетъ работнику возможность пріобрѣтать ихъ съ небольшаго куска земли, который беретъ онъ въ наемъ и воздѣлываетъ какъ огородъ, безъ помощи рабочаго скота; съ этого участка со-

бирастъ онъ картофель и овощи для домашняго потребленія, а часть собираемаго можетъ оставаться у него и на продажу. Если онъ снимаетъ землю уже удобренную, онъ платитъ за нее очень дорого, иногда столько, что приходилось бы 8 фунтовъ за экръ по такому разсчету; но его трудъ и трудъ его семьи не стоитъ ему ничего; потому даже и при такой высокой рентѣ остается въ выгодѣ нѣсколько фунтовъ *). Защитники этой системы много твердятъ о томъ, что участокъ долженъ служить прибавленіемъ къ рабочей платѣ, а не замѣною ея; по ихъ словамъ величина участка должна быть такова, чтобы онъ не кормилъ работника, а лишь давалъ ему (при помощи его жены и дѣтей) достаточное занятіе для досужихъ часовъ и дней, какіе остаются у человѣка при довольно правильной работѣ по найму у фермера. Обыкновенно они говорятъ, что величина участка должна быть не больше одной четверти экра или отъ одной четверти до одной половины экра. Если она больше этого, то участокъ, по ихъ словамъ, не займетъ всего времени у работника, а лишь сдѣлаетъ его плохимъ и не аккуратнымъ слугою въ наемномъ трудѣ; а если участокъ такъ великъ, что можетъ кормить работника, избавляя его отъ надобности работать по найму, то, по ихъ словамъ, участокъ сдѣлаетъ его ирландскимъ коттеромъ; эти слова не лишены справедливости при обыкновенной громадности ренты, требуемой за участокъ. Но въ своей заботливости не допустить коттерства, эти благонамѣренные люди не замѣчаютъ, что если система ими защищаемая не коттерство, то по своей сущности она ни больше ни меньше какъ система конэкровъ.

Поправлять недостаточность рабочей платы средствами, дающими чистую прибавку къ валовому продукту страны, конечно не то, что покрывать этотъ недостатокъ суммами, собираемыми посредствомъ налоговъ. Помогать работнику чрезъ посредство его собственнаго труда конечно не то, что давать ему пособіе способомъ, развивающимъ въ немъ беззаботность и праздность. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ участковая система имѣетъ безспорное преимущество надъ системою прибавочнаго пособія отъ прихода. Но я не вижу причинъ думать, чтобы двѣ эти системы существенно разнились по своему вліянію на рабочую плату и на размноженіе. Всѣ пособія, пополняющія рабочую плату, даютъ работнику возможность брать меньше вознагражденія и потому въ

*) Факты объ этомъ собраны коммиссіею, изслѣдовавшею вліяніе закона о бѣдныхъ.

окончательномъ результатѣ понижаютъ цѣну труда на всю ту сумму, какую получаетъ работникъ изъ этихъ источниковъ. Иначе можетъ быть лишь въ томъ случаѣ, если измѣняются понятія и потребности рабочаго класса, если удовлетвореніе своимъ инстинктамъ начинаютъ считать они дѣломъ, менѣе важнымъ для себя, чѣмъ увеличеніе житейскаго благосостоянія своего и своихъ близкихъ. Мнѣ кажется нельзя ожидать, чтобы такую перемѣну въ характерѣ работниковъ могла произвести участковая система. Владѣніе землею дѣлаетъ работника предусмотрительнымъ, говорятъ намъ на это нѣкоторые писатели. Его дѣлаетъ предусмотрительнымъ поземельная собственность или равносильное ей право вѣчнаго владѣнія на неизмѣнныхъ условіяхъ, но простой наемъ земли на годичный срокъ никогда не обнаруживалъ такого дѣйствія. Дѣлаетъ ли владѣніе землею предусмотрительнымъ ирландскаго работника? Правда, есть много свидѣтельствъ о томъ, что полученіе участковъ имѣло полезное вліяніе на характеръ и состояніе работниковъ. Я не оспариваю достовѣрности этихъ свидѣтельствъ. Таковъ и долженъ быть результатъ, пока лишь немногіе работники имѣютъ участки, пока это люди привиллегированнаго класса, стоящіе выше общаго уровня и не желающіе упасть до него. При томъ же это всегда бывали съ самаго начала люди отборные, взятые изъ самыхъ лучшихъ людей между работниками. Это преимущество соединено однако же съ тою невыгодою, что тутъ облегчается женитьба и рожденіе дѣтей именно для тѣхъ, которые были бы всего готовѣе удерживаться отъ размноженія благоразуміемъ. Но по своему вліянію на состояніе всего рабочаго класса, эта система кажется мнѣ или пустою или вредною. Если участки даются лишь немногимъ работникамъ, они естественно даются тѣмъ, которые лучше другихъ жили бы и безъ участковъ, и цѣлому сословію нѣтъ никакой пользы. А если бы система обобщилась и каждый или почти каждый работникъ имѣлъ участокъ, результатъ по моему мнѣнію былъ бы тотъ же самый, какъ если бы каждый или почти каждый работникъ получалъ пособіе въ пополненіе рабочей платы. Если бы въ концѣ прошлаго вѣка вмѣсто прибавочной системы была принята по всей Англіи участковая система, то несомнѣнно, что она точно также уничтожила бы прежнія задержки размноженію, что населеніе стало бы размножаться точно съ такою же быстротою, и чрезъ 20 лѣтъ рабочая плата вмѣстѣ съ участкомъ точно также не превышала бы прежней платы безъ всякаго участка, какъ рабочая плата съ приба-

вочнымъ пособіемъ не превышала прежней платы безъ пособія. На сторонѣ участковой системы было бы одно то преимущество, что по ней самъ народъ вырабатывалъ бы пособіе себѣ.

Но я готовъ совершенно согласиться въ томъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ рабочая плата не понижается, а возвышается, если масса работниковъ имѣетъ землю даже и не въ собственности, а въ наймѣ за умѣренную ренту. Но обстоятельства эти состоятъ въ томъ, когда земля дѣлаетъ работниковъ независимыми отъ наемной работы въ полученіи средствъ пропитанія. Положеніе народа, живущаго рабочею платою и получающаго отъ земли только прибавочный доходъ, совершенно не таково, какъ положеніе народа, который можетъ въ случаѣ необходимости жить однимъ продуктомъ своей земли и нанимается въ работу лишь для увеличенія своего благосостоянія. Рабочая плата едва ли можетъ не быть высокой тамъ, гдѣ никто не принужденъ крайностію продавать свой трудъ. «Люди, имѣющіе собственность, на которой могутъ работать, не станутъ продавать свой трудъ за такую плату, которая не дастъ имъ пищи лучше картофеля и масла, хотя бы по бережливости они питались преимущественно картофелемъ и масломъ. Путешествуя по континенту, мы часто удивляемся тому, какъ высока рабочая плата сравнительно съ изобиліемъ и дешевизною пищи. Это оттого, что на континентѣ много мѣстностей, въ которыхъ масса народа владѣетъ землею; тамъ нѣтъ необходимости или расположенія работать по найму, потому наемный трудъ рѣдокъ и сравнительно съ цѣною продовольствія дорогъ (Ленгъ, Notes of a Traveller стр. 456)». Есть на континентѣ такія мѣста, гдѣ даже между горожанами почти ни у одного средства къ жизни не ограничены исключительно тою профессіею, которою онъ занимается въ особенности; только этимъ объясняется высота платы, какой требуютъ они за свой трудъ и равнодушіе ихъ къ тому, имѣютъ ли они работу по найму. Но совершенно не таковъ былъ бы результатъ, если бы земля и другіе ихъ источники пропитанія давали имъ лишь часть пропитанія, не уменьшая для нихъ необходимости продавать свой трудъ за плату на переполненномъ рынкѣ. Тогда ихъ земля лишь давала бы имъ возможность брать меньшую плату и болѣе нынѣшняго размножаться, отдаляя предѣлъ наименьшей рабочей платы, ниже котораго они не могли бы или не захотѣли бы спуститься.

Противъ моего взгляда на вліяніе участковой системы единственнымъ возраженіемъ, какъ мнѣ кажется, можетъ служить только

мысль Торнтона (Over-Population, гл. VIII), съ которымъ я и спорилъ теперь. Защищая участковую систему, онъ основывается на общей истинѣ, что лишь люди очень бѣдные размножаются не заботясь о послѣдствіяхъ размноженія, и что если бы можно было значительно улучшить состояніе нынѣшняго поколѣнія, то слѣдующее поколѣніе выросло бы съ привычкою къ большему благосостоянію и воздерживалось бы отъ рожденія дѣтей пока не имѣло бы средствъ содержать ихъ въ благосостояніи, въ которомъ выросло само. Онъ думаетъ, что участковая система можетъ произвести такое улучшеніе. Я согласенъ съ нимъ въ той мысли, что внезапное и очень большое улучшеніе въ положеніи бѣдняковъ всегда имѣетъ шансы прочно улучшать ихъ бытъ, улучшая ихъ житейскія привычки. Перемѣна, происшедшая во время французской революціи, служитъ тому примѣромъ. Но я не думаю, чтобы прибавка четверти или половины экра къ жилищу каждаго работника произвела большую перемѣну въ благосостояніи семейства на цѣлое поколѣніе, особенно когда онъ платитъ очень высокую ренту, при упадкѣ рабочей платы, необходимомъ для поглощенія существующей массы предлагаемаго бѣдняками труда; эта перемѣна не будетъ такъ велика, чтобы рабочее населеніе съ дѣтства воспиталось въ привычкѣ къ высшему уровню житейскихъ удобствъ. Такой маленькій участокъ можетъ оказывать прочное полезное дѣйствіе лишь тогда, если доставляется возможность купить его, дающая побужденіе къ трудолюбію и бережливости; если такое допущеніе покупки будетъ распространено на многихъ работниковъ, оно станетъ для цѣлаго сословія какъ будто бы школою предусмотрительности и бережливости, и результаты такого воспитанія могутъ продолжаться даже по его прекращеніи. Но польза тутъ будетъ произведена не тѣмъ, что данъ участокъ, а тѣмъ, что работникъ возбуждается къ его пріобрѣтенію.

Ни одно изъ тѣхъ средствъ, которыя не дѣйствуютъ на понятія и привычки народа, и не дѣйствуютъ черезъ посредство ихъ, не имѣетъ ни малѣйшей вѣроятности успѣха повысить рабочую плату. Когда понятія и привычки остаются безъ перемѣны, даже тѣ способы улучшать временно положеніе бѣднѣйшихъ людей, которые были бы успѣшны, только ослабили бы узы, которыми прежде сдерживалось размноженіе; потому они имѣли бы прочное дѣйствіе лишь въ томъ случаѣ, если бы возбуждающимъ тяготѣніемъ налога капиталъ былъ принужденъ возрастать столь же быстро, какъ населеніе. Но этотъ процессъ не могъ бы длиться много времени,

а его остановка оставила бы страну съ увеличеннымъ числомъ бѣднѣйшаго класса и съ уменьшенною пропорціею всѣхъ сословій, кромѣ бѣднѣйшаго; —если бы онъ продолжался до крайности, не осталось бы никого, кромѣ бѣднѣйшихъ людей. Къ такому результату необходимо приводятъ всѣ общественныя распоряженія, которыя отстраняютъ естественныя задержки размноженія, не замѣняя ихъ другими задержками.

ГЛАВА XIII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

1. Какими же средствами можетъ быть побѣждаема бѣдность? Какимъ способомъ можетъ быть отстраняемо бѣдствіе низкой рабочей платы? Если не соотвѣтствуютъ своей цѣли средства, обыкновенно предлагаемыя для того, можно ли придумать другія средства, или задача неразрѣшима, и политическая экономія можетъ только опровергнуть всякіе планы къ тому, доказать, что невозможно ничего сдѣлать?

Если бы такъ, политическая экономія могла бы быть наукою необходимою, но была бы наукою печальною, не возбуждающею признательности къ себѣ. Если бы масса человѣческаго племени навсегда должна была остаться въ нынѣшнемъ своемъ положеніи рабою труда, въ выгодахъ котораго не имѣетъ она никакого участія, и къ которому она поэтому безучастна, — массою рабовъ, изнуряющихся съ ранняго утра до поздней ночи работою лишь для одного своего прокормленія, невѣжественныхъ, — потому что нельзя учить тѣхъ, кого нельзя удовлетворительно прокормить, — эгоистичныхъ, — потому что некогда имъ думать ни о комъ, кромѣ себя, — не имѣющихъ ни побужденія, ни охоты быть гражданами и членами общества, волнуемыхъ ядовитымъ чувствомъ, что несправедливо лишены они того, чѣмъ пользуются другіе, — если бы всегда должно было остаться такъ, то, мнѣ кажется, не слѣдовало бы человѣку, не лишенному разсудка, и думать о судьбахъ человѣческаго рода. Мудрость для каждаго состояла бы лишь въ томъ, чтобы съ эпикурейскимъ равнодушіемъ извлекать изъ жизни все личное наслажденіе для себя и любимыхъ имъ лицъ, — сколько можно извлечь безъ обиды другимъ, а такъ называемую цивилизованную жизнь съ ея безсмысленною суетою оставить безъ вниманія. Но такое воззрѣніе на человѣческія дѣла неосновательно. Подобно почти всѣмъ другимъ бѣдствіямъ, бѣдность существуетъ по-

тому, что люди безъ должной разсудительности слѣдуютъ своимъ животнымъ инстинктамъ. Но общество именно потому и возможно, что человѣкъ можетъ не оставаться животнымъ. Цивилизація во всѣхъ своихъ сторонахъ — борьба противъ животныхъ инстинктовъ. Она доказала, что можетъ пріобрѣтать достаточную власть даже надъ такими инстинктами, которые принадлежатъ къ числу сильнѣйшихъ. Своимъ искусственнымъ вліяніемъ она такъ преобразовала значительныя массы человѣческаго рода, что едва остается въ нихъ слѣдъ или воспоминаніе многихъ изъ самыхъ естественнѣйшихъ наклонностей. Если она еще не обуздала инстинктъ размноженія на столько, на сколько нужно, то не забудемъ, что она еще и не заботилась объ этомъ серьезно. Ея усилія почти всегда были направлены къ цѣли, совершенно противной. Религія, нравственность и государственное искусство, всѣ эти силы всячески возбуждали къ браку и размноженію, лишь бы размноженіе было отъ брака. Религія и до сихъ поръ не перестала возбуждать къ тому. Католическое духовенство (о духовенствахъ другихъ исповѣданій не говоримъ, потому что ни одно изъ нихъ не имѣетъ значительнаго вліянія на бѣднѣйшіе классы) повсюду считаетъ своею обязанностію возбуждать къ браку для предупрежденія безнравственности. Во многихъ умахъ еще существуетъ сильное религіозное предубѣжденіе противъ истинныхъ понятій. Богатые, когда не видятъ себѣ прямаго вреда въ томъ, считаютъ оскорбленіемъ мудрости провидѣнія предполагать, что бѣдность можетъ производиться дѣйствіемъ естественной наклонности; бѣдные думаютъ, что «Богъ не оставитъ человѣка безъ хлѣба.» Слушая тѣхъ и другихъ подумаешь, будто человѣкъ не имѣетъ ни голоса ни власти въ этомъ дѣлѣ, — до того неправильны понятія о немъ. Спутанность ихъ много происходитъ оттого, что фальшивая щекотливость облекаетъ его въ тайну, — ей кажется, что лучше смѣшивать и искажать правду и неправду объ одномъ изъ важнѣйшихъ для человѣческаго блага предметовъ, чѣмъ допускать свободу рѣчи и сужденія о немъ. Люди еще не понимаютъ, какъ дорого обходится человѣческому роду такая щекотливость въ словахъ. Общественныя болѣзни, подобно физическимъ, не могутъ быть предупреждаемы или излечиваемы, если не говорить о нихъ прямо и ясно. Вся исторія свидѣтельствуетъ, что масса людей начинаетъ понимать нравственные вопросы, различать правду и неправду лишь тогда, когда ей долго толковали о томъ. А кто говоритъ ей, что люди имѣютъ въ этомъ дѣлѣ какія нибудь обязанности кромѣ обя-

занности не родить дѣтей внѣ брака? Кто подвергается хотя малѣйшему порицанію, лучше сказать, кто не находитъ милости и сочувствія за то, что невоздержаніемъ въ бракѣ подвергъ себя и своихъ близкихъ величайшимъ бѣдствіямъ? Всѣ считающіе себя людьми нравственными, останавливаютъ и презираютъ человѣка невоздержнаго въ питьѣ вина; а то, что проситель имѣетъ большое семейство и не можетъ содержать его, служитъ однимъ изъ главныхъ основаній требовать помощи у добрыхъ людей *).

Не удивительно, что молчаніе объ этой великой отрасли человѣческихъ обязанностей производитъ неясность понятій о нравственномъ долгѣ, когда производитъ даже забвеніе матеріальныхъ фактовъ. Почти всѣ согласны въ томъ, что человѣкъ можетъ отлагать женитьбу и жить воздержно, пока не женится. Но когда человѣкъ женится, то въ Англіи ни кому по видимому не приходитъ въ мысль, что отъ его воли зависитъ имѣть или не имѣть дѣтей, или не имѣть больше извѣстнаго числа дѣтей. Подумаешь, что дѣти являются у женатыхъ людей сами собой, безъ всякаго ихъ участія, будто падаютъ имъ съ облаковъ; подумаешь, что въ самомъ дѣлѣ число дѣтей зависитъ, по обыкновенной фразѣ, отъ воли Божіей, а не отъ собственной воли отцовъ. Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ предметѣ одинъ изъ французскихъ мыслителей, бывшій однимъ изъ самыхъ гуманныхъ людей своего времени, и извѣстный счастьемъ своей супружеской жизни.

«Когда опасные предразсудки не одобряются, когда не внушаются намъ отъ имени священнѣйшаго авторитета понятія о нравственности, противныя истиннымъ нашимъ обязанностямъ къ себѣ самимъ и особенно къ существамъ, раждаемымъ нами, ни одинъ благоразумный человѣкъ не женится, пока не имѣетъ положенія, обезпечивающаго ему средства къ жизни, и ни одинъ отецъ семейства не имѣетъ дѣтей больше, чѣмъ сколько можетъ воспитать приличнымъ образомъ. Отецъ семейства справедливо думаетъ, что дѣти его должны довольствоваться состояніемъ, въ которомъ жилъ онъ самъ, потому онъ долженъ желать, чтобы раждающееся поколѣніе въ точности соотвѣтствовало отживающему поколѣнію,

*) Нельзя ожидать улучшеній нравственности, пока на человѣка, родившаго многихъ дѣтей, не будутъ смотрѣть точно такъ же, какъ на пьяницу, или человѣка, преданнаго другому физическому излишеству. Но чего можно ожидать отъ бѣдныхъ, когда аристократія и духовенство первые подаютъ примѣръ невоздержности?

чтобы сынъ и дочь, достигнувъ совершеннолѣтія, заняли мѣсто его отца и матери, чтобы дѣти его дѣтей заняли современемъ мѣсто его и его жены; чтобы его дочь нашла въ другомъ домѣ такую же долю, какую получитъ дочь другаго семейства въ его домѣ, и чтобы доходъ, бывшій достаточнымъ для отцовъ, былъ достаточенъ для дѣтей.» Въ странѣ, богатство которой возрастаетъ, можно желать еще лучшаго, но это вопросъ о второстепенной подробности, а не о принципѣ. «Когда человѣкъ произвелъ на свѣтъ такое семейство, то справедливость и любовь къ людямъ требуютъ, чтобы онъ подчинился такой же воздержности, какой подчиняются холостяки. Число незаконорожденныхъ такъ мало, что мы должны признать эту воздержность за достаточную. Въ странѣ, гдѣ населеніе не можетъ размножаться, или его размноженіе должно быть медленно до незамѣтности, когда нѣтъ новыхъ мѣстъ для устройства новыхъ хозяйствъ, отецъ, имѣющій осьмерыхъ дѣтей, долженъ знать, что шестеро изъ его дѣтей умрутъ въ малолѣтствѣ или трое мужчинъ и три женщины его поколѣнія, а въ слѣдующемъ поколѣніи три его сына и три его дочери не вступятъ въ бракъ, и онъ причина тому» (Nouveaux Principes, кн. VII, гл. 5.)

2. Люди, не надѣющіеся, чтобы рабочіе классы могли быть склонны къ соблюденію достаточнаго благоразумія въ рожденіи дѣтей, -- не надѣющіеся этого, потому что до сихъ поръ этого не бывало, обнаруживаютъ свое неумѣнье судить о томъ, какъ дѣйствуетъ человѣкъ подъ вліяніемъ разныхъ побужденій. Чтобы произвести такой результатъ, по всей вѣроятности достаточно было бы того, чтобы распространилось мнѣніе о надобности достичь его. Еще ни въ одной странѣ такое мнѣніе не существовало и не было принципомъ нравственности. Замѣчательно то, что оно не существуетъ и въ странахъ, гдѣ независимымъ дѣйствіемъ личной предусмотрительности размноженіе сдерживается довольно успѣшно. То, что дѣлается по благоразумію, еще не признано обязанностью; говорятъ и пишутъ обыкновенно въ противномъ смыслѣ даже у французовъ, между которыми сантиментальный ужасъ отъ имени Мальтуса почти такъ же господствуетъ, какъ между нами. Кромѣ новизны этого ученія можно указать много другихъ причинъ тому, что оно еще не водворилось въ общемъ убѣжденіи. Самая истинность его значительно вредитъ ему. Можно усумниться въ томъ, существовало ли когда-нибудь, въ какомъ-нибудь классѣ общества, кромѣ бѣднѣйшаго сословія, искреннее и серьезное желаніе, чтобы рабочая плата была высока. Бѣднѣйшій классъ желаетъ этого, но

понятны его предразсудки по вопросу о размноженіи. Другіе классы всегда очень сильно желали, чтобы налогъ въ пользу бѣдныхъ былъ невеликъ. Но затѣмъ они очень усердно желали, чтобы рабочіе классы были бѣдны. Изъ тѣхъ людей, которые сами не работники, почти каждый нанимаетъ работниковъ и не станетъ горевать, что они продаютъ трудъ свой дешево. Самые комитеты попечителей о бѣдныхъ (Boards of Guardians), считаемые оффиціальными приверженцами теорій, противныхъ размноженію, не любятъ слушать ничего, извѣстнаго у нихъ подъ именемъ мальтусіанства. Они состоятъ главнымъ образомъ изъ фермеровъ, а фермеры, какъ извѣстно, не любятъ вообще и участковой системы, дѣлающей работниковъ «слишкомъ независимыми.» Лучшаго образа дѣйствій можно было бы ожидать отъ землевладѣльцевъ, которые не имѣютъ такихъ прямыхъ дѣлъ и столкновеній въ выгодахъ съ работниками; англійскіе землевладѣльцы вообще люди добрые. Но добрые люди имѣютъ человѣческія слабости, и часто были бы втайнѣ рады, еслибы никто не нуждался въ ихъ добротѣ; отъ нихъ чаще всего слышишь низкое мнѣніе, что Богъ опредѣлилъ всегда быть бѣднякамъ. Прибавимъ къ этому, что почти у каждаго, имѣвшаго въ душѣ охоту трудиться для общей пользы, бывала въ мысляхъ какая-нибудь любимая реформа, которая по его мнѣнію заслонялась бы принятіемъ этого великаго принципа; одинъ желалъ отмѣнить хлѣбные законы, другой уменьшить налоги, иной выпустить мелкіе банковые билеты, или провести Народную Хартію, или оживить, или отмѣнить англиканскую церковь, или низвергнуть аристократію, и каждый смотрѣлъ какъ на врага на всякаго, кому казалось важнымъ что-нибудь кромѣ его задачи. А если такъ, то неудивительно, что со времени Мальтуса говорилось противъ его теоріи въ десять разъ больше, чѣмъ за нее, и слова защитниковъ его слишкомъ часто заглушались, что она еще не распространилась между тѣми, которые должны имѣть меньше всѣхъ охоты принимать ее,—между самими работниками.

Но представимъ себѣ, каково было бы послѣдствіе, если бы распространилось между работниками убѣжденіе, что главная причина ихъ бѣдности — соперничество слишкомъ размножившагося числа ихъ, и каждый работникъ, вмѣстѣ съ Сисмонди, смотрѣлъ бы на всякаго изъ своихъ товарищей, имѣющаго больше дѣтей, чѣмъ дозволительно по состоянію общества, какъ на человѣка, вредящаго ему самому, занимающаго мѣсто, которое онъ самъ имѣлъ бы право занимать. Кто предположитъ, что подобное со-

стояніе умовъ не имѣло бы большаго вліянія на образъ дѣйствій, тотъ вовсе не знаетъ человѣческой природы и никогда не думалъ о томъ, что въ большинствѣ людей заботливость даже о собственныхъ выгодахъ очень много происходитъ изъ уваженія къ общему мнѣнію, изъ ожиданія, что оно будетъ не любить или презирать человѣка, поступающаго иначе. По вопросу, занимающему насъ теперь, можно сказать, что невоздержность происходитъ отъ поощренія со стороны общаго мнѣнія никакъ не меньше, чѣмъ отъ животной наклонности: общее мнѣніе во всѣхъ сословіяхъ и особенно въ необразованныхъ классахъ соединяетъ понятія энергіи и моральнаго превосходства съ силою инстинкта, а умѣренность или недостатокъ инстинкта считаетъ признакомъ моральной слабости; такое искаженное мнѣніе произошло отъ того, что удовлетвореніе инстинкта служитъ признакомъ владычества надъ другими людьми. Уже одно отстраненіе этого искусственнаго возбужденія имѣло бы важныя послѣдствія; а когда общее мнѣніе получитъ противуположное направленіе, то быстро произойдетъ отъ того радикальная перемѣна въ образѣ дѣйствій по этому дѣлу. Многіе говорятъ, что и самое ясное понятіе о зависимости рабочей платы отъ количества людей не произведетъ перемѣны въ поступкахъ работниковъ, потому что многочисленность дѣтей, которыхъ родитъ отдѣльный человѣкъ, не имѣетъ никакого вліянія на пониженіе общей рабочей платы. Правда; но правда и то, что бѣгство одного солдата не произведетъ потери битвы, потому и не эта мысль удерживаетъ каждаго солдата отъ бѣгства, — онъ удерживается тѣмъ, что естественно и неизбѣжно подвергается позору отдѣльный человѣкъ за такой поступокъ, который очевидно былъ бы гибеленъ, если бы большинство поступило такимъ же образомъ. Мало такихъ людей, которые въ силахъ пренебрегать общимъ мнѣніемъ своего сословія, если не опираются на какой нибудь высшій принципъ или на господство противоположнаго мнѣнія въ другомъ сословіи.

Не надобно также забывать, что если распространится мнѣніе, о которомъ мы говоримъ, то оно будетъ имѣть сильныхъ помощницъ въ огромномъ большинствѣ женщинъ. Многочисленность дѣтей никогда не бываетъ слѣдствіемъ желанія жены, на которой кромѣ всѣхъ физическихъ страданій, лежатъ всѣ невыносимыя домашнія хлопоты, происходящія отъ слишкомъ большаго числа дѣтей, и которая не меньше, если не больше мужа, терпитъ отъ бѣдности. Избавиться отъ этого положенія показалось бы счастіемъ

для множества женщинъ, которыя теперь никакъ не отваживаются предъявить этого требованія, но предъявили бы его, если бы нашли опору въ нравственныхъ мнѣніяхъ общества. Изъ всѣхъ остатковъ варварства, еще не переставшихъ пользоваться защитою закона и моральныхъ убѣжденій, самый отвратительный безспорно тотъ, что дозволяется человѣку считать себя имѣющимъ право на личность другаго.

Если бы утвердилось въ рабочемъ классѣ мнѣніе, что для благосостоянія работниковъ нужно извѣстное ограниченіе числа ихъ дѣтей, то работники солиднаго и почтеннаго характера будутъ поступать сообразно этому требованію, а нарушать его станутъ лишь тѣ, которые вообще не уважаютъ общественныхъ обязанностей. Тогда очевиднымъ образомъ можно будетъ оправдать обращеніе въ законную обязанность нравственной обязанности не производить на свѣтъ дѣтей, которые были бы обремененіемъ для общества. Мы имѣемъ много такихъ случаевъ, когда благодаря общественному мнѣнію подъ конецъ возлагаются на упорное меньшинство такія обязанности, которыя для общей пользы должны соблюдаться всѣми и которыя огромное большинство добровольно приняло на себя по убѣжденію въ ихъ пользѣ. Но законодательныхъ постановленій не понадобится, если женщинамъ даны будутъ равныя съ мужчинами гражданскія права, которыя несомнѣннѣйшимъ образомъ и должны быть даны имъ. Пусть обычай перестанетъ дѣлать для женщинъ единственнымъ средствомъ для жизни и единственнымъ источникомъ вліянія одну физическую функцію, и женщины получатъ тогда въ вопросахъ объ этой функціи равный съ мужчинами голосъ, котораго никогда не имѣли. Изъ всѣхъ полезныхъ реформъ, какія можемъ мы теперь предусматривать въ будущемъ, эту реформу надобно считать самою обильнѣйшею всевозможными полезными послѣдствіями для людей въ нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ.

Теперь намъ надобно разсмотрѣть, существуетъ ли надежда, чтобы распространить между рабочими классами убѣжденія и правила, основанныя на законѣ зависимости рабочей платы отъ количества населенія, и какими средствами могутъ быть распространены эти убѣжденія и правила. Конечно, многіе прямо готовы сказать, не разбирая дѣла, что надѣяться на это — нелѣпо; и прежде чѣмъ излагать основанія надежды я замѣчу, что если нельзя удовлетворительно отвѣчать на предложенные мною вопросы, то безвозвратно осуждено господствующее въ Англіи эконо-

мическое устройство, по которому весь рабочій классъ общества живетъ платою за свою работу, исполняемую по найму, — это устройство, которое многіе писатели считаютъ nec plus ultra цивилизаціи. Мы теперь разсматриваемъ, слѣдуетъ ли считать неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого устройства чрезмѣрное размноженіе и низкое положеніе рабочаго класса. Если размноженіе не можетъ сдерживаться въ разумныхъ границахъ при системѣ наемнаго труда, то система эта гибельна и главною цѣлью экономической политики должно быть то, чтобы какими бы то ни было преобразованіями собственности и перемѣнами способовъ производства подвергнуть работниковъ вліянію сильнѣйшихъ и простѣйшихъ побужденій сохранять въ размноженіи разсудительность, которая не дается системою наемнаго труда.

Но такой несовмѣстности нѣтъ. Причины бѣдности не такъ очевидны съ перваго же взгляда населенію, состоящему изъ наемныхъ работниковъ, какъ очевидны теперь населенію состоящему изъ собственниковъ, или какъ были бы очевидны въ соціалистскомъ обществѣ. Но все таки эти причины очень можно видѣть. Зависимость рабочей платы отъ числа соискателей—истина, которую вовсе не трудно понять рабочимъ классамъ, такъ что многочисленные отдѣлы рабочихъ классовъ уже поняли ее, и дѣйствуютъ сообразно съ нею. Она хорошо извѣстна всѣмъ работническимъ союзамъ (Trades Unions); каждый успѣшный планъ для полученія высокой рабочей платы обязанъ своимъ успѣхомъ тому, что ограничиваетъ число соискателей. Всѣ мастеровые стараются, чтобы число ихъ не размножалось, и во многихъ отрасляхъ работы мастеровые наложили или стараются наложить на хозяевъ условія, чтобы они не брали больше положеннаго числа учениковъ. Разумѣется ограничивать свое число исключеніемъ другихъ людей вовсе не то, что ограничивать его собственною воздержностію; но въ обоихъ случаяхъ обнаруживается ясное пониманіе отношенія между числомъ работниковъ и вознагражденіемъ ихъ. Принципъ этотъ понятъ работниками въ примѣненіи къ общей массѣ всего труда. На это есть много причинъ. Во первыхъ, результаты факта бываетъ тѣмъ легче и яснѣе видѣть, чѣмъ тѣснѣе кругъ его дѣйствій; во вторыхъ мастеровые—сословіе болѣе просвѣщенное, чѣмъ простые чернорабочіе; они привыкли дѣйствовать въ каждой отрасли работы всѣ заодно, и разсуждать о своемъ положеніи, потому что лучше чернорабочихъ понимаютъ свои общіе интересы; наконецъ въ третьихъ, они предусмотрительнѣе чернорабочихъ, потому что имѣютъ луч-

шее положеніе, о сохраненіи котораго стоитъ имъ заботиться. Но если извѣстная истина ясно понята и признана въ частныхъ случаяхъ, то нельзя отчаяваться въ томъ, что будетъ она понята и признана какъ общая истина. Если не практическое, то по крайней мѣрѣ теоретическое признаніе ея—такое дѣло, которое должно необходимо и немедленно произойти, когда умы работниковъ станутъ способны разсудительно понимать общее положеніе рабочаго класса. Огромное большинство ихъ теперь еще неспособно къ этому, отчасти по своей умственной неразвитости, отчасти по бѣдности, которая не даетъ имъ ни бояться, чтобы ихъ положеніе могло стать хуже, ни надѣяться на его улучшеніе, потому дѣлаетъ ихъ беззаботными о послѣдствіяхъ ихъ поступковъ и заставляетъ ихъ не думать о ихъ будущемъ.

3. Такимъ образомъ для измѣненія привычекъ работниковъ должно дѣйствовать вмѣстѣ и на ихъ умъ, и на ихъ матеріальное положеніе. Первая необходимость заключается въ общенародномъ серьезномъ воспитаніи дѣтей работниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ необходима система мѣръ для истребленія крайней бѣдности на цѣлое поколѣніе, какъ истребила ее революція во Франціи.

Здѣсь не мѣсто разбирать, хотя бы самымъ краткимъ образомъ, принципы, на которыхъ должно основаться народное воспитаніе и способы ихъ осуществленія. Но должно надѣяться, что общественное мнѣніе по этому вопросу дѣлаетъ успѣхи, и что воспитаніе, состоящее въ однихъ словахъ, не будетъ почтено теперь достаточнымъ, какъ ни медленъ нашъ прогрессъ въ доставленіи лучшаго воспитанія даже тѣмъ классамъ, которымъ общество даетъ, какъ само думаетъ, наилучшее воспитаніе, какое только можетъ придумать. Не касаясь спорныхъ вопросовъ, можно смѣло сказать, что цѣлью всего умственнаго образованія для массы народа должно быть развитіе здраваго смысла, чтобы люди могли составлять здравое практическое сужденіе объ обстоятельствахъ, въ которыхъ находятся. Все, что прибавляется сверхъ этого въ умственномъ образованіи, служитъ главнымъ образомъ только для украшенія, а развитіе практическаго пониманія служитъ необходимымъ основаніемъ воспитанія. Если эта цѣль будетъ признана за первѣйшую цѣль, и если будутъ стремиться дѣйствительно къ ней, то не трудно будетъ рѣшить, чему учить и какъ учить.

Воспитаніе, направленное къ развитію здраваго смысла въ народѣ и къ доставленію ему тѣхъ знаній, которыя нужны людямъ, чтобы судить о своихъ поступкахъ, — такое воспитаніе навѣрное

возбудитъ общественное мнѣніе къ порицанію невоздержности и непредусмотрительности всякаго рода, хотя бы и не внушало прямо такихъ мнѣній; непредусмотрительность, переполняющая трудовой рынокъ, подверглась бы тогда строгому осужденію, какъ вредная общему благу. Мнѣ кажется, что если образуется такое мнѣніе, то несомнѣнно оно уже будетъ достаточнымъ, чтобы сдерживать размноженіе въ надлежащихъ границахъ; но самое образованіе такого мнѣнія не слѣдуетъ предоставлять только воспитанію. Воспитаніе несовмѣстно съ крайнею бѣдностію. Невозможно серьезнымъ образомъ учить нуждающееся населеніе. Трудно сдѣлать, чтобы стали чувствовать цѣну благосостоянія люди, никогда имъ не пользовавшіеся, понимать бѣдственность необезпеченной жизни люди, ставшіе безпечными отъ привычки жить со дня на день. Отдѣльные люди часто выбиваются изъ бѣдности въ благосостояніе; но отъ цѣлаго народа можно ждать лишь того, чтобы онъ умѣлъ сохранить благосостояніе. Улучшить привычки и возвысить потребности массы чернорабочихъ-поденьщиковъ будетъ дѣломъ труднымъ и медленнымъ, если не придумать средствъ къ тому, чтобы возвысить весь классъ ихъ до порядочнаго благосостоянія и удержать въ немъ до той поры, пока выростетъ новое поколѣніе.

Достичь этой цѣли можно двумя средствами, никому не вредящими, не имѣющими ни одной изъ вредныхъ сторонъ добровольной или обязательной благотворительности, и не только не ослабляющими, а напротивъ усиливающими всѣ побужденія къ трудолюбію и предусмотрительности.

4. Первое средство—національное веденіе колонизаціи въ большомъ размѣрѣ. Я говорю о назначеніи на это такихъ государственныхъ суммъ, на которыя вдругъ можно было бы вывезти изъ Англіи и поселить въ колоніяхъ значительную часть молодаго земледѣльческаго населенія. Выбирать надобно предпочтительно молодыя четы, какъ предлагаетъ Уэкфильдъ, а если нельзя набрать ихъ, то семейства съ дѣтьми уже взрослыми,—при этомъ условіи расходъ извѣстной суммы произведетъ наибольшій возможный результатъ, а колоніи снабдятся наибольшимъ количествомъ того, чего недостаетъ въ нихъ, и излишествомъ чего страдаетъ Англія,—существующаго и развивающагося труда. Колонизація въ требуемомъ размѣрѣ можетъ быть ведена такъ, что не будетъ ничего стоить странѣ, или такъ, что расходы навѣрное будутъ уплачены казнѣ; нужныя суммы не будутъ взяты даже и на время изъ ка-

питала, содержащаго трудъ, а будутъ получены изъ излишка, не находящаго себѣ занятія съ прибылью, достаточною для вознагражденія владѣльца за сбереженіе и потому посылаемаго на производительное употребленіе за границу, или растрачиваемаго на родинѣ въ безразсудныхъ спекуляціяхъ; та часть дохода страны, которая обыкновенно остается не приносящею никакой пользы рабочему классу, такъ велика, что изъ нея можно получить всѣ средства нужныя для эмиграціи въ размѣрѣ, о которомъ мы говоримъ здѣсь. Все это уже доказано другими писателями и въ одной изъ слѣдующихъ частей нашего трактата мы изложимъ основанія такихъ мыслей.

Второе средство состояло бы въ томъ, чтобы всю общинную землю, какая будетъ обращаться подъ хлѣбопашество, употреблять на созданіе класса мелкихъ собственниковъ. Уже слишкомъ долго существуетъ обычай брать эти земли изъ общественнаго употребленія только затѣмъ, чтобы увеличить владѣнія богатыхъ. Пора оставить священнымъ помѣстьемъ на пользу бѣднымъ то, что еще осталось изъ общинныхъ земель. Механизмъ для управленія этимъ дѣломъ уже существуетъ,—онъ созданъ закономъ о присвоеніи пустопорожнихъ земель (General Inclosure Act). Я предложилъ бы (но, признаюсь, безъ большой надежды на скорое принятіе такой мѣры), чтобы при разрѣшеніяхъ на обращеніе общинной земли въ частную собственность, по продажѣ или отдѣленіи части, достаточной для вознагражденія владѣльческихъ или общинныхъ правъ, остальная земля непремѣнно раздѣлялась на участки экровъ по 5, или около того, и отдавалась этими участками въ полную собственность тѣмъ работникамъ, которые захотятъ воздѣлывать эту землю собственнымъ трудомъ. Предпочтеніе надобно отдавать такимъ работникамъ (ихъ находится много), которые накопили столько, что могутъ прожить до сбора первой жатвы своими средствами, или которые пріобрѣли такую репутацію, что человѣкъ со средствами даетъ имъ безъ залога нужныя деньги. Приходъ или государство также могли бы снабжать ихъ орудіями, удобреніемъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ продовольствіемъ, а проценты съ такого займа, опредѣляемые по размѣру процента, платимаго по государственнымъ займамъ, ложились бы рентою на землѣ, съ предоставленіемъ поселянину права выкупать эту повинность когда угодно по умѣренной капитализаціи. Если бы оказалось нужно, можно было бы постановить закономъ нераздѣльность этихъ участковъ; впрочемъ по моему мнѣнію, нельзя было бы бояться чрезмѣрнаго раздробле-

нія ихъ въ случаѣ исполненія предлагаемыхъ мною мѣръ. Въ случаѣ, если бы владѣлецъ умиралъ безъ завѣщанія и наслѣдники не могли бы заключить между собою полюбовной сдѣлки, участокъ могло бы покупать по настоящей цѣнѣ правительство и передавать его другому работнику, дающему обезпеченіе въ уплатѣ цѣны. Желаніе владѣть такимъ участкомъ конечно сдѣлалось бы, какъ на континентѣ, дѣйствующимъ на все рабочее населеніе побужденіемъ къ благоразумію и бережливости. Такимъ образомъ создалось бы чрезвычайно полезное въ народѣ, состоящемъ изъ наемныхъ работниковъ, сословіе, занимающее средину между работниками и хозяевами; оно приносило бы работникамъ двоякую выгоду: давало бы цѣль ихъ надеждамъ и, надобно надѣяться, давало бы имъ примѣръ для подражанія.

Но ни то, ни другое средство, ни оба они вмѣстѣ не принесутъ большаго облегченія рабочему классу, если не будутъ исполняться въ такомъ размѣрѣ, чтобы вся масса наемныхъ земледѣльческихъ работниковъ, остающаяся на родинѣ, получила не только занятіе, но и большую прибавку къ нынѣшней рабочей платѣ, такую прибавку, чтобы стала она жить и воспитала дѣтей въ благосостояніи и независимости, которыя до сихъ поръ оставались чужды ей. Когда наша цѣль есть прочное улучшеніе народнаго быта, то мелкія мѣры не производятъ даже мелкихъ результатовъ, а вовсе не производятъ никакого результата. Если благосостояніе не будетъ сдѣлано столь же привычнымъ цѣлому поколѣнію, какъ привычна теперь нужда, то не будетъ сдѣлано нами ровно ничего; слабыми полумѣрами только расточаются средства, которыя гораздо лучше беречь до той поры, пока прогрессъ общественнаго мнѣнія и воспитанія создастъ государственныхъ людей, которые не станутъ быть холодными къ плану реформы лишь за то, что онъ обѣщаетъ быть очень полезнымъ.

ГЛАВА XIV.

РАЗЛИЧІЕ РАБОЧЕЙ ПЛАТЫ ВЪ РАЗНЫХЪ ЗАНЯТІЯХЪ.

1. Говоря о рабочей платѣ мы до сихъ поръ разсматривали только причины, дѣйствующія на нее вообще въ цѣлой массѣ ея, законы, управляющіе вознагражденіемъ за обыкновенный трудъ или трудъ средняго качества, не касаясь того, что существуютъ

разные роды работъ, плата за которые обыкновенно бываетъ различна и отчасти зависитъ отъ разныхъ законовъ. Теперь мы займемся этими различіями и разсмотримъ, какъ они подчиняются вліянію изслѣдованныхъ нами законовъ или сами видоизмѣняютъ эти законы.

Лучшимъ изложеніемъ этого предмета остается до сихъ поръ извѣстная каждому глава книги Адама Смита («Богатство Народовъ», кн. I, гл. X.). Я не могу согласиться съ писателями, находящими, что онъ изложилъ предметъ въ совершенной полнотѣ и исчерпалъ его; но тѣ стороны предмета, которыя у него изложены, анализированы у него довольно успѣшно.

«Разница въ рабочей платѣ, говоритъ онъ, происходитъ частью отъ политическаго вліянія, которое ни въ одной изъ европейскихъ странъ не оставляетъ полной свободы ходу дѣлъ, а частію и отъ нѣкоторыхъ особенностей самыхъ занятій, особенностей, которыми или дѣйствительно, или по человѣческому мнѣнію вознаграждается малость денежной выгоды въ однихъ занятіяхъ и уравновѣшивается великость ея въ другихъ». Обстоятельства эти, по его мнѣнію, слѣдующія: «во первыхъ—пріятность или непріятность самыхъ занятій; во вторыхъ—легкость и дешевизна или трудность и дороговизна обученія занятію; въ третьихъ—постоянство или непостоянство занятія; въ четвертыхъ — значительность или незначительность довѣрія, возлагаемаго на лица, исполняющія дѣло, и въ пятыхъ—вѣроятность или невѣроятность успѣха въ дѣлѣ.»

Нѣкоторыя изъ этихъ обстоятельствъ онъ объяснилъ очень изобильными примѣрами (надобно впрочемъ замѣтить, что нѣкоторые примѣры взяты имъ изъ положенія дѣлъ, уже исчезнувшаго теперь). «Рабочая плата измѣняется, смотря по легкости или суровости, чистотѣ или грязности, по честности или неблаговидности дѣла. Такъ почти вездѣ работникъ портнаго получаетъ за годъ меньше, чѣмъ работникъ прядильщика, потому что трудъ портнаго гораздо легче.» Со времени Адама Смита отношеніе это сильно измѣнилось относительно платы прядильщика, и мнѣ кажется, что никогда нельзя было указать на прядильщика какъ на мастероваг работа котораго труднѣе работы портнаго. «Прядильщикъ пол частъ меньше кузнеца работника. Его работа не всегда легче, но гораздо опрятнѣе.» Вѣроятно точнѣе было бы объяснить различіе тѣмъ, что она требуетъ меньше физической силы. «Работникъ кузнецъ хотя и мастеровой, а не чернорабочій, рѣдко получаетъ за 12 часовъ столько платы, какъ за 8 рудокопъ, который просто

чернорабочій. Его работа не такъ грязна, менѣе опасна и ведется на дневномъ свѣтѣ, не подъ землею. Почетъ составляетъ значительную часть вознагражденія во всѣхъ почетныхъ занятіяхъ. Соображая все, увидимъ, что со стороны денежной выгоды, эти занятія стоятъ (таково мнѣніе Адама Смита) ниже средняго уровня.» «Безчестность имѣетъ противное дѣйствіе. Ремесло мясника — занятіе жестокое и непріятное; но почти повсюду оно выгоднѣе большей части обыкновенныхъ ремеслъ. Гнуснѣйшее изъ всѣхъ ремеслъ—ремесло палача вознаграждается, сравнительно съ количествомъ труда, лучшею платою, чѣмъ всѣ простыя ремесла.»

Говорятъ, что ткачи, работающіе на ручныхъ станкахъ, держатся своего занятія, не смотря на скудность платы въ немъ, потому что оно особенно привлекательно свободою, какую предоставляетъ работнику. «Онъ можетъ когда хочетъ отходить отъ работы, идти искать развлеченія, говоритъ Меджериджъ, недавно писавшій о такихъ ткачахъ (Mudgeridge's Report to the Handloom Weavers' Inquiry Commission). Онъ можетъ вставать рано или поздо, работать прилежно или небрежно, какъ ему угодно, и усиленнымъ трудомъ вознаграждать часы, когда самъ захочетъ, которыми пожертвовалъ на удовольствія или отдыхъ. Въ нашемъ рабочемъ населеніи едва ли найдется другой разрядъ, столь свободный отъ внѣшняго контроля. Фабричный работникъ подвергается штрафному вычету изъ платы за свое отсутствіе и, если пропускаетъ много дней, совершенно лишается работы. Каменьщикъ, плотникъ, маляръ, столяръ, каменотесъ, поденьщикъ — имѣютъ опредѣленные рабочіе часы, пропускъ которыхъ поведетъ ихъ также къ потерѣ работы. Потому ткачь будетъ держаться своего станка, пока можетъ существовать имъ, хотя бы очень бѣдно; многіе такіе ткачи, временно бросавшіе свое ремесло, возвращались къ нему, какъ только находили себѣ работу.»

«Въ нѣкоторыхъ занятіяхъ, продолжаетъ Адамъ Смитъ, работа постояннѣе, чѣмъ въ другихъ. На большей части фабрикъ работникъ можетъ вѣрно разсчитывать на работу круглый годъ почти каждый день, когда здоровъ» (Исключеніемъ служатъ перерывы работы отъ переполненія рынковъ или отъ остановки въ запросѣ, или отъ коммерческаго кризиса). «Напротивъ того каменьщикъ не можетъ работать ни въ морозъ, ни въ дождливое время; а въ другое время работа его всегда зависитъ отъ случайной надобности домохозяевъ, потому онъ часто можетъ оставаться безъ работы. Итакъ плата, получаемая имъ во время работы, должна содер

жать его въ праздное время и кромѣ того вознаграждать его за минуты безпокойнаго унынія, которое должна иногда производить мысль о такой невѣрности его положенія. Поэтому плата каменьщика вообще отъ полутора до двухъ разъ больше платы чернорабочаго, между тѣмъ какъ большая часть фабричныхъ работниковъ получаетъ за цѣлый годъ немногимъ больше чернорабочаго. А надобно сказать, что никакой мастеровой не выучивается своему ремеслу такъ легко, какъ каменьщикъ, высокая плата которому служитъ такимъ образомъ не столько вознагражденіемъ за его искусство, сколько за непостоянство его работы.

Если непостоянство работы соединяется съ трудностью, непріятностью и грязностью ея, то плата за самый простой трудъ поднимается иногда выше платы самымъ искуснымъ мастеровымъ. Говорятъ, что рудокопъ, работающій по урокамъ, обыкновенно получаетъ въ Нью-Кестлѣ почти вдвое, а во многихъ мѣстахъ Шотландіи почти втрое противъ платы чернорабочему. Такая высота его платы происходитъ отъ тяжелости, непріятности и грязности его работы, а постоянную работу онъ почти всегда можетъ имѣть. Носильщики каменнаго угля въ Лондонѣ занимаются ремесломъ, по своей тяжелости, грязности и непріятности почти равняющимся рудокопству, а по неизбѣжной нерегулярности въ приходѣ судовъ съ каменнымъ углемъ большая часть изъ нихъ необходимо имѣетъ занятіе, очень непостоянное. Потому, если рудокопы вообще получаютъ вдвое или втрое противъ обыкновенныхъ чернорабочихъ, то слѣдуетъ ожидать, что носильщики каменнаго угля должны иногда получать вчетверо или впятеро больше. По недавнему изслѣдованію ихъ быта оказалось, что по тогдашней платѣ они получали въ день почти въ четыре раза больше обыкновеннаго лондонскаго чернорабочаго. Такая плата можетъ казаться чрезмѣрною, но если бы она была болѣе чѣмъ достаточна для вознагражденія всѣхъ неудобствъ ихъ занятія, то въ ремеслѣ ихъ, не составляющемъ привиллегіи, явилось бы такое число соискателей, что она быстро понизилась бы».

Это неравенство вознагражденія, считаемое вознагражденіемъ за неудобства нѣкоторыхъ занятій, было бы въ извѣстныхъ условіяхъ естественнымъ послѣдствіемъ совершенно свободнаго соперничества, и въ большей части случаевъ дѣйствительно таково отношеніе между разными занятіями людей почти одинаковаго сословія и находящихся почти на одинаковой ступени въ обществѣ. Но мы стали бы смотрѣть на факты совершенно ошибочно, если

бы вообразили, что таково вообще отношеніе между пріятными и непріятными занятіями. Работы дѣйствительно изнурительныя и дѣйствительно непріятныя вовсе не даютъ вознагражденія больше другихъ работъ, напротивъ, плата за нихъ почти всегда бываетъ самая малая, потому что исполняется она людьми, не имѣющими никакой свободы выбора. При хорошемъ положеніи общаго трудоваго рынка было бы иначе. Если бы количество всей массы работниковъ было не больше, а меньше всей массы существующаго занятія для нихъ, никто не сталъ бы иначе, какъ за большую обыкновенной плату исполнять работу, которая всякому непріятна. Но когда предложеніе труда гораздо больше запроса на трудъ, такъ что вообще найдти занятіе не легко, и когда счастьемъ почитается получить его на какихъ бы то ни было условіяхъ, то дѣло бываетъ совершенно на оборотъ. Лучшіе работники, которыхъ каждый желаетъ имѣть, еще могутъ имѣть выборъ. Работники, которыхъ не предпочитаетъ хозяинъ, должны брать то, что могутъ получить. Чѣмъ отвратительнѣе занятіе, тѣмъ скорѣе надобно ждать, что за него дается наименьшее вознагражденіе, потому что оно достается людямъ безпомощнѣйшимъ и униженнѣйшимъ, людямъ, которые не допускаются ни въ какія другія занятія или по грязной нищетѣ своей или по недостатку искусства и обученія. Отчасти отъ этого, отчасти отъ естественныхъ и искусственныхъ монополій, о которыхъ мы скоро будемъ говорить, величина рабочей платы по разнымъ занятіямъ вообще бываетъ прямо противоположна справедливому принципу уравновѣшенія неудобствъ, принципу, который ошибочно воображалъ себѣ Адамъ Смитъ общимъ закономъ вознагражденія за трудъ. Тяжелость дѣла и плата за него находятся обыкновенно *между собою въ обратной пропорціи*, вмѣсто того, чтобы находиться въ прямой пропорціи, какъ было бы при общественномъ устройствѣ, сколько нибудь справедливомъ.

Къ числу тѣхъ сторонъ дѣла, которыя очень хорошо разъяснены Адамомъ Смитомъ принадлежитъ то вліяніе, какое имѣетъ невѣрность успѣха въ занятіи на плату за это занятіе. Если много шансовъ совершенной неудачи, то вознагражденіе въ случаѣ успѣха должно быть достаточно на покрытіе этихъ отрицательныхъ шансовъ въ общей оцѣнкѣ. Но по другому принципу человѣческой натуры, если вознагражденіе является въ видѣ немногихъ, но большихъ премій, оно обыкновенно привлекаетъ соискателей въ такомъ множествѣ, что среднее вознагражденіе можетъ

спуститься не только до нуля, но даже до отрицательнаго количества. Успѣхъ лоттерей доказываетъ возможность этого: всѣ въ общей сложности лица, рискующія брать лоттерейные билеты, необходимо проигрываютъ, потому что безъ того не было бы выгоды лицу, устроивающему лоттерею. Адамъ Смитъ находитъ, что таковъ же характеръ нѣкоторыхъ профессій. Въ разныхъ занятіяхъ очень различна вѣроятность шанса, что человѣкъ станетъ пригоденъ къ занятію, для котораго воспитывается. Въ большей части механическихъ ремеслъ успѣхъ почти совершенно вѣренъ, но онъ очень не вѣренъ въ свободныхъ профессіяхъ. Отдайте вашего сына въ ученики къ сапожнику,—почти нельзя сомнѣваться, что онъ выучится шить сапоги, но отправьте его учиться юриспруденціи,—по крайней мѣрѣ 20 шансовъ противъ одного, что онъ не успѣетъ въ этомъ занятіи на столько, чтобы получить отъ него кусокъ хлѣба. Въ лоттереѣ, устроенной безъ всякаго обольщенія, люди, получающіе выигрышъ, должны выигрывать все, теряемое вынимающими пустые билеты. Въ профессіи, представляющей 20 неудачъ на одну удачу, выигрывающій долженъ получить все, что слѣдовало бы получить 20-ти потерпѣвшимъ неудачу. Адвокатъ, начинающій имѣть выгоду отъ своей профессіи, когда ему уже подъ 40 лѣтъ, долженъ получить не только за свое столь долгое и дорогое воспитаніе, но и за воспитаніе двадцати или больше другихъ, которые никогда ничего не получатъ отъ такого же воспитанія. Какъ ни чрезмѣрны могутъ иногда казаться доходы адвокатовъ, въ дѣйствительности никакъ не равняются они такой суммѣ. Сосчитайте въ какомъ нибудь городѣ, сколько должны получить въ годъ и сколько израсходовать работники какого нибудь простаго ремесла, напримѣръ сапожники или ткачи, вы найдете, что доходы ихъ вообще больше расходовъ. Но сдѣлавъ такой же счетъ доходамъ и расходамъ адвокатовъ и учащихся юриспруденціи во всѣхъ юридическихъ коллегіяхъ, вы найдете, что годичный доходъ ихъ отъ ремесла составляетъ лишь незначительную часть расхода, какъ бы высоко ни оцѣнивали вы доходы, и какъ бы низко ни оцѣнивали расходы».

Такъ ли это, въ наше время, когда выигрышъ немногихъ, имѣющихъ успѣхъ, несравненно больше, чѣмъ въ эпоху Адама Смита, но за то и гораздо больше число кандидатовъ, терпящихъ неудачу, должны рѣшить люди, хорошо знакомые съ этимъ дѣломъ. Но по моему мнѣнію, Адамъ Смитъ мало обратилъ вниманія на то, что къ выигрышамъ, о которыхъ онъ говоритъ, при-

надлежатъ не одни адвокатскіе доходы, но также выгодныя и почетныя должности, путь къ которымъ открываетъ адвокатство, принадлежитъ также и привлекательность виднаго положенія въ обществѣ.

Въ рискованныхъ занятіяхъ карьера переполняется иногда соискателями просто по любви къ сильнымъ впечатлѣніямъ, хотя бы и не представлялось большихъ выигрышей. Это доказывается охотою простолюдиновъ поступать въ солдаты и въ матросы... Опасности, въ которыхъ жизнь виситъ на волоскѣ, не отталкиваютъ молодыхъ людей отъ жизни, полной приключеній, а напротивъ какъ будто привлекаютъ къ такой карьерѣ. Въ низшихъ классахъ нѣжная мать часто боится посылать сына въ школу приморскаго города, чтобы видъ кораблей, разговоры съ матросами, разсказы о ихъ приключеніяхъ не увлекли его пуститься въ море. Отдаленная перспектива рисковъ, изъ которыхъ мы надѣемся выдти мужествомъ и ловкостію, не бываетъ намъ непріятна и не возвышаетъ рабочую плату ни въ одномъ изъ такихъ занятій. Иное дѣло опасности, противъ которыхъ безсильны мужество и ловкость. Въ работахъ, извѣстныхъ своею особенною нездоровостію, рабочая плата всегда бываетъ замѣчательно высока. Нездоровость — непріятность, и ея вліяніе на рабочую плату должно причислять къ рубрикѣ вліянія непріятности.

2. Мы перечисляли случаи, въ которыхъ неравенство вознагражденія необходимо для образованія равенства привлекательности. Они служатъ примѣрами уравнивающаго дѣйствія свободнаго соперничества. Теперь приведемъ случаи дѣйствительнаго неравенства, проистекающаго изъ другаго основанія. «Рабочая плата бываетъ различна, смотря по тому, много или мало довѣрія долженъ заслуживать работникъ. Рабочая плата серебрякамъ и ювелирамъ вездѣ выше платы многимъ другимъ работникамъ, которымъ необходимо столько же или еще больше искусства. Причина этому та, что имъ ввѣряются драгоцѣнные матеріалы. Медику мы ввѣряемъ свое здоровье, адвокату и стряпчему свое состояніе, иногда свою жизнь и репутацію. Такого довѣрія нельзя было бы возлагать на людей очень бѣднаго или низкаго состоянія. Потому вознагражденіе имъ должно быть таково, чтобы они могли занимать въ обществѣ ступень, требуемую столь большою важностію ввѣряемаго предмета».

Большая высота вознагражденія является тутъ не слѣдствіемъ соперничества, а слѣдствіемъ того, что нѣтъ соперничества; не воз-

награжденіемъ за невыгоды, свойственныя занятію, а прибавочною выгодою, чѣмъ-то въ родѣ монопольной цѣны, происходящей не отъ законодательной, а отъ такъ-называемой естественной монополіи. Если бы всѣ работники были достойны довѣрія, не было бы необходимости давать лишнюю плату работнику серебряку по надобности довѣрія къ нему. Но предполагается, что не каждый имѣетъ требуемую степень честности, и работники, могущіе показать, что имѣютъ ее, получаютъ возможность извлекать выгоду изъ этой особенности и брать пропорціональную ея рѣдкости высшую плату. Это ведетъ насъ къ соображеніямъ, которыя слишкомъ мало приняты въ разсчетъ у Адама Смита и почти у всѣхъ другихъ политико-экономовъ, и по невнимательности къ которымъ Адамъ Смитъ слишкомъ неудовлетворительно изложилъ причины огромной разницы въ вознагражденіи за простой черный трудъ и за трудъ, требующій искусства.

Нѣкоторыя работы требуютъ гораздо продолжительнѣйшаго обученія и гораздо большихъ расходовъ на него, чѣмъ другія; въ такихъ занятіяхъ дѣйствительно есть внутренняя причина болѣе высокаго вознагражденія за нихъ, какъ говорилъ Адамъ Смитъ. Если ремесленникъ долженъ учиться своему ремеслу нѣсколько лѣтъ, чтобы начать получать какую нибудь плату, потомъ работать еще нѣсколько лѣтъ, чтобы стать достаточно искуснымъ въ труднѣйшихъ частяхъ дѣла, то ему надобно имѣть перспективу, что онъ будетъ наконецъ получать столько, сколько нужно на уплату за весь этотъ прежній трудъ, съ вознагражденіемъ за отсрочку этой платы и за издержки воспитанія. Потому его рабочая плата сверхъ обыкновенной суммы должна давать годичный доходъ, достаточный чтобы эти суммы, съ прибавкою обыкновенныхъ процентовъ, уплатились въ теченіе лѣтъ, которыя онъ можетъ надѣяться прожить и быть въ силахъ работать. Такая прибавка необходима, чтобы занятія, требующія особеннаго искусства, равнялись по разсчету всѣхъ выгодъ и не выгодъ съ трудомъ чернорабочаго; такой излишекъ платы—наименьшая постоянная разница, могущая существовать между вознагражденіемъ техническаго и чернаго труда, потому что безъ нея никто не сталъ бы учиться техническимъ работамъ. Только эта величина разницы объясняется принципами Адама Смита. Когда неравенство значительнѣе, онъ по видимому думаетъ, что надобно объяснять его законами, ограничивавшими число учениковъ и корпоративными правилами, стѣснявшими принятіе во многія занятія, требующія техническаго знанія. Но неза-

висимо отъ этихъ и всѣхъ другихъ искусственныхъ монополій существуетъ естественная монополія въ пользу работниковъ по спеціальнымъ занятіямъ противъ чернорабочихъ; она бываетъ причиною, что разница платы превосходитъ иногда въ нѣсколько разъ то количество, какое было бы достаточно для простаго уравновѣшиванія выгодъ. Если бы чернорабочіе могли вступать въ соперничество съ работниками спеціальныхъ занятій, просто только принявъ трудъ выучиться дѣлу, то разница платы не могла бы превышать сумму, нужную за вознагражденіе ихъ за этотъ трудъ, по обыкновенному разсчету вознагражденія работы. Но тотъ фактъ, что требуется курсъ обученія, хотя бы обученіе требовало и небольшихъ расходовъ, или что работникъ долженъ значительное время содержаться другими средствами, а не платою за трудъ,—этотъ фактъ вездѣ уже достаточенъ, чтобы отнимать у массы рабочихъ людей возможность такого соперничества. До недавняго времени всѣ занятія, требовавшія хотя бы того ничтожнаго обученія, которое ограничивается умѣньемъ читать и писать, могли пополняться людьми только изъ избраннаго класса, потому что большинство не имѣло случая пріобрѣсти даже эти свѣдѣнія. Сообразно тому всѣ подобныя занятія получали вознагражденіе громаднымъ образомъ превосходившее плату за простой трудъ. Теперь умѣнье читать и писать стало доступно массѣ и монопольная цѣна работъ, требующихъ первоначальнаго воспитанія, значительно упала оттого, что соперничество на нихъ возрасло въ пропорціи, почти неимовѣрной. Но все таки еще остается въ платѣ неравенство, больше того, какое объяснялось бы принципомъ соперничества. Конторскій писецъ, отъ котораго требуется только механическій трудъ переписки, получаетъ больше, чѣмъ приходилось бы ему по простому разсчету требуемаго усилія, если получаетъ такую же плату, какъ каменьщикъ. Его работа въ десять разъ легче, обучиться ей также легко, а положеніе его менѣе шатко, потому что работа въ конторѣ вообще дается ему на цѣлую жизнь. Высота платы ему должна во первыхъ приписываться монополіи, тому, что требуемое для него небольшое образованіе еще не распространилось такъ, чтобы являлось естественное число соискателей; во вторыхъ она происходитъ отъ остающагося вліянія прежняго обычая, который требуетъ, чтобы конторскіе писцы имѣли одежду и внѣшній видъ людей сословія, получающаго больше, чѣмъ каменьщики. Въ нѣкоторыхъ ручныхъ занятіяхъ, требующихъ чистоты отдѣлки, пріобрѣтаемой только долговременной практикой, трудно за какую бы то ни было плату по-

лучить достаточное число работниковъ, способныхъ къ деликатнѣйшей части дѣла, и плата имъ ограничивается только тѣмъ, какую цѣну соглашаются платить покупщики за производимый ими товаръ. Таково положеніе нѣкоторыхъ работниковъ часоваго мастерства, и работниковъ дѣлающихъ нѣкоторые изъ астрономическихъ и оптическихъ инструментовъ. Если бы способныхъ къ такимъ дѣламъ работниковъ было въ десять разъ больше нынѣшняго, нашлись бы покупщики на всю массу часовъ и инструментовъ ими дѣлаемыхъ, но не по нынѣшнимъ цѣнамъ, а по низшимъ цѣнамъ, которыя были бы естественнымъ послѣдствіемъ низшей платы. Еще въ большей степени прилагаются эти послѣдствія къ занятіямъ, въ которыя публика старается допускать только лицъ извѣстнаго общественнаго разряда; таковы такъ называемыя свободныя профессіи, въ которыя не легко допускается человѣкъ изъ сословія, считавшагося слишкомъ низкимъ, и въ которыхъ трудно получить успѣхъ подобному человѣку, если онъ не допущенъ въ нихъ.

Раздѣленіе между разными разрядами работниковъ до сихъ поръ остается такъ твердо и линія разграниченія между ними такъ рѣзка, что результатъ почти равняется наслѣдственному раздѣленію на касты: каждое занятіе пополняется главнымъ образомъ дѣтьми людей, уже занимавшихся имъ или занятіями, равными ему въ общественномъ мнѣніи, или дѣтьми людей, которые, родившись на низшей степени, успѣли подняться своею энергіею. Свободныя профессіи пополняются почти исключительно сыновьями людей, занимавшихся ими, или торговцевъ, стоящихъ на одной съ ними степени; точно также и въ низшихъ разрядахъ техническаго труда; а чернорабочіе, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, остаются наслѣдственно въ своемъ прежнемъ состояніи. Поэтому величина платы въ каждомъ изъ такихъ разрядовъ до сихъ поръ опредѣляется не только степенью размноженія общаго населенія страны, сколько размноженіемъ людей этого самого разряда. Если свободныя профессіи переполнены, это потому что очень размножился классъ общества, изъ котораго всегда преимущественно пополнялись свободныя профессіи, и потому что почти всѣ люди этого класса имѣютъ помногу дѣтей, и если не всѣхъ, то многихъ сыновей воспитываютъ для своихъ профессій. Если плата ремесленникамъ остается гораздо выше платы чернорабочимъ, это потому, что ремесленники болѣе благоразумны и не женятся такъ рано, или такъ необдуманно. Но перемѣны, столь быстро происходящія нынѣ въ обычаяхъ и понятіяхъ, подрываютъ всѣ эти подраздѣле-

нія. Привычки и невозможность обучиться, приковывавшія людей къ ихъ наслѣдственному состоянію, быстро ветшаютъ, и каждый классъ подвергается теперь уже возросшему и еще возрастающему соперничеству изъ разряда, стоящаго непосредственно ниже его, а частію и изъ разрядовъ еще низшихъ. Общее постепенное паденіе условныхъ преградъ и увеличеніе возможности получать воспитаніе, которое отчасти уже стало, и со временемъ еще больше станетъ доступно всѣмъ,—эти перемѣны, ведущія къ множеству превосходныхъ слѣдствій, ведутъ также и къ одному дурному слѣдствію, къ пониженію платы за трудъ выше простаго чернаго. Правда, что неравенство вознагражденія мастеровому и чернорабочему теперь гораздо больше, чѣмъ слѣдовало бы ему быть, надобно желать, чтобы эта несправедливость исправилась повышеніемъ платы чернорабочему, а не пониженіемъ платы мастеровому. Но если другія перемѣны, происходящія въ обществѣ, не сопровождаются усиленіемъ задержекъ размноженія со стороны общей массы работниковъ, то мастеровые низшихъ разрядовъ будутъ подвергаться вліянію размноженія сословій, размножающихся по низшему уровню житейскихъ удобствъ; отъ этого положеніе мастеровыхъ будетъ ухудшаться безъ повышенія быта массы: видя возможность пополнять собою классъ мастеровыхъ, работники низшаго класса получаютъ такое поощреніе къ размноженію, что наполнятъ все мѣсто отбиваемое ими у мастеровыхъ, не уменьшаясь сами въ числѣ.

3. Надобно указать еще одно обстоятельство, вмѣшательствомъ котораго нѣсколько измѣняется дѣйствіе принциповъ, разсмотрѣнныхъ нами. Плата за трудъ, требующій обученія, и въ особенности за трудъ, требующій школьнаго обученія, держится на монопольной высотѣ, потому что массѣ не дано возможности получать такое воспитаніе,—таково общее правило; но сила этого принципа, ослабляющаго соперничество, значительно ослаблялась въ прежнія времена тѣмъ, что правительство или доброта частныхъ лицъ давали какъ бы въ милостыню образованіе числу лицъ, гораздо большему того количества, какое могло бы воспитываться такъ на свой собственный счетъ. Адамъ Смитъ замѣтилъ, что это обстоятельство имѣетъ своимъ результатомъ пониженіе платы вообще за всякое ученое или книжное занятія, и въ особенности за вознагражденія духовенству, литераторамъ, учителямъ и другимъ наставникамъ юношества. Наилучшимъ разъясненіемъ этого дѣла послужатъ слова самого Адама Смита.

«Считалось дѣломъ чрезвычайно важнымъ, чтобы надлежащее

число молодыхъ людей воспитывалось для извѣстныхъ профессій; обществомъ или благотворительностью частныхъ жертвователей учреждено съ этою цѣлью множество стипендій и другихъ суммъ для содержанія учениковъ; такимъ образомъ привлекается къ этимъ занятіямъ гораздо больше лицъ, чѣмъ могло бы стремиться къ нимъ безъ постороннихъ пожертвованій. Если не ошибаюсь, во всѣхъ христіанскихъ земляхъ такимъ способомъ покрываются расходы воспитанія большей части духовенства. Очень немногія изъ духовныхъ лицъ воспитались исключительно на свой счетъ. Поэтому долгое, утомительное и дорогое воспитаніе лицъ, обучавшихся на свой счетъ, не всегда доставляетъ имъ надлежащее вознагражденіе: духовныя мѣста наполняются людьми, которые, лишь бы получить занятіе, соглашаются принять вознагражденіе гораздо меньшее, чѣмъ на какое имѣли бы они право по своему воспитанію, и соперничество бѣдныхъ отнимаетъ вознагражденіе у богатыхъ. Безъ сомнѣнія неприлично сравнивать священника приходской или домовой церкви съ работникомъ какого нибудь простаго ремесла, но нѣтъ неприличія считать плату священнику за вознагражденіе того же рода́, какъ плата работника. Священникъ приходской или домовой церкви и работникъ одинаково получаютъ плату за свой трудъ по условіямъ, какія могутъ заключить съ лицами, дающими имъ занятіе. До половины XIV вѣка пять марокъ, по количеству содержавшагося въ нихъ серебра равнявшихся нынѣшнимъ 10 фунтамъ, были въ Англіи обыкновенною платою викарному священнику (curate), какъ мы видимъ въ правилахъ, опредѣленныхъ національными соборами. Въ томъ же періодѣ обыкновенною поденною платою каменьщику мастеру называются четыре пенса, по количеству серебра равнявшіеся нынѣшнему шиллингу, а три пенса, равнявшіеся нынѣшнимъ девяти пенсамъ, обыкновенною платою простому каменьщику (Statute of Labourers, 25 Edw. III). Такимъ образомъ плата обоимъ этимъ работникамъ была гораздо выше платы викарному священнику, если они постоянно имѣли работу. Если каменьщикъ мастеръ оставался безъ работы цѣлую треть года, онъ все-таки получалъ въ годъ столько же, какъ викарный священникъ. Законъ 12 года правленія Анны въ отдѣлѣ 12 (12th of Queen Anne, c. 12) говоритъ: «по недостаточному содержанію и поощренію викарнымъ священникамъ, должности ихъ въ разныхъ мѣстахъ заняты людьми плохими, потому епископъ уполномочивается назначать грамотою за своею подписью и печатью достаточное вѣрное жалованье или доходъ викарному свя-

щеннику не выше 50 и не ниже 20 фунтовъ въ годъ». Жалованье въ 40 фунтовъ считается теперь очень хорошимъ для викарнаго священника и не смотря на парламентскій актъ, повелѣвающій давать имъ такое жалованье, много есть викарныхъ священниковъ, получающихъ меньше 20 фунтовъ жалованья. 20 фунтовъ часто получаютъ простые работники во многихъ сельскихъ приходахъ. Когда законъ пытался опредѣлить величину платы работникамъ, онъ всегда думалъ больше о ея пониженіи, чѣмъ о повышеніи. Но часто онъ пытался повысить плату викарнымъ священникамъ и для соблюденія достоинства церкви обязать главныхъ приходскихъ священниковъ (rectors) давать викаріямъ больше того жалкаго содержанія, на какое могли бы согласиться сами викаріи. Въ томъ и другомъ случаѣ законъ кажется оставался равно безсиленъ: онъ никогда не могъ ни поднять платы викарнымъ священникамъ, ни понизить платы работникамъ до той степени, до какой хотѣлъ, потому что не могъ помѣшать приходскимъ священникамъ, при стѣсненности ихъ положенія и многочисленности соискателей, соглашаться на плату меньшую законной, не могъ помѣшать и работникамъ получать плату больше опредѣленной, по причинѣ противоположнаго соперничества людей, ожидающихъ получить прибыль или удовольствіе отъ найма ихъ на работу.»

«Если бы воспитывалась на общественный счетъ такая же пропорція людей для профессій, въ которыхъ нѣтъ жалованья, напримѣръ для занятій юриспруденціею (?) и медициною, то соперничество скоро увеличилось бы до того, что очень понизило бы въ нихъ денежное вознагражденіе. Тогда могло бы дойти даже до того, что никакому отцу не было бы разсчета воспитывать сына на свои деньги для этихъ профессій, и онѣ были бы совершенно оставлены однимъ людямъ, воспитаннымъ на счетъ общественной благотворительности; при своей многочисленности и бѣдности эти люди были бы вообще принуждены довольствоваться очень жалкимъ вознагражденіемъ.»

«Несчастное племя людей, обыкновенно называемыхъ литераторами, находится въ положеніи очень похожемъ на то, въ какое вѣроятно были бы поставлены по предъидущему предположенію юристы и медики. Во всѣхъ европейскихъ странахъ большая часть изъ нихъ были воспитаны для занятія церковныхъ мѣстъ, но по какимъ нибудь обстоятельствамъ не вступили въ духовное званіе. Такимъ образомъ вообще они были воспитаны на общественный

счетъ, и повсюду многочисленность ихъ такова, что цѣна ихъ труда уменьшилась до очень жалкаго вознагражденія.»

«До изобрѣтенія книгопечатанія, единственное занятіе, черезъ которое литераторъ могъ что нибудь пріобрѣсти своими талантами, было занятіе общественнымъ или частнымъ преподаваніемъ, изустнымъ ознакомленіемъ другихъ людей съ пріобрѣтенными имъ любопытными и полезными знаніями. Это занятіе и до сихъ поръ остается почетнѣе, полезнѣе, и вообще даже выгоднѣе, чѣмъ сочиненіе книгъ для книгопродавца, порожденное книгопечатаніемъ. Чтобы сдѣлаться отличнымъ преподавателемъ, нужно по крайней мѣрѣ столько же времени и труда, таланта, знанія и приложенія, сколько нужно для величайшихъ юристовъ и медиковъ. Но обыкновенное вознагражденіе отличнаго преподаванія несравненно меньше вознагражденія юристу или медику, потому что ремесло преподавателя наводнено бѣдняками, воспитанными для этого занятія на общественный счетъ, а медицинская и юридическая карьера почти не стѣсняется людьми, воспитавшимися не на свой счетъ. Но какъ ни мало вознагражденіе преподавателя, оно непремѣнно стало бы еще меньше, если бы не устранялось съ рынка соперничество еще болѣе нуждающихся литераторовъ, пишущихъ изъ за одного хлѣба. До изобрѣтенія книгопечатанія «ученый» и «нищій» были почти синонимами. Начальники университетовъ часто давали тогда своимъ подчиненнымъ письменныя разрѣшенія собирать милостыню.»

4. Запросъ на литературный трудъ возросъ со временъ Адама Смита, а число воспитанниковъ, обучающихся на счетъ благотворительности, ни въ одной странѣ не увеличилось значительнымъ образомъ, напротивъ оно очень уменьшилось въ странахъ испытавшихъ революціи; потому нельзя теперь приписывать благотворительнымъ учебнымъ заведеніямъ большаго вліянія на недостаточность вознагражденія за литературный трудъ. Но почти равносильное дѣйствіе производится теперь другою подобною причиною,— соперничествомъ лицъ, которыхъ по аналогіи съ другими искусствами можно назвать аматерами. Литература—одно изъ тѣхъ занятій, въ которыхъ могутъ достигать успѣха люди, большую часть своего времени посвящающіе другимъ занятіямъ, а необходимое для нея воспитаніе — общее воспитаніе всѣхъ образованныхъ людей. Независимо отъ денежныхъ побужденій она имѣетъ при нынѣшнемъ состояніи дѣлъ сильную привлекательность для каждаго, кто хочетъ удовлетворить самолюбію или достичь какихъ нибудь личныхъ или общественныхъ цѣлей. Эти побужденія привлекаютъ на

литературную карьеру людей, не нуждающихся въ денежномъ вознагражденіи отъ нея и которые все равно стали бы заниматься ею, если бы она и не давала вовсе никакого вознагражденія; число такихъ людей уже велико и постоянно увеличивается. У насъ въ Англіи (ограничимся примѣрами всѣмъ извѣстными) не были писателями по профессіи: самый вліятельный и, должно сказать, самый глубокомысленный писатель новаго времени (Бентамъ), величайшій изъ политико-экономовъ (Рикардо), поэтъ, пользовавшійся наибольшею мимолетною славою (Байронъ) и поэтъ, дѣйствительно самый великій (Шеллій) и беллетристъ, имѣвшій наиболѣе успѣха (Вальтеръ Скоттъ); и только двое изъ этихъ пяти писателей, Скоттъ и Байронъ, могли бы жить своими сочиненіями. Подобными людьми наполнены въ значительной степени всѣ высшія отрасли литературнаго занятія. Потому, если писатели, имѣющіе наиболѣе успѣха, получаютъ теперь несравненно болѣе денежнаго выигрыша, чѣмъ когда нибудь въ прежнее время, то все таки, сосчитавъ хорошенько шансы успѣха при нынѣшнемъ соперничествѣ, мы увидимъ, что никакъ нельзя разсчитывать писателю на полученіе средствъ къ жизни отъ своихъ книгъ, а жить сотрудничествомъ въ беллетристическихъ журналахъ становится съ каждымъ днемъ труднѣе. Надежду на полученіе средствъ къ жизни представляютъ теперь образованному человѣку лишь тѣ отрасли литературнаго труда, которыя обременительны и непріятны, и не даютъ личной знаменитости, какъ напримѣръ сотрудничество въ газетахъ и мелкихъ періодическихъ изданіяхъ. Въ этихъ отрасляхъ вознагражденіе вообще бываетъ значительно, потому что онѣ если и подвержены соперничеству людей, называвшихся въ старину «бѣдными учеными», — людей, получившихъ ученое воспитаніе на счетъ общественной или частной благотворительности, то избавлены отъ соперничества аматеровъ; рѣдко являются кандидатами на такія занятія люди, имѣющіе средства къ жизни независимыя отъ литературы. Предметомъ, достойнымъ вниманія мыслителей, были бы вопросы: не происходятъ ли эти обстоятельства отъ коренной фальшивости въ понятіи о литературномъ занятіи какъ о профессіи, и хорошо ли, да и можетъ ли быть долговременнымъ такое общественное устройство, при которомъ наставники человѣческаго рода суть люди, передающіе другимъ свои знанія за кусокъ хлѣба?

На духовную карьеру, какъ на литературную, вступаетъ много людей съ независимыми средствами или по религіозному усердію, или ради ея почетности или полезности, или въ надеждѣ по-

лучить высшіе выигрыши, представляющіеся въ ней. Главнымъ образомъ отъ этой причины происходитъ теперь то, что жалованье викарныхъ священниковъ такъ мало; оно значительно возвысилось вліяніемъ общественнаго мнѣнія, но все еще слишкомъ недостаточно чтобы служить единственнымъ средствомъ къ жизни для человѣка, отъ котораго требуется образъ жизни такой, какъ отъ священника англиканской церкви.

Если извѣстнымъ дѣломъ занимаются преимущественно люди, получающіе главную часть своихъ доходовъ изъ другихъ источниковъ, то вознагражденіе за это дѣло можетъ быть несравненно ниже платы за другое дѣло, равное ему по трудности. Важнѣйшимъ примѣромъ тому служатъ домашнія рукодѣлья. Когда пряденьемъ и вязаньемъ занимались въ каждомъ коттеджѣ семейства, получавшія главныя средства къ жизни отъ земледѣлія, то продажная цѣна ихъ продукта, составлявшая вознагражденіе за ихъ труды, была часто такъ низка, что лишь при большомъ усовершенствованіи машинъ можно было бы брать цѣну меньше этой. Въ такихъ случаяхъ величина вознагражденія зависитъ главнымъ образомъ отъ того, достаточно ли для удовлетворенія всего запроса количество товара, производимаго подобнымъ трудомъ. Если оно недостаточно, и если оттого есть необходимость въ работникахъ, которые исключительно посвящали бы себя этому дѣлу, то цѣна товара должна имѣть высоту, достаточную на доставленіе этимъ работникамъ обыкновенной платы; если такъ, она будетъ давать очень хорошее вознагражденіе лицамъ, производящимъ товаръ въ досужее время. Но если запросъ такъ ограниченъ, что домашнимъ рукодѣльемъ можно съ избыткомъ удовлетворить его весь, то цѣна естественно понижается до наименьшей величины, какую въ семействахъ поселянъ считаютъ заслуживающею труда продолжать производство. Цюрихъ можетъ выдерживать соперничество на европейскомъ рынкѣ съ англійскимъ капиталомъ, каменнымъ углемъ и англійскими машинами, конечно только потому, что цюрихскіе работники живутъ не исключительно вознагражденіемъ за свою ткацкую работу *). Таковы условія, отъ которыхъ зависитъ воз-

*) Четыре пятыхъ части изъ цюрихскихъ ткачей — поселяне, и большею частію поселяне-собственники. Производствомъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій исключительно или отчасти заняты 23 тысячи человѣкъ, т. е. около 10 части населенія. Потребленіе хлопчатой бумаги на каждаго жителя въ цюрихскомъ кантонѣ больше, чѣмъ во Франціи и Англіи. Статистическое описаніе цюрихскаго кантона (цитованное выше), стр. 105, 108, 110.

награжденіе за второстепенную работу; но по отношенію къ работникамъ, имѣющимъ этотъ вспомогательный доходъ, почти неизбѣжнымъ слѣдствіемъ бываетъ соразмѣрное ему уменьшеніе платы за главное ихъ занятіе (если нѣтъ особенныхъ, противодѣйствующихъ тому причинъ). Привычки народа (какъ мы уже много разъ замѣчали) въ каждой странѣ требуютъ извѣстнаго образа жизни, какъ условія, безъ котораго люди не захотятъ рождать дѣтей, и не простираютъ своей разборчивости выше этого уровня. Изъ одного или двухъ источниковъ получается доходъ, содержащій ихъ въ такомъ положеніи, это все равно; если сверхъ одного есть другой источникъ дохода, они меньше требуютъ отъ перваго, и размножаются до степени, не дающей имъ получать отъ обоихъ занятій больше, чѣмъ получили бы они отъ одного какого нибудь изъ этихъ занятій, если бы оно было единственнымъ ихъ трудомъ, по крайней мѣрѣ такъ всегда бывало до сихъ поръ.

По той же самой причинѣ оказывается, что при равенствѣ другихъ условій вообще бываетъ хуже плата въ занятіяхъ, въ которыхъ жена и дѣти помогаютъ труду работника. Въ этихъ занятіяхъ доходъ, требуемый привычками сословія, — доходъ, до котораго почти непремѣнно понижается плата отъ размноженія,— составляется заработками всего семейства, между тѣмъ какъ въ другихъ занятіяхъ тотъ же доходъ долженъ получаться трудомъ одного мужчины. Вѣроятно даже, что всѣ заработки всей семьи будутъ составлять сумму меньше заработка одного мужчины въ другихъ занятіяхъ, потому что благоразумная воздержность въ заключеніи брака чрезвычайно слаба, когда единственнымъ прямымъ слѣдствіемъ брака кажется улучшеніе быта; соединивъ свои заработки мужчина и женщина могутъ завести хозяйство лучше послѣ свадьбы, чѣмъ имѣли до свадьбы. Такъ и бываетъ у ткачей при ручныхъ станкахъ. Почти во всѣхъ отрасляхъ ткачества женщина можетъ получать и получаетъ столько же, какъ мужчина, а дѣти работаютъ съ очень раннихъ лѣтъ. Но нѣтъ почти ни одного занятія, въ которомъ цѣлое семейство получало бы такъ мало дохода, и гдѣ люди женились бы такъ рано, какъ въ сословіи ткачей. Замѣчательно то, что есть извѣстныя отрасли ткацкой работы, въ которыхъ плата выше обыкновенной ткацкой платы, и что эти отрасли — тѣ, въ которыхъ не работаютъ ни женщины, ни дѣти. Факты эти засвидѣтельствованы коммиссіею, изслѣдовавшею положеніе ткачей (Hand-loom Weavers Commission), отчетъ которой изданъ въ 1841 году. Но нельзя выводить изъ

этого аргументовъ объ исключеніи женщинъ отъ свободнаго соперничества на трудовомъ рынкѣ. Если трудъ мужчины и женщины даетъ имъ даже и не больше платы, чѣмъ получилъ бы одинъ мужчина, то очень важна выгода для женщины, что существованіе ея не зависитъ отъ господина. Но дѣти по необходимости должны быть въ зависимомъ положеніи, потому пониженіе платы отъ ихъ соперничества на трудовомъ рынкѣ служитъ важнымъ обстоятельствомъ въ вопросѣ объ ограниченіи труда ихъ для того, чтобы могли они лучше воспитываться.

5. Большаго вниманія заслуживаетъ вопросъ, почему рабочая плата женщинамъ вообще ниже и очень ниже платы мужчинамъ. Разница эта существуетъ не во всѣхъ занятіяхъ. Если мужчины и женщины занимаются однимъ дѣломъ и равно способны къ этому дѣлу по физической силѣ, то плата имъ не всегда бываетъ не одинакова. На фабрикахъ женщины получаютъ иногда столько же, какъ мужчины, столько же получаютъ онѣ и при тканьѣ на ручныхъ станкахъ, гдѣ плата бываетъ поштучная и равенство ея служитъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ успѣшности труда женщинъ. Если при одинаковой успѣшности труда плата не одинакова, это можно объяснить только обычаемъ, основаннымъ или на предразсудкѣ или на нынѣшнемъ общественномъ устройствѣ, которое, дѣлая почти каждую женщину принадлежностью какого нибудь мужчины, даетъ мужчинамъ возможность систематически захватывать большую часть изъ того, что принадлежитъ мужчинамъ и женщинамъ вмѣстѣ. Но главнымъ образомъ относится вопросъ къ собственно женскимъ занятіямъ. Вознагражденіе за эти работы, сколько я знаю, всегда гораздо ниже платы за мужскія работы равнаго искусства и равной обременительности. Въ нѣкоторыхъ такихъ случаяхъ вопросъ очевидно рѣшается прежнимъ отвѣтомъ, напримѣръ въ платѣ домашней прислугѣ, вознагражденіе которой вообще не опредѣляется соперничествомъ, а бываетъ гораздо выше рыночной цѣнности труда: изъ этого прибавочнаго количества мужчины получаютъ гораздо большую часть, чѣмъ женщины, какъ почти и во всѣхъ другихъ дѣлахъ, опредѣляемыхъ обычаемъ. Въ занятіяхъ, въ которыхъ хозяева вполнѣ пользуются соперничествомъ, низкость платы женщинамъ сравнительно съ обыкновеннымъ заработкомъ мужчинъ показываетъ, что эти занятія переполнены: количество женщинъ, живущихъ рабочею платою, гораздо меньше количества мужчинъ; но сравнительно съ мужскими занятіями такъ мало занятій, открытыхъ женщинамъ по закону или

обычаю, что сфера этихъ занятій болѣе переполнена. Надобно еще замѣтить, что при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ извѣстная степень переполненія можетъ понизить плату женщинамъ до minimum'а, гораздо низшаго, чѣмъ плату мужчинамъ. Рабочая плата женщинѣ, по крайней мѣрѣ одинокой женщинѣ, должна содержать ее, но нѣтъ необходимости, чтобы эта плата была больше; minimum женской платы—жалкая сумма, абсолютно необходимая на продовольствіе одного человѣка. А низшая величина, до какой можетъ постояннымъ образомъ упасть отъ самаго чрезмѣрнаго соперничества плата мужчинѣ, всегда бываетъ нѣсколько больше этого. Жена работника не прибавляетъ по общему обычаю никакого заработка къ его заработку, потому плата мужчинѣ должна давать содержаніе по крайней мѣрѣ ему, женѣ и количеству дѣтей, нужному на поддержаніе населенности; если бы она была меньше, то стало бы уменьшаться число населенія. А если жена и заработываетъ что нибудь, то заработки ея и мужа вмѣстѣ должны содержать не только ихъ двоихъ, но и ихъ дѣтей, по крайней мѣрѣ до нѣсколькихъ лѣтъ. Такимъ образомъ кромѣ временныхъ кризисовъ или упадающихъ занятій, крайній предѣлъ низкой платы въ занятіяхъ, служащихъ источникомъ жизни, можетъ представляться почти только въ женскихъ занятіяхъ.

6. Въ этихъ разъясненіяхъ мы до сихъ поръ говорили по предположенію, что соперничество свободно отъ человѣческаго вмѣшательства и ограничивается только естественными причинами, или преднамѣреннымъ дѣйствіемъ общаго національнаго положенія. Но законъ или обычай могутъ стараться объ ограниченіи соперничества. Если законы объ ученичествѣ или корпоративныя правила дѣлаютъ доступъ къ извѣстному занятію медленнымъ, дорогимъ или труднымъ, то плата въ этомъ занятіи можетъ держаться гораздо выше своей естественной пропорціи къ платѣ за простой трудъ. Предѣломъ ея высоты можетъ служить только то, что плата, превосходящая обыкновенную пропорцію, требуетъ соотвѣтственной цѣны товара, а есть цѣнѣ такой предѣлъ, за которымъ и ограниченное число производителей не можетъ сбыть всего своего продукта. Почти во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ подобныя стѣсненія, нѣкогда существовавшія, отмѣнены или очень ослаблены и безъ сомнѣнія скоро исчезнутъ вовсе. Но въ нѣкоторыхъ занятіяхъ союзы работниковъ производятъ до извѣстной степени такое же дѣйствіе. Союзы эти могутъ поддерживать рабочую плату на искусственной высотѣ лишь тогда, когда ограничиваютъ

число соискателей. Ограничивать его они иногда успѣваютъ. Во многихъ занятіяхъ работники успѣли сдѣлать, что посторонним людямъ почти невозможно становиться въ нихъ работниками или учениками иначе, какъ въ ограниченномъ числѣ и по правиламъ, какія постановлены обществомъ работниковъ. Коммиссія, изслѣдовавшая положеніе ткачей (Hand-loom Weavers Commission) свидѣтельствуетъ, что это обстоятельство служитъ новымъ обремененіемъ судьбы ихъ несчастнаго сословія. Собственное ихъ занятіе переполнено и почти разрушено; есть много другихъ занятій, которымъ они могли бы легко научиться, но этому почти непреодолимымъ препятствіемъ служатъ, по словамъ коммиссіи, союзы работниковъ въ такихъ занятіяхъ.

Въ этомъ особенномъ случаѣ исключительность подобныхъ союзовъ имѣетъ тяжелое дѣйствіе, но вообще говоря подобные союзы производили въ прежнее время больше пользы, чѣмъ вреда. Мы не говоримъ, о жестокостяхъ иногда совершавшихся союзами, о томъ, что они прибѣгали иногда къ насилію или угрозамъ,—такіе поступки заслуживаютъ строжайшаго обузданія. Но если нынѣшнее положеніе привычекъ народа никогда не улучшится, эти частные союзы, на сколько они успѣваютъ поддерживать высоту платы въ извѣстномъ занятіи ограниченіемъ числа работниковъ, должны считаться просто оградою около извѣстнаго мѣста противъ стѣсненія его избыткомъ населенія; благодаря этому плата работникамъ опредѣляется ихъ собственнымъ размноженіемъ, а не размноженіемъ класса людей болѣе беззаботнаго и непредусмотрительнаго. Слѣдуетъ сказать, однакоже, что прошло время, когда приверженцы улучшеній человѣческаго быта могли съ удовольствіемъ смотрѣть на попытки небольшихъ круговъ общества, принадлежащихъ къ рабочему ли, или къ другому классу, организовать особенный сословный интересъ, противоположный интересу массы работниковъ, и охранять этотъ интересъ исключеніемъ хотя бы только и чрезъ нравственное принужденіе всѣхъ соперниковъ изъ своей сферы, имѣющей болѣе высокую плату. Теперь уже нельзя выбрасывать изъ соображенія массу народа какъ массу, по безнадежной грубости неспособную воспользоваться открываемыми ей выходами и могущую только понизить другихъ до своего уровня, при ея допущеніи къ соперничеству съ ними. Теперь главною цѣлью всѣхъ усилій должно быть не поддержаніе монополіи отдѣльныхъ кружковъ работниковъ противъ массы, а поднятіе нравственной энергіи и общественнаго быта всей массы работниковъ;

необходимымъ условіемъ того служитъ, чтобы отъ высшихъ выгодъ техническаго занятія не исключался никто, способный по своимъ дарованіямъ выучиться ему и по своей честности способный безъ обмана исполнять его.

7. Въ заключеніе я долженъ повторить прежнее замѣчаніе, что есть отрасли труда, въ которыхъ плата опредѣляется не соперничествомъ, а обычаемъ; такова плата людямъ свободныхъ профессій: докторамъ, адвокатамъ и даже ходатаямъ по дѣламъ. Вообще говоря, плата всѣмъ лицамъ одного изъ такихъ занятій почти одинакова; соперничество дѣйствуетъ и здѣсь не меньше, чѣмъ въ другихъ занятіяхъ, но вообще дѣйствуетъ оно здѣсь распредѣленіемъ работы, а не уменьшеніемъ платы за нее. Причиною тому вѣроятно было мнѣніе, что подобныя лица заслуживаютъ болѣе довѣрія, если получаютъ плату высокую сравнительно съ количествомъ своего труда; это мнѣніе дѣйствуетъ такъ сильно, что если бы адвокатъ или медикъ предложилъ свои услуги за плату меньшую обыкновенной, онъ вѣроятно не увеличилъ бы свою практику, а напротивъ потерялъ бы и прежнюю практику. По такимъ же причинамъ обыкновенно даютъ плату гораздо высшую рыночной цѣны извѣстнаго труда всѣмъ лицамъ, на которыхъ желаетъ хозяинъ возложить особенное довѣріе или отъ которыхъ онъ требуетъ заботливости, высшей простаго исполненія службы. Напримѣръ, почти каждый даетъ своей домашней прислугѣ плату выше той, за какую могъ бы купить на рынкѣ трудъ лицъ, столь же способныхъ къ требуемому труду. Онъ дѣлаетъ это не по одному тщеславію, а также и по побужденіямъ, болѣе основательнымъ: онъ или не любитъ торговаться до крайности съ людьми, которыхъ постоянно видитъ около себя, или ему непріятно имѣть около себя и постоянно на своихъ глазахъ людей съ наружностью и привычками, какими обыкновенно сопровождается низкое вознагражденіе. Такими же мыслями руководятся промышленные люди относительно своихъ конторщиковъ и другихъ служащихъ. Щедрость, благородство и надобность имѣть вѣрнаго работника не даютъ хозяину до крайности пользоваться выгодами соперничества, когда хозяинъ руководится этими побужденіями; безъ сомнѣнія эти чувства могли бы руководить и даже теперь руководятъ многими хозяевами во всѣхъ великихъ отрасляхъ промышленности и надобно назвать дѣломъ чрезвычайно хорошимъ ихъ вліяніе. Но никакъ не могутъ они поднять средней платы за трудъ выше величины, опредѣляемой пропорціею между населеніемъ и капиталомъ. Если каждому изъ по-

лучающихъ работу дается больше, то уменьшается число людей, которымъ можно дать работу, и какъ ни превосходно нравственное дѣйствіе щедрости и великодушія, но въ экономическомъ отношеніи они приносятъ мало пользы, — исключеніемъ бываетъ развѣ тотъ случай, когда пауперизмъ людей, исключенныхъ отъ работы, ведетъ косвеннымъ образомъ къ исправленію дѣла тѣмъ, что служитъ сильнѣйшею задержкою размноженію.

ГЛАВА XV.

ПРИБЫЛЬ.

1. Разсмотрѣвъ, какую долю продукта получаетъ работникъ, мы теперь займемся долею капиталиста, прибылью на капиталъ или затраченный фондъ, барышемъ человѣка, дѣлающаго затрату на издержки производства, дающаго изъ своего имущества плату работникамъ или содержащаго ихъ во время работы, дающаго производству требуемыя помѣщенія, матеріалы, или орудія, или машины,—человѣка, которому по обыкновеннымъ условіямъ договора принадлежитъ продуктъ, которымъ онъ можетъ располагать по произволу. За покрытіемъ сдѣланныхъ имъ издержекъ, обыкновенно остается излишекъ, — это его прибыль, чистый доходъ на его капиталъ, сумма, которую онъ можетъ расходовать на предметы необходимости или удовольствія, или изъ которой онъ можетъ прибавлять къ своему богатству новыя сбереженія.

Какъ плата работника есть вознагражденіе за трудъ, такъ прибыль капиталиста, по удачному выраженію Синьйора, служитъ собственно вознагражденіемъ за воздержаніе. Прибыль капиталиста—выигрышъ его чрезъ то, что онъ отказывается потреблять свой капиталъ на свои личныя надобности и предоставляетъ производительнымъ работникамъ потреблять его на ихъ надобности. За это отреченіе онъ требуетъ вознагражденія. Очень часто въ личномъ наслажденіи онъ выигралъ бы, еслибы растрачивалъ свой капиталъ, потому что сумма прибыли за всѣ годы, которые можетъ онъ по разсчету вѣроятности прожить, меньше суммы его капитала. Но сохраняя капиталъ въ цѣлости, онъ можетъ потребить его всегда, когда ему будетъ угодно или нужно; можетъ передать его другимъ при своей смерти, а до той поры получаетъ отъ него доходъ, который можетъ, не бѣднѣя, употреблять на удовлетвореніе своимъ надобностямъ или наклонностямъ.

Но собственно вознагражденіемъ за самое пользованіе капиталомъ бываетъ только часть выгоды, которую можетъ доставлять капиталъ своему владѣльцу; лишь та сумма изъ этой выгоды, какую другой человѣкъ согласился бы заплатить за ссуду этого капитала. Эта часть, какъ извѣстно каждому, называется процентами и она одна составляетъ все, что можетъ выиграть человѣкъ простою воздержностію отъ непосредственнаго потребленія своего капитала и отъ предоставленія другимъ возможности употреблять его на производство. Какое вознагражденіе въ извѣстной странѣ получается за одну воздержность, мѣрою тому бываетъ существующая величина процентовъ по вѣрнѣйшимъ займамъ, обезпеченнымъ на столько, что нѣтъ при нихъ никакого шанса потерять данную въ займы сумму. Человѣкъ же, самъ наблюдающій за употребленіемъ своего капитала, всегда ожидаетъ получить больше и обыкновенно гораздо больше этихъ процентовъ. Величина прибыли гораздо больше величины процентовъ. Часть излишка служитъ вознагражденіемъ за рискъ. Отдавая свой капиталъ въ ссуду подъ вѣрнѣйшее обезпеченіе, владѣлецъ почти не подвергается или вовсе не подвергается риску. Но если онъ самъ ведетъ предпріятія, капиталъ его всегда подвергается нѣкоторой, а во многихъ случаяхъ большой опасности погибнуть или отчасти или вполнѣ. За эту опасность онъ долженъ быть вознаграждаемъ, иначе онъ не станетъ подвергаться ей. Точно также онъ долженъ быть вознагражденъ за посвященіе своего времени и труда дѣлу. Надзоръ за промышленными операціями обыкновенно принадлежитъ человѣку, который производитъ всѣ или почти всѣ затраты на это предпріятіе, и который, по обыкновенному промышленному устройству, или одинъ заинтересованъ прямымъ образомъ въ результатѣ, или заинтересованъ въ немъ гораздо больше другихъ. Если предпріятіе обширно и сложно, этотъ контроль требуетъ большей внимательности и часто требуетъ искусства, не совсѣмъ обыкновеннаго. Внимательность и искусство должны быть вознаграждены.

Всѣ эти три вознагражденія должны доставляться валовою прибылью на капиталъ, выгодою, получаемою человѣкомъ, давшимъ сумму на производство. Валовая прибыль должна давать достаточное вознагражденіе за воздержность, за рискъ, наконецъ за трудъ и искусство, требуемые надзоромъ за дѣломъ. Эти три вознагражденія могутъ быть уплачиваемы разнымъ лицамъ или одному лицу. Капиталъ или часть капитала можетъ быть займомъ, принадлежать человѣку, не берущему на себя риска или хлопотъ предпріятія.

Въ этомъ случаѣ воздерживается отъ личнаго потребленія заимодавецъ или собственникъ капитала; онъ вознаграждается за это платимыми ему процентами, а разница между процентами и валовою прибылью вознаграждаетъ предпринимателя за трудъ и рискъ *). Иногда капиталъ или часть капитала доставляется такъ называемымъ бездѣйственнымъ сотоварищемъ (sleeping partner), который не участвуетъ въ хлопотахъ предпріятія, но участвуетъ въ рискѣ и за то получаетъ не просто проценты, а условленную долю валовой прибыли. Иногда капиталъ доставляется тѣмъ самымъ лицомъ, которое беретъ на себя рискъ, и дѣло ведется исключительно отъ его имени, но хлопоты веденія дѣла переданы другому человѣку, нанятому за опредѣленное жалованье. Но наемные служащіе, не заинтересованные въ результатѣ ничѣмъ, кромѣ желанія сохранить свое жалованье, вообще управляютъ такъ небрежно, что это вошло уже въ поговорку; нуженъ надзоръ хозяйскаго взгляда, если не контроль хозяйской руки; и благоразуміе почти всегда внушаетъ, чтобы давать безконтрольному управителю вознагражденіе, часть котораго зависѣла бы отъ величины прибыли, а при этомъ устройство предпріятія становится сходно съ устройствомъ, какое бываетъ при бездѣйственномъ сотоварищѣ. Наконецъ управлять дѣломъ можетъ то самое лицо, которому принадлежитъ капиталъ; распоряжаясь своимъ капиталомъ, оно прибавляетъ къ нему, если хочетъ и можетъ, распоряженіе капиталомъ другихъ собственниковъ, довѣряющихъ ему. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ остаются все тѣ же три элемента, требующіе вознагражденія изъ валовой прибыли: воздержаніе, рискъ, хлопоты, и три части, на которыя раздѣляется валовая прибыль, соотвѣтственно этимъ тремъ элементамъ, называются процентами, страховою преміею и платою за управленіе.

2. Наименьшая величина, на какой долговременно можетъ стоять прибыль, — та величина, которая только что доставляетъ требуемое въ данномъ мѣстѣ и въ данное время вознагражденіе за воздержаніе, рискъ и хлопоты, соединенные съ обращеніемъ капитала въ дѣло. Изъ валовой прибыли прежде всего должна быть вычитаема сумма, какая нужна на образованіе фонда, доста-

---

*) Слово «предприниматель» (undertaker) въ этомъ смыслѣ непривычно англійскому уху. Французскій политико-экономъ пользуется большою выгодою предъ англійскимъ въ томъ, что имѣетъ готовое выраженіе les profits de l'entrépreneur.

точнаго по средней пропорціи для покрытія всѣхъ потерь, случающихся въ дѣлѣ. Во вторыхъ, валовая прибыль должна доставлять владѣльцу капитала за рѣшимость не потреблять его такое вознагражденіе, какое въ этой мѣстности въ это время будетъ владѣльцу достаточнымъ побужденіемъ не отступать отъ воздержанія. Какая величина нужна для какого вознагражденія, зависитъ отъ того, на сколько въ данномъ обществѣ цѣнится будущее сравнительно съ настоящимъ, или, по прежнему нашему выраженію, зависитъ отъ силы дѣятельнаго стремленія къ накопленію. Далѣе, за покрытіемъ всѣхъ потерь и по вознагражденіи собственника за отказъ отъ потребленія, должна оставаться нѣкоторая сумма въ вознагражденіе труду и искусству лица, посвящающаго свое время этому дѣлу. Это вознагражденіе также должно имѣть величину, которая по крайней мѣрѣ казалась бы владѣльцамъ большихъ капиталовъ достаточною платою за ихъ хлопоты, казалась бы достаточнымъ побужденіемъ браться за эти хлопоты лицу, нанимаемому управлять дѣломъ. Если излишекъ, остающійся за расходами, не превышаетъ этой величины, то лишь большія массы капитала будутъ потребляться производительно, а если онъ меньше этой величины, то капиталъ будетъ вынутъ изъ производства и станетъ потребляться непроизводительно до той поры, пока величина прибыли поднимется косвеннымъ дѣйствіемъ такого уменьшенія въ капиталѣ (о чемъ мы будемъ говорить ниже).

Таковъ minimum прибыли; но эта наименьшая величина чрезвычайно измѣнчива, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ нѣкоторыя эпохи чрезвычайно низка, по большой измѣнчивости двухъ элементовъ изъ числа трехъ ея элементовъ. Въ одной изъ предъидущихъ главъ мы уже видѣли, что на разныхъ ступеняхъ цивилизаціи, при различныхъ общественныхъ устройствахъ, бываетъ очень различна величина требуемаго вознагражденія за воздержаніе, или дѣятельное стремленіе къ накопленію. Еще больше разница въ элементѣ, составляющемъ вознагражденіе за рискъ. Я говорю теперь не о томъ, что въ одномъ обществѣ разныя предпріятія разнятся между собою величиною риска для затрачиваемаго въ нихъ капитала, а о томъ, что въ разныхъ положеніяхъ общества степень безопасности собственности очень различна. Гдѣ, какъ во многихъ азіатскихъ государствахъ, собственность постоянно находится въ опасности быть отнятою тиранскимъ правительствомъ, или его хищными агентами, плохо контролируемыми; гдѣ быть или считаться имѣющимъ богатства значитъ быть предме-

томъ не только грабежа, но иногда и физическихъ мученій, которыми вынуждается человѣкъ открывать и отдавать скрытыя богатства; или гдѣ, какъ въ Европѣ въ среднихъ вѣкахъ, правительство такъ слабо, что если само и не желаетъ притѣснять, то оставляетъ своихъ подданныхъ беззащитными противъ сильнаго человѣка, который можетъ безнаказанно отнимать у нихъ имущество или не исполнять ихъ справедливыхъ требованій, — тамъ должна быть очень значительна величина прибыли, которая заставляла бы людей съ обыкновенными наклонностями отказываться отъ немедленнаго потребленія своего имущества, для того, чтобы подвергать это имущество и самихъ себя опасностямъ. Эти обстоятельства тяготѣютъ и надъ людьми, которые живутъ только процентами съ своего капитала, точно также, какъ надъ людьми, занятыми производствомъ. Въ обществѣ, которое пользуется безопасностью, рѣдко падаетъ на заимодавца рискъ, соединенный съ особеннымъ характеромъ какого-нибудь предпріятія, если заимодавецъ отдаетъ капиталъ подъ хорошее обезпеченіе; но при общественномъ положеніи, какое существуетъ во многихъ частяхъ Азіи, не бываетъ хорошимъ никакое обезпеченіе (кромѣ развѣ того, когда берутся въ залогъ драгоцѣнные камни и золото); человѣкъ и его имущество уже подвергаются риску однимъ тѣмъ, когда другіе знаютъ или подозрѣваютъ, что у него есть спрятанное богатство; этотъ рискъ такъ великъ, что едва ли можетъ вознаградить за него какая-нибудь прибыль, потому въ этихъ мѣстахъ накоплялось бы еще меньше, чѣмъ накопляется теперь, еслибы отъ необезпеченнаго положенія собственности не увеличивалось и число случаевъ, въ которыхъ сокровище служитъ своему владѣльцу средствомъ спасти жизнь или отвратить великія бѣдствія. При такомъ дурномъ правительствѣ заимодавцы даютъ деньги съ величайшей опасностью никогда не получить уплаты. Почти во всѣхъ индійскихъ государствахъ, сохранившихъ независимость, люди соглашаются давать деньги даже и правительству только за такіе проценты, что однимъ платежемъ процентовъ за немногіе годы кредиторъ порядочно вознаграждается, если данная сумма и не будетъ ему уплачена; а если по накопленіи процентовъ ему будетъ уплачено хотя по нѣскольку шиллинговъ за фунтъ всего долга, онъ вообще остается уже въ выгодѣ.

3. Отъ привлекательности или непріятности дѣла разница вознагражденія за капиталъ въ разныхъ занятіяхъ бываетъ гораздо больше, чѣмъ разница вознагражденія за трудъ. Напримѣръ въ

мелочной торговлѣ прибыль пропорціонально капиталу больше, чѣмъ въ оптовой торговлѣ или фабричныхъ предпріятіяхъ; одна изъ причинъ этой разницы та, что розничная торговля — занятіе менѣе почетное. Но главная разница вознагражденія за капиталъ въ разныхъ занятіяхъ происходитъ отъ разницы риска. Прибыль заводчика, дѣлающаго порохъ, должна быть значительно выше средней величины, чтобы вознаградить его за особенный рискъ, которому постоянно подвергается онъ и его собственность. Но если особенный рискъ извѣстнаго занятія можетъ быть замѣненъ, и обыкновенно замѣняется опредѣленнымъ платежемъ, какъ напримѣръ въ мореплаваніи, то страховая премія дѣлается правильною статьею издержекъ производства, и вознагражденіе, получаемое за этотъ платежъ владѣльцемъ корабля или груза, не входитъ въ счетъ его прибыли, а включается въ счетъ суммы, покрывающей расходы, сдѣланные имъ изъ капитала.

Очень различна въ разныхъ занятіяхъ и та доля валовой прибыли, которая составляетъ вознагражденіе за трудъ и искусство торговца или производителя. Такъ всегда объясняютъ громадную величину аптекарской прибыли: по замѣчанію Адама Смита наибольшая часть этой прибыли обыкновенно служитъ лишь платою, и часто не слишкомъ большою платою аптекарю за то, что онъ замѣняетъ медика: до недавняго измѣненія въ законѣ, аптекарь не могъ требовать за леченіе никакого вознагражденія, кромѣ того, какое давалось ему цѣною лекарствъ. Нѣкоторыя занятія требуютъ значительнаго научнаго или техническаго приготовленія и могутъ быть исполняемы лишь людьми, соединяющими съ такимъ приготовленіемъ значительный капиталъ. Примѣръ тому — производство машинъ и инженерное дѣло. Такія занятія всегда бываютъ самыми прибыльными. Есть также случаи, въ которыхъ значительная масса труда и искусства требуется для веденія дѣла, немогущаго имѣть большаго размѣра; тутъ величина прибыли непремѣнно должна быть выше обыкновенной, чтобы доставить вознагражденіе не меньше обыкновеннаго. «Въ маленькомъ портовомъ городѣ,» говоритъ Адамъ Смитъ, «купецъ, продающій въ розницу чай и сахаръ, получаетъ 40 или 50%, торгуя на сумму 100 фунтовъ; между тѣмъ оптовый купецъ, ведущій большую торговлю въ томъ же городѣ, едва получитъ 8 или 10% на свои 10 тысячъ фунтовъ. Лавка съ чаемъ и съ сахаромъ необходима для удобства жителей, а малый объемъ рынка не допускаетъ употребить на это капиталъ болѣе значительный. Человѣкъ, содержащій

такую лавку, долженъ не только жить своею торговлею, но и жить прилично условіямъ, ею требуемымъ. Кромѣ того, чтобы владѣть маленькимъ капиталомъ онъ долженъ умѣть читать, писать и вести счеты, и сверхъ того быть порядочнымъ знатокомъ 50 или 60 товаровъ разнаго сорта, ихъ цѣнъ, качествъ и рынковъ, откуда получаются они дешевле. Тридцать или сорокъ фунтовъ дохода нельзя назвать чрезмѣрнымъ вознагражденіемъ за трудъ человѣка, имѣющаго такія качества. Вычтемъ это изъ прибыли на его капиталъ, кажущейся большою, и останется едва ли больше, чѣмъ обыкновенная прибыль на затраченную для торговли сумму. Большая часть кажущейся прибыли въ сущности составляетъ тутъ рабочую плату.»

Подобную разницу въ прибыли на капиталъ въ разныхъ занятіяхъ производятъ всѣ естественныя монополіи, монополіи, производимыя обстоятельствами, а не закономъ, и порождающія или усиливающія неравенство въ вознагражденіи за разные роды труда. Если дѣло можетъ быть ведено выгодно только большимъ капиталомъ, то почти повсюду классъ людей, могущихъ заниматься этимъ дѣломъ, становится такъ малочисленъ, что они могутъ удерживать свою прибыль на величинѣ высшей общаго уровня. Бываютъ промыслы, которые по самой своей сущности могутъ сосредоточиваться въ очень немногихъ рукахъ, и тогда высота прибыли можетъ поддерживаться коалиціею торговцевъ. Извѣстно, что такая коалиція долго существовала даже между лондонскими книгопродавцами, не смотря на ихъ многочисленность. О газовыхъ и водопроводныхъ обществахъ я уже говорилъ.

4. Когда мы сдѣлаемъ надлежащій вычетъ за эти разныя причины неравенства, за разницу въ рискованности или пріятности разныхъ занятій, и за естественныя или искусственныя монополіи, то надобно будетъ сказать, что величина прибыли на капиталъ во всѣхъ занятіяхъ стремится къ равенству. Всѣ политико-экономы принимаютъ эту теорему, и она справедлива, если принимать ее съ надлежащими разъясненіями.

Та часть прибыли, которая собственно называется процентами и образуетъ вознагражденіе за воздержаніе, рѣшительно одинакова во всѣхъ занятіяхъ въ данномъ мѣстѣ въ извѣстное время. При одинаковой вѣрности обезпеченія, величина процента одинакова, каково бы ни было назначеніе суммы, даваемой въ проценты; но въ разныя времена величина процентовъ бываетъ очень различна, смотря по положенію рынка. При нынѣшнемъ состояніи промыш-

ленности нѣтъ дѣла, въ которомъ соперничество было бы такъ дѣятельно и непрерывно, какъ въ дѣлѣ денежныхъ займовъ и ссудъ. Всѣ коммерческіе люди бываютъ по временамъ должниками и почти всѣ они бываютъ должниками постоянно; а всѣ люди съ деньгами, не занимающіеся промышленностію—заимодавцы. Между этими двумя великими классами стоитъ многочисленный, зоркій и оборотливый классъ посредниковъ: банкиры, маклеры, дисконтирующія конторы и т. д. Они подмѣчаютъ малѣйшую вѣроятность выигрыша. Самое мелкое обстоятельство, самое мимолетное впечатлѣніе публики, могущее вести къ увеличенію или уменьшенію запроса на займы въ настоящемъ или будущемъ, тотчасъ же дѣйствуетъ на величину процентовъ; а въ общемъ состояніи торговли постоянно встрѣчаются обстоятельства, дѣйствительно ведущія къ перемѣнамъ въ величинѣ запроса; эти обстоятельства такъ сильны, что величина процентовъ по лучшимъ торговымъ векселямъ спускается ниже 4 и поднимается выше 6% иногда въ теченіе года, даже и безъ большихъ разстройствъ, называемыхъ коммерческими кризисами. Но въ данное время, въ данномъ мѣстѣ, величина процентовъ одинакова для всѣхъ, могущихъ представить одинаково хорошее обезпеченіе. Рыночная величина процентовъ всегда бываетъ дѣломъ извѣстнымъ и опредѣленнымъ.

Совершенно не то надобно сказать о валовой прибыли. Мы увидимъ, что она не имѣетъ большой разницы въ разныхъ занятіяхъ, но бываетъ очень различна у разныхъ людей, и едва ли бываетъ совершенно одинакова у двухъ людей. Она зависитъ отъ знанія, способностей, бережливости и энергіи самого капиталиста или его агентовъ; зависитъ отъ случайныхъ личныхъ связей и даже отъ удачи. Едва ли найдутся въ одной отрасли торговли два торговца, которые вели бы свое дѣло съ одинаковыми расходами и капиталъ которыхъ оборачивался бы одинаково быстро, хотя бы ихъ товары были одинаково хороши и одинаково дешевы. «Равные капиталы даютъ равную прибыль;»—считать это общимъ правиломъ торговли было бы такою же ошибкою, какъ сказать, что одинаковость лѣтъ или роста даетъ одинаковость физической силы, или что одинаковая начитанность или опытность даетъ одинаковость знанія. Результатъ зависитъ не отъ одного этого условія, а столько же зависитъ отъ двадцати другихъ условій.

Но при неодинаковости прибыли въ этомъ отношеніи, сохраняется, вообще говоря, равенство между разными способами употребленія капитала въ другомъ очень важномъ отношеніи (если

нѣтъ естественной или искусственной монополіи). При всѣхъ случайныхъ колебаніяхъ разныя употребленія капитала находятся между собою въ такомъ отношеніи, что среднимъ числомъ представляютъ людямъ среднихъ способностей и владѣющимъ средними условіями успѣха равные шансы прибыли,—если прибыль и бываетъ не равна, то равны шансы на равную прибыль (по вычетѣ вознагражденія за то, что извѣстное дѣло менѣе другихъ пріятно или безопасно). Если бы было иначе, если бы въ одномъ дѣлѣ очевидно и по общеизвѣстному опыту существовало больше благопристойныхъ шансовъ денежнаго успѣха, чѣмъ въ другихъ дѣлахъ, то большое число людей стало бы обращать свой капиталъ на это дѣло или воспитывать своихъ сыновей для него; такъ и дѣйствительно бываетъ всегда въ дѣлѣ, которое очевидно растетъ и представляетъ выгоду, какъ напримѣръ теперь занятіе инженерною частію, или какая нибудь новая выгодная фабрикація. Если же, напротивъ, дѣло считается невыгоднымъ, если шансы прибыли въ немъ кажутся ниже, чѣмъ въ другихъ дѣлахъ, то капиталъ постепенно вынимается изъ него, или по крайней мѣрѣ не привлекается къ нему новый капиталъ; и этою перемѣною въ распредѣленіи капитала между дѣлами менѣе прибыльными и болѣе прибыльными возстановляется родъ равновѣсія. Такимъ образомъ шансы прибыли въ разныхъ дѣлахъ не могутъ долго оставаться значительно различными: они стремятся къ общему уровню, хотя вообще колеблются то въ одну, то въ другую сторону отъ средней величины.

Очень многіе писатели говорятъ, что этотъ уравнивающій процессъ, обыкновенно называемый перенесеніемъ изъ одного дѣла въ другое,—процессъ тяжелый, медленный, и почти неисполнимый; но ему вовсе нѣтъ необходимости быть такимъ. Во-первыхъ, онъ не всегда требуетъ дѣйствительнаго передвиженія капитала, уже затраченнаго въ извѣстномъ дѣлѣ. При быстромъ развитіи капитала уравненіе часто происходитъ посредствомъ того, что новыя ежегодныя накопленія преимущественно обращаются на выгоднѣйшія дѣла. А когда необходимо дѣйствительное перенесеніе капитала, вовсе еще нѣтъ необходимости, чтобы кто нибудь изъ людей, занимавшихся неприбыльнымъ дѣломъ, бросилъ его и разрушилъ свое обзаведеніе. Уравниваніе совершается посредствомъ многочисленныхъ и разнообразныхъ каналовъ кредита, которыми у коммерческихъ націй незанятый капиталъ разливается по полю занятій и течетъ изобильнѣе туда, гдѣ уровень ниже. Уравниваніе состоитъ въ томъ, что одинъ классъ торговцевъ или производителей умень-

шаетъ, а другой расширяетъ ту часть своего дѣла, которая ведется на занятой капиталъ. Едва ли найдется значительный торговецъ или производитель, который ограничивалъ бы свои обороты размѣромъ, въ которомъ можетъ вести ихъ на свои собственныя средства. Если дѣло идетъ успѣшно, онъ нетолько употребляетъ на него какъ можно больше своего капитала, но кромѣ того употребляетъ и кредитъ, который пріобрѣтаетъ себѣ этимъ капиталомъ. Но когда отъ излишняго предложенія или отъ ослабленія въ запросѣ на товаръ оказывается, что товаръ продается не такъ быстро или не такъ выгодно, промышленникъ уменьшаетъ свои обороты и не беретъ у банкировъ и другихъ денежныхъ торговцевъ новыхъ ссудъ въ такомъ размѣрѣ, какъ бралъ прежде. Разрастающееся дѣло представляетъ напротивъ того перспективу прибыльно употребить большую прежней массы этого свободнаго капитала, и лица, занятыя такимъ дѣломъ, берутъ у денежныхъ торговцевъ ссуды больше прежнихъ, не находя трудности получать такія ссуды при улучшеніи своихъ дѣлъ. Перемѣна въ распредѣленіи свободнаго капитала между двумя дѣлами, точно также возстановляетъ равновѣсіе между прибылью въ нихъ, какъ если бы собственники перенесенной суммы капитала покинули одно дѣло и перенесли свой капиталъ въ другое. Этотъ легкій и можно сказать инстинктивный способъ соразмѣрять производство съ запросомъ совершенно достаточенъ для поправки неравенствъ, происходящихъ отъ коммерческихъ колебаній и другихъ обыкновенныхъ причинъ. Когда извѣстная отрасль промышленности совершенно падаетъ, когда бываютъ надобны не случайныя колебанія въ размѣрѣ производства, а надобно навсегда уменьшить производство въ сильной пропорціи или вовсе остановить его, то процессъ выниманія капитала изъ него, конечно, бываетъ медленъ, труденъ и почти всегда соединенъ съ значительною потерею: значительная часть капитала, состоящая въ машинахъ, строеніяхъ и другихъ многолѣтнихъ затратахъ оказывается вовсе непригодною ни къ чему, или требуетъ передѣлокъ съ большими расходами для новаго назначенія, и рѣдко дается время произвести эту перемѣну способомъ, который былъ бы наименѣе убыточенъ, т. е. простымъ невозобновленіемъ основнаго капитала по мѣрѣ того, какъ онъ ветшаетъ. Кромѣ того, совершенная перемѣна въ назначеніи капитала соединена съ такимъ большимъ пожертвованіемъ установившихся связей, пріобрѣтеннаго искусства и опыта, что люди всегда очень медлятъ рѣшаться на эту перемѣну и едвали когда

рѣшаются на нее, пока положеніе не станетъ совершенно безнадежнымъ. Но такіе случаи бываютъ лишь исключеніемъ, да и въ нихъ уравниваніе наконецъ осуществляется. Можетъ также случиться, что равновѣсіе возстановляется очень медленно, если является новая причина неравенства, когда еще не покончена перемѣна, производимая прежнею причиною; говорятъ, что такъ шло дѣло въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ южныхъ штатовъ Сѣверной Америки. Товаръ держался въ цѣнѣ, которую слѣдуетъ назвать монопольной, потому что отъ поочередныхъ усовершенствованій въ машинахъ, запросъ возрасталъ съ быстротою, далеко превосходившею ожиданія, такъ что много лѣтъ предложеніе не удовлетворяло ему. Но рѣдко бываетъ, чтобы почти безпрерывно возникали одно за другимъ обстоятельства, нарушающія равновѣсіе все въ одну и ту же сторону. Гдѣ нѣтъ монополіи, тамъ прибыль вообще будетъ по временамъ спускаться ниже его, но съ постояннымъ стремленіемъ возвращаться къ нему, въ родѣ того, какъ качается маятникъ.

Итакъ, если прибыль бываетъ очень неодинакова для разныхъ лицъ, и для одного лица въ разные годы, то вообще не можетъ быть въ одно время и въ одномъ мѣстѣ большой разницы въ средней прибыли отъ разныхъ занятій, кромѣ постоянной разницы необходимой для уравновѣшенія неодинаковой привлекательности разныхъ дѣлъ. Нарушаться это можетъ лишь на короткое время, или только при какомъ нибудь великомъ переворотѣ въ извѣстномъ дѣлѣ, когда оно навсегда теряетъ прежній характеръ. Если большинству людей кажется, будтобы независимо отъ монополіи и рѣдкихъ случаевъ, подобныхъ упомянутому нами случаю съ хлопчатобумажнымъ производствомъ, нѣкоторыя коммерческія дѣла прибыльнѣе другихъ, то по всей вѣроятности каждое такое мнѣніе ошибочно: если бы его раздѣляли люди, имѣющіе наиболѣе средствъ знать и наиболѣе побужденій разузнавать истинное положеніе дѣлъ, то быстро произошелъ бы такой приливъ капитала къ выгоднѣйшему дѣлу, что прибыль его скоро понизилась бы до общаго уровня. Правда, что для людей съ одинаковыми первоначальными средствами бываетъ больше шансовъ пріобрѣсти большое богатство въ одномъ дѣлѣ, чѣмъ въ другомъ, но разобравъ обстоятельства мы увидимъ, что въ этихъ выгоднѣйшихъ дѣлахъ банкротства бываютъ гораздо чаще, чѣмъ въ другихъ, и что шансъ значительнѣйшаго успѣха уравновѣшивается значительнѣйшею вѣроятностію полнаго разоренія. Очень часто шансъ разоренія болѣе чѣмъ уравновѣшиваетъ шан-

сы успѣха: мы уже замѣчали, что возможность большаго выигрыша привлекаетъ соискателей гораздо сильнѣе, чѣмъ оправдывается арифметическимъ разсчетомъ, и я увѣренъ, что въ дѣлѣ, въ которомъ можно очень разбогатѣть, средняя выгодность бываетъ ниже, чѣмъ въ дѣлахъ, въ которыхъ выгода медленна, но болѣе вѣрна, и въ которыхъ нельзя ожидать громадныхъ успѣховъ. Торговля канадскимъ лѣсомъ служитъ примѣромъ коммерческаго дѣла, до того похожаго на лоттерею, что даже по общему убѣжденію больше въ ней теряется денегъ, чѣмъ выигрывается, если взять всѣхъ рискующихъ заниматься ею; иначе говоря средняя величина прибыли въ ней меньше нуля. Въ подобныхъ вещахъ многое зависитъ отъ національнаго характера, отъ его наклонности къ риску, или, какъ выражаются порицатели этого качества, отъ наклонности къ азартной игрѣ. Такое расположеніе сильнѣе въ Соединенныхъ Штатахъ, чѣмъ въ Великобританіи, а въ Великобританіи сильнѣе, чѣмъ въ континентальныхъ странахъ, между которыми есть такія, гдѣ беретъ верхъ противоположная наклонность, такъ что дѣла безопасныя и спокойныя вѣроятно даютъ въ нихъ на затраченный капиталъ меньше средней прибыли, чѣмъ дѣла, представляющія при небольшомъ рискѣ неудачи возможность большихъ выигрышей.

Не должно забывать, однако же, что обычай имѣетъ значительное вліяніе на величину коммерческой прибыли даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ соперничество наиболѣе сильно. Иногда бываетъ въ обществѣ мнѣніе о томъ, какую величину должна имѣть прибыль въ извѣстномъ дѣлѣ; не всѣ торговцы держатся этого мнѣнія; строго не соблюдаетъ его можетъ быть никто изъ нихъ, но все-таки оно имѣетъ нѣкоторое вліяніе на ихъ операціи. Въ Англіи есть мнѣніе, что 50% хорошая и справедливая прибыль въ розничной торговлѣ (50% прибыли конечно не на весь капиталъ, а на оптовыя цѣны, и изъ этой прибавки должны покрываться пропадающіе долги, наемъ лавки, плата прикащикамъ, конторщикамъ и всѣмъ другимъ служащимъ, словомъ сказать всѣ расходы розничной торговли). Я не знаю, до какой степени распространенъ этотъ обычай, но если бы онъ былъ всеобщимъ, и каждый торговецъ строго бы держался его, соперничество продолжалось бы, не принося потребителю никакой выгоды; оно уменьшало бы выгоды мелочныхъ торговцевъ только тѣмъ, что раздробляло бы ихъ торговлю на большее число соперниковъ. Но развитіе соперничества, по крайней мѣрѣ въ Англіи, быстро идетъ къ низверженію такихъ

обычаевъ. Въ большей части коммерческихъ дѣлъ (по крайней мѣрѣ въ большихъ торговыхъ рынкахъ) теперь есть многочисленные торговцы, поставившіе своимъ девизомъ: «понижать барышъ для ускоренія сбыта», находящіе, что продавать много по дешевой цѣнѣ выгоднѣе, чѣмъ продавать мало по высокой цѣнѣ. Быстро оборачивая свой капиталъ, съ прибавкою къ нему занятаго капитала въ случаѣ надобности, отдѣльный торговецъ часто получаетъ больше прибыли, но онъ необходимо понижаетъ прибыль тѣхъ своихъ соперниковъ, которые не принимаютъ такого же принципа. Впрочемъ, какъ мы уже говорили (кн. II, гл. IV, § 3), соперничество до сихъ поръ имѣетъ еще довольно мало власти надъ розничными цѣнами, и потому остается чрезмѣрно велика часть всего продукта земли и труда, поглощаемая вознагражденіемъ распредѣляющаго класса, и въ общественномъ хозяйствѣ нѣтъ ни одной функціи, которая содержала бы число лицъ, столь непропорціональное количеству потребной работы.

5. Предшествующія замѣчанія, надѣюсь, достаточно разъяснили значеніе общеупотребительнаго выраженія «обыкновенная величина прибыли», разъяснили, въ какомъ смыслѣ и съ какими ограниченіями дѣйствительно существуетъ эта обыкновенная величина. Теперь остается намъ разсмотрѣть, какими причинами опредѣляется размѣръ этой величины.

Человѣку, незнакомому съ наукой, представляется, будто бы прибыль коммерческаго дѣла зависитъ отъ цѣнъ. Производитель или торговецъ получаетъ свою прибыль повидимому тѣмъ, что беретъ за свой товаръ больше, чѣмъ онъ стоилъ ему, и можно подумать, будто прибыль—результатъ покупки и продажи. Незнакомые съ наукою люди полагаютъ, будто производитель получаетъ прибыль только оттого, что есть покупщики на товаръ; будто бы запросъ, покупщики, рынокъ товара—вотъ причина выгодъ, получаемыхъ капиталистами, которые продажею своихъ товаровъ возобновляютъ свой капиталъ и увеличиваютъ его массу.

Но думать такъ, значитъ смотрѣть только на внѣшнюю поверхность экономическаго механизма общества. На самомъ дѣлѣ мы находимъ, что самыя деньги, переходящія отъ одного лица къ другому, никогда не бываютъ сущностью дѣла въ экономическихъ феноменахъ. Если мы всмотримся поближе въ операціи производителя, мы замѣтимъ, что деньги, получаемыя имъ за товаръ, вовсе не служатъ причиною того, что онъ имѣетъ прибыль, а служатъ только способомъ, которымъ выплачивается ему его прибыль.

Причина прибыли та, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе. Земледѣльческій капиталъ даетъ прибыль потому, что люди могутъ производить пищи больше, чѣмъ необходимо на ихъ прокормленіе въ то время, пока растетъ пища (и пока они заняты устройствомъ орудій и исполненіемъ всѣхъ другихъ нужныхъ приготовленій). Изъ этого слѣдуетъ, что если капиталистъ возьмется кормить работниковъ на условіи получить продуктъ, то, кромѣ возвращенія своей затраты, онъ получитъ еще нѣсколько лишняго. Иными словами теорема эта выразится такъ: капиталъ даетъ прибыль потому, что пища, одежда, матеріалы и орудія живутъ больше времени, какое нужно было для производства ихъ, такъ что если капиталистъ снабжаетъ партію работниковъ этими вещами съ условіемъ получать все, что они производятъ, то они за воспроизведеніемъ потребляемыхъ ими предметовъ необходимости и орудій, будутъ имѣть въ остаткѣ часть своего времени для работы въ выгоду капиталиста. Прибыль возникаетъ, какъ мы видимъ, не отъ посторонняго обстоятельства, не отъ обмѣна, а отъ производительной силы труда и общая прибыль страны всегда бываетъ соразмѣрна производительной силѣ труда, все равно хотя бы и не происходило никакого обмѣна. Если бы не было раздѣленія занятій, то не было бы ни покупки, ни продажи, но прибыль все-таки была бы. Если работники страны всѣ вмѣстѣ производятъ на 20% больше своей рабочей платы, то прибыль будетъ 20%, каковы бы ни были цѣны. Случайная величина цѣны можетъ на время давать одному разряду производителей больше 20% выгоды, а другому меньше, когда одинъ товаръ ставится выше своей натуральной цѣнности относительно другихъ товаровъ, а другой ниже, и это будетъ продолжаться, пока цѣны снова уравняются; но въ общей сложности производители будутъ непремѣнно получать по 20%.

Для развитія этихъ кратко выраженныхъ мыслей, я подробнѣе покажу теперь способъ, которымъ опредѣляется величина прибыли.

6. Я предположу исключительное господство того порядка вещей, который съ немногими исключеніями преобладаетъ во всѣхъ обществахъ, гдѣ работники и капиталисты составляютъ разныя сословія,—предположу, что капиталистъ затрачиваетъ впередъ всѣ расходы, въ томъ числѣ все вознагражденіе работника. По сущности дѣла въ этомъ нѣтъ необходимости: можно предположить, что работникъ ждетъ до окончанія производства всю ту часть своей платы, которая превышаетъ мѣру необходимости, или ждетъ даже сю плату, имѣя въ рукахъ сумму, достаточную ему чтобы про-

жить это время. Но въ послѣднемъ случаѣ работникъ становится въ сущности капиталистомъ, затрачивая капиталъ на предпріятіе, для веденія котораго даетъ онъ часть необходимой суммы; да и въ первомъ случаѣ можно считать его капиталистомъ: онъ даетъ свой трудъ за цѣну меньшую рыночной, и можно сказать, что разницу между рыночной и получаемой цѣною онъ даетъ въ займы хозяину, чтобы получить ее изъ продукта предпріятія съ процентами, по какому нибудь разсчету процентовъ.

На этомъ основаніи можно сказать, что капиталистъ дѣлаетъ всѣ затраты и получаетъ весь продуктъ. Прибыль его состоитъ въ излишкѣ продукта надъ затратами; величина его прибыли — пропорція этого излишка къ затраченной суммѣ. Но изъ чего состоятъ его затраты?

Намъ необходимо пока предположить, что капиталистъ не платитъ ренты, не долженъ платить за пользованіе силами природы, обращенными въ частную собственность. На самомъ дѣлѣ этого почти никогда не бываетъ. Капиталистъ, занимающійся земледѣліемъ, всегда или почти всегда платитъ ренту, если онъ не собственникъ воздѣлываемой земли; да и въ фабричной промышленности матеріалы фабрикаціи вообще платятъ ренту, въ томъ или другомъ моментѣ своего производства, не говоря уже о томъ, что платится рента за мѣсто, занимаемое фабрикою. Но мы еще не разсматривали сущность ренты, а въ послѣдствіи увидимъ, что въ излагаемомъ теперь вопросѣ не дѣлаемъ никакой практической ошибки, оставляя ренту безъ вниманія.

Если, оставляя ренту въ сторонѣ, мы спросимъ, въ чемъ состоятъ затраты капиталиста на производство, то мы найдемъ, что онѣ состоятъ изъ рабочей платы за трудъ.

Значительную часть расхода каждаго капиталиста составляетъ прямая выдача рабочей платы. Кромѣ этого расходъ его составляютъ матеріалы и орудія, считая въ числѣ орудій строенія. Но матеріалы и орудія производятся трудомъ, а нашъ предполагаемый капиталистъ долженъ представлять собою не отдаленное предпріятіе, а типъ производительной промышленности всей страны, потому мы можемъ предположить, что онъ самъ дѣлаетъ свои орудія и добываетъ свои матеріалы. Онъ дѣлаетъ и добываетъ ихъ посредствомъ предварительныхъ затратъ, которыя опять состоятъ единственно изъ рабочей платы. Если мы предположимъ, что онъ не самъ производитъ, а покупаетъ орудія и матеріалы, сущность дѣла не измѣняется: онъ въ этомъ случаѣ уплачиваетъ предшествую-

щему производителю рабочую плату, которую израсходовалъ этотъ предшествующій производитель. Правда, онъ выплачиваетъ ему ее съ прибылью, а если бы самъ произвелъ эти вещи, то самъ получилъ бы прибыль на эту часть своего расхода, какъ получаетъ ее на всѣ другія части. Но остается тотъ фактъ, что во всемъ процессѣ производства, начинающемся матеріалами и орудіями и кончающемся готовымъ продуктомъ, всѣ затраты состояли исключительно изъ рабочей платы; разница только въ томъ, что нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ процессѣ капиталистовъ получили уплату своей части прибыли до окончанія операціи, — такъ было удобнѣе для нихъ и остальныхъ капиталистовъ. Вся та часть окончательнаго продукта, которая не составляетъ прибыль, служитъ возвращеніемъ капиталисту затратъ, сдѣланныхъ на рабочую плату.

7. Такимъ образомъ оказывается, что выигрышъ капиталистовъ зависитъ исключительно отъ двухъ обстоятельствъ: во первыхъ, отъ величины продукта, иначе сказать, отъ производительной силы труда, и во вторыхъ, отъ того какую часть этого продукта получаютъ сами работники, отъ пропорціи между вознагражденіемъ работниковъ и всею суммою, ими производимою. Эти два элемента служатъ данными, которыми опредѣляется вся сумма, раздѣляющаяся между всѣми капиталистами страны. Но величина прибыли, процентное отношеніе ея къ капиталу опредѣляется только вторымъ изъ этихъ элементовъ, — тѣмъ, какую долю получаетъ работникъ, а не суммою, раздѣляемою между работникомъ и капиталистомъ. Если продуктъ труда удвоится, и работники будутъ получать такую же пропорцію изъ него, какъ прежде, т. е. если ихъ вознагражденіе также удвоится, то капиталисты, правда, получаютъ вдвое больше прежняго, но такъ какъ они затратили вдвое больше прежняго, величина ихъ прибыли не увеличится, а останется прежняя.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу Рикардо и другихъ политико-экономовъ, доказывавшихъ, что величина прибыли зависитъ отъ рабочей платы, возвышается по мѣрѣ паденія рабочей платы и падаетъ по мѣрѣ ея возвышенія. Но, принимая эту теорію, я нахожу нужнымъ сдѣлать перемѣну въ ея терминологіи, перемѣну, рѣшительно необходимую. Вмѣсто того, чтобы говорить: прибыль опредѣляется рабочею платою, мы скажемъ: она опредѣляется стоимостью труда, о которой и думалъ на самомъ дѣлѣ Рикардо, дѣлая свой выводъ.

Рабочая плата и стоимость труда, — сумма, получаемая за трудъ работникомъ, и сумма, которой стоитъ трудъ капиталисту, это два понятія, совершенно различныя, и помнить различіе между ними чрезвычайно важно. А чтобы не смѣшивать ихъ, необходимо не обозначать ихъ однимъ терминомъ, какъ обозначаютъ почти всѣ политико-экономы. Въ парламентскихъ преніяхъ и въ литературѣ на рабочую плату гораздо чаще смотрятъ съ точки зрѣнія платящихъ, нежели съ точки зрѣнія получающихъ ее; потому безпрестанно говорятъ о высотѣ или низости рабочей платы, когда думаютъ только о высотѣ или низости стоимости труда. Большею частію сущность дѣла бываетъ наоборотъ: часто стоимость труда бываетъ самая высокая, когда рабочая плата бываетъ самая низкая. Это происходитъ отъ двухъ причинъ. Во первыхъ, дешевый трудъ можетъ быть не успѣшенъ. Изъ всѣхъ европейскихъ странъ самая низкая рабочая плата въ Ирландіи (по крайней мѣрѣ такова она была тамъ прежде). Вознагражденіе земледѣльческаго работника на западѣ Ирландіи не превышаетъ половину самой низкой платы, какую получаетъ англійскій работникъ. — платы дорсетширскому работнику. Но если по меньшему своему искусству и усердію ирландецъ въ два рабочіе дня исполняетъ работы не больше, чѣмъ англійскій работникъ въ одинъ день, то трудъ ирландца стоитъ не дешевле, чѣмъ трудъ англичанина, хотя самъ ирландецъ получаетъ гораздо меньше. Прибыль капиталиста зависитъ отъ того, сколько стоитъ трудъ, а не отъ того, сколько получаетъ работникъ. Что разница въ успѣшности ирландскаго и англійскаго труда дѣйствительно такъ велика, доказывается многочисленными свидѣтельствами, а главное тѣмъ фактомъ, что не смотря на низость рабочей платы, прибыль на капиталъ никода не бывала въ Ирландіи выше, чѣмъ въ Англіи.

Разница въ стоимости предметовъ, потребляемыхъ работниками, — вотъ вторая причина, по которой рабочая плата не можетъ служить мѣрою стоимости труда. Если эти предметы дешевы, то рабочая плата можетъ быть высока въ томъ смыслѣ какой важенъ для работника, между тѣмъ какъ стоимость труда низка. Если они дороги, то работникъ можетъ имѣть слишкомъ мало, хотя его трудъ стоитъ капиталисту много; таково бываетъ положеніе земли, въ которой населеніе слишкомъ велико, сравнительно съ количествомъ земли; пища тогда дорога, и скудность дѣйствительнаго вознагражденія работнику не мѣшаетъ труду стоить дорого для покупателя; при низкой рабочей платѣ тутъ низка и

прибыль. Примѣромъ противнаго служатъ Сѣверо-Американскіе Штаты. Работникъ тамъ пользуется такимъ изобиліемъ житейскихъ удобствъ, какъ нигдѣ въ мірѣ, кромѣ нѣкоторыхъ новыхъ колоній; но благодаря дешевой цѣнѣ этихъ удобствъ (и большой успѣшности труда) стоимость труда капиталисту значительно ниже, чѣмъ въ Европѣ. Это мы видимъ изъ того, что величина прибыли тамъ выше, какъ доказывается величиною процентовъ: въ Нью-Йоркѣ платится 6%, когда въ Лондонѣ платится 3% или 3¼ %.

Итакъ, говоря математическимъ языкомъ, стоимость труда есть функція трехъ измѣняемыхъ: успѣшности труда, рабочей платы (т. е. существеннаго, а не денежнаго вознагражденія работнику) и стоимости, по которой могутъ быть производимы или покупаемы вещи, составляющія это существенное вознагражденіе. Ясно, что стоимость труда для капиталиста зависитъ отъ каждаго изъ этихъ трехъ обстоятельствъ, и что только три эти обстоятельства имѣютъ на нее вліяніе. Слѣдовательно ими опредѣляется и величина прибыли, а величина эта можетъ измѣняться только отъ ихъ вліянія. Если трудъ вообще станетъ болѣе успѣшенъ, а вознагражденіе за него не возвысится, если вознагражденіе за трудъ упадетъ, а стоимость предметовъ, составляющихъ это вознагражденіе не увеличится, и самъ трудъ не станетъ менѣе успѣшенъ, или если предметы, составляющіе вознагражденіе работнику, станутъ дешевле, а работникъ будетъ получать ихъ не больше прежняго, то въ каждомъ изъ этихъ трехъ случаевъ прибыль возвысится. Если же, напротивъ, трудъ станетъ менѣе успѣшенъ (что можетъ произойти отъ уменьшенія физической силы въ народѣ, или отъ ухудшенія въ его воспитаніи); или если работникъ станетъ получать больше вознагражденія безъ уменьшенія стоимости составляющихъ вознагражденіе вещей; или если онъ будетъ получать и не больше прежняго, но стоимость получаемыхъ имъ вещей будетъ больше, — то во всѣхъ этихъ случаяхъ прибыль подвергнется уменьшенію. Кромѣ этихъ случаевъ нѣтъ другихъ комбинацій обстоятельствъ, отъ которыхъ могла бы падать или возвышаться общая величина прибыли въ странѣ, во всѣхъ отрасляхъ промышленности.

Въ этой части нашего трактата мы можемъ привести только изложенныя нами общія, но по моему мнѣнію, несомнѣнныя доказательства нашей теоріи. Полнѣе и убѣдительнѣе представятся намъ они, когда мы, разсмотрѣвъ теорію цѣнности и цѣны, будемъ въ состояніи прослѣдить законъ, управляющій величиною

прибыли въ конкретныхъ фактахъ, въ многосложномъ сплетеніи обстоятельствъ, составляющихъ его обстановку въ дѣйствительности. Это можно будетъ сдѣлать намъ только въ слѣдующей книгѣ, а въ настоящей книгѣ остается намъ разсмотрѣть еще одинъ предметъ, на сколько онъ можетъ быть излагаемъ независимо отъ теоріи цѣнности: намъ остается разсмотрѣть ренту, и мы займемся ею.

ГЛАВА XVI.

РЕНТА.

1. Только три элемента необходимы для производства: трудъ, капиталъ и естественныя силы; потому, кромѣ работника и капиталиста, единственное лицо, согласіе котораго необходимо для производства, и которое можетъ за это согласіе требовать доли изъ продукта, лицо, по общественнымъ установленіямъ имѣющее исключительную власть надъ какимъ нибудь естественнымъ дѣятелемъ. Изъ предметовъ и силъ природы, могущихъ становиться частной собственностью, важнѣе всѣхъ другихъ—земля, и вознагражденіе, платимое за пользованіе ею, называется рентою. Поземельные собственники составляютъ единственный, сколько нибудь многочисленный или важный классъ, имѣющій право на долю распредѣленія продукта по праву владѣнія предметами, которые не произведены ни ими и ни кѣмъ другимъ. Разсмотрѣвъ сущность и законы ренты, мы легко поймемъ всѣ другіе, подобные ей элементы, если окажутся еще другіе такіе элементы.

Съ перваго же взгляда видно, что рента—слѣдствіе монополіи; впрочемъ это монополія естественная, существованія которой нельзя уничтожить, которую можно только регулировать, или присвоивать цѣлому обществу. Землевладѣльцы имѣютъ возможность требовать ренту за свою землю потому, что земля — такой товаръ, который многимъ нуженъ и котораго никто не можетъ получить иначе, какъ отъ нихъ. Если бы вся земля извѣстной страны принадлежала одному лицу, оно могло бы назначать ренту по своему произволу. Весь народъ зависѣлъ бы отъ его воли по удовлетворенію жизненныхъ потребностей, и лицо это могло бы постановить какія угодно условія. Таково и дѣйствительно положеніе дѣлъ въ тѣхъ восточныхъ государствахъ, гдѣ земля считается собственностью

государства. Рента сливается тамъ съ налогомъ, и деспотъ можетъ требовать всего, что въ состояніи бываетъ взять у несчастныхъ земледѣльцевъ. Легко видѣть, что исключительнымъ владѣльцемъ всей земли въ странѣ только и можетъ быть самовластный правитель ея. Почти таковъ же былъ бы результатъ если бы вся земля принадлежала немногимъ лицамъ, которыя могли бы и стали бы дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ и назначать ренту по соглашенію между собою. Но, сколько извѣстно, такого положенія нигдѣ не существуетъ, а кромѣ его остается одна возможная гипотеза—гипотеза свободнаго соперничества; предполагается, какъ и дѣйствительно есть, что землевладѣльцы, по своей многочисленности, не могутъ составлять коалицію.

2. Если вещь существуетъ въ ограниченномъ количествѣ, она будетъ монополизированнымъ товаромъ, хотя бы ея владѣльцы и не дѣйствовали по взаимному соглашенію. Но если и монополизирована вещь, даваемая природою и не требующая ни труда, ни издержекъ для своего существованія, она при соперничествѣ между ея владѣльцами будетъ имѣть цѣну лишь тогда, когда существуетъ въ количествѣ, меньшемъ запроса на нее. Если бы вся земля извѣстной страны была требуема подъ обработку, каждый кусокъ ея могъ бы давать ренту. Но ни въ одной изъ странъ, сколько нибудь обширныхъ, нужды населенія не требуютъ того, чтобы воздѣлывалась вся земля, способная быть воздѣлываемою. Нигдѣ не нужно воздѣлывать рѣшительно всю землю, чтобы получить пищу и другіе земледѣльческіе продукты, которые нужны людямъ, и за которые люди хотятъ и могутъ платить цѣну, вознаграждающую производителя; въ нѣкоторыхъ странахъ достаточно для этого воздѣлывать лишь небольшую часть земли, и разумѣется предпочитаются земли плодороднѣйшія или удобнѣйшія по своему положенію. Потому при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ во всѣхъ странахъ существуетъ земля, не могущая давать никакой ренты, и ренту даетъ только такая земля, которая по плодородію или положенію принадлежитъ къ высшимъ сортамъ, существующимъ въ количествѣ, меньшемъ запроса на нихъ,—къ сортамъ, не могущимъ давать всего требующагося для націи продукта, или могущимъ давать его только на условіяхъ еще невыгоднѣйшихъ, чѣмъ воздѣлываніе худшихъ земель.

Есть земля,—напримѣръ пустыни Аравіи,—на которой не произведетъ ничего никакая масса труда; есть земля, — напримѣръ англійскіе пески, поросшіе кустарникомъ,—на которой можно про-

извести кое-что, но слишкомъ мало для покрытія издержекъ производства при нынѣшнемъ состояніи почвы. Такихъ земель нельзя обработывать для прибыли, пока не будетъ сдѣлано какое нибудь новое открытіе въ приложеніи химіи къ земледѣлію; чтобы воздѣлывать ихъ, надобно человѣку создать почву, разсыпать по поверхности земли новыя составныя части или перемѣшать ихъ съ существующими матеріалами. Если составныя части, годныя для этой цѣли, находятся по близости или лежатъ въ подпочвѣ, то можетъ оказаться выгодною спекуляціею улучшеніе кусковъ земли, кажущихся самыми безнадежными; но если эти составныя части дороги и должны быть привозимы издалека, то рѣдко найдется разсчетъ дѣлать это для прибыли, хотя дѣлается иногда «волшебною силою собственности.» Земли, немогущія давать прибыли, воздѣлываютъ иногда въ убытокъ себѣ хлѣбопашцы, нужды которыхъ отчасти удовлетворяются изъ другихъ источниковъ; напримѣръ, бѣдняки, получающіе пособіе, и нѣкоторые монастыри или благотворительныя учрежденія, въ числѣ которыхъ можно назвать бельгійскія «колоніи бѣдныхъ.» Худшая земля, воздѣлываніе которой можетъ совершаться для пропитанія, есть та земля, которая только возвращаетъ сѣмена и пищу воздѣлывающихъ ее работниковъ съ расходами, названными у Чомерса «дополнительными расходами» этихъ работниковъ, то-есть съ прибавкою продукта, нужнаго на снабженіе работниковъ другими предметами необходимости и орудіями. Можетъ ли извѣстная земля давать продуктъ большаго размѣра, это не вопросъ политической экономіи, а дѣло физическаго факта. Но земля, о которой говорили мы выше, не оставляетъ ничего въ прибыль и не даетъ работникамъ ничего, кромѣ предметовъ необходимости; потому она можетъ воздѣлываться лишь самими работниками, а иначе ея воздѣлываніе принесетъ денежный убытокъ; тѣмъ менѣе можетъ она въ какомъ бы то ни было случаѣ давать ренту. Самая худшая земля, какую можетъ воздѣлывать капиталистъ, та земля, которая по вычетѣ посѣва не только кормитъ хлѣбопашцевъ и ихъ дополнительныхъ работниковъ, но даетъ имъ обыкновенную рабочую плату, могущую быть гораздо больше размѣра, необходимаго для поддержанія жизни, и оставляетъ человѣку, выдавшему впередъ плату этимъ двумъ разрядамъ работниковъ, излишекъ, равный прибыли, какой онъ могъ бы ожидать отъ всякаго другаго употребленія своего капитала. Можетъ ли извѣстная земля давать продуктъ больше того, — это вопросъ уже не одного естествознанія, а зависитъ также отъ ры-

ночной цѣнности земледѣльческаго продукта. Что могутъ получить отъ земли работники и капиталистъ сверхъ пропитанія всѣхъ, прямо или косвенно занятыхъ воздѣлываніемъ ея, это конечно зависитъ отъ того, за сколько можетъ быть проданъ остатокъ продукта. Чѣмъ выше рыночная цѣна продукта, тѣмъ ниже сортъ земли, до котораго можетъ спускаться воздѣлываніе, дающее обыкновенную прибыль на употребленный капиталъ.

Но разныя степени плодородія сливаются одна съ другою незамѣтными переходами; точно также сливаются разныя степени доступности, т. е. разстоянія отъ рынковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ земля столь безплодная, что ни по какимъ цѣнамъ не окупилось бы ея воздѣлываніе. Изъ этого ясно, что каковы бы ни были цѣны, въ каждомъ обширномъ округѣ должна быть въ нѣкоторомъ количествѣ земля, только что окупающая при этой цѣнѣ рабочую плату земледѣльцамъ и дающая обыкновенную прибыль на употребленный капиталъ, но не дающая затѣмъ никакого излишка. Поэтому она не можетъ давать никакой ренты, пока цѣна не поднимется, или пока не поднимется сама эта земля до болѣе высокой степени плодородности какимъ нибудь усовершенствованіемъ. Но очевидно, что обществу нуженъ продуктъ этого сорта земли; если бы земли болѣе высокаго сорта или лучшаго положенія были достаточны для удовлетворенія общественной потребности, то цѣна не поднялась бы до высоты, дѣлающей прибыльною обработку этого сорта земли. Потому эта земля будетъ воздѣлываема; и мы можемъ поставить принципомъ, что пока есть въ странѣ такая земля, которая способна къ воздѣлыванію и не отнимается у него ни юридическими, ни другими искусственными препятствіями, но все-таки не воздѣлывается, то не платитъ никакой ренты худшій (по плодородію и мѣстоположенію) сортъ земель, дѣйствительно воздѣлываемыхъ.

3. Если же изъ воздѣлываемыхъ земель наименьшій доходъ употребленному на нее труду и капиталу даетъ та часть, которая даетъ только обыкновенную прибыль на капиталъ, не оставляя ничего для ренты, этимъ дается норма для опредѣленія ренты, даваемой всякимъ другимъ сортомъ земли. Каждый сортъ земли даетъ ровно на столько больше обыкновенной прибыли на затраченную сумму, на сколько доходъ съ него превышаетъ доходъ, получаемый съ самаго худшаго изъ воздѣлываемыхъ сортовъ. Этотъ излишекъ—сумма, которую фермеръ можетъ платить въ ренту землевладѣльцу; а если бы онъ не выплачивалъ этого излишка, онъ получалъ бы прибыль больше обыкно-

венной, и соперничество другихъ капиталистовъ,—соперничество, уравнивающее прибыль на разныя затраты капитала, дало бы землевладѣльцу возможность взять этотъ излишекъ. Такимъ образомъ рента, даваемая извѣстнымъ сортомъ, есть излишекъ продукта надъ тою суммою, какая получилась бы на такой же капиталъ, употребленный для обработки худшаго изъ воздѣлываемыхъ сортовъ земли. Это предѣлъ фермерской ренты (предѣлъ половинической ренты или коттерской ренты совершенно иной, и никто не говоритъ, что онъ одинаковъ съ предѣломъ фермерской ренты). Земля, отдаваемая капиталисту фермеру, никакъ не можетъ давать постояннымъ образомъ ренту больше этой, а если даетъ меньше, то лишь оттого, что землевладѣлецъ уступаетъ фермеру часть суммы, которую если захочетъ можетъ получить.

Вотъ теорія ренты, которая въ первый разъ была изложена въ концѣ прошлаго столѣтія Андерсономъ и, не возбудивъ тогда вниманія, была чрезъ двадцать лѣтъ снова открыта почти одновременно сэромъ Эдуардомъ Уэстомъ, Мальтусомъ и Рикардо. Она составляетъ одну изъ коренныхъ теоремъ политической экономіи, и пока не была она понята, многіе изъ сложныхъ феноменовъ промышленности не могли быть объяснены порядочнымъ образомъ. Справедливость ея представится намъ еще гораздо яснѣе, когда мы станемъ изслѣдовать законы феноменовъ цѣнности и цѣны. До того времени нельзя намъ отстранить нѣкоторыхъ возраженій, представляющихся противъ теоріи ренты, и въ людяхъ, не бывшихъ уже знакомыми съ этимъ предметомъ, мы можемъ здѣсь пробудить только общее представленіе о ходѣ мыслей, изъ которыхъ выводится эта теорема. Но на нѣкоторыя изъ обыкновенныхъ возраженій противъ теоріи ренты можно дать полный отвѣтъ уже и въ настоящемъ періодѣ нашихъ изслѣдованій.

Нѣкоторые утверждали, что въ числѣ воздѣлываемыхъ земель не можетъ быть такой, которая не платила бы ренты, потому что, по словамъ этихъ писателей, землевладѣльцы не дадутъ своей земли въ пользованіе безъ платы. Люди, думающіе что эти слова—въ самомъ дѣлѣ возраженіе, должны воображать себѣ, что земля того сорта, который только окупаетъ издержки воздѣлыванія, лежитъ большими сплошными пространствами, отдѣльно отъ всякой земли лучшаго сорта. Если бы помѣстье состояло изъ одной такой земли или только изъ такой земли съ примѣсью еще худшей, то вѣроятно собственникъ не отдалъ бы ее въ пользованіе даромъ, а предпочелъ бы (если онъ богатъ) оставить ее невоздѣланной, чтобы она

служила ему для прогулки, или составляла просто пейзажъ, или была охотничьимъ паркомъ. Фермеръ не могъ бы дать ему за нее ничего, если бы хотѣлъ воздѣлывать ее; но вѣроятно можно было бы получать съ нея что нибудь, сдѣлавъ ее пастбищемъ или собирая съ нея дико-растущіе продукты. Впрочемъ даже и такая земля не могла бы не остаться невоздѣланной. Ее могъ бы воздѣлывать самъ собственникъ, что нерѣдко бываетъ даже въ Англіи. Онъ могъ бы дать участки ея во временное пользованіе семействамъ рабочаго класса, или изъ филантропіи, или для того, чтобы избавиться отъ налога для бѣдныхъ; наконецъ онъ могъ бы безъ ренты отдать ее въ пользованіе поселенцамъ, въ надеждѣ, что ихъ трудъ придастъ ей цѣнность въ послѣдствіи времени. Эти случаи очень нерѣдко встрѣчаются. Такимъ образомъ если бы даже все помѣстье состояло изъ земли самаго дурнаго сорта, какой можно воздѣлывать съ прибылью, оно могло бы не остаться невоздѣланнымъ изъ-за того, что не могло бы давать ренты. Но обыкновенно земля низкаго качества не занимаетъ обширнаго округа сплошнымъ кускомъ; она лежитъ разбросанно между кусками болѣе хорошей земли, и человѣкъ, снимающій болѣе хорошую землю, получаетъ вмѣстѣ съ нею куски низшаго качества, перемѣшаннаго съ нею. Онъ платитъ ренту на словахъ за всю ферму; но рента эта разсчитана по продукту только тѣхъ частей, которыя могутъ давать больше обыкновенной прибыли (части эти могутъ составлять очень небольшую долю цѣлой фермы, но это все равно, такова бываетъ и рента). Такимъ образомъ остается справедлива теорія, что прочія части фермы не даютъ ренты.

4. Но предположимъ, что это возраженіе основательно (чего никакъ нельзя сказать о немъ); предположимъ, что общественный запросъ поднялъ пищу до цѣны, при которой вознаградились бы издержки производства пищи на землѣ извѣстнаго сорта, и что однакоже вся земля этого сорта остается невоздѣланною по упрямству собственниковъ, требующихъ за нее не номинальной, не ничтожной ренты, а такой, которая составила бы значительную статью въ счетахъ фермера. Что произошло бы въ этомъ случаѣ? Просто то, что увеличеніе производства, требуемое общественною надобностію, стало бы на время получаться, — не отчасти какъ всегда бываетъ, а исключительно,—не чрезъ расширеніе воздѣлываемыхъ полей, а черезъ увеличенное приложеніе труда и капитала къ землѣ, уже воздѣланной.

Мы уже видѣли, что это увеличеніе въ затратѣ капитала, при

неизмѣнности другихъ условій, всегда даетъ выручку въ меньшей пропорціи, чѣмъ какая давалась прежнею суммою капитала. Намъ не слѣдуетъ предполагать, что именно въ этотъ моментъ сдѣлано какое нибудь новое земледѣльческое изобрѣтеніе, или что внезапно расширилось земледѣльческое искусство и знаніе, вошли въ общее употребленіе прежнія изобрѣтенія, мало примѣнявшіяся къ практикѣ. Намъ слѣдуетъ предположить, что не произошло ни какой перемѣны, только стало требоваться больше хлѣба и потому возвысилась его цѣна. По возвышеніи цѣны можно принять для увеличенія продукта такія мѣры, которыхъ нельзя было бы исполнить съ прибылью при прежней цѣнѣ. Фермеръ употребляетъ болѣе дорогія удобренія, или привозитъ изъ другихъ мѣстъ глину или мергель для измѣненія въ составѣ почвы, или распахиваетъ ниву, или полетъ ее лучше прежняго, или дренируетъ, орошаетъ участки, или распахиваетъ подпочву, что не окупилось бы по прежнимъ цѣнамъ, и т. д. Такъ поступаютъ, когда требуется пищи больше прежняго, а воздѣлываніе не можетъ распространиться на новыя земли. Но когда является побужденіе извлекать изъ земли продуктъ, большій прежняго, то фермеръ, или вообще человѣкъ, производящій улучшенія, смотритъ только на то, выручатся ли ему сдѣланныя издержки съ обыкновенною прибылью, а не на то, останется ли излишекъ для ренты. Такимъ образомъ, если бы и справедливо было, что никогда не обращается подъ воздѣлываніе *земля*, которая не давала бы ренты и притомъ ренты довольно значительной, то все-таки оставалось бы справедливо, что всегда бываетъ *земледѣльческій капиталъ*, который не даетъ ренты, потому что не даетъ выручки сверхъ обыкновенной прибыли; этотъ капиталъ — та часть капитала, которая послѣ всѣхъ другихъ приложена къ дѣлу, которая произвела послѣднюю прибавку къ продукту, или выражая одною фразою существенныя черты факта, которая приложена въ наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Но тотъ размѣръ запроса и та цѣна, по которымъ эта наименѣе производительная часть капитала можетъ выручаться съ обыкновенною прибылью безъ излишка, даютъ всѣмъ другимъ частямъ капитала возможность приносить излишекъ, соразмѣрный преимуществу каждой части. Этотъ излишекъ—сумма, которую можетъ брать себѣ землевладѣлецъ по дѣйствію соперничества. Рента всякой земли измѣряется излишкомъ выручки со всего употребленнаго на нее капитала надъ суммою, необходимою для возвращенія капитала съ обыкновенною прибылью, или, иными словами, надъ суммою, которую

далъ бы этотъ капиталъ, если бы весь былъ употребленъ въ обстоятельствахъ, столь же невыгодныхъ, какъ употреблена наименѣе производительная часть его.

Никто не говоритъ, чтобы факты въ какомъ нибудь конкретномъ случаѣ съ абсолютною точностію соотвѣтствовали тому или другому научному принципу. Мы никакъ не должны забывать, что истины политической экономіи—истины только въ общихъ чертахъ. Напримѣръ не бываетъ въ строгомъ смыслѣ того, что фермеръ не станетъ воздѣлывать ни сколько земли, не станетъ затрачивать нисколько капитала съ выручкою меньшею обыкновенной прибыли. Онъ разсчитываетъ на обыкновенную прибыль со всей массы своего капитала, но когда онъ уже связалъ свою судьбу съ фермою, поставилъ разъ свое искусство и свою энергію на карту, чтобы получить выручку съ фермы, онъ вѣроятно станетъ затрачивать на нее капиталъ для немедленной выручки всѣми способами, какіе дадутъ ему прибавку къ прибыли, какъ бы мала ни была эта прибыль, лишъ бы была она больше риска затраты и больше процентовъ, которые онъ долженъ платить за капиталъ, если занялъ его или можетъ получить за этотъ капиталъ отъ другихъ, если капиталъ принадлежитъ ему. Другое дѣло новый фермеръ. Вступая на ферму онъ можетъ разсчитывать иначе, и не начнетъ дѣла, отъ котораго не можетъ ждать полнаго размѣра обыкновенной прибыли на весь тотъ капиталъ, который намѣренъ затратить въ предпріятіе. Другое обстоятельство: пока длится контрактъ, цѣны могутъ стать выше или ниже, чѣмъ предполагалось при заключеніи контракта, и земля тогда будетъ платить больше или меньше нормальной ренты; да и по истеченіи контракта землевладѣлецъ можетъ не согласиться на надлежащее уменьшеніе ренты, а фермеръ можетъ согласиться на плату слишкомъ высокой ренты, чтобы не покидать своей фермы и не искать фермы въ другомъ округѣ, когда всѣ сосѣднія заняты. Мы всегда должны ожидать подобныхъ нарушеній нормы: въ политической экономіи невозможно достичь общихъ теоремъ такого рода, чтобы ими обнимались всѣ многосложныя обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ результатъ въ частномъ случаѣ. Можетъ быть также, что классъ фермеровъ имѣетъ лишь небольшой капиталъ и занимается хозяйствомъ не столько для прибыли, сколько для пропитанія; такіе фермеры не захотятъ покидать фермъ, пока могутъ кормиться ими; если такъ, ихъ ренты будутъ похожи на коттерскія ренты, и когда число соискателей больше числа фермъ, то ренты могутъ под-

няться отъ соперничества до высоты, при которой фермеру не останется обыкновенной прибыли. Законы рентъ, прибыли, рабочей платы, цѣнъ, излагаемые нами, осуществляются лишь на столько, на сколько люди, дѣйствующіе въ данномъ случаѣ, свободны отъ вліянія всякихъ другихъ побужденій, кромѣ общей натуры самаго дѣла, и руководятся въ своемъ дѣлѣ обыкновеннымъ разсчетомъ прибыли и убытка. Примѣняя нашу двустороннюю гипотезу къ отношенію между фермерами и землевладѣльцами, надобно сказать, что фермеру надобно получать обыкновенную прибыль на весь свой капиталъ, что весь излишекъ выручки, превышающій эту прибыль, онъ принужденъ платить землевладѣльцу, но не согласится платить ему больше этой суммы; что часть капитала прилагается къ земледѣлію въ такихъ обстоятельствахъ производительности, при которыхъ не даетъ ничего сверхъ обыкновенной прибыли, что разница между продуктомъ этой части и другихъ равныхъ частей капитала составляетъ мѣру дани, которую могутъ и будутъ платить подъ именемъ ренты эти другія части капитала. Таковъ законъ ренты и онъ имѣетъ къ дѣйствительнымъ фактамъ всю близость, какую могутъ имѣть подобные законы, но въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ конечно видоизмѣняется или нарушается прежними условіями контракта, ошибками людей въ разсчетахъ, вліяніемъ привычки и даже личными мыслями и расположеніями участвующихъ въ дѣлѣ лицъ.

5. Многіе писатели дѣлаютъ замѣчаніе, котораго нельзя пропустить здѣсь, но которому, какъ мнѣ кажется, придаютъ больше важности, чѣмъ слѣдуетъ. Къ рентѣ обыкновенно причисляются многіе платежи, составляющіе вознагражденіе не за первобытныя силы самой земли, а за капиталъ, израсходованный на нее. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, прибавочная рента, даваемая землею вслѣдствіе этой затраты капитала, должна считаться не рентою, а прибылью. Но прежде, чѣмъ согласиться, надобно сдѣлать подразличеніе. Въ годичной платѣ фермера почти всегда заключается вознагражденіе за то, что онъ пользуется строеніемъ фермы, сараями, конюшнями и другими службами, также и домомъ, гдѣ онъ живетъ самъ, не говоря о заборахъ и т. д. Землевладѣлецъ потребуетъ, а фермеръ дастъ за эти строенія плату, какая составитъ на цѣнность этихъ строеній обыкновенную прибыль (или, точнѣе сказать, обыкновенные проценты, потому что землевладѣльцу тутъ нѣтъ ни риска, ни хлопотъ); онъ платитъ за нихъ обыкновенные проценты, на сумму, которой стоила постройка ихъ, или точ-

нѣе сказать, стоила бы теперь постройка такихъ помѣщеній; сверхъ этой платы фермеръ обязанъ оставить ихъ въ такой же исправности, какъ нашелъ, — иначе съ него разумѣется потребовалась бы уплата, гораздо большая простыхъ процентовъ. Эти постройки составляютъ вещь, совершенно отдѣльную отъ фермы, какъ составляютъ скотъ или брусья, которые передаетъ ему землевладѣлецъ; плата за строеніе точно также не можетъ называться рентою за землю, какъ не могла бы называться ею плата за скотъ, если бы существовалъ обычай, чтобы скотъ фермеру давался землевладѣльцемъ. Подобно скоту, строенія — капиталъ, правильно потребляемый и воспроизводимый, а не земля, и всѣ платы за нихъ служатъ собственно процентами.

Но бываетъ капиталъ дѣйствительно положенный на улучшеніе земли, не требующій періодическаго возобновленія, а затраченный разъ навсевда, чтобы дать землѣ вѣчное увеличеніе производительности; выручка съ такого капитала по моему мнѣнію совершенно теряетъ характеръ прибыли и подчиняется законамъ ренты. Правда, землевладѣлецъ не израсходуетъ капитала на улучшеніе помѣстья, если не ждетъ отъ улучшенія прибавки къ доходу, превосходящей проценты съ его расхода. Въ предварительныхъ разсчетахъ землевладѣльца эта прибавка къ доходу можетъ считаться прибылью; но когда расходы сдѣланы и улучшеніе произведено, рента улучшенной земли подчиняется тѣмъ же законамъ, какъ рента не улучшенной. Земля равнаго плодородія даетъ равную ренту. все равно, будетъ ли ея плодородіе естественное, или пріобрѣтенное; и я не могу думать, чтобы доходы землевладѣльцевъ бедфордской равнины или линкольнской равнины слѣдовало называть прибылью, а не рентою, изъ за того, что эти земли не стоили бы почти ничего, если бы не былъ израсходованъ на нихъ капиталъ. Эти землевладѣльцы не капиталисты, а землевладѣльцы; они уже не имѣютъ въ рукахъ капитала, онъ потребленъ, уничтоженъ; онъ не возвращается и не возвратится къ нимъ чрезъ свой продуктъ, какъ возвращается капиталъ фермера или фабриканта. Вмѣсто того они имѣютъ теперь землю извѣстнаго плодородія и она даетъ имъ такую же ренту и по тѣмъ же причинамъ, какъ если бы съ самаго начала обладала тою степенью плодородія, какая искусственно придана ей.

Американскій политико-экономъ Кери (Principles of Political Economy, часть 1, О производствѣ и распредѣленіи богатства) еще гораздо полнѣе моего уничтожаетъ различіе между этими двумя источниками ренты, совершенно отрицая одинъ изъ нихъ: онъ счи-

таетъ всякую ренту результатомъ затраченнаго капитала. Въ доказательство тому онъ утверждаетъ, что вся денежная цѣнность всей земли какого угодно государства, напримѣръ Англіи или Соединенныхъ Штатовъ, далеко меньше суммы, какая была израсходована, или какую надобно было бы израсходовать теперь, чтобы довести эту страну до нынѣшняго положенія изъ состоянія первобытнаго лѣса. За эту рѣзкую мысль схватились Бастіа и другіе писатели какъ за средство защитить поземельную собственность аргументомъ болѣе сильнымъ, чѣмъ всѣ другіе аргументы. Очевиднѣйшій смыслъ теоремы Кери равнозначителенъ тому, что если бы вдругъ прибавилась къ землямъ Англіи невоздѣланная территорія, равная этимъ землямъ по естественному плодородію, то не стоило бы жителямъ Англіи приниматься за ея воздѣлываніе, потому что прибыль отъ этой операціи не равнялась бы обыкновеннымъ процентамъ на израсходованный для того капиталъ. Если можно думать, что требуется опытъ на такое мнѣніе, то довольно будетъ замѣтить, что въ Англіи постоянно обращается подъ обработку земля не равнаго, а гораздо низшаго качества, чѣмъ земли уже воздѣланныя, и что расходы на это вполнѣ выплачиваются рентою съ такой земли въ небольшое число лѣтъ.

Но мысль Кери не совершенно такова, какой могла бы показаться по этимъ его словамъ безъ другихъ его объясненій. Онъ утверждаетъ не то, что земли какой угодно страны по среднему выводу не стоятъ суммъ, употребленныхъ на ихъ улучшеніе и что улучшеніе земли въ общей сложности было ошибочнымъ разсчетомъ для хозяевъ. Въ свою оцѣнку капитала, положеннаго въ землю, онъ включаетъ всѣ расходы на сооруженіе дорогъ и каналовъ, т. е. не на увеличеніе цѣнности земель, уже воздѣлываемыхъ, а на открытіе доступа къ другимъ землямъ, соперничествующимъ съ прежними. Но и съ этою поправкою его теорія почти столь же неосновательна, если придавать ей тотъ смыслъ, въ которомъ она только и можетъ служить опорою его выводовъ. Положимъ, какъ мы полагали, что прибавилась къ нынѣшней Англіи вторая Англія, по природѣ столь же плодородная. Можетъ ли кто нибудь усумниться, что люди, которымъ была бы отдана новая земля, нашли бы въ денежномъ отношеніи выгоднымъ дѣломъ устраивать дороги, нужныя для доставленія продукта на рынокъ, по мѣрѣ того, какъ воздѣлывалась бы земля? Кери вѣроятно отвѣчалъ бы, что устройствомъ этихъ дорогъ они могли бы возвысить свои ренты, но навѣрное понизили бы ренты старой англійской территоріи. Отвѣтъ

совершенно вѣренъ и показываетъ обманчивость критеріума, принятаго Кери. Можетъ быть, что вся земля на свѣтѣ не имѣетъ продажной цѣны, равной суммѣ издержекъ, сдѣланныхъ на приведеніе ея въ нынѣшній видъ, съ прибавленіемъ издержекъ на устройство всѣхъ существующихъ путей сообщенія. Усовершенствованіе путей сообщенія имѣетъ тенденцію понижать существующія ренты, уменьшая монополію земли, сосѣдней съ мѣстами, гдѣ собраны большія массы потребителей. Дороги и каналы строятся не за тѣмъ, чтобы поднимать цѣнность земли, уже снабжающей рынки, а за тѣмъ между прочимъ, чтобы удешевлять предложеніе товара допущеніемъ на рынокъ другихъ земель, болѣе отдаленныхъ; и чѣмъ успѣшнѣе достигается эта цѣль, тѣмъ сильнѣе понижается рента. Если бы возразить, что желѣзныя дороги и каналы Соединенныхъ Штатовъ не просто удешевляютъ перевозку, а исполняютъ свое дѣло такъ успѣшно, что совершенно уничтожаютъ расходы перевозки и доставляютъ возможность продукту Мечигана достигать нью-йоркскаго рынка такъ же быстро и дешево, какъ достигаетъ продуктъ Лонгъ-Айсленда, то уничтожилась бы вся цѣнность всей земли Соединенныхъ Штатовъ (кромѣ земли, по своему положенію удобной для построекъ) или, точнѣе сказать, наилучшая земля продавалась бы за сумму, какой стоитъ расчистка ея и плата по $1^1/_4$ доллеру за экръ, взимаемая правительствомъ при отводѣ новой земли, потому что съ такими расходами можно получать въ безграничномъ изобиліи землю въ Мечиганѣ, равняющуюся достоинствомъ наилучшей землѣ Соединенныхъ Штатовъ. Но странно то, что Кери почелъ этотъ фактъ противорѣчащимъ теоріи ренты Рикардо. Если согласиться со всѣмъ, что онъ говоритъ, все-таки останется справедливымъ. что пока есть земля, не дающая ренты, то земля, дающая ренту, даетъ ее вслѣдствіе какого нибудь преимущества своего, по плодородію или близости къ рынкамъ, надъ землею, не дающею ренты; и мѣра этого преимущества служитъ также и мѣрою ренты. А причина, почему эта земля даетъ ренту, то обстоятельство, что она обладаетъ естественною монополіею оттого, что количество земли, пользующейся равными съ нею выгодами, недостаточно для снабженія рынка. Эти мысли составляютъ теорію ренты, изложенную Рикардо, и если онѣ справедливы, то я не вижу, какую важность имѣетъ то обстоятельство, больше или меньше рента, даваемая нынѣ землею, чѣмъ проценты капитала, израсходованнаго на возвышеніе ея цѣнности, вмѣстѣ съ

процентами капитала, израсходованнаго на понижеціе ея цѣнности *).

Но возраженія Кери все еще нѣсколько умнѣе аргументовъ, которыми обыкновенно возражаютъ противъ ренты, — теоремы, которую можно назвать pons asinorum политической экономіи, потому

*) Въ своемъ послѣдующемъ сочиненіи, «The Past, the Present, and the Future» Кери приводитъ другое основаніе опровергать теорію ренты Рикардо; онъ ссылается на историческій фактъ, что земли воздѣланныя прежде другихъ, были не самыя плодородныя, а безплодныя. «Мы находимъ, что переселенцы всегда занимали землю въ верховьяхъ долинъ, гдѣ слой растительной почвы тонокъ, землю, легко расчищаемую и не требующую осушенія, вознаграждающую трудъ малымъ урожаемъ; потомъ всегда спускались они все ниже и ниже, очищая и осушая плодородныя низменности по мѣрѣ того, какъ расло населеніе и богатство. Когда населеніе малочисленно и земли много, воздѣлываніе начинается и всегда должно начинаться съ почвъ небогатыхъ. Съ возрастаніемъ населенія и богатства, всегда расширяется воздѣлываніе на другія почвы, болѣе плодородныя, такъ что вознагражденіе за употребленный на нихъ трудъ постоянно растетъ».

Правда, что рѣдко воздѣлываніе начинается съ земель, расчистка и осушеніе которыхъ требуетъ наибольшаго труда; вѣроятно справедливо то, что въ новыхъ странахъ оно начинается на холмахъ и спускается съ нихъ въ долины; потому часто можетъ случаться (хотя разумѣется непремѣннаго правила тутъ нѣтъ), что плодороднѣйшія земли остаются невоздѣланными дольше другихъ земель, природная производительность которыхъ меньше, даже и по пропорціи труда и расхода, требуемаго ихъ воздѣлываніемъ. Но Кери едва ли можетъ сказать, что въ какой бы то ни было старой странѣ невоздѣланныя земли вообще земли такого сорта, который былъ бы наивыгоднѣйшимъ для воздѣлыванія. Впрочемъ сдѣлаемъ даже и эту уступку, предположимъ вмѣстѣ съ Кери, что расширеніе нивъ идетъ къ лучшимъ землямъ, отъ безплодныхъ къ плодоноснымъ, а не къ худшимъ, отъ плодоносныхъ къ безплоднымъ, и что напримѣръ невоздѣланная земля Англіи, Шотландіи и Ирландіи составляетъ именно ту часть этихъ странъ, которая назначена со временемъ давать наибольшее вознагражденіе земледѣльческому труду. Читатель согласится, что это — уступка довольно большая; но даже и она не послужитъ возраженіемъ противъ закона ренты, изложеннаго нами въ этой главѣ. Если болото и скалы въ родѣ Дартмура и Шекъ-Фельза — плодороднѣйшія земли въ Англіи, то когда онѣ обратятся подъ воздѣлываніе, онѣ будутъ давать наибольшую ренту, а земли, которыя тогда вовсе не станутъ давать ренты, будутъ вѣроятно нынѣшнія плодороднѣйшія земли въ родѣ эссекской равнины и Carse of Gowrie. Въ какомъ бы порядкѣ ни обращались земли подъ воздѣлываніе, но цѣну земледѣльческаго продукта непремѣнно будутъ опредѣлять тѣ, воздѣлываніе которыхъ даетъ наименьшую выручку по пропорціи употребляемаго на нихъ труда; а всѣ другія земли будутъ платить ренту прямо равняющуюся излишку ихъ продукта надъ этимъ minimum. Если писатели, излагавшіе законъ ренты, и употребляли иногда неточныя

что, сколько я могу представить себѣ, съ нею могутъ не соглашаться только тѣ, которые не понимаютъ ее хорошенько. Очень замѣчательна сбивчивость, и неточность, съ которою излагается она многими изъ писателей, претендующихъ опровергать ее. Напримѣръ многіе называли теорію Рикардо сбивчивой за то, что она будто бы нелѣпо называетъ *воздѣлываніе* худшей земли причиною ренты лучшей земли. Рикардо не говоритъ, что причина ренты — воздѣлываніе худшей земли, онъ говоритъ, что причина ренты — *необходимость* воздѣлывать худшую землю, по недостаточности лучшей земли для прокормленія возрастающаго населенія; его слова, и слова, приписываемыя ему, столь же различны, какъ понятія: запросъ и предложеніе. Другіе говорятъ, въ видѣ возраженія противъ Рикардо, что если бы вся земля была равна по плодородію, она все-таки могла бы давать ренту. Но Рикардо именно такъ и говоритъ. Онъ говоритъ, что если бы всѣ земли были равнаго плодородія, то земли, которыя ближе другихъ къ своему рынку и потому менѣе обременены издержками перевозки, давали бы ренту, равную этому преимуществу; а земля, не дающая ренты, была бы тогда не наименѣе плодородная, а наименѣе выгодная по мѣстоположенію изъ земель, воздѣлыванія которыхъ требуютъ общественныя нужды. Теорія Рикардо положительно говоритъ также, что и независимо отъ разницы мѣстоположенія была бы рента при извѣстномъ обстоятельствѣ, хотя бы мы предположили всю землю извѣстной страны одинаково плодородною: вся эта земля давала бы ренту въ томъ случаѣ, когда бы запросъ общества требовалъ, чтобы она воздѣлывалась вся, и воздѣлывалась съ приложеніемъ капитала въ размѣрѣ большемъ того, съ котораго дальнѣйшее приложеніе капитала начинаетъ давать выручку въ меньшей пропорціи. Нельзя доказать, что вся земля извѣстной страны можетъ давать ренту еще въ какомъ нибудь случаѣ.

выраженія, то теорія ихъ все-таки состояла именно только въ этихъ двухъ идеяхъ.

Иное дѣло, еслибы Кери могъ показать, что выручка за земледѣльческій трудъ, при неподвижности земледѣльческаго искусства и знанія, идетъ не по уменьшающейся прогрессіи,—тогда онъ опровергъ бы принципъ гораздо важнѣйшій, чѣмъ всякая теорія ренты. Но эта попытка ему совершенно не удалась. Никто не утверждалъ, чтобы этотъ естественный законъ примѣнялся къ первоначальнѣйшему времени заселенія страны, а только въ отношеніи къ этому времени возраженія Кери имѣютъ хотя тѣнь соотвѣтственности съ дѣйствительнымъ ходомъ вещей.

6. Разсмотрѣвъ сущность и причины ренты, возратимся къ вопросу о прибыли и сообразимъ вновь одну изъ теоремъ, изложенныхъ въ предъидущей главѣ. Мы говорили тамъ, что затраты капиталиста, или иными словами издержки производства состоятъ единственно въ рабочей платѣ; что если извѣстная часть расхода не служитъ рабочею платою, она составляетъ уплату прибыли впередъ, а кромѣ этихъ уплатъ прибыли впередъ, всѣ остальныя издержки служатъ рабочею платою. Но рента есть элементъ, котораго нельзя причислить ни къ прибыли, ни къ рабочей платѣ, и мы были принуждены тогда предположить, что капиталистъ не платитъ ренты, не даетъ вознагражденія за пользованіе силою природы, обращенною въ частную собственность; я обѣщалъ тогда показать со временемъ, что такое предположеніе не нарушаетъ истины, что рента не составляетъ въ дѣйствительности часть издержекъ производства или затратъ капиталиста. Теперь очевидны основанія, по которымъ я тогда утверждалъ это. Правда, что всѣ фермеры и многіе другіе разряды производителей платятъ ренту. Но мы теперь видѣли, что человѣкъ, воздѣлывающій землю съ платою ренты за нее, получаетъ въ замѣнъ своей ренты орудіе, превосходящее своею силою другія орудія того же рода, не платящія ренты. Степень превосходства этого орудія въ точности соразмѣрна платимой за него рентѣ. Если бы нѣсколько человѣкъ имѣли паровыя машины достоинства высшаго всѣхъ другихъ существующихъ паровыхъ машинъ, но по физическимъ законамъ эти лучшія машины были бы въ количествѣ, неудовлетворяющемъ запросу, то рента, которую фабрикантъ соглашался бы платить за одну изъ такихъ паровыхъ машинъ, не могла бы считаться прибавкою къ его расходу, потому что пользованіе этою машиною сберегало бы ему въ другихъ расходахъ сумму, равную платѣ за эту машину, безъ которой онъ могъ бы производить то же количество работы не иначе, какъ съ прибавочными издержками, равными рентѣ. Точно то же надобно сказать о землѣ. Дѣйствительныя издержки производства,—издержки, дѣлаемыя на землѣ худшаго сорта, или въ той части капитала, которая употребляется при наименѣе выгодныхъ обстоятельствахъ. Эта земля или эта часть капитала, какъ мы видѣли, не платитъ ренты, но издержки, дѣлаемыя тутъ, служатъ причиною, что вся другая земля или всѣ другія части земледѣльческаго капитала подвергаются равнымъ издержкамъ въ видѣ ренты. Кто платитъ ренту, къ тому вся цѣнность ея возвращается особенными выгодами его дѣла, и рента, имъ платимая, не ставитъ его въ по-

ложеніе, худшее положенія другаго производителя, не платящаго ренты, но имѣющаго орудіе, менѣе успѣшное, — она только уравниваетъ его съ этимъ другимъ производителемъ.

Теперь мы закончили изложеніе законовъ, управляющихъ распредѣленіемъ продукта земли, труда и капитала, насколько возможно излагать эти законы независимо отъ механизма, производящаго эти распредѣленія въ цивилизованномъ обществѣ, — механизма Обмѣна и Цѣны. Полнѣйшему разъясненію и окончательному подтвержденію изложенныхъ нами законовъ и выводу важнѣйшихъ послѣдствій изъ нихъ, дожно предшествовать объясненіе сущности и способа дѣйствій этого механизма, — предметъ, по своей обширности и многосложности требующій отдѣльной книги.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ОБМѢНЪ.

КНИГА III.

ОБМѢНЪ.

ГЛАВА I.

ЦѢННОСТЬ.

1. Предметъ, къ которому теперь мы переходимъ, занимаетъ въ политической экономіи мѣсто, столь важное и видное, что въ мнѣніи нѣкоторыхъ мыслителей границы его сливаются съ границами самой науки. Былъ знаменитый писатель, предлагавшій назвать политическую экономію «каталактикою» или наукою обмѣна; другіе называли ее наукою цѣнностей. Если бы эти названія казались мнѣ логически вѣрными, я долженъ былъ бы помѣстить анализъ основныхъ законовъ цѣнности въ самомъ началѣ своего трактата, а не отложилъ бы его до третьей книги; и уже одна возможность отлагать его такъ долго достаточно показываетъ, что ограничивать предметъ политической экономіи обмѣномъ значитъ слишкомъ стѣснять ее. Правда, что въ предъидущихъ книгахъ мы не могли избѣжать надобности нѣсколько касаться теоріи цѣнности, особенно цѣнности труда и земли. Но все-таки очевидно, что изъ двухъ великихъ отдѣловъ политической экономіи понятіе цѣнности относится лишь къ распредѣленію богатства, не относясь къ его производству; да и распредѣленія касается оно лишь въ той мѣрѣ, въ какой распредѣляющею силою является соперничество, а не обычай или обыкновеніе. Условія и законы производства остались бы точно тѣ же, какъ нынѣ, если бы устройство общества не за-

висѣло отъ обмѣна или не допускало его. Даже и при нынѣшнемъ устройствѣ промышленной жизни, когда занятія раздѣлены очень дробно и вознагражденіе всѣхъ участвующихъ въ производствѣ опредѣляется цѣною какого нибудь одного товара, даже и тутъ обмѣнъ не служитъ основнымъ закономъ распредѣленія продукта, все равно, какъ дороги и фуры не служатъ существенными законами движенія, а составляютъ лишь часть механизма, посредствомъ котораго идетъ движеніе. Смѣшивать эти понятія значитъ, по моему мнѣнію, дѣлать не только логическую, но и практическую ошибку. Въ политической экономіи слишкомъ часто дѣлаютъ ту ошибку, что не различаютъ необходимость, возникающую отъ существа дѣла, отъ необходимости, создаваемой общественнымъ устройствомъ; и это, какъ мнѣ кажется, всегда производитъ два противоположныя дурныя послѣдствія. Съ одной стороны политико-экономы ставятъ часто временныя истины своего предмета въ рядъ вѣчныхъ и всеобщихъ его законовъ; а съ другой стороны, оттого же самаго многіе принимаютъ вѣчные законы производства (какъ напримѣръ законы, на которыхъ основана необходимость сдерживать размноженіе людей) за временныя и случайныя послѣдствія нынѣшняго общественнаго устройства, — послѣдствія, которыми можно пренебрегать при составленіи новой системы общественнаго устройства.

Но дѣйствительно вопросъ о цѣнности — основной вопросъ въ томъ состояніи общества, когда промышленная система вполнѣ основана на покупкѣ и продажѣ и почти каждый живетъ не столько вещами, въ производствѣ которыхъ участвуетъ самъ, сколько вещами, получаемыми черезъ двойной обмѣнъ, черезъ продажу и потомъ покупку. Въ обществѣ, такимъ образомъ устроенномъ, почти всякое соображеніе въ экономическихъ вопросахъ связано съ теоріею цѣнности и малѣйшая ошибка въ ней производитъ соотвѣтствующую ошибку во всѣхъ другихъ нашихъ выводахъ; отъ смутности или сбивчивости нашихъ понятій о цѣнности происходитъ спутанность и шаткость во всѣхъ другихъ понятіяхъ. Къ счастію, въ законахъ цѣнности не остается ничего, требующаго разработки отъ меня или какого нибудь послѣдующаго писателя; теорія этого предмета развита вполнѣ; единственная трудность въ ней—изложить ее такъ, чтобы тутъ же сами собою рѣшались главныя трудности, встрѣчающіяся при ея примѣненіи; для этого необходима нѣкоторая подробность изложенія, требующая значительнаго терпѣнія отъ читателя. Впрочемъ онъ (если еще не былъ

знакомъ съ этимъ предметомъ) будетъ вполнѣ вознагражденъ за то легкостью и быстротою, съ какою станетъ постигать почти всѣ остальные вопросы политической экономіи, когда вполнѣ узнаетъ этотъ вопросъ.

2. Мы должны начать тѣмъ, чтобы опредѣлить свою терминологію. Въ отрывкѣ, очень часто цитуемомъ, Адамъ Смитъ коснулся замѣтнѣйшей стороны двусмыслія въ словѣ цѣнность: въ одномъ смыслѣ оно означаетъ полезность, а въ другомъ покупательную силу; Адамъ Смитъ обозначилъ эту разницу выраженія value in use и value in exchange (внутренняя цѣнность и внѣшняя цѣнность). Но, по замѣчанію де Квинси, Адамъ Смитъ, разъясняя эту двойственность смысла, самъ впалъ въ другое двусмысліе. По его словамъ, вещи, имѣющія величайшую внутреннюю цѣнность, часто не имѣютъ почти или вовсе никакой мѣновой цѣнности; это правда, потому что вещь, получаемая безъ труда или пожертвованія, не покупается ни за что, какъ бы полезна или необходима ни была. Но онъ прибавляетъ, что иныя вещи, имѣющія величайшую мѣновую цѣнность, какъ напримѣръ бриліантъ, не имѣютъ почти или вовсе никакой внутренней цѣнности. Это значитъ употреблять слово внутренняя цѣнность не въ томъ смыслѣ, какой имѣетъ оно въ политической экономіи, а въ противоположность понятію пустаго удовольствія. Политической экономіи нѣтъ дѣла до того, какъ думаетъ о внутреннемъ достоинствѣ разныхъ предметовъ философъ или моралистъ. Въ политической экономіи предметъ разсматривается по своей способности удовлетворять извѣстному желанію, служить для извѣстной цѣли. Бриліанты имѣютъ эту способность въ высокой степени и если бы не имѣли ее, то лишены были бы всякой цѣны. Внутренняя или, по выраженію де Квинси, телеологическая цѣнность составляетъ крайній предѣлъ мѣновой цѣнности. Мѣновая цѣнность вещей можетъ быть на какую угодно пропорцію меньше ея внутренней цѣнности; но чтобы она могла превышать внутреннюю цѣнность, это—несообразность; это значило бы, что для полученія вещи люди согласятся дать больше всей цѣнности, какую сами придаютъ ей какъ средству удовлетворенія своимъ наклонностямъ.

Слово цѣнность, употребляемое безъ дальнѣйшаго опредѣленія, всегда означаетъ въ политической экономіи мѣновую цѣнность *).

---

*) Вмѣсто value in exchange Адамъ Смитъ и его послѣдователи говорили exchangeable value, но это выраженіе не соотвѣтствуетъ духу англійскаго

Мѣновую цѣнность надобно различать отъ цѣны. Слова цѣнность и цѣна употреблялись прежними политико-экономами какъ синонимы и самъ Рикардо иногда смѣшивалъ ихъ. Но точнѣйшіе изъ новыхъ писателей, чтобы не тратить по напрасну двухъ хорошихъ терминовъ для обозначенія одного понятія, стали употреблять слово цѣна для выраженія цѣнности вещи по отношенію къ деньгамъ, количества денегъ, за какое обмѣнивается вещь. Потому подъ цѣною вещи мы станемъ понимать ея денежную цѣнность, а подъ цѣнностью или мѣновою цѣнностью вещи ея общую покупательную силу, размѣръ той возможности, какую дастъ она своему владѣльцу пріобрѣтать продажные товары вообще.

3. Но здѣсь представляется надобность въ новомъ объясненіи. Что разумѣть подъ возможностью пріобрѣтать вообще всякіе товары? Извѣстная вещь обмѣнивается за большое количество однихъ товаровъ, за очень малое другихъ. Пара платья обмѣнивается за большое количество хлѣба и за очень малое количество драгоцѣнныхъ камней. Цѣнность вещи въ обмѣнѣ за одни товары можетъ подниматься, въ обмѣнѣ за другіе падать. Платье обмѣнивается въ нынѣшнемъ году за меньшее количество хлѣба, чѣмъ въ прошломъ, если урожай былъ дуренъ, но за большее количество стекла или желѣза, чѣмъ прежде, если снята съ этихъ товаровъ пошлина или сдѣлано улучшеніе въ ихъ выдѣлкѣ. Поднялась или упала тутъ цѣна платья? Сказать этого невозможно; можно сказать только, что относительно одной вещи она упала, относительно другой поднялась. Но бываетъ и другой случай, въ которомъ никто не затруднится сказать, какая перемѣна произошла въ цѣнности платья, тотъ случай, если причина, перемѣнившая мѣновыя цѣнности, прямо относилась къ самому платью, а не къ хлѣбу или стеклу, Предположимъ напримѣръ, что въ машинахъ сдѣлано изобрѣтеніе, благодаря которому тканье сукна стало стоить вдвое дешевле прежняго. Результатомъ этого будетъ пониженіе цѣнности платья, и если она понизилась отъ этой причины, то она понизилась не относительно одного хлѣба или одного сукна, но относительно всѣхъ продажныхъ вещей, кромѣ тѣхъ, которымъ случилось въ это же самое время подвергнуться вліянію такой же причины. Потому мы скажемъ тутъ, что мѣновая цѣнность или общая поку-

---

языка; де Квинси замѣняетъ его терминомъ exchange value, которое не составляетъ ошибки противъ англійскаго языка (мы отнесли въ примѣчаніе эти грамматическія замѣтки Милля, находящіяся у него въ текстѣ. Пр. перев.).

пательная сила платья упала. Понятіе общей мѣновой цѣнности рождается изъ того факта, что дѣйствительно есть причины, ведущія къ измѣненію цѣнности извѣстной вещи въ обмѣнѣ вообще на всякія вещи, точнѣе сказать на всѣ вещи, которыя не подвергаются вліянію такихъ же причинъ.

При научномъ анализѣ мѣновой цѣнности удобнѣе всего будетъ отстранить всѣ причины, кромѣ тѣхъ, которыя возникаютъ въ самомъ товарѣ, о которомъ мы говоримъ. Причины, возникающія въ товарахъ, съ которыми мы сравниваемъ его, измѣняютъ его цѣнность по отношенію къ этимъ товарамъ; но причины, возникающія въ немъ самомъ, измѣняютъ его цѣнность въ отношеніи ко всѣмъ товарамъ. Чтобы полнѣе сосредоточить наше вниманіе на этихъ послѣднихъ причинахъ, слѣдуетъ предположить, что остаются неизмѣнны въ своихъ относительныхъ цѣнностяхъ всѣ товары, кромѣ одного того, о которомъ мы говоримъ. Разсматривая причины, возвышающія или понижающія цѣнность хлѣба, мы предполагаемъ, что остаются неизмѣнны пропорціи, въ которыхъ обмѣниваются другъ на друга шерстяныя и шелковыя матеріи, желѣзныя вещи, сахаръ, лѣсной товаръ и т. д., а измѣняется только сила ихъ въ покупкѣ хлѣба. При такомъ предположеніи каждый изъ этихъ другихъ товаровъ можно брать представителемъ всѣхъ остальныхъ; потому что какъ измѣняется цѣнность хлѣба относительно одного товара, точно такъ же и на столько же измѣняется она относительно всякаго другаго товара и довольно будетъ смотрѣть на повышеніе или пониженіе цѣнности хлѣба по счету на какую нибудь одну вещь. Такимъ образомъ денежная цѣнность или цѣна хлѣба можетъ представлять общую мѣновую цѣнность или покупательную силу хлѣба точно такъ же, какъ могла бы представлять ее оцѣнка хлѣба на всякій другой товаръ; по очевидному удобству мы часто будемъ употреблять денежную оцѣнку товаровъ, какъ представительницу его общей мѣновой цѣнности, съ тѣмъ предположеніемъ, что общая покупательная сила денегъ не измѣняется, такъ что остаются неизмѣненными цѣны всѣхъ остальныхъ вещей, кромѣ той, о которой мы будемъ говорить.

4. Различіе между цѣнностью и цѣною по нашему опредѣленію такъ просто, что едва ли нуждается въ объясненіяхъ. Но величайшія ошибки въ политической экономіи происходятъ отъ непониманія яснѣйшихъ истинъ. При всей своей простотѣ, различеніе цѣны отъ цѣнности ведетъ къ заключеніямъ, съ которыми надобно заблаговременно и какъ можно лучше познакомиться читателю, не занимав-

шемуся этимъ предметомъ. Вотъ одно изъ такихъ заключеній. Общее возвышеніе цѣнъ—дѣло возможное. Всѣ товары могутъ подняться въ денежной цѣнѣ. Но общаго возвышенія цѣнностей быть не можетъ, потому что это логическая несообразность. Товаръ А поднимается въ цѣнности лишь тѣмъ, что начинаетъ обмѣниваться за большее, чѣмъ прежде, количество товаровъ В и С, которые въ такомъ случаѣ обмѣниваются за меньшее чѣмъ прежде количество товара А. Всѣ вещи не могутъ подняться относительно другъ друга. Если мѣновая цѣнность половины находящихся на рынкѣ товаровъ поднимается, то по самому смыслу этого выраженія, мѣновая цѣнность другой половины товаровъ упала. Вещи обмѣниваемыя одна на другую точно также не могутъ всѣ подняться или всѣ упасть, какъ изъ десятка лошадей на бѣгу не всѣ десять обскакиваютъ другъ друга, или изъ сотни деревьевъ не всѣ сто переросли другъ друга. Какъ ни проста эта истина, но мы скоро увидимъ, что она упускается изъ виду въ разныхъ очень уважаемыхъ мнѣніяхъ и теоретиковъ и такъ называемыхъ практическихъ людей. Первымъ образцомъ того можетъ служить огромная важность, приписываемая воображаемому общему возвышенію или упадку цѣнъ. Если цѣна извѣстнаго товара поднимается, это обыкновенно бываетъ признакомъ возвышенія его цѣнности; потому когда всѣ цѣны поднимаются, то людямъ смутно воображается, будто одновременно поднялась цѣнность всѣхъ товаровъ и обогатились всѣ, у кого есть какой нибудь товаръ. Нѣтъ, когда возвышается или падаетъ денежная цѣна всѣхъ предметовъ, отъ этого измѣняется только значеніе прежнихъ обязательствъ, а кромѣ того не происходитъ перемѣны ни въ чемъ, если всѣ предметы падаютъ или возвышаются равно. Ни рабочая плата, ни прибыль, ни рента ни укого не измѣняется отъ этого. При общемъ возвышеніи цѣнъ, каждый получаетъ денегъ больше прежняго, а при пониженіи, меньше прежняго, но за эти деньги онъ получаетъ прежнее количество вещей, которыя покупаетъ; разница лишь въ томъ, что для разсчета употребляется больше или меньше жетоновъ, чѣмъ прежде. Единственный предметъ, цѣнность котораго въ этомъ случаѣ измѣняется—деньги, и выигрываютъ или теряютъ оттого лишь тѣ люди, у которыхъ находятся деньги или которые должны получить или заплатить опредѣленныя суммы денегъ. Перемѣна эта касается съ одной стороны кредиторовъ и людей получающихъ извѣстное ежегодное содержаніе, съ другой стороны людей, платящихъ извѣстныя суммы ежегодно или должниковъ. Словомъ

сказать, измѣняются въ пользу должника или кредитора обязательства объ уплатѣ извѣстныхъ денежныхъ суммъ, а это во всякомъ случаѣ вредно. Но въ послѣдующихъ сдѣлкахъ не происходитъ ни для кого разницы. Потому станемъ помнить (случаи вспоминать объ этомъ будутъ представляться намъ часто), что общее возвышеніе или пониженіе цѣнностей—несообразность и что общее повышеніе или пониженіе цѣнъ просто равносильно измѣненію въ цѣнности денегъ и не имѣетъ никакого значенія, кромѣ того, что измѣняетъ прежнія обязательства относительно полученія и уплаты извѣстныхъ денежныхъ суммъ.

5. Прежде, чѣмъ начать изслѣдованіе законовъ цѣнности и цѣны, надобно сдѣлать еще одно замѣчаніе. Я долженъ разъ навсегда предупредить, что случаи, разсматриваемые мною—тѣ случаи, въ которыхъ цѣнности и цѣны опредѣляются однимъ соперничествомъ. Лишь на сколько цѣнности и цѣны опредѣляются имъ, на столько и можно подвести ихъ подъ опредѣленные законы. Надобно полагать, что покупщики столько же заботятся о дешевой покупкѣ, сколько продавцы о дорогой продажѣ. Такимъ образомъ цѣнности и цѣны, къ которымъ примѣняются наши выводы,—цѣнности и цѣны коммерческія; напримѣръ тѣ цѣны, какія выставляются въ прейсъ-курантахъ; цѣны оптовыхъ рынковъ, на которыхъ и покупка и продажа—коммерческое дѣло; въ которыхъ покупщики озабочиваются узнать и вообще говоря знаютъ наименьшую цѣну, по какой можно получить товаръ извѣстнаго качества, и на которыхъ потому имѣетъ дѣйствительную силу аксіома, что не можетъ существовать на одномъ рынкѣ двухъ цѣнъ одному товару одного качества. Далеко не такъ безусловно будутъ примѣняться наши выводы къ цѣнамъ розничной торговли, къ цѣнамъ, платимымъ въ лавкахъ за товаръ, покупаемый для личнаго потребленія. Тутъ часто бываетъ одному товару не только двѣ цѣны, а много разныхъ цѣнъ въ разныхъ лавкахъ и даже въ одной лавкѣ, потому что привычка и случай въ этомъ дѣлѣ имѣютъ не меньше участія, чѣмъ общія причины. Покупку для личнаго употребленія даже и торговые люди дѣлаютъ не всегда по коммерческому принципу: чувства, руководствующія дѣломъ полученія и дѣломъ расходованія своего дохода, часто у нихъ бываютъ чрезвычайно различны. По лѣности или безпечности или по амбиціи, запрещающей торговаться при покупкѣ вещи, изъ четырехъ человѣкъ, могущихъ заплатить цѣну выше настоящей, трое платятъ гораздо дороже чѣмъ было бы можно; а бѣдные платятъ дороже надлежащаго по

незнанію и несообразительности, по недостатку времени на розыски и справки, а нерѣдко и по явному или по скрытому принужденію. Отъ этихъ причинъ розничныя цѣны не слѣдуютъ вліянію опредѣляющихъ оптовыя цѣны причинъ съ такою правильностію, какой иные могли бы ожидать. Вліяніе этихъ причинъ напослѣдокъ обнаруживается на различныхъ рынкахъ и служитъ истиннымъ источникомъ тѣхъ перемѣнъ въ розничныхъ цѣнахъ, которыя имѣютъ общій и прочный характеръ. Но соотвѣтственность эта не регулярна и не точна. Сапоги одного сорта продаются въ разныхъ лавкахъ по очень различнымъ цѣнамъ; и отъ пониженія цѣны кожи можетъ не понизиться цѣна, какая берется съ зажиточныхъ людей за сапоги. Но все таки цѣна сапогъ иногда уменьшается и когда она уменьшается, причиною тому всегда бываетъ какое нибудь общее обстоятельство въ родѣ пониженія цѣны кожи; а когда кожа дешевѣетъ, то, если цѣна сапогъ и не измѣняется въ лавкахъ, гдѣ покупщики богатые люди, мастеровой и чернорабочій вообще начинаютъ покупать сапоги дешевле и чувствительно уменьшаются подрядныя цѣны, по которымъ ставятся сапоги для полка солдатъ или уоркгауза. При всѣхъ соображеніяхъ о цѣнахъ надобно подразумѣвать оговорку: «въ томъ предположеніи, что всѣ участники дѣла заботятся о своей выгодѣ». Забвеніе этихъ ограниченій часто вело къ тому, что отвлеченные принципы политической экономіи прилагались къ фактамъ неправильно, а еще чаще къ тому, что колебалось убѣжденіе въ этихъ принципахъ изъ за того, что они прилагались къ фактамъ, не подходящимъ подъ нихъ и не могущимъ быть въ гармоніи съ ними.

ГЛАВА II.

ОТНОШЕНІЕ ЗАПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНІЯ КЪ ЦѢННОСТИ.

1. Чтобы вещь имѣла мѣновую цѣнность, для этого необходимы два условія. Вещь должна быть на что нибудь пригодна, должна соотвѣтствовать какой нибудь цѣли, удовлетворять какому нибудь желанію. Для полученія вещи, не пригодной ни къ чему такому, никто не захочетъ платить за нее какую нибудь цѣну или отдавать что нибудь годное ему на что нибудь. Во-вторыхъ предметъ долженъ быть не только пригодный на что нибудь, но и получаемый не безъ нѣкотораго затрудненія. «Чтобы получить ту искусственную цѣнность, которая называется мѣновою цѣнностью (го-

воритъ де Квинси, Logic of Political Economy, стр. 13), предметъ во-первыхъ долженъ представляться средствомъ исполнить какое нибудь желаніе; а во-вторыхъ, если онъ и безспорно имѣетъ эту предварительную выгоду, онъ никакъ не дойдетъ до мѣновой цѣнности, когда можетъ быть получаемъ даромъ и безъ усилія; оба эти термина второй оговорки должны соединяться. Часто бываетъ, что пригодный предметъ можно получать даромъ: нагибаешься и берешь его съ земли; но безпрестанно нагибаться—это обременительное усиліе и скоро чувствуете вы, что собирать для себя эту вещь не значитъ вамъ получать ее даромъ. Въ обширныхъ лѣсахъ Канады земленику, въ извѣстное время года, можно даромъ собирать цѣлыми возами, но собирать ее, нагибаясь за нею, такъ изнурительно и скучно, что каждый скоро радъ бываетъ передать это дѣло въ наемныя руки.»

Степень полезности вещи, по мнѣнію покупщика—крайній предѣлъ мѣновой цѣны, какъ мы показали въ предъидущей главѣ; выше этого мѣновая цѣнность не можетъ подниматься и нужны особенныя обстоятельства, чтобы она поднялась до этого. Это очень удачно объясняетъ де Квинси. «Ступайте въ какую хотите лавку, покупайте вещь какая попадется вамъ; чѣмъ опредѣляется ея цѣна? Изъ ста случаевъ въ 99 случаяхъ однимъ элементомъ Т—трудностью полученія. Другой элементъ П—внутренняя полезность не оказываетъ никакого вліянія на цѣну. Пусть эта вещь по оцѣнкѣ своей пригодности для вашего желанія стоитъ 10 гиней, такъ что вамъ легче отдать 10 гиней, чѣмъ обойтись безъ нея; но если трудность производства ея стоитъ только одной гинеи, то и цѣна вещи будетъ одна гинея. Но если П—бездѣйствуетъ, то можно ли предположить что этого П нѣтъ? Никакъ нельзя. Еслибъ его не было, то навѣрное вы не дали бы за эту вещь и самой ничтожной цѣны. Не дѣйствуя на цѣну П дѣйствуетъ на васъ. Но предположимъ теперь, что изъ ста случаевъ есть одинъ, въ которомъ обстоятельства противоположны прежнимъ. Вы въ Сѣверной Америкѣ на Верхнемъ озерѣ; пароходъ везетъ васъ въ дикую страну за 800 миль отъ границъ цивилизаціи, и вы чувствуете, что цѣлыхъ 10 лѣтъ не будетъ у васъ уже никакого случая купить какой нибудь предметъ роскоши или развлеченія. У одного изъ вашихъ спутниковъ, съ которымъ вы разстанетесь черезъ нѣсколько часовъ, есть табакерка съ громкой музыкой. Зная по опыту вліяніе этой игрушки на ваше расположеніе духа, зная волшебство, съ которымъ она убаюкиваетъ ваши взволнованныя мысли, вы

очень желаете купить ее. Вы забыли объ этомъ, уѣзжая изъ Лондона; теперь послѣдній шансъ къ этому. Но владѣлецъ табакерки, не хуже васъ понимая ваше положеніе, рѣшился до крайности натягивать дѣйствіе П внутренней цѣнности товара по вашей личной оцѣнкѣ для вашей личной цѣли. Онъ не хочетъ и слышать о Т какъ объ элементѣ, могущемъ контролировать или смягчать силу П въ этомъ случаѣ. Въ Лондонѣ или въ Парижѣ вы могли бы накупить цѣлый возъ такихъ табакерокъ по 6 гиней за штуку, а теперь вы, чтобы не остаться безъ табакерки, заплатите за нее 60 гиней, когда послѣдній звонокъ колокольчика напомнитъ вамъ: покупайте сейчасъ, или табакерка уйдетъ безвозвратно. И здѣсь, какъ въ прежнихъ случаяхъ, дѣйствуетъ одинъ только элементъ: въ прежнихъ дѣйствовалъ Т, а здѣсь П; но и тутъ Т только бездѣйствовалъ, а не вовсе исчезалъ. Его бездѣйствіе дало полный просторъ всей силѣ П. Сжимающая сила Т отстранилась и П вспрыгнулъ какъ вода въ насосѣ, изъ котораго вытянутъ давящій воздухъ. Но хотя цѣна и опредѣлялась не элементомъ Т, онъ былъ въ вашихъ мысляхъ,—это очевидно: вопервыхъ П и Т должны существовать вмѣстѣ, чтобы возникъ какой нибудь обмѣнъ; вовторыхъ, вы безспорно принимали къ сильнѣйшему соображенію это Т—чрезмѣрную трудность получить предметъ (трудность эта доходила до послѣдняго предѣла, то есть до невозможности),—только поэтому и заплатили вы цѣну, натянутую до П. Спеціальное Т исчезло, но замѣнилось въ вашихъ мысляхъ безграничнымъ Т. Вы покорились вліянію П на цѣну, но покорились по чувству тайнаго присутствія Т. А между тѣмъ Т не сказывалъ тутъ положительнаго дѣйствія, напротивъ устранился и именно оттого, что устранилось всякое дѣйствіе Т на цѣну, создалось какъ будто бы безвоздушное пространство, въ которое устремилось П до высочайшаго своего градуса.»

Этотъ случай, въ которомъ цѣнность опредѣляется исключительно необходимостью или желаніемъ покупщика — случай безусловной монополіи въ точномъ смыслѣ слова: требуемый товаръ можно получить тутъ лишь отъ одного лица, и оно можетъ какъ угодно повышать цѣну товара, до той высоты, на какой уже не найдется покупщиковъ. Но и при полной монополіи бываютъ случаи, когда цѣнность не возвышается до этого крайняго предѣла, какъ мы увидимъ, когда разсмотримъ законъ цѣнности въ другихъ случаяхъ, гдѣ она опредѣляется другимъ элементомъ, трудностью полученія предмета.

2. Трудность полученія предмета опредѣляющая цѣну его бываетъ разныхъ родовъ. Иногда она состоитъ въ томъ, что предложеніе ограничено безусловнымъ предѣломъ. Есть вещи, количество которыхъ физически не возможно увеличить выше извѣстной тѣсной границы. Таковы вина, доставляемыя только извѣстною почвою въ извѣстномъ климатѣ, въ извѣстныхъ топографическихъ условіяхъ. Таковы древнія статуи, картины старыхъ мастеровъ, рѣдкія книги или монеты и другія вещи антикварской рѣдкости. Сюда же можно причислить дома и мѣста для постройки въ городѣ, имѣющемъ опредѣленную величину (напримѣръ въ Венеціи или какой нибудь крѣпости, гдѣ укрѣпленія необходимы для безопасности); наилучшія мѣста въ каждомъ городѣ; дома и парки въ мѣстностяхъ, особенно прекрасныхъ отъ природы (тамъ, гдѣ красивыхъ мѣстоположеній довольно мало). Къ этому же классу товаровъ быть можетъ станетъ принадлежать и всякая земля, да и дѣйствительно станетъ принадлежать къ нему въ странахъ, гдѣ будетъ вся уже занята и воздѣлана.

Въ другомъ разрядѣ предметовъ (къ которому относится большая часть продаваемыхъ и покупаемыхъ вещей), трудность полученія состоитъ только въ трудѣ и расходѣ, какой нуженъ для производства товара. Безъ извѣстнаго труда и расхода нельзя получить такого товара; но если человѣкъ соглашается на этотъ расходъ и трудъ, то нѣтъ никакой границы къ увеличенію количества товара. Еслибы достало работниковъ и машинъ, то хлопчато-бумажныхъ, шерстяныхъ или льняныхъ тканей можно было бы производить въ тысячу разъ больше нынѣшняго. Разумѣется былъ бы предѣлъ, далѣе котораго нельзя было бы размножать эти продукты по невозможности получать отъ земли больше матеріала для нихъ. Но въ политико-экономическихъ соображеніяхъ не встрѣчается надобности думать о времени, когда этотъ идеальный предѣлъ сдѣлался бы практическимъ.

Есть третій случай, болѣе сложный, чѣмъ эти два, и занимающій средину между ними; онъ чрезвычайно важенъ въ политической экономіи, но здѣсь я только упомяну о немъ. Есть товары, количество которыхъ можетъ увеличиваться до неопредѣленной величины посредствомъ труда и расхода. По данной стоимости можно произвести только ограниченное количество ихъ; если понадобится больше, то стоимость производства этой прибавки будетъ больше прежняго. Къ этому разряду принадлежитъ, какъ мы повторяли много разъ, земледѣльческій продуктъ, и вообще

принадлежитъ весь необработанный продуктъ земли. Особенность эта—источникъ очень важныхъ послѣдствій, изъ которыхъ одно—необходимость границы размноженію людей, а другое—плата ренты.

3. Мы должны поочередно пересмотрѣть эти три разряда, по которымъ раздѣляются всѣ продаваемые и покупаемые предметы. Мы начнемъ съ предметовъ, количество которыхъ ограничено безусловно, каковы напримѣръ, древнія статуи и старинныя картины.

О такихъ вещахъ обыкновенно говорятъ, что цѣнность ихъ зависитъ отъ ихъ рѣдкости; но для нашей цѣли это выраженіе недостачно точно. Нѣсколько точнѣе выражаются другіе писатели, говорящіе, что цѣнность зависитъ отъ запроса и предложенія. Но даже и это понятіе требуетъ большихъ объясненій, чтобы стать ясною формулою отношенія между цѣнностью вещи и причинами, придающими ей эту цѣнность.

Предложеніе товара—выраженіе понятное; оно значитъ количество, предлагаемое на продажу, количество, которое въ данное время, въ данномъ мѣстѣ можетъ быть получено людьми желающими купить товаръ. Но что такое запросъ? Это не простое желаніе имѣть товаръ. Нищій можетъ желать имѣть брильянтъ; но какъ бы велико ни было его желаніе, оно не будетъ имѣть вліянія на цѣну брильянта. Потому придали слову запросъ болѣе тѣсный смыслъ, опредѣляя его такъ: желаніе имѣть соединенное съ средствами купить *). Давъ это объясненіе, обыкновенно предполагаютъ, что уже не остается никакихъ затрудненій и что цѣнность опредѣляется пропорціею между этимъ реальнымъ запросомъ и предложеніемъ.

Но эти выраженія не удовлетворяютъ человѣка, требующаго

---

*) Для различенія запроса въ этомъ техническомъ смыслѣ отъ запроса въ простомъ смыслѣ желанія политико-экономы обозначаютъ запросъ въ техническомъ смыслѣ выраженіемъ «реальный» запросъ (effectual demand). Адамъ Смитъ, который ввелъ это выраженіе, употребляетъ его для обозначенія запроса тѣхъ людей, которые хотятъ и могутъ дать за товаръ такъ называемую у него натуральную цѣну, т. е. цѣну, при которой можетъ продолжаться производство товара и доставка его на рынокъ (Wealth of the Nations, кн. I, гл. VII). Прим. авт.

Первыя строки этого примѣчанія перенесли мы въ него изъ текста, потому что онѣ становятся лишними въ текстѣ при русской терминологіи, въ которой созданъ особенный терминъ для понятія, выражаемаго по англійски словомъ—demand, имѣющимъ кромѣ техническаго смысла и другой не техническій. Прим. пер.

ясныхъ понятій и совершенно точнаго выраженія для нихъ. Неизбѣжна темнота въ выраженіи, столь не логическомъ, какъ пропорція между двумя вещами неодинаковаго рода. Какая пропорція можетъ быть между количествомъ и желаніемъ, хотя бы это желаніе и было соединено со средствами? Пропорція между запросомъ и предложеніемъ понятна лишь тогда, когда подъ запросомъ мы станемъ разумѣть количество вещи, на какое существуетъ запросъ и будемъ разумѣть ту пропорцію, какая находится между предлагаемымъ количествомъ и количествомъ, на какое существуетъ запросъ. Кромѣ того надобно сказать, что требуемое количество даже и въ данное время въ данномъ мѣстѣ не имѣетъ величины неизмѣнной, оно измѣняется сообразно цѣнности: если вещь дешева, то обыкновенно бываетъ на нее запросъ больше, чѣмъ когда бываетъ она дорога. Такимъ образомъ запросъ отчасти опредѣляется цѣнностью. А выше мы говорили, что цѣнность опредѣляется запросомъ. Какъ намъ выйти изъ этого противорѣчія? Какъ разрѣшить парадоксъ, что изъ двухъ вещей каждая опредѣляется по величинѣ другой?

Рѣшеніе этихъ затрудненій довольно ясно, но сами затрудненія—не пустой миражъ, и я выставилъ ихъ на такое видное мѣсто потому, что онѣ втайнѣ смущаютъ, какъ я увѣренъ, каждаго изслѣдователя, не представившаго себѣ ихъ прямо и отчетливо. Вѣроятно многіе писатели давали истинное разрѣшеніе ихъ, хотя я не могу припомнить, чтобы до меня кто нибудь далъ его кромѣ Жана Батиста Сэ, писателя столь замѣчательнаго по ясности мыслей и искусству изложенія. Я сталъ бы думать, что это рѣшеніе хорошо извѣстно всѣмъ политико-экономамъ, если бы самыя книги многихъ изъ нихъ не свидѣтельствовали о сбивчивости понятій по этому вопросу и еслибы примѣръ де Квинси не доказывалъ, что полное несознаваніе этого рѣшенія и противорѣчащій ему взглядъ могутъ существовать въ людяхъ замѣчательнаго ума, коротко знакомыхъ съ предметомъ.

4. Разумѣя подъ словомъ запросъ требуемое количество и помня, что это количество не неизмѣнное, а вообще измѣняющееся сообразно съ цѣнностію, предположимъ, что въ данное время запросъ больше предложенія, то есть люди готовые купить по рыночной цѣнѣ больше того количества, какое предлагается на продажу. Со стороны покупщиковъ начинается соперничество и цѣнность поднимается; на сколько же поднимается она? Иной предположитъ, что она поднимается пропорціонально недостатку товара:

если запросъ больше предложенія на третью часть, то цѣнность поднимается на одну треть. Нѣтъ, вовсе не такъ. Когда цѣнность поднялась на третью часть, запросъ все еще можетъ оставаться больше предложенія; можетъ и при этой возвысившейся цѣнности требоваться больше товара, чѣмъ можно купить его; и соперничество покупщиковъ будетъ продолжаться. Если товаръ — предметъ необходимости, и люди готовы скорѣе заплатить за него какую угодно цѣну, чѣмъ отказаться отъ него, то отъ недостачи товара на третью долю цѣна его можетъ удвоиться, утроиться или учетвериться *). Наоборотъ соперничество можетъ прекратиться скорѣе, чѣмъ цѣнность поднимется пропорціонально недочоту. Возвысившись въ цѣнности меньше, чѣмъ на третью часть, товаръ можетъ на цѣлую третью часть стать выше средствъ или наклонности покупателей. На какой же ступени остановится повышеніе цѣнности? На такой, которая уравниваетъ запросъ и предложеніе, на цѣнѣ, которая уменьшаетъ лишнюю третью часть изъ запроса или привлекаетъ на рынокъ лишнихъ продавцовъ съ количествомъ товара достаточнымъ по запросу. Когда тѣмъ или другимъ путемъ или обоими этими путями запросъ становится равенъ предложенію, перестаетъ превышать его, повышеніе цѣнности останавливается.

Столь же простъ противоположный случай. Положимъ, что не запросъ больше предложенія, а предложеніе больше запроса. Соперничество будетъ теперь со стороны продавцевъ: лишнее количество товара можетъ найти себѣ сбытъ лишь тѣмъ, чтобы вызвать въ запросѣ увеличеніе, равное излишку товара. Это совершается удешевленіемъ товара: цѣнность падаетъ и товаръ становится доступенъ большему числу потребителей, или прежніе потребители склоняются къ увеличенію закупокъ. Упадокъ цѣнности, нужный на возстановленіе равенства, не всегда бываетъ одинаковъ. Самый большой бываетъ обыкновенно въ товарахъ, стоящихъ по обѣимъ оконечностямъ классификаціи: въ предметахъ безусловной необходимости и въ тѣхъ предметахъ спеціальной роскоши, вкусъ

---

*) Цѣна хлѣба въ Англіи поднималась на 100—200 и больше процентовъ, когда весь недочетъ въ жатвѣ былъ никакъ не больше какъ отъ $^1/_6$ до $^1/_3$ ниже средняго урожая, и когда этотъ недочетъ облегчался подвозомъ изъ заграницы. Если бы недочетъ дошелъ до третьей части и не оставалось бы запаса отъ прежняго года и не было бы надежды на ввозъ хлѣба, то цѣна могла бы подняться въ 5, 6, даже и въ 10 разъ. Tooke, History of Prices, томъ I, стр. 13—15.

къ которымъ находится у немногихъ людей. Если пищи у людей достаточно, то вообще не хотятъ они при дешевизнѣ брать ее больше прежняго, а скорѣе расходуютъ на другія вещи то, что сберегаютъ на пищѣ, потому опытъ и показываетъ, что лишь незначительная часть излишка даваемаго обильнымъ урожаемъ, берется на усилившееся дешевизною потребленіе (Tooke, History of Prices, и Report of the Agricultural Committee of 1821). Упадокъ цѣны практически останавливается лишь тогда, когда сельскіе хозяева берутъ хлѣбъ съ рынка, сохраняя его до поры, когда надобность въ немъ увеличится. Во всякомъ случаѣ запросъ и предложеніе уравниваются,—увеличеніемъ запроса отъ дешевизны или устраненіемъ части предложенія съ рынка.

Такимъ образомъ мы видимъ, что понятіе пропорціи между запросомъ и предложеніемъ не умѣстно и не относится къ дѣлу. Математическая аналогія этому ихъ отношенію представляется въ уравненіи. Запросъ и предложеніе, требуемое и предлагаемое количества должны уравниваться. Если они въ извѣстную минуту становятся не равны, соперничество уравниваетъ ихъ соотвѣтственнымъ данному случаю измѣненіемъ цѣнности. При возрастаніи запроса, цѣнность поднимается, при уменьшеніи его — падаетъ; при уменьшеніи предложенія, цѣнность поднимается, при увеличеніи его — падаетъ; она продолжаетъ подниматься или падать до той степени, на которой запросъ и предложеніе снова становятся равны, такъ что цѣнность получаемая извѣстнымъ товаромъ на рынкѣ есть та цѣнность, которая на этомъ рынкѣ даетъ запросъ не меньше и не больше того, какой нуженъ для сбыта существующаго или ожидаемаго на рынкѣ количества товара.

Вотъ законъ цѣнности для всѣхъ тѣхъ товаровъ, количество которыхъ не можетъ быть увеличиваемо по произволу. Конечно, такіе товары—исключеніе изъ общаго правила. Для гораздо многочисленнѣйшаго класса предметовъ, количество которыхъ можетъ быть увеличиваемо безгранично, законъ цѣнности не таковъ. Но потерю этого исключенія изъ общаго закона надобно сознать ясно и твердо помнить. Во первыхъ, мы увидимъ, что она очень помогаетъ пониманію общаго правила. Во вторыхъ, принципъ этого исключенія обширнѣе и примѣняется къ большему числу случаевъ, чѣмъ можетъ казаться съ перваго раза.

5. Мало такихъ товаровъ, предложеніе которыхъ имѣетъ по самой природѣ ихъ безусловную границу. Но у каждаго товара предложеніе можетъ быть ограничено искусственнымъ образомъ, —

напримѣръ, въ Англіи было ограничено искусственнымъ образомъ предложеніе чая до 1834 года, теперь во Франціи снабженіе чаемъ, а въ англійской Остъ-Индіи опіумомъ. Вообще предполагаютъ, что цѣна монополизованнаго товара произвольна, опредѣляется волею монополиста и ограничивается (какъ у де-Квинси цѣна табакерки съ музыкою въ американскихъ пустыняхъ) только высочайшимъ градусомъ оцѣнки, какую имѣетъ во мнѣніи покупщика важность этого товара для него. Дѣйствительно монополистъ можетъ назначать какую ему угодно цѣну товара до той границы, выше которой покупщикъ уже не захочетъ или не сможетъ заплатить; но это возможно монополисту лишь тогда, если онъ сокращаетъ снабженіе. Голландская остъ-индская компанія брала монопольную цѣну за продукты молуккскихъ островов: но для этого она была принуждена уничтожать часть урожая. Еслибъ она хотѣла продавать весь продуктъ, она принуждена была бы, чтобы найти ему сбытъ, понизить цѣну и быть можетъ на столько, что за весь продуктъ стала бы получать меньше, чѣмъ получала за часть его; по крайней мѣрѣ она сама такъ думала, какъ видимъ изъ того, что она уничтожала лишнее количество. Даже и на Верхнемъ Озерѣ барышникъ, о которомъ говоритъ Квинси, не продалъ бы свою табакерку за 60 гиней, еслибъ у него были двѣ табакерки съ музыкой и онъ хотѣлъ бы продать ихъ обѣ. Если положить, что ему самому табакерки стоили по 6 гиней, то онъ нашелъ бы выгоднѣе взять 70 гиней за обѣ, чѣмъ 60 за одну; это значитъ, что онъ продалъ бы табакерки по 35 гиней, хотя покупщикъ цѣнилъ свою надобность въ табакеркѣ въ цѣлыхъ 60 гиней и хотя монополія была тутъ безусловнѣйшая. Такимъ образомъ монопольная цѣна не опредѣляется какимъ нибудь особеннымъ принципомъ, а представляется видоизмѣненіемъ общаго закона равенства снабженія съ запросомъ.

Мало такихъ таваровъ, снабженіе которыми постоянно и вѣчно оставалось бы немогущимъ увеличиватся; но временнымъ образомъ каждый товаръ можетъ бывать въ такомъ положеніи и нѣкоторые товары бываютъ въ немъ періодически. Напримѣръ количество земледѣльческаго продукта не можетъ быть увеличено до слѣдующей жатвы; сколько существуетъ въ мірѣ хлѣба, лишь столько и можно имѣть его до слѣдующей осени,—то-есть послѣ жатвы на цѣлый годъ впередъ. До слѣдующей жатвы хлѣбъ становится въ практикѣ подобенъ предметамъ, количество которыхъ не можетъ быть увеличено. Почти во всѣхъ другихъ товарахъ нужно

нѣкоторое время, на то, чтобы увеличить ихъ количество; а если запросъ увеличивается, то до появленія соотвѣтствующаго ему снабженія, то есть до соразмѣренія снабженія съ запросомъ, цѣнность возрастаетъ для соразмѣренія запроса съ снабженіемъ.

Есть другой случай, прямо противоположный этому. Снабженіе нѣкоторыми товарами можетъ возрастать безгранично, но не можетъ быстро быть уменьшено. Есть предметы столь прочные, что существующее количество ихъ очень велико сравнительно съ годичнымъ производствомъ. Таковы мало ржавѣющіе металлы и между прочимъ золото; таковы жилища. Снабженіе такими товарами могло бы сразу быть уменьшено уничтоженіемъ ихъ; но владѣлецъ такого товара имѣлъ бы выгоду уничтожать часть его лишь тогда, когда имѣлъ бы монополію на него и за уничтоженіе части могъ бы вознаградить себя возвышеніемъ цѣнности остальнаго количества. Итакъ цѣнность подобныхъ предметовъ по излишку снабженія или по убыли запроса можетъ долгое время оставаться такъ низка, что рѣшительно не будетъ происходить новаго производства ихъ: изнашиваются они очень медленно и потому, если производство и совершенно остановится, то нужно долгое время, чтобы возстановилась первоначальная ихъ цѣнность. Въ этотъ промежутокъ времени цѣнность будетъ установляться лишь запросомъ и снабженіемъ и будетъ постепенно возвышаться по мѣрѣ уменьшенія существующаго запаса, пока наконецъ станетъ она вознаграждать стоимость производства и оно возобновится.

Наконецъ есть товары, количество которыхъ можетъ значительно или даже безгранично уменьшаться или увеличиваться, но цѣнность которыхъ все таки опредѣляется исключительно закономъ запроса и снабженія. Въ особенности это надобно сказать о трудѣ, — товарѣ, цѣнность котораго мы подробно разсматривали въ предъидущей книгѣ. Есть много и другихъ случаевъ, въ которыхъ надобно будетъ намъ обращаться къ этому принципу для разрѣшенія трудныхъ вопросовъ мѣновой цѣнности. Примѣры тому представятся намъ въ особенности когда мы будемъ говорить о международныхъ цѣнностяхъ, то есть объ условіяхъ, на которыхъ обмѣниваются вещи производимыя въ разныхъ государствахъ или, вообще говоря, въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Но этихъ вопросовъ мы можемъ коснуться лишь тогда, когда разберемъ вопросъ о товарахъ, количество которыхъ можетъ по первому желанію возрастать безгранично, и когда мы опредѣлимъ законъ, которымъ опредѣляются постоянныя или среднія цѣнности такихъ товаровъ,—законъ, различ-

ный отъ закона запроса и снабженія. Этимъ займемся мы въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА III.

Стоимость производства и ея отношеніе къ цѣнности.

1. Можетъ ли или не можетъ безгранично увеличиваться количество товара, производимаго трудомъ и расходомъ, все равно есть minimum цѣнности, необходимо нужной для его безостановочнаго производства. Въ каждое данное время цѣнность его—результатъ запроса и снабженія и всегда бываетъ такова, какая нужна на то, чтобы существующее снабженіе находило себѣ сбытъ. Но производство товара не будетъ продолжаться, если эта цѣнность не достаточна на вознагражденіе стоимости производства съ прибавленіемъ прибыли по обыкновенному разсчету. Капиталисты не захотятъ постоянно производить убытокъ; не станутъ производить и съ прибылью меньшею той, какая нужна имъ на то, чтобы жить ею. Люди, капиталъ которыхъ положенъ въ дѣло и не можетъ легко быть вынутъ изъ него, довольно долго будутъ продолжать производство и безъ прибыли, продолжаютъ его иногда и съ убыткомъ себѣ въ ожиданіи лучшаго времени. Но не станутъ они продолжать такого производства вѣчно и не имѣя признаковъ, что время для нихъ улучшится. Новый капиталъ не будетъ затраченъ въ дѣло, если оно не обѣщаетъ прибыли и притомъ прибыли, равной той, какую обѣщаютъ въ этомъ мѣстѣ и въ это время другія занятія, по своему свойству имѣющія одинаковую степень привлекательности; когда очевидно нельзя ожидать такой прибыли, то капиталъ или вынимается изъ дѣла или по крайней мѣрѣ не замѣщается новымъ, по мѣрѣ того, какъ потребляется. Потому стоимость производства съ прибавленіемъ обыкновенной прибыли можно назвать необходимою цѣною или цѣнностью всѣхъ предметовъ, производимыхъ трудомъ и капиталомъ. Ни у кого нѣтъ охоты производить съ перспективою убытка; кто производитъ въ убытокъ, производитъ лишь по ошибкѣ въ разсчетѣ, которую поправляетъ при первой возможности.

Если товаръ, производимый трудомъ и капиталомъ, можетъ быть производимъ ими въ безграничномъ количествѣ, эта необходимая цѣнность, этотъ minimum, которымъ могутъ удовольствоватся производители, будетъ также и maximum'омъ, котораго они могутъ ожидать, когда соперничество свободно и дѣятельно. Если цѣнность

товара такова, что стоимость производства оплачивается ею не съ обыкновеннымъ а съ болѣе высокимъ процентомъ прибыли, то капиталъ устремляется участвовать въ этой лишней выгодѣ и увеличивъ снабженіе товаромъ, уменьшаетъ его цѣнность. Это не просто предположеніе или догадка, а фактъ, извѣстный каждому, знающему коммерческія операціи. Если представляется новый родъ дѣла, обѣщающій чрезвычайную прибыль или если существующая отрасль промышленности или торговли считается дающею прибыль больше обыкновенной, то навѣрное въ скоромъ времени производство или ввозъ товара увеличится до того, что не только исчезнетъ излишекъ прибыли, но и упадетъ она ниже нормы, а цѣнность упадетъ на столько же ниже необходимой величины, на сколько прежде была выше ея, пока наконецъ излишекъ снабженія устранится временнымъ прекращеніемъ или уменьшеніемъ дальнѣйшаго производства. Эти колебанія въ размѣрѣ производства, какъ мы уже говорили (стр. 463), могутъ и не влечь за собою ни для кого надобности перемѣнять занятія. Тѣ, у которыхъ дѣло идетъ живо, увеличиваютъ свое производство, сильнѣе пользуясь кредитомъ; а тѣ, которые не получаютъ обыкновенной прибыли, уменьшаютъ свои обороты и по фабричному выраженію работаютъ не полные часы. Этимъ способомъ и непремѣнно быстро уравняется, если и не дѣйствительная прибыль, то вѣроятность прибыли въ разныхъ занятіяхъ.

Слѣдовательно общее правило таково, что предметы имѣютъ тенденцію обмѣниваться другъ на друга по такимъ цѣнностямъ, которыя оплачиваютъ каждому производителю стоимость производства съ обычною прибылью, — иными словами, которыя даютъ всѣмъ производителямъ одинаковый процентъ прибыли на ихъ расходъ. Но чтобы на ровный расходъ, то есть на равную стоимость производства была ровная прибыль, предметы должны въ среднемъ выводѣ обмѣниваться другъ на друга пропорціонально стоимости своего производства; предметы, стоимость производства которыхъ одинакова, должны имѣть одинаковую цѣнность, потому что лишь въ этомъ случаѣ будетъ равная выручка съ равнаго расхода. Если фермеръ капиталомъ, равнымъ 1,000 квартеровъ хлѣба, можетъ производить 1,200 квартеровъ, дающихъ ему прибыль въ 20 %; то всякій предметъ, производимый въ тоже время капиталомъ въ 1,000 квартеровъ, долженъ стоить 1,200 квартеровъ, то есть обмѣниваться на 1,200 квартеровъ, иначе производитель получилъ бы не 20% прибыли, а больше или меньше.

Адамъ Смитъ и Рикардо называютъ пропорціональную стоимости производства цѣнность предмета его натуральною цѣнностью (или натуральною цѣной). Подъ этимъ они разумѣютъ цифру, около которой колеблется и къ которой постоянно стремится возвратиться цѣнность; центральную цѣнность, къ которой, по выраженію Адама Смита, постоянно тяготѣетъ рыночная цѣнность, предмета и всякое отклоненіе отъ которой бываетъ лишь временною неправильностью, самымъ своимъ возникновеніемъ вызывающею дѣйствіе силъ стремящихся исправить ее. Если взять число лѣтъ, достаточное для того, чтобы колебанія въ одну сторону по этой центральной линіи могли вознаграждаться колебаніями въ другую сторону отъ нея, то средняя рыночная цѣна совпадетъ съ натуральною цѣнностью, но очень рѣдко она совершенно совпадаетъ съ нею въ какую нибудь данную минуту. Море всегда стремится къ уровню, но никогда не бываетъ съ точностью въ уровнѣ; поверхность его постоянно колеблется волнами и часто возмущается бурями. Довольно того, что нѣтъ по крайней мѣрѣ на открытомъ морѣ ни одной точки, которая постоянно была бы выше другой. Каждый пунктъ моря поочередно поднимается и падаетъ, но океанъ сохраняетъ свой уровень.

2. Тайное вліяніе, заставляющее цѣнности вещей въ среднемъ выводѣ быть сообразными со стоимостію производства,—это тайное вліяніе состоитъ въ томъ, что иначе измѣнился бы размѣръ снабженія товаромъ. Снабженіе возрасло бы, еслибы предметъ продолжалъ продаваться выше, чѣмъ соразмѣрно со стоимостью его производства; оно уменьшилось бы, еслибы цѣнность предмета упала ниже этой соразмѣрности. Но изъ этого мы не должны заключать, что снабженію на практикѣ необходимо уменьшаться или возрастать. Предположимъ, что стоимость производства предмета удешевилась отъ какого нибудь механическаго изобрѣтенія, или увеличилась отъ налога. Цѣнность предмета, если не тотчасъ, то скоро упадетъ въ первомъ случаѣ и возвысится во второмъ; это будетъ потому, что безъ того снабженіе въ первомъ случаѣ возрастало бы, пока не упадетъ цѣна, а во второмъ уменьшалось бы, пока она не поднимется. Поэтому и по ошибочному представленію, будто бы цѣнность опредѣляется *пропорціею* между запросомъ и снабженіемъ, многіе предполагаютъ, что эта пропорція должна измѣняться лишь только измѣнится цѣнность товара; что цѣнность не упадетъ отъ уменьшенія въ стоимости производства, если снабженіе не возрастетъ постояннымъ образомъ; и наоборотъ, что цѣнность не под-

нимется, если снабженіе не уменьшится также постояннымъ образомъ. Но это не такъ: нѣтъ надобности размѣру снабженія дѣйствительно измѣняться; а если онъ измѣняется постояннымъ образомъ, то его измѣненіе бываетъ не причиною, а слѣдствіемъ измѣненія цѣнности. Еслибы снабженіе не *могло* возрастать, то уменьшеніе стоимости производства дѣйствительно не понизило бы цѣнности; но вовсе нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы снабженіе *дѣйствительно* возрасло. Часто достаточно бываетъ и одной возможности; негоціанты понимаютъ, чего имъ слѣдуетъ ждать и взаимное соперничество заставляетъ ихъ предупреждать этотъ результатъ пониженіемъ цѣны. Возрастетъ ли постояннымъ образомъ снабженіе товаромъ по удешевленіи его производства это зависитъ отъ совершенно иного вопроса, именно отъ того, понадобится ли товара больше прежняго при уменьшеніи его цѣнности. Почти всегда надобится его больше прежняго; но этого можетъ и не быть. «Товаръ, немедленно идущій на личное потребленіе, человѣкъ покупаетъ охотнѣе и въ большемъ количествѣ, когда онъ дешевѣетъ, говоритъ де-Квинси (Logic of Political Economy, стр. 230 — 231). Если вдвое подешевѣютъ шолковые носовые платки, ихъ станутъ покупать быть можетъ втрое больше. Но паровыхъ машинъ человѣкъ не купитъ больше прежняго оттого, что онѣ подешевѣли. Размѣръ его запроса на паровыя машины почти всегда впередъ опредѣленъ обстоятельствами его положенія. Если онъ и стѣсняется размѣромъ расходовъ, то не расходомъ на покупку машины, а расходомъ, какого требуетъ ея работа. Есть также много товаровъ, размѣръ сбыта которыхъ безусловно и исключительно опредѣленъ существующею *системою*, въ которой эти товары служатъ подчиненными частями или членами. Можемъ ли мы искусственною дешевизною сдѣлать, что часовыхъ циферблатовъ будетъ продаваться больше, чѣмъ часовыхъ механизмовъ или пружинъ? Можетъ ли продажа винныхъ бочекъ увеличиться безъ увеличенія продажи вина? Можетъ ли увеличиться сбытъ инструментовъ корабельнаго плотничества, пока не увеличится постройка судовъ?.. Предложите городу, имѣющему 3,000 жителей нѣсколько катафалковъ,—никакая дешевизна не склонитъ этотъ городъ купить больше одного. Предложите нѣсколько яхтъ, — главная издержка тутъ — на жалованье и содержаніе экипажу, на починку яхтъ; уменьшеніе въ цѣнѣ самой яхты не соблазнитъ купить ее никого, кто уже не былъ расположенъ къ такой покупкѣ по своимъ привычкамъ и наклонностямъ. Тоже надобно сказать объ особенномъ платьѣ, какое носятъ

епископы, адвокаты, оксфордскіе студенты». Но никто не сомнѣвается, что при уменьшеніи стоимости производства этихъ вещей цѣна и цѣнность ихъ понизилась бы; причиною пониженія бываетъ опасеніе, что явятся новые соперники и снабженіе увеличится. Но сильный рискъ, которому подвергался бы новый соискатель въ товарѣ, сбытъ котораго не можетъ значительно увеличиться, дозволилъ бы прежнимъ торговцамъ удерживать прежнюю цѣну гораздо дольше, чѣмъ можетъ она держаться въ товарѣ, представляющемъ болѣе поощреній къ соперничеству.

Предположимъ наоборотъ, что стоимость производства увеличилась напримѣръ отъ наложенія пошлины на товаръ. Цѣнность поднимется и, вѣроятно, тотчасъ же. Уменьшится ли снабженіе? Лишь въ томъ случаѣ, если возвышеніе цѣнности уменьшитъ запросъ. Уменьшился ли запросъ, это не замедлитъ обнаружиться, и если онъ уменьшился, то поднявшаяся цѣнность нѣсколько понизится по излишку снабженія, пока не уменьшится производство; тогда она вновь поднимется. Есть много товаровъ, въ которыхъ нужно очень значительное возвышеніе цѣны на то, чтобы запросъ чувствительно уменьшился. Въ особенности таковы предметы необходимости, напримѣръ обыкновенная пища народа, какою служитъ въ Англіи пшеничный хлѣбъ. При цѣнѣ довольно дорогой его потребляется вѣроятно столько, сколько и при цѣнѣ значительно меньшей. Но особенно въ такихъ предметахъ дороговизну большинство и смѣшиваетъ съ недостаточностью запаса. Хлѣбъ можетъ быть дорогъ отъ недостаточности запаса; напримѣръ, послѣ неурожая. Но дороговизна, происходящая, напримѣръ, отъ налога или отъ хлѣбныхъ законовъ, не имѣетъ ничего общаго съ недостаточностью снабженія: отъ такихъ причинъ количество хлѣба въ странѣ не уменьшается сильнымъ образомъ; отъ нихъ скорѣе уменьшается количество другихъ предметовъ, чѣмъ хлѣба, потому что люди, платящіе дороже за хлѣбъ, меньше могутъ издерживать на другіе предметы, и производство ихъ сокращается соразмѣрно уменьшенію запроса.

Такимъ образомъ цѣнность предметовъ, количество которыхъ можетъ увеличиваться по произволу, опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія лишь иногда, да и то лишь на срокъ, нужный для ихъ производства; а общій ходъ дѣла иной: не цѣнность этихъ предметовъ опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія, а напротивъ, самое это уравненіе опредѣляется цѣнностью, — таковъ точный законъ. Есть запросъ на извѣстное количество товара

по его естественной цѣнѣ, и снабженіе постоянно стремится сообразоваться съ этою цѣною. Если иногда оно отступаетъ отъ нея, причина тому или ошибка въ разсчетѣ, или какая нибудь перемѣна въ элементахъ задачи: въ естественной цѣнности, то есть стоимости производства,—или въ запросѣ отъ перемѣны во вкусѣ общества или въ числѣ или богатствѣ потребителей. Эти причины колебанія являются очень часто, и какъ явится одна изъ нихъ, рыночная цѣнность предмета уклоняется отъ его естественной цѣнности. Естественный законъ запроса и снабженія, уравненіе между ними, и тутъ не перестаетъ дѣйствовать: если цѣнность, отступающая отъ естественной цѣнности, необходима для уравненія запроса съ снабженіемъ, рыночная цѣнность отклоняется отъ естественной; но отклонится лишь на время, потому что само снабженіе имѣетъ постоянную тенденцію соразмѣряться съ запросомъ, какой по опыту оказывается существующимъ при продажѣ товара по естественной цѣнности. Если снабженіе превышаетъ эту норму или становится ниже ея, это лишь временное положеніе и при немъ получается прибыль, которая или выше или ниже обыкновенной, а при свободномъ и сильномъ соперничествѣ это не можетъ оставаться долго.

Вотъ краткій перечень нашихъ выводовъ: уравненіе запроса и снабженія управляетъ цѣнностью всѣхъ тѣхъ предметовъ, количество которыхъ не можетъ увеличиваться по произволу; но даже и для нихъ, если они производятся промышленностью, существуетъ minimum цѣнности, опредѣляемый стоимостью производства. А во всѣхъ тѣхъ предметахъ, количество которыхъ можетъ безгранично увеличиваться, уравненіемъ запроса и снабженія опредѣляются лишь колебанія цѣнности въ теченіе періода, который не можетъ быть продолжительнѣе времени, нужнаго для перемѣны въ размѣрѣ снабженія. Управляя этими колебаніями цѣнности, само уравненіе запроса и снабженія подчиняется болѣе коренной силѣ, дѣйствіемъ которой цѣнность тяготѣетъ къ стоимости производства и которая установила и навсегда держала бы цѣнность на этой величинѣ, если бы не возникали постоянно новыя колеблющія вліянія, отклоняющія цѣнность отъ этой точки. Запросъ и снабженіе постоянно стремятся къ равновѣсію, но положеніе «устойчиваго равновѣсія» (по нашему метафорическому языку)—то, когда предметы обмѣниваются другъ на друга соразмѣрно стоимости своего производства или по прежнему нашему термину, когда предметы имѣютъ свою естественную цѣнность.

ГЛАВА IV.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗЪ СТОИМОСТИ ПРОИЗВОДСТВА.

1. Составные элементы стоимости производства были показаны въ первой части нашего изслѣдованія (томъ I, стр. 40—42). Мы нашли, что главный изъ нихъ трудъ, передъ которымъ ничтожны всѣ остальные. Предметъ обходится производителю или ряду производителей во столько, сколько стоитъ израсходованный на него трудъ. Если мы разсматриваемъ какъ производителя капиталиста, дѣлающаго затраты, слово трудъ можно замѣнить словомъ рабочая плата: предметъ обходится производителю во столько, сколько рабочей платы пошло на него. На первый взглядъ, правда, кажется, что это лишь часть расхода, потому что капиталистъ не только платилъ рабочимъ, а также снабжалъ ихъ орудіями, матеріалами и быть можетъ строеніями. Но эти орудія, матеріалы и строенія произведены трудомъ и капиталомъ и цѣнность ихъ, подобно цѣнности предметовъ, производству которыхъ они служатъ, опредѣляется стоимостью производства, которая опять приводится къ стоимости труда. Стоимость производства сукна состоитъ не изъ одной рабочей платы ткачамъ, которые одни получаютъ плату прямо отъ суконнаго фабриканта. Она состоитъ также и изъ рабочей платы прядильщикамъ и чесальщикамъ, къ которымъ можно прибавить и пастуховъ, — всѣмъ имъ суконный фабрикантъ заплатилъ, когда купилъ пряжу. Она состоитъ также изъ платы работникамъ, строившимъ фабрику и дѣлавшимъ кирпичи на постройку; суконный фабрикантъ заплатилъ имъ деньгами, отданными подрядчику за постройку фабрики. Отчасти состоитъ она изъ платы работникамъ, дѣлавшимъ машины, выдѣлавшимъ желѣзо изъ руды и выкапавшимъ руду. Къ нимъ надобно прибавить работниковъ, перевозившихъ всѣ нужныя для производства вещи на то мѣсто, гдѣ теперь ткутъ сукна, и перевозящихъ самое сукно на мѣсто продажи.

Такимъ образомъ цѣнность товара главнымъ образомъ опредѣляется количествомъ труда, требующагося на ихъ производство, включая въ понятіе производства и доставку на рынокъ (исключительно ли этимъ главнымъ элементомъ опредѣляется цѣнность, мы увидимъ ниже). «Разсматривая мѣновую цѣнность, напримѣръ, чулокъ, мы найдемъ, говоритъ Рикардо (Principles of Political Eco-

nomy and Taxation, гл. I, отд. 3), что ихъ цѣнность, сравнительно съ цѣнностью другихъ предметовъ, опредѣляется количествомъ всего того труда, какое нужно, чтобы произвесть чулки и доставить ихъ на рынокъ. Во первыхъ входитъ въ эту сумму трудъ, нужный на обработку земли, произрастающей хлопокъ; во вторыхъ трудъ перевозки хлопка въ страну, гдѣ будутъ сработаны чулки; въ этотъ трудъ входитъ часть труда, употребленнаго на постройку корабля, перевозящаго хлопокъ, но та часть оплачивается фрахтомъ хлопка; въ третьихъ трудъ прядильщика и ткача; въ четвертыхъ часть труда механика, кузнеца, каменьщика и плотника, построившихъ зданія и машины, помощію которыхъ идетъ обработка матеріала; въ пятыхъ трудъ розничнаго торговца и многихъ другихъ лицъ, перечислять которыя нѣтъ надобности. Суммою всѣхъ этихъ разныхъ родовъ труда опредѣляется количество другихъ предметовъ, за какое обмѣниваются эти чулки. А точно такой же счетъ разныхъ количествъ труда, употребленнаго на эти другіе предметы, точно также опредѣляетъ, какое количество ихъ дается за чулки.

«Чтобы убѣдиться, что таково дѣйствительное основаніе мѣновой цѣнности, предположимъ, что сдѣлано какое нибудь улучшеніе, сокращающее трудъ въ какомъ нибудь изъ разныхъ процессовъ, черезъ которые долженъ пройдти хлопокъ, чтобы явиться на рынокъ готовыми чулками для обмѣна на другіе предметы, и посмотримъ, что изъ этого произойдетъ. Если нужно стало меньше людей на воздѣлываніе хлопка, или меньше матросовъ на привозящемъ къ намъ хлопокъ кораблѣ, или меньше рабочихъ на постройку этого корабля; если меньше рукъ было занято постройкой зданія и машинъ или посредствомъ этихъ машинъ и зданія можно стало сдѣлать больше работы, то цѣнность чулокъ непремѣнно упадетъ и станетъ получаться другихъ предметовъ меньше за нихъ. Чулки упадутъ, потому что меньше труда стало на ихъ производство и потому они станутъ обмѣниваться на меньшее количество тѣхъ предметовъ, въ которыхъ не произошло такого уменьшенія труда.

«Сбереженіе въ трудѣ непремѣнно уменьшаетъ относительную цѣнность товара, все равно въ чемъ бы не сдѣлано было сбереженіе: въ трудѣ ли, потребномъ на выдѣлку самого товара или въ трудѣ, потребномъ на образованіе капитала, помощію котораго производится товаръ. Если меньше будетъ занято дѣломъ людей, непосредственно нужныхъ для выдѣлки чулокъ, — бѣлильщиковъ,

прядильщиковъ и ткачей или меньше станетъ занято этимъ людей, косвенно участвующихъ въ немъ, — матросовъ, пильщиковъ, механиковъ, въ томъ и другомъ случаѣ цѣна чулокъ упадетъ. Въ первомъ случаѣ на чулкахъ отзовется весь размѣръ сбереженія въ трудѣ, потому что весь трудъ этого сорта былъ занятъ одними чулками; во второмъ случаѣ отзовется на чулкахъ лишь часть сбереженія, а другая часть его разложится по всѣмъ другимъ товарамъ, производству которыхъ способствуютъ строенія, машины и транспортировка.»

2. Читатель замѣтитъ, что Рикардо выражается такъ, какъ будто количество труда, котораго стоитъ производство предмета и доставка его на рынокъ — единственная вещь, опредѣляющая цѣнность товара. Но стоимость производства для капиталиста не трудъ, а рабочая плата и количество труда остается одинаково при высокой и при низкой рабочей платѣ, потому казалось бы, что цѣнность продукта опредѣляется не исключительно количествомъ труда, а количествомъ труда вмѣстѣ съ размѣромъ вознагражденія за него и что цѣнности опредѣляются отчасти размѣромъ рабочей платы.

Чтобы рѣшить это, надобно сообразить, что цѣнность — явленіе относительное, что словомъ цѣнность товара обозначается не какое нибудь внутреннее и существенное качество самого предмета, а количество другихъ предметовъ, какое можно получить въ обмѣнъ за него. Когда говорится «цѣнность предмета», всегда должно подразумѣваться «относительно другаго предмета» или «относительно предметовъ вообще». А взаимное отношеніе предметовъ не измѣняется отъ причины, дѣйствующей одинаково на оба предмета. Общее возвышеніе или упадокъ рабочей платы—фактъ, одинаково дѣйствующій на всѣ товары и потому не дающій основанія для измѣненія пропорціи, въ какой обмѣнивались они другъ на друга. Предположить, что отъ высокой рабочей платы возвышаются цѣны, значитъ предположить, что возможно такое явленіе, какъ общее возвышеніе цѣнности; а оно логическая несообразность: возвышеніе цѣнности нѣкоторыхъ предметовъ равнозначительно упадку цѣнности другихъ. Недоразумѣніе это возникаетъ оттого, что смотрятъ только на цѣны, а не на цѣнности. Общее возвышеніе цѣнностей не возможно, но общее возвышеніе цѣнъ — дѣло возможное. Какъ только поймемъ мы ясно, что такое цѣнность, мы увидимъ, что высота или низкость рабочей платы не можетъ имѣть никакого отношенія къ цѣнностямъ. Но что отъ высоты рабочей

платы возвышаются цѣны, это мнѣніе очень распространенное. Всю ошибочность его мы найдемъ вполнѣ лишь тогда, когда займемся теоріею денегъ; теперь довольно будетъ сказать, что еслибъ оно было справедливо, то дѣйствительное возвышеніе рабочей платы было бы невозможностью: если бы рабочая плата не могла возвышаться безъ пропорціональнаго возвышенія цѣны всѣхъ предметовъ, то и возвышеніе рабочей платы не могло бы имѣть никакого существеннаго смысла. Это reductio ad absurdum достаточно показываетъ изумительную нелѣпость мнѣній, которыя еще могутъ становиться и становятся и долго остаются политико-экономическими аксіомами въ умахъ большинства. Надобно также вспомнить, что если произошло общее повышеніе цѣнъ, то оно не можетъ давать никакой пользы ни производителю, ни торговцу по ихъ дѣламъ: если увеличивается у нихъ денежная выручка, то и всѣ ихъ расходы увеличиваются въ той же степени. Капиталисты никакимъ способомъ не могутъ вознаградить себя за возвышеніе стоимости труда: никакая перемѣна цѣнностей или цѣнъ не вознаградитъ ихъ, не отвратитъ пониженія прибыли отъ возвышенія стоимости труда. Если работники дѣйствительно стали получать больше прежняго, то есть стали получать продуктъ большаго количества труда, на прибыль конечно останется процентъ меньше прежняго. Этотъ законъ распредѣленія, основывающійся на ариѳметическомъ законѣ, не отвращается никакимъ способомъ. Механизмъ обмѣна и цѣны можетъ прикрывать его отъ насъ, но рѣшительно безсиленъ измѣнить его.

3. *Общая* высокость или низкость рабочей платы не имѣетъ вліянія на цѣнность; но если въ одномъ занятіи рабочая плата выше, чѣмъ въ другомъ, или если она надолго повышается, или падаетъ въ одномъ занятіи, оставаясь безъ перемѣны въ другихъ, эти неравенства дѣйствительно оказываютъ вліянія на цѣнности. Причины разницы рабочей платы въ разныхъ занятіяхъ мы уже разсматривали въ одной изъ предъидущихъ главъ. Если въ извѣстномъ занятіи постоянно существуетъ рабочая плата выше средней величины, соразмѣрно тому и цѣнность предмета, производимаго этимъ занятіемъ, будетъ выше уровня, опредѣляемаго простымъ количествомъ труда. Напримѣръ, предметы производимые техническимъ трудомъ, обмѣниваются за продуктъ гораздо большаго количества чернорабочаго труда, и только потому, что плата за техническій трудъ выше. Если бы образованіе распространилось на столько, что отъ увеличенія числа работниковъ, способныхъ

къ техническимъ занятіямъ, уменьшилась бы разница между платою имъ и чернорабочимъ, то всѣ предметы, производимые высшими сортами труда, упали бы въ цѣнности сравнительно съ предметами, производимыми черною работою и о продуктахъ черной работы можно бы сказать тогда, что цѣнность ихъ поднялась. Мы уже говорили, что по трудности перехода отъ извѣстнаго рода занятій къ занятіямъ гораздо высшаго рода въ каждомъ разрядѣ работниковъ, отдѣленномъ отъ другихъ очень рѣзкою чертою, плата гораздо больше, чѣмъ иной предположилъ бы, зависѣла до сихъ поръ отъ степени размноженія самого этого класса отдѣльно отъ другихъ классовъ; мы говорили также, что неравенство въ вознагражденіи за трудъ гораздо значительнѣе того, какое существовало бы, если бы соперничество общей массы работниковъ практически касалось каждаго отдѣльнаго занятія. Изъ этого слѣдуетъ, что рабочая плата въ разныхъ занятіяхъ поднимается и падаетъ не одновременно, а бываетъ иногда не надолго, а иногда даже и надолго, почти независима въ одномъ занятіи отъ другаго. Всѣ такія неравенства очевидно измѣняютъ *относительную* стоимость производства разныхъ товаровъ и потому вполнѣ отражаются на ихъ естественной или средней цѣнности.

Изъ этого мы видимъ, что когда нѣкоторые изъ первоклассныхъ политико-экономовъ говорили, будто бы рабочая плата не входитъ въ разсчетъ цѣнности, то они придавали своей теоремѣ слишкомъ широкій размѣръ, несогласный съ истиною и съ сущностью ихъ собственнаго понятія о дѣлѣ. Рабочая плата входитъ въ разсчетъ цѣнности. Относительнымъ *размѣромъ рабочей платы* за трудъ производства разныхъ товаровъ опредѣляется цѣнность точно такъ же, какъ относительнымъ количествомъ труда. То правда, что абсолютная величина рабочей платы не имѣетъ вліянія на цѣнность; но не имѣетъ его и абсолютное количество труда. Если бы оно одновременно и ровно измѣнилось во всѣхъ занятіяхъ, то цѣнности не измѣнились бы. Если напримѣръ общая успѣшность всякаго труда возрасла, такъ что всѣ безъ исключенія предметы производятся въ прежнемъ количествѣ меньшимъ количествомъ труда, то въ цѣнностяхъ предметовъ не обнаружился бы никакой слѣдъ этого общаго уменьшенія стоимости производства. Въ цѣнностяхъ можетъ произойти лишь та перемѣна, которая представляетъ неравенство вліянія, произведеннаго улучшеніемъ на разные предметы; она состоитъ въ томъ, что подешевѣютъ предметы, въ которыхъ размѣръ сбереженія труда былъ наибольшій, а цѣнность

предметовъ, въ которыхъ сбереженіе труда было не такъ велико, поднимется. Итакъ строго говоря, размѣръ рабочей платы имѣетъ точно такое же вліяніе на цѣнность, какъ и количество труда. И ни Рикардо, никто другой не отрицалъ этого факта. Но если мы станемъ разсматривать причины измѣненій въ цѣнности, то важнѣе всѣхъ будетъ количество труда: когда измѣняется оно, то обыкновенно измѣняется въ данное время лишь въ одномъ или въ немногихъ товарахъ; а измѣненіе въ рабочей платѣ (кромѣ мимолетныхъ колебаній) относится обыкновенно ко всѣмъ предметамъ и не имѣетъ значительнаго вліянія на цѣнность.

4. Мы говорили объ одномъ элементѣ стоимости производства,— о трудѣ или рабочей платѣ. Но въ первой книгѣ, разбирая элементы производства, мы нашли, что кромѣ труда есть еще другой необходимый элементъ его—капиталъ. Онъ — результатъ воздержанія и продуктъ или цѣнность продукта, кромѣ вознагражденія за весь требуемый трудъ, заключаетъ въ себѣ вознагражденіе за воздержность всѣхъ лицъ, затраты которыхъ служили вознагражденіемъ для разныхъ разрядовъ работниковъ. Вознагражденіемъ за воздержаніе служитъ прибыль. А прибыль, какъ мы видѣли, состоитъ не изъ одного излишка, остающагося капиталисту за покрытіемъ расхода—она почти всегда составляетъ немаловажную часть и самаго расхода. У хозяина льняной прядильни часть издержекъ состоитъ въ покупкѣ льна и машинъ, въ цѣнѣ которыхъ онъ, кромѣ платы за трудъ, возрастившій ленъ и сдѣлавшій машину, уплачиваетъ прибыль хозяину, воздѣлывавшему ленъ, хозяину, который обмялъ ленъ, хозяину рудника, желѣзному заводчику и фабриканту машинъ. Вся сумма этихъ прибылей вмѣстѣ съ прибылью самаго прядильнаго фабриканта также впередъ уплачивается хозяиномъ ткацкой фабрики въ цѣнѣ, какую онъ заплатилъ за свой матеріалъ—льняную пряжу; вмѣстѣ онъ еще уплачиваетъ прибыль другому ряду машинныхъ фабрикантовъ и хозяевамъ рудниковъ и желѣзныхъ заводчиковъ, снабдившихъ ихъ желѣзнымъ матеріаломъ. Всѣ эти затраты составляютъ часть стоимости производства полотна. Такимъ образомъ прибыль, подобно рабочей платѣ, входитъ въ стоимость производства, опредѣляющую цѣнность продукта.

Но будучи явленіемъ чисто относительнымъ, цѣнность не можетъ зависѣть отъ абсолютной величины прибыли, какъ не зависитъ и отъ абсолютной величины рабочей платы; она зависитъ только отъ относительнаго неравенства разныхъ прибылей. Общее возвышеніе прибыли, подобно общему возвышенію рабочей платы, не

можетъ возвышать цѣнностей, потому что общее возвышеніе цѣнностей—нелѣпость и логическая несообразность. Часть прибыли, входящая въ стоимость производства всѣхъ предметовъ, не имѣетъ вліянія на цѣнность никакого предмета. Только тотъ излишекъ, который входитъ въ стоимость производства лишь нѣкоторыхъ предметовъ, оказываетъ вліяніе на цѣнность ихъ.

Напримѣръ, мы видѣли, что по нѣкоторымъ причинамъ необходимъ долженъ быть въ нѣкоторыхъ занятіяхъ постоянный процентъ прибыли выше, чѣмъ въ остальныхъ, чтобы служить вознагражденіемъ за рискъ, хлопотливость и непріятность. Его можетъ доставить только продажа товара по цѣнности выше той, какая приходилась бы по количеству труда, нужнаго на производство. Если бы порохъ обмѣнивался на другіе предметы не выше пропорціи труда, употребленнаго на весь процессъ его производства, то никто не захотѣлъ бы устроивать пороховой заводъ. Мясники несомнѣнно получаютъ больше хлѣбниковъ, и вѣроятно подвержены не большему риску, чѣмъ хлѣбники, потому что, сколько извѣстно, банкротятся не чаще ихъ. Прибыль болѣе высокая, чѣмъ у хлѣбниковъ, получается ими конечно только оттого, что соперничества для нихъ меньше, по непріятности и нѣкоторой непопулярности ихъ промысла. А если они получаютъ болѣе высокую прибыль, это значитъ, что товаръ ихъ продается по цѣнности болѣе высокой, чѣмъ какая приходилась бы соразмѣрно труду и расходу ихъ. Всѣ необходимыя и постоянныя неравенства прибыли выражаются въ относительныхъ цѣнностяхъ товаровъ.

5. Но если и нѣтъ разницы между двумя занятіями въ процентѣ прибыли, прибыль можетъ составлять въ элементахъ производства одного товара болѣе значительную долю, чѣмъ въ элементахъ другаго. Одинъ товаръ можетъ требовать прибыли за болѣе долгій срокъ времени, чѣмъ другой. Въ примѣръ тому обыкновенно приводятъ вино. Положимъ, что извѣстное количество вина и извѣстное количество сукна произведены одинаковымъ количествомъ труда по одинаковой рабочей платѣ. Сукно не улучшается, а вино улучшается отъ того, что становится старѣе. Положимъ, что для достиженія требуемаго достоинства нужно вину простоять пять лѣтъ. Производитель или торговецъ не станетъ беречь его пять лѣтъ, если по ихъ истеченіи не можетъ продать его на столько дороже сукна, на сколько должна возрасти прибыль за пять лѣтъ по сложнымъ процентамъ. Первоначальный расходъ на производство сукна и вина былъ одинаковъ; стало быть относительная

естественная цѣнность этихъ двухъ товаровъ соразмѣряется тутъ не съ одною стоимостью ихъ производства, а еще съ инымъ элементомъ, прибавляющимся къ ней. Впрочемъ, чтобы подвести этотъ случай подъ общую формулу, мы можемъ включить въ стоимость производства вина ту прибыль, отъ которой въ теченіе пяти лѣтъ отказывается винный торговецъ, и смотрѣть на эту сумму, какъ на особенный видъ прибавочнаго расхода, который дѣлается имъ сверхъ другихъ затратъ и за который онъ долженъ быть вознагражденъ результатомъ.

О всѣхъ товарахъ, производимыхъ машинами, надобно сказать приблизительно то же, что мы говорили въ предъидущемъ примѣрѣ о винѣ. Прибыль составляетъ въ стоимости ихъ производства болѣе значительную долю, чѣмъ въ предметахъ, работаемыхъ исключительно непосредственнымъ трудомъ. Возьмемъ два товара, на производство которыхъ одинаково нуженъ годичный срокъ и капиталъ, выражаемый нами на этотъ случай въ деньгахъ, 1,000 фунтовъ. Товаръ А работается непосредственнымъ трудомъ и всѣ 1,000 фунтовъ идутъ въ немъ прямо на рабочую плату. Товаръ В выдѣлывается посредствомъ труда, стоющаго 500 фунтовъ, и машины, стоющей 500 фунтовъ и изнашивающейся годичною работою. Оба товара будутъ имѣть совершенно одинаковую цѣнность,—если считать ее на деньги, полагая прибыль въ 20%, она будетъ 1,200 фунтовъ. Но изъ этихъ 1,200 ф. въ товарѣ А только 200 ф. или шестая часть цѣнности составляетъ прибыль; а въ товарѣ В, кромѣ этихъ 200 ф., есть еще прибыль машиннаго заводчика, вошедшая въ цѣну, какая заплачена за машину; если мы положимъ, что производство заняло также годъ, прибыль эта въ 500 ф. (цѣнѣ машины) составляетъ опять одну шестую часть. Такимъ образомъ въ товарѣ А прибыль только $^1/_6$ всей выручки, а въ товарѣ В $^1/_6$ всей выручки съ прибавкою еще $^1/_6$ изъ значительной части остальной выручки.

Чѣмъ значительнѣе часть капитала, состоящая изъ машинъ, строеній, матеріала и другихъ предметовъ, которые должны быть заготовлены до начала непосредственнаго труда, тѣмъ значительнѣйшую часть будетъ составлять прибыль въ издержкахъ производства. Не столь очевидно съ перваго взгляда, но столь же вѣрно и то, что большая прочность части капитала, состоящей изъ машинъ и строеній, имѣетъ точно такое же значеніе, какъ большій размѣръ капитала. Мы предполагали ту крайность, что машина совершенно изнашивается отъ годичной работы; предположимъ теперь противоположную и сильнѣйшую крайность, что машина

вѣчна и не требуетъ ремонта. Въ этомъ предполагаемомъ случаѣ, который годится для разъясненія дѣла столько же, какъ еслибъ и былъ возможнымъ на практикѣ, фабриканту никогда не понадобилось бы получать въ продуктѣ выручку за 500 фунтовъ, заплаченныхъ за машину, потому что у него вѣчно цѣла сама машина, стоющая 500 фунтовъ, но по прежнему онъ долженъ получать прибыль на нее. Потому товаръ В которому въ прежнемъ примѣрѣ приходилось продаваться за 1200 ф. (чтобы 1000 ф. шло на возвращеніе капитала, а 200 ф. въ прибыль) можетъ теперь продаваться за 700 ф. (500 ф. надобно на возвращеніе рабочей платы, а 200 въ прибыль на весь капиталъ). Такимъ образомъ, въ цѣнности В прибыль составляетъ 200 ф. изъ 700 ф., то есть двѣ седьмыхъ части или $28^4/_7$, между тѣмъ какъ въ цѣнности товара А, какъ мы видѣли, прибыль составляетъ лишь одну шестую долю или $16^2/_3$%. Разумѣется, этотъ случай чисто идеальный, потому что никакая машина, никакая другая часть основнаго капитала не остается цѣла вѣчно; но чѣмъ больше въ нихъ прочности, чѣмъ ближе подходятъ онѣ къ этому идеальному случаю, тѣмъ значительнѣе доля прибыли въ выручкѣ. Если напримѣръ, машина, стоющая 500 ф., теряетъ отъ годичной работы пятую часть цѣнности, то для вознагражденія этой потери должно прибавиться къ выручкѣ 100 ф., и цѣна товара будетъ 800 ф. Тогда прибыль будетъ составлять 200 ф. въ 800 фунтахъ, или четвертую долю, что все еще гораздо больше шестой доли, какую составляютъ въ товарѣ А 200 ф. въ 1200 ф.

Изъ неравенства доли, которую въ разныхъ занятіяхъ составляетъ прибыль въ затратахъ капиталиста, а потому и въ необходимой для него выручкѣ происходятъ относительно цѣнности два послѣдствія. Первое изъ нихъ то, что предметы обмѣниваются не по простой соразмѣрности количествъ требующагося на ихъ производство труда и даже не по той соразмѣрности, какая оказалась бы по разсчету неравенствъ постояннаго вознагражденія за разныя разряды труда. Мы уже объяснили это примѣромъ вина; приведемъ еще примѣръ—цѣнность товаровъ, производимыхъ машинами. Возьмемъ по прежнему товаръ А, производимый расходомъ 1000 фунтовъ на непосредственный трудъ. Но вмѣсто товара В, производимаго непосредственнымъ трудомъ въ 500 фунт. и машиною въ 500 фунт., возьмемъ товаръ С, производимый непосредственнымъ трудомъ въ 500 фунт., при помощи машины, произведенной также непосредственнымъ трудомъ въ 500 фунт.; положимъ, что

нуженъ годъ на то, чтобы сдѣлать эту машину и что она изнашивается годичной работой, а прибыль по прежнему положимъ въ 20%. Товары А и С произведены одинаковыми количествами труда, получившаго одинаковую плату: расходъ прямаго труда на товаръ А — 1000 фунтовъ; на С только 500 ф., но эта цифра доводится до 1000 ф. трудомъ, израсходованнымъ на постройку машины. Если бы трудъ (или вознагражденіе за трудъ) былъ единственнымъ элементомъ стоимости производства, оба эти продукта обмѣнивались бы другъ на друга. Но такъ ли будетъ теперь? Разумѣется нѣтъ. Машина сдѣлана въ теченіе года расходомъ въ 500 ф., а прибыль составляетъ 20%; потому естественная цѣна машины — 600 фунт.; такимъ образомъ выходитъ, что фабрикантъ С сдѣлалъ сверхъ остальныхъ своихъ расходовъ еще прибавочную затрату въ 100 ф., которыя должны выручиться ему съ прибылью въ 20%. Такимъ образомъ товаръ С не можетъ имѣть постоянную цѣну меньше 1,320 ф., между тѣмъ какъ товаръ А продается за 1200 ф.

Второе послѣдствіе то, что отъ общаго пониженія или возвышенія прибыли цѣнности измѣняются неизбѣжно. Измѣненіе состоитъ не въ томъ, чтобы являлось въ нихъ общее возвышеніе или пониженіе (это, какъ мы уже часто говорили, логическая несообразность и невозможность), а въ томъ, что цѣнности разныхъ предметовъ, имѣя въ себѣ долю прибыли за не одинаковые сроки времени, измѣняются не въ одинаковой пропорціи. Если два предмета, производимые равнымъ количествомъ труда, имѣютъ неодинаковую цѣнность оттого, что одинъ долженъ давать прибыль за большее число лѣтъ или мѣсяцевъ, чѣмъ другой, то эта разница цѣнностей увеличится при возвышеніи прибыли и уменьшится при ея пониженіи. Вино, которое должно давать прибыль за 5 лѣтъ больше, чѣмъ сукно, гораздо значительнѣе будетъ превосходить своею цѣнностью сукно при прибыли въ 40%, чѣмъ при прибыли въ 20%. Товары А и С, произведенные одинаковымъ количествомъ труда, продавались: одинъ за 1,200, другой за 1,320 фунтовъ,— разница составляла 10%; а если прибыль уменьшится на половину, они будутъ продаваться: одинъ за 1,100, другой за 1,155 фунтовъ, и разница будетъ только 5%.

Изъ этого слѣдуетъ, что даже и общее возвышеніе рабочей платы нѣсколько измѣняетъ цѣнности, если соединено съ дѣйствительнымъ увеличеніемъ стоимости труда. Оно измѣняетъ ихъ не такъ, какъ предполагаютъ обыкновенно, — оно не возвышаетъ всѣ

цѣнности. Но отъ увеличенія стоимости труда понижается прибыль; потому понижается естественная цѣнность предметовъ, въ цѣнности которыхъ прибыль составляетъ долю больше средней и возвышаетъ цѣнность предметовъ, въ которыхъ прибыль составляетъ долю меньше средней. При пониженіи прибыли падаетъ относительная цѣнность всѣхъ товаровъ, въ производствѣ которыхъ значительно участвуютъ машины (особенно когда машины эти очень прочны), или, что тоже самое. сравнительно съ ними поднимается цѣнность другихъ предметовъ. Теорему эту выражаютъ иногда такъ отъ возвышенія рабочей платы поднимается цѣнность предметовъ, производимыхъ трудомъ, относительно предметовъ, производимыхъ машинами. Такой способъ выраженія простъ, но неправиленъ: предметы, производимые машинами, производятся трудомъ, точно такъ же, какъ и другіе предметы, именно тѣмъ трудомъ, которымъ производятся сами машины; разница лишь въ томъ, что въ производствѣ предметовъ, дѣлаемыхъ помощію машинъ, прибыль составляетъ большую долю, хотя и тутъ главная статья расхода все таки трудъ. Потому лучше представлять этотъ фактъ какъ послѣдствіе упадка прибыли, чѣмъ какъ результатъ возвышенія рабочей платы, тѣмъ болѣе, что послѣдній способъ выраженія очень двусмысленъ: онъ возбуждаетъ вовсе не идущую сюда мысль о возвышеніи реальнаго вознагражденія работника вмѣсто идущей къ дѣлу мысли о возвышеніи стоимости труда хозяину.

6. Кромѣ естественныхъ и необходимыхъ элементовъ стоимости производства,—кромѣ труда и прибыли,—есть въ ней другіе элементы, искусственные и случайные, напр. налогъ. Налогъ на бумагу и на солодъ составляетъ часть стоимости производства этихъ товаровъ наравнѣ съ рабочею платою. Расходы, налагаемые закономъ, подобно расходамъ, налагаемымъ сущностью дѣла, должны быть съ обыкновенною прибылью вознаграждаемы цѣнностью продукта, или производство предметовъ прекратится. Но вліяніе налога на цѣнность подлежитъ тѣмъ же самымъ условіямъ, какъ вліяніе рабочей платы и прибыли. Вліяніе на цѣнность имѣетъ не общая высота или низкость налога, а разница между его величинами. Еслибы всѣ продукты были обложены пошлиною, берущею ровный процентъ изъ всѣхъ прибылей, отношеніе между цѣнностями нимало не измѣнилось бы. Если подвергаются налогу лишь нѣкоторые товары, цѣнность ихъ поднимается; если остаются свободными отъ налога лишь нѣкоторые предметы, цѣнность ихъ падаетъ. Если обложить налогомъ половину товара, а другую не облагать,

первая половина поднимется, а вторая упадетъ по взаимной оцѣнкѣ. Эти перемѣны цѣнностей необходимы для уравненія вѣроятности прибыли во всѣхъ занятіяхъ, безъ чего обложенныя налогомъ занятія были бы, если не тотчасъ, то черезъ нѣсколько времени покинуты. Но общій налогъ, равно лежащій на всемъ и не измѣняющій взаимнаго отношенія продуктовъ, не можетъ имѣть никакого вліянія на цѣнность.

До сихъ поръ мы полагали, что всѣ силы и принадлежности, входящія въ стоимость производства товаровъ, сами въ своей цѣнности опредѣляются стоимостью производства. Но иныя изъ нихъ принадлежатъ къ разряду предметовъ, количество которыхъ не можетъ быть увеличиваемо по произволу и которые потому пріобрѣтаютъ цѣнность недостачи, если запросъ превышаетъ извѣстный размѣръ. Для многихъ орнаментальныхъ вещей, изготовляемыхъ въ Италіи, матеріалами служатъ вещества, называющіяся rosso, giallo и verde antico, о которыхъ,—не знаю справедливо или нѣтъ,—утверждаютъ, будто бы онѣ могутъ добываться лишь изъ разрушенія древнихъ колоннъ и другихъ орнаментовъ, потому будто бы, что каменоломни, изъ которыхъ первоначально получены эти камни, уже истощены или затеряны *). Если существуетъ большой запросъ на матеріалъ такого рода, онъ будетъ имѣть цѣнность недостачи; она войдетъ въ стоимость производства, стало быть и въ цѣнность изготовленнаго товара. Повидимому близко время, когда цѣнность дорогихъ мѣховъ подвергнется вліянію недостачи матеріала. До сихъ поръ уменьшеніе числа пушныхъ звѣрей, доставляющихъ эти мѣха, въ пустыняхъ Сибири и на берегахъ Эскимоскаго моря дѣйствовало на цѣнность ихъ лишь тѣмъ, что для полученія извѣстнаго количества этого товара требовалось все больше и больше труда, а употребляя больше труда, чѣмъ употребляется, конечно еще можно было бы въ теченіе нѣкотораго времени добывать этихъ мѣховъ больше, чѣмъ теперь.

Но главнымъ образомъ увеличивается стоимость производства цѣнностью недостачи въ предметахъ, производимыхъ самою природою. Если силы ея, дѣйствующія въ производствѣ не обращены въ частную собственность и могутъ быть въ рукахъ каждаго желающаго, онѣ не входятъ въ стоимость производства, а входитъ въ нее лишь трудъ, какой понадобится на приспособленіе ихъ къ дѣ-

---

*) Нѣкоторыя изъ этихъ каменоломенъ, кажется, открыты снова и опять разработываются. Пр. авт.

лу. Если же онѣ и обращены въ частную собственность, то получаютъ цѣнность, какъ мы видѣли, не отъ самаго этого факта, а лишь отъ недостачи ихъ, то-есть отъ ограниченности снабженія ими. Но то достовѣрно, что онѣ часто имѣютъ цѣнность недостачи. Предположимъ водопадъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нужно больше мельницъ, чѣмъ сколько могутъ снабдиться водою; пользованіе этимъ водопадомъ будетъ имѣть цѣнность недостачи, а высота этой цѣнности будетъ такая, чтобы или запросъ понизился до существующаго снабженія и чтобы оплачивалось созданіе искусственной силы,—паровой или какой-нибудь другой,—равняющейся своимъ дѣйствіемъ силѣ воды.

Сила природы остается вѣчнымъ имуществомъ и служитъ человѣку лишь продуктами, производимыми постояннымъ ея занятіемъ; потому обыкновенный способъ получать выгоду отъ такой собственности—ежегодная уплата изъ продукта, получаемаго отъ нея лицомъ, пользующимся ею. Эта уплата всегда можетъ называться и обыкновенно называется рентою. Потому вопросъ о вліяніи, какое имѣетъ на цѣнности обращеніе силъ природы въ частную собственность, часто поставляется въ такой формѣ: входитъ ли рента въ стоимость производства? Лучшіе политико-экономы отвѣчаютъ на него отрицательно. Такія безъоговорочныя теоремы очень соблазнительны даже для людей, замѣчающихъ ограниченія, съ которыми должны приниматься подобныя выраженія; дѣйствительно, они напечатлѣваютъ общій принципъ въ умѣ тверже, чѣмъ когда бы онъ и въ теоріи огражденъ былъ всѣми исключеніями, являющимися въ практикѣ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ они смущаютъ, ведутъ къ ошибкамъ и производятъ невыгодное для политической экономіи впечатлѣніе, будтобы она пренебрегаетъ очевидными фактами. Нельзя не согласиться, что иногда рента входитъ въ стоимость производства. Если я покупаю или беру въ аренду кусокъ земли и строю на немъ суконную фабрику, рента этой земли дѣйствительно составляетъ часть издержекъ моего производства, издержекъ, которыя долженъ уплатить продуктъ. А всѣ фабрики строятся на землѣ и почти всѣ строятся въ мѣстахъ, гдѣ земля особенно дорога, потому средняя величина ренты за землю должна вознаграждаться въ цѣнностяхъ всѣхъ предметовъ, производимыхъ на фабрикахъ. Но въ какомъ смыслѣ справедлива теорема, что рента не входитъ въ стоимость производства и не имѣетъ вліянія на цѣнность земледѣльческаго продукта, это мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА V.

ОТНОШЕНІЕ РЕНТЫ КЪ ЦѢННОСТИ.

1. Мы изслѣдовали законы, которыми опредѣляется цѣнность предметовъ двухъ разрядовъ: во первыхъ малочисленнаго разряда предметовъ, количество которыхъ ограничено и цѣнность которыхъ вполнѣ опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія съ тѣмъ только условіемъ, что стоимость производства предметовъ (если производство ихъ имѣетъ стоимость) составляетъ minimum, ниже котораго не можетъ надолго оставаться его цѣнность; во вторыхъ обширнаго разряда предметовъ, количество которыхъ можетъ по произволу увеличиваться трудомъ и капиталомъ и для которыхъ стоимость производства даетъ maximum и minimum цѣнности постояннаго ихъ обмѣна. Но остается намъ разсмотрѣть еще третій разрядъ товаровъ,—разрядъ товаровъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ не одну, а много разныхъ стоимостей производства; количество которыхъ всегда можетъ быть увеличено трудомъ и капиталомъ, но не одинаковымъ количествомъ труда и капитала; извѣстное количество которыхъ можетъ быть произведено по данной стоимости, но прибавка къ этому количеству производится не иначе какъ по большей стоимости. Эти товары составляютъ средній разрядъ, имѣющій черты обоихъ разсмотрѣнныхъ нами разрядовъ. Главный изъ нихъ—земледѣльческій продуктъ. Мы уже очень много говорили о той основной истинѣ, что въ земледѣліи при данномъ состояніи искусства удвоеніемъ труда не удвоивается продуктъ; что если требуется увеличить количество продукта, то прибавка къ прежнему снабженію получается по большей стоимости, чѣмъ прежнее снабженіе. Положимъ, что нынѣ съ земель извѣстной деревни требуется получить только 100 квартеровъ хлѣба; если по размноженію населенія потребуется получать еще сто квартеровъ или распашкою худшихъ земель, теперь не воздѣлываемыхъ, или заботливѣйшимъ воздѣлываніемъ нынѣшнихъ пашенъ, то въ этой прибавочной сотнѣ квартеровъ или по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой части ихъ производство каждаго квартера будетъ стоить быть можетъ вдвое или втрое больше, чѣмъ стоилъ квартеръ первой сотни.

Если первые сто квартеровъ производились всѣ по одной стоимости, т. е. воздѣлывалась самая лучшая земля; и если этотъ ра-

сходъ съ обыкновенной прибылью вознаграждался цѣною въ 20 шиллинговъ квартеръ, то пока не требовалась земля худшаго сорта, естественная цѣна хлѣба была 20 шиллинговъ; она могла становиться выше или ниже этой величины лишь по разницѣ урожаевъ или по другимъ случайнымъ колебаніямъ снабженія. Но если населеніе нашего округа размножается, то придетъ время, когда ему понадобится больше 100 квартеровъ. Мы должны предположить, что никакого снабженія изъ за границы нѣтъ. По нашей гипотезѣ больше 100 квартеровъ нельзя произвести въ этомъ округѣ иначе, какъ распахавъ худшую землю или замѣнивъ прежнюю систему обработки другою болѣе дорогою. Въ томъ и другомъ случаѣ неизбѣжно возвышеніе цѣны. Оно постепенно будетъ сдѣлано возрастаніемъ запроса. Пока цѣна поднималась, но еще не поднялась на столько, чтобы съ обыкновенною прибылью оплачивать стоимость производства прибавочнаго количества, возрастающая цѣнность ограниченнаго снабженія имѣетъ характеръ цѣнности недостачи. Положимъ, что землю втораго сорта или землю втораго по отдаленности пояса не стоитъ воздѣлывать меньше какъ съ выручкою по 25 шиллинговъ за квартеръ и что такая же цѣна необходима для вознагражденія дорогихъ способовъ, по которымъ можно было бы получить больше продукта съ земли перваго сорта. Если такъ, цѣна по возрастанію запроса будетъ подниматься до 25 шиллинговъ. Это теперь будетъ естественная цѣна, то-есть цѣна, безъ которой не будетъ производиться количество хлѣба, на какое есть въ обществѣ запросъ по этой цѣнѣ. Она можетъ держаться въ обществѣ нѣсколько времени, могла бы удержаться навсегда, еслибы населеніе не размножалось. Достигнувъ этой величины, цѣна не будетъ уже имѣть постояннаго пониженія (хотя и можетъ падать на время отъ случайности изобильнаго урожая), не будетъ она и подниматься, пока общество можетъ получать требуемое снабженіе безъ вторичнаго увеличенія стоимости производства.

Въ этой аргументаціи я употреблялъ цѣну какъ удобный символъ цѣнности, понятіе которой не такъ привычно намъ, какъ понятіе цѣны; я и дальше буду такъ дѣлать, когда сочту нужнымъ.

Въ нашей гипотезѣ разныя части снабженія имѣютъ неодинаковую стоимость производства. Сколько прибавочныхъ квартеровъ ни произведено по стоимости, пропорціональной 25 шиллингамъ,— 20 ли кватеровъ, или 50, или 150, но первоначальные 100 кварте-

ровъ въ годъ производятся, какъ прежде, по стоимости, пропорціональной только 20 шиллингамъ. Это само собою видно, если первоначальное и добавочное снабженіе производится на разныхъ сортахъ земли. Но то же самое, если производятся они и на одной землѣ. Положимъ, что земля лучшаго сорта, производившая 100 квартеровъ по 20 шиллинговъ, стала производить 150 квартеровъ помощью дорогаго процесса, который не окупался бы безъ цѣны въ 25 шиллинговъ. Этотъ процессъ, требующій цѣны въ 25 шилл., вводится лишь для 50 прибавочныхъ квартеровъ, а первые 100 квартеровъ можно бы все-таки производить по первоначальной стоимости и оставалось бы въ выигрышѣ на этомъ количествѣ все повышеніе цѣны, произведенное увеличеніемъ запроса. Потому никто не станетъ дѣлать прибавочнаго расхода для прибавочныхъ 50 квартеровъ, если ими одними не оплатится весь прибавочный расходъ. Такимъ образомъ 50 квартеровъ будутъ производиться по своей естественной цѣнѣ, соразмѣрной стоимости ихъ производства; а прочіе 100 квартеровъ будутъ давать теперь по 5 шиллинговъ съ квартера больше своей естественной цѣны, — цѣны, соотвѣтствующей меньшей стоимости ихъ производства и уже достаточно вознаграждающей за него.

Если производство какой-нибудь хотя бы самой малой части снабженія требуетъ необходимымъ себѣ условіемъ извѣстную цѣну, эта цѣна будетъ получаться и за все остальное снабженіе. Намъ нельзя купить одну булку дешевле другой на томъ основаніи, что пшеница, изъ которой сдѣлана эта булка, собрана съ плодороднѣйшей земли и обошлась сельскому хозяину дешевле. Стало быть цѣнность товара (разумѣется его естественная цѣнность, одинаковая съ среднею цѣнностью) опредѣляется стоимостью той части снабженія, которая произведена и доставлена на рынокъ съ наибольшимъ расходомъ. Таковъ законъ цѣнности третьяго изъ тѣхъ трехъ разрядовъ, по которымъ раздѣляются всѣ товары.

2. Если часть продукта произведенная въ наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, имѣетъ цѣнность, соразмѣрную стоимости своего производства, то всѣ части, произведенныя въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, продаваясь, какъ само-собою слѣдуетъ, по той же самой цѣнности, имѣютъ цѣнность болѣе чѣмъ соразмѣрную стоимости своего производства. Ихъ цѣнность, говоря строго, не цѣнность недостачи, потому что она опредѣляется обстоятельствами производства товара, а не тою степенью дороговизны, какая нужна для пониженія запроса въ уровень съ огра-

ниченнымъ снабженіемъ. Но собственники этихъ частей продукта пользуются привиллегіею; они получаютъ цѣнность, которая даетъ имъ больше обыкновенной прибыли. Если это преимущество происходитъ отъ особенной льготы (напримѣръ когда они изъяты отъ налога) или отъ физическихъ и умственныхъ личныхъ преимуществъ или отъ особеннаго процесса производства, извѣстнаго лишь имъ однимъ, или оттого, что у нихъ больше капитала, чѣмъ у другихъ, или отъ разныхъ другихъ тому подобныхъ обстоятельствъ, то они удерживаютъ въ своихъ рукахъ излишекъ своего барыша надъ обыкновенною прибылью, такъ что получаютъ какъ бы монопольную прибыль. Но если, какъ въ случаѣ, который мы теперь разсматриваемъ, преимущество происходитъ отъ владѣнія естественною силою особеннаго достоинства,—напримѣръ землею плодороднѣе той, по какой опредѣляется общая цѣнность товара; и если эта сила природы не ихъ собственность, то лицо, которому принадлежитъ эта собственность, можетъ вытребовать у нихъ подъ формою ренты весь лишній барышъ, происходящій отъ пользованія этою силою природы. Вотъ мы пришли теперь другимъ путемъ къ закону ренты, изслѣдованному нами въ послѣдней главѣ второй книги. Мы опять видимъ, что рента—разница между неодинаковыми выручками на разныя части капитала, занятаго земледѣліемъ. Когда извѣстная часть земледѣльческаго капитала производитъ излишекъ сверхъ того, что производится такимъ же количествомъ капитала на самой дурной изъ воздѣлываемыхъ земель или самымъ дорогимъ изъ тѣхъ способовъ воздѣлыванія, прибѣгать къ которымъ принуждаетъ существующій въ обществѣ запросъ, то весь этотъ излишекъ естественно будетъ уплачиваемъ этимъ капиталомъ какъ рента собственнику земли, воздѣлываемой этимъ капиталомъ.

Политико-экономы долго думали, что продуктъ земли всегда имѣетъ монопольную цѣнность оттого, что сверхъ обыкновеннаго процента прибыли онъ всегда даетъ излишекъ на ренту. Такъ думалъ даже и Адамъ Смитъ. Мы видимъ теперь, что это ошибка. Когда снабженіе предметомъ можетъ быть увеличено до неопредѣленной величины, лишь бы захотѣли мы подвергаться издержкамъ производства, этотъ предметъ не можетъ имѣть монопольную цѣну. Если нельзя получать хлѣба больше, чѣмъ получается, причиною бываетъ то, что цѣнность еще не поднялась на столько, что бы вознаграждать за производство прибавочнаго количества. Когда земля (не оставляемая на другое дѣло или на развлеченіе) можетъ

дать обыкновенную прибыль при существующей цѣнѣ и существующихъ методахъ, то почти достовѣрно, что она, лишь бы не было искусственныхъ препятствій, будетъ воздѣлана, хотя бы на ренту не осталось ничего. Пока есть удобная для хлѣбопашества земля, которой нельзя съ прибылью воздѣлывать при существующей цѣнѣ, то непремѣнно есть нѣсколько земли нѣсколько лучшаго сорта, которая даетъ обыкновенную прибыль, не оставляя ничего на ренту; и эта земля будетъ воздѣлываться,—фермеромъ, если лежитъ въ границахъ фермы, а если не принадлежитъ къ фермѣ, то или собственникомъ или какимъ-нибудь бѣднякомъ по дозволенію собственника. Сколько-нибудь такой земли непремѣнно находится подъ пашнями.

Такимъ образомъ рента не составляетъ части въ стоимости производства, опредѣляющей цѣнность земледѣльческаго продукта. Конечно можно представить себѣ обстоятельства, въ которыхъ она стала бы составлять часть и даже очень значительную часть въ этой стоимости. Можете вообразить страну, вполнѣ населенную, въ которой вся удобная земля уже совершенно занята, такъ что для увеличенія продукта понадобилось бы больше труда, чѣмъ сколько можетъ содержаться самымъ продуктомъ; и если предположить, что въ такое положеніе пришолъ весь земной шаръ или пришла страна, недоступная заграничному снабженію, то при продолжающемся размноженіи населенія и земля и продуктъ ея дѣйствительно поднимутся до монопольной цѣны или цѣны недостачи. Но такое положеніе вещей въ дѣйствительности не можетъ существовать (развѣ на какомъ-нибудь маленькомъ островѣ, отрѣзанномъ отъ всего остальнаго свѣта), да и нѣтъ опасности, чтобы оно когда-нибудь гдѣ-нибудь настало. Положительный фактъ то, что не существуетъ оно теперь ни въ одной изъ извѣстныхъ намъ странъ. Мы видѣли, что монополія можетъ возвышать цѣну только ограниченіемъ снабженія. Въ каждой сколько нибудь обширной странѣ находится больше удобной земли, чѣмъ воздѣлывается теперь; а пока есть такой остатокъ, онъ равнозначителенъ тому, какъ бы существуетъ безконечное количество земли такого сорта. На практикѣ количество снабженія ограничено лишь относительно лучшихъ сортовъ земли; да и за нихъ нельзя требовать столько ренты, чтобы ввести въ соперничество съ ними земли еще невоздѣланныя. Рента за участокъ земли непремѣнно должна быть нѣсколько меньше всей суммы превосходства его производительности надъ производительностью лучшей изъ тѣхъ земель, воздѣ-

лываніе которыхъ еще не прибыльно, то-есть она должна быть равна или почти равна превосходству его надъ худшею изъ тѣхъ земель, воздѣлываніе которыхъ уже *стало* прибыльно. Изъ земель или частей капитала, уже обращенныхъ на хлѣбопашество та земля или часть капитала, которая употреблена въ дѣло при наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, не платитъ ренты; а эта земля или часть капитала опредѣляетъ ту стоимость производства, по которой устанавливается цѣнность всего продукта. Слѣдовательно, какъ мы уже и видѣли прежде, рента не участвуетъ въ опредѣленіи цѣнности, а служитъ цѣною привиллегіи, получаемой отъ неравенства выручекъ съ разныхъ частей земледѣльческаго продукта всѣми частями его, кромѣ производимой въ наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Словомъ сказать, рента только уравниваетъ прибыль съ разныхъ воздѣлывающихъ землю капиталовъ, давая землевладѣльцу возможность брать себѣ у фермера всю лишнюю выгоду, происходящую отъ выгоднѣйшихъ естественныхъ условій. Еслибы всѣ землевладѣльцы единодушно захотѣли отказаться отъ ренты, они только передали бы ее фермерамъ, не давъ выгоды потребителю; потому что существующая цѣна хлѣба осталась бы по прежнему необходимымъ условіемъ для производства нѣкоторой части существующаго снабженія, а если за часть продукта берется такая цѣна, непремѣнно берется она за весь продуктъ. Такимъ образомъ рента не бываетъ обремененіемъ потребителю, если она искусственно не поднята запретительными законами; она не поднимаетъ цѣну хлѣба и убыткомъ для публики служитъ лишь въ томъ отношеніи, что еслибы государство удерживало ренту себѣ или установило бы равномѣрный рентѣ поземельный налогъ, то государство имѣло бы доходъ, который могъ бы употребляться на общественную выгоду, между тѣмъ какъ теперь идетъ въ частную выгоду.

3. Кромѣ земледѣльческихъ продуктовъ есть и другіе товары, разныя части которыхъ одновременно имѣютъ разную стоимость производства и которые вслѣдствіе этой разницы и соразмѣрно ей даютъ ренту. Сюда принадлежатъ напримѣръ рудники. Почти всѣ сорты сыраго матеріала, добываемаго изъ глубины земли,—металлы, каменный уголь, драгоцѣнные камни и т. д. получаются изъ рудниковъ значительно разнящихся между собою по изобильности, то есть дающихъ очень неодинаковыя количества продукта на одно количество труда и капитала. Тутъ раждается вопросъ: почему же

одни изобильнѣйшіе рудники не разработываются въ такомъ размѣрѣ, чтобы снабжать весь рынокъ? Относительно земли такой вопросъ не можетъ явиться: очевидно само собою, что однѣ плодороднѣйшія земли не могли бы производить снабженія на весь запросъ густо населенной страны; а если бы могли, часть снабженія вынуждалась бы у нихъ такимъ же размѣромъ труда и расхода, какой нуженъ для производства того же количества хлѣба на худшей землѣ. Но положеніе рудниковъ не таково или по крайней мѣрѣ таково положеніе не всѣхъ рудниковъ. Вѣроятно есть мѣста, въ которыхъ изъ данныхъ жилъ въ данное время невозможно добыть больше извѣстнаго количества руды, потому что доступною разработкѣ выходитъ лишь ограниченная поверхность жилы, надъ которой не можетъ одновременно работать больше извѣстнаго числа работниковъ. Но не во всѣхъ рудникахъ такъ. Въ каменноугольныхъ копяхъ напримѣръ дѣло надобно объяснять другими причинами. Въ нѣкоторыхъ копяхъ владѣльцы сами ограничиваютъ добываемое количество, чтобы не истощить копь слишкомъ быстро; въ другихъ, говорятъ, заключены между владѣльцами уговоры, чтобы поддерживать монопольную цѣну ограниченіемъ производства. Но отъ чего бы то ни было, фактъ существуетъ тотъ, что разработываются рудники не одинаковой степени богатства и цѣнность продукта должна быть соразмѣрна стоимости производства въ худшемъ рудникѣ (опредѣляя достоинство рудника изобиліемъ и сверхъ того положеніемъ руды). Потому цѣнность эта должна превышать стоимость производства въ лучшихъ рудникахъ. Такимъ образомъ всѣ рудники, превосходящіе своимъ продуктомъ самый дурной сортъ разработываемыхъ рудниковъ должны давать ренту, равную этому превосходству, они могутъ давать даже больше ренты и самый худшій рудникъ можетъ самъ давать ренту. Число рудниковъ довольно не велико, потому сорты ихъ не переходятъ постепенно отъ лучшаго къ худшему какъ сорты земли; и запросъ можетъ быть таковъ, что цѣнность продукта держится значительно выше стоимости производства въ самомъ худшемъ изъ разработываемыхъ рудниковъ, но еще недостаточно для разработки болѣе дурнаго рудника. Въ этомъ промежуткѣ времени продуктъ будетъ имѣть цѣнность недостачи.

Другой примѣръ—рыбныя ловли. Ловли въ открытомъ морѣ не обращены, но ловли въ озерахъ и рѣкахъ, да и въ морѣ мѣста рожденія устрицъ и прибрежныя рыболовныя мѣста почти всѣ обращены въ частную собственность. Въ образецъ всего этого дѣла

возьмемъ ловлю лососи. Есть рѣки, которыя гораздо изобильнѣе другихъ лососью. Но ни одна изъ нихъ, не истощаясь, не можетъ давать больше количества лососи, очень ограниченнаго. Запросъ такой страны, какъ въ Англіи, можно удовлетворить только тѣмъ, чтобы брать лосось изъ множества разныхъ рѣкъ, неодинаково производительныхъ, и цѣнность этой рыбы должна быть достаточна для покрытія стоимости, по которой получается лосось изъ наименѣе производительной рѣки. Потому всѣ другія ловли, если онѣ обращены въ собственность, будутъ давать ренту, равную превосходству ихъ по производительности. Много выше этой разницы рента не можетъ подняться, если есть доступныя для ловли рѣки, изъ которыхъ лосось еще не берется на снабженіе рынка по ихъ отдаленности или меньшей производительности, А если такихъ рѣкъ нѣтъ, то цѣнность лососи конечно можетъ подняться до цѣнности недостачи, и тогда худшая изъ существующихъ мѣстъ можетъ давать значительную ренту.

И въ рудникахъ и въ рыбныхъ ловляхъ естественный порядокъ дѣлъ можетъ подвергнуться перерыву отъ открытія новаго рудника превосходящаго качествомъ нѣкоторые изъ существующихъ рудниковъ, или такой же новой ловли. Первымъ слѣдствіемъ такого случая будетъ увеличеніе снабженія; отъ этого конечно понизится цѣнность и тѣмъ вызовется увеличеніе запроса. Эта понизившаяся цѣнность можетъ оказаться недостаточною на вознагражденіе худшихъ изъ существующихъ рудниковъ или ловель, и тогда они будутъ покинуты. Если рудники или ловли лучшаго сорта, съ прибавкою вновь открытаго рудника или новой ловли, производятъ столько товара, сколько требуется по низшей цѣнности, соотвѣтствующей уменьшенію стоимости производства, то упадокъ цѣнности остается проченъ и произойдетъ соотвѣтственный упадокъ ренты съ тѣхъ рудниковъ или ловель, которыя не покинуты. Въ такомъ случаѣ, по прочномъ приспособленіи порядка къ новымъ обстоятельствамъ, результатомъ будетъ отрѣзка, отброска нижнихъ ступеней лѣстницы, въ которой гдѣ нибудь выше этихъ ступеней составилась новая ступень, и худшій сортъ разработываемыхъ рудниковъ или ловель,— сортъ, по которому опредѣляются ренты съ высшихъ сортовъ и цѣнность товара,—будетъ рудникъ или ловля такого сорта, который выше сорта, опредѣлявшаго ренты и цѣнность въ прежнее время.

Земля имѣетъ кромѣ земледѣлія и другія назначенія; главное изъ нихъ — быть мѣстомъ жилища. Въ этихъ назначеніяхъ, она

также даетъ ренту опредѣляемую законами, изложенными выше. Рента за мѣсто, занимаемое домомъ и принадлежащими къ нему садомъ или паркомъ будетъ не меньше ренты, какую давало бы это мѣсто подъ земледѣліемъ, но можетъ быть гораздо выше этой нормы на неопредѣленное количество; излишекъ происходитъ отъ красоты или удобства мѣстности, и удобство тутъ состоитъ чисто въ превосходствѣ для денежнаго выигрыша. Снабженіе мѣстностями замѣчательной красоты вообще ограниченно, потому, если запросъ на нихъ великъ, онѣ имѣютъ цѣнность недостачи. Цѣнность мѣстъ имѣющихъ превосходство лишь по удобству, опредѣляется обыкновенными принципами ренты. Рента за землю, на которой стоитъ домъ въ маленькой деревнѣ, лишь не многимъ выше ренты за такой же кусокъ полевой земли; но рента за мѣсто, занимаемое лавкою на Чипсайдѣ, выше этой величины всѣмъ количествомъ, въ какое оцѣнивается людьми преимущество торговать въ многолюднѣйшемъ мѣстѣ. Ренты за мѣста, занимаемыя верфями, доками и пристанями, за рабочую силу воды и другія привиллегіи можно подвести подъ такіе же законы.

4. Случаи, когда существуетъ излишекъ прибыли, подобный рентѣ, гораздо многочисленнѣе въ промышленныхъ дѣлахъ, чѣмъ думаютъ нѣкоторые. Возьмемъ, напримѣръ, привиллегію или исключительное право пользоваться процессомъ, уменьшающимъ стоимость производства. Если цѣнность продукта по прежнему продолжаетъ опредѣляться стоимостью его для тѣхъ, которые принуждены оставаться при прежнихъ способахъ, владѣлецъ привиллегіи будетъ имѣть излишекъ прибыли, равный преимуществу его способа надъ другими. Этотъ излишекъ прибыли въ сущности подобенъ рентѣ, и принимаетъ иногда даже форму ея, именно, когда владѣлецъ привиллегіи уступаетъ другимъ производителямъ пользованіе привиллегіею за ежегодную плату. Пока онъ и соучастники въ его привиллегіи не производятъ столько, чтобы снабжать весь рынокъ, цѣнность всего продукта будетъ опредѣляться прежнею стоимостью производства, необходимою для производства части продукта и владѣлецъ привиллегіи можетъ брать ренту, равную всему преимуществу его способа. Правда, сначала онъ вѣроятно долженъ будетъ отказываться отъ части этой выгоды, чтобы подорвать другихъ дешевизною; прибавокъ къ снабженію, производимый имъ понизитъ цѣнность, такъ что дѣло станетъ невыгодно для производителей не участвующихъ въ привиллегіи; потому многіе изъ нихъ постепенно бросятъ или сократятъ свое производство, или войдутъ

въ сдѣлку съ владѣльцемъ привиллегіи; соразмѣрно возрастанію его снабженія, ихъ снабженіе будетъ уменьшаться, а цѣнность въ это время будетъ нѣсколько понижена. Но если онъ остановитъ расширеніе своего производства на такомъ размѣрѣ, чтобы не весь рынокъ снабжать новымъ способомъ, то цѣнность опять получитъ величину, какая была естественною цѣнностью до сдѣланнаго изобрѣтенія, и польза отъ улучшенія будетъ доставаться одному владѣльцу привиллегіи.

Сходенъ съ этимъ также излишекъ выгоды, какую получаетъ производитель благодаря превосходству своей способности къ дѣлу или превосходству въ устройствѣ своего дѣла. Если бы всѣ его соперники владѣли такими преимуществами и употребляли ихъ въ дѣло, выгода перешла бы къ потребителямъ черезъ уменьшеніе цѣнности товара: этотъ лучшій производитель удерживаетъ ее за собою только потому, что можетъ поставлять товаръ на рынокъ по меньшей стоимости, между тѣмъ какъ цѣнность товара установляется по большей стоимости. Словомъ сказать, на сколько въ производствѣ товара участвуютъ преимущества одного соперника надъ другимъ,—естественныя или пріобрѣтенныя личныя или происходящія отъ общественнаго устройства,—на столько и самый товаръ принадлежитъ къ третьему разряду и владѣлецъ каждаго такого преимущества сходенъ съ собственниками ренты. Рабочая плата и прибыль выражаютъ собою всеобщіе элементы производства, а ренту можно считать представительницею неравенствъ и особенностей въ этихъ элементахъ: всякая разница въ пользу извѣстныхъ производителей или въ пользу производства въ извѣстныхъ обстоятельствахъ служитъ источникомъ выгоды, которая называется рентою лишь тогда, когда періодически уплачивается однимъ лицомъ другому; но всегда подчиняется законамъ, совершенно одинаковымъ съ законами ренты. Цѣна, платимая за преимущественную выгоду въ производствѣ товара не можетъ входить въ общую стоимость производства его.

Конечно въ нѣкоторыхъ случаяхъ товаръ можетъ давать ренту и въ самыхъ невыгоднѣйшихъ обстоятельствахъ своего производства; но лишь въ томъ случаѣ, когда на время приходитъ въ положеніе товаровъ, снабженіе которыми имѣетъ безусловную границу и оттого продается по цѣнности недостачи; а не одинъ изъ главныхъ товаровъ разряда, дающаго ренту, никогда не бываетъ, не бывалъ и не можетъ быть долговременно въ такомъ положеніи; исключеніемъ могло бы служить лишь то, когда минеральный про-

дуктъ (напр. каменный уголь) близокъ къ истощенію или когда всякое дальнѣйшее возрастаніе производства другаго товара становится невозможнымъ, а населеніе продолжаетъ возрастать; но до такой перспективы остается еще долгій промежутокъ времени, въ теченіе котораго неизбѣженъ прогрессъ человѣческаго развитія и улучшеній; потому мы не можемъ считать такую перспективу дѣломъ правдоподобнымъ.

ГЛАВА VI.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ТЕОРІИ ЦѢННОСТИ.

1. Мы дошли теперь до черты, на которой удобно взглянуть назадъ, чтобы однимъ взоромъ осмотрѣть пространство, пройденное нами съ начала этой книги. Вотъ тѣ принципы теоріи цѣнности, которые уже узнаны нами.

I. Цѣнность есть явленіе относительное. Цѣнность предмета— это значитъ количество какого нибудь другаго предмета или количество предметовъ вообще, за какое онъ обмѣнивается. Потому цѣнности всѣхъ предметовъ не могутъ одновременно ни подниматься, ни падать. Общее возвышеніе или пониженіе цѣнностей дѣло невозможное. Всякое возвышеніе извѣстной цѣнности связано съ упадкомъ другой цѣнности, и наоборотъ.

II. Временная или рыночная цѣнность предмета опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія, поднимаясь при возвышеніи запроса, падая при возвышеніи снабженія. Но запросъ измѣняется вмѣстѣ съ цѣнностью, вообще становясь при дешевизнѣ предмета больше, чѣмъ бываетъ при дороговизнѣ его; и цѣнность всегда приспособляется въ этомъ такъ, что запросъ бываетъ равенъ снабженію.

III. Кромѣ временной цѣнности предметы имѣютъ постоянную или можно сказать естественную цѣнность, къ которой постоянно стремится возвратиться рыночная цѣнность послѣ каждаго колебанія; и эти колебанія взаимно вознаграждаются, такъ что въ среднемъ выводѣ товары обмѣниваются приблизительно по своей естественной цѣнности.

IV. Естественная цѣнность нѣкоторыхъ предметовъ цѣнность недостачи; но огромное большинство предметовъ естественно обмѣниваются другъ на друга пропорціонально стоимости самого произ-

водства или по цѣнности, которую можно назвать цѣнностью стоимости.

V. Предметы, естественно и постоянно имѣющіе цѣнность недостачи,—тѣ предметы, снабженіе которыми или вовсе не можетъ быть увеличено или не можетъ быть увеличено до количества, достаточнаго на удовлетвореніе всего запроса, какой существовалъ бы на нихъ по цѣнности ихъ стоимости.

VI. Монопольная цѣнность значитъ цѣнность недостачи. Монополія можетъ придавать цѣнность предмету лишь ограниченіемъ его снабженія.

VII. Каждый товаръ, снабженіе которымъ можетъ неограниченно увеличиваться черезъ трудъ и капиталъ, обмѣнивается за другіе предметы пропорціонально стоимости производства и доставки на рынокъ той части требуемаго снабженія, которая обходится по наибольшей стоимости. Естественная цѣнность равнозначительна съ цѣнностью стоимости, а цѣнность стоимости предмета значитъ цѣнность стоимости той части предмета, стоимость которой наиболѣе велика.

VIII. Стоимость производства состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ, между которыми одни постоянны и всеобщи, другіе—случайны. Всеобщіе элементы стоимости производства—рабочая плата за трудъ и прибыль на капиталъ. Случайные элементы — налоги и всякая лишняя стоимость, производимая цѣнностью недостачи какихъ нибудь принадлежностей производства.

IX. Рента не составляетъ элемента въ стоимости производства товара, дающаго ее; исключеніемъ служатъ лишь случаи (не столько дѣйствительные, сколько возможные въ отвлеченной теоріи), когда рента бываетъ результатомъ и представительницею цѣнности недостачи. Но если земля, способная давать ренту въ земледѣліи, употребляется на другое назначеніе, рента, которую давала бы она, составляетъ элементъ стоимости производства того товара, на производство котораго обращена земля.

X. Если оставить въ сторонѣ случайные элементы цѣнности, то предметы, количество которыхъ можетъ возрастать неопредѣленно, естественнымъ и постояннымъ образомъ обмѣниваются другъ на друга по пропорціи количества рабочей платы, какую надобно употребить на ихъ производство, и количеству прибыли, какая должна быть получена капиталистами, выдающими эту плату.

XI. Пропорція между количествами рабочей платы не зависитъ отъ безотносительной величины рабочей платы. Высокость рабочей

платы не возвышаетъ цѣнностей, низкость ея не понижаетъ ихъ. Пропорція между количествами рабочей платы опредѣляется отчасти пропорціею между количествами требуемаго труда, и отчасти пропорціею величинъ вознагражденія за него.

XII. Точно такимъ же образомъ относительная доля прибыли опредѣляется не безусловною величиною прибыли; высокій или низкій процентъ прибыли не возвышаетъ и не понижаетъ цѣнностей. Относительная доля прибыли опредѣляется отчасти относительною продолжительностію времени, на какое занятъ капиталъ производствомъ, отчасти относительною величиною прибыли въ разныхъ занятіяхъ.

XIII. Если два предмета производятся одинаковымъ количествомъ труда, получающаго одинаковую плату и если рабочая плата должна затрачиваться въ нихъ на одинаковое время, а сущность занятія не требуетъ постоянной разницы между ними въ процентѣ прибыли; то эти два предмета будутъ въ среднемъ выводѣ обмѣниваться ровно другъ за друга, все равно, высока или низка будетъ рабочая плата и прибыль и велико или мало количество расходуемаго труда.

XIV. Если въ среднемъ числѣ одинъ предметъ имѣетъ цѣнность больше другаго, причиною тому должно служить то, что на его производство требуется или большее количество труда или сортъ труда, постоянно получающій высшую пропорцію платы, или что на болѣе долгій срокъ надобно затрачивать капиталъ или часть капитала для содержанія этого труда, или наконецъ производство сопровождается обстоятельствами, требующими для своего уравновѣшенія постоянный болѣе высокій процентъ прибыли.

XV. Изъ этихъ элементовъ самый важный — количество труда, нужнаго на производство; вліяніе другихъ элементовъ не такъ велико, хотя каждый изъ нихъ не маловаженъ.

XVI. Чѣмъ ниже прибыль, тѣмъ слабѣе становится вліяніе второстепенныхъ элементовъ стоимости производства и тѣмъ меньше отклоняются товары отъ цѣнности пропорціональной количеству и качеству нужнаго на ихъ производство труда.

XVII. Но всякое пониженіе прибыли нѣсколько понижаетъ цѣнность стоимости предметовъ, въ выдѣлкѣ которыхъ много участвуютъ машины или участвуютъ прочныя машины, и возвышаетъ цѣнность предметовъ, производимыхъ ручнымъ трудомъ; а возвышеніе прибыли дѣйствуетъ наоборотъ.

2. Такова общая теорія мѣновой цѣнности. Надобно замѣтить

однако же, что эта теорія имѣетъ въ виду такую систему производства, въ которой дѣла ведутъ капиталисты для своей прибыли, а не работники для своего содержанія. Пропорціонально тому, какъ мы примемъ эту послѣднюю гипотезу, — а почти для всѣхъ странъ мы должны принять ее въ очень значительномъ размѣрѣ, по крайней мѣрѣ относительно земледѣльческаго продукта,—будутъ требовать измѣненія тѣ теоремы, которыя относятся къ зависимости цѣнности отъ стоимости производства. Всѣ онѣ основаны на гипотезѣ, что цѣль и желаніе производителя — полученіе прибыли на свой капиталъ; когда принято это, то слѣдуетъ, что онъ долженъ продавать свой товаръ по цѣнѣ, дающей обыкновенный процентъ прибыли, то есть долженъ обмѣнивать его на другіе товары по цѣнѣ почти о стоимости. Но поселянинъ-собственникъ, половникъ поселянинъ и даже поселянинъ фермеръ или владѣлецъ усадебнаго участка, — работникъ, какого бы то ни было имени, производящій на самого себя, — ищетъ не занятія своему маленькому капиталу, а выгоднаго занятія своему времени и труду. Его затраты, кромѣ содержанія его самого съ семьею, такъ малы, что почти вся выручка отъ продажи продукта служитъ рабочею платою. Если онъ съ семьею кормится продуктомъ своего хозяйства (и сверхъ того, быть можетъ, одѣвается матеріалами, собранными съ того же участка и дома передѣланными въ платье), то относительно дополнительнаго вознагражденія отъ продажи остающагося за тѣмъ продукта можно сравнить его съ тѣми работниками, которые, получая содержаніе изъ независимаго источника, могутъ продавать свой трудъ по всякой цѣнѣ, какая покажется имъ стоющею хлопотъ. Поселянинъ, содержащій себя съ семействомъ частью своего продукта, часто будетъ продавать остальной продуктъ гораздо дешевле, чѣмъ какова была бы цѣнность его стоимости для капиталиста.

Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ есть minimum, или низшая граница цѣнности. Продуктъ, доставляемый поселяниномъ—хозяиномъ на рынокъ, долженъ выручать ему цѣнность всѣхъ предметовъ необходимости, которые онъ принужденъ покупать и долженъ давать ему средство уплачивать ренту. Рента, при воздѣлываніи земли поселянами, опредѣляется не принципами, изложенными въ предъидущихъ главахъ, а обычаемъ (напр., у половниковъ) или (когда подчинена соперничеству) пропорціею населенія къ землѣ. Такимъ образомъ, она тутъ бываетъ элементомъ стоимости производства. Поселянинъ хозяинъ принужденъ работать, на сколько нужно для

платы ренты и для уплаты за всѣ покупаемые имъ предметы необходимости; за тѣмъ, онъ станетъ продолжать работу лишь въ томъ случаѣ, если можетъ продать продуктъ за цѣну, преодолѣвающую его отвращеніе къ труду.

Этотъ minimum — вотъ цѣнность, которую поселянинъ хозяинъ долженъ получить за весь свой остатокъ продукта. Но этотъ остатокъ—не количество опредѣленное; онъ можетъ бывать больше или меньше, смотря по степени его трудолюбія; оттого и minimum цѣнности всего этого остатка не даетъ minimum'а цѣнности для опредѣленнаго количества товара. При такомъ положеніи дѣла, едва-ли можно сказать, что цѣнность опредѣляется стоимостью производства. Она опредѣляется исключительно уравненіемъ запроса и снабженія, то есть пропорціею между количествомъ остающейся пищи, какую произвели поселяне хозяева, и числомъ неземледѣльческаго населенія, или лучше сказать числомъ людей, которые не поселяне хозяева. Если покупающій классъ многочисленъ, а производящій пищу классъ лѣнивъ, пища постоянно можетъ имѣть цѣнность недостачи. Сколько я знаю, въ дѣйствительности такая гипотеза нигдѣ не осуществлялась. Если производящій пищу классъ энергиченъ и трудолюбивъ, а покупщиковъ мало, пища будетъ чрезвычайно дешева. Этого также почти не случается; впрочемъ, близкое къ тому положеніе дѣлъ есть въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи. Обыкновенно бываетъ одно изъ двухъ: или (какъ въ Ирландіи) поселяне хозяева недѣятельны, а покупщики малочисленны; или (какъ въ Бельгіи, сѣверной Италіи и нѣкоторыхъ частяхъ Германіи) поселяне хозяева трудолюбивы, а городское населеніе многочисленно и зажиточно. Цѣна продукта бываетъ соразмѣрна этому различію обстоятельствъ, если не измѣняется соперничествомъ производителей не изъ класса простолюдиновъ или цѣнами привознаго изъ за границы хлѣба, а это бываетъ часто.

3. Другой отступающій отъ нормы случай—воздѣлываніе земли невольническимъ трудомъ; онъ, впрочемъ, далеко не представляетъ такой многосложности. Рабовладѣлецъ капиталистъ, и его побужденіе къ производству—полученіе прибыли на капиталъ. Эта прибыль должна составлять обыкновенный процентъ. Относительно издержекъ, его положеніе таково же, какъ бы его невольники были свободные работники, трудъ которыхъ имѣлъ бы успѣшность, какую имѣетъ, а плата которымъ равнялась бы стоимости въ какую обходятся невольники. Если эта стоимость, пропорціонально количеству продукта, меньше того, что составляла бы плата сво-

боднымъ работникамъ, то прибыль владѣльца становится больше отъ этого; но если всѣ другіе производители той страны имѣютъ такую же выгоду, она не будетъ имѣть никакого вліянія на цѣнности, а будетъ имѣть вліяніе на нихъ въ одномъ лишь томъ случаѣ, когда привиллегія дешеваго труда ограничена частными отраслями производства, между тѣмъ какъ остальными занимаются свободные работники, получающіе плату выше этого уровня: тутъ, какъ и во всѣхъ случаяхъ неравенства рабочей платы въ разныхъ занятіяхъ, цѣны и цѣнности подвергнутся вліянію неравенства. Товары, производимые невольничьимъ трудомъ будутъ обмѣниваться на меньшую пропорцію товаровъ производимыхъ не невольничьимъ трудомъ, чѣмъ слѣдовало бы по пропорціи количествъ труда употребленнаго на производство; цѣнность первыхъ будетъ меньше, а цѣнность вторыхъ больше, чѣмъ была бы безъ невольничества.

Дальнѣйшее приложеніе теоріи цѣнности къ разнымъ существующимъ или возможнымъ экономическимъ системамъ полезно будетъ предоставить соображенію самого читателя. Монтескьё справедливо говоритъ: «не слѣдуетъ исчерпывать каждый предметъ до того, чтобы не оставлять уже ничего работѣ читателя. Важность не въ томъ, чтобъ давать читать, а въ томъ, чтобъ давать думать» (Esprit de Lois, книга X, въ концѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ 1846 году явилось обширное изслѣдованіе двухъ авторовъ, Мунье и Рюбишона, изъ которыхъ послѣдній самъ говоритъ о себѣ, что онъ былъ въ королевской службѣ цѣлыя десять лѣтъ предъ французскою революціею, и которые оба составляютъ свои понятія о хорошемъ общественномъ положеніи кажется по учрежденіямъ и обычаямъ среднихъ вѣковъ (De l'agriculture en France, d'après les documents officiels, par M. L. Mounier, avec des Remarques par M. Rubichon. Paris. 1846). Въ книгѣ этой утверждается, что между французскими писателями и администраторами существуетъ заговоръ представлять Францію, какъ страну, дѣлающую быстрые успѣхи въ благосостояніи, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ раздробленіе земли возрастаетъ такъ, что ведетъ ее къ нищенству. Грозный арсеналъ оффиціальныхъ подробностей, приводимыхъ въ подтвержденіе этому мнѣнію, придавалъ ему вѣсъ, котораго не сообщали ему степень точности свѣдѣній и степень сообразительности, обнаруживаемыя авторомъ книги. Книга эта была прославлена, какъ классическое твореніе въ Quarterly Review (за декабрь 1846 годъ) въ статьѣ, надѣлавшей нѣкотораго шума, и провозглашавшей, что «Наполеоновскій кодексъ скоро будетъ дѣлить частицы квадратныхъ дюймовъ земли и опредѣлять посредствомъ логариѳмовъ дифференціальныя наслѣдства». Такія понятія не должны оставаться безъ прочнаго отвѣта и я почелъ полезнымъ помѣстить здѣсь извлеченіе изъ трехъ статей, явившихся въ Morning Chronicle и содержащихъ опроверженіе книги Мунье и Рюбишона и

статьи Quarterly Review, сдѣланное отчасти на основаніи фактовъ, представляемыхъ ими же самими. Болѣе обширнаго возраженія они не заслуживаютъ.

Извлеченіе (съ выпусками и поправками) изъ трехъ статей Morning Chronicle 11, 13 и 16 января 1847 г., служившихъ отвѣтомъ гг. Мунье и Рюбишону и Quarterly Review, по вопросу о раздробленности поземельной собственности во Франціи.

I.

Авторъ статьи Quarterly Review дѣлаетъ въ самомъ началѣ ея превосходный промахъ, показывая размѣръ, до котораго достигло раздробленіе земли. Онъ находитъ, что изъ пяти съ половиною милліоновъ поземельныхъ собственниковъ есть два милліона шесть сотъ тысячъ такихъ, земля которыхъ по кадастровой оцѣнкѣ показана дающею дохода не болѣе 40 шиллинговъ,—цифра, которую надобно вѣрнѣе считать въ 60 шилл., какъ онъ очень откровенно замѣчаетъ, потому что кадастровая оцѣнка гораздо ниже дѣйствительной цѣнности. По этому случаю онъ восклицаетъ: «вотъ уже мы видимъ во Франціи милліоны примѣровъ тому, что собственникъ можетъ быть бѣднѣе работника. 2 милл. 600 т. семействъ, состоящихъ изъ 13 милл. человѣкъ, имѣютъ доходъ, оцѣниваемый по кадастру не выше 40 шилл., но положимъ 60 шилл., на содержаніе 5 человѣкъ, и это — собственники! Бѣднѣйшій поденьщикъ выработаетъ больше»! Авторъ кажется въ самомъ дѣлѣ полагаетъ, что эти мелкіе собственники, подобно большимъ землевладѣльцамъ, живутъ только *рентою* съ своей земли, забывая, что они имѣютъ *весь* ея *продуктъ*. Изъ документовъ, имъ приводимыхъ, могъ бы онъ узнать, да и не зная могъ бы угадать, что 40 шилл., которыми оцѣнивается доходъ земли въ кадастровыхъ книгахъ, составляютъ не валовой продуктъ участка, а только *чистый* его продуктъ, только излишекъ за вычетомъ издержекъ обработки, а въ числѣ этихъ издержекъ находится продовольствіе земленашцевъ вмѣстѣ съ процентами на капиталъ. Самъ авторъ статьи говоритъ, что кадастровый доходъ всей поземельной собственности во Франціи составляетъ около 4-хъ процентовъ ея кадастровой *цѣнности*, т. е. почти не выше умѣренной ренты. Писатель, не понимающій, что эта рента не составляетъ весь доходъ поселянина, воздѣлывающаго свою собственную землю, уже показываетъ степень своей способности гово-

рить о своемъ предметѣ и степень вниманія, съ которымъ онъ занимался имъ.

Мы теперь по даннымъ автора и разбираемой имъ книги попробуемъ найти, каково въ дѣйствительности можетъ быть положеніе этихъ 2.600,000 собственниковъ. Французское правительство считаетъ поземельный налогъ одною десятою частью дохода съ земли, потому собственники, доходъ которыхъ оцѣненъ по кадастру въ 2 фунта или 50 франковъ, должны платить налога 5 франковъ. Средняя величина поземельнаго налога для всей Франціи 2½ франка съ гектара; а въ южной половинѣ королевства, гдѣ земля наиболѣе раздроблена, 2 франка. Гектаръ составляетъ около 2½ англійскихъ экровъ; потому участокъ земли каждаго изъ собственниковъ, кадастровый доходъ которыхъ по автору 40 шилл. или 60 шилл., составляетъ отъ 5 до 6 или 7 экровъ. Могутъ возразить, что это не средняя, а наибольшая величина ихъ участковъ. Потому мы возьмемъ изъ Мунье и Рюбишона, служащихъ авторитетами автору, другія данныя, основанныя на оффиціальныхъ документахъ. «Трудно повѣрить, говорятъ они, тому, что во Франціи находится болѣе 4,000,000 собственниковъ, столь бѣдныхъ, что платятъ поземельнаго налога не болѣе 5 франковъ 95 сантимовъ» (положимъ, 6 франковъ).» Тутъ 5 франковъ 95 сантимовъ ужъ навѣрное средняя величина. Шесть франковъ поземельнаго налога соотвѣтствуютъ 6 экрамъ земли на семейство по среднему числу для всей Франціи, и 7½ экрамъ для сѣверной половины, въ которой находится наибольшее число мелкихъ собственниковъ. Еще болѣе благопріятный результатъ даютъ вычисленія Люллена де-Шатовьё, писателя гораздо болѣе основательнаго, чѣмъ Мунье и Рюбишонъ. Онъ выводитъ, что средняя величина земель 3,900,000 бѣднѣйшихъ собственниковъ—8½ экровъ. Примемъ какой угодно изъ этихъ разсчетовъ, вспомнимъ о плодородіи Франціи, и подумаемъ, можетъ ли быть дурно положеніе семейства, трудолюбиваго и бережливаго, какъ всѣ французы бѣдныхъ классовъ, когда ему принадлежитъ весь продуктъ земли, имѣющей отъ 5 до 8½ экровъ, и когда оно платитъ только по 10 пенсовъ (25 к. сер.) съ экра правительству,—можетъ ли быть дурно это положеніе, хотя бы мы предположили самую дурную обработку земли, какая только встрѣчается въ западной Европѣ? Мы не забываемъ, что земля иногда заложена; авторъ статьи очень разглагольствуетъ объ ужасныхъ долгахъ, обременяющихъ землю во Франціи, но по его собственнымъ словамъ эти долги не составляютъ 40% цѣнности земли, и

мы не думаемъ, чтобы земли какой бы то ни было европейской поземельной аристократіи находились въ лучшемъ положеніи. Проценты по всѣмъ гипотечнымъ долгамъ Франціи считаются въ 24 милліона фунтовъ стерлинговъ на 114 милліоновъ экровъ земли,— это составляетъ 5 шиллинговъ на экръ. Человѣкъ, владѣющій участкомъ отъ 5 до 8 экровъ, могъ бы безъ обремененій для себя платить вдвое больше.

Мы знаемъ, что это — средняя цифра, и что если 4 милліона владѣльцевъ имѣютъ среднимъ числомъ по 8½ экровъ земли, какъ говоритъ Шатовьё, то значитъ многіе изъ нихъ имѣютъ земли меньше этого количества. Но за то должно быть пропорціональное, хотя и не такое же число людей, имѣющихъ больше земли, и не надобно полагать, что въ этотъ разсчетъ включены большіе собственники, владѣющіе такими помѣстьями, что величина одного изъ нихъ вознаграждала бы въ средней цифрѣ цѣлую сотню очень мелкихъ участковъ. Изъ разсчета этого исключены владѣльцы, платящіе 20 франковъ поземельнаго налога, — цифра, соотвѣтствующая, по среднему размѣру для всей Франціи, 20 экрамъ, а въ южной Франціи 25 экрамъ. Гораздо менѣе половины всей земли во Франціи находится въ рукахъ поселянъ собственниковъ; а въ этой части раздробленіе далеко отъ крайности, какъ мы теперь видимъ; сообразивъ это, вѣроятно мы скажемъ, что вредныя послѣдствія раздробленія земли еще не достигли страшной величины.

[Факты, менѣе предположительные, чѣмъ приведенные выше, представлены изслѣдованіями де-Лаверня. По свидѣтельству этого высокаго авторитета, изъ пяти милліоновъ мелкихъ поселянъ собственниковъ три милліона, по крайней мѣрѣ, платятъ менѣе десяти франковъ подати, и владѣютъ, среднимъ счетомъ, только однимъ гектаромъ (2½ экра). Два милліона платятъ отъ десяти до пятидесяти франковъ и владѣютъ среднимъ числомъ шестью гектарами, или пятнадцатью экрами. Эти послѣдніе, — говоритъ де-Лавернь, — «имѣютъ иногда дѣйствительное довольство. Ихъ собственность раздробляется наслѣдствомъ; но многіе изъ нихъ постоянно дѣлаютъ новыя пріобрѣтенія покупкой, и въ цѣломъ они стремятся скорѣе возвышаться, чѣмъ опускаться на лѣстницѣ богатства». Относительно количества долговъ, лежащихъ на поземельной собственности поселянъ, факты въ высшей степени и неожиданно благопріятны. По новѣйшимъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, средняя цифра долговыхъ обязательствъ на всей поземельной собственности Франціи, по свидѣтельству де-Лаверня, не превышаетъ

одной десятой ея цѣнности; и относительно собственности поселянъ она составляетъ только половину приведенной цифры, или одну двадцатую. Количество процентовъ, уплачиваемыхъ по этимъ долговымъ обязательствамъ, составляетъ не 40% изъ всего чистаго дохода, а только 10%; да и эта послѣдняя цифра, какъ думаетъ де-Лавернь, еще высока и въ дѣйствительности должна быть меньше, потому что послѣдніе кризисы произвели общее стремленіе къ ликвидаціи долговыхъ обязательствъ (Lavergne, Economie Rurale en France, с. 451—54)].

Но главный вопросъ не въ томъ, каково положеніе Франціи теперь, а въ томъ, что съ нею будетъ. Увеличивается ли раздробленіе земли, можно ли по крайней мѣрѣ ожидать, что оно увеличится? Защитники французской системы никогда не отрицали того, что во многихъ мѣстахъ Франціи земля слишкомъ раздроблена. Они только спорятъ противъ мнѣнія, будто это зло возрастаетъ. Они утверждаютъ, что раздробленность достигла своего предѣла, и что теперь ея раздробленіе уравновѣшивается соединеніемъ участковъ черезъ покупку, бракосочетанія и наслѣдства. Каково положеніе дѣла въ этомъ отношеніи? Становятся или не становятся еще меньше владѣнія мелкихъ собственниковъ? Читатель удивится, когда найдетъ, что при всѣхъ своихъ усиліяхъ Рюбишонъ и авторъ статьи разбираемой нами не успѣли доказать, что раздробленіе усиливается въ этомъ смыслѣ.

Авторъ статьи имѣетъ курьезную теорію по этому вопросу. Онъ думаетъ, что «по вычисленному среднему количеству трехъ дѣтей у каждаго собственника», земля, принадлежащая теперь одному собственнику, необходимо должна быть раздѣлена между тремя лицами въ слѣдующемъ поколѣніи, и между девятью лицами въ третьемъ поколѣніи. При какой системѣ поземельной собственности могло бы населеніе возрастать въ этой пропорціи и не дойти до нищеты? Но дѣло въ томъ, утраивается ли гдѣ бы то ни было населеніе съ каждымъ поколѣніемъ? Авторъ статьи строитъ тутъ ошибку на ошибкѣ самымъ сбивчивымъ образомъ. Во первыхъ ему слѣдовало бы сказать, что трое дѣтей наслѣдуютъ землю не отъ одного лица, а отъ двухъ лицъ; французскій законъ въ дѣлахъ собственности оказываетъ обоимъ поламъ ту безпристрастную справедливость, которой такъ часто мы не находимъ въ законахъ другихъ земель; потому имущество матери во Франціи среднимъ числомъ равняется имуществу отца. Во вторыхъ, почему авторъ статьи не потрудился справиться, въ какой пропорціи дѣйстви-

тельно возрастаетъ французское населеніе. Если бы онъ справился, онъ увидѣлъ бы, что въ 27 лѣтъ, съ 1815 по 1842 г. оно возрасло только на 18%, и что возрастаніе его прогрессивно уменьшалось въ этомъ періодѣ, такъ что въ первыя 11 лѣтъ оно возрасло на 9%, въ слѣдующія 9 лѣтъ меньше, чѣмъ на 6%, а въ 8 лѣтъ съ 1835 по 1842 г. всего только на 3 1/10% *). Мы осмѣлимся приписать это замедленіе главнымъ образомъ благоразумію и предусмотрительности, развивающимся въ бѣднѣйшемъ классѣ именно отъ раздробленности земли.

Если населеніе не утроилось въ теченіе поколѣнія, а увеличилось менѣе, чѣмъ на 20%, и если возрастаніе городовъ, развитіе не земледѣльческихъ занятій въ это время было таково, что поглотило всю эту прибыль, то нѣтъ необходимости увеличиваться раздробленію земли, и оно не могло увеличиться, каковъ бы ни былъ законъ. А французскіе города возрастали и продолжаютъ возрастать въ пропорціи гораздо высшей, чѣмъ возрастаетъ все населеніе страны. Недавно мы читали въ Siècle, что по послѣднему цензу Парижъ, имѣвшій въ 1832 г. только 930,000 жителей, въ 1846 г. имѣлъ болѣе 1.350,000, увеличеніе почти на 50% въ 14 лѣтъ **). Судя по этимъ общимъ даннымъ нельзя не думать, что раздробленіе земли ни мало не увеличивается.

Какіе факты противъ этихъ данныхъ могутъ выставить Рюбишонъ и авторъ статьи Quarterly Review? Только одинъ фактъ, кажущійся очень сильнымъ на первый взглядъ. Съ 1826 по 1835 годъ число участковъ, платящихъ поземельный налогъ, увеличилось больше, чѣмъ на 700,000, т. е. почти на 6% въ десять лѣтъ. Во первыхъ замѣтимъ, что 600,000 отдѣльныхъ участковъ означаютъ только около 300,000 владѣльцевъ: французскіе писатели вообще считаютъ, что одинъ владѣлецъ имѣетъ среднимъ числомъ около двухъ участковъ (côtes foncières) въ кадастровыхъ книгахъ. Но если бы авторъ статьи справился о томъ, что говоритъ раз-

---

*) Эти факты изъ Пасси. Теперь мы можемъ прибавить, что въ десять лѣтъ, съ 1847 до 1856 г. населеніе Франціи возрасло меньше, чѣмъ на 1%. Съ 1851 до 1856 все населеніе Франціи не увеличилось на столько, какъ населеніе одного Парижа. Почти во всѣхъ бѣднѣйшихъ департаментахъ населеніе уменьшилось. Journal des Economistes, февраль 1857 г.

**) Въ 1856 г. департаментъ Сены, состоящій почти только изъ одного Парижа, имѣлъ уже 1,720,000 жителей; въ то же время значительно увеличилось населеніе Ліона, Марсели, Сентъ-Этьена, Бордо и Нанта, или по крайней мѣрѣ департаментовъ, въ которыхъ лежатъ эти города.

бираемый имъ писатель ровно десятью страницами дальше (Мунье и Рюбишонъ, томъ I, стр. 110), онъ нашелъ бы достаточное объясненіе значительной части этого приращенія. Съ 1826 по 1835 годъ было продано государственныхъ земель почти на 134 милліона франковъ или 5½ милліоновъ фунтовъ (33 милліона руб. серебромъ). Такая продажа разумѣется дробитъ землю. Мы тѣмъ болѣе считаемъ нужнымъ приписывать значительную часть кажущагося увеличенія раздробленности этому обстоятельству, что въ предшествующее десятилѣтіе число участковъ по кадастровымъ книгамъ возрасло лишь съ небольшимъ на 200,000; это возрастаніе у автора статьи представлено страшнымъ доказательствомъ увеличенія зла; а мы полагаемъ, что часть его произошла отъ продажи государственныхъ земель, которая производилась и въ это предшествующее десятилѣтіе въ значительномъ размѣрѣ, хотя не въ такомъ большомъ, какъ въ слѣдующее десятилѣтіе.

Кромѣ государственныхъ земель въ эти годы было также продано большое количество общинныхъ земель. Далѣе необходимо вычесть увеличеніе числа кадастровыхъ участковъ, происшедшее отъ расширенія городовъ, постройки новыхъ зданій и естественнаго дробленія городской собственности въ теченіе 10 лѣтъ. Всѣ эти суммы надобно съ точностію вычислить и вычесть изъ цифры приращенія, прежде чѣмъ можно будетъ съ достовѣрностью утверждать, что въ сельскихъ округахъ число участковъ хотя сколько нибудь увеличилось за этотъ періодъ. А если бы и увеличилось въ нихъ число участковъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, что увеличилось раздробленіе мелкихъ участковъ. Могло быть, что дѣлились большія помѣстья, и мы полагаемъ, что многія изъ нихъ дѣйствительно были раздѣлены,—быть можетъ только въ этомъ и состояло все увеличеніе числа сельскихъ участковъ. Мы не находимъ никакого основанія предполагать, что мелкіе участки дробились на части болѣе мелкія, или что сколько нибудь уменьшился средній размѣръ земли, принадлежащей одному семейству поселянъ.

Мы имѣемъ цифру ближе и точнѣе всѣхъ цифръ Рюбишона относящуюся къ вопросу. Въ послѣдніе годы производится во Франціи новый кадастръ, перепись земель съ оцѣнкою ихъ. Операція эта кончена въ 37 кантонахъ, разбросанныхъ по всей Франціи, а еще въ 21 кантонѣ она почти кончена. Въ 37 кантонахъ, гдѣ она кончена, число участковъ, по прежнему кадастру (1809—1810) бывшее 154,266, увеличилось только на 9,011, т. е., гораздо больше чѣмъ въ 30 лѣтъ меньше чѣмъ на 18%; а во многихъ кантонахъ значительно

уменьшилось. Изъ этой прибавившейся цифры надобно вычесть увеличеніе, происшедшее отъ постройки новыхъ домовъ, отъ продажи государственныхъ и общинныхъ земель. Собраны цифры еще о другихъ 21 кантонѣ; число поземельныхъ участковъ въ нихъ еще не обнародовано, но обнародовано число отдѣльныхъ полосъ земли (parcelles),—оно уменьшилось въ эти годы; въ числѣ этихъ кантоновъ находится большая часть подгородныхъ парижскихъ округовъ (banlieue), принадлежащихъ къ самымъ раздробленнымъ въ цѣлой Франціи; въ нихъ раздробленіе уменьшилось на цѣлые 16%. Подробности находятся въ брошюрѣ Пасси «Des Systèmes de Culture». Таковы-то страшные успѣхи дробленія земли.

Говоря объ этомъ предметѣ, мы не можемъ не замѣтить одного изъ поразительнѣйшихъ доказательствъ, которыми авторъ статьи засвидѣтельствовалъ свою неприготовленность къ изысканію, его занимающему. Онъ съ прискорбіемъ говоритъ о чрезвычайно многочисленныхъ продажахъ поземельной собственности, постоянно производимыхъ по его словамъ французскимъ закономъ о наслѣдствѣ; дѣйствительно въ 10 лѣтъ была продана цѣлая четвертая часть всей поземельной собственности во Франціи. Какимъ бы образомъ ни смотрѣли мы на эту громадную цифру продажъ, она служитъ гигантскимъ аргументомъ противъ самого автора статьи: если законъ о наслѣдствѣ приводитъ къ продажѣ земли, то продажа производится именно для того, чтобы не раздроблять землю. А если земля, проданная по дѣйствію закона о наслѣдствѣ, все-таки раздѣлится, то раздѣленіе уже нельзя приписывать закону о наслѣдствѣ,—оно будетъ только доказывать, что мелкими участками земля продается дороже, т. е. бѣдняки или, по увѣренію автора, нищіе могутъ платить за землю дороже, чѣмъ богатые. Это показываетъ, что французскіе бѣдняки не до такой степени бѣдны, какъ увѣряютъ насъ нѣкоторые писатели, и если они бѣдны, то пріобрѣтеніе ими денегъ на покупку земли показываетъ, что они трудолюбивѣйшіе и бережливѣйшіе люди въ цѣломъ мірѣ, а эти качества ихъ вѣроятно происходятъ хотя отчасти оттого, что они поземельные собственники.

II.

Мы показали, что изъ французскихъ поселянъ собственниковъ тѣ четыре милліона, которые имѣютъ меньше, чѣмъ по 20 экровъ земли, имѣютъ, среднимъ числомъ, по $8^1/_2$ экровъ; такой выводъ

сдѣланъ основательнѣйшими изслѣдованіями вопроса, и нѣтъ возможности дойти основательнымъ образомъ до средней пропорціи, которая была бы значительно ниже этой, а такой фактъ совершенно несовмѣстенъ съ положеніемъ близкимъ къ нищетѣ, въ которомъ выставляютъ намъ этихъ поселянъ Рюбишонъ и авторъ статьи Quarterly Review. Столь же несомнѣненъ фактъ, что если эти мелкіе участки воздѣлываются дурно, то не мелкость ихъ служитъ причиною плохой обработки. Хозяйства такого размѣра могутъ быть воздѣлываемы въ полномъ совершенствѣ, доступномъ какому бы то ни было хозяйству.

Но теперь мы должны заняться раздробленностью другаго рода, доходящею до серьезныхъ неудобствъ и неизмѣнно имѣющею сильное стремленіе задерживать земледѣліе въ низкомъ состояніи. Эта раздробленность состоитъ не въ томъ, что земля раздѣлена между многими собственниками, а въ томъ, что земля каждаго собственника раздѣлена на разбросанныя полосы, или, по техническому выраженію, parcelles. Это неудобство существуетъ не въ одной Франціи, оно замѣчается также въ цюрихскомъ кантонѣ и въ Пфальцѣ; въ Ирландіи берутся въ наймы однимъ фермеромъ также разбросанныя полосы. Во Франціи она доходитъ до такой чрезмѣрности, что число parcelles въ десять разъ больше числа участковъ, а каждое семейство собственниковъ имѣетъ по два участка, стало быть во Франціи поземельная собственность каждаго владѣльца состоитъ изъ двадцати кусковъ въ 20 разныхъ мѣстахъ,— фактъ курьезный, и неудобныя слѣдствія его чувствуются всѣми съ каждымъ годомъ сильнѣе; эти слѣдствія—большая трата времени и труда; потеря удобной земли на межи и тропинки; невозможность пройти на многія parcelles иначе, какъ по чужой землѣ; безконечныя ссоры и частыя тяжбы. Очевидно, какимъ препятствіемъ для многихъ земледѣльческихъ улучшеній должны служить мелкость и разбросанность parcelles, перемѣшанныхъ съ землями другихъ владѣльцевъ.

Довольно значительную часть этого дурнаго положенія должно приписать французскому закону о наслѣдствѣ. Когда поземельная собственность подвергается двойному процессу раздѣла и соединенія, то неизбѣжно будетъ происходить нѣкоторая разбросанность владѣній; напримѣръ по бракосочетаніямъ вообще должны соединяться участки, лежащіе не рядомъ между собою. Но если бы родители имѣли право завѣщанія, то владѣтель 20 parcelles, не измѣняя духу закона о равномъ раздѣлѣ, отдалъ бы нѣкоторые изъ

этихъ кусковъ цѣликомъ одному изъ своихъ дѣтей, а другіе другому. Вмѣсто этого законъ требуетъ *совершеннаго* раздѣла, а вообще невозможно уравнять цѣнности земель разнаго плодородія, виноградниковъ, луговъ, пашней, такъ, чтобы удовлетворить каждаго; потому, когда наслѣдники не продаютъ землю для раздѣла денегъ, а дѣлятъ самую землю, то каждый изъ нихъ обыкновенно требуетъ доли parcelles, не соглашаясь взять цѣликомъ нѣкоторыя изъ этихъ parcelles; особенно бываетъ это въ отсталыхъ частяхъ Франціи. Безъ сомнѣнія этому надобно приписывать изумительное размноженіе маленькихъ клочковъ земли во многихъ частяхъ Франціи.

Этотъ родъ раздробленія вредитъ французскому земледѣлію и положенію поселянъ, значительно задерживая тѣ улучшенія, которыя могли бы произойти, и даже теперь происходятъ въ довольно большомъ размѣрѣ, не смотря на всѣ препятствія. Но онъ только задерживаетъ ихъ; Рюбишонъ и авторъ статьи ничѣмъ не могутъ доказать, что французское земледѣліе идетъ назадъ; напротивъ, есть положительныя доказательства, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи земледѣліе быстро и сильно улучшается.

Рюбишонъ и авторъ статьи Quarterly Review представляютъ таблицы средняго количества различныхъ родовъ пищи, потребляемой населеніемъ, таблицы количества скота, количества продукта съ одного гектара при разныхъ способахъ обработки и т. д. Таблицы эти составлены по оффиціальнымъ документамъ и, на сколько могутъ достигать точности таблицы подобнаго рода, мы не имѣемъ причины не считать точными таблицъ, приводимыхъ Рюбишономъ. Онѣ показываютъ низкое и отсталое положеніе земледѣлія, это такъ; но онѣ говорятъ только о настоящемъ; гдѣ же цифры о прошедшемъ? Во многихъ областяхъ Франціи земледѣліе плохо и не развито,—это извѣстно всей Европѣ. Но говорить, что когда нибудь оно было лучше, значитъ противорѣчить всѣмъ фактамъ, и мы не повѣримъ тутъ на слово Рюбишону, какъ не повѣримъ и его увѣренію, что общее положеніе массы народа ухудшается со временъ Людовика XIV, если не раньше *).

---

*) Въ первые годы царствованія Людовика XIV оно ухудшилось не потому, что поселяне покупали землю, а потому, что они были принуждены продавать ее. «Когда наши итальянскіе министры, говоритъ Мишле (Le Peuple, гл. 1), когда Мазарини, Эмери удвоивали налоги, аристократы, наполнявшіе дворъ, легко выпросили себѣ освобожденіе отъ налоговъ, такъ

Мы не можемъ не изумляться этимъ словамъ его. Маршалъ Вобанъ, принимаемый за великій авторитетъ людьми, которые сами достойны считаться авторитетами, принимаемый за авторитетъ даже и Рюбишономъ, полагалъ въ царствованіе Людовика XIV, что цѣлую десятую часть французскаго населенія составляютъ нищіе, а изъ остальныхъ 9/10 частей пять частей живутъ немногимъ лучше нищихъ. Лабрюйэръ, при томъ же Людовикѣ XIV, ставилъ себѣ въ заслугу то, что сказалъ парижскимъ салонамъ, что страшная, еще не описанная порода животныхъ, встрѣчаемая на поляхъ и очень любящая копаться въ землѣ, тоже люди, чего никто не предположилъ бы о нихъ. Нѣкоторые читатели можетъ быть вспомнятъ, какими красками описывалъ старикъ маркизъ Мирабо положеніе поселянъ въ срединѣ XVIII вѣка, немногимъ лучше описано оно у Артура Юнга, при началѣ революціи. Сравните же эти описанія съ какимъ хотите достовѣрнымъ описаніемъ, съ какимъ хотите свидѣтельствомъ наблюдательныхъ иностранцевъ или французовъ о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ. У Рюбишона нѣтъ цифръ о величинѣ рабочей платы. Мы совершенно согласны, чтобы дѣло было рѣшено по результатамъ какого угодно изслѣдованія объ этомъ вопросѣ.

Но возвратимся къ земледѣлію. Вспомнимъ, что въ началѣ нынѣшняго вѣка искусственные луга были можно сказать неизвѣстны въ большей части Франціи, что сѣвооборотъ состоялъ единственно изъ хлѣбныхъ растеній и пароваго поля; зная такое низкое положеніе земледѣлія, мы едва ли повѣримъ, что не произошло съ той поры значительнаго улучшенія даже въ самыхъ отсталыхъ частяхъ Франціи.

[Взглянемъ теперь на факты, собранные де-Лаверномъ. Невоздѣланныя земли уменьшились, съ 1789, отъ десяти милліоновъ гектаровъ до пяти. Число гектаровъ подъ пшеницей поднялось

что двойное бремя упало всею своею тяжестію на плеча слабыхъ и бѣдныхъ, которые были принуждены продавать свою только что пріобрѣтенную землю и снова становиться съемщиками, фермерами, половниками, поденьщиками. Прошу и умоляю нашихъ законодателей и администраторовъ прочесть подробности о гибельной реакціи Мазарини и Людовика XIV въ полныхъ негодованія и скорби страницахъ описанія, составленнаго великимъ гражданиномъ Пезаномъ де Буагильберомъ, и недавно перепечатаннаго въ Collection des Economistes. Пусть эта исторія послужитъ для нихъ предостереженіемъ нынѣ, когда разные интересы стараются остановить главнѣйшее для Франціи дѣло пріобрѣтенія земли работниками.

отъ четырехъ до шести милліоновъ, между тѣмъ какъ низшій сортъ хлѣба, рожь, упала; земля подъ искусственными травами увеличилась отъ одного до трехъ милліоновъ; подъ болѣе рѣдкими и дорогими жатвами отъ 400,000 до милліона. «Благодаря этому лучшему распредѣленію почвы, которая доставляетъ шестью милліонами гектаровъ больше для скотоводства и слѣдовательно для умноженія удобреній; благодаря лучшему удобренію, орошенію, дренажу, болѣе удовлетворительной земледѣльческой работѣ, всѣ жатвы увеличились; пшеница, дававшая среднимъ числомъ только восемь гектолитровъ на гектаръ (исключая сѣмена), дастъ теперь двѣнадцать, а такъ какъ ширина засѣва также увеличилась, то цѣлое количество продукта болѣе чѣмъ удвоилось. Тоже произошло и съ домашнимъ скотомъ, который, получая вдвое больше пищи, увеличилъ вдвое свои произведенія, и въ качествѣ и въ количествѣ. Воздѣлываніе растеній для мануфактурнаго употребленія расширилось; шолкъ и полевая рѣпа упятерились; сахаръ туземнаго производства есть совершенно новый продуктъ; воздѣлываніе винограда удвоилось. Даже лѣсъ, лучше защищенный отъ опустошеній животныхъ, и лучше наблюдаемый вслѣдствіе усилившагося сбыта, достигъ увеличенія годовой прибыли, хотя очень часто на счетъ капитала» *).]

По слѣпой ревности, съ которою Рюбишонъ натягиваетъ все для подтвержденія своей теоріи, онъ много толкуетъ объ увеличеніи пространства земли, занимаемаго корнеплодными и другими низшими растеніями, видя въ этомъ доказательство, что народъ обращается къ пищѣ, худшей, чѣмъ прежняя; авторъ статьи Quarterly Review усердно повторяетъ его слова. Но вѣдь точно также увеличиваются посѣвы этихъ растеній въ Англіи; вѣдь для улучшенныхъ сѣвооборотовъ необходимымъ условіемъ служитъ, что бы воздѣлываніе другихъ растеній увеличивалось въ большей пропорціи, чѣмъ посѣвы хлѣба, увеличивалось отчасти даже на счетъ низшихъ сортовъ хлѣба.

Мы уже говорили и теперь повторяемъ, что очень значительная часть земли во Франціи обработывается дѣйствительно неудовлетворительнымъ образомъ; но лучше ли стала бы воздѣлываться земля при большой собственности? Лучше ли воздѣлывается она въ большихъ помѣстьяхъ? Рюбишонъ и авторъ статьи гово-

---

*) Economie Rurale de la France, pp. 52, 53.

рятъ, что мелкая собственность «создаетъ во Франціи новую Ирландію», но изъ другихъ страницъ книги самаго Рюбишона мы видимъ, что большія помѣстья въ отсталыхъ частяхъ Франціи составляютъ истинную Ирландію: въ нихъ существуетъ самая худшая черта дурнаго ирландскаго хозяйства, система миддельменства. По словамъ де-Шатовьё, большіе собственники центральныхъ департаментовъ имѣютъ общій обычай сдавать свое помѣстье цѣликомъ одному миддельмену, обыкновенно стряпчему или нотаріусу, который сдаетъ эту землю мелкими участками по системѣ половничества; онъ, какъ и въ Ирландіи, самый жестокій и алчный господинъ; надобно еще прибавить, что снявъ землю на короткое время и не будучи сельскимъ хозяиномъ, онъ разумѣется не дѣлаетъ никакихъ расходовъ на ея улучшеніе. Изъ 57 милліоновъ экровъ земли, отдаваемой въ наемъ, только 21 милліонъ воздѣлываются фермерами, платящими опредѣленную ренту; а 36 милліоновъ по системѣ половничества, которая во Франціи соединяетъ въ себѣ всѣ невыгодныя стороны мелкой собственности, не имѣя почти ни одной изъ выгодъ ея. Единственнымъ исключеніемъ служитъ Вандея, съ нѣсколькими сосѣдними департаментами, гдѣ большіе собственники живутъ въ своихъ помѣстьяхъ въ патріархальныхъ отношеніяхъ къ своимъ фермерамъ, — тамъ, какъ въ Тосканѣ, половники если не по условію, то по обычаю пользуются своими участками наслѣдственно. Мы не думаемъ, чтобы нашлась во Франціи такая мѣстность, гдѣ земля мелкихъ собственниковъ воздѣлывалась бы дурно, а земля большихъ собственниковъ хорошо. Положеніе земледѣлія у тѣхъ и другихъ бываетъ одинаково дурно или одинаково хорошо. Гдѣ въ большихъ хозяйствахъ земля воздѣлывается хорошо, тамъ хорошо воздѣлываютъ свою землю и пользуются благосостояніемъ также и мелкіе собственники.

Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію обстоятельства, бывшаго прежде и остающагося теперь главною причиною дурнаго положенія сельскаго хозяйства во Франціи и слишкомъ слабаго приложенія капитала къ земледѣлію. Эта причина — исключительное пристрастіе богатыхъ и среднихъ сословій къ городской жизни и городскимъ дѣламъ, вмѣстѣ съ общимъ недостаткомъ предпріимчивости по отношенію къ промышленнымъ улучшеніямъ у французской націи. Эпиграмма Рюбишона, что «французъ вообще знаетъ только одинъ способъ богатѣть—скуность», не эпиграмма, а чистая правда. Французъ не понимаетъ, что надобно сѣять деньги щедрою рукой, чтобы пожать много денегъ. Вотъ причина, по ко-

торой, для выгоднѣйшей продажи большаго помѣстья, надобно во Франціи раздробить его на мелкіе участки. Благодаря революціи, существованію мелкой собственности и своей изумительной бережливости, поселяне имѣютъ средства покупать землю, и ихъ сбереженія вмѣстѣ съ деньгами, которыя разсчетливо занимаютъ они съ тою же цѣлью, составляютъ единственную часть богатства страны, обращаемую на это дѣло. Часто мы читаемъ, что капиталистамъ невыгодно покупать землю по чрезмѣрной цѣнѣ, какую даютъ поселяне по своей страсти къ покупкѣ земли, — цѣна эта часто доходитъ до того, что рента составляетъ только $^1/_2$% съ нея. Невыгодно платить такую цѣну для того, кто думаетъ праздно жить рентою въ Парижѣ или въ одномъ изъ большихъ провинціальныхъ городовъ. Но если бы владѣльцы денежнаго богатства, столь быстро возрастающаго въ фабричныхъ и торговыхъ округахъ, имѣли хотя искру наклонности къ земледѣльческимъ улучшеніямъ, то одною изъ выгоднѣйшихъ спекуляцій было бы покупать землю во многихъ плодородныхъ и плохо воздѣлываемыхъ частяхъ Франціи, хотя бы цѣна была еще выше, хотя бы рента доставляла даже менѣе чѣмъ $2^1/_2$% съ нея,—рента эта чрезмѣрно низка и скоро удвоилась или утроилась бы чрезъ приложеніе капитала, если бы владѣлецъ имѣлъ сколько нибудь земледѣльческаго знанія и предпріимчивости. Если мелкое хозяйство хотя въ половину такъ невыгодно, какъ утверждаютъ, то находилась бы соразмѣрная его невыгодности выгода въ замѣненіи его большимъ хозяйствомъ. Но у народа, не любящаго заниматься сельскимъ хозяйствомъ, любящаго идти къ пріобрѣтенію богатства рутинными путями, не можетъ быть другихъ сельскихъ хозяевъ, кромѣ самихъ поселянъ.

III.

Главнымъ аргументомъ противъ мелкой собственности служитъ Рюбишону и его англійскимъ послѣдователямъ количество скота; не напрасно они такъ много говорятъ объ этомъ, потому что тутъ они имѣютъ для своихъ выводовъ безспорное фактическое основаніе, впрочемъ основаніе не столь обширное, чтобы могла держаться на немъ возводимая ими теорія. Въ нѣкоторыхъ изъ главныхъ городовъ, особенно въ Парижѣ, потребленіе мяса уменьшилось. Количество привозимаго въ нихъ мяса значительно увеличилось, но увеличилось меньше, чѣмъ населеніе. Фактъ этотъ несомнѣненъ, потому что тутъ есть достовѣрныя цифры для прошедшаго

и для настоящаго. Въ 1789 году среднее потребленіе мяса въ Парижѣ было 68 килограммовъ (полтораста фунтовъ) на жителя; въ 1841 году оно было только 55 килограммовъ (121 фунтъ); съ тѣмъ вмѣстѣ жалуются, что качество мяса стало хуже.

Авторъ статьи Quarterly Review очень безцеремонно отстраняетъ объясненіе, какое даетъ этому факту Кюненъ-Гриденъ, министръ торговли и земледѣлія: «этого нельзя объяснить измѣненіемъ, происшедшимъ въ составѣ рабочихъ классовъ, тѣмъ, что Парижъ сдѣлался самымъ *фабричнымъ* городомъ въ Европѣ.» Кюненъ-Гриденъ говоритъ «самымъ промышленнымъ» (industrielle),— это не совсѣмъ то, что «фабричный» (manufacturing); но такъ и быть. Авторъ статьи замѣчаетъ: «такое объясненіе странно. Новое населеніе Парижа должно довольствоваться одною унціею (т. е. 5 унціями) мяса въ день. Почему же это? Э! да вѣдь эти люди фабричные работники, говоритъ либеральный министръ. Такое рѣшеніе будетъ не очень пріятно нашимъ теоретикамъ, думающимъ, что расширеніе фабрикъ однозначительно съ улучшеніемъ участи рабочаго сословія. Министръ Людовика-Филиппа откровеннѣе ихъ: онъ *прямо думаетъ*, что фабричное населеніе по необходимости должно имѣть пищу хуже другихъ сословій.» Авторъ статьи очевидно не Эдипъ. Но на другой страницѣ у Рюбишона онъ могъ бы найти, что значатъ слова министра. Въ Парижѣ до революціи, говоря сравнительно, вовсе не было производства, а было только потребленіе; населеніе состояло изъ большихъ землевладѣльцевъ, придворныхъ и сановниковъ, содержимыхъ государствомъ, изъ банкировъ, откупщиковъ, поставщиковъ и другихъ денежныхъ людей, также изъ большихъ и мелкихъ торговцевъ, снабжавшихъ этихъ богатыхъ потребителей товарами; почти не было въ немъ работниковъ, кромѣ тѣхъ, какіе необходимы для столь большаго города. Каждому понятно, что въ такомъ городѣ богатые потребители должны составлять чрезвычайно значительную пропорцію по отношенію къ числу бѣдныхъ потребителей. Предположимъ теперь, что на этомъ мѣстѣ выросъ Манчестеръ и Гласго. Очевидно, что къ богатому классу прибавится отъ этого небольшое число людей, а къ бѣдному въ 20 разъ больше. Мы знаемъ, что главными потребителями мяса во Франціи служатъ высшій и средній классы, а бѣдный классъ потребляетъ его очень мало; если такъ, то при данномъ измѣненіи доля каждаго бѣднаго жителя можетъ увеличиться, между тѣмъ какъ среднее потребленіе на каждаго жителя въ цѣломъ городѣ можетъ значительно уменьшиться, по уменьше-

нію пропорціи богатыхъ людей. Мы увѣрены, что оно такъ и было на самомъ дѣлѣ, и что значительное возрастаніе низшихъ сортовъ мяса, привозимыхъ въ Парижъ, надобно считать идущимъ на потребленіе не тѣхъ людей, которые прежде потребляли лучшіе сорты, а тѣхъ людей, изъ которыхъ многіе прежде почти вовсе не ѣли мяса.

Но этимъ объясняется еще не вся происшедшая перемѣна. *Цѣна* мяса поднялась на парижскомъ рынкѣ такъ значительно, что стала причиною большихъ лишеній и жалобъ. Это возвышеніе цѣны можно приписывать разнымъ причинамъ. Во первыхъ, «Франція до послѣдняго времени постоянно покупала много скота за границею, и до 1814 г. съ него не взималось никакой пошлины, а въ 1814 г. была наложена пошлина по 3 франка съ каждой головы пригоняемаго скота;» а въ 1824 г. «пошлина была вдругъ поднята до 55 франковъ, отчего пригонъ скота изъ за границы почти совершенно прекратился.» (M'Culloch's Geographical Dictionary, ст. France). Во вторыхъ, городскія пошлины (octroi), нынѣ столь обременительныя, въ 1789 г. вовсе не существовали, а по своемъ установленіи нѣсколько разъ были значительно повышаемы и въ Парижѣ и почти во всѣхъ другихъ городахъ. Третья причина та, что продажа мяса въ Парижѣ составляетъ монополію: число мясниковъ опредѣлено, и притомъ такъ мало, что привиллегія эта имѣетъ большую денежную цѣнность *). Мы думаемъ, что это главная причина высокой цѣны мяса въ Парижѣ и уменьшенія его потребленія. Два обстоятельства подтверждаютъ наше мнѣніе почти до несомнѣнности. Первое изъ нихъ: между тѣмъ какъ потребленіе мяса на каждаго жителя уменьшилось, потребленіе почти всѣхъ другихъ припасовъ значительно увеличилось. Второе обстоятельство то, что въ парижскихъ загородныхъ частяхъ (banlieue), отличающихся отъ самаго Парижа только тѣмъ, что онѣ лежатъ за пошлинными заставами и свободны отъ монополіи мясниковъ, потребленіе мяса на каждаго жителя не уменьшилось, а увеличилось; говорятъ, что оно увеличилось и во всѣхъ большихъ городахъ Франціи, кромѣ Парижа **).

Но если не считать этихъ обстоятельствъ причинами уменьшенія въ потребленіи мяса, то уже почти достаточною причиною

---

*) Теперь это уже не такъ, потому что это занятіе съ 1862 года открыто для всѣхъ.

**) Вотъ цифры, относящіяся къ первому обстоятельству: «потребленіе сливочнаго масла, простиравшееся въ 1812 г. на сумму 6,935,929 франковъ,

долженъ считаться самый тотъ фактъ, что населеніе Парижа возрастаетъ и возрастаетъ быстро. Въ 14 лѣтъ населеніе Парижа возрасло на 400 или 500 тысячъ человѣкъ, т. е. почти на цѣлую половину. Земледѣліе страны непремѣнно должно быстро улучшиться, чтобы могло произойти такое увеличеніе одного рынка и рынокъ этотъ не былъ принужденъ получать свои товары съ большаго пространства изъ мѣстъ болѣе отдаленныхъ, слѣдовательно съ увеличеніемъ издержекъ. Какъ могли бы снабжаться нынѣ припасами лондонскіе рынки безъ нашей большой каботажной торговли и безъ изобрѣтенія паровыхъ сообщеній, которыми мы получаемъ не только живой скотъ, но и мясо съ концовъ Шотландіи не дороже того, чѣмъ прежде стоилъ провозъ изъ Бэкингемскаго графства? Скотъ на парижскіе рынки надобно доставлять сухимъ пу-

---

возвысилось въ 1847 г. до 13,303,435 франковъ; потребленіе морской рыбы въ 1812 г. бывшее на 4,183,532 франка, простиралось въ 1847 г. до 6,908,423 франковъ; яицъ въ 1823 г. потреблялось на 3,857,150 франковъ, а въ 1847 г. на 6,727,867 фр. Птицы потреблялось въ 1833 г. почти на 7,000,000, въ 1842 г. на 10,000,000, а въ слѣдующихъ годахъ болѣе, чѣмъ на 9,000,000 франк. Изъ этого слѣдуетъ, что въ теченіе послѣднихъ 35 лѣтъ потребленіе сливочнаго масла, яицъ, птицы и морской рыбы, принадлежащихъ къ важнѣйшимъ съѣстнымъ припасамъ, возрастало быстрѣе населенія, между тѣмъ какъ потребленіе мяса уменьшилось на 10 килограммовъ для жителя, или на 20%.

Вотъ цифры, относящіяся ко второму обстоятельству: въ 1812 г. населеніе парижскихъ загородныхъ частей было около 91,000. Это населеніе потребляло тогда 8,930 быковъ, 528 коровъ, 6,844 телятъ и 27,558 барановъ, дававшихъ всего мяса около 3,500,000 килограммовъ, т. е. около 38½ килограммовъ на человѣка въ годъ. Съ 1812 г. потребленіе мяса и число населенія въ загородныхъ частяхъ постоянно возрастали, но не въ одинаковой пропорціи. Въ 1821 потребленіе было 5,400,000 килограммовъ, а послѣ того постоянно увеличивалось и наконецъ въ 1835 г. дошло до 8,500,000 килограммовъ. Населеніе загородныхъ частей въ этомъ году было 170,000 жителей и среднее потребленіе на человѣка было по 50 килограммовъ въ годъ,— это значитъ, что потребленіе съ 1812 до 1835 увеличилось до 11½ килогр. Замѣтимъ, что въ этихъ цифрахъ потребленія загородныхъ частей мы брали только мясо, купленное на парижскихъ скотныхъ рынкахъ, потому что не опредѣлено и нельзя опредѣлить цифру скота, купленнаго загородными мясниками на провинціальныхъ ярмаркахъ и рынкахъ и въ деревняхъ. О потребленіи парижскихъ загородныхъ частей съ 1835 г. мы не имѣемъ цифръ. Изумительному увеличенію потребленія въ парижскихъ загородныхъ частяхъ соотвѣтствуетъ такое же увеличеніе во всѣхъ большихъ городахъ Франціи, кромѣ Парижа.

Эти подробности взяты нами изъ статьи Шарля Беранже, въ газетѣ «La République,» 1 янв. 1851 г.

темъ изъ-за 50 и 150 льё (это свидѣтельствовала коммиссія парижскаго муниципальнаго совѣта, въ 1841 г.); прошедши такое разстояніе скотъ долженъ продаваться исхудалымъ, или откармливаться въ окрестностяхъ столицы. Надобно ли удивляться, что удвоившееся населеніе стало получать мясо дороже, чѣмъ прежде, когда было вдвое меньше.

Къ этимъ причинамъ уменьшенія доставки мяса въ городахъ мы смѣло прибавимъ еще другую причину, существованіе которой выводится главнымъ образомъ изъ общихъ соображеній, но можетъ быть доказано и положительными данными. Эта причина — увеличеніе потребленія между поселянами. У нихъ теперь остается для городовъ пропорція мяса, меньшая прежней, потому что больше прежняго обращаютъ они на свою собственную пищу.

На чемъ основывается мнѣніе, что съ мелкою собственностію неразлученъ недостатокъ скота и слѣдовательно недостатокъ удобренія? Знатоки согласны, что она неблагопріятна овцеводству; но разведеніе и откармливаніе рогатаго скота совершенно совмѣстно съ мелкимъ капиталомъ, такъ что по мнѣнію многихъ континентальныхъ авторитетовъ мелкое хозяйство имѣетъ въ этомъ отношеніи преимущество надъ большимъ, и преимущество столь значительное, что имъ съ излишествомъ вознаграждается перевѣсъ большаго хозяйства по числу овецъ. (Вопросъ этотъ разсмотрѣнъ у насъ въ кн. 1, гл. 9, стр. 188—191). Говорятъ, что мелкая собственность должна уменьшать число скота, имѣя тенденцію распахивать пастбища. Но если пастбища имѣютъ почву удобную для пашни, то часть этой земли, засѣваемая корнеплодными растеніями и кормовыми травами, будетъ содержать больше скота, чѣмъ содержала вся земля, находясь подъ пастбищемъ; а при кормленіи скота въ стойлахъ получается гораздо больше удобренія, чѣмъ когда скотъ ходитъ по пастбищамъ. По отношенію къ скоту вопросъ о мелкомъ хозяйствѣ совершенно совпадаетъ съ вопросомъ о кормленіи скота въ стойлѣ. Оба они неразрывно связаны. При равенствѣ прочихъ условій кормленіе въ стойлѣ даетъ больше продукта, но, по мнѣнію всѣхъ знатоковъ, качество этого продукта хуже; такъ ли это, долженъ рѣшить опытъ.

Это снова приводитъ насъ къ причинамъ, которыми коммиссія парижскаго городскаго совѣта объясняетъ упадокъ въ качествѣ мяса, потребляемаго Парижемъ. Одна изъ этихъ причинъ—сильное увеличеніе въ потребленіи молочныхъ продуктовъ. Молоко теперь покупается для Парижа на цѣлыхъ 30 льё кругомъ, и въ окруж-

ности 6 или 7 льё отъ Парижа уже не выкармливается телятъ,— они продаются какъ можно скорѣе. Потому значительную часть говядины, продаваемой въ Парижѣ, составляетъ мясо старыхъ коровъ, переставшихъ давать молоко. Второю причиною коммиссія ставитъ то, что распространяется кормленіе въ стойлахъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ коммиссія замѣчаетъ фактъ очень поучительный. Она говоритъ, что качество мяса стало хуже въ Нормандіи, доставляющей наибольшую часть мяса, потребляемаго Парижемъ; но въ Вандеѣ, въ центральныхъ провинціяхъ, Лимузенѣ, Ниверне, Бурбонне и Ла-маршѣ «скотъ увеличился вѣсомъ, сталъ жирнѣе, и въ нѣкоторыхъ округахъ возросъ числомъ», хотя эти области также приняли кормленіе въ стойлѣ; тутъ не слѣдуетъ видѣть противорѣчія, говоритъ коммисія: то, «что составляетъ ухудшеніе на богатыхъ пастбищахъ Кальвадосскаго департамента, составляетъ улучшеніе на плохихъ лугахъ департаментовъ Аллье и Ньевры.»

Предоставляемъ теперь самому читателю судить, правда ли, что наши противники также рѣшительно побиты въ этомъ важнѣйшемъ ихъ аргументѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, сколько ни будь важныхъ вопросахъ *).

Въ заключеніе этого спора мы не можемъ не представить данныхъ о чрезвычайномъ улучшеніи производительности земледѣлія въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи, — чрезвычайномъ и по количеству, и по быстротѣ. Беремъ эти данныя изъ изслѣдованія «О перемѣнахъ въ земледѣльческомъ положеніи департамента Эры.» Книга эта, изданная въ 1841 г., принадлежитъ писателю, на другую книгу котораго мы уже ссылались,—Ипполиту Пасси, который нѣсколько разъ былъ министромъ при Людовикѣ Филиппѣ, и извѣстенъ какъ одинъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ людей и

---

*) Потребленіе мяса въ Парижѣ, по видимому, значительно увеличилось съ той поры, какъ написаны были эти статьи. Мишель Шевалье (въ Journal des Economistes, іюль, 1856) сообщаетъ изъ основательной книги Гюссона Les consommations de Paris слѣдующую таблицу:

Среднее потребленіе животной пищи на человѣка

Говядина .	62	килогр.	586	граммовъ.
Свинина .	10	»	267	»
Птица . .	9	»	841	»
Рыба . .	12	»	767	»
Итого .	95	килогр.	461	граммъ.

Т. е. около 210 англійскихъ фунтовъ.

публицистовъ Франціи. Эра одинъ изъ 5 нормандскихъ департаментовъ, принадлежитъ къ полосѣ, имѣющей по признанію Рюбишона самое лучшее земледѣліе во Франціи; но Рюбишонъ утверждаетъ, будтобы земледѣліе хорошо въ ней только потому, что раздробленность земли еще не успѣла произвести своего дѣйствія, начавшись тутъ только со времени революціи, потому онъ предоставляетъ этому округу лишь преимущество Улиса въ Одиссеѣ,— преимущество быть пожраннымъ послѣ всѣхъ другихъ. Посмотримъ же теперь на факты. По счастью, департаментъ Эры имѣетъ подробную земледѣльческую статистику за 1800 годъ, составленную префектомъ, очень заботившимся о вѣрности своихъ данныхъ. Брошюра Пасси состоитъ въ сличеніи своихъ данныхъ съ цифрами, собранными французскимъ правительствомъ въ 1837 году.

Въ теченіи этихъ 37 лѣтъ почти не было распахано новыхъ земель, потому что почти всѣ удобныя земли были уже распаханы до 1800 года. Но количество паровыхъ полей съ 172,000 гектаровъ уменьшилось до 80,000 съ небольшимъ. Посѣвы, продовольствующіе скотъ, увеличились въ пропорціи гораздо значительнѣйшей, чѣмъ всѣ другіе; въ 1800 году они занимали только 17% воздѣланнаго пространства, а въ 1837 г. 37%. Число лошадей увеличилось съ 29,500 до 51,000, число рогатаго скота съ 51,000 до 106,000, число овецъ съ 205,000 до 511,000; а количество корма для нихъ возрасло еще больше, и кромѣ того стали привозить кормъ для нихъ изъ другихъ мѣстъ, потому всѣ породы домашняго скота стали имѣть лучшій кормъ, увеличились ростомъ, вѣсомъ и возвысились цѣнностію. Урожай всѣхъ сортовъ хлѣба и почти всѣхъ другихъ продуктовъ на гектарѣ значительно увеличился, въ нѣкоторыхъ сортахъ почти удвоился. Эти перемѣны произошли, главнымъ образомъ во вторую половину періода, такъ что положеніе улучшалось въ той прогрессіи, въ какой слѣдовало бы ему ухудшаться по теоріи Рюбишона. Пропорція между большимъ и малымъ хозяйствами почти измѣнилась; раздробленіе собственности не повело за собою раздробленія хозяйствъ. На почвахъ, на которыхъ выгоднѣе малое хозяйство, большія собственности отдаются въ наемъ мелкимъ фермерамъ; на почвахъ противоположнаго характера одинъ фермеръ часто снимаетъ земли нѣсколькихъ собственниковъ, и эта система распространяется по мѣрѣ того, какъ увеличивается раздробленіе собственности. Среднее потребленіе пищи на человѣка значительно увеличилось, по словамъ Пасси, на 37%, а земледѣльческое богатство возрасло, по его оцѣнкѣ,

на 54%, между тѣмъ какъ населеніе увеличилось только на 5% *).

Эра—одинъ изъ самыхъ производительнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ департаментовъ Франціи, но не самый производительный или дѣятельный. По словамъ Пасси, Сѣверный департаментъ (Nord), занимающій большую часть французской Фландріи имѣетъ скота, соразмѣрно пространству, цѣлою третью больше, чѣмъ Эра; средній сборъ пшеницы съ гектара въ Эрѣ 17, а въ Сѣверномъ департаментѣ 20 гектолитровъ (около 22 англійскихъ бушелей съ экра), не смотря на то, что Сѣверный департаментъ — страна малаго хозяйства.

Статистическій отчетъ о Фужерскомъ округѣ, изданный въ 1845 году подъ—префектомъ его Бертеномъ, даетъ почти столь же удовлетворительные результаты относительно этого восточнаго края Бретани, далеко отставшаго отъ Эры. Бертенъ, разсуждая основательно, говоритъ между прочимъ: «земледѣліе этого округа стало дѣлать значительные успѣхи только по окончаніи войнъ (первой имперіи); съ 1815 года оно улучшалось съ возрастающею быстротою. Если улучшеніе съ 1815 до 1825 г. принять за 1, то съ 1825 до 1835 оно было 3, а въ послѣднее десятилѣтіе — 6». Въ началѣ нынѣшняго вѣка сѣялось много пшеницы, и сборы были такъ дурны, что въ 1809 году гектаръ производилъ только 9 гектолитровъ. Нынѣшній сборъ Бертенъ полагаетъ въ 16 гектолитровъ. Скотъ кормится лучше и разводится отъ лучшихъ породъ, потому сталъ рослѣе и сильнѣе; число рогатаго скота, большее въ 1814 г. 33,000, возрасло въ 1844 до 52,000, число овецъ съ 6,300 до 11,000, свиней съ 9,300 до 26,100, — лошадей съ 7,400 до 11,600. Введены и вошли въ большое употребленіе новые, хорошіе способы удобренія. Количество луговъ постояннно увеличивается и обращается много заботы на улучшеніе ихъ качества. Это свидѣтельствуетъ противникъ раздробленности; онъ говоритъ также, что она увеличивается очень медленно и вѣроятно уже не увеличится замѣтнымъ образомъ, потому что наслѣдники не дѣлятъ каждаго куска, но или раздѣляютъ между собою куски, или продаютъ ихъ. Нѣкоторые изъ фермеровъ, имѣющихъ и собственную землю, говоритъ онъ, стали такъ умны, что продаютъ свои небольшія земли для увеличенія своего оборотнаго капитала. Бер-

*) Въ послѣднія два пятилѣтія, по цифрамъ ценсовъ и по спискамъ родившихся и умершихъ, населеніе даже уменьшилось.

*

тенъ противникъ кормленія въ стойлѣ, не принятаго въ Фуржескомъ округѣ. Тѣмъ замѣчательнѣе увеличеніе числа скота. Не безполезно замѣтить, что по свидѣтельству Бертена оффиціальныя таблицы, изъ которыхъ бралъ свои цифры Рюбишонъ, показываютъ количество рогатаго скота во Франціи гораздо ниже дѣйствительнаго числа, потому что въ нихъ при выводѣ итога случайно забыта одна изъ колоннъ цифръ, отчего итогъ вышелъ менѣе 10 милліоновъ, между тѣмъ какъ по словамъ Бертена ему слѣдуетъ быть 13 милліоновъ.

О пищѣ жителей Бертенъ говоритъ, что еще недавно она состояла почти исключительно изъ молока, гречневыхъ лепешекъ и ржанаго хлѣба, но значительно улучшилась количествомъ, качествомъ и разнообразіемъ, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, и теперь ее составляютъ: хлѣбъ пшеничный или изъ смѣси $^2/_3$ пшеничной муки съ $^1/_3$ ржаной, сливочное масло, овощи, и «въ хорошихъ хозяйствахъ» около килограмма ($2^1/_2$ фунтовъ) свинины въ недѣлю на человѣка. Работники ѣдятъ нѣсколько и другаго мяса, кромѣ свинины, и въ округѣ считается 63 мясныхъ лавки, а 15 лѣтъ тому назадъ не было и 30 лавокъ; цифра эта увеличилась не въ городахъ (точнѣе сказать не въ единственномъ городѣ округа), а въ деревняхъ. Одежда поселянъ тепла, «и для разныхъ временъ года они имѣютъ разную одежду, — это признакъ общаго благосостоянія; людей въ лахмотьяхъ мало.»

Мѣсто не дозволяетъ намъ продолжать этого уже длиннаго изслѣдованія. Но сказаннаго нами довольно, чтобы читатели могли сами разсудить, много ли правды въ предсказаніяхъ алармистовъ о страшныхъ послѣдствіяхъ раздробленія поземельной собственности во Франціи.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 003271878